БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ 18

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ТОМ 18

Российская академия наук
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2014

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ТОМ
18

XVII век

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2014

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
Б59

Под редакцией

Д. С. ЛИХАЧЕВА, Л. А. ДМИТРИЕВА,
Н. В. ПОНЫРКО

Подготовка текстов и комментарии

С. И. НИКОЛАЕВА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 95-06-18703*

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012—2018 годы)»*

ISBN 978-5-02-038317-3 (Т. 18)
ISBN 5-02-028307-X

СИЛЛАБИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ XVII ВЕКА

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ КНИЖНОГО СТИХОТВОРСТВА

Когда Кирилл и Мефодий закладывали основы старославянской литературы, то среди ее жанров были и стихотворные. По-видимому, сам Кирилл Философ писал силлабические стихи: таковы «Проглас» (предисловие) к Евангелию и похвала Григорию Назианзину. Болгария X—XI вв., унаследовавшая кирилло-мефодиевскую традицию, продолжала культивировать силлабическую безрифменную поэзию. Однако на Руси она не привилась. Хотя книжники древнекиевской эпохи легко различали прозу и стихи (об этом свидетельствует правильность пунктуации, с помощью которой выделялись стихотворные строки, в домонгольских пергаменных рукописях русского извода), они отказались от силлабического принципа. В переводах из византийских поэтов они не сохраняли стихотворный рисунок — не потому, что «не умели» это делать, а потому, что стремились передать прежде всего «смысл речей» оригинала, а не его форму.

Однако было бы неверным полагать, будто оппозиция стих—проза, одна из фундаментальных литературных оппозиций, вовсе не играла никакой роли в книжной словесности русского Средневековья. «Обычной» прозе (например, летописной) противостояла орнаментальная ритмическая проза торжественного красноречия и особенно молитвословий. В гимнографии ритмизация настолько отчетлива, что этот слой письменности надлежит рассматривать как «не-прозу», как заместитель и аналог стиха, и не случайно К. Ф. Тарановский предложил ввести в научный обиход термин «молитвословный стих».

Средневековая традиция оставалась в основном актуальной вплоть до XVII в. В Смутное время возникло стихотворство в нашем понимании — как осознанный, эстетически противопоставленный прозе способ организации письменной речи. Это было обусловлено двумя факторами. Первый из них — ломка прежних отношений между фольклором и «высокой» словесностью. Литературная «замятня» начала столетия открыла устной поэзии путь в рукописную книгу: от этого времени до нас дошел самый ранний сборник заговоров от болезней и порчи, а также старейшие списки «Сказания о киевских богатырях» и песни о

Гришке Отрепьеве. Письменность начинает фиксировать народные формы стиха — тонику и раешник.

Проникновение в литературу устной поэзии и ее приемов в эпоху Смуты, когда письменность развивалась в условиях «свободы слова», — явление объяснимое и закономерное. Но этот процесс характерен для всего вообще XVII в., и дело здесь не только в заданной Смутой инерции. Можно сказать, что даже репрессивная политика Церкви и государства против носителей фольклора — скоморохов — косвенным образом способствовала вторжению фольклора в письменность. Это звучит как парадокс, но парадоксальные ситуации обычны в культуре «бунташного» века.

Усвоению опыта европейской поэзии способствовали широкие, хотя и беспорядочные контакты с украинцами, белорусами и поляками, характерные для Смутного времени (история учит, что и в периоды военных конфликтов культурные и литературные связи не прерываются). Известно, например, что Лжедмитрий I завел при московском дворе музыку и пение, учредил придворные должности на польский манер. Логично предположить, что он не забыл и о должности придворного стихотворца (при польском королевском дворе и в замках магнатов поэзия была обиходным делом). Та сцена в «Борисе Годунове», когда Самозванец беседует с поэтом, исторически вполне уместна:

...Когда со мной свершится,
Судьбы завет, когда корону предков
Надену я, надеюсь вновь услышать
Твой сладкий глас, твой вдохновенный гимн.

Из возможных кандидатов на роль первого русского придворного поэта больше всего подходит фаворит Самозванца князь И. А. Хворостинин. Уже при Филарете, в конце 1622 или начале 1623 г., Хворостинина сослали в Кирилло-Белозерский монастырь за «шатость в вере». При обыске у князя нашли собственноручные его тетради «со многими укоризненными словами, писанными на вирш», т. е. со стихами против московских порядков. Из этих стихотворений до нас дошла только одна «вирша» (в узком смысле слова это означает рифмованное двустишие), приведенная в официальном указе: «Московские люди сеют землю рожью, а живут все ложью».

Из этой истории ясно, что Хворостинин настолько пристрастился к поэтическим занятиям, что сочинял «для себя» (это признак профессионального писателя). Он не только не рассчитывал на читателя, он его явно боялся — и не зря, как выяснилось, потому что обыск и ссылка воспоследовали по доносу княжеских холопов, которые, надо думать, не преминули украдкой заглянуть в заповедные тетради господина.

В монастыре Хворостинина содержали строго; книг, кроме церковных, не давали. Поместили его в «особой келье» под неусыпным присмотром «крепко-

го житьем» старца и принуждали неукоснительно выстаивать все службы. Это, видимо, нелегко давалось князю: согласно обвинению, в Москве он сам не ходил и дворню свою не пускал в церковь, говорил, что «молиться не для чего и воскресения мертвых не будет», не постился в страстную неделю и разговлялся до Пасхи.

Стихи «для себя» погубили Хворостинина; стихами «для читателя» он облегчил свою участь. Либо в Кирилло-Белозерском, либо в Троице-Сергиевом монастыре, где Хворостинин постригся и умер 28 февраля 1625 г., он написал огромный стихотворный, вполне православный богословский трактат «Изложение на еретики-злохульники» (около 1300 стихов). Показательно, что этот русский западник и «оправдывался» как профессиональный поэт — стихами.

Князь И. А. Хворостинин был не единственным, хотя самым плодовитым поэтом первых десятилетий XVII в. В те годы стихи писали Антоний Подольский, князь С. И. Шаховской, Евстратий, Иван Наседка. Это были разрозненные опыты, первые шаги на новом поприще. Впрочем, русский писатель овладевал «царицей искусств» с поразительной быстротой. К началу 30-х гг. в Москве сложилась поэтическая школа, которая активно функционировала вплоть до реформы патриарха Никона.

Это «приказная школа». Такое название предложено в итоге социологической характеристики товарищества ранних московских стихотворцев. В большинстве своем — это приказные администраторы, дьяки и подьячие. Почти каждый из них жил государевым жалованьем и был озабочен,

> где бы... в местечко сести, —
> нужно убо есть, воистинну нужно неимущему безо мьзды влести,
> где бы... бедному глава своя прокормити
> и женишко и детишек гладом не поморити.

Так писал один из плодовитых авторов 30-х гг. Михаил Злобин, о котором известно, что в 1638 г. он служил подьячим Посольского приказа и имел в Москве двор. Одно из первых мест в приказном сословии занимал дьяк Алексей Романчуков, возглавлявший в 1636—1638 гг. русское посольство в Персию. Русские путешествовали вместе с голштинской миссией, и секретарь ее Адам Олеарий посвятил несколько страниц своему спутнику: это «был человек лет 30, с здравым умом и весьма ловкий, он знал несколько латинских изречений ⟨...⟩ имел большую охоту к свободным искусствам, особенно же к некоторым математическим наукам и к латинскому языку; он просил, чтобы мы помогли ему в изучении этих предметов, и в Персии, где мы были вместе, а особенно на обратном пути он ⟨...⟩ сделал такие успехи в латинском языке, что мог передавать на нем, хотя не совсем удовлетворительно, свои задушевные мысли».

В альбоме лейб-медика голштинской миссии Гартмана Граммана сохранился стихотворный автограф Алексея Романчукова:

Не дивно во благополучении возгоржение,
едина добродетель — всех благих совершение.
Дом благий пущает до себя всякаго человека
и исполняет благостыню до скончания века.
Вина всяким добродетелем — любовь,
не проливает бо ся от нея никогда кровь...

Эти альбомные стихи — немаловажная веха в истории русско-европейских литературных контактов: в 1638 г. в рукопись европейца впервые попадает образец московских «двоестрочных согласий». Отметим, что и в коротком стихотворении Романчуков не мог обойтись без акростиха (в нем повторены начальные слова первой строки): «Не дивн⟨о⟩...».

Алексей Романчуков был потомственным администратором: его отец, дьяк Савва Юрьевич, еще в 1614 г. получивший вотчину за «московское осадное сиденье», служил в Посольском приказе и в Новгородской чети. Два брата Алексея были патриаршими стольниками. Из большой приказной семьи вышел и самый плодовитый поэт школы Петр Самсонов, который в 1631 г. получил место дьяка Патриаршего дворцового приказа. Эти связи с патриаршим управлением не случайны: под надзором патриарха работал Печатный двор, и справщики (редакторы) этой единственной русской типографии были активными участниками приказной поэтической школы. Таковы белые священники Стефан Горчак и Михаил Рогов, таков монах Савватий, самая крупная поэтическая фигура первой половины XVII в. (Савватий, по собственному его признанию, прежде был «государя служитель олтарев», т. е. в первые годы царствования Михаила Федоровича состоял в причте одной из дворцовых церквей). Справщики в служебном отношении «едины в двух лицах»: как члены духовного сословия, занятые выпуском церковных книг, они подлежат патриаршему суду, а в качестве чиновников, живущих на царское жалованье, подчиняются приказу Большого дворца.

Разумеется, служебное «единообразие» еще не говорит о литературной школе. Писательские связи, осознание духовной сопричастности и культурной автономии — вот признаки школы. Все они характерны для московских стихотворцев 30—40-х гг. «Ей, не подобает разумну мужу в забвении жити», — писал Стефан Горчак в Казань одному из «разумных мужей»:

Желаем же тя паки видети с собою во едином в купе
у государева дела, у книжнаго правления,
чтобы нам единодушно быти у его царскаго повеления.

Эта группа осознавала себя как некую интеллигентную корпорацию, «духовный (или любовный) союз». Творчество — это «духовный пир», на который

званы только избранные, владеющие особым «витийным» языком, искусством «двоестрочных согласий» и «краегранесия» (акростиха). Главный жанр школы — стихотворная эпистолия, которая подчеркивает избранность и автономность этого литературного цеха. Его участники постоянно обмениваются поэтическими посланиями. Авторы посланий, как правило, живут в Москве, встречаются каждый день на службе, так что их стихотворная переписка — это своего рода литературная игра, демонстрация «остроумия» и владения версификацией.

Хотя книжная поэзия была новым для русской литературы явлением, приказные авторы постоянно подчеркивали, что они продолжают отечественную «душеполезную» традицию:

Аще и двоестрочием слогается,
но обаче от того же Божественнаго Писания избирается...
Аще паки и двоестрочием счинится,
но обаче Божественному Писанию не возбранится.

(Савватий)

Действительно, в текстах приказной школы находим типичные для средневековой письменности обличения «внешней мудрости» («Афинейския бо ради премудрости никто же спасется, ходяй же по заповедех Божиих, к небеси вознесется»), советы юным «пустошных игр отвращатися» (так писал Савватий своему ученику князю Михаилу Никитичу Одоевскому), вариации этикетной формулы авторского самоуничижения:

...в философских училищах не бывах
и риторских остроном не читах, ниже ельлинския борзости текох,
но токмо малу каплю от Божественных Писаний приях,
тако и начертах и к твоему благоговеинству послах...

Смысл этого традиционализма вполне ясен. Приказная поэтическая школа была если не официальной, то официозной школой. Люди, ответственные за официальную культуру, понимали неизбежность ее эволюции, но в то же время хотели ограничить эту эволюцию национально-православными рамками, уберечь ее от излишнего европеизма. Традиционализм приказных поэтов был сознательным и искренним. Отнюдь не случайно в период Никоновой реформы они оказались в стане убежденных защитников старого обряда.

Однако «двоестрочные согласия» не удавалось уберечь от западноевропейских веяний. У поэзии есть внутренние законы развития, и приказные авторы вольно или невольно им следовали. Кроме того, московская книжная поэзия не пребывала в изоляции от европейского (прежде всего украино-белорусского и польского) барокко. Пытаясь с ним конкурировать (ведь в Москве, несмотря на все запреты, продолжали читать «литовские» и польские книги), она вынуждена была решать те же художественные задачи.

В этом смысле особый интерес представляет «острый разум», «остроумие», о котором так часто писали и которое так высоко ценили приказные стихотворцы. Это не просто одаренность, способность к интеллектуальной работе. «Остроумие» имеет прямое отношение к поэтической речи. Оно предполагает умение пользоваться излюбленным приемом их «витийного» языка — уподоблением.

Конечно, в поисках материала для уподоблений московские стихотворцы обращаются к привычным источникам — «Физиологу» и «Азбуковнику», откуда берут сведения о животных, травах, камнях и деревьях.

> Желаем твоей любви, яко в жажду онагри...
> Якоже магнит камык вся железа к себе привлачит,
> тако и сребролюбивая юза всех содержит...
> Есть бо нырь хитрый, далече ходит во глубину,
> ритор же и философ разсуждает премудрую вину...

Материал традиционен, самый прием хорошо известен Средневековью, но выдвижение этого приема на первый план, усвоение ему роли поэтической доминанты — явная новация. Используя примененное Савватием сравнение поэтического искусства с «шелковидным ухищрением», с вышивкой шелками, мы можем сказать, что приказные авторы расцвечивают старую канву новыми узорами. Ассоциация — стержень их поэтического языка. В принципе это тот же барочный консепт, хотя, так сказать, консепт «умеренный», лишенный барочной причудливости.

МОСКОВСКОЕ БАРОККО

Для культуры Средних веков характерны целостность художественной системы и единство художественных вкусов. В средневековом искусстве безраздельно господствует коллективное начало («анонимность»), препятствующее развитию конкурирующих направлений. Эстетическое сознание превыше всего ставит этикет и канон, мало ценит новизну и мало ею интересуется. Только в XVII в. литература постепенно отходит от этих средневековых принципов. Писатель XVII в. уже не довольствуется привычным, затверженным, «вечным»; он начинает осознавать эстетическую притягательность неожиданного и не пугается оригинальности и динамизма. Перед ним встает проблема выбора художественного метода — и, что очень важно, у него появляется возможность выбора. Так рождаются литературные направления. Одним из них в XVII в. было барокко — первый из европейских стилей, представленный в русской культуре.

В Европе барокко пришло на смену Ренессансу (через переходный этап, маньеризм). В культуре барокко место ренессансного человека снова занял

Бог — первопричина и цель земного существования. В известном смысле барокко дало синтез Возрождения и Средневековья. Снова воскресла эсхатология, тема «плясок смерти», обострился интерес к мистике. Эта средневековая струя в эстетике барокко способствовала усвоению этого стиля у восточных славян, для которых средневековая культура отнюдь не была далеким прошлым.

В то же время барокко никогда (по крайней мере, теоретически) не порывало с наследием Ренессанса и не отказывалось от его достижений. Античные боги и герои остались персонажами барочных писателей, а античная поэзия сохранила для них значение высокого и недосягаемого образца. Ренессансная струя обусловила особую роль стиля барокко в эволюции русской культуры: барокко в России выполняло функции Ренессанса.

Родоначальником московского барокко стал белорус Самуил Гаврилович Петровский-Ситнянович (1629—1680), который двадцати семи лет принял монашество с именем Симеона и которого в Москве прозвали Полоцким — по его родному городу, где он был учителем в школе тамошнего православного «братства». В 1664 г., одновременно с протопопом Аввакумом, вернувшимся из сибирской ссылки, Симеон Полоцкий приехал в Москву — и остался здесь навсегда.

Итак, у истоков первого литературного направления стоял не великоросс, а православный выходец из польско-литовских пределов, изучивший «семь свободных художеств» в Киево-Могилянской академии и слушавший курс лекций у иезуитов в Вильне. Этот факт может служить наглядной иллюстрацией к двум знаменательным обстоятельствам. Во-первых, на русскую почву стиль барокко был пересажен извне (в Москве, как увидим ниже, он был приспособлен к национальным традициям). Во-вторых, самые странствия ученого белоруса Симеона Полоцкого отражали межнациональный характер барочной культуры. Европейские поэты и прозаики, живописцы, архитекторы и типографы XVII в. были чрезвычайно подвижны и не считались с границами. Языковые барьеры их также не смущали (все они изъяснялись и писали по-латыни; XVII в. был последним столетием господства латыни как языка европейской культурной элиты — в XVIII в. латынь сменил французский). Это был своего рода «незримый коллектив», интернациональный цех, члены которого знали друг друга хотя бы по книгам или понаслышке. Разумеется, корпорация барочной интеллигенции не отличалась монолитностью: она распадалась на партии, школы и группировки, на католиков и евангелистов, на кальвинистов и ариан, на «древних» и «новых», на полигисторов и картезианцев. Россия оказалась под влиянием ближайшей и единоверной киевской школы, из которой вышел и Симеон Полоцкий. В ту пору Киев считался восточнославянскими Афинами. Киевские литераторы в свою очередь использовали богатейший опыт польского барокко. Недаром наряду с латынью польский язык был тем языком, который служил средством общения восточнославянской интеллигенции.

В Москве Симеон Полоцкий продолжал начатую на родине деятельность «дидаскала», педагога. Он воспитывал государевых детей (одного из них, будущего царя Федора Алексеевича, он приучил сочинять вирши), открыл латинскую школу в Заиконоспасском монастыре — для молодых подьячих Приказа тайных дел, собственной канцелярии царя Алексея Михайловича. Он также занял или, точнее говоря, учредил еще одну должность — должность придворного проповедника и поэта, дотоле в России не известную. Любое событие в царской семье — кончины, браки, именины, рождения детей — давало Симеону Полоцкому повод для сочинения панегириков и эпитафий, равно как и для произнесения «ораций». Его проповеди, напечатанные уже после смерти Симеона, составили два больших тома — «Обед душевный» (1681) и «Вечерю душевную» (1683). Стихотворения на случай поэт к концу своей жизни собрал в огромный «Рифмологион, или Стихослов» (этот сборник опубликован лишь в извлечениях).

Наследие Симеона Полоцкого очень велико. Считается, что он оставил по крайней мере пятьдесят тысяч стихотворных строк. Кроме «Рифмологиона» это «Псалтырь рифмотворная» (вышла в свет в 1680 г.) и оставшийся в рукописях колоссальный сборник «Вертоград многоцветный» (1678) — своего рода поэтическая энциклопедия, в которой стихотворения расположены в алфавитном порядке. В «Вертограде» насчитывается 1155 названий, причем под одним заглавием часто помещается целый цикл — от двух до двенадцати стихотворений. Сильвестр Медведев (1641—1691), ученик Симеона Полоцкого (в Заиконоспасском монастыре они жили в соседних покоях, соединявшихся общим коридором), вспоминал, что Симеон «на всякий же день име залог писати в полдесть по полутетради, а писание его бе зело мелко и уписисто», т. е. что он каждый день исписывал мелким почерком восемь страниц нынешнего тетрадного формата. Такая плодовитость вообще характерна для многих барочных литераторов. Это — не графомания, а творческая установка: Симеон Полоцкий поставил перед собою цель создать в России новую словесную культуру.

Однако одному человеку такой труд не под силу. Для новой словесной культуры нужны были и творцы, и потребители. Хорошо понимая это, Симеон Полоцкий стремился «насытить» быт двора и столичной аристократии барочными проповедями и силлабическими виршами. В праздничные дни публично исполнялись его стихотворения в жанре «декламации» и «диалога» (чтецами выступали и автор, и специально обученные «отроки», по всей видимости, «недоростки» из церковного хора, «малые певцы»). Публично исполнялись также и «приветства»-панегирики. Судя по составу сборника «Рифмологион, или Стихослов» и по авторским пометам на его полях, Симеон Полоцкий старался использовать каждый мало-мальски подходящий случай, когда казалось уместным произнести речь в стихах. Он сочинял такие речи и для себя, и для других — по заказу или в подарок. Они звучали на царских парадных обедах, в боярских

хоромах и в церквах во время храмовых праздников. Вот, например, «приветство», которое говорил на Пасху внук знаменитого боярина Б. М. Хитрово:

Радость вселенней ныне сотворися,
  аггелский собор днесь возвеселися...
Даеши славу Христу спасителю
  и ты, усердно наш благодетелю
Богдан Матвеевичь, дедушко мой драгий,
  рода нашего сам отче преблагий...
А мене, внучка, изволте щадити,
  яко раба си в милости хранити,
Иже вам всех благ от Христа желаю,
  с должным поклоном до ног припадаю.

В Москве Симеон Полоцкий собрал вокруг себя кружок писателей. Из них наиболее выдающимися были уже упомянутый Сильвестр Медведев и свойственник последнего Карион Истомин (он дожил до эпохи Петровских реформ). Сильвестр Медведев во всем руководствовался заветами своего учителя. В 1682 г. Медведев возобновил заиконоспасское училище, которому отводилась подготовительная роль: целью и Симеона, и Сильвестра было учреждение в Москве университета. Был составлен его устав («привилей»), ориентированный на Киево-Могилянскую коллегию и предусматривавший, что университету будет даровано право руководства культурой. Вручая в январе 1685 г. этот «привилей» царевне Софье, Медведев писал:

Мудрости бо ти имя подадеся,
  богом Софиа мудрость наречеся,
Тебе бо лично науки начати,
  яко премудрой оны совершати.

Однако эти упования потерпели крах. Патриарх Иоаким отдал открытую в 1686 г. Академию в руки греческих богословов братьев Иоанникия и Софрония Лихудов. Ни о какой университетской автономии уже не было и речи: все теперь зависело от патриаршей воли. По меткому выражению одного из биографов Сильвестра Медведева, вместо университета Россия получила духовную семинарию.

Когда в 1689 г. пало правительство царевны Софьи, Сильвестр Медведев был осужден как заговорщик. «199 (1691) года, месяца февруария в 11 день приял кончину жизни своея монах Сильвестр Медведев ⟨...⟩, — записал в своей черновой тетради его свояк Карион Истомин. — Отсечеся глава его ⟨...⟩ на Красной площади, противу Спасских ворот. Тело его погребено в убогом доме со странными в яме близ Покровского убогого монастыря». Так кончил свои дни этот блестящий представитель московской интеллигенции конца XVII в., чело-

век «великого ума и остроты ученой», о котором один из его киевских почитателей писал москвичам, что им нужно называть Медведева «не Сильвестр, а Solvester — солнце ваше».

От Сильвестра Медведева дошло сравнительно небольшое число стихотворений. В этом, безусловно, виноват тот строгий запрет на его сочинения, который был наложен патриархом в 1689 г. Все списки сочинений Медведева приказано было сжечь. Карион Истомин, напротив, благополучно пережил бурный 1689 г., потому что не связывал себя ни с одной партией. Он был «пестрым», как определил людей его типа писатель того времени иеродиакон Дамаскин, уподобивший их тростнику, колеблемому ветром. Политические симпатии Кариона Истомина зависели от того, кто брал верх в московских распрях. Пользовавшийся неизменной поддержкой царевны Софьи и князя В. В. Голицына, он сумел заблаговременно снискать и расположение Нарышкиных. При новом патриархе Адриане Карион завоевал прочное положение и даже возглавил Печатный двор. Здесь в 1694 и 1696 гг. он издал свои «Буквари» с обширными стихотворными вставками.

Вообще, последнее десятилетие века было для Кариона Истомина периодом наибольших успехов. Он был первым и по положению, и по таланту московским стихотворцем. Истомин писал очень много (в большинстве своем его сочинения сохранились в автографах и до сей поры не изданы). Он сочинял панегирики и эпитафии, любил медитативную духовную лирику и даже пробовал себя в жанре героической поэмы, попытавшись «мерочисленными стихами» (13-сложником) изобразить второй крымский поход князя В. В. Голицына.

Кружок Симеона Полоцкого был первым в истории русской культуры кружком профессиональных литераторов. Участники кружка и его основатель осознавали себя прежде всего писателями. Насколько развитым у них было писательское самосознание, можно судить по одной челобитной Симеона Полоцкого царю Алексею Михайловичу: «В прошлом, государь, во 177 (1669) году, егда изволил Господь Бог ⟨...⟩ царицу ⟨...⟩ Марию Ильичну от временныя жизни переселити в вечную, написал я, твой государев холоп, во похвалу святаго ея ⟨...⟩ жития и воспоминание вечное добродетелей ея ⟨...⟩ книжицу хитростию пиитическаго учения и вручил тебе, великому государю, ради утоления печали сердца твоего, и за тот прилежный труд от тебе, великаго государя, ничим я не пожалован ⟨...⟩. Пожалуй мене, богомольца своего, за тыя моея книжицы художное написание ⟨...⟩ во вспоможение моея скудости».

«Утоление печали сердца» — христианская обязанность, так что иеромонах Симеон мог бы и не искать материальной выгоды, совершив такой естественный поступок. Но стихотворец Симеон Полоцкий, уже привыкший ожидать за «пиитические книжицы» гонорара (гонорар не обязательно бывал денежным; иногда царь жаловал шубой, сукном или соболями), ходатайствует о нем и на

этот раз, не смущаясь напоминать овдовевшему Алексею Михайловичу о его недавнем горе.

Осознав себя писателями, члены этой корпорации не стремились занять высокое положение в церковной иерархии. Симеон Полоцкий довольствовался иеромонашеским званием, т. е. был всего-навсего черным попом, хотя и при царе Алексее, и особенно при царе Федоре легко мог добиться архиерейства. Не искали священноначалия ни Карион Истомин, ни Сильвестр Медведев (хотя последнего Нарышкины и обвиняли в том, что он будто бы помышлял о патриаршестве). Все они, как и подобает профессионалам, выбирали ремесло писателя на всю жизнь. Литературный профессионализм был одним из самых важных и самых продуктивных завоеваний русской барочной культуры.

Вся эта культура — апофеоз художника. Парадокс барокко заключался в том, что художник, с одной стороны, отделял себя от толпы «простецов», замыкался в сознании собственной исключительности и непогрешимости, с другой же — с терпением истинного просветителя старался «поднять до себя» эту толпу. Концепцию гуманитарного элитаризма в самой резкой форме выразил Симеон Полоцкий в стихотворении «Глас народа», которое вошло в «Вертоград многоцветный»:

Что найпаче от правды далеко бывает,
гласу народа мудрый муж то причитает.
Яко что-либо народ обыче хвалити,
то, конечно, достойно есть хулимо быти,
И что мыслит, суетно; а что поведает,
то никоея правды в себе заключает.

Поэзия, согласно элитарным идеям, — это не отражение мира, а самовыражение художника, творчество — процесс создания внутренней гармонии. Поэтому среди профессионалов XVII в. так распространена поэзия «для себя» — например, дневниковые записи в стихах, которые явно не предназначались для чужого глаза. Поэтому так расцветает жанр стихотворного послания; послания не распространялись в списках — их жизнь заканчивалась в момент вручения адресату. Такие послания очень любил Карион Истомин. Он писал в 1706 г. Димитрию Ростовскому:

Отче честнейший Димитрие!
Подобает ли днесь нам в дом твой быти,
книгу ль на столе в словеса открыти?
Аще и ино что ли положится,
Божиим людем и то пригодится.
Не видехомся давно уже, право.
Живи много лет во Господе здраво!
Приговариваемся,
а в любви кланяемся...

Задавшись целью перенести русских барочных писателей в европейский литературный мир XVII в., мы легко найдем там их место. В «споре древних и новых», который определял духовные искания столетия, они были бы решительно против картезианства — среди барочных филологов и историков, среди «полигисторов», считавших себя единственными наследниками гуманистов, а на самом деле превративших учение гуманистов в догму — и, следовательно, исказивших его. Картезианцы главным орудием исследования мира и человека считали естествознание, опыт; барочные филологи и поэты — и, в частности, их русские последователи — опирались на «писаный разум». Картезианцы искали истину, поэты же истину проповедовали, считая ее обладателем того, кто хорошо знал богословие, умел читать латинские и греческие тексты, кто изучил логику и диалектику, риторику и поэтику. Мир казался им книгой — и Симеон Полоцкий прямо выразил это в стихотворении «Мир есть книга»:

Мир сей преукрашенный — книга есть велика,
еже словом написа всяческих Владыка.
Пять листов препространных в ней ся обретают,
яже чюдна писмена в себе заключают.
Первый же лист есть небо, на нем же светила,
яко писмена, Божия крепость положила.
Вторый лист огнь стихийный под небом высоко,
в нем яко писание силу да зрит око.
Третий лист прешировий аер мощно звати,
на нем дождь, снег, облаки и птицы читати.
Четвертый лист — сонм водный в ней ся обретает,
в том животных множество удобь ся читает.
Последний лист есть земля с древесы, с травами,
с крушцы и с животными, яко с писменами...

В таком отношении к миру сказался энциклопедизм барочных поэтов. Это был сугубо книжный, кабинетный энциклопедизм. Для Симеона Полоцкого и его учеников наука уже завершила цикл своего развития. Чтобы стать ученым, достаточно было усердно учиться. Однако этот ошибочный постулат заключал в себе и зерно просветительства. Учась, барочные поэты учили и других. Метод их литературной работы был сугубо историческим. Каждый из них обязан был держать в памяти множество исторических фактов; эти «истории» постоянно использовались в стихах и в прозе. Когда Симеон Полоцкий хотел восславить деревянный дворец царя Алексея Михайловича в селе Коломенском, он не преминул самым подробным образом рассказать о семи чудесах света. Когда Сильвестр Медведев обращался к царевне Софье, он ставил ее в один ряд с великими женщинами-властительницами — с Семирамидой и византийской царевной Пульхерией, с русской княгиней Ольгой и британской королевой Елизаветой.

Симеон Полоцкий хотел дать читателю широчайший свод знаний из разных отраслей науки (барочные поэты, свято почитая Аристотеля, признавали только универсальную науку): истории древнегреческой, римской и византийской, а также средневековой европейской, включая мифологию и исторические анекдоты о Цезаре и Августе, Александре Македонском, Юстиниане и Карле Великом. Во многих текстах «Вертограда многоцветного» использована «Естественная история» Плиния Старшего. Здесь есть сведения о вымышленных и экзотических животных — птице феникс, плачущем крокодиле, о драгоценных камнях и проч. В «Вертограде» мы найдем также изложение космогонических воззрений, экскурсы в область христианской символики. По словам И. П. Еремина, стихотворения Симеона Полоцкого «производят впечатление своеобразного музея, на витринах которого расставлены в определенном порядке ⟨...⟩ самые разнообразные вещи, часто редкие и очень древние. Тут выставлено для обозрения все основное, что успел Симеон, библиофил и начетчик, любитель разных „раритетов" и „куриезов", собрать в течение своей жизни у себя в памяти».

Как европейское, так и московское барокко действительно было орнаментальным, «куриезным», причудливым стилем. Но Россия XVII в. усваивала иноземные влияния с большой оглядкой. Рассчитывать на признание, хотя бы частичное, могли только те явления, которые в каких-то существенных чертах соответствовали национальной традиции. Барочная культура в этом смысле имела важное преимущество: сильная средневековая струя в барокко обеспечила ему успех в России. Однако в процессе усвоения многие черты европейского барокко были стерты.

Это касается, в частности, проблемы любви. В силлабической поэзии второй половины XVII в. мы не найдем любви-страсти. Здесь не было и смеха; Симеон Полоцкий и его ученики сообщали своим виршам серьезное и несколько тяжеловесное настроение. От классического барокко московских стихотворцев отделяла также умеренность. Мятежному и драматически раздвоенному, экзальтированному человеку европейской литературы XVII в. не было места в их творчестве. Барочные крайности их пугали.

Идеологическая умеренность самым непосредственным образом отозвалась в поэтической практике. В московском барокко не было темы «ужасов» — безобразия смерти и загробных мучений. В стихах о бренности всего земного, которые писали Симеон Полоцкий и все его последователи, господствует скорее элегическое, чем трагическое настроение.

В чем причина идеологической и эстетической умеренности московских барочных авторов? По-видимому, это явление не может быть объяснено однозначно. Русская барочная культура отмечена признаками провинциализма, а всякий провинциализм принимает либо крайние формы, либо, напротив, формы облегченные. Московские поэты предпочитали уклоняться от крайностей, смяг-

чить барочную мятежность и экзальтацию, потому что приходилось учитывать национальную традицию, которая в официальных и официозных кругах всегда отличалась умеренностью. Самое положение вынуждало к этому придворных стихотворцев.

Однако нужно иметь в виду и другое. Если европейское барокко осознавало себя наследником по отношению к Ренессансу, то барокко московское имело предшественником (и антиподом) средневековую традицию. Именно поэтому в московском барокко так сильно возрожденческое начало.

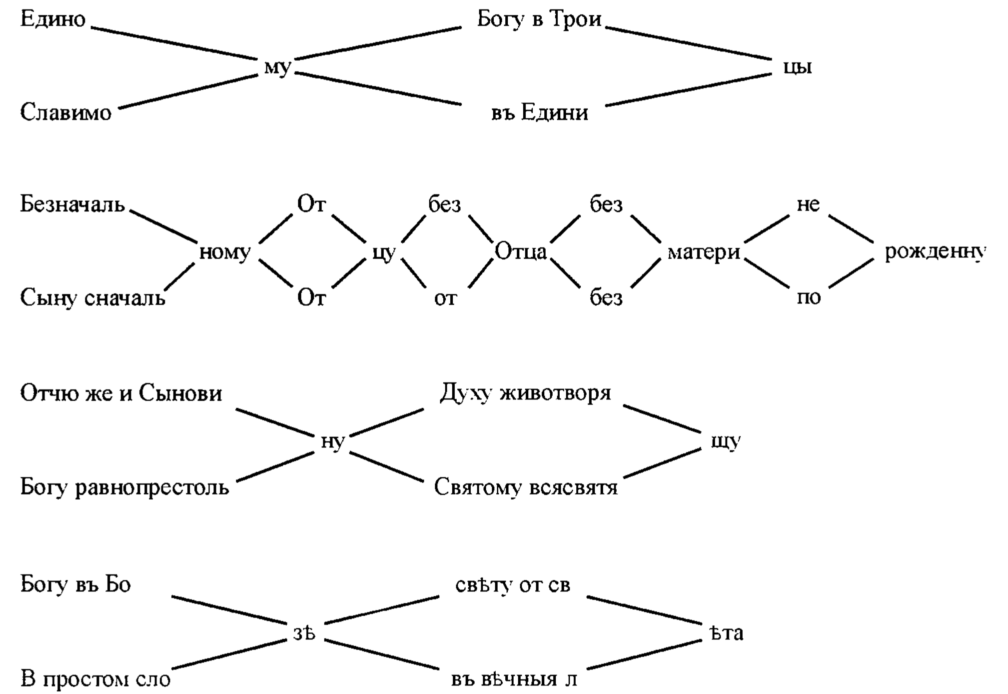
А. М. Панченко

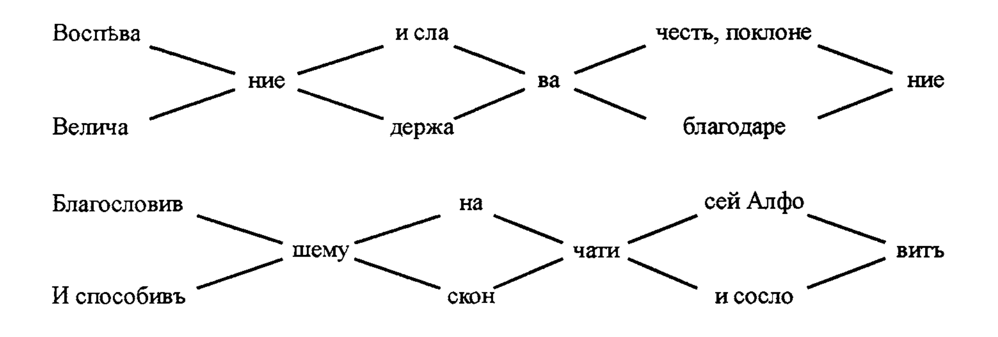
СТИХОТВОРЕНИЯ

ЕВСТРАТИЙ

⟨ПРЕДИСЛОВИЕ К АЗБУКОВНИКУ⟩*

Сей стихъ римляне нарицают серпентикум версус, с греческаго языка ἕρπων ἔπω.





Единому Богу в Троицы,
Славимому въ Единицы;
Безначальному Отцу,
Без отца, без матери нерожденну,
Сыну, сначальному Отцу,
От Отца без матери порожденну;
Отчю же и Сыновину,
Духу животворящу,
Богу равнопрестольну,
Святому всесвятящу;
Богу в Бозѣ,
Свѣту от свѣта,
В простом слозѣ
Въ вѣчныя лѣта
Воспѣвание и слава,
Честь, поклонение,
Величание, держава,
Благодарение,
Благословившему начати
Сей Алфовитъ
И способивъшему скончати
И сословитъ.

ИВАН ХВОРОСТИНИН

ИЗЛОЖЕНИЕ НА ЕРЕТИКИ-ЗЛОХУЛЬНИКИ

МОЛИТВА

Призри на мя, Боже, в сиа времена
И да смирятся гордости моей рамена[1].
Ты моя сила, мое и ограждение,
Ты крѣпость моя и утвержение.
Азъ создание руку твоею,
Сокруши кости мои вѣрою моею,
Да не скоростна будет ко грѣху душа моя
И да пребудет во мнѣ благодать твоя.
Азъ от утробы матере моея к тебѣ приверженъ,
Да не будет умъ мой от благодати твоей отвержен.
Спаси милостию своею моя уды
И оцысти тѣлеса моего суды[2],
Но не остави милости своей точию[3],
Но посѣщай всегда своею мочию.
Благодать сотвори по судбамъ твоимъ
И дай к подвигомъ бодрость костем моимъ,
Ты бо еси Богъ благости,
Источник животныя сладости.
Пою тя вечеръ, заутра[4] и полудне,
И во всякомъ часѣ и во днѣ;
Послѣднюю услышу востаниа трубу,
И будеши милостивенъ своему рабу.
Господи! Ты еси паче всѣх жалостливъ
И вся то устроити смысливъ.
Сподоби ны со избранными стати
И во спасенное благодѣяние пристати.
Ты еси Господь и Богъ мой,
И аз недостойный раб твой;
Создалъ мя еси внегда[5],
Оттуду предстою ти всегда.

---

[1] плечи; [2] члены; [3] только; [4] утром; [5] когда.

Молитва Христу Богу,
иже во христианѣх многу неволю от царей и от
правителей неразсудных злобы приемлютъ многи,
еще же и от еретик и чревоугодныхъ человѣкъ;
таков есть глаголъ прискорбных[1], краестрочие[2]
имуще по буквамъ, на римские ереси

Полки[3] обнищавшие, *И*сусе, вопиютъ к тебѣ,
Речение сие милостивное приими, Владыка, в слух себѣ.
Еже на нас вооружаются коварством всего свѣта,
Всегда избави, Господи, нас от их злаго совѣта.
*О*не убо имѣют в себѣ сатанину гордость,
Да отсѣкнутъ нашу к тебѣ душевную бодрость.
И твой праведный закон по своей воли изоображают,
Злочестивых к совѣсти своей приражаютъ[4],
Лестными и злыми бѣдами погубляют нас, яко супостаты,
А не защитят от твоего гнѣва их полаты.
Желаю бо аз единого тя, Спаса истиннаго,
Еже вѣрую в тебе, Творца милостиваго.
Не предаждь нас, раб твоих, точию
И посѣщай своих благочестивою мочию[5].
Яко безсловесных скотов нас имѣютъ,
Коварствы неправедными укоряютъ.
Но мнози убо на себе клятвы[6] наложили,
Яко злыми, лукавыми нас обложили.
Злой прибытокъ себѣ утвержаютъ,
На нас души злостьми вооружаютъ.
Владыка Вседержитель, ты нашу бѣду видишъ,
А глаголющиа поистиннѣ молитвы наши приимешъ.
Не дай врагом вознестися злостию на ны,
А злостныя да не будутъ на нас их раны.

О ГОНЕНИИ НА СВЯТУЮ ЦЕРКОВЬ, КРАЕГРАНИЕ[7] СИЕ ПО БУКВАМЪ

Каинъ со Авелемъ двѣ церкви знаменуютъ,*
Но из Адама два естества именуютъ,
Яже Богу всесожженную жертву принесли,

[1] речь скорбящих; [2] акростих; [3] Толпы; [4] подбивают, настраивают против; [5] силой; [6] здесь: ложные обеты; [7] акростих.

За нь же молитвы свои к тому вознесли.
Яко Каинъ грѣшный Богу не угоди
И лукавымъ сердцемъ к нему приходи,
Веселый Авель от Бога милость принялъ,
А егоже Господь дары и всесожжение внялъ.
Но внегда[1] молитвы Авель Богу воздалъ,
А Каинъ его тщателно[2] убити помышлялъ.
Но потомъ брата оного умертвивъ
И тьщаньми своими себе, окаянный, показнивъ,
И жертвы оного омерзивъ,
Мерзостнымъ убийством сам ся погубивъ.
Родоначалие убийством первие погубися,
Иже кровь праведнаго, яко вода, пролиася.
Иже таковы Каиновы внуки,
Выникше[3] во останошныя вѣки,
Иже снопы злобы на жертву возлагаютъ,
Часто души неправедно погубляютъ.
И похвалою людскою себе улучили,
Христово величество имя себѣ улучили,
Злыя далеко суть от святаго пути,
От беззаконникъ навыкли пребыти.
Радостную славу на землѣ коренятъ,
О божественнѣй славѣ радѣти не хотятъ.
Собою нарекли на землѣ славы имяна,
Та и память имъ смертная не можетъ быти имена.
И грады и села тысящми собрали,
За Христовы рабы дерзостно себе нарицали,
И хотѣниемъ болшую земную славу наслѣдили,
Но во дни и в нощи мамону стяжали,
И люди Божиа от них, яко класы, ся пожинали,
Иже своя враги во вѣки погубили.
И от нас любятъ приняти частую офѣру[4],
И повелѣваютъ держати свою вѣру,
Без ереси и грѣха ему[5] являти
И послушаниемъ оного почитати.
За послушание царство намъ даруютъ,
За преслушание же муки уготовуютъ.
Яко Авель терпит от убийцы брата, —

---

[1] когда; [2] поспешно; [3] Появившись; [4] жертву, приношение; [5] т. е.: папе римскому.

И будетъ молитва наша пред Вышним прията,
Да любомудрия держит с Каином Римъ,
И будут онѣ яко скорошедший дымъ.
Авеля восточную благую церковь именуемъ,
Каина же губителную западную церковь нарекуем.
Да того ради нас за Христа избиваютъ,
Противъ закона и канона писание издаваютъ.
Сего их учения прекословна отвращаемся,
Во благочестивой вѣрѣ утвержаемся.
Слышите сия, боголюбивыя народы,
Не приимайте словес еретических в своя роды.
Ложь бо человѣчья с Богомъ не царствуетъ,
И лѣность неправедных скоро погибаетъ.
Кто любитъ Христа, на прелесть[1] не ходитъ
И терпѣние свое к нему принудить.
Но в остатний вѣкъ спасайся,
И к папьскому собору не прилучайся,
И страхомъ уловляемь не буди,
И доброту Христову в сердцы своемъ нуди.
Вѣси[2], кто тя кровию своею откупилъ,
Да бых к противному от него не отступилъ,
Цѣну крови своей истинно за тя далъ
И за избавление наше и душу свою отдалъ.
Аще и от единых святых соборов прияша,
Но много благолѣпия богословнаго отъяша.
Онаго же Бога чтутъ и в него вѣруютъ,
Но не подобна Бога в Троицы разумѣютъ.*
Поминай милость твоего гроба,
В немже изтлѣваетъ твоя земная оздоба[3].
Украшенных бо словес не приимай в слухи,
Да не бы твое врази[4] не имѣли утѣхи.
И красная сего мира мудрость Богу неприятна,
Но истинно зѣло злостию превратна,
Ееже латинские учители имѣютъ,
Злокозниемъ души наши ловитвою[5] вѣютъ.
Изволимъ, братие, держати святую простоту,
Восточныя церкви божественную доброту,
Аще богословнѣйшии житие преходятъ,
Но по волѣ его умы своя водятъ,

[1] обман; [2] знай; [3] оболочка, облачение; [4] враги; [5] сетью.

А человѣча мудрость Богу противна,
Превратна течениемъ и злолстивна.
Но святый Павел, буйством[1] ея нарекше,*
Косну и всестрастну ея в дѣлесѣхъ обрѣтше,
За нею же жидовское и агарянское племя ходит,
Яко жен*а* в безумие их множицею приводит.
Латина ею всѣх прельщаютъ,
А от Божией мудрости всѣх обольщаютъ.
Но, любимии друзи, всѣ благовѣрныя,
Аще и творятъ вамъ многия пакости зловѣрныя,
Не напивайтеся от горкаго студенца[2],
Хвалите Бога даже и до конца,
Восточныя церкви разуму учитеся,
От тоя же любви благоразумия научитеся.
Рачители вы есте сего мира свѣта,
Отрицайтеся папежскаго злокозненаго навѣта.
Сих же училища ересь разсѣваютъ,
Тако благочестиа еретичеством насѣваютъ,
Избави нас, Господи, и не дай во многия бѣды *в*пасти,
И сокруши римския гордыя власти.
Аще и согрѣшившаго спаслъ еси Лота,*
Изсуши праведнымъ солнцемъ грѣховныя болота.
Умиление же есть Божественное Писание,
Поздно любомудрецемъ прочитание.
Писмо[3] богодухновенно
И любящимъ его благо и спасенно.
Книги духовныя — разумныя цвѣты,
Научаютъ воздати Христовы обѣты.
Книги, аки солнцемъ, душевныя мысли освѣщают,
Чистое писание грѣхов темности убѣляютъ.
Книги юных премудроствено творятъ,
Простых в страх Божий приводятъ.
Ни Платон, ни Пифагоръ, ниже Аристотель —
Не обрѣтается из них духовный сказатель,
Ис которых латини хвалению поучаютъ
И безумную ересь в себѣ полагаютъ.
Христа ради, молю вас, на прелесть не ходите,
А ни чада своя на зло не водите.
О Господѣ братиа, христианския чада,

[1] безумием; [2] источника, колодца; [3] Писание (Библия).

Избавите себя от темнаго ада!
Не в научениах латинских вѣру разумѣвайте,
Ихъ вредами от православия не отступайте,
Не погубите святую боголѣпную веру,
Не приимайте латинскую сугубую мѣру.
Много злата на прелесть даваютъ
И душевное благоразумие муками растерзаютъ.
Егда вознесеся Богъ на небеса,
И тогда яви намъ многия чюдеса.
З горы масличныя ко Отцу взыде,
Такоже с плотию судити нас приидетъ.
Тогда ученицы во вселенную проповѣдаша,
Народомъ и царемъ о нем возвѣстиша,
И в страны мира слово пронесеся,
И от лести к Богу народное множество обратися;
Всю землю на части себѣ предѣлиша
И Евангелиемъ людей освѣтиша.
В них же бысть святый Андрей Первозванный,*
От числа полка[1] ученикъ Христовых избранный.
Из Иерусалима в Византию дойде
И оттуду паки в Россию прииде.
Таже в град Киевъ по Днепру ходяше
И посредѣ поганъ[2] крестъ знаменоваше.
На горах Киивских молитву сотворилъ,
Дабы тамъ Господь благодатию одарилъ,
Дабы было в России имя его величано,
Христианьство имъ живущимъ даровано,
Иже о идолѣх были упражнены[3]
И во зловѣрии бѣсовскомъ ослѣплены,
Дабы бездушнымъ престали служити,
Но в православии благолѣпно сподобимся жити.
Вострубив начало, проповѣдь святую,
И проповѣда в России святыню благую,
Честныя быстрины Христова учениа на полунощь[4] принесе
И имя Христово пред всѣми ясно изнесе.
И нынѣ хвалится полунощная страна,
Понеже их беззаконная вѣра предрана[5]
Христомъ, избавителемъ нашимъ,
Уже конецъ приведшимъ бывшимъ,

---

[1] сонма; [2] язычников; [3] поклонялись идолам; [4] север; [5] погублена.

Яко красуешся святыми церквами
И Богови служиши чистыми жертвами.
Поминайте жертвы апостолъ славныхъ,
Просвѣщенны от вѣковъ давныхъ.
Святое начало от них намъ явлено,
Яко от самого Бога повѣлено.
Честный граде Киевъ! В тебѣ вѣра возсия,
В тебѣ же и богомудрыя зѣло просия.
Возлюбимъ непревратное[1] благоразумие,
И отринемъ от себе суетное суеумие,
И будемъ прости[2] работати,
Ни дохматы вѣчныя от себе отринути.
Не наши суть пастыри западныя отцы,
Но римскии святители быша волцы.
Не мы быхомъ отметницы[3] святыя вѣры,
Но еретицы творят присныя[4] Богу офѣры.
Не наши пастыри церковнии сопостаты,
Иже прелазят, а не входят истинными враты.
Не таков бысть Господь, иже наш Спаситель,
И Андрей апостолъ, российский учитель.
Не таковы римские учители,
Но всему миру великия мучители,
Нѣсть бо их духъ з Богомъ над земными,
Начало з богоненавистными убийцами.
Мы же возлюбимъ Христу угождати
И святое имя его величати,
И сохраним твердо гонимую вѣру,
И отмещемъ[5] мерзскую офѣру.
И бѣды и страхи их скоро минуютъ,
Которые нынѣ на вас воставаютъ,
Ибо Господь наш много за нас пострадалъ
И нам терпѣния свой образъ[6] предалъ.
Таже святый Андрей крестную смерть приял,
В Патрѣхъ Ахайскихъ за Христа пострадалъ,
Благих всемирный ловецъ,
Неложный пастырь Христовых овецъ,
Не бѣ в нем гордости, ниже златолюбьства,
И научив бо всѣх братолюбства.

---

[1] незыблемое; [2] в простоте; [3] отступники; [4] постоянные; [5] отринем, отвергнем; [6] пример.

Всему христианьству и Кииву граду,
Богомъ избранному вѣрному стаду,
На вѣчныя лѣта церковь стоитъ
И добрым утвержениемъ всѣх боголюбивых учитъ.
Богъ бо нас к себѣ благовѣриемъ приближитъ
И милость паче первородных к намъ умножи*тъ*.
И мужи и жены, и дѣти и старцы,
Всѣ православныя братолюбцы,
Лукавых лихоимцевъ сих зрите
И в пути их тщателно не грядите.

ДВОЕСТРОЧНОЕ СОГЛАСИЕ ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВИЯ* К ЧИТАТЕЛЮ

Зри, читателю, римскиа нравы,
Ты убо держися великия Божиа славы.
Не ищи истинны от чюжаго закона
И не премѣняй святых отецъ канона.
Виждь заходныя[1] церкви уставы,
Наших тѣлес разрушены быша составы.
Западная же церковь темна во дни и в нощи,
Горки бо бѣ их зѣло израстуютъ овощи.
Осмой соборъ не по истиннѣ совершиша*
И многихъ святых томлениемъ[2] предаша,
Муками и злыми томленьми осудили
И вои множественныя на нихъ вооружили,
Велика бысть гнѣва их волна.
Аз обличитель бых ереси их издавна
И хотѣх убо нѣчто оставити народу,
Христианскому священному роду.
Но злы быша сопостатныя породы,
Смутили наши блаженныя роды.
Прострохъ[3] руку мою на спасение,
На еретическое извѣстное потребление[4],
И въ мѣсто чернилъ быша мнѣ слезы,
Зане окован бѣх того ради желѣзы.
В темницах пребых многа,
Время тамо бых долга.

[1] западной; [2] мучениям; [3] Я простер; [4] истребление.

И бѣгах[1] неправеднаго злата,
Аки сквернаго поганаго плата.
Скрывахся крамолныя ради злости,
Не простроx своей *на* писание трости.
В полконачалии[2] не дах хрепта[3] врагомъ,
Не сотворих ничтоже мана[4] своим другом.
Время печално бѣ внегда,
Уповахъ на Сердцевидца всегда.
Той моя крѣпость и утвержение,
Того помощника имѣх от рождения.
Закона его никакоже отринухъ
И многих ереси губителныя изринухъ
Учительными блаженными словесы,
Божественных отецъ правыми дѣлесы.
[5]Сынopоложение стяжахъ[5],
Восточныя церкви вѣру держахъ.
Не обыкохъ с неучеными играти,
Ни обыклости нрава их стяжати.
Бѣдою многою изнемогохъ,
И никто ми помогохъ,
Точию единъ Богъ,
А не народъ многъ.

Писах на еретиков много слоговъ,
Того ради приях много болѣзненых налоговъ[6].
Писаниемъ моимъ мнози обличишася,
А на меня, аки на еретика, ополчишася,
Отрѣвая[7] мя от Святаго Писания, —
То было мнѣ от них воздаяния:
Яко еретика мя осудили
И злости свои на мя вооружили.
Зрите наши злыя нравы,
Будите душами своими здравы;
Но и рабы мои быша мнѣ сопостаты,
Разрушили души моей полаты,
Крѣпость и ограждение отъяша
И оклеветание на мя совѣщаша.

---

[1] я избегал; [2] Командуя войском; [3] не повернулся спиной (т. е. не бежал с поля боя); [4] никакого обмана; [5—5] Обрел сыновство, т. е нашел духовного отца; [6] притеснений; [7] Отторгая.

Злы бо их зѣло беззаконныя злобы,
Творили на мя смертныя гробы,
Зла бо быша ихъ порода,
Аки аспидскаго рода.
Пущали на мя свои яды,
Творили измѣнныя ряды[1],
Вопчѣ на мя приносили[2]
И злочестемъ меня обносили.
Владыка Господи! Ты имъ суди
И с ними мя разсуди,
Ты вѣси[3] мое чювство,
Ты зриши их буйство.
Хлѣбы мои же вскормиша
И благость моя на зло ихъ обратиша,
Слава быша в руцѣ Господня
Краше сладчайшаго крина.
Проклято рабское господьство,
Скоро и отмѣнно бо его коварство!
Не сыпте злата пред свиниами,
Да не осквернятъ своими ногами.
От рабъ приахъ многи налоги,
Сотворили на мя злыя прилоги[4].
Не помянули Христова слова,
И не избѣгнулъ азъ от них злаго лова.
Они не боятся небеснаго Бога,
Иже всѣмъ даетъ добра многа.
Словеса их вѣрна, аки паучина[5],
И злоба их — злая пучина.
Аз быхъ единъ над ними,
Над измѣнники своими,
Господиномъ имъ поставленъ
И от Бога паче их прославленъ.
Но быша ми зѣлныя врази
И осквернили клятвою[6] душевныя прази[7]
Ради чесовыя[8] своей воли,
Хотяше отбѣгнути господьския неволи,
Они бо яко стрѣлу на господина своего мѣрятъ.
Дивно о тѣхъ, которыя имъ вѣрятъ.

---

[1] здесь: наветы; [2] огульно оговаривали; [3] знаешь; [4] козни; [5] паутина; [6] клеветой; [7] пороги; [8] таковой.

СПРАВЩИК САВВАТИЙ

НАСТАВЛЕНИЯ УЧЕНИКУ*

(князю Михаилу Никитичу Одоевскому)

Прещение[1] вкратцѣ о лености и нерадении
Всякому бываемому во учении.
И поучение о любомудреном разумѣнии
И о прилежном к нему постижении
От нѣкоего [2]нарочита дидоскала[2],
Чтобы во умѣ память не престала
Всякому во учении бываемому
И от Божия благодати назираемому,
И яко добро есть учение во младости,
Нежели во старости.

Аще и двоестрочиемъ[3] слогается,
Но обаче[4] от того же Божественнаго Писания избирается.
Того ради достоит сие поучение почасту прочитати,
Чтобы ко учению крепостнѣ прилѣжати
И лѣность и нерадѣние от себе отревати[5],
Яко лѣность и нерадѣние всякое благое дѣло,
Пачеже всего губитъ душу и тело.
Бодрость же и тщание много добра сотворяет,
Понеже сию бесмѣртную нашу царицу[6] горѣ возвышает.
Здѣ же тебѣ, зримому нами ученику,
И всѣм таяжде, всякому возрасту, реку:
Подобает вамъ учение любити,
Аки сладкую рѣку пити,
Понеже учение добро и похвално есть при всѣх,
Аще получиши его во младых ноктѣх[7],
Того ради достоит ти о сем не нерадѣти,
Но упразднившемуся прилѣж*ания* мудрости не умѣти.
Како и что учнем писати к твоей младости?
Не тако бо бывает лѣпо учение в старости.
Якоже и мяхкому воску чисто печать воображается,
Зело и учение от младых ноктей крѣпостнѣ во ум вкореняется.

[1] здесь: Запретительное послание; [2—2] почтенного наставника; [3] двустишиями; [4] однако; [5] отбрасывать; [6] здесь: душу; [7] ногтей.

И юность, и младость тобою владѣетъ,
Многу же спону[1] изообилство[2] дѣетъ.
И ничтоже дражае мудроумного учения,
Хотя кто и много имѣет в себе тѣлеснаго наслаждения.
Аще еси и изобилен всѣм,
Да не будеши лѣнивъ и при всемъ,
Лѣность паки и нерадѣние добра не сотворяет,
Ум же и мысли на зло дело претворяетъ.
Нынѣ молим изрядное твое прирожение[3],
Иже бы тебѣ держати в себѣ крѣпкоумное разумѣние.
Какоже паки напишем к твоему младому возрастению,
Иже бы тебѣ прилѣжати к сему доброму разумѣнию?
Тул[4] во время рати избавляет от тѣлеснаго уязвления,
И твое бы уразумение избавило тя от словесного посрамления.
Честь и бесчестие мужу во устѣхъ,
Юность же и младость разумная преудивит всѣх.
Червит[5] виссо*н*[6] багры[7] царския,
Есть же и учение попремногу украшает те же чины государския.
Рѣки и источники вся животная напаяют,
Не мнѣе же того и мудрии мужи учением своим всѣх наслаждают.
Ей, ей, неложно тебѣ от грѣшных устен своих изнесемъ,
Церковнаго же великаго свѣтилника глаголы привнесем.
Свѣт убо есть и разум доброе учение,
Аще будет у тебе к нему крѣпкое рьвение,
И воистинну паки похвален будеши от всѣх,
А и нынѣ остроумие твое похвално есть при инѣх.
Токмо отрини от себе лѣность и нерадѣние,
Иже погубляютъ доброе разумѣние.
И зрим, что еси к учению остроумен,
Радуемся, что ты в то во учебное время был единоумен[8].
Аще надѣешися на то свое остроумие,
Дерзо же паки рцем: лѣность погубляет и самое благоразумие.
Око нездраво ни чисто к солнцу зритъ,
Вѣмы же: не всякий младый умъ крѣпостнѣ ко учению прилѣжит.
Аще Богъ тя таковым даром обогатилъ,
Тѣлесное же твое благолѣпие велми украсил,
И тебѣ бы всего того лѣностию своею не потеряти,
Со многим радѣнием ко учению сему прилѣжати.

---

[1] помеху; [2] богатство; [3] высокородие; [4] доспехи; [5] Окрашивает червленой краской; [6] драгоценная ткань; [7] порфиру; [8] единомышлен (с учителем).

Аки сладкое ядение вкушати,
И отческаго повѣления слушати,
Аки семидална[1] хлѣба с сахары кушати.
И аще не восхощеш послушания имѣти,
То не можеш великия мудрости имѣти.
Прочее буди со здравием многолѣтен
И противу вопросов учинися быти ответен.
Во вѣки вѣком аминь.
А нас от своего жалавания не отринь.
А в том на нас гнѣва и досады не держи,
Но в разумении своем положи,
Что пишя к тебѣ якобы претително,
Чтобы было тебѣ разумително,
Лиха же тебѣ не хотимъ,
Токмо младый умъ твой крепим,
Чтобы ты был мужествен и разумен во всем
И не посрамлен был ни в чем.
Аще ли ти нынѣ и тяжко мнится,
Но послѣди умъ твой и сердце возвеселится,
Зря в себѣ тако все доброе учение,
Аки паки нѣкое сладкое вкушение.
И ныне пишем к тебѣ акы к полному лѣты,
Чтобы тебѣ и днесь перенимати разумныя совѣты
И вышереченную ту лѣность от себе отрѣвати
И дѣцкому игранию не внимати.
А мы, грѣшнии, [2]рождьшаго тя и твоему жалованию жадни[2],
И по вашему велѣнию ради приходити к вам по вся дни,
И по своей силѣ убозѣй[3] тебя учити,
Чтобы тебѣ настоящее сие учение получити.
Вящши сего не имам что к тебѣ писати,
Младаго и колеблющаго ума с нуждею наказати.
И подобает ти сие писанейцо блюсти [4]до своего живота[4],
Чтобы твоя всегда назирала разумичная острота,
Лѣности и нерадѣнию тебѣ не вдаватися
И против их крѣпостнѣ вооружатися.
Аще научиши себе в вышереченной той младости,
То и велия честь и хвала ти будет в старости.
Паки писано есть: учение — свѣтъ,

---

[1] из крупитчатой муки; [2—2] хотим быть пожалованы твоим родителем и тобою; [3] убогой; [4—4] всю жизнь.

Понеже приводит в мудрыхъ совѣтъ,
А неучение нарицается тма,
Понеже от мудрых посрамляется весма.
Адамантъ[1] камык[2] тяжек есть измѣрением,
Такоже любомудростный муж драг есть своим разумѣнием.
И паки наказанный[3] мудрости
И исполненный умной глупости —
Аки злат сосуд, бисера наполнен,
Или яко нѣкий источник, сладкия воды исполнен.
А неученому — горе, аки сосуд скуделний[4] пустъ,
Понеже ничтоже может добра изнести от своих устъ.
И всегда ходят во своем неразумии
И не размышляют о своем безумии;
Токмо обычай ему мудрых укоряти,
И сердца ихъ раздражати,
И свое безумие утѣшати,
И чтобы никому ничего не знати.
И ты сего дѣяния не внимай,
Но лучшее от всего избирай
И на умѣ своем полагай,
А нас, грѣшных, в памяти своей не забывай.
И сему писанейцу конецъ,
А всѣмъ наставник и учитель общий наш Творец,
Емуже слава и держава во вѣки вѣком,
А кромѣ его не тако жити ни о ком.
Прочее буди паки покровен Вышняго десницею,
Да воздастъ ти разума и смысла сторицею.
Азбука отпускная тебѣ, моему ученику.
Истинно и неложно тебѣ изреку,
Яко не печалуюся тако ни о ком,
Понеже не зрю такова рачения ни в ком,
Якоже тебѣ Господь Богъ подаровал,
Мню, яко от чрева матерня таковым даром тебе назнаменовал.
Звание же твое тезоименито...
И тебѣ бы то даное от Бога разумение всегда на памяти своей держати,
И никакоже ти отбывати,
И выну[5] ему, Христу своему и Богу, молитися,
И о том даннѣм тебѣ от него дарѣ трезвитися[6].
И обагатил тя аки нѣким драгим богатством,

---

[1] Алмаз; [2] камень; [3] наставленный; [4] глиняный; [5] всегда; [6] не кичиться.

Сиирѣчь изрядным калигравством[1],
Еще же к тому и зѣлным тѣм великим рачением.
Всяка убо добро бывает Божественным мановением.
Без негоже паки ничтоже благодарится,
Всяк бо, моляйся ему, просимого от него не лишится.
Дает бо молящему*ся* ему независтны своя дары,
Якоже пресладкого пития налияны златыя чары.
Слогает же ся сие тебѣ посланейцо по алфавиту,
Чтобы ти от Бога по сему своему умению быти имениту.
Еще же и двоестрочием счиняется,
Обаче и твое остроумие тому да научается.
Аз бо, многогрѣшный имярек, твой дидоскал,
Много тебѣ от своих си калигравственных словес писал.
Божиею благодатию научил тебя своему умѣнию,
И тебѣ бы держати к нему ревность велию,
Всегда бы тебѣ на памяти своей держати
И дѣцкое бы тебѣ мудрование от себя отревати.
Грубо воистинну и неразумно, еже нашед, — погубити.
И многия труды ни во чтоже положити.
Добро убо есть о всяком таковом любомудрии упражнятися
И пустошных игръ отвращатися.
Ей, ничтоже учения дражайши,
Нѣкогда же бывает сребра и злата множайши.
Жити бо во младости всякому человѣку без учения нелѣпо,
Якоже неученому коню ходити будет свирѣпо.
Зѣло убо есть непохвално неученому не учену быти
И недобрым именованием слыти.
Зря тя нынѣ в таковѣм учении велми разумна,
Да не услышу тя никогда лѣностию твоею и нерадѣнием безумна.
Ничтоже честнѣе в человѣцех учения,
И тебе бы не преслушати сего нашего к тебѣ рѣчения.
И аще не восхощеши сих наших словес себѣ слышати,
То не будеш семидална хлѣба с сахары кушати.
Красно убо есть воистинну учена мужа зрѣти,
Яко злата сосуда подобает его имѣти.
Лѣнивых же и нерадивых о себѣ охуждают
И не умѣющих же ничего велми не похваляют.
Муж мудр хвалим есть от всѣхъ,
Якоже и выше сего о сем рѣхъ,

---

[1] почерком.

Никакоже не мози лѣнитися,
Всегда бы тебѣ о досужествѣ[1] своем трезвитися,
Отроческому бы и дѣтцкому обычаю не внимати
И их мудрование далече от себя отревати.
Похвала младым и старым — учение,
Того ради подобает ти о сем имѣти много рачение.
Ревность конная на рати познавается,
А мудроумный муж от своего досуга похваляется.
Срам есть мужу ничто не умѣти,
Глупо же и неразумно мудра себе имѣти.
Терние и волчец подавляет пшеницу,
Лѣность же и нерадѣние погубляет и хитротворную[2] десницу.
Учение паче злата и сребра бываетъ,
Понеже хитростию[3] своею всѣх удивляетъ,
Филосовския обычаи и нравы научат,
О всякой хитрости прилѣжно нам упражнятися велят.
Хитрость бо науки любит прилежание,
Понеже от того бывает многое притяжание,
От лѣности же и нерадѣния добра не бывает,
Но и паче многое добро погибает.
Царские дворы изрядне устрояются от разумных,
Хощу и тебе видѣти во многоумных.
Честно и славно в человѣцѣхъ богатство,
Похвално же велми бывает и [4]хитроручное изрядство[4].
[5]Шелковидное ухищрение[5] дивно есть зрѣти,
Не мнѣе же того и калигравство[6] чистое кому имѣти.
Щедрый Господь нашъ Богъ Исусъ Христосъ,
Егоже учение во святей Божий церкви — божественный дискос[7],
На немже святое и пречистое Тѣло пологается,
И всяк достойный ему да причащается,
И на всѣх на нас милостию своею призирает,
И комуждо по своей милости таланты раздавает.
Такоже и на тебя своею милостию призрилъ,
Чтобы ты данный той талантъ от него вразумил,
И тако тя таковым даром обогатилъ,
А яз, грѣшный, по его же велицѣй милости тебя научил.
И тебе бы паки о сем не лѣнитися,
И всегда бы тебѣ о том трезвитися,

[1] умении; [2] искусную; [3] искусностью; [4—4] искусное рукоделье; [5—5] Тонкое мастерство; [6] почерк; [7] поднос, употребляемый в литургии.

И будеши похвален в велицем семъ государствѣ,
Да сподобит тя Господь быти в Небесном Царствѣ.
Вящи же того не имѣю что к тебѣ писати,
Глаголю: паче и многими словесы не наказати,
Разумный же и о малыхъ словесехъ научится
И всегда о добром учении тщится.
Тако бо еси и ты к тому своему разумѣнию такоже былъ рачитель,
И к нам зельною своею добротою былъ любитель,
И никакоже щадиши своего сребра,
Да не лишит тя Господь всякого добра,
И не токмо единаго сребра своего не щадишъ,
Но за вся потребная намъ не стоишъ.
И за то паки велик ти дар отъ Бога будет,
И паки многъ разумъ во умѣ твоемъ преизбудет.
Прочее буди покровен десницею херувимъскаго Владыки,
Да причтет тя во свое время со избранными лики,
И во вѣки вѣкомъ аминь.

АЛЕКСЕЙ РОМАНЧУКОВ

* * *

Не дивно во благополучении возгоржение,*
Единна добродѣтель — всех благих свершение.
Дом благий пущает до себя всякаго человѣка
И исполняет благостыню до скончания вѣка.
Вина всяким добродѣтелем — любовь,
Не проливает бо ся от нея никогда кровь.
О благий мой друже, приими сие в памятный домъ своего сердца,
О Христе юных люби яко братию, а старых почитай яко отца.

* * *

Азъ же отгонимъ бываю сего свѣта,*
Лишаются дние мои и кончаются лѣта,
Ерихона животнаго стѣны разрушаются,*
Шумѣния гласящих труб на торжищи приближаются.
К симъ же и два мелющия преставают,*
А друзи и искреннии[1] *дале отставаютъ*,
Рыдающии бо на торжищи расходятся,
А царица от мѣста своего яко плѣнъница изводится.
Мгла уже прочее обтече повсюды,
А животныя исторгаются уды.
Нынѣ убо, видяще мя, удалишася друзи,
Часто лѣтающая же нападоша мнози прузи[2].
Уже и тебе лишихся, искреннаго моего,
К немуже имѣх упование всегда много.
От скорби же сея утѣшителя не имѣю развѣ[3] Христа,
Всѣхъ бо он Исцелитель, ты же мене удалися, благая верста[4].
Аще и многих у себе друзей присныхъ имѣю,
Точна[5] же тя како имѣти кого довлею?
Аще и малым чемъ тобою отраду себѣ улучу,
В день помраченный свѣта видѣти получу.
Ей, обща трапеза и общий покой нам да будутъ,
И никоторому дурну нравы наши причастны да не будутъ.
И порутчика в том Вседержителя представлю,
Что слова своего в ыстиннѣ николи не преставлю.

---

[1] родные; [2] саранча; [3] кроме; [4] сверстник; [5] подобного.

Аще ли мыслию своею тебѣ и возмнится,
Что клятва моя преступна к тебѣ учинится, —
Богъ таковымъ паче всѣхъ мститель,
Горши бо и самых убийцъ таковый злотворитель.
Клятвы ради преступления и гордости мнози цари погибоша,
Даже и фригийския претвердыя стѣны падоша,*
А от прочих ли кто в твердости бес порухи[1] будетъ,
Ей, без наказания от Бога таковый не пребудетъ.
Хранити же вся неложно обѣщеваю,
Аще что от тебя приймоваю,
И ныне молю твою к себѣ благость,
Лукава да не будетъ твоя правость.

[1] порчи.

НАФАНАИЛ

Не прииди, душа моя, в твой совѣтъ,
Аще не разориши злообѣщанный завѣт.
Фараона бо, вѣси, Господь потопи за гордость;
А тебе не постигнетъ таковая злобность.
Не вѣси бо о себѣ, яже совѣщаеши,
Аще и многимъ творити от сего завѣщаеши.
И нынѣ молюся: преже о себѣ испытовай,
Любовь же духовную чистотою снабдевай.

МАРТИРИЙ

Меча гнѣвнаго аще не поверзеши,
Аще копия посредственаго[1] не преломиши,
Радование дияволу подаси[2] завистнику,
Твердонырному[3] поработаеши прелестнику[4].
И прелесть его всякаго зла злѣйши,
Расколы же его на любовь паче всего жесточайши.
Исусовымъ именемъ сей токмо побѣждается
И духовною еже любовию прогоняется.

[1] среднего, здесь: своего; [2] дашь; [3] Надежно защищенному; [4] искусителю.

МАРДАРИЙ

Милованиемъ и любовию нърав твой знаменуется,
Апостолскою проповѣдию подтвержается,
Руце бо свои утвердилъ еси к подателности,
Добродѣтель же духовную исполъняеши в приятности.
Азъ убо слышах твоя таковая благости,
Ревную от тебѣ прияти сердечныя правости,
И нынѣ всю мою совѣсть к тебѣ привлекох
И к твоему благоутробию без лѣности притекох.

МИХАИЛ ЗЛОБИН

ПРОШЕНИЕ МИХАЛКА ЗЛОБИНА*

Аще твое благо впредь утвердится на мнѣ,
Любителну быти во всѣхъ благодѣяниихъ ко мнѣ,
Еже Содѣтель[1] содѣйствовати тебѣ таковая
К симъ быти попремногу повелѣвая.
Слово же Господне вѣрно кто исполъняетъ,
Ей, таковый от неимущих въ презрѣнии не оставляетъ,
Ихже паче Христосъ в вѣчныя кровы вселити вѣсть,
Слухъ, пособствующих в нужах и в бѣдах, повсуду проповѣсть.
Аще же мое и недостоинство пред тобою въ чемъ,
Всячески бо милостиво надо мною учинити в томъ,
И неисправления моего дѣла в прилучае каковомъ.
Что приобрѣтение кому или прибыток иль богатство,
Подобно сему быти и равно вѣчное блаженство.
О сих ли кто усердно не внимает,
Желателно во благихъ како Бога призывает?
Аще же и многих в разумѣ свыше кто вѣсть,
Любезно таковыхъ благочестивыми кто проповѣсть?
Ущедряет ли нас чья безмѣрная милость,
И наипаче тѣмъ стократно обѣща Богь подати благость.
Милостивым бо той вѣсть попремногу воздавати
И имена их в сокровенныя книги писати.
Хранилища благочестивыхъ в руце требующимъ влагаются,
Аще милостив нрав чей к неимущим является.
Люто же немилостивый в день Судный истязанъ будетъ,
Кто же и твое благородство к себѣ забудетъ.
Услышати молю со усердиемъ
Вины[2] прошения своего тебѣ с милосердиемъ,
И истинныхъ и искреннихъ щедротъ от нас не умалити,
Наипаче же милостивъ и непремѣненъ нрав к намъ явити.
Царство Небесное симъ дарует Богъ,
Аще кто ущедряет неимущих от своих благъ.
К творящимъ бо добродѣтели сугубо возвращаются,
Аще к поданию неимущих руце простираются.
Кроники[3] описуют про нечестивыхъ,
Твердости не имѣюще благочестивыхъ.

---

[1] Создатель; [2] Причину; [3] Хроники.

Елико же в злобѣ и безмилосердии бываютъ,
Больши только всуе погибаютъ.
Ей, воистину добро по Бозе кому тещи,
Богатѣти же подаяниемъ неимущих, рѣщи.
О тлѣнныхъ и мимотекущих[1] не тако вождѣлѣти,
Горняя *же* паче всего любезнѣ достоит возжелѣти,
И за мала благая дѣяния здѣшнихъ онамо[2]
За таковая вселитися в будущем Царствии тамо.
Вѣсть подати тебѣ Господь небесныя тоя ограды,
Ей, со единокровными твоими и прочими домочады.
Слышану точию сотворити бѣдныхъ призрѣниемъ,
Таковых ущедрити неимущих подаянием.
И сице тебѣ, государю, начертати дерзнухомъ,
Твое же благодарство да осѣнено будет духомъ.

ИНО КО ИНОМУ О ЩЕДРОТСТВѢ*

Слово вѣрно в законѣ кто по Бозѣ исправляет,
Обѣтъ свой таковый ни в чемъ не премѣняет.
Вѣсть бо благочестивый правостью жити во всѣмъ,
Еже и страх имѣти преступлению в чемъ.
Различная действа суть всѣхъ на земли от благихъ отводятъ,
Шествие же путей правыхъ к жизни вѣчнѣй приводятъ.
И сим еще закону хранение подтвержение бываютъ,
Грады же и страны бесчисленных народовъ въ твердости пребываютъ.
Обѣта премѣнение ничтоже нигдѣ содѣвает,
Слово единовѣръно вся повсюду созидает.
Правда правѣдныхъ праведно избавляет от смерти,
О нейже суть мнози улучаютъ[3] и навышшая чести.
Дар от Бога свыше сему велий бывает,
Аще кто обѣтъ свой хранить и в ыстиннѣ пребываетъ.
Равно тѣхъ сочетание, иже не обрѣтеся лѣсть во устѣх,
Сий нравомъ подобитися можетъ самому Содѣтелю всѣхъ.
Всякъ подражатель истиннаго благочестия
Отревает[4] от себѣ далече всякия неправды и нечестия.
Едини бо блази и щедри наслѣдят[5] попремногу землю,
Мудроумных селения суть такова и како их не внемлю.

---

[1] преходящих; [2] туда; [3] получают, достигают; [4] Отбрасывает; [5] наследуют.

Истинно речеся, ходяй[1] без порока и дѣлаяй[2] правду,
Любы же присносущная по Бозѣ не подвижетъ никого на неправду.
О благих бо своих всячески прилѣжит и вышняя мудръствует,
Совета любителна ничтоже повредитъ, иже кто в немъ всегда бодръствует.
Твердъ бо ум о Бозѣ тщетнаго не помышляет,
Иже ково ревность божественная к добродѣтели утвержает.
Вѣсть же Господь таковыхъ от напасти избавляти,
О суеумных же упражняющихся не тако избавляти.
Елицы духомъ Божиимъ водими, сии суть сыновѣ свѣта,
Како приобщаются таковии к злымъ совѣта?
Осѣняет ли кого чемъ выну[3] благодать Божия, —
Мир весь и вселенная не может того совратити на путь безбожия.
Нѣсть ли кто от вѣка на земли, иже сотворит благое и не согрѣш*ит*,
Елико же кому в чемъ вѣра успѣет и в сихъ до конца не погрѣшит.
Страх Господень паче всего, и држай[4] его кому уподобится?
Любовь же имѣя ко всѣм, что болѣ сего быти сказуется?
О нейже небесная вся и земная выну обдержит
Всѣхъ паки, благъ от Бога улучением его предлежитъ.
О сихъ ли подробну кто внимает,
Единыя же заповеди от всѣх любви да не разоряетъ.
Желателно таковый Бога како призывати можетъ,
Еже в чемъ состояся закон и пророки, сего стяжати не можетъ?
О истиннѣ же прилѣжай, любы имѣя по Бозѣ всегда,
Безмилосердием нрава не бывает таковый никогда.
Егоже лѣствица утвержена к Богу благими бывает,
Щедротами сицевый и человѣколюбием от всѣхъ не отбывает.
Аще природою въ ком нърав добрый крѣпцѣ состоится,
Зѣло таковый пребывати *в* должном своем тщится.
Слово аще истинно, ту и дѣло вѣрно,
Ущедрити же вѣсть попремногу благовѣрно.
Даровати что неимущим зѣло похвално
И нѣдры[5] своя милостивно к таковым держати велехвално.
Ту и милость Божия свыше надзирает,
И на таковых око его всевидящее призирает.

---

[1] шествующий; [2] творящий; [3] всегда; [4] соблюдающий; [5] здесь: объятия.

ЛАРИОН

ПОСЛАНИЕ ФЕОКТИСТУ*

С Сию боголюбивую пользу пишу,
Т Того благодарения от себе не лишу.
А Аще изволишь о нужных вопросити,
Р Реку сие, яко подобает ти мою немощь носити,
Е Еже аз нынѣ чего желаю, —
Ц Царствия Небеснаго видети изволяю.
Г Горняго убо Иерусалима хощеш восприяти,
О О нихже молих, изволи подати.
С Сей виною мя учини свободно —
П Покажу ти вскоре работно,
О От него убо разум всяк является,
Д Да и тобою единочастно познается.
А Аще убо обретох благодать пред тобою,
Р Работная покажу ти собою.
Ф Фарисейскую злобу от себе отрицаю,
Е Елико любителная твоя, в сие вницаю.
О Отнюду бо всѣх дыхание животворитца.
К К тебѣ все днесь желателная обновитца,
Т Та азбука и послание лаодикийское,*
И И твое многоискательство блиское.
С Сего ради тебе челомъ бью,
Т Такоже и слезы лью,
Д Да свое желание узриш вскоре,
А А в нем обрящеши разумное море.
И И о сем твою брацкую дружбу, —
М Мнѣ сим покажи Бога ради службу.
И И в том тебѣ не будет утрата,
К К тебѣ от меня тотчас заплата.
Н Но отдам ти завтра рано,
И И что написать, та избрано.
Г Господа ради смилуйся надо мною,
У Учинит Богъ милость над тобою.
С Сего бо нѣгдѣ искати,
П Понеже нѣ с чево списати.
И И о сем велми нужном и потребен час,
С Смилуйся, помилуй нас.
А А по сем, государь, здравъ буди,
Т Только меня не забуди.

ФЕОКТИСТ

ОТ ФЕОКТИСТА К ЛАРИОНУ СТАРЦУ ОТВѢЩАНИЕ*

С Сию боголюбительную ползу пишу,
Т Того благодарения от себе не лишу.
А Аще изволишь о нужных вопросити,
Р Реку сие, яко подобает ти мою немощ носити,
Е Еже аз *ны*нѣ чего желаю, —
Ц Царствия Небеснаго видѣти изволяю.
Г Горняго Иерусалима хощеш восприяти,
О О нихже молих, изволи подати.
С Сею виною мя учини свободна, —
П Покажу ти вскоре работна,
О От того убо разум всяк является,
Д Да и тобою единочастно познается.
А Аще обретох благодать пред тобою,
Р Работное покажу ти собою.

Имя рек.

П Приникшему в духовную любовь всеусердне
О О Господѣ радоватися бы всегда прелюбезне.
Т Тверд ум о Бозѣ никакоже внѣшняго помышляет,
Р Ревность божественная всегда его утверждает.
У Умиляющаяся душа приходит в будущих помышление,
Ж Желающая плотцких, сама нисходит в погубление.
Е Елицы паки будущая в себѣ помышляют,
Н Не тако в сѣтех льстиваго увязаеми бывают.
Н Надеющеися на Господа яко гора Сион не подвижутся,
А А отвергшеися воля его в книгах животных[1] не напишутся.
Я Якоже огнь, пришед, изнуряет терние,
Т Тако и Дух Святый, нашед, потребляет согрѣшение.
О Око нездраво не может чисто к солнцу взирати,
Б Божиих судебъ такожe не мощно испытати.
О Очищаются и прикрываются грѣси чистым покаянием.
Ю Юность и лѣпота плоти погибает зелным воздержанием.
Л Лѣность и нерадѣние всегда содѣвают муку вѣчную,
Ю Юродство же по Бозѣ исходатаит радость бесконечную.
Б Богъ никогдаже радуется о погибели грѣшныхъ,
Е Еликоже мы сами веселимся о житии внѣшнихъ,

---

[1] жизни.

З Зрим всегда пред собою Божественное Писание,
Н Никакоже хощем уклонятися въ его наказание.[1]
Ѣ Ѣхати со врагом всяко будет не безбѣдно,
В В Бога же любовь такоже будет не безмѣстно.
О Острость и быстрость похвално есть уму,
С Смирение же и кротость украшение есть всему.
П Паки подобает ничим никому хвалитися,
Р Разве заповѣдми Божиими всегда веселитися,
И И о еже в них бывает души польза велика,
Я Якоже побѣждает мысленнаго Аммалика.*
Х Хощет Богъ, чтобы мы заповѣданная им исполняли
И И всегда бы его, своего Творца, на помощь призывали.
П Покой и пища растит и питает тѣло,
Р Рыдание же и плачь по Бозѣ содѣлает благое дѣло.
О Одѣяние красное прельщает очи телесныя,
Т Терпение же святыхъ удивляет ч*и*ны небесныя.
И Истиннии послушницы никакоже умирают,
В Воздержанием и терпѣнием своим бѣсовския полки побѣждают.
У Уядовленна[2] стрела сердцу человѣчю — лицо женско,
Т Твердыя же во умѣ вмѣняют то себѣ мерзко.
В Воистинну добро, еже по Бозѣ тещи и богатѣти,
О О тлѣнных же и мимотекущих не вседушно *подобает* радѣти.
Е Еллини ищут премудрости на сем свѣте,
Г Горе же им будет, егда предстанут в будущем отвѣте,
О От сущаго источника истѣкают воды живы,
А А от земныя мудрости бывают мысли возносливы.
Щ Щедрии и милостивии, тии сами помиловани будут,
Е Емлющеи чюжая насилием вѣчных мук не избудут.
И Истиннии друзи познаваются во время напасти,
Н Немилостивии же и лютыя в суетней своей власти.
Е Елицы красных всѣх здѣ наслаждаются,
Т Тамо же будущих благъ едва сподобляются.
А Аще ли кто не сам о своих грѣсѣх поскорбить,
К Кто ин душу его от лютыя муки свободитъ?
О Объядение же и упивание николи не содѣвает добра,
Н Нищета же со благодарением паче злата и сребра.
О Образ красен многим сердца изязвляет,
А А иже Божий страх имѣя, очи свои отвращает.
Б Беззаконницы и грѣшницы вси отидут во дно аду,

[1] поучение; [2] Отравленная.

А А творящеи волю Господню приидут вси во отраду.
Ч Чистота сердечная вся имать пред Богом представляти,
Е Еллинов же и еретиков ко истиннѣй вѣрѣ обращати.
В Воздержащеися и постящеися умерщвляют своя страсти,
О Обьядающеися упивающеися всегда впадают в злыя напасти.
С Смирение ж глаголется, еже ни в чем кому досождати,
П Погубление же вели*е*, еже ближняго своего осуждати.
И Истинный же милостивецъ, иже не разсуждая всѣм подает,
С Смотряй[1] же и испыта*яй*[2] не тако свою душу спасет.
А Афинѣйския бо ради премудрости никтож спасется,
Х Ходяй же по заповедем Божиим к небеси вознесется.
Т Терние и волчец[3] подавляют сѣмяна доброплодна,
И Истинннии же слезы ражают дѣла богоугодна.
В Вѣсть Господь благочестивыя от напасти избавляти,
С Сатанинския же слуги и други во ад посылати.
Я Язык неудержанъ всегда вводит в злая,
К Кротость же и молчание содѣвают дѣла благая.
О Обьядайся *и* упивайся не будет божественный витий,
Т Токмо всегда уловляем бываетъ от бѣсовскихъ сѣтей.
Ж Желаяй благих, спасет душу свою от смерти,
Е Еллинъ же и жидовин не хощет покорити*ся* ни при смерти.
М Мерзко Богу в человѣцѣх высокоумие,
Я Яко не подобает уклонитися в таковое безумие.
В Велие дѣло, еже кому от тово удержаватися,
Т Твердостию же ума всегда вооружатися.
О Отвергшеися Бога погибнуть вси душою и тѣломъ,
М Молящеи же ся ему восприимут от него по своимъ добрымъ дѣломь.
П Паки праведныхъ души яко солнце про*с*вѣтятся,
Р Ревнующих же злымъ яко тма помрачатся.
О Оружие потребно есть во время брани,
С Святыхъ же и праведныхъ душам въ божественной длани.
Т Терпѣние убогих не погибнет до конца,
И И за истинное их страдание вѣнчани от общаго Творца.
И Из мутны тины чиста вода не истѣкаетъ,
Н [4]Находящи печали[4], такоже здрав умъ не бываетъ.
И Источник сладок — бѣседа с премудрымъ,
К Корысть не добра — любление з бѣзумнымъ.
О Облак темный покрывает солнечный свѣтъ,
М Милостыня же творит к Богу дерзостный отвѣтъ.

---

[1] Вникающий; [2] познающий; [3] сорняк; [4—4] Погруженный в тоску.

У Умъ смущен не может избыти от забвения,
Ж Желание же благихъ от всегдашняго к Богу моления.
Е Еще ли хощеши к намъ имѣти свою любовь,
В Воистинну инъ никто к намъ не таков.
О О сем сам Истинный Свѣт тому свѣдѣтель,
З Зрит бо во всѣх насъ злую и добрую дѣтель.
В Восприими сие от своих плод з духовным люблениемъ,
Е Емляся своима чесныма рукама со всем усердием,
С Сохранен буди от всѣх злых, находящих[1] ти,
Т Терпи же и благодари о всѣхъ, приключающихся ти,
И И будет ти многа мъзда на небесѣх.

[1] случающихся.

ФЕДОР ШЕЛЕШПАНСКИЙ

ПОСЛАНИЕ КНЯЗЮ С. И. ШАХОВСКОМУ

Горѣ небеснаго Иерасалима веления желателю,
От дѣл познаваему несумѣнно о сем упователю.
Сему дерзнухъ в скорби моей достизати,
По благоданному дару могущему в бѣдах утѣшати.
От благоразумия твоего насладитися хощу,
Да сего ради христоподобныя любве твоея ищу.
Авраамля дѣла слышу боголюбиве творима тобою,
Ревнуя тому, свершеннѣ покажи ми образ собою.
*Ю*же имѣеши в нѣдрех милования гостинницу,
Мою душу с тѣлом приими в сию яко странницу.
От благихъ боголюбиваго душевнаго ти дому ухлѣби[1] мя,
Еже имаши, и вино словом Божиим разтвореное, сим напои мя.
Мое же к тебѣ благодарение противу воздарение,
У вышняго Царя милости о твоем здравии прошение.
К сему же прочее начну ти о моем скорбном пребывании повѣдати,
Но не достизает от многия печали язык мой потонку[2] изглаголати.
Яже попущанием Божиим грѣх ради моих случиша ми ся,
Зѣло от великих напастей и умныя ми дѣтель[3] умалишася;
Юже имѣхъ от Бога дарованнаго ми разума красоту,
Сего ми оземствование[4] мое нынешнее явило тщету.
Есть убо сие мое настоящее к тебѣ бесѣдование,
Многою скорбию изобилуемо и слезами текущее.
И аще якоже и прежде боголюбивый разум в тебѣ содержится,
О мнѣ твое благородие, непщую[5], умилится.
Нищетою убо разума и в потребных зѣло содержим есмь,
Увы, и нѣ помышляю, яко инъ таков едва кто есть.
И естьли благовнимателный ти слух милосердне приклониши,
Вины, о нейже ти дерзнух писати, внятелнѣ послушаеши.
Аще и зѣло грубо за скудость ума вѣщаю,
Но благолѣпная твоя разумѣния к милости поощряю.
О нихже самъ пострада и искушенъ был еси,
В тѣхъ и намъ напаствованным пособствовати мощен еси.
Ибо аз слышах тя прежде скорбная претерпѣвша,
Честь же достоинства твоего всех, разумѣваю, не погубивша.
Юже по печалнѣй тризнѣ терпѣния мзду приялъ еси,

[1] накорми; [2] подробно; [3] сила; [4] изгнание; [5] надеюсь.

Философиею Божия помощи, мню, сию стяжал еси.
Еликоже обыче твое благородие благая творити,
Добрыя сея твоея и мы желаем получити.
Корень и верхъ всѣм добродѣтелем есть и глаголется любовь,
Аще сея свершен рачитель явишися, не будеши во благих убог.
Шествия твоя права по добродѣтелному ти пути слышу,
Еяже стези и аз всегда усердно обрѣсти мышлю.
Лѣпо ти, благочестиве, и свойствено такову милостиву быти,
Еже и о нас, безутѣшных, братолюбне попечение имѣти.
Шуяя[1] части тоя ради добродѣтели Христос избавит тя,
Покоя же и веселия с праведными в десных сподобит тя.
Аще без пестроты[2] добрыя дѣтели[3] совершиши,
Лѣть[4] без возбранения в вѣчная селения инѣх предвариши.
Сего ради, боголюбче, усердно нынѣ потщися,
К требующимъ благотворити не отрецыся.
О сем паче всего благородию твоему стужаю[5],
Ибо усерднѣе инѣх здравия твоего слышати желаю,
Чтоб мнѣ тѣм в скорбѣхъ сих отраду приимати,
Еже часто свѣтоподобная писания твоя прочитати.
Лютая[6] моя вся подробну изявити не возмогаю,
О нихже паче благоразсудна вѣдца самого тебе уповаю.
Малое сие и грубое мое писанейце, молю, приими,
Братолюбнѣ же сотворив, своя ми благодарнѣ возсли.
И прочее молю незабытлива тя о нас быти,
Еже о вашем пребывании к намъ вѣдомо чинити.
Того есмь зѣло желатель,
Дабы еси был во благих пребыватель.

[1] здесь: Обида, кривда; [2] лукавства; [3] деяния; [4] дозволено, можно; [5] докучаю; [6] Беды, несчастья.

АЛЕКСЕЙ ОНУФРИЕВ

СТИХИ ДВОЕСТРОЧНИ О КНИЗЕ СЕЙ, ОБРАЗУ СПАСОВУ БЛАГОДАРНИ И БОГОРОДИЦЕ МОЛЕБНИ, ОТ ЧЕРЛЕНЫХЪ[1] СЛОВЪ ИМУЩИ РАЗУМ НѢКАКОВЪ

Иисусъ руцѣ имѣетъ возвышени,
Симъ бо врази мои низложени.
Христосъ имѣетъ руцѣ распростерти,
Сего бо ради злыя ми мысли стерти.
Спасъ мой матере своея прошения внят
И крестителя своего моление прият.
Владыко мой милость свою на мнѣ излия,
Благодать бо в мя Пресвятаго Духа влия.
Господь мой человѣколюбиемъ си мя возвесели,
Мысли бо благи в сердце мое всели.
Богъ мой благихъ своих мя преисполни,
Смысль бо мой буй добрых наполни.
Вседержитель рукама си благословляет,
Начати ми дѣло сие повелевает.
Рождьшая его и Креститель руце молебне простирают
И тако мя симъ к дѣлу сему вооружаютъ.
Владычица премудрости, вразуми мя,
И ты, единородный Сыне, просвети мя.
Богородице, подаждь ми разум начати,
И ты, Христе Боже, смысль скончати.
Присно Богомати, к тебѣ прибѣгаю
И помощь твою призываю.
Дѣво пресвятая, способствуй ми, грѣшному,
И сотвори мя коснутися дѣлу внешному.
Марие, Христа Бога Мати, о тебѣ хощу начати
И сие повелѣние царево написати,
Вразуми мя, госпоже Царице, скончати.
Аминь.

[1] выделенных киноварью.

СТИХИ КРЕСТУ ГОСПОДН*Ю* ПОХВАЛНИ ДВОЕСТРОЧНИ

Крестъ — упование благое благочестивым,
Крестъ — побѣда велия злочестивым.
Крестъ — царю нашему на враги его побѣда велия,
Крестъ — святому его сѣмени исполнения веселия.
Крестъ — православному ихъ царствию утвержение,
Крестъ — благочестивей полатѣ и воем ихъ огражение.
Крестъ — на ляхов и мусулманъ побѣдитель,
Крестъ — всѣмъ еретикомъ прогонитель.
Креста силою и дѣйством дѣло сие начася,
Креста божественным дарованием скончася.
Аминь.

ИНИ СТИХИ ВСЕЧЕСТНОМУ И ЖИВОТВОРЯЩЕМУ КРЕСТУ ГОСПОДНЮ ИЗЪЯСНИТЕЛНИ, БЛАГОДАРНИ, МОЛЕБНИ, ДВОЕСТРОЧНИ ЖЕ ПО АКРАСТИХИ, ЕЖЕ ЕСТЬ ПО КРАЕГРАНЕСИ

Словословлю тя, Кресте пресвятый,
Лобызаю тя, Кресте пречестный.
О тебѣ бо православнии царие царствуют,
Земнии владѣтели властвуютъ,
И архиереи слово истинныи исправляютъ,
Патриарси и епископи престоли украшают.
Радуется чинъ монашеский,
Иерейский и церковный всяческий.
Князей лицы сликовствуютъ,
А множество народа торжествуютъ.
Земленороднии вси радуются,
Ужасно же в преисподнихъ плачются,
Божественною ти силою попрани,
Одержими в тартаре связани.
Ликуютъ ти безплотныхъ множество,
Шестокрылныи приносят торжество.
Апостолы с праотцы играютъ,
Господеви своему сице взываютъ:
«О Царю Боже, Иисусе Христе!
Дивно содѣлалъ еси на твоем Кресте,
Велия раб*а* гордаго симъ связавъ,

О всѣхъ праведницѣхъ того истязавъ».
Радуют же ся и пророчестии лики,
Цари со ерархи и мученики велики.
Адамъ и Евва ото уз разрешат та ся,
Первыя бо клятвы свободил та ся.
О твоем таинстве, Кресте пречестный,
Давыд во царехъ дивный и честный
Иногда убо, в гусли бия, взываше,
А гласом си пророчески вопияше.
Чюдну же пѣсню научи пѣти тебѣ,
Егда провидѣвъ велие таинство о тебѣ:
Господа Бога нашего, — рече, — возносите,
О великой его таинстве хвалу принесите,
А подножию ногу его поклоняйтеся,
Любовию и страхом прикасайтеся.
Есть бо сие таинство свято и велико,
К сему бо притекающии приемлют толико.
Иногда Константин пред полки ношаше,*
Яковы побѣды вои его показаше.
Здѣ убо вторицею сотворися,
Алексий царь того ж сподобися,
Херугови бо его симъ изображени,
А и враги его такожде низложени.
Ревность Михайловичь яви благочестиву
И симъ одолѣ господарю злочестиву,
Еже не срамляяся носити распятаго на Кресте,
В херуговѣхъ же изообразити его вездѣ.
Аще бо в ветсемъ враговъ симъ побѣдили,
С Моисеом Аарон люди Божия свободили,
Изъ Египта бо сихъ извели,
Но и Чермное море превели.
Аще образомъ симъ Аммалика победи,
Аще горкия воды в сладость претвори.
Но се все бысть дѣйство Креста,
О сем вѣмы, чюдодѣйствова бо той всегда.
Фараонову и Амаликову силу той победи,
Росийское царствие от погановъ той свободи
И всеа Русии царя возвесели силою твоею,
Еже покори враги его мощию своею.
Вѣрному правителю благочестия,
Алексию, искоренителю злочестия,

Православия скипетры содержати устрой,
Елико Константинъ обдержа, в руце его присвой.
Радость превелику сотвориши Константинуполю
Внегда, честный Кресте, совершиши твою волю,
О семъ православнии вси тамо рыдают,
Еже от тебе великии милости ожидают,
Но свободиши сих от мусулманскихъ рукъ,
Агарянскихъ насилующих ими внукъ.
Престол християнский в первую лѣпоту возведи
И сих, не познавших пропятого[1] на тебѣ, низведи,
Седмихолмаго скипетры повели удержати,
Алексия царя семени Алексию ж содержати,
Сила бо твоя божественная явится,
Яко Византия в руце его утвердится.
Возвыси рог християнъ православныхъ,
Силою твоею низложи злославных.
Людие, сѣдяще во тмѣ, узрят свѣт велий,
Аще свободятся таковы радости и веселии.
Восхвалят тя выну во вся дни своя,
Удивят бо ся, зряще благодѣяния твоя.
Кресте, божественная сило недовѣдомая,
Разрѣши моих грехов пленица[2] несвѣдомая,
Елико бо хощеши, вся сотвориши,
Силою твоею царьское сие велѣние совершиши.
Ты еси похвала моя и утвержение,
Устнама моима даждь твое поучение.
Аминь.

[1] распятого; [2] узы, оковы.

ТИМОФЕЙ АКУНДИНОВ

⟨ДЕКЛАРАЦИЯ МОСКОВСКОМУ ПОСОЛЬСТВУ⟩*

Пять каменей Давидъ имѣл в пастуше тоболю[1],
Коли, не стерпѣвъ от неприятель сердечново болю,
Шол смѣло против страшново Галиада,*
Израильтя*н*ского вѣрне бороннячи[2] стада.

Голиада с пятью дух и гордости забила.
Тако и мы во имя Божие имѣем с пяти смыслов готовых
На неприятеля пять вѣршей сложоных.

Хвала милостивому святому Богу!
От неприятеля бежав через осмь земель, не преткнулисмы[3]
о камень свою ногу,
А не нарушили здоровья и чести и сана,
И ныне естесмы[4] под крылами милости турсково Ибрагим султана,*
Дву цесарствъ и сту царствъ и двухсот и пятидесяти кролевствъ
трех частий свѣта монархи,
Той может стерть неприятеляй моих карки[5];
Егоже слава поты[6] ся на земли пусть славит,
Поки в небе звѣзды и мѣсяцъ свѣтитъ.

НА ПОНОСИТЕЛЕЙ ОТВѢТ

О Москва, мати клятвопреступления,
Много в тебѣ клопотов[7] и нестроения!
И ныне ты неистовишся и крови жадаешь[8],
На своего господина клеветной лукъ напрязаешь.
Хто тебѣ што милой отчине здавна послугует,
На тово твоя неистовность всуе негодует.
Тѣх древних своих княжат уставы отверзаешь,
А новых выродковъ, мнимых князей, приемляешь
И их, наскакателей, почитаешь и обогащаешь,
А старожитных[9] от осми сот лѣт природных уничижаешь;

---

[1] сумке; [2] защищая; [3] мы не споткнулись; [4] находимся; [5] шеи; здесь: головы; [6] до тех пор; [7] роптания; [8] жаждешь; [9] древних.

Новых же и злодѣйных гласом и жалованьемъ ся прелщаешь,
А чужими бедами отнюдь ся не наказуешь[1].
Хощеши ли лстивое жалованье сих познати, —
Совѣтую ти и разуму их и любви внимати.
Изрини от себе тѣх митрополитанчиков окаянных,
Наших и отца нашего государя царя измѣнных врагов непостоянныхъ,
И послушай Христа и Спаса твоего,
А приими мене в дом достояния моего.
Я естем мнимый подьячей, а истинный царевичь московский,
Якоже иногда краль Аполлон Тирский.*
Я естем здѣсь непознаный князь Шуйский,
Якоже иногда Иовиан, цесарь римский,*
Егоже свои, ему познавше, на престол возведоша,
Также и ты, Москва, не призри мене, изнемогъша.
А коли будут твои дѣтки поносити нас чѣм,
Мы с образца своих родитель на винних[2] хврастия не будем
жаловать ни в чѣм.

НА ФИЛАРЕТА МИТРОПОЛИТА*

У трех товарыщев былъ один хлѣб завѣтный:*
Тому из них съесть, хто сон увидит хвалебный.
А сами были розными обычьи товарыщи:
Один гордъ, другой лукав, третей вран на нарыщи[3].*
Но лукавый гордаго и враноподобного оманул,
Их ... лукавством потопил и сам в нем утонул.

Царствовати ж устроил сына своего митрополитскаго,
А гордому кролевичу польскому* царствование московское
яко бы во снѣ ся снило,
Враноподобному ж тушинскому вору* на ево безголовье
не долго власти было.
А всѣ тѣ от Филарета были злых браней дѣла,
Хотя Польска[4] благословеной Москвы не овладѣла,
Но усты[5] меча народ весь был пояден
И от конца до конца земли огнем попален.
Почто ж, Москва, зло все забываешь,
А мнѣ, природному своему, повинности не воздаваешь?

---

[1] поучаешься; [2] виноватых; [3] ворон на развалинах; [4] Польша; [5] рот, здесь: острие.

НА НЫНЕШНЕЙ РОЗРЯД МОСКОВСКОЙ И МИТРОПОЛИТАНЧИКОВСКОЙ

Что ся ныне в нашем вѣку сотворило, —
Толь много ся злых дѣл расплодило,
Яко едваж ест ли нам у Бога милости мѣсто,
Коль тяшко от бояр народу и тѣсно.
Только умножися гордости и кривды,
Якож и отнюдь не знают суда и правды.
Древних бо княжат уставы отвергоша
И вся древняя судебники обругаша,
Новая ж своя вся суетне поставляют
И тѣм безчисленно народу укривжают[1];
Яко великие рыбы малых поглатают,
Тако они их и имѣния их снѣдают.
Еще ж и гради мнози суеумне згубиша,
А широкими помѣстьи и царство обнищиша.
Только сами ся изобильно обогатили,
Военный же чин ни во что наменили[2],
Но хотят тотором[3] и протчим сосѣдством
Грозни и страшны быти своим богатством,
Счастие свое в немецкихъ питиях пологающе,
Гради ж земля своея нѣмцом и поляком раздавающе.
И татаром пустошить земли своея не возбраняют,
Аще от них и безчисленно человѣкъ, яко скоту, отгоняют.
Но еще имже за то выходы[4] дают и дани,
Чтоб могли от них цѣлы пробыть сами.
Москва руцѣ угрызает и оных ненавидит,
От нихже приношения пѣнязей[5] не видит.
Кто дастъ, того послушают от всей вѣры,
Кто не дастъ, — затворятся от него двери.
Что ж ты в том, Москва, добрѣ оплошилась?
Блюдись, чтоб дверь милосердья Божия не затворилась.

---

[1] притесняют; [2] поставили; [3] татарам; [4] налоги; [5] денег.

К ЧИТАТЕЛЮ

Християнское есть — пад, востати,
А дьявольское есть — пад, не востати.
Сам, христолюбче, разумѣешь,
Мой ласкавый читательнику[1], и познаешь,
Кому воздать честь и вѣрность,
Помнячи природных государей давность.
К тому не будешь ихъ поношати,
Но, и о преднем[2] каяся, прощати,
Понеже кто ся власти противляет,
Тот, по апостолу, Богу ся противляет.
Мой вѣрне милый читательнику,
Не дивись настоящему враждебнику,
Что он в наслѣдии нашем господствует, —
Так ему мир, а не Богъ дарствуетъ,
Который злых возвышает,
А благих отнюдь уничижаетъ.
Смотри же не начала, но конца,
Да будеши мудръ до конца.
Хто сначала скачет,
Тот напослѣдок плачет.
А так найдешь корысти не мало,
Что ся тут кратко собрало;
Само бо доброе себя хвалит,
А злых лукавство палит[3].
Здоров же, любимиче, буди,
А своево государича не забуди.

[1] милостивый читатель; [2] прошлом; [3] жжет.

МИТРОФАН

Море мысленое всегда волнуется,*
И от волнъ его корабли сокрушаются.
Темность облачна закрывает свѣт сердечный,
Разлучение же от тебѣ наносит мракъ вѣчный.
Огненый столпъ пути к тебѣ не являет,
Фараону подобно яко в мори потопляет.
Аще не приидеши ко мнѣ въ приятности,
Не могу стерпѣти великия печалности.

ЕПИФАНИЙ СЛАВИНЕЦКИЙ

* * *

Како возможемъ достойно хвалити,
пѣсньми духовны *тебе* ублажити,
Дивна и чюдна отца Николая,
святаго славнаго всѣм архиереа.

Архиереомъ отец и началникъ,
нам же, монахом, ты добрый наставник,
Вси бо тобою спастися желаемъ,
молитвы своя к тебѣ возсылаемъ.

Церковь Христова всегда прославляетъ,
подвиги твоя преславно являетъ,
Нас, рабов твоих, от бѣд изимает,
лютых печалей всех нас свобождает.

Мы тя на помощъ всегда призываем,
скорую милость твою почерпаемъ,
Буди заступник в день наших *напастей*,
горких болѣзней, душевных всѣх страстей.

Свѣт твой на свѣщницѣ свѣтло сияет,
вселенную чюдесы озаряетъ,
Вся страны вѣрных к тебѣ прибегают,
многую милость твою получаютъ.

Ты на земли ангелски пожилъ еси,
немощи наша вся ясно ты вѣси,
Милостивъ нищим ты, отче, был еси,
милость Господню самъ улучилъ еси.

На небѣсѣх нынѣ присно живеши,
ангелския пѣсни Богу поеши,
Раб его вѣрный истинно словеши,
добрѣ всегда ему работаеши.

Егда на земли во плоти был еси,
многих от смерти ты свобождалъ еси,

Требища[1] идоловъ сокрушил еси,
церковь *свободилъ святу от ереси.*

Воинством крѣпким враги попирая,
вся сопротивных силы низлагая,
Духа мечемъ главы тѣх отсѣкая,
ереси злобу всю искореняя.

Ты дѣлатель винограда Христова,
твердый хранитель и Божия слова,
Паслъ еси добрѣ словесныя овцы,
всѣх проводил их во вѣчныя дворцы.

Призри *и* нынѣ на нас, рабовъ твоихъ,
научи насъ творити доброт своихъ,
Воведи насъ в Царство нас Божие к себѣ,
тверду надежду имѣющих к тебѣ.

Во вѣки бы намъ с тобою там жити,
вѣчныхъ у Христа благихъ получити,
Славити его со ангелы присно,
от всего сердца величати *честно.*

* * *

Благаго царя Мати,
Что ти маю воздати?
Себе приношу,
Покорнѣ прошу,
Не дай погибати.

Не допускай умерти,
В тяжкой грѣховной смерти,
Моли намъ Сына,
Дѣво едина,
Не можем врагов стерти.

Такъ нас упановали[2],
Справитися не дали,

[1] Капища; [2] подчинили.

Стягают луки,
Берут нас в руки,
молчать заказали.

Я толко сѣ складаю,
На небо поглядаю,
Не предаждь мене
Земным племенем,
Аз к тебѣ прибѣгаю.

Копиемъ намѣряют[1],
До боку ся складаютъ,
Мечь изострили,
Портъ заступили,
А серце пронзили.

[2]Не маю ся, гдѣ дѣти[2],
Не могу [3]ради мѣти[3],
Убивай же ся,
Укладай же ся,
Мати, за свое чадо.

Красная Дѣво моя,
Святая память твоя,
Полегла еси,
В Гефсиманстѣй веси,
На вѣки слава твоя.

Предстани одесную
И в землю словесную,
Учини чисту
И презрочисту[4],
Яко поднебесную.

* * *

Святии святители, к вамъ прибѣгаемъ,
Вашими молитвами спастися желаемъ,

[1] нацеливаются; [2—2] Некуда мне подеваться; [3—3] получить совет, т. е. помощь; [4] прозрачную.

Восперите молитвы ваша ко Господу,
Сохранити ся вашему невреждену стаду.

Вы бо на земли Богу угодили есте,
И яко солнце в мирѣ свѣтло возсияете,
Петре, Алексие, Ионо пребогатии,
Пастырие российстии, отцы преславнии.

Святость и свѣтлость в правду по вас обратися,
С небесною зарею Христомъ усрѣстися,
Свѣтла ваша чюдеса, свѣтло и житие,
И преславно на небо ваше возшествие.

Камение честное во церкви сионстѣй,
И вѣнецъ многоцѣнный есте земли рустѣй[1],
Яко небо церкви вы благоукрасили,
И рогъ[2] благовѣрн*ому* цар*ю* возвысили.

Поминайте насъ присно, пресвященнии,
Иерарси славнии божественнии,
Пред престоломъ стояще Троицы Пресвятии,
Со аггелы поюще пѣсни трисвятые.

Не забывайте чреды, ихже упасосте,
И скипетры царствия, юже вознесосте,
Покорите под ноги на нас востающих,
На нас сѣти[3] многия изобрѣтающихъ.

Враги наша да падут пред лицем нашим,
Скорым заступлениемъ, пастырие, вашим,
Благовѣрн*ому* царю крѣпость возвысите,
И всѣм вѣрным людем здравие испросите.

Вы бо граду нашему столпы крѣпчайшии
И хранителие превысочайшии,
Богогласни трубы, радости трубящии,
И учениемъ пресвятым печали губящия,

---

[1] русской; [2] здесь: силу, мощь; [3] ловушки, западни.

Кедри и кипариси благоуханнии,
   Винограда Христова лозы презрѣлы,
Богодухновеннии гласи и органи,
   Гусли Божественнии, струны и тимпаны.

Непрестанно молите вѣрным всѣм спастися,
   Во вашем учении присно упастися,
Да угодны явимся пред Христовым лицем,
   Слава Святаго Духа з безначалным Отцем.

АРХИМАНДРИТ ГЕРМАН

* * *

Ангелскую днесь вси радость,*
 человѣческую сладость,
Приидите, возвеличимъ
 и о дни семъ вси услышимъ.
  Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя.

Сей святый нареченный день,
 в онъже Христос возврати плѣн,*
Прежде лестию плѣненный,
 нынѣ же Крестомъ спасенный.
  Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя.

Сына единороднаго,
 Отцу сопрестолнаго
И Святому Духу купно,
 пребывающю не смутно.
  Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя.

Воскресшаго днесь от мертвых,
 не разрушшаго узъ тлѣнных,
Радуйтеся вѣ*щ*авшаго
 и печаль всю разрушшаго
  Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!

Тѣмъ, нов*аго винограда*
 елика добрая чада,
Духовно возвеселимся,
 агнцем святым учредимся.
  Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя

Пиво новое пиюще,
 Иисуса вси поюще,
Пребывшии сперва в дѣлѣ
 и недоспѣвшии к тѣхъ мѣрѣ.
  Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя.

Постившии*ся* достойно,
приимите мзду безмолвно,
Яко раби усердении,
ко Владыцѣ любезнии.
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя.

Елицы же *умедлиша*
и с первыми недоспѣша,
Не бойтеся медлѣния,
своего закоснѣния.
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя.

Благодаряще празднуйте
и со всѣми торжествуйте,
Не лишающеся манны,
от небеси нам поданныи.
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя.

Радостию вопиюще,
пѣснь веселую поюще,
Свѣтися, свѣтися, новый
Иерусалиме добрый.*
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя.

И возведи очи своя,
Сионе, вижд чада твоя,
Издалеча приидоша
и в радость твою внидоша.
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя.

От запада собранная,
от сѣвера избранная,
И от моря и от юга
стояща окрестъ ти круга.
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя.

Господа славяще ясно,
елико мощно и гласно,
Рай нам нынѣ отверзшаго,
мертвых вс*ѣх воскресившаго.*
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя.

Аггело*в*ъ царя поюще,
на слышание зовуще,
Еже вняти мольбы гласа,
*с*вободити Отца вс*ѣхъ насъ*.
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя.

Иже в житии семъ сущихъ,
его пастырства ждущих,
Напасти здѣ избавити,
а онде мук свободити.
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя.

Пастыря и всѣ*х* пасомыхъ
извѣсти в мѣсто питомых,
Со святыми купно быти,
аггеломъ вѣчно *со*жити.
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя.

* * *

Господи! Возвах к тебѣ, услыши мя,*
егда воззову к тебѣ, сам призри мя.
Руку моею милостивно прийми,
молебная воздѣяния воньми,
Аще бо не ты мене услышиши,
на моления моя самъ призриши,
Мнѣ к тому нѣсть прибѣжища инаго,
о тебѣ сокрушаю врага злаго.
Накажи мя, праведный, сам в милости,
аггельский и всѣх Царю, во благости,
Христе, туне мук вѣчных свободи мя,

Мое моление да исправится,
от тебе в кадило да ухается
Любовию, яко жертву всеприятну,
яви милость яко и заизрядну.
Спасителя нигдѣже обрѣтаю,
яко тя единаго Бога знаю.
Прегрѣшенми бо аще и связахся,
ибо вѣры никогда отлучахся,

Со гнѣвом бо аще назриши наш грѣх,
  абие мал обрящется во всѣх спѣх.
Христе, воскресением обнови мя.

* * *

Радуйся, благодатная,*
  аггелъ Царю дарованная
Дѣво, Мати Божия Сына,
  умн*ы*х Творца зачен[1] вмѣстила
Избраниемъ Духа со Отцемъ,
  Слово носи, Творца всѣм концем,
Явно ти в чревѣ, преславная,
  радуйся, благодатная.

Алфа перва и послѣдняго,
  денми ветха безконечнаго,
Утробою яко носила,
  изряднейши ты породила.
Сопрестолна Отцу и Духу,
  яко пророкъ познася слуху,
Бисеръ свѣтлый, Дѣво красная,
  радуйся, благодатная.

Драгоцѣнен яко родила,
  у сосецъ ти свѣт воздоила,
Из Персиды волхвов пришедших,
  *с*мирну, злато, ливан принесших,
Ясно зряще поклон творящих,
  Бога, Сына и тя блажащихъ,
Любве гласом симъ возванная,
  радуйся, благодатная.

Усмотрила еси в радости
  источника всея благости,
Сѣдящаго средѣ учитель,
  яко мудра между рачитель,
Болѣзненно, егоже дни три
  людей обшед, искав, усмотри,

[1] зачав.

Аки детя взя всеславная,
радуйся, благодатная.

Имже зраком з брачна чертога,
сына зряше воскресша Бога,
Ядом лести падших возставлша,
Бога того чтущих спрославна,
Лучезарно вшедши в небеса,
апостолом явлша чудеса,
Гласом давша обѣщанная,
радуйся, благодатная.

Сама взята материю си
явѣ к Богу, сущу в небеси,
Болѣзненный оставша живот,
лѣть к Сыну благости животъ,
Аггелов всѣх взыде превыше,
горних чинов в чести излишше,
Облакъ света, богоданная,
радуйся, благодатная.

Ясным дѣвством аггелъ честнѣе,
блаженством всѣх святых славнѣе,
Ликуй, Дѣво, радуйся выну,
аггелъ болши имущи к Сыну,
Горѣ в небѣ дерзновение,
общий земли мир, смирение
Даеши всѣмъ, многославная,
радуйся, благодатная.

Без всякаго прекословия,
любовию богословия
Архаггели и вси жители,
горних небесъ сопребытели,
О Господѣ тебе послушни,
дѣвством твоей власти подручни,
Адама дщи прежеланная,
радуйся, благодатная.

Любимаго Христа, едина
агнца блага, своего Сына,

Господа всѣх нас умолити,
обилие благъ испросити
Дерзновенно и вся можеши,
аще что сама хощеши,
Таиннице свѣтозарная,
радуйся, благодатная.

Голубице златоперая,
облеченна в драгоцѣнная,
Дѣво, Мати бѣды терпящих,
алчющых всѣх помощь молящих,
Аки Мати Царю свободна,
Троицы сѣсти близ бысть достойна,
На вѣк вѣка достохвалная,
радуйся, благодатная.

Архаггеловъ превозшедшая,
горѣ область всѣх приемшая,
Отца, Сына купно со Духомъ,
держаща всю тварь и с воздухом,
Тѣло и умъ услаждаеши,
недугъ и бѣд избавляеши
Аки Мати благонравная,
радуйся, благодатная.

Обилие радости вѣчны,
Дѣво, прияти бесконечны,
Аггелскаго Владыки в славѣ,
тебѣ, святѣй, в вѣк быти явѣ,
Некончима радости в свѣте,
арамат всѣх лучшии в лѣте,
Яснѣ вѣчнем богокрасная,
радуйся, благодатная.

Господь с тобою, пресвятая,
осѣнивый тя, всеблагая,
Святымъ Духом благодатно,
приуготовав ти приятно
Объяти чревом Содѣтеля,
Дѣво, и тебѣ Содѣтеля,

Си с рѣчи благихъ таковою,
радуйся, Господь с тобою.

Тѣмъ, Владычице всѣх, Царице,
Отча невѣста и Дѣвице,
Богородице, спаси от бѣд,
облекши в покров радости всѣх
Юныхъ и старых, тя поющих,
глас радостен тя в млеко ссущих,
Единъ пѣснию сицевою,
радуйся, Господь с тобою.

Радости твоя обносящих,
молбу тебе в тѣх приносящих,
Аки благая Творца Мати
нетлѣние всѣм даждь прияти,
Проси твоего Сына Бога,
общны явити нас чертога,
Юнѣйша в вѣк свободою,
радуйся, Господь с тобою.

* * *

Блаженству тезоименитаго*
от Бога благословеннаго
глаголы чтемъ похвалении,
пѣсньми вопиемъ прославлении.

Любовно прежде яко дѣти
потщимся днесь руками воздѣти,
единаго Бога моляще,
да дастъ умъ, мольбу приносяще.

Аггелы похваляемаго,
святыми ублажаемаго
разумно и намъ похвалити,
от Жития часть предложити.

Живот наслѣдивши превѣчный,
свѣтъ получивши безконечный

Макария, нашего отца,
свято поживщаго до конца.

Егоже убо по обѣту
прияша, яко сына свѣту,
аки младенцовъ покояше,
родители сего строяще.

Но той во время церковнаго
пѣния всесоборнаго
несомъ во церковь утѣшашеся,
в дому же слезъ наполняшеся.

Нуждн*ѣ*йшаго и от младенства
познатие быти блаженства,
мало егда в возрастъ сей достигъ,
разумъ книжный удобь постигъ.

Оставляетъ миръ с родители,
течетъ по Христѣ в учители,
остризаетъ главы си власы,
приемлетъ власть скоро над бѣсы.

Минувшю немало времени,
познася коего племени,
любовь плотску отверже от отца,
за любовь возлюбльшаго Творца.

Умилно отца вопиюща,
лице показати зовуща,
явити не восхотѣ всяко,
гласъ же того послуша тако:

Мало келлии оконца укрывъ,
руку десную токмо явивъ,
симъ родителю скорби устави[1],
себе же повсюду прослави.

---

[1] доставил.

Абие въ благихъ дѣлѣхъ явленъ,
хвалимъ от всѣхъ, яко совершенъ,
яже мерзко си вмѣни быти,
изволи в пустыню изыти.

К нему же въ любви распалени
не быша и ту отдалѣ*ни*,
взыскавше всюду, обрѣтоша,
братия много повнидоша.

Аггелоравный же сей мужъ
братство на брань крѣпко вооружь,
обрѣтаетъ себе любовно
Желтых вод мѣстомъ угодно.

Распростираетъ же той селитву[1]
и храмъ, в немже творим молитву,
показуетъ образъ добрыхъ дѣлѣ,
превосходящь человѣчь предѣлъ.

Искушения не утече,
егда в добродѣтелехъ востече,
Иову подобно пострада,
братии ссѣченных пред ним взрыда.

Юнцемъ подобно заключенныхъ,
возвращся, погребе любезныхъ,
юродство варваръ Богъ преложи,
сего отпустити умъ вложи.

Много же в пути чюдодѣйствъ
отпущенных с ним явль благодѣйств:
лcraft отпущенна приведе
и в снѣдь благовременно даде.

Быв же на мѣстѣ Унжи зиждетъ,
обитель братии воздвижетъ,
Господу угодивъ доволно,
аггелы веселыя в мѣстѣ горнѣ.

[1] селение.

От насъ, память творящих его,
моли Бога прославлшаго того,
недуги душъ и тѣлесъ отъяти,
егоже судит жизнь подати.

* * *

Небо радуется согласно,
воздухъ же да свѣтится ясно,
блистая, сияя всебогатно.
Разверзи облаки темныя,
вожзи, солнце, лучи свѣтлыя.

Ибо приспѣ день торжественный,
свѣтел праздник и божественный,
немощным, скорбящим вселюбезный,
архиерея всемирнаго
святителя превеликаго,

Ко Богу тепла заступника,
прескораго всѣм помощника,
в печалех, *во* бѣдах пособника,
достойно соблюдшаго звание,
ко всѣмъ любовное тщание.

Отца святаго Николая,
единаго днесь ходатая
любезно, прекрасно похваляя.
Услышавше, вси приидите,
о людие, праздникъ почтите.

Любовно со мною творяще,
весело молбу приносяще,
от скорбей и от бѣд вси просяще
явственнаго избавления,
рукъ вражеских восхлащения[1].

Архаггельскому подобнику,
архиерею праведнику,

[1] обуздания.

святому, благому и постнику,
священному вси Николаю,
благосердому ходатаю.

Юноши и дѣвы, зовите
юнаго избавлшему рцыте,
священ*не*, блаженне возгласите,
якоже воиновъ избави
и нашъ живот в мирѣ пробави[1],

Паки яко корабль управи
и нашея жизни устави
смутныя, бурныя вся престави,
аду же волны подобныя,
лютыя и неудобныя.

Грубых низложи шатания,
еллин утоли смущения,
ревности, лютости прещения
мятежи враждебных отжени[2],
Ариа якоже посрами.

На мою молбу преклонися,
скверных ми устъ не отвратися,
торжество поющу умилися
*р*аботы отр*ѣши вражия,*
огнем впери любве Божия.

И вся молитвами си спаси,
твердо в злацѣ благом упаси,
ересей прещения угаси.
Любовнымъ союзъ в благой мѣрѣ
подаждь житие в правой вѣре.

Еже царствию нерушиму
честну же быти и храниму,
аггелы святыми огражденну,
лучами всегда осѣняя
и миръ и стадо сохраняя.

[1] продлил; [2] подавил.

Отечество си яко сохрани,
болѣзни от мира отгони,
добрыми крилами си огради,
единъ бо еси толикаго
разума, блага великаго.

Животных[1] бо кто твоих словес,
аггелска языка и чюдес,
щедрости, милости твоих дѣлес,
иже не насытитися всегда,
воеже бы жаждати когда.

Еще кий убо град не имать
любве твоея, с тѣм взывает
*и*ли весь и страна, еже приима*е*т
конечнаго заступления,
о Бозѣ ти свобождения.

Всякая церковь вспѣваетъ
и вселенная возвѣщаетъ,
дѣлѣса, чюдеса похваляет,
вси гради обогатишася,
чюдеса ти освятишася.

Тѣмъ убо и мене поюща,
в торжествѣ твоем празднующа,
сохрани и спаси ликующа
от печалей неначаемыхъ
и мукъ ондѣ[2] некончаемыхъ.

* * *

Феодоръ, славный воевода,*
добрый стратилат вѣрна рода,
лѣпаго, благаго, избраннаго
царя подаде соименна,
Феодора намъ благовѣрна.

---

[1] здесь: Животворных; [2] в другом месте.

Единаго намъ примиряя,
ангелъ Владыку умоляя,
тайными моленми и явными,
авраамских дѣлъ былъ исполнен,
его и дара бысть *сподобленъ.*

О нашем благом промышляя,
здравиемъ царя окружая,
седмъкратно, богатно, многократно
разум подая премудрости
от Бога всея пречюдности.

Днесь же и всѣм нам простирает,
алчющим правды представляет
тысящьми многими преболшими
ядий различных исполненну
добрых трапезу наполненну,

Обильну дѣлесъ пречюд*ес*ных,
щедрости всея исполненны
сточислнна, безчислна, многовидна,
того любящим преблагая
облобызати дѣла тая.

Разума бо исполн и мудрости,
изященъ и храбр от юности,
ограда преграда вертограда
Еллады всея показася,
ратникъ предобрый всѣ*м* по*з*нася.

Аки от древле сущ*их* явныхъ,
щитоносецъ бѣ един славный,
свѣтлыми, храбрыми побѣдами,
занеже и вскорѣ прославися,
абие епархъ поставися.

Величайшаго суща прочих,
аки избранна паче болшыхъ,
мног*ими* славными изрядствами
оного града Ираклии,
унша и славна во Еллии.

Оборонитель и владѣтель,
егоже избра благодѣтель
десною рукою си святою,
иже и пасе благочестно,
соблюдъ от навѣтъ неповредно.

Сего не терпя враждотворецъ
тмы отецъ, вѣрных ратоборец,
яряся и зляся, гнѣваяся,
мрачен облак на нь воставляет,
еже мучити воздвизаетъ.

Христова ради благовѣрства,
улов*л*ша иных от зловѣрства,
томиша, мучиша, изьязвиша,
еже и доблий, всеусердно
раны претерпѣ вселюбезный.

Великая и премногая,
мукъ томления прегоркая
шелыги[1], вериги, ины многи
неслышанная и от вѣка
даже и до дне сего лѣта.

Агнца подража в терпѣние,
о насъ подъемша мучение,
ста горких для горних, терпя скорбных,
нуж*н*у смерть стражда, похваляше,
на крестѣ Бога прославляше.

Ликовнии, о сих прииидите,
лѣпотнѣ память и почтите
во гласѣх, тимпанѣх и кимвалѣх,
аггельским царем явленнаго,
апостолъ вѣнцемъ почтеннаго.

Яко воина прекрѣпкаго,
явленно врага побѣждшаго,
осмый вѣкъ, благий свѣт получиша,

[1] металлические прутья.

гласно воспоемъ вси поюще,
глаголъ «радуйся» днесь зовуще.

Юродов враговъ побѣдивый,
юнѣющу любовь явивый,
день от дне изрядне безпрестаннѣ
общему твари вси Владыцѣ
от негоже почтенъ святых в лицѣ.

Умнаго свѣта наслаждаем,
богатных щедротъ насыщаем
изрядне и явне, немѣрцаннѣ
Господа славы всегда моли
и спасай царя Росския земли,

Честное имя ти имуща,
единонравна в дѣлѣх суща,
услади, возведи, сам совзыди,
ратники пред ним покаряя,
невѣрныхъ в землю низлагая.

Единаго сам самодержца
царя всѣм яви и обдержца[1],
никого иного, токмо сего
государя царя, насъ христианъ
ему даждь племя и агарянъ.

Руку его на вся вознеси,
молитвою ти с царством спаси,
явленна, любезна, многолѣтна,
аки свѣт мира в вѣчна лѣта
наслѣдна в Бозѣ святых свѣта.

[1] властелин.

⟨ЭПИТАФИИ ПАТРИАРХУ НИКОНУ⟩*

⟨1⟩

Аще кто любит милость Бога к земнымъ знати,
кий дар благим даетъ, се изволи читати.
Здѣ пришед, о лежащем сем во гробѣ внимай,
суща в мирѣ вся како той остави, познай.
Горних ищай, родитель весма отречеся,
братства Анзеръ при морѣ монахом причтеся,*
Единъ в Кожеозерской немало пустыни,*
от печали удален, живяше во святыни,
Рвы[1] врага и вся сѣти удобь[2] прохождаше,
хранити братство ради тех принужденъ бяше.
Манием дивным даде ему стражу стада,
постави Бог пастыря всего си ограда,
Архиерея России всей преименита,
и отца святейша, всѣм концем знаменита,
Никона патриарха, неверным всѣм страшна,
слогов правых, дѣлъ вѣры снискателя ясна.
Вся добрѣ шесть летъ с царемъ в совѣтѣ исправлша,
узрѣ врагъ того от многих бедъ лютых воставлша,
Подвиже в началных[3] и менших зависть дерзку;
реть[4] ту зря, он в обитель сходит Воскресенску,*
Абие зиждет во образ иерусалимский
Воскресшаго велий храм, яко палестинский,
Мѣсто всех страстей Спаса и Гроба святаго,
у тех же найдение и Креста честнаго,
Яко да видя тоя, присно поминаемъ,
сыновство, имже прияхом, да не забываем.
Тоя зря, диявол от злобы не престаетъ,
огнь *себѣ* подгнѣщая[5], того изгоняетъ
От места сего, в немже поживѣ де*в*ять годовъ,
любезний, совершая подвигъ многих трудов.
Тщателно во изгнании живот си прово*д*и,
в лето пятонадесять того Бог возврати,
Царя егда воздвиже к тому благосерда
Феодора *и* ко всей церкви милосерда;

---

[1] Козни; [2] бесстрашно; [3] старших; [4] злобу; [5] разжигая.

Алексиеви царю похвалу и славу
чадо благо отчю честь сотворше в сем праву
Самодержца великих царствъ тако преславна,
всеа России владыку яко преизрядна,
Егоже **в** милости *от уз* скорби бысть свободен,
в воли Бога преставися леты си доволен.
Положися и во гроб царскими рукама,
спричтенъ архиереом паки того ж устнама,
И елико в памяти творится всѣм явно,
седмь тысящ сто осмдесять девятаго славно,
Стократно воздающа дар Бога *подражая*,
сто девять десять *агнь* оставляя,
Августа в двадесятый з шестым за сим прииде,
господствене положи, яко той отиде,
Христу в надежде оставив земна, к нему же мы,
моляся, зовем: «Покой дух его с святыми!»

⟨2⟩

Господень образъ здѣ есть и Плакидо**в**ъ,*
ту лежитъ в терпении вторый Иовъ,
Единъ познася Божия любви дне**с**ь
показание неложное намъ весь.
Рода не спѣхомъ явися святите**л**ь,
Божиим судомъ сей бысть всѣм правитель.
Многъ в потех подъемъ труд тяжка бед вкус**а**,
не прият отнюдь противна[1] искуса.
Аки столпъ камен или крепкий от дре**в**ъ
стояше твердо, яко в небо доспевъ,
Никон, отецъ и молебникъ нашъ к Бог**у**,
приведий в благость человѣкъ часть многу.
Никон любезный и пастырь бѣ всех на**с**ъ,
сего вознесе и паки царский гласъ,
Аки Даниила от рова печал**и**,*
в нюже до смерти того бяху вдали.
Пресѣче святый царь предбывшихъ дел**о**,
являя свое во благости цело,

[1] враждебного.

Изрядный Божий даръ тезоимени**т**ъ,
  Феодоръ,* в любви к Богу не отменить.
Самъ принесъ в мѣсто, еже яви творе**ц**,
  полож, цѣля *вред*, иже подъя отецъ.
Аще и не узрѣ, яко хотѣ, жив**а**,
  но той молитъ за царя благочестива.

АРХИМАНДРИТ НИКАНОР

⟨ЭПИТАФИЯ АРХИМАНДРИТУ ГЕРМАНУ⟩

Нынешняго сто девяносто перваго
одиннадцатаго декабря дневнаго
Изъначала степени шестоизбранный,
рачитель писания хитроученый
Ко Господу отыде въ покой вѣчный,
храня законъ Божий и отечный,
Архимандритъ Германъ обители сея

Никономъ си всесвятѣйшим иерархомъ,
Московским и всея России патриархомъ.
Он бяше ученикъ его бывый присный,
азъ же есмь овчато обще, многогрѣшный.
Рану на всѣхъ жалости оставя, скончася,
На мѣстѣ семъ тѣло *его* землѣ предася.
Пасъ церковное стадо годъ и девять мѣсецъ,
дая образъ всѣмь, имъже бѣ присный отецъ.
Изрядная сочини псалмопѣния,
разумностию та и расположения,
Сложно писание надъ гробомъ положи,
извѣстно о бытии отчи сотвори.
Азъ же, любовь его к себѣ поминая,
таково подписание сочиняя,
Любящимъ прочитать сие положи,
аще кто разумъ имать, ино зримое лутше изложи.

ПРОТОПОП АВВАКУМ

ВОПЛЬ КО ГОСПОДУ

Послушай мене, Боже, послушай мене,
Царю небесный, свѣтъ, послушай меня!
Да не возвратится вспять ни един от нихъ,
И гробъ имъ там устроиши всѣмъ!
Приложи имъ зла, Господи, приложи
И погибель имъ наведи,
Да не збудется пророчество дьявольское.

ХВАЛА О ЦЕРКВѢ

Се еси добра, прекрасная моя,
Се еси добра, любимая моя.
Очи твои горятъ, яко пламень огня,
Зубы твои белы паче млека,
Зракъ лица твоего паче солнечных лучь,
И вся в красотѣ сияешъ, яко день в силѣ своей.

СТИХ О ДУШЕ

О душе моя, что за воля твоя?
Иже ты сама въ такой далнѣй пустыни
Яко бездомная нынѣ ся скитаешь,
И съ зверми дивими[1] житие свое имѣешь,
И в нищетѣ безъ милости сама себе изнуряешь,
Жаждею и гладомъ лютѣ ныне умираешь.
Почто создания Божия со благодарениемъ не приимаеши?
Али ты власти от Бога не имѣешъ
Доступити сладости вѣка сего и тѣлесныя радости?

---

[1] дикими.

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ

СТИХИ УТѢШНЫИ КЪ ЛИЦУ ЕДИНОМУ*

Кто хощет людей на свѣтѣ познати,
Изволь о умных меж вопрошати.
Самъ я не дурак, да блюдусь сказати,
Чтобъ мене в верхъ* не схотѣли взяти.
Видите мене, как я муж отраденъ,
Возрастомъ велик и умомъ изряденъ?
Кто ся со мною может поровнати,
Развѣ из мертвых Голиафу встати?
Ума излишкомъ, аж нѣгде дѣвати, —
Купи, хто хочет, а я рад продати.
Вся глава умомъ велми ся наткала[1],
А мозгу мало что мѣста не стало;
Временемъ сквозь нос разумъ вытекает,
Да Семенъ уменъ — языком приймает.
А сколько силы — не мощно сказати:
Лва на бумагѣ мощно мне раздрати,
Другий то Сампсонъ,* да нет с кимъ побиться:
Кого вызову — всяк мене боитъся.
Да кто с богатиромъ бороться посмѣет:
Мечемъ, писталми[2] — все Семен умѣет.
Мнози видают, как силно борюся,
Когда с рубашки в вечер раздегнуся,
Не одинъ недругъ тогда погибает,
А кровь от ногтей и в очи плискает.
По такой битвѣ радъ я спочиваю
На мяккой лавкѣ так трудов збываю.
Все мнѣ по мысли, одно то в печали,
Что злые людѣ жениться не дали.
Зависть проклята! Гдѣ мене полюбят,
Тамъ злые людѣ тот часъ мя разгудят,
Кто таковъ, как я,— да щастя не многа.
Ожените мя, молю васъ для Бога!
Ручайте! Есть с чимъ — молодецъ дороденъ,
Есть што есть и пить и велми заводен[3].

---

[1] набилась; [2] пистолетами; [3] зажиточный.

Свое полаты за печью имѣю,
А про богатство хвалиться не смѣю,
Чтобъ воръ не окралъ. А стану дарити,
Кто мя изволит скоро оженити.
И буду ему праведно служити:
Хлѣбъ дармо[1] ести и вино добрѣ пити.

ВЕРТОГРАДЪ МНОГОЦВѢТНЫЙ*

ползы ради душевныя православных христианъ,
Божиимъ наставлением и пособиемъ, а
трудоположениемъ многогрѣшнаго во иеромонасѣх
Симеона Полоцкаго утяжанный[2] и насажденный в
лѣто от создания мира 7186, а от Рождества еже по
плоти Бога Слова 1678, совершися аугуста в ... день.

АКАДЕМИЯ

Платонъ философии идѣже учаше,
Академия то ся мѣсто нарицаше.
Трусъ[3] земли тамо часто обыче бывати,
учившымся мудрости страх мног содѣвати, —
Имже они къ мудрости себе устрояху[4],
якоже учителемъ заповѣдь прияху.

АЛЕКСАНДРЪ

1

Александръ Макидонский елма[5] услышаше
многи миры внѣ сего быти, воздыхаше:
«Горе ми есть, — глаголя, — яко ни едина
доселѣ сотворихъ мя мира господина!»
Земный о земныхъ плака, нам же подобает,
да о Небесномъ мирѣ сердце воздыхаетъ,

[1] бесплатно; [2] возделанный; [3] Трясение; [4] поощряли; [5] когда.

Яко в немъ обители душамъ не стяжахом,
яже многи въ небеси от Христа познахомъ.
Небесный онъ человѣкъ, тѣмже[1] нам о небѣ
возвѣстилъ есть, амо[2] же достизати[3] требѣ.

2

Александръ Леонида в нравѣх подражаше,*
егоже учителя в дѣтстве си имяше.
И хождение[4] его того подобися
ступанию; никогда того отлучися.
Нрави же злии бяху. Отсюду да знаемъ,
како чада пѣстуны[5] злые развращаем.

АВГУСТЪ

1

Октавианъ Августь въ Римѣ кесарь бяше,
шедъ ко Аполълону лжебогу, прошаше:
Кто по нем на престолѣ имать наступити[6]
и скиптра держатель хощет въ Римѣ быти?
Лжебог же словесе не даде едина,
а кесарь молит: «Есть кая того вина?»
Он же даде отвѣтъ: «Не могу вѣщати,
противу малому отроку стояти.
Отрокъ мя еврейский, Богъ сам пребогатый,
правитель отселѣ велит уступати.
И во адъ плачевный нудит отходити,
и ты молчя тщися отселѣ отити».
Онъ убо возвращея, жертвенник создал есть
первородну Богу, напис[7] тому дал есть.
Бысть же сие, егда Христосъ Богъ родися,
от Бога истинна лжебогъ обличися.

---

[1] поэтому; [2] куда; [3] стремиться; [4] походка; [5] воспитателями; [6] наследовать престол; [7] посвятительная надпись.

2

Августа кесаря людие любяху,
въ число написати боговъ и́ хотяху.
Но явися ему, близъ солнца стоящи,
въ крузѣ златѣ Дѣва, Младенца держащи.*
И та есть жертвенник во пресвѣтлом небѣ;
нача помышляти оттолѣ сам в себѣ,
Яко болѣй[1] его той Младенецъ бяше,
егоже та Дѣва на рукахъ держаше.
Абие возбрани себе нарицати
Господа, дондеже въ мирѣ обитати.
Бысть и сие, елма Христосъ Богъ родися,
се поганымъ приходъ его возвѣстися.

3

Августъ преславный тогда царствоваше,
егда Христосъ Богъ, спасение наше,
Изволилъ тѣломъ въ мирѣ ся родити,
еже бы люди своя искупити.
Сей божественныхъ дѣлъ рачитель бяше,
с прилѣжаниемъ тѣхъ испытоваше.
Слыша же, яко книги въ мирѣ бяху,
яже Сивиллы мудрыя писаху,*
Тѣхъ по всѣмъ странам велѣлъ есть искати,
велику цѣну злата за ня дати.
Сивиллы паки дѣвы чисты бяху,
даръ пророчества от Бога прияху,
Многия тайны вѣры написаша,
яко единъ есть Богъ въ мире, сказаша,
И яко хотѣ Богъ человѣкъ быти,
от Дѣвы чисты тѣломъ ся родити.
О волной страсти его прописаху
и смерть лютую писмены предаху[2],
И яко хощетъ вселеннѣй судити, —
то даде им Богъ мирови вѣстити.
И многи ины составы писаху
нашея вѣры, яже Богомъ знаху.

[1] больше; [2] предсказали.

Сицевы книги Августъ си стяжал есть,
съ прилѣжаниемъ оны прочиталъ есть,
Из нихъже изчерпъ, яко хощетъ быти
Царь новый въ мирѣ, съ Дѣвы ся родити.
Образъ[1] оному изрядный создаше,
сый въ нечестии, Христа почиташе,
Надписавъ сице: «Первородна Бога
жертвенникъ сей есть». Честь се Христу многа
От царя, вѣры правыя не знавша,
но въ службѣ идолъ скверных пребывавша.
Возбудися же той образъ ставити
знаменемъ, еже сподобися зрѣти:
Возведъ онъ очи на небесну страну,
зритъ на воздусѣ Дѣву преизбранну,
Лучесы солнца предивнѣ свѣтящу,
во объятии Младенца держащу.
Ту съразумѣлъ есть того Царя быти,
иже от Дѣвы имѣ ся родити.
Сице движеся образъ соружити,
от Бога данну честь царю творити.
Сей же царь Августъ Аполлона чтяше,
идола скверна, и за бога знаше.
Отцемъ и́ своимъ выну нарицал есть,
храмъ ему въ своей полатѣ создалъ есть.
Въ нѣкое время тому поклонися,
да будущая скажетъ, помолися.
А демонъ, иже в идолѣ живяше,
силою Бога нудимъ, отвѣтъ даше:
«Дѣтищь[2] еврейский — Богъ, боговъ правитель,
маниемъ[3] своимъ бысть ми повелитель, —
Из мѣста сего днесь ми уступити
и во адъ мрачный возвратъ сотворити.
Ты же отселѣ молча да идеши,
отвѣтовъ моихъ [4]не к тому[4] возмеши».
То царь услышавъ, силѣ удивися
дѣтища, иже от еврей родися.
Обаче вѣры правы не прияше,
въ идолстей службѣ жизни конецъ взяше.

---

[1] Изваяние; [2] Дитя; [3] повелением; [4—4] уже не.

Пятьдесятъ шесть лѣтъ царство содержаше,
паче всѣхъ царей римскихъ блаженъ бяше.
Востокъ и Западъ, паче вся вселенна
его началству бяше покоренна.
Миръ во дни его толикъ даровася,
коликъ от всѣхъ вѣкъ едва въ мирѣ знася.
Се же бысть, яко царь мира хотяше,
въ царствие его спасение наше
Строити въ мирѣ, Христосъ нашъ Спаситель,
рода нашего падша Возставитель.
Миръ бысть, да слово его разширится
и сила чюдесъ вездѣ прославится,
Да тако роди вси къ Богу влекутся,
во нь[1] вѣровавше, душевно спасутся.
Ибо въ дни мира удобно ходити
и слово благо мирови вѣстити;
И людемъ спона[2] къ слову не бываетъ,
егда миръ сладкий въ мирѣ пребываетъ.

БДѢНИЕ

Полезно выну бдѣти, не много же спати,
ибо силенъ сонъ дѣлом злым пищы даяти.

БЕЗКАЗНИЕ

Иже[3] злобы злобником без казни[4] прощаетъ,
самъ есть тать ли разбойник, яко попущает,
И зѣло лютѣ Богом сужден имать быти,
яко могъ — не хотяше злобы истребити.

[1] в него; [2] помехи; [3] Который; тот, кто; [4] наказания.

⟨ИЗ ЦИКЛА «БЕСѢДА»⟩

1

Юже[1] кто пищу во стомахъ[2] впущаетъ,
тоя онъ воню усты отригаетъ,
Тако что въ сердце свое кто влагаетъ,
о томъ словеса часто составляетъ.

2

Бесѣдуя со други, да ся не хвалиши,
но о немощехъ твоих умно да тужиши.

БЛАГАЯ МИРА ПРЕЛЩАЮТ

Безгласну рыбу пища услаждаетъ,
юже на удѣ[3] она похищаетъ,
не знающи, что внутрь тоя таится,
бѣдная лстится.
Ибо абие рыбарь ю терзаетъ,
удою тую къ себѣ привлекаетъ;
тако въ болѣзни[4] бывает ловленна,
таже снѣденна.
Подобный случай есть въ мирѣ живущих,
благая[5] его въ блаженство имущихъ:
ибо егда та тщиво[6] собираютъ,
уду глощаютъ.
Егда же о нихъ сердцемъ веселятся,
въ житейстем морѣ съ удою носятся,
еюже потомъ бывают влачими,
врагу ловими.
В то убо время светло[7] познавают,
како благая мира я[8] прелщаютъ,
но уже нѣсть лѣть[9] тогда пособити,
въ снѣдь аду быти.

---

[1] Каковую; [2] желудок; [3] удочке; [4] с болью; [5] соблазны; [6] усердно; [7] свет (истины); [8] их; [9] невозможно.

БЛАГОДЕНСТВИЕ

1

Благоденствие грѣшных безблаженно зѣло,
яко разрѣшаетъ я согрѣшати смѣло.

2

Въ благоденствии не превозносися,
въ злоключении терпеливъ явися.

БЛИЗОСТЬ

Близъ царя еси? Честь ти сотворися,
но тощно вины всякия блюдися:
Ибо тяжко есть оттуду падати
и неудобно есть паки востати.

⟨ИЗ ЦИКЛА «БЛУД»⟩

Аще блуда гонзнути[1] желателно тебѣ,
времене же и мѣста гонзати есть требѣ.
Ибо время и мѣсто и святыхъ прелстиша,
свѣтилники чистоты, увы, угасиша.

⟨ИЗ ЦИКЛА «БЛУДНИКЪ»⟩

Краль Наварры Каруль всеблудно живяше,
тѣмъ тепла природна скоро лишен бяше,
Еже врачи ему хотяше цѣлити,
судиша Карула въ сукно впеленити,
Во водцѣ горящей[2] добрѣ моченное,
по хитрости врачевъ на то строенное.
Единъ убо от рабъ сукномъ обвиваше
и, яко велѣша, на немъ обшиваше.

---

[1] избегать; [2] спирте.

Приключися нужда обрѣзанной быти,
  еюже обвива сукно, овѣй нити.
Не случися же ножъ, свѣщу раб хитилъ[1] есть
  и нить помяненну огнемъ запалилъ есть,
От нити же сукно, въ водцѣ моченное,
  якоже молние бысть запаленное.
Вопль велий врачеве и вси сотвориша,
  но горящу кралю ничто пособиша:
Згорѣ огнемъ, яко похотми горяше
  чрезъ всю юность свою, а не угошаше.

⟨ИЗ ЦИКЛА «БОГЪ»⟩

Богъ есть все, мы же всячески ничтоже,
  онъ всеблагъ, азъ золъ. Помилуй мя, Боже.
Ты добра бездна, азъ же бездна злобы,
  ищу милости твоея утробы.
Без нея нѣсть лѣть мнѣ спасенну быти,
  благоутробне изволь мя щадити.

БОГЪ ЧТО ЕСТЬ

Что Богъ? Не можетъ человѣкъ сказати,
  дабы естество его описати.
Неизреченный онъ ся нарицаетъ.
  яко всякое слово превыжшаетъ.
Августинъ рече: «Уне[2] есть явити,
  что Богъ нѣсть, неже что есть, извѣстити.
Мыслимъ ли небо, землю, воздухъ, море
  и вся сущая низу же и горѣ,
Яже зѣница можетъ созерцати,
  всѣх тѣх не лѣть есть Богомъ нарицати.
Огнь, звѣзды, луна и солнце самое
  нѣсть Богъ, аще есть и велми свѣтлое.
Дуси горнии, воинства премнога —
  не Богъ, но раби истиннаго Бога.
Что убо есть Богъ? паки вопросиши.
  Не вѣмъ сказати, вотще мя трудиши.

---

[1] схватил; [2] Легче.

Око не видѣ, и ухо не слыша,
и въ сердцѣ, что Богъ, помысли не быша.
Аще же сердце не може пояти,
языкъ никогда возможет сказати.

БОГЪ ВСЕВИДЕЦЪ

Мужъ страннолюбецъ въ сию злобу въпаде, —
близка сосѣда свинию украде.
Посемъ Христосъ Богъ оному явися,
въ нища власата, странна[1] претворися,
Желая[2] его умиленнымъ гласомъ,
еже стриженным быти себѣ власомъ.
Страннолюбецъ же въ любви и́ приялъ есть,
власы острищи сам ножицы взялъ есть.
Начен же стрищи, къ заду главы прииде
и ту двѣ оцѣ[3] свѣтлѣ зѣло видѣ.
Страхомъ одержимъ, къ странну глаголаше,
каково чюдо сие, — вопрошаше.
Странный мужь к нему милостивно рече:
«Знай мя ты быти Христа, человѣче,
Иже отвсюду тайны созерцаю,
зрѣниемъ моимъ бездны проницаю;
Тѣма очима азъ видѣхъ съ небеси,
егда свинию ты чюжду кралъ еси
И гдѣ заключи въ ямѣ устроеннѣй, —
вся ми суть вѣстна во всей странѣ земнѣй».
Сия извѣстивъ, не увидимъ бяше,
странноприимецъ о гресѣ ридаше.
Виждь, читателю, яко бдѣнно око
Божие видитъ и что есть глубоко.
Тѣмъже и вътайнѣ зла да не твориши,
завѣтъ Господень выну да храниши.

[1] странника; [2] Упрашивая; [3] два глаза.

⟨ИЗ ЦИКЛА «БОГАТСТВО»⟩

Еллиномъ богатствъ богъ бѣ, нареченный Плутон.
Азъ его именую: воистинну плутъ онъ,
Плутаеть бо излиха и зѣло вплетаетъ
въ сѣти диаволския, яже уловляеть.
Хрома же писааху, егда въ домъ вхождаше,
а крилата, оттуду елма исхождаше,
Знаменати хотяще косно стяжание[1]
богатствъ быти, скоро же тѣх изчезание;
Яко зѣло медленно стяжанна бываютъ,
а многажды въ единъ час въконецъ исчезают.
Аще же и послужатъ до кончины кому,
но по смерти нужда есть лишити иному.

БОГАТЫЙ

Земля, злата и сребра жилы держащая,
не обыче та быти плодоносящая.
Точнѣ[2], иже богати сокровищемъ многимъ,
неплодни суть Богови и людем убогимъ.

БОГАТЫХ ОБЫЧАЙ

Богатымъ есть обычай щедро раздаяти
сребро тымъ, иже вѣдят кощунства[3] дѣяти,
И на суеты мира. А гдѣ подобаетъ
в ползу нуждную дати, богачь скупъ бывает.

ВДОВСТВО

Законъ естества[4] вдову поучаетъ,
да ся от сластей всякихъ удаляетъ.
А въ благодати мертва та зовется
вдовица, яже сластно питается:
Сласть бо грѣх родитъ, иже умерщвляетъ
душу; тако смерть душевна бывает.

[1] медленное накопление; [2] Подобно; [3] шутовство; [4] природы.

Вредно есть вдовѣ много рабъ имѣти,
часто на тыя весело смотрѣти;
Наипаче иже красно устроени,
брадъ не имуще, власы утрефлени[1]:
Лица ихъ стрѣлы во сердце пущаютъ,
неопасную[2] вдову уязвляютъ.
И дѣвы красны, яже живутъ съ нею,
духъ красотою лстятъ ея своею.
Елма бо оны жениховъ желаютъ,
между собою дерзостно играютъ, —
О тѣхъ ихъ пѣсни, о тѣхъ всяко слово,
а вдовы сердце любити готово.
Срамъ возбраняетъ любве изъявляти,
а въ персѣхъ пламен — нужда есть страдати.
Аще дѣвицу въ супружество даетъ,
сама во тайнѣ мѣстѣ воздыхаетъ;
Не реку, — плачетъ, тако бо явится
слезами, еже во сердци таится.
Глаголетъ вдова: «Мужа не желаю,
до смерти тако уже пребываю»;
Но не есть твердо сие ея слово,
сердце жениха любити готово.
Славится[3] токмо, да во чести будетъ,
но сей цвѣт славы не долго пребудетъ.
Егда бо женихъ лѣпый проявится,
абие ему въ область[4] поручится,
Повержетъ вдовство, водит быти мати,
неже едина в ложи почивати.
Сия о юныхъ вдовах провѣщаю,
о старыхъ ино слово помышляю.
Обаче можетъ и во юныхъ быти,
яже до смерти хощет въ вдовствѣ жити;
Сицевой велми блюстися есть требѣ,
зазора[5] въ людѣхъ да не стяжетъ себѣ.
Едва бо не вси обыкли зазрѣти
хотящей вынy без мужа сѣдѣти;
Что ястъ и пиетъ, камо, како ходитъ,
зрятъ и с коими лицы дружбу водить;

[1] завиты; [2] неосторожную; [3] похваляется; [4] власть; [5] позора.

Мало от чина, то вси осуждаютъ
и что не бяше миру оглашаютъ.
Тѣмже, о вдово, всесохранна буди
от дѣлъ таковыхъ, яже блазнятъ[1] люди.
Не имѣй раба красна предъ тобою,
ни въ красну ризу одежди[2] плоть твою;
Въ домѣ ти пировъ да не сотвориши
и на чуждыя да не участиши;
Гусли ушию да не услаждаютъ,
очы на землю твои да смотряютъ;
Ягодицъ[3] твоихъ да не румяниши,
бровей не черни, лица не бѣлиши, —
Вся бо сия суть страсти буждение,
наводящая всѣхъ осуждение.
Аще начнеши вина довле[4] пити,
трудно можеши чистоту хранити; —
Вино бо мужы святыя прелщаетъ
и дѣвы въ жены удобь претворяетъ.
Трезво, смиренно буди тебѣ жити,
аще хощеши въ чистотѣ пребыти.
Блуднаго веема опасися ока,
да кромѣ[5] всяка живеши порока.
Молитва тебѣ выну подобаетъ
и дѣло благо, еже рука знаетъ.
Жилище твое яко церковь буди,
мало да видятъ по стогнам[6] тя люди;
Честныя вдовы тя да окружаютъ,
дѣвы чистыя ти да работаютъ,
Да гнило слово от нихъ не слышится,
но «слава Богу» всѣми да гласится.
Тако въ цѣлости вдовство сохраниши,
за чистоту мзду въ небѣ получиши.
И у человѣкъ добрѣ прослывеши,
правая вдова реченна будеши.

---

[1] соблазняют; [2] облачай; [3] Щек; [4] много; [5] без; [6] на улицах.

⟨ИЗ ЦИКЛА «ВИНО»⟩

Вино хвалити или хулити — не знаю,
яко в ономъ и ползу и *в*редъ созерцаю.
Полезно силамъ плоти, но вредныя страсти
возбуждаетъ силою свойственныя сласти.
Обаче дамъ суд сицевъ: добро мало пити,
тако бо здраво творитъ, а не вѣсть вредити;
Сей Павелъ Тимофею здравый совѣтъ даше,*
тойже совѣтъ да хранит достоинство ваше.

⟨ИЗ ЦИКЛА «ВОЗДЕРЖАНИЕ»⟩

1

Воздержание аще безмѣрно храниши,
множицею души ти вредъ велий твориши:
Плоти бо изнемогшей умъ не добръ бываетъ, —
разсуждение въ мѣру вся да устрояетъ.

2

Уне[1] есть мѣрно по вся дни вкушати,
нежели долго от пищъ ся держати:
Постъ бо безмѣрный силу истребляетъ,
духъ уныния и печаль раждаетъ.

ВРАЗИ ТРИ

Кийждо[2] человѣкъ врага си имѣетъ,
иже пакости въ пути ему дѣетъ:
миръ, плоть и демон обычно стужаютъ[3],
рай заключаютъ.
Торжище[4] кратко, в пути бѣда многа,
нуждна[5] есть сладость Божия чертога.
Кто жъ ту хищаетъ, нужду дѣяй себѣ,
вселится въ небѣ.

---

[1] Лучше; [2] Каждый; [3] досаждают; [4] Ярмарка; [5] необходима.

⟨ИЗ ЦИКЛА «ВРЕМЯ»⟩

1

Всяческое дѣло время устрояетъ,
безвремение же оно истребляетъ.
Добро есть во ино время глаголати,
во ино же лучше слово удержати.

2

Преступство, егда требѣ есть слова, молчати
и въ молчания время слово разширяти.

3

Воинъ въ потребно время мечь свой извлекаетъ,
въ таково же языкъ твой слово да вѣщает.

ГЛАСЪ НАРОДА

Что найпаче от правды далеко бываетъ,
гласу народа мудрый мужъ то причитает.*
Яко что-либо народъ обыче[1] хвалити,
то конечно достойно есть хулимо быти.
И что мыслитъ — суетно, а что повѣдаетъ,
то никоея правды въ себѣ заключаетъ.
Еже гаждаетъ[2] — дѣло то весма благое,
а еже ублажаетъ — то бохма[3] есть злое.
Въ кратцѣ, что-либо хвалитъ — то неправо в чести.
Миръ сей непостоянный весь лежит в прелести.
Не вѣруй убо гласу общему народа,
ищи въ дѣлѣ правды человѣча рода.
Слово вѣтръ развѣваетъ, а кто тому вѣрит,
безъразсудно срамоты мзду себѣ возмѣрит.

---

[1] имеет обыкновение; [2] хулит; [3] вовсе.

⟨ИЗ ЦИКЛА «ГОРДОСТЬ»⟩

1

Говоръ[1] на воде въмалѣ[2] исчезаетъ,
гордый во мирѣ тако погибаетъ.*

2

Якоже вино пиюща прелщаетъ,
подобны гордость мужа изумляетъ[3].

3

Гордии въ небо очы возношаютъ,
якоже демонъ высоты желаютъ.

4

Пустынникъ нѣкто чюдотворецъ бяше,*
но о святости гордъ быти начаше.
Усмотревъ демон, въ дѣву претворися
и, аки блудяй[4], къ нему прилучися[5].
Нача со плачемъ онаго просити,
да во келию изволитъ пустити
Пренощевати, да не расторжется
зубами звѣрей дивыхъ[6], но спасется.
Прояви милость пустынникъ блудящей,
именемъ Бога онаго просящей,
Въпусти въ келию. Оле люта *в*рага!
Егда преступи предѣлъ храмна прага,
Нача бесѣду честную творити,
потомъ блудныя глаголы вносити,
Имиже разжже мужа пустыннаго,
иже сложи мысль до дѣла блуднаго
И нача себе къ тому устрояти,
со заблуждшею блудодѣйствовати.

---

[1] Рябь; [2] вскоре; [3] отнимает разум; [4] будто заблудившись; [5] пришла; [6] диких.

Тогда диаволъ смѣхъ велий содѣя
и ко прелщенну глаголаше сия:
«Камо, монаше, уже нынѣ еси
непщевавый[1] тя жити на небеси?
Уже днесь даже сшелъ еси до ада,
идѣже были не имать отрада».
То слышавъ, монахъ нача отпадати
надежды въ Бозѣ, умысли бѣжати
Въ миръ, и сотвори, еже смыслилъ бяше,
прочее[2] жизни во блудѣ живяше.
Оле, что гордость людемъ содѣваетъ!
Даже во адску бездну низрѣваетъ.
Всякъ убо ея вѣрный да блюдется,
занеже с нею ни единъ спасется.

ГОСТЬ

1

Гостя чредитъ[3] радость
паче, неже сладость.

2

Аще косвенно[4] зриши,
злѣ ты гостя чредиши.

ГРАЖДАНСТВО

Како гражданство преблаго бываетъ,
гражданствующымъ знати подобаетъ.
Разная седми мудрыхъ суть мнѣния,*
но вся виновна гражданъ спасения.
Премудрый Виасъ даде слово свое,
гражданство быти преизрядно тое,
В немже закона, якъ царя, боятся
и царя, яко закона, страшатся.

---

[1] мнивший; [2] остаток; [3] насыщает; [4] косо.

Хилонъ блажитъ[1], гдѣ законовъ слушают,
велесловных же риторъ[2] не глашаютъ[3].
Клеопулъ паки той градъ похваляетъ,
гдѣ безчестия всякъ ся устрашаетъ
Гражданинъ паче закона самаго,
на преступники въ книгахъ писаннаго.
Периандер же то славитъ гражданство,
в немже всѣмъ прочимъ, имущым равенство,
Добродѣтелми зовутся лучшая
и наричутся злобы вся хуждшая.
Питтакъ похвалу даетъ граду тому,
в немже началство не дается злому.
Фалесъ градъ блажитъ, гдѣ граждане мнози
ни пребогати, ни зѣло убози.
Солону град любъ, в немже обидъ творцы
вся равно имутъ праведныя борцы,
Не токмо бѣду от нихъ страдавшыя,
но ни едины тщеты[4] познавшыя;
Еще — идѣже блазии[5] блажатся,
честь приемлюще, злии же казнятся;
Еще — и в немже граждане слушаютъ
началныхъ, — сии законъ почитаютъ.
Сия суть, яже крѣпятъ государства,
чинна и славна содѣваютъ царства.

ДЕНЬ И НОЩЬ*

1. Денница[6]

Темную нощь денница свѣтла разсыпаетъ,
краснымъ сиянием си день в миръ впровождаетъ,
Нудитъ люди ко дѣлу: овъ въ водахъ глубоких
рибствуетъ[7], овъ въ пустыняхъ лов дѣет[8] широких,
Иный что ино творить. Спяй же на день много
бѣднѣ, раздраноризно поживетъ убого.

---

[1] восхваляет; [2] ораторов; [3] зовут; [4] убыток; [5] добродетельные; [6] утро; [7] занимается рыболовством; [8] охотится.

2. Полудень

Уже средѣ небесе солнце бѣгъ свой дѣетъ,
палитъ нивы, а скоты лучми зѣло грѣетъ,
Иже въ сѣни при водахъ от трудовъ хладятся,
жнеци пищею и сномъ по трудѣхъ крепятся, —
Такъ естество отчески строить еже быти,
законъ всѣмъ пишетъ вещем нуждный сохранити.

3. Вечеръ

Якъ заря день вѣщаетъ, так нощь вечер вводит,
въ хлѣвину си скотъ идетъ, орач[1] в дом приходит,
Рало оставивъ, хлѣбомъ стомахъ укрѣпляетъ,
утружденныя силы пищми обновляетъ;
Таже сномъ сладкимъ плоть си покоит стружденну, —
сонъ бо Богомъ дадеся въ покой труду дневну.

4. Нощь

Нощь мрачная тму страшну на землю наводит,
извѣты часто, злобы и поводы[2] родитъ
Въ готовыхъ на вся злая, что злый умъ вмѣщает.
Обаче своя игры, утѣхи нощь знаетъ;
Временемъ есть полезна; но мудръ сый блюдется
тмы нощныя, день любитъ, да в ней не преткнется.

ДИАДИМА

Благоразумный нѣкто, на царство избранный,
егда хотяше быти на то увѣнчанный,
Внемъ диадиму въ руцѣ, сице глаголаше:
«О честное увясло[3], крашение наше!
Честно ты паче еси, нежели блаженно,
ибо, аще бы то кимъ было разсужденно,

[1] пахарь; [2] наущенья; [3] венец.

Кия скорби, печали и бѣдства по тебѣ
послѣдуютъ, не взял бы тя из земли себѣ,
Оставилъ бы тя в персти земнѣй истлѣвати
и перстом не хотѣлъ бы тебѣ ся касати».

ДИОГЕНЪ

Диогенъ философъ, егда умираше,
от другъ объстоящихъ вопрошаем бяше,
Гдѣ изволитъ тѣлу погребенну быти.
«Изволте мя, — рече, — въ поли положити
На версѣ земленнѣмъ»[1]. Они отвѣщаютъ:
«Тамо тѣло твое звѣри растерзаютъ».
Онъ рече: «Палицу при мнѣ положите».
Они: «Что ти есть въ ней, друже нарочите[2]?
Не почюеши бо, сый души лишенный».
Он же: «Вскую[3] убо бываю смущенный:
Аще не почую, звѣри не досадятъ,
егда растерзавше тѣло мое снѣдятъ.
Гдѣ-либо хощете, тамо погребите,
мнѣ во инъ вѣкъ съ миромъ отити дадите».

ДОЛЖНИКЪ БЕЗПЕЧАЛНЫЙ

Гражданинъ нѣкто во Римѣ живяше,*
иже премного долженъ злата бяша,
обаче мирно вѣкъ си проводилъ есть,
весело жилъ есть.

Концу пристигшу[4], иже вручьствоваху[5],
должнаго сребра судомъ поискаху.
Судия велѣ сущая цѣнити,
долги платити,

Все имение ни во что вмѣнися[6]
противу злату, имже одолжися.

---

[1] на поверхности земли; [2] почтенный; [3] отчего; [4] когда пришел конец; [5] кредиторы; [6] оценено.

Тогда градъ римский почудися[1] зѣло,
что жил весело.

Августъ же кесарь велѣ одеяло
его купити, аще бяше мало.
Приглагола бо: «Благъ сей покровъ бяше,
подъ нимже спаше

Толикий должникъ. Мощно и мнѣ спати
под тѣмъ покровомъ, печали не знати».
Дворски[2] то рече, но печали знаше,
дондеже бяше.

ДОСТОИНСТВО

Дѣтищем малымъ, не разсуднымъ сущымъ,
близъ горъ высокихъ дѣтски играющимъ,
Видится небо на горѣ лежати
и оверхъ ея солнце путь свершати.
Тѣмже стремятся на ню восходити,
да бы близъ солнца и небесе быти,
Еже бы персты онымъ ся касати,
каково небо есть и солнце знати.
Елма[3] же взидутъ на верхъ горы тоя,
суетны мысли видятъ быти своя, —
Ибо [4]ту знаютъ[4], яко ся прелстиша,
на горѣ небо егда быти мнѣша.
Мысленнѣ гора — всяко достоинство,
честь высокая и мироначалство;
Тѣхъ лишеннии, елма возглядаютъ
на высоту ихъ, умомъ помышляютъ,
Яко на них есть блаженство небесно,
душевное же купно и тѣлесно,
И въ чести сущихъ мнятъ в небеси быти,
яко аггелы безпечално жити.
Ризамъ ихъ свѣтлымъ, спирѣ[5] рабъ дивятся,
краснымъ полатамъ и пиром чюдятся[6],

---

[1] удивился; [2] Остроумно (*польск.* dworsko); [3] Когда; [4—4] тут узнают; [5] множеству; [6] удивляются.

Смотрятъ на славу и глаголютъ в себѣ:
«Ей, сии въ мирѣ живутъ, яко въ небѣ.
О, кто бы намъ далъ на ту гору взити,
тако блаженнымъ, яко они, быти!
Пожили быхомъ свѣтли и весели,
якоже живутъ въ небеси аггели».
Къ такимъ же мыслемъ дѣло прилагаютъ,
на гору чести труды полагаютъ,
Всякими средствы достигнути тщатся,
имѣниемъ же и здравством томятся.
И елма тако взидутъ на верхъ ея,
постигнутъ хоти[1] сбытие своея,
Въ то время знаютъ, яко ся прелстиша,
егда блаженство ту быти судиша.
Тогда искусятъ, что блаженни быша,
елма въ юдоли мирно, лѣпо жиша.
Ту бо печали многи досаждаютъ,
ту въ своихъ скорбехъ людие стужают[2],
Ту многа бѣдства, зависти и ковы[3],
вражды и нужды, не объятны словы.
А болѣзнь равнѣ тѣло грѣшно томитъ,
и смерть, яко вѣтръ прежде древо ломит,
Еже на горѣ стоитъ вознесенно,
потомъ въ юдоли еже есть смиренно.
Тогда бы ради возвратъ сотворили,
въ юдоли паче, неже въ верху жили;
Но человѣческъ срамъ я побѣждаетъ,
до конца въ тузѣ[4] жити понуждаетъ.
Кто-либо убо лишенъ еси чести,
не тщится ея высоты долѣзти.
Вѣру ми ими, уне[5] тако быти,
аще хощеши безъскорбно пожити.
И спасенно же: ибо ничто тебѣ
препону дѣетъ, еже быти въ небѣ.
О началных[6] же святый Златоусты
своими рещи изволилъ то усты[7]:
«Чюждуся[8], аще спасенъ можетъ быти
кто от началныхъ и на небо взити».

[1] желания; [2] унывают; [3] козни; [4] в печали; [5] лучше; [6] облеченных властью; [7] устами; [8] Сомневаюсь.

Аще же тако: Здравствуй, о начало,
нѣсть ми с тобою дѣло ниже мало!
К небеснѣй горѣ хощу азъ творити
путь, дабы на ней во вѣк вѣков жити.

⟨ИЗ ЦИКЛА «ДРУГ»⟩

1

Хощеши друга истиннаго знати,
послушай мало, имамъ ти сказати.
Другъ есть, иже тя въ грѣсѣх обличаетъ
и злонравие твое обхуждаетъ[1].
Другъ есть, за очно тебе ублажаяй,
а въ лице правду выну[2] ти вѣщаяй.
Другъ, иже в нуждѣ тебѣ помогаетъ,
во день печали тщиво утѣшаетъ.
Другъ, иже за тя готовь изтрошати[3],
яже изволилъ Господь ему дати.
Другъ, иже къ благимъ дѣломъ увѣщает,
а въ злыхъ ни мало помощникъ бываетъ.
Другъ, кто о благихъ твоихъ веселится,
о злыхъ случаехъ купно печалится.
Другъ, иже въ скорби время не оставитъ
и неизмѣнну любовь си проявить.
Сицева друга требѣ есть искати,
паче сокровищъ богатых стяжати.
Стяжанного же истинно любити
и взаимъ добро оному творити.

2

Егда краснотеплыя весны дни сияютъ,
в то время ластовицы с нами пребываютъ:
Гнѣзда лепятъ на домѣхъ, сладко воспѣвают, —
зимѣ же приближшейся, от нас отлѣтаютъ.
Точнѣ[4] дѣютъ лжедрузи, ибо есть доколѣ
благо кому щастие, дружатся дотолѣ.

[1] порицает; [2] всегда; [3] потратить; [4] Подобно.

Блажатъ, служатъ, а егда щастие мѣнится,
тогда лжедругов любы[1] к иным отвратится.

ДУШИ ЦѢНА

Хощеши ли твоея душы цѣну знати?
Христосъ за ню изволи кровь свою отдати.

ДѢВА

[2]Срамъ честный[2] лице дѣвы велми украшаетъ,
егда та ничесоже не лѣпо дерзаетъ.
Знамя же срама того знается оттуду,
аще очесъ не мещетъ сюду и онуду,
Но смиренно я держитъ низу низпущенны
постоянно, яки бы къ земли пристроенны.
Паки, аще языкъ си держитъ за зубами,
а не разширяетъ ся тщетными словами;
Мало бо подобаетъ дѣвамъ глаголати,
много же къ чистымъ словом ушы приклоняти.

ДѢЛАТИ

Алфонсъ краль арагонский нѣким обличися,
яко своима въ дѣлѣ рукама трудися.
Даде отвѣтъ краль мудрый: «Еда[3] Богом крали
и естествомъ не къ дѣлу руцѣ восприяли?»
Научи симъ отвѣтомъ: царем не срамъ быти,
рукама дѣло честно своима робити.

ЕПИТАФИОНЪ ПРЕПОДОБНОМУ ОТЦУ ЕПИФАНИЮ СЛАВИНИЦКОМУ, БОГОСЛОВУ И МНОГИХЪ ЯЗЫКЪ МУЖУ ИСКУСНУ

Стани, путниче, здѣ и умилися,*
гдѣ Епифаний тѣломъ положися.

---

[1] любовь; [2—2] Истинная стыдливость; [3] Разве.

Иеромонахъ, богословъ искусный,
честно поживый, днесь уже бездушный,
Душу бо вручилъ царствующу въ небѣ,
идѣже и ты строй жилище тебѣ.

Или сице
Здѣ Епифаний, мужъ исполнь мудрости,
иеромонахъ, спрята своя кости.
По честнѣй жизни свято преставися,
ты, читателю, о немъ помолися.

Или сице
Въ гробѣ семъ кости Епифаний честный
положилъ своя, учитель известный,
Иеромонахъ. Ты за нь помолися,
а самъ въ путь той же присно готовися.

Или сице
Грядый человѣче, возри здѣ и стани,
идѣже положенъ отецъ Епифаний.
Иерей, въ монасѣхъ кроткий, мудрый, честный.
рцы: да водворитъ и́ Господь в рай небесный.

Или сице
Здѣ лежитъ честный отецъ Епифаний,
изслѣдникъ правый Священныхъ Писаний.
Въ многихъ языцѣхъ мнози его труди,
за что вѣчная память ему буди.

ЕПИТАФИОНЪ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ПАВЛУ МИТРОПОЛИТУ САРСКОМУ И ПОДОНСКОМУ

Павелъ митрополитъ Сарский и Подонский,*
отходя с Египта мира въ град Сионский,
В семъ гробѣ остави честное си тѣло,
души подаждь, Боже, мѣсто всевесело.

Или сице
Павелъ митрополитъ здѣ преосвященный
многотруднымъ тѣломъ въ гробѣ положенный.

Пастырь и учитель, страннолюбецъ велий,
душею да вселится во странѣ веселий.

Или сице

Павлу митрополиту Сарску и Подонску
даждь, Христе, со аггелы пѣснь пѣти сионску.
Въ семъ гробѣ многотрудны мощи положившу,
Богу, Церкви и царству весь вѣкъ свой изжившу.

Или сице

Здѣ лежитъ сирыхъ отецъ и нищих питатель,
странных, книжных, церковных в дом свой призыватель.
Здѣ Павелъ митрополитъ положи си кости,
ты, Христе, всели душу въ вѣчныя радости.

Или сице

Многотрудный здѣ Павелъ тѣломъ почивает,
митрополитъ бѣ саном, востания чаетъ.
Странныхъ, нищих, церковных и книжных чредитель[1],
за что да подастъ ему пиръ в небѣ Спаситель.

ЕПИТАФИОНЪ БЛАГОРОДНОМУ ГЕОРГИЮ ПЛАСКОВИЦКОМУ

Зри, како благородный въ землю обращенный
Георгий Пласковицкий, в пути убиенный.
Здѣ плоть лѣжитъ, а душа къ небеси желаетъ.
рцы: вѣчна ему память, тебе упрашаетъ.

Или сице

Грядый[2], помоли о мнѣ милостива Бога,
да ми беззакония оставить премнога.
Георгий Пласковицкий, здѣ опочиваю.
ты чай гроба, азъ уже востания чаю.

Или сице

Здѣ Пласковицкий Георгий ждетъ неба,
твоея молбы души его треба.

---

[1] радетель, заботливый хозяин; [2] Прохожий.

Убитъ разбоемъ, тебе увѣщаетъ:
живи опасно[1], татски[2] смерть хищаетъ.

Или сице

Георгий Пласковицкий здѣ опочиваетъ,
от разбойницъ убиенъ, от тебе желаетъ
Молитвы, читателю; «Кирие елейсонъ»[3]
рцы, а вѣждь, яко и тя смертный не минет сонъ.

ЕХИДНА

Ехидна, елма ся самцу совокупляетъ,
главу его, въ уста веемши, огризаетъ.
Но чада смерть отца матери отмщаютъ,
ибо въ чревѣ сущи, оно пригризаютъ.
Тако въ зачатии чадъ отецъ мертвится,
в рождении тѣх же зла мати губится.

ЕВАНГЕЛИСТИ

1

Родъ Христовъ по плоти Матфеемъ писася,
яко от Ессея въ чинѣ не прервася.
Имат же юношу себѣ прилученна,
сия есть честь, слава мужа божественна.

2

Марко благовѣстникъ гласъ намъ провѣщаетъ,
иже путь Господень строити вѣщаетъ,
Гласъ вопиющаго во пустыни мира,*
тѣмже при ногу си имѣеть два звѣря.

---

[1] бдительно; [2] здесь: внезапно; [3] Господи, помилуй (греч.).

3

Лука божественный имать тучна телца,
яко начатъ книгу от законна жреца,*
Иже въ жертву Богу принесе кадила,*
егда во храмѣ многа сияша кандила[1].

4

Орелъ выше всѣхъ птицъ под небом лѣтаетъ,
тако Иоаннъ всѣхъ сверстникъ превыжшает.*
Ибо извѣсти намъ Слово божественно,
яко благоволи быти воплощенно.

ЖАБЫ ПОСЛУШЛИВЫЯ

Братъ нѣкий въ обители смиренно живяше
и без прекословия началныхъ слушаше.
Тамо близъ бяше блато, во немже живяху
многи жабы и воплемъ своим досаждаху
Молящымся инокомъ. Такожде случися
жабамъ кричати, егда [2]жертва приносися[2].
Началникъ, не претерпѣвъ, инока послаше,
да велитъ имъ молчати ему завѣщаше[3].
Се же рече смѣяся, — а братъ послушливый,
в правду посланна себе быти помысливый,
Иде къ жабамъ и рече: «Именемъ Христовымъ
завѣщаю вамъ, жабы, не быти таковым.
Престаните отселѣ досадно[4] кричати!»
Оттолѣ гласа тамо жабъ не бѣ слышати.
Нынѣ же человѣци во церкви стояще,
молбы си при безкровной жертвѣ приносяще,
Многимъ глаголаниемъ досады[5] творяютъ;
речеши ли молчати — никако слушаютъ,
Еще огорчившеся[6] хулятъ иерея,
обличения злобы не любятъ своея.

---

[1] лампады; [2—2] совершался обряд жертвоприношения; [3] приказал; [4] противно; [5] оскорбления; [6] обидевшись.

Наипаче щекочуть язычныя[1] бабы,
досаждающе паче, неже овы жабы.
Тщитеся убо, бабы, жабы подражати,
во время жертвъ духовных глас свой удержати!

ЖАТВА

На нивѣ мира сего демонъ — сѣвбы[2] жатель,
Бог же токмо оставшихъ класов собиратель,
Ихже не може демонъ серпомъ си заяти[3],
тыя Богъ благоволитъ въ гумно си взимати.

ЖЕЛАНИЕ ДВИЖЕТСЯ ЧИМ

Зелену лву траву аще появиши,
алчбы во сирищи[4] его не взбудиши,
Яко по естеству къ травѣ не сложися,
но мяса звѣрь лютый ясти научися.
Противнѣ[5] чрезъ мясо, телцу предложенно,
алкание въ чревѣ не будетъ рожденно,
Яко не обыче онъ мяса снѣдати,
но травою токмо чрево си питати.
Сице плотскимъ людемъ глаголъ о небесныхъ
нѣсть въ сладость, но слово сладко от тѣлесных.
Духовну же мужу мерзка тѣлесная,
желание родятъ, яже небесная.

⟨ИЗ ЦИКЛА «ЖЕНА»⟩

Нинъ царь Семирамиду толико любяше
подложницу[6], якоже самъ онѣй служаше.
Та, видяши плѣненна царя себѣ быти,
рече къ нему: «О царю, хощу тя просити
О вещь едину, токмо не могу дерзати,
дабы отречениемъ[7] срама не прияти».

---

[1] болтливые; [2] всходов; [3] захватить; [4] в утробе; [5] Наоборот; [6] наложницу; [7] отказом.

Царь рече: «О царице любезная зѣло,
ничто ти отреку[1] азъ, извѣсти ми смѣло».
Она лстивыя рѣчи нача глаголати,
ласканиемъ царское сердце умягчати:
«О царю прелюбезный, аще мя любиши,
едино прошение да ми исполниши.
Имамъ злата и сребра излише от тебе
и самаго ты еси мнѣ поручилъ себе,
Едины токмо вещы лишенна тобою,
но, молю, ты мя тоя сподоби собою.
Желание ми в сердцы по вся дни стужает[2]
и возвеселитися право мнѣ не даетъ;
Хотѣние мя томитъ, да мя ты почтиши
и поне[3] на единъ день царство да вручиши.
Да азъ изиду явѣ царски украшенна
и от всѣхъ, якоже ты, да буду почтенна;
Велѣния моего вси да послушаютъ,
слово абие дѣломъ вси да совершаютъ».
Царь, слышавъ, разсмѣяся и рече си слово:
«О любезная жено, сие ти готово».
И абие повелѣ миру возвѣстити,
яко царь хощетъ жену свою воцарити.
И назнаменова день, в онже быти дѣлу,
тако Семирамиду сотвори веселу.
Приближившу ся тому дни, царь завѣщаетъ,
да всякъ Семирамиды гласа послушаетъ;
И аще бы кто дерзнулъ не послушенъ быти,
того, якоже врага, смертию казнити.
Приде день нареченный, мѣсто сготовася,
безчисленно множество народа собрася;
Изводится царица, честно посадися,
въ царская облеченна, народу явися:
Вси ей поклонение, аки царю, даша
и привѣтство пречестно онѣй глаголаша.
Она повелѣния различна творила,
яко власть имущая, винныя[4] судила.
Что-либо велѣла есть, во всемъ послушаху
и слово ея дѣломъ абие творяху.

[1] ни в чем не откажу; [2] докучает; [3] хотя бы; [4] преступников.

По многихъ велѣниихъ — оле что дерзаетъ! —
царя Нина связати воемъ завѣщаетъ[1].
Сотвориша то скоро, потомъ [2]представити
себѣ[2] повелѣла есть и обезглавити.
Послушливии раби слово сотвориша,
царя своего царства и жизни лишиша.
Тако зла подложница любовь возмездила,
воцаривша ю царя смертию казнила
И сама на престолѣ царстемъ утвердися.
Коварству злыя жены, читаяй[3], дивися
И вѣждь, яко нѣсть злоба под солнцем лютшая,
по свѣдѣтелству мудрыхъ, яко жена злая.

ЖЕНА ЗЛАЯ

Змий ядовитый тѣло усѣкаетъ,
а жена злая душу убиваетъ.
Тѣмъ[4] нѣкто рече, мужъ добрѣ учены,
яко нѣсть злоба, яко злоба жены.
Ин же: Уне есть со лвомъ обитати,
неже с женою злою пребывати.
Та бо мужеви зѣло досаждаетъ,
а левъ за пищу покоренъ бываетъ.
Питай злу жену снѣдми всесладкими,
она ти воздастъ кознми всегоркими.
За медъ ядъ она уготуетъ тебѣ,
никогда женѣ злой вѣрити требѣ.
Тоя злы нравы демонъ добрѣ знаетъ,
тѣмъ ю на прелесть[5] онъ употребляетъ.
Гдѣ изнеможетъ самъ демонъ прелстити,
тамо женищу злу тщится пустити.
Евва и не зла во Едемѣ бяше,
а что чрезъ ону демонъ содѣяше?
Коль паче много зла чрезъ злыя дѣетъ,
мой извѣстити языкъ не умѣетъ.
Иову, егда чада врагъ побилъ есть,
не добру жену на зло оставилъ есть,

[1] приказывает; [2—2] поставить перед собой; [3] читатель; [4] Поэтому; [5] соблазн.

Да можетъ того прелстити женою,
емуже не бѣ доволенъ собою,
Да непозыбна[1] всякими тщетами
лестными жены позыблетъ словами.
Но иже Богомъ крѣпкимъ утвердися,
и тоя словомъ недвижимъ явися.
О злая буря на Иова бяше,
егда и́ жена на злая прелщаше!
Токмо укрѣпи и́ десница Бога,
яко творяше дѣла блага многа.
Точнѣ Иосифъ во злѣ бѣдствѣ бяше,
елма госпожа онаго прелщаше,
Да соизволитъ скверно с нею быти,
похоти ея блудомъ угодити,
И аще Господь его не хранилъ бы,
всячески красный юноша блудил бы.
И ини мнози от женъ погибоша,
или блудиша, или въ гробъ падоша.
Сампсонъ женою пресилный прелстися,
связанъ и врагомъ данъ, обезочися[2].
И Соломона жены злы прелстиша,
от Бога жива къ идоломъ свратиша.
Иоаннъ святый живота лишенный,
Иродъ осуди, женою прелщенный.
И елма Христосъ, спасение наше,
чрезъ страсти своя и смерть содѣваше,
Чрезъ Пилатову тщася демонъ жену
дѣйствию тому быти оставленну.
Во снѣ ей страхи и бѣды творилъ есть,
да бы таинство препяти, мыслилъ есть,
Еже бы Христу за ны страдати,
а спасения намъ бы не прияти.
Всячески убо злы жены хранися,
яко ко огню, къ ней не приближися,
Ибо конечно[3] имать опалити,
аще близъ ея хощеши пожити.
Змий издалеча никого язвляетъ,
развѣ аще ся тѣлу прикасаетъ,

---

[1] непоколебимого; [2] ослеплен; [3] обязательно.

А злая жена, далече сѣдящи,
 можетъ убити, токмо оком зрящи.
Гласъ ея — стрѣла, ядомъ напоенна,
 еюже душа бываетъ мерщвленна.
Тѣмъ хотяй смерти от нея не знати
 да опасется женъ злобныхъ и знати.

ЖЕНЪ БЛИЗОСТЬ

1

Соль из воды родится, а егда сближится
 къ водѣ, абие въ воду сама растопится.
Тако мужъ сый от жены, къ женѣ приближенный,
 зѣло скоро бываетъ ею растопленный
От крѣпости во мягкость, мужества забудет,
 яко едина от женъ во слабости будетъ.

2

Желѣзо каменеви егда приразится,
 огнь с того, а не вода дѣйствия родится.
Тако аще мужъ женѣ будетъ приближенны,
 не вода слезъ — похоти огнь будет рожденны.

3

Честный мужъ честнѣй да ся не сближаетъ
женѣ: тако бо честность исчезаетъ.
Ибо ленъ съ огнемъ не можетъ терпѣти,
 нужда сгорѣти.

Другъ другу ленъ есть, огнь взаимъ бываетъ,
демонъ углие плоти разжизаетъ,
да пожаръ душамъ обою сотворить,
 грѣхом уморитъ.

4

Хотяй чистоту свою сохранити,
долженъ есть с поломъ противнымъ не жити,
сожитие бо похоть возбуждаетъ,
дѣвства лишаетъ.

ЖЕНИТВА

1

Фороней, царь великий, егда умираше,
брату си Леонтию сице глаголаше:
«Совершенно прежихъ быхъ дни моя блаженны,
аще быхъ въ супружество не приимал жены».
Братъ вопроси: «Что тако?» Царь же отвѣщаетъ:
«Кождо жену имѣяй, вину[1] того знаетъ».

2

Человѣкъ, иже мудрость от Бога прияше,
о нейже во юности труды полагаше,
Аще восхощетъ жену въ супружество взяти,
нужду имать мудрости тщету восприяти, —
Ибо не будетъ мощно съ книгами сѣдѣти,
удалить от нихъ жена, удалят и дѣти.
Епикуръ, аще лютый сластолюбецъ бяше,
обаче женитися мудрымъ возбраняше.
И Феофрастъ въ книзѣ си того возбраняетъ,
препятие мудрости женитву вѣщаетъ.
Ей, не удобно книги доволно читати
и хотѣние жены въ домѣ исполняти!
А коль многи потребы жена вымышляетъ,
кождо оженивыйся совершенно знаетъ.
Ризы драгоцѣнныя, бисери и злато
промышляй, супружниче, да имать богато.
Одѣяния нова часто вымышляетъ,
на своя угодия[2] весь домъ истощаетъ,

---

[1] причину; [2] прихоти.

Рабынь хощетъ имѣти много украшенныхъ,
въ колесницахъ яздити драго позлащенныхъ, —
Раби да послѣдуютъ, вси да почитаютъ,
камо ли двигнется, да ю провождаютъ.
А утружденну мужу не дастъ обнощь[1] спати,
в ложи обыче ему о нуждахъ стужати[2]:
Ту жалостнѣ глаголетъ, мужа укоряетъ,
аки о ней не добрѣ въ нуждахъ промышляет.
Инѣхъ мужей во образъ[3] супруги приводить:
«Се она краснѣй мене одѣянна ходитъ,
Ову же вси людие зѣло почитаютъ,
а мене, за тобою сущыя, не знаютъ».
Къ симъ ревнивая жена обыче стужати:
«Что ты на ону жену любиши смотряти
И что со рабынею ты глаголалъ еси?
Гдѣ былъ еси въ гостинѣ[4], то ми да повѣси»[5].
Из торжища грядуща гнѣвно вопрошаетъ:
«Что принеслъ еси?» — Аще ни, то лютѣ лаетъ.
Въ гости аще пустиши, то обыкнетъ пити;
аще же не пустиши, не хощетъ и жити:
«Увы ми! — возопиетъ. — Коль есмь не блаженна
за злымъ мужемъ, от добрыхъ другин[6] отлученна!»
Сия и подобная досадно страдати,
а злыя измѣнити нѣсть лѣть и продати.
Аще поймется[7] нища, — въ питании скудность;
аще богата, — нравы претерпѣти трудность.
Хощетъ бо, да на ону выну свѣтло зриши,
красоту лица ея и нравы хвалиши.
Аще на ину когда возрѣти случится,
то, аки презрѣнная, велми оскорбится.
Честнымъ именемъ выну хощетъ звана быти
и праздникъ именинный на всякъ год хранити,
Да о здравии ея весело пиеши
и наслѣдницу богатствъ ону содѣеши,
Да желаеши онѣй по тебѣ остати,
и все имѣние твое во область[8] прияти.
Хощетъ, да отца ея и рабыню чтиши,
а кормилицѣ ея и дары носиши;

[1] всю ночь; [2] докучать; [3] в пример; [4] в гостях; [5] расскажи; [6] подруг; [7] здесь: возмешь за себя; [8] власть.

Кого-либо возлюбитъ, и ты да любиши,
по хотѣнию ея присно да ходиши.
Аще дом ей вручиши, за носъ возметъ тебе,
аще же не вручиши, мнитъ презрѣну себе.
И тако къ ненависти тебе обратится,
весь твой дом возмутити свары[1] устремится;
Аще не потщишися скоро примирити,
дерзнетъ о смерти твоей промыслъ сотворити.
Аще ризами ону свѣтло украсиши,
многихъ очи на ея лице обратиши,
И она разгордѣетъ[2]: ту бѣдство творится,
чистота ея въ скверну да не претворится.
Аще же красны ризы женѣ отречеши[3],
ропотъ, сваръ и котору[4] ея понесеши.
Негли[5] же потщишися ону соблюдати,
не устрежеши, аще хощет ины знати;
Не вѣрный чистоты стражь свое на ню око
впуститъ и чрезъ забрало, хотя есть высоко.
Не соблюдеши, аще сама не блюдется;
ейже лѣть, но не хощетъ, — чиста та зовется;
Красна ли: то многими любима бываетъ,
не лѣпа ли: то сама лѣпых лицъ желаетъ.
Любиму же от многихъ трудно сохранити,
а никому годныя не удобь любити, —
Обаче скорбь меншая нелѣпу имѣти,
неже лѣпыя нравы срамныя терпѣти.
Велие бѣдство тамо, гдѣ мнози желаютъ
и различными козньми жену оболщаютъ;
Не лѣть есть во цѣлости той стенѣ стояти,
на нюже тщатся от всѣхъ стран навѣтовати.
Суть и ина многая въ супружествѣ злая,
яже ты, человѣче мудрый, добрѣ зная.
На покойное мѣсто ко книгамъ склонися,
кромѣ[6] бѣд супружества вѣкъ твой жити тщися.

ЖИВОПИСАНИЕ

Бѣ живописецъ добрѣ изученный
въ Родѣ, именемъ Протогенъ реченный.

---

[1] упреками, скандалами; [2] возгордится; [3] откажешь; [4] ссору; [5] А не; [6] без.

Сей рябку[1] тако живо написаше,
да же къ ней живыхъ множество лѣташе.
Индѣ змий тако живописанъ бяше,
якоже въ птенцѣхъ пѣние держаше,
Иже Лепиду не даяху спати;
змий за то страхомъ не далъ имъ пискати.
На Клавдиевѣ феатрѣ прелщаху
родъ врановъ окна, яже [2]от вапъ бяху[2],
Непщующе[3] бо праведная быти,
тщахуся тѣми на вѣтръ излетѣти.
Апеллесъ коня тако написаше,
якоже кони живыя прелщаше,
Мняще бо того коня жива быти,
не престаяху рзание[4] творити;
Имже нѣкая лица ся писаху,
яже знамена и черты являху
Живыхъ, якоже бѣ возможно знати
физиогномомъ, что о нихъ вѣщати.

⟨ИЗ ЦИКЛА «ЖИВОТЪ»⟩

Животъ человѣческий скоро претекаетъ,
ибо, яко цвѣтъ селный, тако отцвѣтает.
Здравъ кто утро и веселъ, надѣется жити
с Мафусаиломъ долго, силенъ, славен быти,
И се на вечер коса смерти посѣкаетъ,
прекрасный цвѣтъ юности во тлю обращает.
Веселится кто нынѣ, славно торжествуетъ,
а смерть невидимая косу на нь готуетъ,
И се солнцу западшу, и онъ тожде дѣетъ,
падаетъ въ гробъ, утро же смердит, ибо тлѣет.
Оле непостоянства жития нашего!
Никтоже есть извѣстен бытия своего.
Нѣсть блаженство подъ солнцем, то бо токмо в небѣ,
хотяй жити блаженно, то заслужи тебѣ.
Тамо жизнь безконечна и вѣчно блаженна,
тамо здравие присно, радость божественна.
Тамо миръ есть без бѣдства, безбѣдство мирное
и вѣчность блаженная, блаженство вѣчное.

[1] утку; [2—2] были нарисованы; [3] Считая; [4] ржание.

Любы[1] совершенная тамо обитаетъ,
совершенство любимо вѣчно пребывает.
Тамо страху нѣсть мѣсто и печаль не будетъ,
ликование, радость во вѣки пребудетъ.
Нощи тамо не знаютъ, день выну сияетъ,
а никому никогда варомъ[2] досаждаетъ.
Вси же единодушно въ Бозѣ пребываютъ,
Его зрѣниемъ умы своя услаждаютъ.
Тамо здравие вѣчно, болѣзнь ни едина,
океанъ веселия, радости пучина.
Тамо правда царствуетъ, никтоже прелщает
и самъ ни от когоже прелщаем бываетъ.
Оттуду блаженнии никогда гонятся,
окаяннии тамо никогда впустятся.
Тамо умъ без поблуды имать вѣчно быти,
память паки ничтоже возможет забыти.
Воля вовѣки Богу будетъ подчиненна,
любы непритворная, сладость неизмѣнна.
Чювства без вреждения имутъ пребывати,
никто печално имать тамо воздыхати,
Ибо отвсюду радость всего человѣка
изъвнѣ и внутрь обидетъ без кончины вѣка.
Живот тамо без смерти, без горести — сладость,
о Бозѣ, въ Бозѣ, съ Богом вѣчно будет радость.
О всеблаженная жизнь живущих на небѣ!
Кто тамо вѣчновати не желает себѣ?
Желайте, любимицы, вседушно желайте,
на всяко время и часъ въ небо воздыхайте,
А здѣ тако живите, да бы угодити
дѣлы Богу, и за ня[3] восприятымъ быти
Во страну вѣчны жизни, ибо не вхождаетъ
тамо, кто жизнь во злобах свою провождает.
Благодатию убо Господь ны спасаетъ,
но и добрых дѣяний от нас онъ желаетъ,
Да содѣйствуемъ его святѣй благодати,
тако удостоимся жизнь вѣчну прияти,
Еяже азъ всѣмъ вѣрнымъ усердно желаю,
и самъ ко Богу щедру о томъ воздыхаю,

[1] Любовь; [2] жарой; [3] них.

Да, простивъ моя грѣхи по своей милости,
общника мя сотворитъ вѣчныя радости.

ЖИТИЕ НАША ПАРА[1]

Житие человѣка бѣднаго кто знаетъ,
ни единѣй от вещей твердых уравняетъ,
Но скоропреходящымъ то уподобляютъ,
ихже во любомудрих[2] почтени бываютъ.
И в Писании Святомъ тожде обрѣтаю,
Иакова святаго слово поминаю,*
Иже между многими подобии дал есть
житию имя пары; нимало солгал есть.
Ибо якоже пара въсходит теплотою,
тако жизнь наша тою, обое малою.
Паки, якоже пара в аеръ[3] ся вращаетъ[4],
тако житие наше скоро исчезаетъ.
Трѣтѣе, пара тонка и едва видится,
тако жизнь наша кратка и в немнозѣ зрится.
Еще: пару вѣтръ малый скоро развѣваетъ,
тако жизнь нашу мала бѣда истребляетъ.
Пятое, пара мрачна во облакъ густѣетъ,
тако въ мрацѣ невѣждства вся жизнь наша тлѣет.
Шестое, мятежъ въ парѣ премногий бывает, —
жизнь наша безмятежно стояти не знает.
По сихъ, пара обыче въ воду ся вращати,
а жизнь наша во слѣзы вѣстся[5] измѣняти.
Наконецъ, яко пара к земли ся вращаетъ,
подобнѣ тѣло наше въ ту ся обращаетъ.
Оле непостоянства! Оле измѣнности!
Скоро въ тлю превратятся и бѣдныя кости.
Житие временное недолго пребудетъ,
а вѣчное каково кому, Богъ вѣсть, будет.
Ты, Боже, настави ны тако въ мирѣ жити,
еже бы вѣчность въ небѣ свѣтлом наслѣдити.

---

[1] пар; [2] у философов; [3] воздух; [4] превращается; [5] известна.

ЗАВѢТЪ

Домовитъ нѣкто животъ временный лишаше[1],
призвавъ сыны, к нимъ слово сие глаголаше:
«Возлюбленная чада, се вы оставляю,
а гдѣ есть сокровище мое, извѣщаю:
Въ виноградѣ[2] закопахъ. Того вы ищите,
а мене, отходяща во инъ вѣкъ, простите».
То изрекъ, преставися. Погребше и́ чада,
с мотыками идоша на трудъ винограда.
Воскопаша и́ вездѣ, но не обрѣтоша
искомаго, — лозы же плодъ многъ принесоша,
Иже елма собрася, много сребра взяша
и то быти реченно от отца познаша.
Тѣмже[3] яша на всякъ год виноград копати, —
не в земли, но от трудовъ сокровищъ искати.

⟨ИЗ ЦИКЛА «ЗАКОНЪ»⟩

Врачевства, во ковчезѣ[4] егда пребываютъ,
недужнымъ ни малую помощь содѣвают;
Подобнѣ аще злато замкненно хранится,
стяжателю[5] прибытокъ ни един творится.
Тако закони въ книгахъ всуе положени,
аще прилѣжно въ царствѣ не будут хранени.

ЗМИЙ

Въ нѣкоей странѣ змий превелий бяше,
близъ моста лежя, вредъ лютый творяше.
Кони и волы и всякъ скотъ хищалъ есть
и путь творшыя люди поглощалъ есть.
Тѣмъ путемъ святый епископъ пустися
Донатъ, а змий на нь гладный устремися,
Разверзъ челюсти, святый наплеваше
въ гортань, и знамя крестно[6] содѣяше.

---

[1] завершал; [2] винограднике; [3] Для того, поэтому; [4] шкатулке; [5] владельцу; [6] крестное знамение.

Того не терпя, змий той умертвися,
о немъже страна вся возвеселися.
Осмь супругъ[1] воловъ зла гада везоша
на поле, тамо огнемъ и́ сожгоша.

ЗАБВЕНИЕ

Албертъ Великий зѣло премудръ бяше,*
тайны естества дивны исписаше.
Егда же вѣка старости дожилъ есть,
мудрости всея конечно[2] забылъ есть.
Феодорикъ же, Канисий реченный,
о смерти брата Петра увѣщенный,
Толь ужасеся, даже забы всего:
книгъ писания, имене своего.
Подобнѣ Корвинъ, вѣтий[3] преученный,
недугомъ долгимъ лютѣ удрученный,
Забы имене своего вѣщати.
Коль память слаба, мощно по сих знати.

ЗЕМЛЯ

Земли три части мокнутъ подъ водами,
четверта токмо суха подъ ногами
всѣхъ есть ходящихъ и разумъ имущихъ,
и звѣрей сущих.

⟨ИЗ ЦИКЛА «ЗЛАТО»⟩

Краль галлийский Бреунъ* дѣву возлюбилъ есть
и яко съ женою с нею нѣчто жилъ есть.
Она же не право онаго любяще,
но точию злато лестию взимаше.
Позна лицемѣрство краль хитрыя жены,
уразумѣ, яко бѣ ею прелщенны.
Умысли ю златомъ довлѣ насытити
и лесть[4] не безъ казни должныя пустити.

[1] пар; [2] полностью; [3] оратор; [4] коварство.

Повелѣ воинству злато ей метати,
ей же сѣдшей от нихъ оно приимати.
Метающе убо, купу[1] сотвориша
толь велику, даже жену завалиша,
Яже не стерпевши тяготы от нея —
и злата лишенна, и жизни своея.
Златый гробъ стяжала любившая злато,
но горѣ бяше ей тогда зрѣти на то.

ИСТИННА

Царь локренский Салевкий егда царствоваше,
законъ во своемъ царствѣ сей народствоваше:
Да кто прелюбодѣйству виновен явится,
абие очию си свѣта да лишится,
Въ малѣ времени по томъ сынъ его единый
тому преступлению содѣяся винный.
Увѣдѣ отецъ о томъ, совѣтъ собирает,
на обезочение сына осуждаетъ.
Граждане со слезами къ царю припадаютъ,
оставления казни сынови желаютъ:
«Прости сына, о царю, грѣхъ его остави,
наслѣдника царствия от казни избави.
Мы, иже под закономъ, должни казнь страдати,
аще велѣния ти будем презѣрати.
Но сынъ законодавецъ твой нам имать быти,
убо изволи его казни свободити».
Царь, истинны хранитель, вопреки вѣщаше,
всяко обезочити сына осуждаше.
По мнозѣм же прѣнии царь гнѣвенъ явися,
сей судъ послѣдний из устъ его испустися:
«О, граждане честнии, болѣзнь ми отвсюду —
сынъ любезенъ, а правды не растлю отнюду.
Грѣхъ виненъ отмщению; от васъ моление,
да преложу на милость злобы[2] отмщение.
Обое ми досадно: и еже простити,
и ваше желание презрѣнно пустити.

[1] кучу; [2] проступка.

Въ недоумѣнии есмь, что лучши избрати:
вамъ ли или истиннѣ дѣлом угождати?
Но обѣма угожду: васъ ради простится:
единаго сынъ ока весма да лишится.
За правду же другое мнѣ изъято буди,
да не рекутъ неправа мене царя люди, —
Да очы, а не око, аще не въ единомъ,
но во отцѣ изъяты будутъ купно с сыномъ».
И совершися судъ сей с великимъ ужасомъ,
въ образъ правды будущым сотворенный часом.
Подобнѣ Богъ изволи щедрый сотворити:
хотѣвъ роду нашему ослабу явити,
Далъ есть сына своего до смерти страдати
плотию, да бы во вѣкъ намъ не умирати.
И тако довле правдѣ Христомъ сотворися,
казнь на него и на ны полма[1] положися.
За нашъ онъ грѣхъ пострада, остави в нас око,
с нимже мощно намъ взити на небо высоко.
Тѣмже онъ есть свѣтъ мира, яко сам речеся,
его свѣтомъ въ свѣтъ вѣчный род нашъ возведеся,
За что ему честь, слава во вся вѣки буди,
«Слава ти, щедрый Боже», — да рекут вси люди.

ИКОНА БОГОРОДИЦЫ

Иконописецъ нѣкто благочестивъ бяше,
ко Матери Божией любовь соблюдаше.
Обыкл же образъ ея прекрасно писати,
а демона под ноги ея полагати,
Скаредно[2] писаннаго, — за что разъярися
врагъ и жестоко ему претяй[3] появися,
Обѣщая велику пакость сотворити,
аще не престанетъ и́ тако скаредити.
Зографъ[4] же врагу рече: «Азъ тя не боюся,
паче скаредство твое явити потщюся».
Исчезе демонъ съ гнѣвомъ. По том случай бяше, —
зографъ образъ Дѣвыя[5] на стѣнѣ писаше

[1] пополам; [2] Гнусно, отвратительно; [3] угрожая; [4] Иконописец; [5] Богородицы.

Въ храмѣ нѣкоемъ, — тамо не забы явити
и скаредства вражия под ноги вмѣстити,
Изображая, яко та есть она жена,
еюже змия того бѣ глава сотрена.
Врагъ, не терпя досады, хотя й свалити,
потщася вся подставы древяны ломити.
Тымъ убо падающымъ, зографъ он смутися,
но Божией Матери молебно вручися.
И простре образъ руку, мужа похищая,
от падения смертна чюднѣ свобождая.
Падоша вси подставы, зографъ же висяше,
держимъ рукою Дѣвы. Оле чюдо бяше!
Что видяще людие, подмостъ пристроиша,
зографа кромѣ вреда къ земли низпустиша,
А Христа Бога Матерь честно величаху,
содѣянное чюдо миру возвѣщаху,
Демонския же козни въ конецъ обругаша, —
егоже падению винна быти знаша.

КАЗНЬ СЫНУ ЗА ОТЦА

Отецъ нѣкто изрядно сына воспиташе,
женѣ его сочетавъ, наслѣдие даше.
По малѣ обнищавъ самъ, нача приходити
въ домъ сыновень, еже бы алчбу утолити.
Питаше кратко время сынъ отца своего,
потомъ нача косвенно смотрѣти на него.
И ялъ есть бобомъ токмо онаго питати,
самъ же сластная тайно с женою кушати.
Въ единъ день убо отецъ к нему прихождаше,
а онъ печена пѣвня[1] съ женою ядяше;
Сынъ восхитивъ то [2]брашно во скровъ[2] сохранил есть,
отцу по обычаю бобы представилъ есть, —
Иже насыщся иде, [3]идѣже бѣ требѣ[3],
а сынъ потщася взяти ово[4] брашно себѣ.
Прииде къ скрову, и се иже сохранися
пѣтелъ[5] на снѣдь во жабу страшну преложися
И в ненасыщенныя злаго мужа очи
и на лице безстудно неизбѣжно[6] скочи;

[1] петуха; [2—2] еду в кладовку; [3—3] куда было нужно; [4] то; [5] петух; [6] точно, неотвратимо.

Емуже тако силно чревомъ прилѣпися,
да же никимъ образомъ того отлучися.
И тако всескаредно на лици лежаше,
то гризущи, ядомъ си всего исполняше,
Да же от того яда оному умрѣти.
Кайтеся, не чтущии родителей дѣти!
Инии пишутъ, яко бысть ему ослаба —
за слезы прежде смерти отпаде та жаба.

КАЗНЬ ЗА СОЖЖЕНИЕ НИЩИХЪ

Епископъ Могунтийский нищихъ не любяше,
туне[1] ядущы мышы оны нарицаше.
Егда же гладъ во странѣ велий сотворися,
тогда число убогихъ велми умножися.
Онъ нищененавистникъ скупством держимъ[2] бяше,
от демона лукавый совѣтъ восприяше.
Собра нищихъ множество в житницу пространну,
милостину сказуя имъ уготованну.
Егда же собраннии от глада стеняху,
от него хлѣба въ пищу умилно прошаху,
Рече ко рабомъ своимъ: «Се воплствуютъ мыши, —
восхити кождо[3] пламень, тыя да палиши».
Раби житницу съ тѣми нищими спалиша,
велѣние безбожна мужа исполниша.
Но злому дѣлу зла казнь Богомъ сотворися:
нечестивый епископъ червми расточися;
И гдѣ либо на стѣнахъ имя его бяше,
дивнѣ родъ мышей того писмо истребляше
В знамение извѣстно, яко бяше тое
из книгъ жизни истренно имя проклятое
И душа примерзкая яко въ адъ вержеся,
червиемъ неусыпнымъ ко снѣди дадеся.
От праведна Судии правъ судъ сотворися.
Сия слышай, ко нищымъ милостивъ творися,
Да Господь нищыхъ милость свою явитъ тебѣ
и питаетъ тя хлѣбом жизни здѣ и в небѣ.

---

[1] напрасно; [2] одержим; [3] каждый.

КАЗНЬ ХУЛЫ

Въ еретичестей странѣ жена една бяше,
яже во рождении болѣзни страдаше.
Стекошася другини, въ нихже бѣ едина,
яже чтила есть матерь Бога отца Сына.
Та раждающей рече: «Аще ся вручиши
Дѣвѣ Марии, помощь скорую узриши».
Она скверными усты хулу отригаше,
Дѣву чисту именемъ свинии назваше,
Глаголющи: «Не хочу свинии призвати,
не имамъ ся во вѣки азъ онѣй вручати».
Оле скверная уста! Что не онемѣста?
Како толику хулу глаголати смѣста!
Но не стерпѣ ей Господь буйства изреченна,
ибо блядословица тужде бысть казненна:
Ибо въ мѣсто младенца прасята родила,
черная и мертвая, тѣмже ся явила
Сама быти свиния, мерзкая душею,
и вепрь адский живяше в супружество с нею.

⟨ИЗ ЦИКЛА «КЛЕВЕТА»⟩

Во градѣ превелицѣ нѣкто царствоваше,
многими земли, страны славно обладаше,
Емуже даде Господь супругу благую,
благочестнымъ житием доброцвѣтущую.
Той умыслилъ святая мѣста посѣтити,
идѣже страда Христосъ, поклонъ сотворити;
Восприемъ убо путь свой, странствие творяше,
а супруга во градѣ царственномъ осташе.
При ней же и братъ царский, юный тѣлом, былъ есть.
иже не мало время доброчинно жилъ есть.
Елмаже приятъ возрастъ, нача свѣрѣпѣти
и на красная лица женская смотрѣти,
А занеже царица зѣло красна бяше,
очы своя на ону часто обращаше,
И нача безвременно[1] къ онѣй приходити,
таже не убояся мысли си открити,

[1] неожиданно.

Что любовию ея велми палимъ бяше
и плотска сожития съ оною желаше.
Царица удивлшися безстудствию его,
не яви лица ему весело своего.
И яла есть къ чистотѣ словом увѣщати,
да бы не мыслилъ братня ложа оскверняти.
Онъ, посрамлен тогда быв, печален явися
и воздерженъ на нѣко время сотворися,
Но демону палящу паки его тѣло,
еще дерзнулъ къ царицѣ приступити смѣло
И о нечистомъ дѣлѣ точнѣ[1] глаголати, —
даже не зна царица, что съ ним содѣяти.
Рече убо оному: «Имамъ на пиргъ[2] ити,
во еже бы ся нѣчто тамо утѣшити;
Ты мене аще тамо единъ предвариши,
желаемое дѣло удобь получиши».
Онъ с радостию иде и на пиргъ возшелъ есть,
ожидая царицы, на долзѣ сѣдѣлъ есть.
Она в той часъ лѣствицу велѣла отъяти,
да бы не к тому дерзалъ словом ей стужати[3].
Пристави же два раба оному служити
и двѣ дѣвѣ нуждная по вся дни носити,
Яже свыше вервиемъ[4] онъ къ себѣ влачаше
и сосуды внизъ тѣм же вервием спущаше.
Тако сѣдѣ цѣлое лѣто и другое,
да же царь возвратися во царствие свое.
Емуже близъ пришедшу, царица мыслила,
да бы честь достойную царю сотворила.
Грады, веси и пути строити веляше,
сама во стрѣтение царское идяше
Съ боляры и велможи. Но и заключенна
царска брата содѣя тогда свобожденна, —
Иже предварь[5] царицу ко царю течаше,
цѣлование ему достойное даше.
Царь, видя брата блѣда и во долгих власах,
непщева[6], яко боленъ бяше в многих часѣх;
Ятъ его о здравии плоти вопрошати,
худости и влас долгих хотѣ вину знати.

[1] так же; [2] башню; [3] оскорблять; [4] веревкой; [5] опередив; [6] подумал.

А занеже братъ с царемъ на единѣ бяше,
на честную царицу клеветы вѣщаше,
Глаголя: «Яко жена не есть вѣрна тебѣ,
многи прелюбодѣи собрала есть себѣ,
С нимиже ложе твое выну оскверняше
и мене на зло дѣло часто увѣщаше.
Но бояся азъ Бога, не хотѣхъ пребыти,
аще бы ми от нея и убиту быти.
Она, яко по воли мене не имяше,
на пирзѣ мене гладом и хладом томяше».
Царь, услышавъ глаголы, вѣру брату ялъ есть,
царицу погубити во умъ себѣ взял есть, —
Яже о бѣдѣ своей ни от части[1] знаше,
во стрѣтение царю радостно идяше.
И пришедши смиренно ему поклонися,
лобзание подати царю приближися, —
Иже, гнѣвомъ палимый, ону похитил есть
за власы и о землю люто ударил есть; —
Яже ели живая на земли лежаше,
ничто слышя слов мужа, ничто глаголаше.
И онъ въ ярости блудом ону обвинил есть
и смертию казнити абие судилъ есть.
Призвав же рабы своя, велѣ восхитити
жену на колесницу, скоро овозити
Въ далекочюжду страну и смерти предати,
во еже бы никому о ней вѣсти взяти.
Раби царское слово дѣломъ сотвориша,
вземше на колесницу, ону возложиша
И въ далеку пустыню, бѣдну, отвезоша;
в нюже по мнозѣх дниехъ егда приидоша,
Зашедше во глубину, хотѣша убити,
но сердца жену красну начата любити.
Первие убо ону блудити хотѣша,
потом же погубити волю си имѣша.
И елма яша ону къ земли полагати,
она къ Господу яла слезы источати,
Просящи пособия, да не оживится,
но точию[2] от злых рабъ не осквернится.

---

[1] нимало не; [2] только.

Егда же паки ону нудиша лежати,
она гласомъ велиим яла есть кричати.
Въ то время нѣкто силный близу путь течаше
и вопль сущий в пустыни во уши прияше.
Притекъ съ людми, обрѣте борющуся жену
со скверными рабами, но не одоленну;
Мня разбойники быти, оны погубилъ есть,
а благочестну жену скверны свободил есть.
И зря благообразну, нача вопрошати,
да бы о случаи си хотѣла сказати.
Она достоинство си пред нимъ утаила,
да приимет во рабу прилѣжно просила,
Токмо да не понудит в чистотѣ страдати,
а она вѣрно во всем хотѣ работати.
Велможа, видѣв бѣду, то ей обѣщал есть —
не прикоснутися ей — и с собою взялъ есть.
Пришед же в домъ свой, женѣ по чину сказаше,
яко ту жену честну во рабу си взяше.
Жена, зрящи лѣпоту ея, удивися,
благонравию паче того почюдися.
Егда же дни доволны вѣрно им служаше,
Божиимъ пособиемъ всѣм любима бяше.
Князь убо со женою сына ей вручиста,
да наставляет его яко вѣсть, просиста.
Она того младенца тощно[1] пѣствоваше,
здравие его паче своего храняше.
И о санѣ ни слова своем извѣстила,
но елико можаше в тайнѣ сохранила.
Присно же ко Господу молбы возсылаше,
во бдѣнии и постѣ мнозѣ пребываше;
Емуже врагъ завидѣв, хотѣ спону[2] дати,
да бы ю в супружество кому-либо взяти.
Въ то время въ дворѣ князя брат его живяше,
иже воинску службу храбро совершаше.
Тому демонъ во сердце любовь к ней вложил есть,
иже ю в супружество прилѣжно просил есть:
Она всѣми образы ему отрицаше,
яко въ чистотѣ жити имать, глаголаше.

---

[1] усердно; [2] помеху.

Брат княжий разгнѣвався, ял есть промышляти,
как бы отмщение женѣ той отдати.
Во едину убо нощь, егда утрудися
жена и съ отрочатемъ спати положися,
Онъ во первосоние отрока заклалъ есть,
а ей спящей во руку ножъ держати дал есть.
Бѣдная, не знающи, что врагъ ей содѣя,
возбнувши[1], познала ножъ у руки своея;
Потомъ кровь отрочате многу ощутила,
страшнымъ гласомъ абие[2] мног вопл сотворила.
Тогда со свѣщами къ ней мнози притекоша,
отрока закланнаго при ней обрѣтоша
И ножъ, во руцѣ ея держимый, узрѣша, —
ону заклавшу быти вси согласно рѣша.
Родители со страхомъ ту же прибѣгоша,
от жалости о сынѣ едва не умроша.
И врагъ, братъ княжий, ту же абие явися,
аки не знаяй дѣло, на жену ярися:
Всякихъ мукъ достойную осуждая быти
и не престаше брата к тому приводити.
Но Господь сердце его кротко сотворилъ есть,
о женѣ того дѣла никако мыслил есть;
Аггелъ Божий во сердце его полагаше,
яко онаго врага то зло дѣло бяше.
Тѣмже не хотѣ жены на муки отдати,
точию умысли ю за море изгнати;
Къ корабленникомъ убо слезную послал есть,
въ чюждыхъ ю оставити странах приказал есть.
Они, приемше жену, за море плаваху,
а зряще жену красну, похотми горяху;
Наченше ей безстудно о томъ глаголати,
да бы ся не отрекла съ ними пребывати.
Она, яко глас змиинъ, сей от нихъ слышаше,
всячески неистовымъ себе защищаше;
Яша убо лютии плачущей претити[3],
яко, аще не ляжет, имутъ утопити.
Она рече: «Убийте или утопите,
точию плоти грѣшнѣй скверны не творите!»

[1] проснувшись; [2] вдруг; [3] угрожать.

Скверний, елма ничто успѣти могоша,
  на пустый остров нѣкий ону извергоша.
По немже она хождши зѣло утрудися,
  хладна сущи и гладна, спати положися.
Елма же уснула есть по молитвѣ мнозѣ,
  съ упованиемъ цѣлымъ о Господѣ Бозѣ,
Тогда Мати Божия спящей ей явися,
  еяже, яко солнце, лице просвѣтися,
И рече ей: «О, жено, много ты страдала,
  да бы супружескую чистоту сдержала.
Отселѣ не имаши искусовъ прияти,
  Богъ ти имать от всѣх враг свободу подати;
Обида и невинность твоя проявится,
  а злокознство врагов ти свѣтло обличится.
Собери токмо траву, яже под главою,
  прокаженныхъ будеши исцѣляти тою;
Тѣм художеством имать Богъ тя прославити
  и пред лицемъ мужа ти здраву поставити».
Возбудившися она, зѣло рада бяше,
  с молитвою слезною траву собираше.
И рукава оною своя исполнила,
  потомъ, во корабль вшедши, чинно усушила, —
Ибо в третий часъ на день корабль приближися,
  правлением Божиим къ онѣй устроися.
Она корабленники яла есть просити,
  да бы ю изволили в корабль свой впустити;
Они, видяще жену честну, сотвориша
  милость съ нею и в корабль, да плывет, впустиша.
Преплывши убо море, в град нѣкий вступила, —
  прокаженна травою тамо исцѣлила,
Потомъ и ины многи тою исцѣляше,
  мало ея во винѣ пити подаяше,
Слава о ней велика вездѣ разширися,
  даже и князю тому слышати случися,
Егоже братъ, отрока при онѣй заклаше, —
  той же врагъ проказою в то время боляше.
Хотя убо князь брата того исцѣлити,
  посла рабы ту жену к себѣ умолити,
Яже по многихъ молбахъ въ град его идяше
  и въ домъ вниде, но никто оныя познаше.

Приемъ ю князь, началъ есть прилѣжно просити,
да бы хотела брата его исцѣлити,
Она, Богомъ правима, сице глаголаше:
«Исцѣления дѣло нѣсть то сила наша;
Богъ врачь есть всемогущий, убо того требѣ,
да грѣхи своя скажетъ брат твой при мнѣ тебѣ
И при седми послусѣхъ[1], тогда исцѣлѣетъ;
без того врачба моя силы не имѣетъ».
Князь брату слово ея скоро извѣстил есть,
а на исповѣдь его едва увѣстил[2] есть.
Собравшымся убо всѣмъ, грѣхи сказоваше
многи, а о убийствѣ сына не сказаше.
Цѣлителница рече: «Вижду тя таити
грѣхъ нѣкий, того ради не могу цѣлити».
Князь брата всеприлѣжно нача увѣщати,
да бы, ничтоже тая, потщался сказати.
Видя же, яко болный страхом держимъ бяше,
аще бы на нь[3] смерть мыслил, сказати веляше,
Съ клятвою обѣтъ дѣя, что имать простити,
о отмщении злобы никогда мыслити.
Тогда вѣру емъ[4] болный, нача воздыхати
и многия из очесъ слезы изливати;
С покаяниемъ сердца грѣхъ свой изъявилъ есть,
яко онъ княжа сына иногда[5] убилъ есть,
Отмщая кормилицѣ, юже онъ любяше,
а она в супружество съ онѣмъ не идяше.
Сей глаголъ князь услышавъ, зѣло умилися,
изгнания честныя жены прослѣзися;
Жаль бѣ сына умерша, но одолѣваше
жаль, яко невинную жену онъ изгнаше.
Поплакав же часъ нѣкий, просил есть от жены,
да бы братъ, аще и врагъ, был уисцѣленны.
Она по обычаю виномъ напоила
с травою и абие цѣлбу[6] сотворила.
Вси возрадовавшеся, жену ту блажиша,
но о изгнаннѣй женѣ умилно тужиша.
Она же имъ рекла есть: «Печаль отложите!
Азъ изгнанная вами, — Бога восхвалите,

[1] свидетелях; [2] уговорил; [3] на него; [4] поверив; [5] некогда; [6] исцеление.

Яко чрезъ мене, грѣшну, цѣлбу сотворил есть,
здраву мя на ту вашу нужду возвратил есть».
Князь со женою слышавъ, зѣло веселися,
да с нима пребываетъ, прилѣжно молися;
Многая ей богатства радостно даяху,
исцѣленному да есть супруга, прошаху.
Но она рече: «Нѣсть лѣть того ми творити,
еще бо ми далече подобаетъ ити».
И почивши ту нѣчто, в путь свой запустися,
от князя же ей почесть многа сотворися.
Даровъ от них прияти никакихъ хотяше,
но цѣлѣнием болных в пути ся питаше.
И прииде во градъ свой, в немже обитала,
но яко бѣ царица, никому сказала.
И тамо убо болныхъ премного цѣляше,
даже гласъ ушесъ царских о ней дохождаше.
А в то время брать оный, ю оклеветавый,
близъ смерти проказою бѣ изнемогавый.
Посла убо царь скоро жену пригласити,
да бы брата недуга того свободити.
Цѣлѣбница пришедши, недуга смотряше
и о исцѣлѣнии надежду творяше,
Аще токмо изволитъ вся грѣхи явити
пред царемъ, яже ему случися творити,
Пред архиереемъ же и пред всѣмъ сигклитомъ[1],
и не тяжка бысть царю тѣм она совѣтом.
Царь убо рече брату вся грѣхи сказати,
нимало и о смертных страха содержати.
Собранным убо бывшымъ, грѣхи сказоваше,
но иже о царицѣ, во сердце держаше.
Цѣлѣбница рекла есть: «Нѣчто ты таиши,
от моего врачевства цѣлбы не влучиши»[2].
Царь прилѣжно ятъ[3] брата о сем увѣщати,
да бы не боялся всѣхъ грѣхов си сказати.
Тогда онъ рече, слезы изъ очесъ пущая:
«Оле, беззакония моя суть тяжкая!
Азъ невинну царицу разлучихъ с тобою, —
о царю! — яко она не пребысть со мною.

---

[1] собранием; [2] получишь; [3] стал.

Азъ, окаянный, ону умышляхъ прелстити,
а она никакоже хотѣ блудъ творити;
Моею клеветою она погубленна, —
се великая злоба моя всѣмъ явленна».
Царь услышав, ятъ себе за власы терзати,
по лицу бити, «увы, увы!» глаголати:
«Како азъ без вопроса дерзнухъ осудити,
тако чистую жену живота лишити?
О, горе мнѣ, бѣдному! Имам отвѣтъ дати,
от Царя Небеснаго казнь люту прияти».
Сицевая прогласивъ, къ брату обратися,
о грѣсѣ и болезни его умилися.
И плакався доволно, къ цѣлящей вѣщаше:
«Потщися исцѣлити, — се брат вся сказаше».
Она дала есть траву ему съ виномъ пити,
и абие въ здравие нача приходити.
И по малѣ времени весь здравъ сотворися,
о немже царь съ боляры радостен явися.
Но слезы радость его полма[1] преплетаху,
о невинной царицѣ из очесъ течаху, —
Что и боляре зряще, умилно сѣдѣша,
о тойже во печали превелицѣй бѣша.
То видящи царица слезъ не удержаше,
но яко струи воды изъ очесъ точаше.
Егда же вины[2] тѣхъ слезъ от нея прошаху,
от словесъ ю царицу бывшую познаху,
Поряду[3] бо вся сказа, яже съ нею быша.
Царь, егда ты глаголы от нея услыша,
Нападе ей на выю, нача лобызати,
прощения за грѣхъ свой, иже к ней, желати.
И въ веселии мнозѣ хотѣ ю пояти
съ собою, яко прежде съ нею обитати;
Царь во супругу ону себѣ приимаше,
сигклитъ ю за царицу имѣти хотяше.
Но она ко епископу слово обратила:
«Вѣждь, отче, яко обѣт в скорбѣх сотворила,
Еже [4]не к тому[4] мужа до кончины знати,
но въ иночестемъ чинѣ Богу работати.

[1] пополам; [2] причину; [3] По порядку; [4—4] уже не.

Аще убо обѣт сей ты мой разрѣшиши,
азъ не буду виновна, ты же да узриши:
Богъ истяжетъ от тебе за мене отвѣта,
за зло преступление моего обѣта;
Аще ся человѣкомъ угоденъ явиши,
всяко разрѣшениемъ Бога огорчиши».
То слышавъ, архиерей обѣтъ утвердил есть,
иноческия ризы на ню возложилъ есть.
И тако до конца си Богу работаше,
егоже пособиемъ сохраненна бяше
От скверны и от смерти, — купно Матерь Бога
Марию прославляше за благая многа,
Яже ей въ бѣдѣ бывшей матерски явила,
егда траву сказавши цѣлбы научила.
О, жены предоблия[1]! Коль много терпяше
чистоты ради! — а Богъ ону соблюдаше.
Тако всѣмъ женамъ требѣ доблественным быти
и во нуждахъ чистоту не вредну[2] хранити,
Паче нестерпимую смерть себѣ избрати,
неже осквернению плоть свою предати.

⟨ИЗ ЦИКЛА «КЛЕВЕТНИК»⟩

Петель ногами обыче копати
землю и пищи в ней себѣ искати.
И аще злату цату[3] ископаетъ,
со молчаниемъ ону презираетъ.
А случит ли ся червя ископати,
кричитъ и тщится кокоши[4] призвати.
Равнѣ клеветникъ доброты честныя
презренны имать, что цаты златыя.
А черви грѣховъ аще усмотряетъ,
всякое око зрѣти призываетъ.
О злобы люты! Яже таителна
явленна творит, таитъ явителна.

---

[1] добродетельная; [2] неоскверненную; [3] монету; [4] куриц.

КЛЯТВА ВО ЛЖУ

Купецъ нѣкто богатый во градѣ живяше,
но, расточивъ богатство, зѣло обнищаше.
Сей, пришедъ к жидовину, у него просилъ есть
взаимъ сребра на куплю, жидъ не отвратилъ есть
Лица от просящаго, токмо ему рече:
«Даждь ми залогъ на сребро, добрый человѣче».
Купецъ отвѣща ему: «Не имамъ что дати,
но споручника[1] дамъ ти, ты изволи взяти,
Споручника же велми честна и благаго,
дамъ Николая тебѣ, отца пресвятаго».
Жидовинъ рече: «Слышу того мужа быти
праведна, ни обыкша никого же лстити;
Споручению его хощу вѣру яти
и тебѣ взаимъ сребра яко требѣ дати».
Совѣщавшася убо в монастырь идоста,
в храмъ свята Николая оба приидоста.
И внегда пред образомъ его има стати,
купецъ онъ христианинъ ялъ есть глаголати:
«Олтарь, пред ним же стою, и отца святаго
Николая даю ти, яко праведнаго
Споручника за сребро, — яко ти воздати
имамъ в день нареченный, а никако лгати».
Жидъ на глаголы сия сребра ему далъ есть,
онъ тѣмъ благополучно куплю содеял есть;
Пособиемъ Божиимъ богатъ сотворися,
скоро нужда нищеты бывшия забыся.
Пришедшу же дни, в онже долгъ нужда воздати,
моли купецъ овъ жида, еже еще ждати.
Жидъ три краты оному время продолжаше,
а онъ в сердци лукавый умыслъ соблюдаше.
Напослѣдокъ, егда жидъ оному стужал[2] есть,
онъ со клятвами рече, яко долгъ отдал есть.
Жидовинъ пред судии онаго призваше
и суда правдиваго на лживца прошаше.
Судии жидовина судомъ оправдиша,
да купецъ сребро отдастъ, чинно присудиша,

[1] поручителя; [2] докучал.

Или да клятву дѣетъ, яко долгъ отдал есть.
  Онъ сие средство, точнѣ и жидъ, восприял есть.
В день убо уреченный мнози ся стекоша,
  с купцемъ и с жидовиномъ в монастырь идоша.
Купецъ же злокозненный жезлъ свой издолбаше
  и во нь[1] цѣну во златѣ за долгъ вложил бяше.
Егда убо нужда бѣ клятву содѣяти,
  далъ купец жидовину жезлъ свой подержати,
Да тако правда будет, яко отдалъ ему,
  яко взаимъ дателю что долженъ своему.
Жидовинъ жезлъ со златом в руках си держаше,
  о козни купца того ниже помышляше.
Оному, жезлъ держащу, клятву сотворил есть
  купецъ, пред Николаемъ лютѣ согрѣшил есть.
По клятвѣ паки жезлъ свой от жида прияше,
  тако не во лже клятву быти непщеваше[2];
И с многимъ веселиемъ в дом свой возвратися,
  но не долго о лести[3] своей веселися, —
Ибо жидъ онъ к святому рече Николаю:
  «Рабе Божий, азъ тебе споручника знаю,
Не лживому азъ купцу яхъ вѣру, но тебѣ;
  буди убо правъ нынѣ, воздаждь еже требѣ».
А в то время купецъ той в дом ся возвращаше
  и, на пути бывъ, тяжким сном одолен бяше,
Егоже *не* претерпѣвъ, спати положися
  на распутии, ничто того устранися.
Тогда же колесницу волове тягнуша
  тяжку зѣло и спяща мужа не минуша.
Нашедше на нь бременемъ, лестца умертвиша
  и жезлъ, при немъ лежавший с златом, сокрушиша.
Онъ окаянно издше[4], злато источися, —
  то видѣти путникомъ многим прилучися,
Иже судиямъ града вѣстно сотвориша.
  Тии, пришедше к трупу, зѣло ся дивиша
Скорой мести Божией и злато то взяша,
  жиду таможь притекшу все цѣло отдаша.
Жидъ абие в монастырь путь скорый приялъ есть,
  святому Николаю благодарство далъ есть,

---

[1] в него; [2] полагал; [3] о хитрости, обмане; [4] умер.

Глаголя: «Отче правый, благодарю тебѣ,
яко правду сотворилъ во моей потребѣ:
От споручения ты нынѣ свобожденный,
ибо долгь ми тобою цѣло возвращенный.
Имамъ тя яко раба азъ Господня чтити
и правдотворение повсюду славити.
Аще же ину милость можеши явити,
со всѣмъ азъ домом имам христианин быти, —
Аще того мертвеца жива сотвориши,
во Христа мя вѣрити чюдом наставиши».
Сия ему изрекшу, люди приидоша,
о востании мертва вѣсти принесоша.
По нихъ и самъ оживый с многими слезами
пришедъ паде святому отцу пред ногами,
Пред образомъ онаго усердно рыдая,
прощения лжеклятвы от Бога желая.
Плакавъ доволно, с жидом онѣмъ примирися,
о лукавом дѣлѣси явѣ обличися[1].
Жидъ тѣм чудодѣйствием бывый удивленны,
потщася[2] со всѣм домом си быти крещенны.
И тако единаго мужа падение
другому устройся Богомъ в спасение,
Иже убо, якоже в жидовствѣ твердъ бяше,
тако во христианствѣ доблестно живяше,
Имѣя в защитника Николая себѣ,
ему ся поручая во всяцѣй потребѣ.

КНИГА

1

Иеронимъ блаженный зѣло книженъ бяше,
но и еллински книги любезно читаше.
Единою от Бога болѣзнь на нь пустися,
и даже къ смерти плотстей уже приближися,
И бысть въ восторзѣ[3] страшном, показася ему,
аки уже представленъ Судии своему,

[1] здесь: покаялся; [2] поспешил; [3] исступлении.

От негоже вопрошенъ бяше: «Ты кто еси?
Коего мужъ закона, да ми исповѣси».
Он же отвѣтъ сотвори: «Азъ есмь христианин».
Судяй рече: «Лжеши, се кикерониянинъ
Ты еси, зане книги Кикерони[1] чтеши
паче христианскихъ, тѣм казнь да приимеши».
И велѣ его бичми добрѣ наказати,
да бы на тѣлѣ язвы возможно считати.
Служителие убо язвы наложиша,
а инии молитву о немъ сотвориша.
И бысть помилованны, во плоть отпустися,
и абие, якоже от сна, возбудися,
Но страха преисполненъ, на тѣлѣ язвенны,
аки по хребтѣ бичми оными сѣченны.
Оттолѣ преста книги еллински читати
и ятся христианскимъ тощно прилѣжати.
Самъ о себѣ святый мужъ сия извѣщаетъ,
да никто паче святыхъ книгъ ины читаетъ.
О, аще толь святый мужъ тако наказася,
чесо грѣшный человѣкъ имать ждати на ся?
Лучше убо, братие, святымъ прилежати,
а ины книги развѣ[2] с потребы читати.

2

Различны книги намъ суть Богомъ предложены,
да благонравно жити будем наученны.
Первая книга — миръ сей, в нейже написася,
что-либо от Всемощна Господа создася.
То же мы писание в то время читаемъ,
егда от твари Творца силу познаваем,
И егда строение всяческихъ видяще,
величаемъ Строяща, премудрость хваляще,
И егда всѣхъ доволство[3] нуждныхъ созерцаемъ,
за то благость Дателя славно прославляемъ.
Вторая книга перстомъ Божим начертася,
егда писанный законъ Моисиемъ предася

[1] Цицерона; [2] только; [3] достаток.

Роду Исраилскому, сия поучаше,
как богоугодно жити подобаше.
А занеже ту токмо единъ родъ читал есть
и во добродѣтелѣхъ мало успѣвал есть,
Третия всеизрядна всѣмъ книга дадеся,
живая, всекрасная съ небесъ принесеся.
Та есть Иисусъ Христосъ, в немже написанно,
что явѣ усты его миру бѣ вѣщанно.
Всякихъ добродѣтелей учаше свершенства,
да будемъ причастници вѣчнаго блаженства.
Сию книгу полѣзно людие читаютъ,
иже словеса его дѣломъ совершаютъ
И образу жития его подобятся,
да снаслѣдници Христу быти сподобятся.
Четвертая есть книга Дѣвица Мария,
в нейже добродетели писаны всякия,
Яже кто житиемъ си тщится подражати,
той сию книгу святу умѣетъ читати.
В ней и превѣчно Слово, перстом написанно
Отчимъ, во спасение всѣмъ людем есть дано,
Егоже слова аще кто не почитаетъ,
яко звѣрь безсловесный, неба не познаетъ.
Пятая книга — совѣсть, комуждо свойственна,
яже нынѣ пред людми лежитъ заключенна,
Но на Всестрашномъ Судѣ она отключится[1]
и всему миру, да чтетъ, явѣ предложится.
О блаженъ, иже пишетъ нынѣ в ней благая!
Горе же тому люто, кто чертаетъ[2] злая!
Благъ бо за писание благихъ ублажится,
а злый за злая во огнь вѣчный осудится.
О братие, потщимся благая писати,
да бы Богомъ блаженство вѣчное прияти.
Не пишим же лукавыхъ, да бы посрамленным
не быти пред всѣм миромъ, и в огнь воверженным.
Шестая книга тайна, самъ ту Богъ читаетъ,
Церковь книгу живота[3] ону нарицаетъ,
Въ памяти же Божией выну[4] содержится.
О, блаженъ мужъ, иже в ней написан явится,

---

[1] раскроется; [2] пишет; [3] жизни; [4] всегда.

Пишутъ бо ся имена в ней Богом избранныхъ,
на вѣчную жизнь в небо предуготованныхъ.
Обаче и инии пишеми бываютъ,
иже въ благодати суть, потом же падают.
Сии начинателно[1], а не совершеннѣ[2]
написани бываютъ въ книзѣ божественнѣ.
А до смерти живущихъ в своей благодати
совершенно изволилъ Богъ в ней написати.
Мы, братие, потщимся совершенно жити,
да можемъ совершенно написани быти
В той книзѣ божественной, яже изъявится,
егда кождо на воздухъ правый восхитится
Во срѣтение Христа, грядуща судити,
въ ихже сонмѣ даруй нам, Христе Боже, быти.

3

Езекиилю книгу во снѣдь аггелъ даше,
та во устѣхъ медъ сладкий, в чревѣ горка бяше.
Образъ книгъ еваггелскихъ азъ непщую быти,
ты бо душу въ началѣ силны усладити
Словомъ сотоподобным, потомъ огорчаютъ,
егда в *п*окаяние горкое въправляют.
Но вслѣд тоя горести вѣчна идет сладость,
по временней печали — безконечна радость.

КОЗЛИ, ИЖЕ ЗЛИ

Въ стадѣ Христовѣ суть овцы благия,
обрящеши в немъ и козлищи злыя,
Яко в ковчезѣ Ноевѣ держими
звѣрие быша добрии со злыми.
Нынѣ суть купно, но вся раздѣлятся,
егда от добрыхъ злии отлучатся
На казнь вѣчную, ови же во славу
на Судѣ Страшном вознесут си главу.
Козлищи во снѣдъ аду предадятся,
овцы во оградъ небесный вселятся.

---

[1] здесь: начаты; [2] завершены.

Кто же козелъ есть, мощно познавати,
егда и от свойствъ будем разсуждати.
Козломъ обычай чрезъ заборъ скакати
и во оградѣхъ древа огризати.
Заборъ есть законъ, кто и преступаетъ —
козелъ, и древа правилъ злѣ снѣдаетъ.
Паки козлищи лютѣ смрадни тѣлы, —
грѣшници смердятъ скаредными дѣлы.
Козлищь из паствы на ину бѣгаетъ,
грѣшникъ из грѣха во грѣхи падаетъ.
Козлищемъ малъ есть обычай глашати,
грѣшникъ молитвы не радъ возсылати.
На козлѣ власы къ земли обращенны,
грѣшныхъ сердецъ мысли земным прелѣпены.
Козли рогами людей нападаютъ,
грѣшници тако жъ ближним досаждают.
Явѣ убо есть тыя козлы быти,
иже во грѣсѣхъ любят присно жити,
Иже на Страшнѣмъ Судѣ возмездятся,
демономъ в руцѣ творцы предадятся
Вѣчную муку за тыя страдати,
«горе!» и «увы!» выну воплствовати.

КОНЦА ЗРѢТИ

Егда хощеши дѣло начинати,
конецъ первѣе[1] требѣ разсуждати.

КОЩУНЪ

1

Кощунникъ[2] нѣкий князю глаголаше,
егда онъ ратно в чюждая идяше:
«Княже великий, тощно ты мыслиши,
како чуждую землю всю смутиши.

[1] сначала, прежде; [2] Шут.

Но вижду, мало умъ твой помышляет,
возвратитися како подобаетъ.
А то первѣе достоитъ мыслити,
како бы цѣло в дом ся возвратити».

2

Два кощунника купно долго время жиста*
и смѣхотворством сребро у людей ловиста.
Единъ омерзивъ себѣ животъ[1] свой прелестный[2],
обратися Божиим званиемъ на десный[3].
Отиде во пустыню и въ яму вселися
и не малое время тамо потрудися.
Другъ же, о нем жалѣя, прилѣжно искаше,
от различныхъ человѣкъ о немъ вопрошаше,
Таже увѣдѣвъ, иде и нача и́ звати,
да ся возвратить паки с ним кощунствовати.
Онъ же на путь спасенный его увѣщаше,
да другъ будетъ во слезахъ, яко в грѣсѣх бяше.
Но ничто здравый совѣтъ на нем успѣваше,
тѣмже[4] другъ благий в миръ с ним ити слова даше.
И, изшедъ из ямы си, нача путствовати[5],
мало же отшедъ ялъ есть аки сѣтовати:
«Увы, — рече, — друже мой, сребра забыхъ взяти,
еже тщахся от щедрот мужъ добрих собрати.
Возвратимся, молю тя!» И вспять отидоша;
елма же над оную яму приидоша,
Рече затворникъ другу: «Брате, въ яму слѣзи,
да возмеши со чпагомъ[6] сущия пѣнѣзи»[7].
Соизволша[8] вервию въ яму низпустил есть,
вервь восхитив[9], каменем яму надвалил есть.
И глаголаше ему: «Брате, потрудися,
общникъ покаяния ты мнѣ сотворися».
И тако затворенна надолзѣ[10] держаше,
а самъ о немъ Господа прилѣжно моляше,
Да от жестосердия въ мягкость преложится
и другъ в покаянии ему сотворится.

---

[1] жизнь; [2] лживый; [3] праведный; [4] поэтому; [5] путешествовать; [6] с мешком; [7] деньги; [8] Согласившегося; [9] вытащив; [10] долго.

Овъ же долго ярився, уже и моляше,
обаче из вертепа испущенъ не бяше.
По нѣкоемъ времени нача помышляти,
яко лучше волею о грѣсѣхъ рыдати,
Ят ся покаяния и друга просилъ есть
о нуждных, яже ему другъ тощно носил есть,
И обыкъ во затворѣ волею сѣдяше
и другъ другу своему до кончины бяше.

3

Свѣтилникъ да свѣтитъ, огнем ся снѣдаетъ,
кощунникъ да тѣшитъ, сам ся изнуряетъ.

4

Иже кощуннодѣемъ дары умножаетъ,
не ино, токмо жертву демонови даетъ.
Иеронимъ глаголетъ* убо: не блюдите
кощуннодѣевъ, паче нищыя храните.
За сихъ бо питание будете блаженни,
за овѣхъ держание от Бога суждении.

5

Иже кощунства дѣетъ, тать любый[1] бываетъ,
ибо любимъ есть людемъ, а онъ украдаетъ
Время, Богомъ данное на дѣла святая,
за что ожидаетъ й казнь свыше лютая.

КУПЕЦТВО

Чинъ купецкий без грѣха едва может быти,
на многи бо я злобы врагъ обыче лстити;
Изрядные лакомство[2] въ купцѣхъ обитаетъ,
еже въ многия грѣхи оны убѣждаетъ.

---

[1] нравящийся; [2] алчность.

Во-первыхъ, всякий купецъ усердно желаетъ,
малоценно да купить, драго да продаетъ.
Грѣхъ же есть велий драгость велию творити,
малый прибытокъ лѣть[1] есть без грѣха строити[2].
Вторый грѣхъ в купцѣхъ часто есть лживое слово,
еже ближняго в вещехъ прелстити готово.
Третий есть клятва во лжу, а та умноженна,
паче песка на брезѣ морстемъ положенна.
Четвертый грѣхъ татбою[3] излише[4] бываетъ,
таже въ мѣрѣ, въ мѣрилѣхъ часто ся свершаетъ, —
Ибо они купуютъ во мѣру велику,
а внегда продаяти, ставятъ не толику.
Инии, аще мѣру и праву имѣютъ,
но не право мѣрити вся вещы умѣютъ.
Инии хитростию вещы отягчаютъ,
мочаще[5] я, нѣции худыя мѣшаютъ[6].
А вся сия без грѣха немощна суть быти,
яко Богъ возбраняетъ сих лукавствъ творити.
Пятый есть грѣхъ: нѣции лихоимства дѣютъ,
егда цѣну болшити за время[7] умѣют;
Елма бо мзды чрезъ время нѣко ожидаютъ,
тогда цѣну вящшую в куплях поставляютъ.
Шестый грѣхъ, егда куплю являют благую,
потом лестно ставляютъ ину вещь худую.
Седмый грѣхъ, яко порокъ вещы сокрываютъ,
вещь худую за добру купующымъ даютъ.
Осмый, яко темная мѣста устрояютъ,
да худыми куплями ближния прелщаютъ,
Да во темности порокъ купли не узрится,
и тако давый сребро в купли да прелстится.
О, сынове тмы люты! Что сия творите?
Лстяще ближния вашы, сами ся морите.
Въ тму кромешную за тму будете ввержени,
от свѣта присносущна вѣчно отлучени!
Отложите дѣла тмы, во свѣтѣ ходите,
да взидете на небо, небесно живите.

---

[1] можно; [2] получить; [3] воровством; [4] особенно; [5] намачивая; [6] примешивают; [7] поднять вовремя.

⟨ИЗ ЦИКЛА «ЛАКОМСТВО»⟩

Екклисиастъ богатство немощь именуетъ,*
яко всякъ негли[1] богачь выну недугуетъ[2]
Болѣзнию лакомства, яже всего томитъ,
держателя си мучитъ, разслабляет, ломитъ.
Мучатся богатии, во-первыхъ, главою,
ибо выну печални пребываютъ тою,
Безчисленными мыслми ону удручаютъ,
да выну злато, сребро в ко*в*че*г*ъ прилагаютъ;
Дручатся[3] промыслами, како я щадити,
да бы сохраненнаго ни мало изжити.
Еще и очима си тии болѣзнуютъ,
иже лакомо злато сокровиществуют;
Не могутъ бо оныма на нищихъ взглядати,
воеже бы просящымъ ничесоже дати, —
Яко богачь Лазаря никогда смотряше,*
иже пред домомъ его при вратѣх лежаше.
Недугуютъ и слухомъ, не могутъ слушати,
обыкоша ушеса своя отвращати
От просящихъ милости; всуе стенание
пред ними пущается и воздыхание.
Не слышатъ гласа сирыхъ и вдовство терпящих,
ни вредами[4] тлѣющихъ, на гнои лежащихъ;
Едино речение «на!» могутъ слышати,
а еже «дай!» во уши не любятъ впущати;
Умѣют же добрѣ «дай!» усты прорицати,
а еже «на!» никогда хотятъ глаголати.
Оле болѣзни злыя, творящыя глухи
люди, невреженныя имущыя слухи!
Недужнии гортанемъ, тому бо хуждшая
пищь даютъ, а за сребро продаютъ лучшая:
Паче ковчеги любятъ богатствомъ полнити,
нежели чрево свое благоучредити.
Болѣзнуютъ и сердцемъ, то бо озябаетъ,
егда в ковчезѣ с хладнымъ златом пребываетъ;
Не въ теплыхъ персѣхъ сердца их суть утверженна,
но съ сокровищемъ — увы! — многим погребенна.

---

[1] почти; [2] страдает; [3] терзаются; [4] язвами.

Недужны имутъ руки, пребѣдно согбенны,
на даяние нищимъ зѣло разслабленны.
Томитъ болѣзнь и ноги, ибо ты не знаютъ
во дни, въ нощы покоя, но всегда бѣгаютъ
По всѣмъ путемъ, еже бы прибыток имѣти.
О, коль много лакомым нужда бѣд терпѣти!

⟨ИЗ ЦИКЛА «ЛЕВЪ»⟩

Андродъ рабъ нѣкоему господину бяше*
и въ бѣгство чрез пустыню от него ся вдаше.
Стрѣте его левъ хромый, язву показуя,
терния[1] изъятия от него требуя.
Андродъ, приступивъ к звѣрю, тернъ острый изъял есть,
отокъ язвы[2] очистивъ, ногу обвязалъ есть.
За то левъ чрезъ три лѣта оному служаше
и во пещерѣ своей ловомъ[3] препиташе.
Случися же нѣкогда из тоя изъити
Андроду и от сверстникъ своих яту быти,
Иже господину си елма представися,
на снѣдь зверем в град Римский абие судися.
Но в то же время и левъ овъ бѣ уловленны,
на утѣху кесарю во Римъ приведенны.
Егда убо бысть время ему ся тѣшити,
на снѣдь звѣремъ бѣдныя люди изводити,
Первый на позорище Андродъ поставися
и по случаю овъ левъ на него пустися,
Иже уврачеванъ имъ и сожитель бяше
во единой пещерѣ; левъ же и́ познаше,
Началъ есть ласкатися, къ ногам припадати,
вмѣсто жестоты любовь древнюю являти.
То кесарь чародѣйство вознепщева быти,
повелѣ люта рыся на него пустити.
Рысь гладный вержеся на нь, но левъ защитил есть,
самого рыся вскорѣ мертва сотворилъ есть.
Тому кесарь удивлся, вины[4] взискиваше
и, егда праведную Андродомъ познаше,

[1] заноза; [2] края раны; [3] охотой; [4] причину.

Животъ ему дарова: судивъ право быти,
прощеннаго от звѣря кесарю простити.
Людие паки любовь ему проявиша,
кесаря, да Андроду дастъ лва, умолиша;
Иже приемъ лва въ градѣ, в домы с ним хождаше,
подаяние злата и сребра взимаше.
Людие на смиренна лва цвѣты вергаху,
о вождѣ и водимомъ сице глаголаху:
«Сей левъ бѣ человѣку въ пещеры сожитель,
сей же человѣкъ лву бѣ сему исцѣлитель.
Оле чюдодействия! Лви ся покаряютъ,
благодарствие свое за милость являютъ».

ЛЮБОВ К ПОДДАНЫМ

Егда за грѣхъ Давыдовъ Богъ люди казняше*
всегубителством, тогда Давыд вопияше:
«Азъ есмь грѣхъ сотворивый, Боже, обратися
на мя с казнию ти, симъ милостивъ явися».
Оле любве царския! Самъ хощетъ умрети,
аки отецъ ли мати за любыя дѣти.

⟨ИЗ ЦИКЛА «МЕСТЬ ИЛИ ОТМЩЕНИЕ»⟩

Албоинъ, лонгобардовъ краль, жену имяше,
яже ся Росимунда по имени зваше;
Тоя отца Албоинъ нѣкогда убилъ есть,
из кости главы его чашу устроилъ есть.
Во нѣкоеже время съ женою пияше
и в той чаши вино ей пити подаяше,
Глаголя: «Пий весела съ отцемъ, рождшимъ тебе,
от меча десницы ми не соблюдшымъ[1] себе».
Росимунда въ обиду то себѣ вмѣнила,
отмщение творити в сердци положила.
Бѣ же въ дворе лонгобардъ Хелмехилдъ реченный,
добротою лица си велми украшенный,

[1] спасшим.

Мужь зело храбрый: той же дѣвицу любяше
  Росимундѣ служшую, еже она знаше.
И совѣща дѣвице блудно с онѣмъ жити,
  чесого елма дѣва не хотѣ творити,
Проси ю, да зовет и́ на мѣсто извѣстно,
  сама с нимъ да пребудетъ, той отшедши лестно.
Сотвори дѣва тако, мѣсто показала,
  на немже Росимунда того ожидала.
Хелмехилдъ в нощи время приде, дѣвы чая,
  пребысть съ Росимундою, кто бяше не зная.
Егда же, грѣхъ содѣявъ, хотѣ отходити,
  Росимунда, явлшися, ятъ слово творити:
«Вииждь, что ти избереши едино от двою,
  да можеши имѣти цѣлу главу твою:
Или оглаголю тя кралю за се дѣло
  и конечно лишится главы твое тѣло,
Или ти Албоина днесь да убиеши,
  а съ царством за супругу мене да поймеши».
Онъ окаянный избра краля си убити
  и со Росимундою въ супружествѣ жити.
Шедъ убо, уби краля, обагрилъ есть ложе
  кровию его, — жена злобѣ допоможе.
[1]Бывшу погребению[1], Росимунда тщится,
  да злобникъ ону пойметъ и краль сотворится.
Лонгобарди вопреки тому дѣлу сташа,
  Хелмехилда онаго за краля не взяша.
Она с нимъ совѣщаше из страны бѣжати,
  злата, сребра доволство великое взяти.
И тако сотворивше, кораблемъ отплыша
  моремъ и до Равенны тѣм града приплыша,
Идѣже нѣкто Лонгинъ обладатель бяше
  и приплывшыя гости всечестно прияше.
Жиша тамо убийцы, казни не прияша;
  но зри, кую кончину жития си взяша.
Лонгинъ, видя прекрасну Росимунду быти,
  к тому богатства зная, хотѣ с нею жити.
Нача ю, да погубить мужа, увѣщати:
  «Благо, — рече, — со мною тебѣ ся счетати;

[1—1] После похорон.

Будемъ бо Италии страною владѣти
и лонгобарды в нашей области имѣти».
А жена безумная золъ совѣтъ прияла,
о смерти Хелмехилда тощно промышляла;
Уготова питие, отраву положила,
усмотрѣвши часъ на то, мужеви вручила,
Иже пия познадъ есть смертну чашу быти,
похищь ону за власы, велѣ ей допити,
Еже оста во чаши, и мечемъ прещаше, —
она той же ядъ испи, аще не хотяше.
И тако отравою оба погибоста,
погубившая краля сама исчезоста,
А богатство многое в чюжди иде руки,
злыя же души в люты отидоша муки.

МЕЧЬ ИСТИННЫ

Дионисий, мучитель Сиракусовъ страны,
от ласкателя[1] бяше Дамокла прелщаны
Блажениемъ щастия, богатства и славы, —
да же не утерпѣти царю тоя хвалы
И глаголати сладцѣ к тому ласкателю:
«Хощеши ли то знати, любый приятелю?»
Емуже соизволшу, царь велѣ садити
Дамокла на престолѣ и всѣмъ его чтити.
Слузи абие слово царско сотвориша,
ласкателя на златый престолъ возсадиша:
Багряницу царскую вскорѣ принесоша,
в златозарную ризу его облекоша,
Вѣнецъ златый на главу его возложиша,
скипетръ неоцѣненный всечестно вручиша.
Приидоша краснии юноши служити,
повелѣния слово дѣломъ сотворити.
Представиша трапезу, златом украшенну,
брашны и питиями дивнѣ исполненну;
Различный мусикии род ту предстояше,
сладкими гласы ушы с сердцем веселяше.

[1] льстеца.

Вкратцѣ буди рещи ми: вся ту дана быша,
яже царя самаго сердце веселиша.
Сице Дамоклъ почтенный превозвеселися,
въ жребии блаженнѣйшихъ быти вомѣнися[1].
Но тогда повелѣ царь власомъ увязати
мечь острый и над главу его низпущати, —
Егоже узрѣвъ Дамокл, зѣло устрашися,
вострепетавъ всѣм тѣлом, лицемъ измѣнися,
Преста ясти и пити, всепечаленъ бяше,
пѣснѣй слушати, зрѣти юношъ не хотяше.
Моляше царя слезно, еже пущенъ быти
не на престолѣ златѣ, но в дому си жити.
Не желаше блаженства себѣ царска къ тому,
но покоенъ сѣдѣти возлюбил есть в дому.
Сицевъ есть во истинну животъ человѣка,
от начала бытия до кончины вѣка:
Егда бо ястъ и пиетъ, ничто ино дѣетъ,
егда в чести, в богатствах и во славѣ спѣетъ,
В то время мечь истинны Божия блистаетъ,
на тонце висящь власѣ, смертию прещаетъ.
Что зная, человѣче, како ся смѣеши,
вскую[2] сластей от тебе плотских не вержеши[3]?
Остави о суетныхъ въ мирѣ веселъ быти,
помни, яко смерть славныхъ не знаетъ щадити,
Избери в мирѣ слезы, да радость на небѣ
Богомъ данная будетъ безконечна тебѣ.

МИЛОСТЬ ГОСПОДСКАЯ

1

У господъ милость трудно есть стяжати,
труднѣе того выну ону знати,
Ибо во скорѣ та ся измѣняетъ
и множицею в гнѣвъ ся прелагаетъ.

---

[1] возомнил; [2] почему; [3] отринешь.

2

Аще у мужъ велможныхъ есть благодать тебѣ,
употребляти ея всеопасно требѣ:
Яко со огнемъ, съ ними есть полезно жити, —
ниже ся удаляти, ни велми близъ быти.
Огня удаляяйся ознобленъ бываетъ,
а близъ зѣло сущыя самъ огнь опаляетъ.
Тако иже от господъ себе удаляютъ,
презрѣнии и безчестни у онѣхъ бываютъ;
Иже паки дерзаютъ ближитися зѣло,
мало за дерзость свою до конца суть цѣло.
Средство убо в житии семъ хранити требѣ,
иже хощетъ безбѣдства и дружбы их себѣ.

МИРЪ

Миръ сей непостоянный не вѣмъ вскую честенъ,
Зане исполнь бѣдъ и велми есть лестенъ.
Егоже утро любитъ, пѣстует, лобзает,
того о камень смертный в вечеръ разбиваетъ.
Александра Велика колико лобзаше,
едва не вся царствия ему в руцѣ даше;
Но елма покой себѣ хотѣ сотворити,
понужденъ во тлю смерти и прах отходити.
Егда же во гробъ златый тѣло положися,
монарха всего мира червиемъ растлися.
Тогда от странъ различныхъ люди прихождаху,
измѣнѣ того царя зѣло ся дивляху,
Ибо мнози Божия мняху сына быти,
не искуснаго[1] смерти имѣвшаго жити.
Тогда жъ любомудреци трие присѣтиша
и стояще над костми глаголъ сотвориша.
Первый, хотя суетство мира показати
и царствия в немъ тщетна, начатъ провѣщати:
«Сей царь вчера во мирѣ цѣломъ не вмѣстися,
днесь же малымъ симъ гробомъ доволенъ явися».

---

[1] знающего.

Вторый хотѣ явити, яко есть суетство
злата, сребра многое имити[1] богатство,
Рече: «Вчера онъ злато в ковчезѣхъ храняше,
а днесь его ковчегъ златъ в себѣ сопряташе».
Третий, желая словомъ людемъ то сказати,
яко буйство[2] есть тѣло сластми утучати,
Рече: «Вчера си тѣло сладостно питася,
днесь червиемъ во пищу скаредным отдася».
Оле измѣнения! Како се бывает?
Все, еже зрится въ мирѣ, скоро претекаетъ.
Тѣмъ не любите мира и в нем красных сущихъ,
яко облакъ воскорѣ мимо нас текущихъ.
Возлюбите же того, иже миръ создалъ есть
и вещы в немъ сущыя вам в потребу дал есть,
Да употребляюще онѣхъ, яко требѣ
в славу Божию, за то вселитеся в небѣ.

МИРЪ ЕСТЬ КНИГА

Миръ сей преукрашенный книга есть велика,
юже словом написа всяческихъ Владыка.
Пять листовъ препространных в ней ся обретают,
яже чюдна писмена в себѣ заключаютъ.
Первый же листъ есть небо, на немже свѣтила,
якъ писмена Божия крѣпость положила.
Вторый листъ — огнь стихийный под небомъ высоко,
в немъ, яко писание, силу да зритъ око.
Третий листъ прешироний аеръ[3] мощно звати,
на немъ дождъ, снѣгъ, облаки и птицы читати.
Четвертый листъ — сонмъ водный в нем ся обрѣтает,
в томъ животных множество удобь ся читаетъ.
Послѣдний лист есть земля с древесы, с травами,
съ крушцы[4] и съ животными, яко с писменами.
В сей книзѣ есть возможно комуждо читати,
коль великъ, иже ону изволи создати,
И коль силенъ есть, могий ону утвердити,
ни на чемже основу ея положити,

[1] получить; [2] безумие; [3] воздух; [4] рудами.

И колико премудръ есть, иже управляетъ
вся сущая и тайны всяческия знаетъ.
Ту книгу читающе, рцемъ вси: слава тебѣ,
о, Человѣколюбче, царствуяй на небѣ.

МОЛИТВА В СКОРБИ СУЩАГО И КЛЕВЕТУ ТЕРПЯЩАГО*

Господи всея твари, Боже Вседержащий,
естества благостию родъ Адамль любящий,
Призри окомъ милости на мене скорбяща,
от неправедна мужа клевету терпяща.
Супостатъ мой душевный на мя наступает,
лстивый языкъ онаго лгати поучаетъ.
Ихже умъ мой не мыслил, онъ на мя клевещет,
а душа в невинности от страха трепещетъ.
Крове моея хощетъ, пагубы желаетъ,
но сердце мое в тебѣ, Боже, уповаетъ,
Яко не попустиши без вины страдати;
Боже, изволи помощь нынѣ мнѣ подати.
Тяжкия волны на мя нынѣ нападоша,
и скорби великия главу превзидоша,
От нихже не могу азъ себе свободити,
ты, Человѣколюбче, изволь исхитити.
Вѣси мою невинность, сердце мое зриши,
гласъ убо многослезный раба си услыши.
Не даждь ми, Владыко мой, без вины терпѣти,
пощади мя, якоже щадитъ отецъ дѣти.
Немощенъ азъ есмь зѣло, не имамъ совѣта,
языкъ при невинности лишен есть отвѣта.
Токмо убо к милости твоей притекаю,
заступи мя, Боже мой, на тя уповаю.
Не даждь невинну сущу быти посрамленну,
от клевещуща мужа в судѣ одоленну.
Знаю азъ вины моя, Боже, пред тобою,
тыя же безчисленны вѣмъ на душу мою,
Но настояща дѣла никакоже знаю,
Ты самъ вѣси, Творче мой, к тебѣ прибѣгаю.
Защити мя, Всещедре, даждъ руку помощи,
со слезами молю тя во дни же и в нощи.

И ты, о Пресвятая Христа Бога Мати,
благоволи ми руку помощи подати.
Благоутробие си изволи явити,
от лютыя напасти скоро свободити,
Ибо азъ от печали вконецъ погибаю,
от туги безпрестанно тяжко воздыхаю.
Небесная Царице, на помощь потщися,
днесь милосердиемъ си мати мнѣ явися,
Да, тобою свобожденъ, тебе величаю,
скорую помощницу тя миру вѣщаю.
И вы, вси угодници истиннаго Бога,
честнии жителие небесна чертога,
Молящиися ему о всѣхъ правовѣрныхъ,
о мнѣ днесь молитеся, иже во безмѣрных
Печалѣхъ исчезаю, мнѣ днесь помозите,
скорыя помощники себе проявите.
Заступите у Бога, да от бѣдъ избавитъ
мене, да гласъ мой выну имя его славитъ.
Но и вашу азъ помощь имамъ прославляти,
скорыя помощники людемъ возвѣщати.

МОНАХЪ

1

Иже мирская монахъ содѣваетъ,
чину святому позоръ наношаетъ.

2

Любяй зримъ быти и прочыя зрѣти
монахъ нѣсть могущь хвалу Богу пѣти.

3

Нѣсть монахъ, хотяй часто цѣловати
и честь велику от мирскихъ примати.

4

Пища, даръ, хартия[1] монаха прелщаетъ,
ибо от женъ тѣми искушенъ бываетъ.

5

Око, прямо оку женскому не буди,
да иночестии не погибнуть труди.

6

Огонь есть со сѣномъ — инокъ со женами,
не угасимый многими водами.

7

Въ кремень желѣзо тогда ударяетъ,
егда полъ женский инока касаетъ.

8

Монаху подобаетъ въ келии сѣдѣти,
во постѣ молитися, нищету терпѣти,
Искушения враговъ силно побѣждати
и похоти плотския труды[2] умерщвляти, —
Аще хощетъ в небеси мзду вѣчную взяти,
неоскуднымъ богатствомъ преобиловати.
Пагубно же оному по градѣ ходити,
из едина въ другий домъ преходяще пити.
Но увы безчиния! Благъ чинъ погубися,
иночество въ безчинство в многихъ преложися[3].
О честныхъ нѣсть здѣ слово: тыя почитаю,
безчинныя точию с плачемъ обличаю.
Не толико миряне чреву работаютъ,
елико то монаси поятъ, насыщаютъ.

[1] записка; [2] трудами; [3] переменилось.

Постное избравшии житие водити
  на то устремишася, да бы ясти, пити,
Тоже не поелику есть во славу Бога,
  но излише, даже скорбь раждается многа.
Скорбь чреву, болѣзнь главѣ, а умъ изчезаетъ,
  тако постникъ не знаетъ, еже содѣвает.
Множицею есть зрѣти по стогнамъ[1] лежащих,
  изблевавшихъ питие и на свѣтъ не зрящих,
Мнози колесницами возими бываютъ,
  полма[2] мертвии суще, народъ соблазняютъ.
Мнози от вина буи[3] сквернословятъ зѣло,
  лаютъ, клевещутъ, срамятъ и честныя смѣло,
А за то во утрий день без казни бываютъ,
  яко без обителей въ градѣ ся скитаютъ.
Нѣции постригшися посестры[4] питаютъ
  неправымъ собраниемъ и съ нѣми бываютъ.
Инии тайно от попъ в струзѣх[5] пострижени
  ходятъ, лстяще миръ, аки на то устроени.
Мнози не стрижении монашеско ходятъ,
  безчинными дѣлесы соблазнь въ мирѣ родятъ.
Оле развращения! Ахъ, соблазнь велика!
  Како стерпѣти можетъ небесе Владыка!
Въ одеждахъ овчихъ волци хищнии бывают,
  чреву работающе, духомъ погибаютъ.
Узриши еще в ризы красны облеченны,
  иже во убожество волное[6] стрижени.
Ни женихъ иный тако себе украшаетъ,
  яко инокъ несмыслный, — за что погибает,
Ибо мысль его часто — да от женъ любится;
  под красными ризами — увы! — духъ сквернится.
Таковии ко женамъ дерзаютъ ходити,
  дружество приимати, ясти же и пити.
Сродство себѣ съ онѣми ложнѣ повѣдаютъ,
  или тетки, матери, сестры нарицаютъ;
Под ними же имены хотятъ мужи быти,
  без брачнаго союза золъ бракъ сотворити.
О, безчиния люта! Оставлше сродныя,
  притворяютъ сродники себѣ неправыя,

[1] на улицах; [2] полу; [3] безумцы; [4] любовниц; [5] в лодках; [6] добровольное.

Имже дѣломъ от Христа себе удаляютъ,
суща Жениха своихъ душъ пренебрегаютъ,
За что, яко блудници, будутъ отлучени,
аще не обратятся, и вѣчно казнени.
Престаните, иноцы, сия зла творити,
тщитеся древним отцемъ святымъ точни быти,
Да идѣже они суть во вѣчной радости,
будете имъ общници присныя сладости!

МУХОКОЛЪ

Домитианъ злый кесарь, егда царствоваше,
в храмѣ си мухи ловя, иглою бодяше[1]
Въ мѣсто утѣшения, но и самъ заклася
от иконома, яко в бездѣлие вдася.

МУЧИТЕЛСТВО

Махметъ оттоманъ, солтанъ Цариграда,
вниде съ отроки треми внутрь ограда
Красно утѣшна, и в немъ веселися;
яблко едино ему возлюбися
На древѣ нѣцѣмъ, и не埼земъ, отиде.
Потом же отрокъ отай[2] к нему прийде
И сластолюбнѣ предал е[3] си чреву.
Солтанъ по часѣ возвратися къ древу,
Да видитъ паки. Не обрѣт же плода,
на три отроки пречестнаго рода
Вселютѣ яръ бысть, грозно вопрошаше,
кто от нихъ плодъ овъ во снѣдь себѣ взяше.
Они же за страхъ вси ся отрицаху,
клятвы велики на ся возлагаху.
Солтанъ же лютый велѣ сѣщи чрева,
да знаетъ, имже снѣденъ овъ плод древа.
Взяша перваго, чрево разсѣкоша
и ту въ стомасѣ яблко обрѣтоша

[1] прокалывал; [2] тайно; [3] его.

[1]Не у[1] сваренно. Тако утолися
от гнѣва звѣръ овъ, иже разярися.
Оле жестоты! Яблко оцѣнилъ есть
паче юношъ тѣхъ. Ума ся лишилъ есть!

⟨ИЗ ЦИКЛА «МЫСЛЬ»⟩

Еже корень есть въ древѣ, то мысль в человѣцѣ,
обое же есть тайно в настоящем вѣцѣ.
Корень есть под землею, не видимъ бываетъ;
мысль в глубинѣ есть сердца, никто ея знаетъ.
Но яко что въ корени от силы таится,
то послѣжде во вѣтвѣхъ и в плодѣх явится;
Тако что сокровенно во мысли пребудетъ,
то по малѣ во дѣлѣхъ проявленно будетъ.
Тѣмже кто древо плодно имѣти желаетъ,
да здравъ корень пребудетъ, тощно промышляет;
Тако хотяй самъ плоды благи приносити,
да тщится в сердце мысли добрыя хранити:
От добрыхъ бо помысловъ дѣлеса благая
производна бывают, от злыхъ паки злая.

МЫСЛЬ ЗЛАЯ

1

Змий аще кого въ ногу усѣкаетъ,
ядъ его всю плоть абие[2] враждаетъ.
Злая мысль ядъ есть, та аще вселится
въ главу, вся душа весма повредится.

2

Злыя мысли в началѣ тщися истребити,
егда бо силу возмутъ, не лѣть[3] побѣдити.

[1—1] Еще не; [2] тотчас; [3] невозможно.

3

Людинъ обрѣте змия умерщвленна
мразомъ, и на путь во снѣгъ изверженна.
Милость сотвори, в нѣдра[1] положилъ есть,
иже, согрѣвся воскорѣ, ожилъ есть.
Нача ползати, потомъ уязвилъ есть
мужа безумна, иже и согрелъ есть.
Тако и тому обыче бывати,
кто злыя мысли любитъ согрѣвати,
Ибо помалу ты ся оживляютъ
и мыслителя смертнѣ убиваютъ.

МѢРНОСТЬ

Елико дожда нивамъ сѣяннымъ желаемъ,
толико сами питий да употребляемъ.
Желаемъ же имъ воды, елико есть требѣ,
да токмо ся напиютъ по сѣменъ потребѣ.
Не хощемъ излишества, тѣмъ бо измокаютъ
сѣмена, а нивы ихъ студены бываютъ.
Не хотимъ убо и насъ излише поити,
дабы сѣменъ Божиихъ и нивъ не вредити.

МѢСТО

1

Гордость и смирение [2]не мѣстомъ ся дѣетъ[2];
бываетъ выжший смиренъ, а низкий гордѣетъ.

2

Дионисий мучитель нѣкогда ярися, —
Аристиппъ имъ философъ ниско посадися
С досадою. Обаче мудрый осклабися,
рекъ: «О царю, то мѣсто днесь мною почтися».

---

[1] за пазуху; [2—2] не определяется положением.

Тако есть воистинну от начала вѣка:
 мѣсто есть ради умна честно человѣка.

НАЧАЛНИКЪ

1

Пастыръ с овцами образъ предлагаетъ,
 како намъ жити в мирѣ подобаетъ.
Пастыръ началны знаменуетъ люди;
 стадо подданыхъ во образъ нам буди.
Егда же пастырь стадо присѣщаетъ,
 овца на пути не лежитъ, но встает,
Аки честь ему хотящи творити;
 таков к началным подначалный быти
Выну[1] да тщится, сирѣчь да говѣетъ[2],
 якоже овца, елико умѣетъ,
И яко мѣсто Божие держаща,
 о безбѣдствии подначалныхъ бдяща.
Взаимъ же пастыръ овцы соблюдаетъ
 и на рамахъ[3] си блудныя ношаетъ;
Тако началникъ долженъ есть творити,
 бремя подданыхъ крѣпостно носити,
Не презирати и за псы имѣти,
 паче любити, яко своя дѣти,
И то въ памяти выну содержати,
 яко земля тѣхъ и его есть мати.
Паче овчата пастырска боятся
 жезла и свиста едина страшатся;
Подначалници страхъ должни началнымъ,
 о ихъ цѣлости по вся дни печалнымъ;
Тѣмъ и апостолъ къ страху увѣщаетъ
 и мечемъ острымъ началныхъ прещает.
Пастырь же жезломъ укрощаетъ стада,
 женетъ[4] на паству, женетъ и внутрь града;
Тако началникъ жезломъ да управитъ,
 винна накажетъ, невѣжду наставить,

[1] Всегда; [2] благоговеет; [3] плечах; [4] гонит.

Обаче косенъ да будетъ язвити,
идѣже довлѣ есть токмо страшити.
Еще гласъ пастырскъ овцы добрѣ знаютъ
и того выну прилѣжно слушаютъ:
Шествуютъ тамо, аможе глашаетъ,
едина другу въ слѣдъ его варяетъ[1].
То поддании должни суть хранити,
гласу началныхъ послушливи быти:
Всякая душа властемъ да бываетъ
богопокорна,* — Павелъ увѣщаетъ.
Пастыри взаимъ пред овцами ходятъ,
овцы на паству благую возводятъ;
Сице началныхъ долгъ есть предходити[2]
стаду подданыхъ, на пажитъ водити
Здраву, спасенну; Божию канону,
ниже гражданску противну закону;
Образъ да будутъ себѣ подчиненнымъ,
еже ходити путемъ божественным.
К симъ овцы млекомъ пастыря питают
и на одежды волну[3] свою даютъ;
Поддании же долгъ свой да воздаютъ,
господы своя хлѣбомъ да питаютъ.
И ины нужды должни исполняти,
не ропчюще же, но во благодати.
А яко пастыръ от волкъ защищаетъ,
во дни и в нощи мало усыпаетъ,
Егда же стрижетъ, волну, а не тѣло
живое рѣжетъ, то бо хранить цѣло
И кожу блюдетъ, да не повредится,
да паки стрищи волну прилучится.
Тако державцы должни снабдѣвати,
подданыя си от врагъ защищати;
И егда дани от онѣхъ взимаютъ,
долгъ свой да вземлютъ, а не изкожаютъ[4],
Да и впред мощно будетъ постригати,
дань, яко волну, праведно взимати.
Но оле временъ развращенныхъ зѣло!
Рѣжутъ днесь волну, и кожу, и тѣло.

[1] следует; [2] предводительствовать; [3] шерсть; [4] дерут шкуру.

Самъ, Врачю Вышний, изволь исцѣляти,
скудости бѣдныхъ людей исполняти,
Да твою милость выну прославляютъ,
въ звании своемъ честно пребываютъ.

2

Блаженна страна и градъ той блаженный,
в нихже началникъ благий поставленный,
Горе же граду и странѣ бываетъ,
юже началникъ не благъ управляетъ;
Гнѣвъ тамо Божий, гдѣ начало злое,
милость тогожде, идѣже благое.
Да будет же благъ, долженъ есть хранити,
яже азъ хощу симъ словомъ явити.
Перва начална сия добродетель, —
благочестия да будетъ хранитель,
Съ благодарствиемъ о всѣхъ Богом данныхъ,
сану приличныхъ, многими желанныхъ.
Живущ же тако, Богомъ снабдѣваемъ
бываетъ, правимъ, от бѣдствъ защищаемъ;
И яко Бога онъ выну говѣетъ[1],
от подначалныхъ точну честь имѣетъ.
Вторая сану началныхъ прилична
есть добродетель, въ мирѣ не обычна:
Та смирение есть божественное,
Христомъ Господемъ в конецъ храненное.
Имать началникъ в памяти держати,
яко не в вѣки будетъ обладати;
Смерть бо пришедши хощетъ власть отъяти,
съ прочили людми во персти[2] сравняти.
Третия властей добротворение,
еже хранити имъ разсуждение
Во всякихъ дѣлѣхъ, а не уповати
на единъ свой умъ, выну вопрошати
Умныхъ совѣта: тако бо вершити
блага вся мощно, а не грѣшити.
Очеса лучше видятъ, неже око,
никто о себѣ да держитъ высоко;

[1] почитает; [2] в прахе.

В мнозѣ совѣтѣ есть спасение,
в едином умѣ поползновение[1].
Четвертая есть добродѣтель властей:
правду хранити, блюсти от напастей
Подчиненныя и чести даяти
достойнымъ, а не на злато смотряти,
Равно судити мала и велика;
на лице зрящымъ прещаетъ Владыка,
Не яко сѣть имъ законъ да бываетъ,
юже не крѣпку паукъ соплѣтаетъ;
Та бо животно мало уловляетъ,
болшее — сѣти самыя терзаетъ.
Не буди тако, но единъ судъ буди
всѣмъ, иже въ единой суть области люди.
Пятая — крѣпость прилична владущымъ
не склоннымъ быти к прелесть глаголющымъ,
Ниже златыми вериги влеченнымъ
быти, ни друговъ прошенми прелщеннымъ.
Шестая — кротость и приступность буди,
за нюже Господь возлюбить и люди,
Яко Моисия кротка Богъ любяше
и во всѣхъ нуждахъ ему помогаше.

⟨ИЗ ЦИКЛА «НЕБЛАГОДАРСТВИЕ»⟩

Филиппу Макидонску воинъ любый бяше,
иже в нѣкое время кораблемъ плаваше.
Случи же ся кораблю сокрушенну быти
и воину живому ко брегу приплыти,
Егоже македонинъ нѣкий в домъ приялъ есть
честно, угодно чрезъ дни тридесят питал есть.
По сихъ во путь отпусти, давъ доволно хлѣба
и чесого либо въ путь бѣ ему потреба.
Воинъ с клятвами рече: «Елма съ царемъ буду
бесѣдуяй, благихъ ти никако забуду,
Яже изволилъ еси ты ми сотворити,
бѣдника обнищавша обидно чредити»[2].
Возвращ же ся въ отечество, к царю припущенный
и прежния милости онѣмъ сподобленный,

[1] возможность ошибиться, оступиться; [2] угощать.

О корабли съкрушенномъ часто глаголаше
и плавание на дсцѣ[1] свое поминаше.
О страннолриемцѣ[2] же ни мало явилъ есть,
паче же пакость ему люту сотворилъ есть,
Ибо умолилъ царя, да ему даруетъ,
еже македоникъ овъ село державствует.
О, треклята воина! Клятву преступилъ есть
и за благодать мужа злобу сотворилъ есть.
Но мало веселися, ибо вѣсть приялъ есть
мужъ овъ о его злобѣ и к царю писалъ есть
Писание молебно, дѣло извѣщая
и како за благодать воинъ творить злая.
Царь прочетъ писание, велми удивися,
на неблагодарнаго мужа разъярися.
И познавъ его злобу, велѣ крѣпость[3] дати
македонину, еже село си держати.
Воина же безчестно велѣ обнажити
и на плѣщѣхъ огненну печать положити,
Изображшу: «Се странникъ безблагодарственный!»
Тако имѣния бѣ и чести лишенный.
О, аще бы такия нынѣ знаменати,
не стало бы у купцевъ желѣзъ на печати!

НЕБО БЛАГИХ СОКРОВИЩЕ

Къ разнымъ вещем человѣкъ сердце прилагаетъ,
днесь сию, утро ону стяжати желаетъ!
И, ту стяжавъ, покоя не можетъ прияти,
ибо на всякъ часъ иныхъ обыче желати.
Се же, яко не можетъ сердце сыто быти
ни единою тварей, донелѣ же жити.
Творецъ токмо доволен оно насытити
и желаниемъ его конецъ положити.
Тѣмъ всуе, человѣче, тлѣнныхъ желаеши,
в неизвѣстныхъ извѣстна благаго ищеши.
Не в мирѣ, во премирныхъ то добро витаетъ,
еже все желание сердца исполняетъ.
Ко премирнымъ убо то тщися обратити,
единаго паче всѣхъ Господа любити,

[1] доске; [2] приютившем; [3] подтверждение.

Пренебрези земная, к небеснымъ вратися,
тамо благъ совершенныхъ сердцемъ насытися.
Аще красоты свѣтлость желаема тебѣ,
святии, яко солнце, просвѣтятся в небѣ.
Аще свободы сердце твое днесь желаетъ,
в небѣ всякъ, яко аггелъ, свободенъ бываетъ,
Аще здравие долго хощеши стяжати,
на небеси то вѣчно Господь имать дати.
Аще желаеши здѣ алчбу утолити,
тамо вѣчно тя Господь имать насытити.
Аще ти жажда в мирѣ суетномъ стужаетъ,
тамо обилиемъ си Господь упояетъ.
Аще гласъ мусикии пресладкий любиши,
въ небѣ аггелскихъ гласовъ сладость услышиши.
Аще благо дружество сердцу ти есть годѣ[1],
дружество всѣх святыхъ есть в небесной породѣ.
Аще богатство и честь в желании кому,
то обое въ небесномъ есть наипаче дому.
Сокращеннѣ да реку, вся благая въ небѣ,
ибо не инамо[2] тѣхъ всѣмъ искати требѣ.
На небо, человѣче, сердца пущай око,
не низу ищи тлѣнных, но вѣчных высоко.
Оттуду нынѣ помощь стяжи благодати,
тамо по смерти имать Богъ мзду славы дати.

НЕВѢЖДА

1

Невѣжда пути вождъ да не бываетъ,
книгъ неискусный да не поучаетъ.

2

Невѣжда мудраго елма поучаетъ —
слѣпецъ очитаго мужа провождаетъ.

[1] угодно; [2] в другом месте.

3

Сова о лучахъ солнца разсуждаетъ,
егда невѣгласъ[1] о мудрыхъ вѣщаетъ.

НЕЗНАНИЕ

Не знаяй себе, ничесоже знаетъ,
аще и звѣзды небесны считаетъ.

НЕПРИСТОЙНАЯ 12

Дванадесятъ суть въ мирѣ непристойна
в людех чести, мзды свыше недостойна:
Мудрый человѣкъ, словомъ исполненный,
дѣлании благихъ аще есть лишенный;
Мужь, сѣдинами изрядно сияющь,
благочестия хранити не знающь;
Юноша кромѣ повиновения,
непослушливый старыхъ учения;
Богачь лакомый[2] выну собираяй,
а милостыни никогдаже даяй;
Жена, еяже лице не срамится,
языкъ злорѣчивъ, яже не кротится;
Господинъ, иже рабы обладаетъ,
добродѣтелей хранити не знаетъ;
Мужь христианский, прѣние любящий,
не во кротости путемъ си ходящий;
Человѣкъ нищий, иже возгордится,
Богомъ и людми никако любится:
Царь, на престолѣ славы си сѣдящий,
а суда права людемъ не творящий;
Епископъ, овцы лѣностно пасущий,
прибытки, яко волну[3] ихъ, стригущий;
Народъ, лишенный сущь наказания,
въ свободѣ живущь без обуздания;
Градъ без закона, ту бо изчезаетъ
истинны благость, все ся зло раждаетъ.

---

[1] невежда; [2] жадный, алчный; [3] шерсть.

НЕУДОБНАЯ И НЕПОДОБНАЯ

Четыри неудобна[1] дѣла обрѣташе,
пятое неподобно, Платонъ глаголаше.
Неудобно, реклъ, дѣло гордому служити
и от сребролюбива мужа что просити.
Еще со лживымъ мужемъ куплю совершати
и [2]со искуства празднымъ[2] бесѣды творяти.
А неблагодарному доброе творити —
исповѣдую весма неподобно быти.

НИЩЕТА ЦАРЕЙ

Царие и князи, суще пребогати,
обыкоша скудость едину страдати:
Много рабовъ имутъ, сокровище в злато
соблюдаютъ инымъ зѣло пребогато,
Но нищи суть в други, правду глаголивы, —
вси бо по ихъ воли глаголъ дѣютъ лстивы.

НРАВЪ

1

Пси псами пса ядома притекше снѣдают,
людие скорбна мужа в скорби погружают.
Оле лютаго нрава! Вмѣсто пособити,
псий нравъ восприемлюще, тщатся погубити.

2

Древо старое трудно пресаждати,
такожде нравы старыхъ измѣняти.

---

[1] трудные; [2—2] невеждой.

3

Древо младое удобно[1] клонится,
тако юноша всяческимъ учится.

4

Имже туком[2] сосудъ новый исполнится,
чрезъ многая лѣта той в немъ сохранится.
Тако нравъ юноши, от дѣтства всажденный,
даже до старости бываетъ храненный.

ОБРАЗЪ

1

Франтискъ именемъ первый краль францийский бяше,
сей яко писание и мудрость любяше,
Егоже родители его не любяху,
но подобиемъ варваръ в простотѣ живяху.
Абие честныхъ дѣти писаний взискаша,
кралевску люблению тако угождаша;
И бысть въ малѣ времени мудрость разширенна,
образомъ краля во всей земли умноженна.
Обычай бо есть въ людехъ царя подражати,
еже ему любезно всѣмъ то возлюбляти.
Благо убо есть царству, егда благи нравы
царствуяй восприемлетъ ради всѣхъ исправы.

2

Александръ Макидонский Тиръ градъ обстояше[3],
ровъ велий бывшъ пред градом засыпать хотяше;
Видя же воевъ лѣность, в первых насыпалъ есть
самъ кошь[4] землею и в ровъ пред всѣми всыпал есть.
То видящи ратници царя подражаху,
въ яму ону носяще землю засыпаху;

[1] легко; [2] маслом, жиром; [3] осаждал; [4] корзину.

И тако приходъ къ граду себѣ содѣяша
и по малѣ времени градъ силою взяша.
Сице царие дѣломъ своимъ возбуждаютъ
на дѣло вои, елма образъ имъ являютъ.

ОРУЖИЕ

1

Егда на Голиафа Давидъ исхождаше,
жезлъ в руцѣ и пять камен пращеметных взяше.
Ты жезлъ креста и пращу молитвы святыя
возми, и пять словъ умных на враги лютыя.
Сирѣчь не многословнѣ, но часто молися,
мало да глаголеши — много же слезися.

2

Богъ и естество звѣремъ оружие даетъ,
много бо от животных съ онѣм ся раждаетъ.
Нѣким бо рози[1] дани, да ся защищаютъ
и противники своя тѣми побѣждаютъ.
Инымъ ногты острыя изволи Богъ дати,
ко еже навѣтники своя имъ терзати.
Инымъ сила во зубахъ естествомъ дается,
да от хотящихъ бити тѣми спасается.
Нѣции во копытах звѣри силни зѣло,
имиже поражаютъ противныя смѣло.
Птицы въ пазногтѣхъ[2], в носѣ силу свою знают
и крилами вся обще от бѣды гонзаютъ[3].
Ежу шерсть оружие, инымъ люто жало,
инымъ ядъ прирожденный естество есть дало.
Человѣкъ ничтоже сихъ въ оружие взялъ есть,
дабы не на брань себе созданна позналъ есть,
Но еже во покои безпрестанно жити,
единодушно Творца своего хвалити.
Но увы намъ! не мирно в мирѣ пребываемъ,
чесо Богъ намъ не даде, то мы сотворяемъ.

---

[1] рога; [2] когтях; [3] спасаются.

Смертная оружия тщимся устрояти,
тѣми ближния нашы на смерть убивати.
О, аще бы на враги токмо я вращали,
иже противны Богу себе содѣяли,
Извинение нѣко могло бы служити,
не ожидали быхомъ осуждени быти.
Но то лютѣ не благо, яко и на други
и на Божия мечь острѣ обращаемъ слуги,
За что милость не можетъ быти намъ от Бога,
но судъ лютый и въ вѣчномъ огни мука многа,
От еяже свободу стяжати потщимся,
со ближними нашими всѣми примиримся.

ОТЧЕ НАШЪ

Благо есть Богу присно ся молити,
нуждных от него прилѣжно просити.
Отецъ онъ намъ есть, вся готовъ сый дати,
токмо намъ сердца требѣ устрояти
На достойное даровъ приятие,
инако трудъ нашъ суетенъ, братие.
Отче наш, вотще тщимся глаголати,
аще сыновнѣ не хощемъ слушати.
Иже в небеси еси, тще читаемъ,
понеже сердцы земнымъ привыкаем.
Да святится ти имя пречестное,
слово си нѣсть намъ благополезное,
Занеже грѣхи хулу содѣваемъ,
имене его честь пренебрегаемъ.
Да придет Царство твое, что вѣщаемъ?
понеже князю тмы раби бываем?
Да будетъ воля твоя словим како,
суще противни воли его всяко?
Хлѣбъ нашъ насущный даждь нам, вскую молим?
занеже нищимъ дания не творимъ?
Остави долги наша, в судъ читаемъ,
понеже инымъ тѣхъ не оставляемъ.
Не воведи насъ во искушение, —
въ кую есть ползу сие моление?

Понеже сами себе искушаемъ,
въ многая бѣдства волею врѣваемъ,
Но избави насъ самъ от лукаваго,
без ползы молимъ Бога Всеправаго,
Зане не тщимся избавлени быти,
но во лукавствѣ годѣ намъ есть жити.
Аще мы убо от Бога желаемъ
благихъ реченныхъ, да ся исправляемъ.
Богъ же готовъ есть вся намъ блага дати
по несказаннѣй своей благодати.

2

Отче нашъ, иже еси создавый вся вѣки,
на небеси царствуяй, любяй человѣки,
Духъ гордости отъими от насъ, и тщи[1] славы,
ераждъ смирение, молимъ, преклонше ти главы.
Да святится имя в насъ твое пресвятое,
во всѣхъ дѣлесѣхъ наших да славится тое.
Отъими от насъ похоть суетствъ мира сего,
и любовь тлѣнных богатствъ и всѣх красот его.
Да придетъ Царство твое нами обладати,
приносящее церкви дары благодати,
Да совершеннѣ въ сердцахъ ты наших будеши,
яко царь на престолѣ си, въ нихъ пребудеши.
Да будетъ воля твоя пребожественная
всескоро и радостнѣ нами творенная.
Нашу же лукавую изволь отсѣцати,
яко обыче къ вредным сердца привлекати.
Якоже на небеси, и на земли тако,
воля твоя от всѣхъ насъ да хранится всяко.
Хлѣбъ нашъ насущный даждь нам днесь могущь живити,
плотский, тайны и слова, да бы о нем жити
Здѣ крѣпко на противных, потом в силѣ хлѣба
тайственна внити в домъ пресвѣтлаго неба.
А яже излишняя, изволи отъяти,
яко не пособствуютъ, но вѣдят враждати
**И остави намъ долги наша, яко и мы
оставляемъ должникомъ нашым** онѣх вины.

[1] тщетной.

Не помняще ихъ злобы, благих имъ желаемъ,
злии от тебе блага благихъ, Боже, чаемъ.
И не воведи насъ ты во искушение,
даруй же намъ крѣпкое того стерпѣние.
Но избави от врага насъ вселукаваго,
от совѣта зла и от дѣла неправаго.
Аминь, аминь, молимъ тя вѣрно твои люди,
отческая на чадѣх милость всегда буди.

ПАУЧИНА[1]

Елиогавалъ велѣ в Римѣ всѣмъ собрати
паучинныя сѣти, дабы ему знати
От ихъ вѣса множество людей в нем живущих.
Оле, и на престолѣ в безумии сущихъ!

ПИЯВИЦА

Двѣ пиявицѣ во насъ всегда пребываютъ,
непрестанно «Принеси, принеси!» вѣщаютъ.
Едина хоть[2] есть души, та суетствъ желаетъ,
другая похоть плоти, та сластей прошаетъ.
А никогда ся могутъ тѣми насытити,
не престаютъ, якоже море рѣки пити.

ПИЯНИЦА ДУШУ ПРОДАДЕ ДЕМОНУ*

Въ дому винопродажномъ людие сѣдѣша,
пиюще вино, иже бесѣду имѣша
О безсмертии душъ си, яко пребываютъ
и по смерти, не яко тѣло, истлѣваютъ.
Единъ от нихъ невѣренъ тому слову бяше:
«Неправду глаголете, онымъ отвѣщаше,
Ибо, якоже скотска душа исчезаетъ,
тако и наша купно с тѣломъ погибаетъ.
Прелщаютъ духовнии[3] повѣстми своими,
да ся обогащаютъ богатствы людскими.

[1] Паутина; [2] желание; [3] обманывают священники.

Никогда глаголющымъ имъ вѣры имите,
но сладко вино пийте и сластно ядите».
Собесѣдници его тому ся смѣяху,
въ кощунныя глаголы безумство вмѣняху,
Онъ и паче началъ есть буйство глаголати:
«Баснь то есть, что глаголютъ душы пребывати.
О кто бы душу мою изволилъ купити,
имѣлъ бымъ нынѣ за что вино сладко пити,
И за вашъ долгъ отдалъ бым». Они ся смѣяша,
надходящыя бѣды ниже мало знаша,
Ибо вниде мужъ нѣкий, тѣлом велий зѣло,
и ятъ бесѣдовати со онѣми смѣло,
Вопрошая: «Что, друзи, нынѣ глаголасте,
и чему ся утѣшно велми разсмѣясте?»
Они отвѣтъ сказаша: «Яко другъ продати
хощетъ душу за сребро, а насъ чествовати,
Но купца душѣ своей гдѣ взяти, не знаетъ.
Нѣсть ли тебѣ извѣстенъ? Рцы ему, желаетъ».
Онъ рече: «И азъ куплю, токмо оцените;
сребро имамъ готово, дѣла не дражите».
Смѣхъ велий между ними от слова восташе
а онъ душепродавца и цѣну сказаше.
Врагъ, засвидѣтелствовавъ, цѣну ему далъ есть,
он же, в смѣхъ обращая, с радостию взялъ есть.
Яша убо весело и обилно пити.
а продавшаго душу словесы хвалити.
Вечеру же пришедшу, нача глаголати
душу купивый: «Время уже всѣмъ востати,
Да кождо во жилище свое возвратится,
ибо уже темная нощь близу творится.
Но прежде неже идемъ, изволте судити:
егда ся кому случитъ гдѣ коня купити,
Не съ уздою ли того имать себѣ взяти,
еюже держимаго тщася торговати?»
Вси судиша согласно, яко подобаетъ,
да ся конь со уздою купцеви отдаетъ.
Тогда продавый душу ялъ есть трепетати,
ибо зла купца быти нача позновати.
Купецъ же, похитивъ и́, высоко вознеслъ есть
душу купно и с тѣломъ в геенну понеслъ есть.

И тако окаянный погибе во вѣки,
а събесѣдовавшыя ему человѣки
Страхъ велий исполнилъ есть, и то сразумѣша,
яко съ демономъ лютымъ бесѣду имѣша.
Оле піянства злаго! Къ чесому приводитъ?
Во вѣчную погибель грѣшника низводитъ.

⟨ИЗ ЦИКЛА «ПИЯНСТВО»⟩

1

Человѣкъ нѣкий винопийца бяше,
мѣры в питии хранити не знаше,
Тѣмже многажды повнегда упися,
въ очию его всяка вещь двоися.
Въ едино время прииде до дому
и вся сугуба зрѣшася оному.
Имѣ два сына, иже предстояста
ему четыри во очию стаста.
Онъ нача жену абие мучити,
да бы, ей, правду хотѣла явити,
Когда два сына новая родила
и с коимъ мужемъ она приблудила.
Жена всячески его увѣщаше,
«вино виновно быти» сказоваше.
Но онъ никако хотѣ вѣры яти,
муку жестоку нача умышляти;
Взялъ есть желѣзо, огнемъ распаляше,
ко женѣ бѣднѣй жестоко вѣщаше:
«Аще ты инѣмъ мужемъ не блужденна,
симъ не будеши огнемъ опаленна;
Аще же съ инѣмъ блудъ еси творила,
имать ожещи тя огненна сила».
Бѣдная жена въ лютѣ бѣдѣ бяше,
обаче умно къ нему глаголаше:
«Рада желѣзо огненное взяти,
невинностью мою тебѣ показати,
Токмо потщися своею рукою
подати оно ты на руку мою».

А все желѣзо распаленно бяше,
чесо пияный во умъ не прияше.
Ятся железа, лютѣ опалися,
болѣзни ради въ малѣ отрезвися.
И се два сына точию видяше,
невинность жены, свою вину знаше;
Срамомъ исполненъ, во печали былъ есть
и прощения у жены просилъ есть.
Тако пиянство умъ нашъ помрачаетъ;
всякъ убо того вѣрный да гонзаетъ[1].

2

Велий недугъ пиянство в людех содѣваетъ,
тѣло купно и душу лютѣ растлѣваетъ.
Не точию онѣмъ плоть удесы[2] вредится,
но и духъ растлѣнию лютому общится.
Въ тѣлеси глава болитъ, очеса темнѣютъ,
руки студно трясутся, перси же хрипѣютъ.
Языкъ косно глаголетъ, или зѣло тщится,
и яже в ногахъ сила излиха слабится.
Стомахъ излишествие нудится блевати,
чревеса пометъ своих не могут держати.
Всячески силу плоти вино истребляетъ,
но и душу силъ ея пагубно лишаетъ,
Ибо ума здравие тамо потребится,
идѣже излишество сикеры[3] вселится.
Заблуждаетъ ту разумъ, нѣсть разсуждения
волею наводится ту изумление.
А о памяти хмелныхъ что есть глаголати?
Якоже мѣхъ дирявый не можетъ держати
Вложенныхъ в себе вещей, но ты погубляетъ,
тако память пияныхъ всетщетна бываетъ.
Слыша что, ли глагола виномъ исполненный,
утро пустъ, якоже мѣхъ[4], будет изпражненный.
Наконецъ, сила воли весма погибаетъ,
ибо не того хощетъ, еже подобаетъ,
Но на душевредная тогда паче тщится,
ядъ смертный паче сота онѣй быти мнится.

[1] избегает; [2] членов; [3] алкогольного напитка; [4] мешок.

Того ради піянства, братие, гонзайте[1],
во трезвении ума выну пребывайте,
Да не заблудите въ адъ, огнемъ умноженный,
но прямо да идете во рай божественный.

3

Нѣсть другъ, иже тя пити много понуждаетъ,
ибо недруга тебе Богу содѣваетъ,
Богъ бо нѣсть другъ пияным, но иже трезвенни
бываютъ во дружествѣ его утверженни.

ПЛАКАТИ В МИРѢ

1

Иже пучину моря преплаваютъ,
водамъ и вѣтром животъ си вверяют,
выну суть должни Господа молити,
дабы преплыти.
И купецъ егда пустыню преходитъ,
яже разбои на путехъ си плодитъ,
не можетъ свѣтлымъ сердцемъ ликовати,
но воздыхати
Нудимъ ко Богу, дабы совершити
путь той въ здравии, не разбиту быти
от разбойниковъ, вся расхищающихъ,
убивающих.
Миръ сей — пучина, мы по ней плаваемъ
в кораблѣхъ плоти, а гдѣ смерть, не знаемъ.
Нѣсть убо в ползу здѣ веселовати,
но воздыхати,
Да не постраждетъ бѣдства превелика,
да преплавитъ ны Всесилный Владыка
въ здравии цѣломъ ко брегу тихому,
къ раю свѣтлому.
Тойже пустыня миръ ся нарицает,
кийждо человѣкъ путь в ней совершаетъ,

[1] избегайте.

а разбойници всегда навѣтуютъ,
ковы[1] готуютъ.
Демони злии, еже расхитити
добродѣтелей купли, и убити
душы. Кто убо может ся смѣяти,
а не плакати
В толицѣ бѣдствѣ? Азъ не разумѣю,
и человѣка звати й не смѣю.
Кто претеклъ цѣло и в небо вселися,
той веселися

2

Не можетъ должникъ, во узы всажденный,
в сердца веселость быти возбужденный,
яко не знаетъ, что судъ с нимъ сотворитъ, —
живитъ ли моритъ?
Тѣмъ непрестанно къ Богу воздыхаетъ,
къ Судии молбы слезенъ посылаетъ,
да й возможетъ въ милость преклонити,
свободенъ быти.
Во узахъ плоти души нашя тлѣютъ,
на судъ о дѣлѣхъ ко Судии спѣютъ,
выну имъ убо нужда воздыхати,
молебствовати,
Да хотяй живымъ и мертвымъ судити
благоизволитъ вины имъ простити,
и въ смерти мѣсто животъ да даруетъ,
гдѣ самъ царствуетъ.

ПОГИБЕЛЬ

1

От главы начинаетъ рыба истлѣвати,
от начальныхъ[2] обычай градомъ погибати.
Какови бо в началѣ[3] сущии бываютъ,
тако прочии жити весма подражаютъ.

[1] козни; [2] начальников; [3] во власти, руководстве.

2

Корабль иногда извнѣ от волнъ погибаетъ,
иногда от бремене внутрня потопаетъ.
Мы иногда от лукавствъ врага изчезаемъ,
иногда же от нашихъ внутрнихъ погибаем.

ПОГРЕБЕНИЕ

Симонидъ рифмотворецъ по мори плаваше;
егда у пристаница нѣкоего сташе,
Обрѣте тѣло наго, земли не отдано, —
веземъ е[1], сотвори быти въ ямѣ закопано.
Обнoществовавъ тамо, видѣ погребенна
человѣка собою, во снѣ си явленна,
Глаголюща то к себѣ: «Се тя увѣщаю,
утро[2] да не плывеши — милость ти воздаю».
Возбнувъ[3] Симонид, начатъ сонъ той разсуждати,
вѣру поемъ, не хотѣ от брега отстати.
Инии смѣющеся от брега отплыша
и, возвѣявшей бури, потоплени быша.
Видящу Симониду, тако возплатися
соблюдениемъ милость, яже сотворися.
Он же въ горницѣ нѣцѣй вечерю ядяше,
от предстоящих людей сие слово взяше:
«Се у вратъ два юноша на долзѣ толцаютъ,
да изыдеши скоро, тебе призываютъ».
Онъ не вѣдый кто бяше, изшедъ соглядаше
и се ни единаго мужа обрѣташе.
А въ то время горница она повалися
и кто либо в ней бяше, до смерти убися.
О чюдо! Егда кого Вышний соблюдаетъ,
не обычными средствы от смерти спасаетъ.

ПОКАЯНИЕ ОРИГЕНОВО

«Увы мнѣ, мати моя, яже мя носила!
Горе мнѣ, мати моя, яже мя родила!

[1] его; [2] утром; [3] проснувшись.

Законоискуснаго убо мужа бывша,
но у беззакониемъ себе оскверныша.
Благочестива прежде, но уже явивша
нечестие, тѣмъ Богу лютѣ согрѣшивша.
Яко столпъ превеликий древле вознесенна,
но внезапу до земли лютѣ поверженна;
Яко плодоносное древо процвѣтавша,
но уже изсохшаго и неплодна ставша;
Яко свѣтоносную лампаду свѣтивша,
но, увы, угашенна и зломрачна бывша!
Кто дастъ главѣ ми воду и источникъ слезный
очима? Да плачюся, увы, мужь болезный,
О мнѣ самомъ, яко у[1] толь лютѣ скрушихся,
преокаянный грешникъ пред Богом явихся.
Зрю иерейство с плачемъ, амвона рыдаю,
егда паука, сети тисуща[2] созерцаю.
Взищи мя, Господи мой, яко падох зѣло
от Сиона горняго, да зрю к тебѣ цѣло.
Увы мнѣ, учителю прежде в церкви бывшу,
днесь же и учениковъ в мѣстѣ не пребывшу.
Яко по нуждѣ падох — ты, Господи, веси,
сердце мое ты зришы, живый на небеси.
Егда иныя люди тщахся просвѣщати,
самъ, увы, помрачихся, не могохъ стояти.
Хотя в благочестии доблественъ пребыти,
нужду пряхъ противенъ тому ся явити.
Уязви мя диаволъ силою навѣта,
преобразивый себе во аггела свѣта.
Ридахъ древле Сампсона, жалѣя слѣзихся,
а самъ днесь горши его, увы ми! явихся.
Плакахъ и Соломона, яко онъ падеся,
а мое лице нынѣ лютѣй низвержеся.
Падохъ паче всѣхъ грѣшникъ и грешнѣйш явихся,
Создателя моего, увы, удалихся.
Сампсонъ власовъ на главѣ женою лишися,
из моея же главы вѣнецъ низвалися.
Онъ женою своею бысть лютѣ прелщенны,
азъ языкомъ моимъ в ровъ грѣха низверженны.

---

[1] еще; [2] стягивающего.

Поперите мя, иже мали и велици,
  соль истлѣвшу топчите вси мя, человѣци!
Недостоинъ есмь Бога, соль бывъ божественна,
  сотворих мя в гноище быти воверженна.
Вижду, яко ми облакъ главу засѣняетъ,
  а солнце лучы своя от мене скриваетъ.
Покрый мя, Господи мой, изволи послати
  Духа Святаго на мя в дарѣхъ благодати,
Да огневиднымъ зракомъ диавола злаго
  проженетъ днесь от мене, мужа прегрѣшнаго,
И рукописание да будетъ раздранно,
  еже от мене грѣхомъ тяжкимъ ему данно».
Сице Оригенъ грѣха своего рыдаше,
  аще же приятъ Господь, знати намъ не даше.
Мнози суть учители, иже защищаютъ,
  мнози и иже его неба отсуждаютъ.
Мы то судбамъ Божиимъ дѣло оставляемъ,
  егоже не яви Богъ, не испытоваемъ.

ПОРОК

На ногахъ блато мощно есть имѣти,
  на главѣ паки не лѣть[1] есть терпѣти.
Тако всякъ порокъ стерпимъ есть в смиренных,
  зѣло безчеститъ лица вознесенныхъ.

⟨ИЗ ЦИКЛА «ПОСОБИЕ»⟩

Плиний о слонѣхъ то намъ повѣдаетъ,
  яко аще слонъ во яму впадаетъ,
Друзии слони вѣтви древъ вметаютъ,
  пѣсокъ рыюще, во яму всыпают,
Да тако яма земли уравнится
  и впадший в ону удобь свободится.
Оле чудесе! Во звѣрѣхъ колика
  любы[2]! Кто бы далъ, дабы в насъ толика,

[1] возможно; [2] любовь.

Во человѣцѣхъ, любовь могла быти,
дабы другъ другу тщался пособити.
Но, увы, преко[1] въ насъ ся обрѣтаетъ:
яму другъ другу — да впадетъ — копаетъ,
Или впадшаго засыпати тщится,
да никогдаже бѣды свободится.
Что же за сие приимутъ от Бога?
Во адстей ямѣ мучения многа.

⟨ИЗ ЦИКЛА «ПОХОТЬ»⟩

1

Похоть плоти не грѣхъ есть, но в ней ся сладити
и согласие воли грѣхъ есть приложити.

2

Похоть егда есть искра, тогда да гасиши,
егда воспламенится, *ю* не утолиши.

3

Похоть псу есть подобна, гонима гонзаетъ,
аще же питается, в тебѣ пребываетъ.

4

Похоть есть естественна, но злѣ похотѣти
есть от воли: тоя Богъ не велитъ имѣти.

5

Въ началѣ похоть тщися обуздати,
инако нѣсть лѣть ея удержати.
Жестокоусту[2] коню подобится,
разпущенная, неудобь[3] держится.

---

[1] наоборот; [2] Норовистому; [3] с трудом.

6

Вражия стрѣла — похоть, лукъ — пресыщение,
отими сытость, мало будетъ стремление.

7

Жупел огня есть пища, а вино — похоти,
лиши вино, не бойся оныя во плоти.

8

Феотимъ нѣкто очима боляше,
имаже цѣлбы прилѣжно искаше.
Врачеве ему совѣтъ здравый даша,
не смѣситися женѣ завѣщаша.
Онъ невоздержно выну обыкъ жити,
не хотѣ слова онѣхъ сотворити.
Зная и вѣдя[1], яко ослѣпится,
аще с женою плотски свокупится,
Избралъ есть паче слѣпоту страдати,
неже от жены себе удержати.
И рече буй[2] мужъ: «Здравствуйте[3], свѣтила!
Сласть ми с женою васъ паче есть мила».
То изрекъ, женѣ плотски свокупися,
по дѣлѣ свѣта очию лишися.
О безумия! О буйства велика!
Не имамъ сего азъ за человѣка
И скота хуждша его нарицаю,
скотъ бы не дѣялъ тако, добрѣ знаю.

ПРАВДА

Знающе правду, а о ней молчати,
есть злато в землю тщетно[4] закопати.

---

[1] понимая; [2] безумен; [3] здесь: Прощайте; [4] попусту.

⟨ИЗ ЦИКЛА «ПРАВДЫ БЕЗМѢСТИЕ»[1]⟩

Камвизесъ царь персидский вину прилѣжаше,
 что величеству его не прилично бяше.
Имѣ же в друзѣхъ своихъ болярина думна,
 вѣрнаго себѣ во всемъ Праксаспа разумна,
Иже за любовь[2] к царю дерзнулъ увѣщати,
 во еже бы пития многаго престати.
Огорчися Камвизесъ за увѣщание
 и за праведна слова к нему вѣщание;
Рече: «В малѣ узриши, яко умъ мой цѣло
 в пиянствѣ пребываетъ и рукъ моих дѣло».
По времени не мнозѣ много вина пилъ есть,
 сынъ же Праксасповъ царю у стола служил есть.
Ему же царь повелѣ за прагомъ стояти
 и лѣву руку горѣ подъемшу держати;
Самъ же вземъ лукъ и стрѣлу остру наложил есть,
 в сердцѣ того юноши прямо угодилъ есть, —
Еже велѣвъ из персѣй юнаго изъяти
 и обличителю си оно показати
С сицевыми словесы: «Виждъ, не погрѣшаетъ
 рука царская, аще чашы истощаетъ».
Оле лютаго правды ненавидѣния
 и безчеловѣчнаго за ту отмщения!
Тиранское убийство пиянству придалъ есть,
 кровь невинну за слово правды излиялъ есть.
Оле злобы пиянства! Того вси гонзайте,
 правды слово любите, не месть содѣвайте.

⟨ИЗ ЦИКЛА «ПРАЗДНИКЪ»⟩

1

Праздники подобаетъ честно совершати,
 божественная дѣла прилежно дѣяти,
От дѣлъ мирскихъ и плотских всяко праздным быти,
 пѣснми же духовными Господа хвалити.

---

[1] неуместность; [2] из любви.

Тако Богу празднуемъ, ему угождаемъ,
аще книги чтемъ или словъ Божиих слушаем.
Инако диаволу празднество бываетъ,
егда кто въ праздникъ дѣла его совершает.
Такова суть: пиянство и объядение,
играния нелѣпа, кощунъ[1] смотрение,
Безчинно плясание, ристание конско,
присѣщение скверныхъ мѣстъ — дѣло демонско,
Картами играние, зерней[2] метание,
позорища безчестна, блуднодѣяние
И ина симъ подобна демона говеют[3],
яже вѣрнии в праздникъ днесь всетощно дѣют.
Нѣсть божественно дѣло и многоспание,
такожде съ зазорными лицы[4] гуляние,
И рабская дѣлеса Богомъ возбраненна,
пиршества нестройная весма отреченна.
И купледѣяния не мощно хвалити,
то бо от божественных силно отводити;
Въ ономъ лакомство[5] и ложь с клятвою спряжеся,
прелщение вселися, правда изженеся;
Яже вся суть угодна демону, не Богу,
яко людемъ погибель содѣваютъ многу.
И ризъ красота, яже выше неже требѣ,
никого водворяетъ во пресвѣтломъ небѣ,
Паче же во адъ мрачный премноги вселяетъ,
яко и красящася[6], и ины прелщаетъ.
Сих всѣх в день праздественны нѣсть требѣ творити,
хотящему празденствомъ Богу угодити.

2

Нѣкто от благовѣрныхъ обычай имяше,
псами заяца в праздник поутру ловяше.
Потомъ жена оному родила есть сына
съ песиею главою, с долгима ушима.
Уразумѣвъ вину си, слезы изливаше,
оттолѣ всякий праздникъ благопочиташе.

---

[1] скоморошеств; [2] костей; [3] ублажают; [4] с людьми, общение с которыми предосудительно; [5] алчность; [6] разукрашенных.

ПРЕХОДЯТ ВСЯ

Что-либо в мирѣ украшаетъ тѣло
и на что оку зрѣти есть весело,
подобнѣ сѣни[1] все то претекаетъ,
слѣдъ не остаетъ.

Ли яко гонецъ скоро пребѣгаяй
и на единъ часъ нигдѣ почиваяй,
вся мимо идутъ. Печаль оставляютъ,
не утѣшаютъ.

Еще подобнѣ кораблю текущу,
морския воды носомъ си сѣкущу,
иже океанъ всескоро преходитъ,
слѣда не родитъ.

Мощно и орлу быстру уравняти,
иже есть силенъ всескоро лѣтати,
и недовиднѣ[2] стрѣлѣ в цѣль идущей,
аеръ[3] сѣкущей.

Напослѣдокъ же, яко изчезаетъ
безплодный облакъ, а не одождаетъ
нивъ земныхъ; тако все, что в мирѣ красно,
тлится напрасно.

ПРЯ[4]

Елма словопрѣние начинаетъ быти,
ты же хощеши правый побѣдитель быти, —
Побѣди прежде тебе, потщися молчати,
тако скоро можеши побѣду прияти:
Вси бо тя мудра, кротка станут нарицати,
спорници прощения смиренно желати.

---

[1] тени; [2] слепой; [3] воздух; [4] Спор.

ПѢСНЬ О СВЯТОМ ФЕОДОРѢ СТРАТИЛАТѢ*

Хвалити Бога въ святыхъ подобаетъ,
иже я славы вѣнцем украшаетъ
И даетъ силу враги побѣждати,
преестественно[1] муки, смерть страдати.
Во Феодорѣ Стратилатѣ убо
хвалити его зѣло намъ есть любо,
Яко далъ ему крѣпость превелику,
благородному бывшу человѣку:
Ибо Феодоръ силою онаго
убилъ есть змия излиха лютаго,
Иже живыя люди поглощаше,
яже родъ еллинскъ ему пожираше.
И Ликиния царя посрамилъ есть,*
иже идоломъ жертвы приносил есть.
Идолы его, сокрушъ, обругалъ есть,
въ препитание злато нищым дал есть.
Много ранъ приемъ, кресту пригвоздися,
от множества стрѣлъ умерщвляе*м*ъ явися.
Но аггелъ Божий с креста и́ снялъ бяше,
он же народу Христа прославляше,
Обрати многи во вѣру святую;
царь велѣ главу отсѣщи честную.
Умре онъ убо за истинна Бога,
чюдеса бяху тогда зѣло многа.
Умеръ же миру, нача небу жити,
с аггелы вѣчно Господа хвалити.
Идѣже живя, Феодорѣ святе,
молися Богу, честный стратилате[2],
О Феодорѣ царѣ православномъ,
Российскимъ странам Богомъ дарованном:
Да подастъ ему многа лѣта жити,
лютаго змия мечемъ поразити,
Иже царствия многа поглощаетъ
и на ны нынѣ прелютѣ зияетъ.*
Потщися в помощь ты на того врага,
отжени его от российска прага,
Тезоименникъ твой да веселится,

---

[1] сверхъестественным образом, т. е. чудесным; [2] воитель.

родъ вѣрныхъ славенъ в силѣ да явится,
Церковь святая да возторжествуетъ,
побѣдителны пѣсни восписуетъ,
Во-первыхъ, Богу, потом же и тебѣ,
егда тобою помощь стяжетъ себѣ,
О нейже к Богу царь руцѣ возноситъ
с людми, и тебе о молитвы просить.
По имени ти Божий даръ нам буди,
соблюдай царя, сохрани и люди
Правовѣрныи от меча поганска,
буди стратилатъ рода христианска.
Стани сопротивъ врагомъ невидимо,
моли, да Божий гнѣвъ преидетъ мимо
Без вреда вѣрных; смирит же поганы;
да аггелъ его будетъ с христианы.
Воинства окрестъ страшно ополченны,
имже да будетъ врагъ нашъ побѣжденны.
Мы тя за милость потщимся хвалити,
а в тебѣ Бога, всѣхъ Царя, славити,
Яко благъ всяких Виновника суща
и безконечно всѣм Царя будуща.

РАБЪ ВѢРНЫЙ

Паноплионъ воинъ раба имѣяше,
иже ему вѣренъ потолику бяше,
Якоже за нъ душу тому положити,
дабы господину токмо живу быти.
Бысть же дѣло сице: Паноплионъ бяше
чести отсужденны, тѣмже и́ искаше
Сонмъ своинствовавшых, еже бы убити.
Рабъ то вѣдый, хотѣ его заступити.
Взятъ его одежды, украсися ими,
господина двери испусти задними.
Взложилъ перстень на перстъ, въ ложи положися,
Паноплионъ быти тако притворися.
Егда же воини ови прибѣгоша,
въ ложи лежащаго его обрѣтоша,
Непщующе быти собою искома,
разсѣкоша раба за Паноплиона.

Паноплионъ тако смерти свободися,
а рабъ за любовь си славы сподобися,
Яко и днесь въ книгахъ его похваляютъ,
во образъ служащымъ вѣрность предлагают.
Аще умре тѣломъ, но слава во вѣки
обносима будетъ между человѣки.
Во древния вѣки сицевъ рабъ живяше,
точна[1] ему время не раждаетъ наше.

РАЗБОЙНИКЪ

Морский разбойникъ, Дионидъ реченный,
от Александра царя вои хищенный,
Егда от царя вопрошаемъ бяше,
вскую на мори разбои творяше,
Отвѣща: «Яко еднымъ разбиваю
кораблемъ, за то злу титлу ношаю.
Разбойника мя люди именуютъ,
тебе же царя обычно титулуютъ,
Яко многими полки брань твориши
моремъ, землею вся люди плѣниши.
Аще то правда, изволи судити,
потом же мене по дѣломъ казнити».
Царь, слышавъ отвѣтъ, дерзости дивися,
обаче сердцемъ на нь не разъярися.
Обличение оному простилъ есть,
близъ правды быти слово разсудил есть.
Увѣща токмо разбоя престати,
паче же честно с враги воевати.

РАЗНСТВИЕ

Кто есть царь и кто тиранъ, хощеши ли знати,
Аристотеля книги потщися читати.
Онъ разнствие обою сие полагаетъ:
царь подданымъ прибытковъ ищетъ и желаетъ,
Тиранъ паки прижитий[2] всяко ищетъ себѣ,
о гражданстей ни мало печаленъ потребѣ.

---

[1] подобного; [2] приобретений.

⟨ИЗ ЦИКЛА «РИЗА»⟩

Философъ в худыхъ ризах обычно хождаше,
емуже во дворъ царский нужда нѣка бяше.
Прииде убо къ вратомъ, стражи й отгнаху,
дважды, трижды и паче то ему дѣяху.
Онъ шедъ премѣни ризу, къ вратом запустися,
абие неудержно в дворъ царский пустися.
Пришедъ же къ царю, нача ризу цѣловати
и елико можаше честь ей воздаяти.
Царю же вопросившу, что то знаменаше, —
«Чтущую мя чествую, — смѣло отвѣщаше,
Ибо егоже входа мудрость не имяше,
то ми сия честная риза содѣяше».
Оле суетства суетствъ! Доброта не зрится,
красная риза паче человѣка чтится:
Яже добродѣтели дана не бываетъ,
та честь от людей ризѣ новѣй ся творяетъ.
Художничее дѣло во чести хранится,
а лице естественно не честно творится;
Аки бы художество человѣка тлѣнна
изрядно было паче дѣла божественна.

РОЗГА

Плевелы от пшеницы жезлъ твердъ отбиваетъ,
розга буйство из сердецъ детских прогоняетъ.

⟨ИЗ ЦИКЛА «СКАКАНИЕ»⟩

Сываритове* в сласти всѣхъ себе предаша,
ядоша препространно[1], пиша и скакаша.
Къ тому же изучиша[2] кони си скакати
по гласу мусикии, внегда ей играти.
То кротониатове елма ощутиша,
брань на ня восприемше, удобь побѣдиша,
Ибо не в ратны трубы велѣша играти,
но гласомъ мусикии искусно пискати.

---

[1] преизобильно, вдоволь; [2] научили.

Что услышавше кони, скакати начаша,
сѣдящия на себѣ на землю свергаша.
И тако полкъ смятеся, врази наступиша,
родъ, во утѣхахъ живший, хитро побѣдиша.

СКВЕРНОСЛОВИЕ

1

Сквернословие да ся истребляеть,
то бо скверная дѣлеса раждаеть.

2

Устамъ, яже тѣло приемлют Христово,
зѣло неприлично есть скверное слово.

3

От негоже скверная словеса слышиши,
скверно того и сердце вправду возмниши.
Ибо сосудъ из себе ту вещь изливаетъ,
еюже самъ исполненъ доволно бываетъ.

СКОРПИЙ

Скорпий единадесять купно чад раждаетъ,
десятицу же снѣдъ их, едно оставляетъ,
Да видъ рода из мира ихъ не истребится,
ядомъ же ихъ не лише родъ нашъ повредится.

СКУПОСТЬ

1

Григорий папа римский егда преставися,
Савинианъ на мѣстѣ его посадися.

Гладу бывшу, пшеницы сей не раздаяше
нищымъ, яко Григорий пред онѣмъ творяше,
Но велѣ на немалой цѣнѣ продаяти,
тако бѣ нужда многим гладъ лютый страдати.
Яви же ся Григорий, увѣщая его,
да от начинания престанетъ своего,
Да туне[1] дастъ пшеницу. Он же не слушаше,
святый увѣщание по трижды творяше.
Потомъ жестокъ явися, и в главу ударилъ,
изнеможе злѣ папа и миръ сей оставил.
Шести мѣсяцъ не преживъ на власти толицѣ,
иде отвѣтъ воздати всяческих Владыцѣ.

2

Калифа вавилонскъ царь столпъ велий создал есть,
егоже златом, сребром довлѣ[2] насыпалъ есть.
Выну[3] утѣшашеся богатствомъ толикимъ
и каменей предрагих множеством великимъ.
Единою случися врагомъ обстояти
градъ, а онъ не хотѣлъ есть ратников наяти
В защищение града, сокровищъ щадяше.
Тѣмже полкъ супостатовъ град и краля взяше.
Побѣдитель удивлся богатству велику,
во укоръ глаголаше скупу человѣку:
«Въскую за сие злато полкъ не стяжалъ еси,
убо за скупство твое мзду сию отнеси:
Иди, живи со златомъ, и сребромъ питайся,
того ты выну желалъ, убо учреждайся»[4].
То рекъ, повелѣ его в столпѣ заключити,
возбранивъ хлѣба ему и воды носити.
Заключенъ убо скупецъ, прегорко ридаше,
яко сребролюбитель и золъ скупецъ бяше.
Но ничтоже успѣлъ[5] есть горкими слезами,
сокровище многое зряще под нагами,
А хлѣба ни крупицы во пищу имяше,
все бы то за единъ хлѣбъ злато отдал бяше, —
Но невозможно. Тѣмже гладом изморенны,
на злате валяяся, бысть краль разлученны

[1] даром; [2] достаточно; [3] Всегда; [4] насыщайся; [5] добился.

Душею от тѣлесе. Не поможе злато,
тѣмже никто надежды да положит на то.

СЛАВА

1

Слава яко вѣтръ скоро прелѣтаетъ,
яко дым, в гору идущь, исчезаетъ.

2

Кто ради славы сребро си даруетъ,
точенъ тому, кто вѣтръ и дымъ купуетъ.

3

Уне[1] есть мясо ясти, вино сладко пити,
неже ближняго славу злым словом вредити.

4

Добро ли друга въ людехъ прославляти?
Добро; но лучше слово удержати.
Дотолѣ молчание нужда есть хранити,
даже[2] тя вопросъ будетъ к отвѣту нудити.

⟨ИЗ ЦИКЛА «СЛАВОЛЮБИЕ»⟩

Князь карфагинский Ганнонъ нареченный
славолюбиемъ бяше побѣжденный
И хотя в мирѣ богъ нареченъ быти,
птицъ глаголивых велѣ накупити:
И учащымъ я тому наставляти,
«князь Ганнонъ богъ есть» свѣтло глаголати.

[1] Лучше; [2] пока.

Егда же тыя изучены быша
 то глаголати, волно я пустиша,
Да лѣтающе то слово вѣщаютъ,
 Ганнона бога миру проглашаютъ.
Но прелщенъ Ганнонъ, ибо спира[1] она
 птицъ изученных забыла Ганнона:
На воли суще на гласъ естественны
 вся птицы скоро бяху возвращенны.
Ганнонъ же цѣны и трудъ отщетися[2],
 самъ въ посмѣхъ людем умным обратися.
Точнѣ и нынѣ славы ловители,
 чести, достоинствъ, хвалы любители
Глаголивыя люди собираютъ,
 хлѣбомъ и дары тому изучаютъ,
Да глаголютъ я боги земны быти,
 мудры, богаты, всяко нарочиты.
И поютъ убо добрѣ глаголюще,
 сребромъ и хлѣбомъ прикормлени суще.
Но внегда хлѣбомъ онымъ оскудѣти,
 тщатся и птицы тыя отлѣтѣти
На волю свою; в нейже забываютъ
 оныя пѣсни, ину же глашаютъ;
Въ похвалы мѣсто поютъ хуления,
 ругателства, смѣхъ и поношения.
Нѣсть убо требѣ славы нам любити
 и птицъ сицевых ловити, учити;
Божия славы нужда намъ искати,
 он же изволитъ в небѣ нам воздати
Велию славу и честь безконечну
 въ свѣтлостехъ святых и радость превѣчну.

СЛѢПЕЦ

Слѣпецъ аще слѣпцу руководждъ бываетъ,
 и вождъ, и водимый во яму падаетъ.

[1] стая; [2] лишился.

СЛОВА НЕСЛУШАНИЕ

Слонъ нелѣполичный и велбудъ горбатый
 имѣютъ обычай естеством завзятый,
Еже внегда воду онымъ чисту пити,
 первѣе ногами ону возмутити.
Сие негли[1] того ради содѣваютъ,
 да нелѣпия си в ней не созерцаютъ.
Подобнѣ людие злие препинати
 слово обыкоша и книгъ не читати,
Да худоличия си не усмотряютъ
 и злыхъ дѣлъ не видят, яже содѣваютъ;
Затыкаютъ уши, да бы не слышати,
 яже проповѣдникъ хощетъ обличати.

⟨ИЗ ЦИКЛА «СЛОВО»⟩

Птицу из клѣтки скоро мощно испустити,
 но трудъ есть паки в тужде ону возвратити.
Точнѣ без труда слово из устъ ся пущаетъ,
 но никоимъ образомъ воспят ся вращаетъ.
Егда убо хощеши нѣчто глаголати,
 потщися прежде оно умомъ разсуждати,
Да не како печаль ти велику содѣетъ,
 егда въ ушесѣхъ людских вездѣ ся разсѣетъ.

⟨ИЗ ЦИКЛА «СМЕРТЬ»⟩

1

Неправо есть смерть злу именовати,
 яже вѣсть[2] злобам конецъ полагати.

2

Доспѣвшая яблока сама отпадаютъ,
 старии аки сами хотно умираютъ.

---

[1] вероятно; [2] умеет.

Зеленыя же плоды нужда обивати,
смерть юныя видится силою хищати.

3

Ни мала радость воину бываетъ,
егда врагъ с мечемъ его достизаетъ.
Всякъ человѣче, смотри, за тобою
смерть есть с косою.

4

Красныя цвѣты человѣкъ терзаетъ,
смерт же лютая его посѣцаетъ.

5

Извѣстно человѣкомъ, яко смерть всѣх чаеть,
никогоже безсмертно жити оставляетъ.
Но не благоволи Богъ извѣстия дати,
в кий день или часъ она имать кого взяти.
Ниже образа смерти комуждо явилъ есть,
токмо готовымъ всегда быти увѣстил есть,
Да не купно с плотию умремъ и душею,
но да во животъ вѣчный водворимся ею.
Аще убо здравъ еси, к смерти готовися
и силою многою никогдаже лстися:
Вѣсть бо смерть и здравыя люди умерщвляти
и силныя во гробѣхъ мужы полагати.
Множицею же мала вина имъ бываетъ,
яже сладкия жизни внезапу лишаетъ.
Анакреонтъ поета ягоды ядяше,
от нихже во гортани единая сташе
И бысть смерти виновна. — Здрава умертвила,
безсилная силнаго во гробъ низвалила.
Товий же благородный елма млеко ялъ есть,
случаемъ во гортани власъ тонкий остал есть
Егоже не возмогъ онъ никако изяти,
нужду имѣ кончину тако восприяти.

Оле злоключения! Иже не бояся
  остра меча, той власомъ претонким скончася.
Ахилонъ спартаниский, егда веселися,
  яко сынъ побѣдитель еговъ сотворися,
Елма с радостию си сына обялъ бяше,
  излишествомъ радости живот свой скончаше.
Оле развращения! И радость бываетъ
  смерти виновна, яже живот продолжает.
Подобнѣ Софоклъ мудрый, егда совершилъ есть
  трагедию премудро и ублаженъ былъ есть,
От множества радости притече до конца,
  [1]ни к тому[1] сподобися видѣти свѣтъ солнца.
Точнѣ Кандимъ торжество егда совершаше
  и вѣнецъ на главу си златый приимаше,
Веселия виною духъ свой испустилъ есть,
  радость велику в слезы многи преложил есть.
Такожде и Диагоръ, три сыны имѣвый
  и за побѣду тыя вѣнчаемы зрѣвый,
Егда тии вѣнцы си ему возложиша
  на главу, яко отца любимаго чтиша,
За великую радость живота лишися.
  Сия ты, читателю, слышя, удивися,
Како и радость мертвитъ, яже услаждаетъ.
  Колми же паче печаль, яже огорчаетъ!
Дивяся паки, готовъ буди умирати,
  да смертию можеши жизнь вѣчну прияти.
Ибо яже готовы смерть люди хищаетъ,
  не мертвитъ, но во вѣчность жизни преселяетъ.
А иже не готови ко смерти бываютъ,
  здѣ тѣломъ, а душею вѣчно умираютъ.

СМЕРТЬ СУДИТЪ ПРАВО

Судъ смерти праведенъ есть, лицъ не избираетъ,
  ни единому смертных прощение даетъ.
Равнѣ обыче юныхъ и старыхъ хищати,
  великия с малыми во тлю прелагати.
Не смотритъ благородных, силных не боится,
  честныхъ женъ и дѣвъ лѣпых нимало стыдится.

[1—1] уже не.

Богатыя с нищыми равны содѣваетъ,
егда равнѣ в платенцѣх[1] во гробъ полагаетъ.
От мудрыхъ муростию смерть не прехитрится
и буй мужъ буйства ради ею не презрится.
И сего и онаго не знаетъ лишати,
долженъ кождо под косу ея главу дати.
Помни убо, всякъ царю и великий княже,
яко яже смерть нищымъ и тебѣ есть та же.
Образъ исхода разный, а всѣмъ отходити
едина нужда лежитъ, и в прах тѣлом ити.
Знай тебе смертна суща и во гробъ грядуща,
яко земля днесь еси, землю и будуща.
Разсмотри прежде тебе во мирѣ жившыя,
тебѣ славою равны и честми бывшыя.
Гдѣ суть царие, иже роды побѣдиша?
Гдѣ суть силници, иже весь миръ покориша?
Гдѣ суть, иже торжества свѣтла содѣваху,
на лвахъ, еленѣхъ, слонѣхъ во град свой вхождаху?
Гдѣ страшнии тиранни и гдѣ воеводы?
Гдѣ непобѣдимии монархи и роди?
Не все ли в земнѣй персти трупы положиша,
и, из неяже взяти, в землю ся вратиша?
Инѣхъ едва немноги кости обрѣтаемъ,
а чия оны бяху, ели нѣких знаемъ.
Сниди в древния гробы и виждь обнаженны
кости и разсуди ми, кто се положенны?
Рабъ или господь[2] его? Нищъ или богатый?
На престолѣ сѣдѣвый? С гноища ли взятый?
Разпознай от немощна во крѣпости бывша,
и от худороднаго въ славѣ мнозѣ живша.
Воистинну нѣсть мощно того разсудити,
знай токмо, яко долгъ есть в земли всѣм нам быти.
Чрезъ Навходоносоромъ он образъ видѣнный,
иже от различныхъ бѣ крушцевъ[3] сотворенный,
Изрядно сила смерти есть изображенна,
яже на вся мирская саны низпущенна,
Ибо яко той образъ каменемъ скрушися
малымъ, иже от горы нѣкия свалися,

[1] полотнищах; [2] господин; [3] металлов.

Тако всѣхъ сановъ мира смерть люди стираетъ,
честныхъ, славныхъ, богатых в землю обращаетъ,
Сущи яко от горы сама отваленна,
чрезъ первозданных врагом во миръ воведенна.
Тоя судъ праведнѣйший в памяти держите,
вси живущии в мирѣ, и тако живите,
Да бы добрѣ умрети, пачеже уснути,
потомъ от земля в животъ вѣчный воспрянути,
Еже не осужденным от Господа быти,
но во небесной славѣ с нимъ радостно жити.

СМЕРТЬ РАВНИТЪ

Различныя цвѣты поле прозябаетъ[1],
имиже ся зѣло лѣпо украшаетъ.
Цвѣтъ цвѣта изряднѣй, весело есть зрити,
количеством разни и качествомъ цвѣти.
Различна въ нихъ воня[2] и силы различны,
яже от благости прияху владычны[3].
Но едина коса вся ты уравняетъ,
егда без избора косецъ посѣцаетъ.
Равно увѣдаютъ, сохнутъ и во пищу
отдаются скотску алчному сирищу[4].
Тако во всемъ мирѣ от начала вѣковъ
много различие в средѣ человѣковъ.
Другъ друга во нѣчемъ[5] знатнѣ превосходитъ:
сего честный отецъ, того худый родитъ;
Сей въ богатомъ домѣ, овъ в нищем рожденны;
сей крѣпокъ плотию, овъ силы лишенны;
Инъ разума исполнь, инъ мало что знаетъ,
всякъ же косы смерти неизбѣжно чаетъ,
Яже вся во гробѣх имать уравнити,
въ тлѣние и во прахъ земный преложити.
Равнѣ всѣхъ по смерти кости обнажатся
и тыя временемъ в землю претворятся.
Не хвалися убо, человѣче тлѣнный,
аще выше инѣхъ еси вознесенный,

---

[1] выращивает; [2] запах; [3] божественной; [4] утробе; [5] в чем-то.

Но благодарствие да твориши Богу,
яко благодать ти сотворилъ есть многу;
Он же и приложитъ, еже тя почтити
и во Небесное Царствие вселити.

⟨ИЗ ЦИКЛА «СОВѢСТЬ»⟩

1

Въ бѣлыхъ древле одеждахъ в храм Божий вхождаху,
бѣлу совѣсть имѣти пред Богом учаху.

2

Здравому постеля есть упокоение,
та же немощному есть мужу мучение.
Точнѣ совѣсть есть мужу покой преблагому,
та же — ложе терново человѣку злому.

3

Лучше есть совѣсть благу пред Богомъ стяжати,
нежели [1]вѣдѣние сущих набывати[1].
Сие бо человѣку грѣхи отягчаетъ,
оная грѣховъ тяжкихъ бремя низвергаеть.

СОГЛАСИЕ

1

Камень фирреосъ,* егда цѣлъ хранится,
плаваетъ верху водъ, а не грузится.
Той же, на части малы сокрушенный,
во водѣ тонетъ, аки отягченный.
Тако община, аще есть согласна,
не убоится случая напрасна[2];

[1—1] приобретать знание об окружающем; [2] внезапного.

Аще же в разны части раздѣлится,
крѣпости праздна, въ скорѣ разорится.

2

Скифъ нѣкто умный, богатый сынами,
при конце жизни даде тулъ[1] с стрѣлами,
Повелѣвая имъ той преломити, —
но не могоша того сотворити.
Таже особно комуждо си сыну,
еже ломити далъ стрѣлу едину.
Удобно тии стрелы преломиша,
нимало труда къ тому приложиша.
Тогда ко чадомъ отецъ возглашаетъ,
еже согласно жити увѣщаетъ.
«Аще союзни будете, — вѣщаше, —
не преломимо странство[2] будетъ ваше;
Аще же союзъ будетъ разрѣшенный[3],
удобь от враговъ будете сотренны».

СОЛОМОНЪ

У Соломона царя егда Савска бяше
царица и мудрости его искушаше,
Отроки и дѣвицы собравши младыя,
вся въ одежды устрои весма подобныя
И представивши царю, от него желаше,
да разпознаетъ полъ ихъ, аще премудръ бяше.
Царь, видя вся младыя, велѣ лица мыти,
да от умовения возможетъ судити
Вси убо умывати лица си начаху
и платенцы послѣжде она отираху.
Дѣвицы зѣло мягко то твориша дѣло,
а отроци мышася и трошася[4] смѣло.
По тому разсудивъ, царь царицѣ сказаше,
кая из нихъ дѣвица и кто отрокъ бяше.

[1] колчан; [2] странствование; здесь: жизненный путь; [3] разорван; [4] энергично двигаясь и потирая.

То видящи царица, мудрости дивися
и исповѣда, яко точный не родися.
Мы же лица совѣсти елма умываемъ,
отроцы, а не дѣвы да ся проявляемъ:
Крѣпко она да мыемъ слезными водами
и довлетворения да тремъ пеленами.
Тако отроцы бодрии и красни явимся,
знания Соломона горня сподобимся.

⟨ИЗ ЦИКЛА «СТАРОСТЬ»⟩

Лаконъ нѣкто, сѣдыми власы украшенный,
от юныхъ человѣковъ бяше вопрошенный,
Всякую[1] браду пространну любезно держаше
и множицею на ню очы обращаше, —
Рече: «Того ради ю держу и смотряю,
да видя в ней сѣдины, присно поминаю
Ничтоже не достойно тѣхъ сѣдин творити,
но тщуся, яко лѣпо мужу стару жити».
Слышите то, старии, старость почитайте,
ничто вамъ неприлично и на умъ пущайте,
Наипаче таковыхъ дѣлесъ не творите,
яже старости вашей нечестна узрите.

СТИХИИ ЧЕТЫРИ

1

Четыри Богомъ стихии созданны:
земля, вода, огнь и воздух пространный.
Земля во жилище людемъ сготовася
и звѣремъ, всѣхъ же нижше основася.

2

Во водахъ рыбы хладных преплаваютъ,
по нимъ корабли путь свой совершаютъ,

[1] Для чего.

Жаднымъ[1] въ прохладъ суть, в них ся снѣдь готуетъ,
ими кругъ земный весь ся обшествуетъ[2].

3

Воздухъ над воды виситъ и землею,
ты легкостию преходитъ своею,
Тягший от огня, имъ птицы лѣтаютъ
и вся животна онѣмъ отдыхаютъ[3].

4

Огнь водѣ ратникъ, съ кремене сѣчется,
в различны нужды людемъ придается,
Сваряетъ пищы, вкусъ благий даруетъ
невкуснымъ ядемъ, в хладѣ пособствуеть.

СТОМАХЪ[4]

Иже сластолюбиви, тощно[5] промышляютъ,
да пищы и пития сладко устрояютъ.
Что либо по аеру пернато лѣтаеть,
того стомахъ лакомо во пищу желаетъ,
И яже либо рыбы во водах плаваютъ,
тыя сѣтми рыбари ихъ ради хищаютъ,
И что звѣрей пустыня[6] обыче питати,
все то сластолюбивый желаетъ заяти.
Домашняя животна скудна суть во пищу,
вся негли суть работна несытну сирищу[7].
Поля и вертограды что либо раждаютъ,
все то въ насыщение стомахомъ отдаютъ.
Древа плодоносная и плодъ винограда
не могутъ утолити жажды ихъ и глада.
Оле сластолюбия! Оле несытости!
Еюже лишаемся вѣчныя сладости.

[1] Желаюшим; [2] окружен; [3] дышат; [4] Желудок; [5] усердно; [6] здесь: лесная чаща; [7] утробе.

⟨ИЗ ЦИКЛА «СУДЪ»⟩

Траянъ кесарь на войну из Рима идяше;
егда уже на коня своего всѣдаше,
Се вдовица нѣкая ногу похитила[1]
и со многими слезы суда есть просила,
Да изволитъ праведный судъ свой сотворити
на дерзнувшыя сына оныя убити.
Глаголаше ко царю: «Ты царство правиши,
азъ же обиду стражду; молю, да судиши».
Кесарь рече: «Потерпи, егда возвращуся,
тогда ти судъ праведный творити потщуся».
Она рече: «Аще ся, царю, не вратиши,
како ми праведный судъ, бѣднѣй, сотвориши»?
Царь паки: «То наслѣдникъ мой содѣетъ тебѣ».
Она: «Како то могу обѣщати себѣ!
Но аще и содѣетъ, то в ползу не твою,
онъ тѣмъ дѣломъ прославитъ правду людем свою.
Азъ от тебе требую, да ся ты славиши,
егда обиду мою судомъ ти отмстиши.
Ты мнѣ днесь долженъ еси: твое то есть дѣло;
жаль мой нудитъ мя к тебѣ глаголати смѣло.
Лесть же есть, егда того кто-либо не даетъ,
что по долгу звания дати подобаетъ.
Наслѣдникъ твой за себе имать то творити,
ему мзда, еще право потщится судити,
Тебѣ ничтоже за то; ты ми да явиши
милость, да бы во мирѣ славу получиши».
Сими глаголы кесарь въ сердци умягчися,
абие судъ ей дати правый приложися.
Ссѣдъ с коня, дѣла ея абие слушаше,
взыскавъ правду, осуди яко подобаше.
И тако жалость вдовы тоя утолилъ есть,
возсѣдъ на коня, въ путь свой стопы положил есть.

СУДЪ СНА ПРЕЖДЕ

Пес утружденный егда хощетъ спати,
обыче прежде сам ся обращати[2],

[1] схватила; [2] покрутиться.

Нежели ляжетъ. Егда осмотрится
окрестъ на мѣстѣ, тогда положится
Онъ по естеству, нам же подобаетъ,
да кождо во нравъ то себѣ взимаетъ:
Еже на ложе спати отходящу,
быти окрестъ ся прилѣжно смотрящу,
Еже есть весь день умомъ разсудити,
не случи ли ся во нь что согрѣшити.
И аще кая злоба усмотрится,
абие овцы да уподобится,
Овца бо, егда приидетъ время спати,
нравъ[1] на колѣна имать припадати.
Овчествуй кождо, прежде преклонися
на колѣна ти: сердцемъ сокрушися
О твоих грѣсѣхъ, таже положися,
Божиеи стражи говѣйно вѣручися.
Полезно к тому ложе измывати,
Давидски слезми постель омочати.*
Ибо кто сице въ вечеръ умилится,
въ утрий день свѣтло той возвеселится.

СУДИЯ

Судия, злыхъ не казняй, без ума мечьноситъ,
за ту милость милости свышше не упроситъ.

СЫТОСТЬ

1

Ястребъ сытый из руки аще испустится,
сѣдъ на древѣ, къ пустившу не скоро вратится.
Подобнѣ и человѣкъ, егда сытъ бываетъ,
Бога отбѣгъ, не скоро к нему ся вращаетъ.

[1] обыкновение.

2

Никогда огнь во водѣ возпаленъ бываетъ,
сокрушения сердца сытость не раждаетъ.

СѢДИНА

На нивахъ класы егда оплавѣютъ[1],
уже во жатву серпу остру спѣютъ.
Главы людския елма убелятся,
къ смерти ближатся.

Тѣмъ на сѣдину всякъ мужъ да смотряетъ,
ко смерти чинно да ся ус*тро*ет,
дабы готову от мира отити
и в небо внити.

ТАЕНИЕ

Медвѣдь, хотяй во ложи своемъ почивати,
задомъ [2]в не[2], да слѣдъ губитъ, обыче вхождати.
Заяцъ же издалеча обыклъ есть скакати,
еже бы ловцемъ слѣда къ ложу си не дати.
Тако намъ подобаетъ души си хранити
в ложахъ добродѣтелей, еже бы не быти
Уловленнымъ от ловца, на всякъ часъ ловяща,
вѣчныя погибели присно намъ хотяща.

ТАЛАНТЪ

1

Талантъ въ земли сокрыти* — есть то благодати
данныя на тлетворны вещи обращати[3],
Яко аще кто разумъ къ земнымъ прилагаетъ
и сердца ко небеснымъ никако възношаетъ.

---

[1] осыпаются; [2—2] в него; [3] превращать.

Елма мирская гонитъ, духъ пренебрегаетъ
и души забываетъ, плоти угождаетъ.

2

Таланты чювствъ телѣсных той в землю копает,
иже не во ползу си тѣхъ употребляетъ:
Аще кто видѣние от благихъ отвратить
и на срамна, нечестна волею обратить.
Слушание же аще на Божие слово
заткнено[1], а суетныхъ слушати готово;
Вкушение ко сластнымъ егда приложится,
пренебрегше простая, овѣми сладится;
Обоняние елма сладкихъ вонь[2] желаетъ
и въ тѣхъ ся паче мѣры всегда услаждает;
Осязание, аще будетъ обращенно
ко срамныхъ касанию, еже возбраненно.
Не копайте вы сице талантовъ чювственных,
аще хощете быти в селѣхъ божественных.

3

Всякий даръ Божий лѣть[3] есть талант звати,
и нужда сего есть употребляти.
Аще кто силенъ, той да защищаетъ,
аще кто мудръ есть, сей да поучаетъ.
Богатый нищымъ податель да будетъ,
тако к таланту и другий прибудетъ.

ТРИУМФЪ, ИЛИ ТОРЖЕСТВО ПОБѢДНОЕ

Римъ ветхий, егда в силѣ своей бяше
и негли[4] весь миръ во власти держаше,
Внегда случися на нь кому востати,
брань кровавую мечемъ воздвизати,
Ратныя люди противъ посылалъ есть
и воеводѣ все дѣло вручалъ есть.

---

[1] закрыто; [2] ароматов; [3] можно; [4] пожалуй.

Той аще промыслъ знатный проявляше
 и силны враги бранию смиряше,
Аще воинства римска не губилъ есть,
 а врагъ пять тысящь боемъ поразилъ есть
Единѣмъ, — тому законъ ликовати
 повелѣваше ли триумфовати,
Еже есть свѣтло в градъ Римский входити,
 славу побѣды народно явити, —
Иже входъ каковъ бяше да знается,
 се перомъ моимъ миру предается.
Во-первыхъ, иже вождъ торжествоваше,
 собравъ вся воя[1], крѣпость ихъ блажаше[2]
И раздаяще вѣнцы имъ различны,
 по коегождо службѣ преприличны:
Овымъ златыя, инымъ сребреныя,
 нѣкимъ же в почесть токмо дубовыя.
Различнии же ихъ образы бяху,
 противу[3] дѣлу вси ся устрояху:
Аще кто первый на стѣну возъиде,
 стѣнообразный тому вѣнецъ приде;
Аще кто градъ взя, тому вѣнецъ бяше
 данъ, иже града образъ имѣяше;
Аще на мори корабль вражий ялъ есть,
 тако образный вѣнецъ восприялъ есть.
Раздѣль же вѣнцы, яко подобаше,
 на колѣсницу пресвѣтлу въсхождаше,
Торжеству сличну[4], — подъ нюже впряжени
 иногда бяху скории елени,
Иногда паки лвове прелютии,
 иногда кони, яко снѣгъ, бѣлии.
Тѣми вождъ возимъ, чрезъ врата вхождаше
 торжественная, яже градъ создаше
Во славу его нарочито зѣло,
 да торжествуетъ грядый в град весело.
Но въ предѣ его мусикия бяше,
 яже различнѣ радость восклицаше:
Трубы, органы, кимвалы звяцаху,
 сердца зрителей въ радость возбуждаху.
По нихъ волове вѣнцы украшени

[1] всех воинов; [2] восхвалял; [3] соответственно; [4] подобающую.

златорозии бываху ведени,
Иже ся въ жертву Дию закалаху,
[1]не у[1] бо Бога истиннаго знаху.
Таже користи, титлы побѣжденныхъ
родъ и образы градовъ заплѣненных
Преднесошася, и водими бяху
звѣри страннии, народъ удивляху.
Тужде древеса ношаху странная,
во Римстей странѣ не у видѣнная;
Въ слѣдъ ихъ ступаху иже побѣжденни
и желѣзными оковы скрѣпленни;
Изряднѣе же вожди вражихъ полковъ
сляцаху[2] выя от тяжестныхъ оковъ.
По сихъ златии вѣнцы возблистаху,
яже вождеви страны присылаху.
На конецъ самъ вождъ, сѣдя въ колесницѣ
в порфирѣ, в златѣ явствова си лице,
Запястиами златыми блистая,
вѣнецъ дафниевъ[3] на главѣ ношая,
Такожде и вѣтвъ в десницѣ держаше,
чрезъ украшенна въ градъ врата вхождаше.
О, воистинну честь велика зѣло!
Имѣ въ немъ быти сердце превесело.
На торжество то людие бѣжаху
бѣлоодеждни и вси восклицаху,
Привѣтствующе побѣды оному,
яко вождеви преумнохраброму.
В той же самый часъ бяху отверзени
идоловъ храмы, вѣнцы украшени,
Дымъ фимиама сладкий испущаху,
обоняюшыхъ чувство услаждаху.
Торжествуяй же в главное здание,
въ Капитолиумъ твори ступание,
Идѣже пленных, якоже хотяше,
или в работу ли на смерть даяше.
И до конца дне онъ бѣ повелитель,
въ дѣлѣхъ извѣстныхъ по воли правитель.
Но прежде тѣхъ дѣлъ жертвы приносилъ есть
благодарныя Дию и просилъ есть,

[1—1] еще не; [2] склонивши; [3] лавровый.

Еже и во предъ Римъ ему хранити,
противу врагомъ въ пособие быти.
Потомъ народнѣ самъ пиршествоваше,
царства велможы к себѣ призываше;
Но къ тымъ же скоро посыла молити,
да не изволятъ на пиръ приходити,
Еже бы болшу не приити кому
и не преяти в той день чти[1] оному.
Въ конецъ торжества к людемъ исхождаше,
сребро за радость щедро раздаяше,
Иже весоло ему восклицаху,
подобныхъ торжествъ и на пред желаху;
Въ домы отшедше, во книги писаша,
вѣкомъ послѣднимъ память оставляша.
Сию же свѣтлость не всуе твориша, —
иныя вожды къ рвению будиша
И люди ратны: да сии ратуютъ[2]
храбро, ови же умно вождествуютъ.

ТРУДЪ

Чрезъ[3] лѣто пчелы тощно[4] работаютъ,
сладкий из цвѣтовъ медъ людемъ сбирают.
Аще не хощетъ кая работати,
не дадутъ в рои своемъ пребывати,
Огрызше крилѣ, вонъ ю извергаютъ,
гражданомъ мира образъ проявляютъ,
Да праздныхъ людей не имѣютъ в себѣ,
ибо комуждо трудитися требѣ,
Да своимъ трудомъ питаем бываетъ,
а не чуждыя труды поглощаетъ.
Не хотящымъ же трудовъ полагати
не подобаетъ хлѣба подаяти.
«Праздный да не ястъ», — апостолъ сказаше,*
иже от Христа правдѣ ученъ бяше.
Подобаетъ же вонъ я изгонити,
да научатъ ся в трудѣхъ выну[5] быти.

[1] чести; [2] сражаются; [3] В течение; [4] усердно; [5] постоянно, всегда.

ТѢЛО КРАСНОЕ

Красное тѣло зрѣти весело,
егда растлится, мерзско явится.
Тое кто любитъ, душу си губитъ,
ибо то будитъ, да всякъ с ним блудит.
Не люби тѣла, и будет цѣла
душа конечно поживетъ вѣчно
При жизни хлебѣ со Христомъ в небѣ.
Душы любите, тѣло мертвите,
Да его страсти васъ во напасти
никогда вводятъ, но да отходятъ,
Ничто вредивше, цѣлы лишивше.

⟨ИЗ ЦИКЛА «УЧЕНИЕ»⟩

1

Долгимъ путемъ водитъ словомъ поучаяй,
кратко наставляетъ образъ дѣлом даяй.

2

Якоже любезни суть прекраснии цвѣти,
тако научении всѣмъ приятни дѣти.

3

Не тако чювства услаждаютъ цвѣти,
якоже отца искуснии дѣти.

УЧИТИСЯ И УЧИТИ

Ихъже не вѣмы, тымъ ся нужда есть учити,
яже вѣмы, та инымъ вѣрно изъявити.

ФЕБРА[1]

Фебра, егоже держитъ, мужа искушаетъ,
да хладною водою жажду утоляеть.
Егда же онъ испиетъ, огнь велий родится,
имъже лютѣ недужный человѣкъ дручится[2].
Подобнѣ похоть дѣетъ, влечетъ соблудити,
а казнь Божия за то имать ны томити.
Фебра то проклятая, елма искушаетъ
воды блуда испити, никто да слушаетъ,
Аще хощетъ вѣчныя муки не страдати,
но здравие душевно от Бога стяжати.
Фебра сребролюбие, то бо подущаетъ,
да чюждая кто крадетъ или похищаетъ.
Егда же вещь кто чужду крадет или злато,
от судии бываетъ лютѣ мучимъ за то.
Фебра любочестие, искати[3] бо учитъ
началства, а обрѣтша безпрестанно мучит.
Фебра есть ярость сердца, ко брани приводитъ,
потомъ язвы и плоти, и душѣ наводить.
Не слушайте убо сих Фебръ лукавыхъ зѣло,
аще хощете здраво пожити и цѣло.

ФИЛОСОФИЯ

1

Философии конецъ[4]: тако людемъ жити,
еже бы по-силному Богу точнымъ[5] быти.

2

Фалесъ Милеский любомудрецъ бяше,
философию велми похваляше.
Нѣции ему словомъ досаждаху,
яко нищь бяше, — мудрость укоряху.
Онъ отвѣща имъ: «Люблю нищо жити,
яко не хощу злату плѣнникъ быти,

---

[1] Лихорадка; [2] мучается; [3] домогаться; [4] цель; [5] подобным.

Яко вы есте. Аще же потщуся,
скоро паче васъ азъ обогащуся».
Они начаша ему ся смѣяти,
рекше: «Не лѣть ти того доказати».
Онъ паки рече: «Чрез лѣто ми ждите,
да мя богата паче васъ узрите».
Они во буйство[1] глаголы вмѣняху[2],
истинны слова никогда чаяху.
Он же съ хитрости то своея знаше,
яко въ будущъ годъ плодъ быти хотяше
Многъ на маслицахъ; сады откупилъ есть,
тѣмъ весь маслинъ плодъ тогда его был есть, —
Иже онъ собравъ, масломъ събогатися,
а за то златомъ велми умножися.
И, призвавъ люди оны, глаголаше:
«Знайте, истинно слово быти наше;
Се вы богатствы преодолеваю[3],
но в нихъ утѣхи азъ не полагаю.
Мудрость ми годѣ[4], с нею хощу жити,
а о богатствѣ не имамъ мыслити,
Ибо егда ми того восхотѣти,
не трудно могу доволи[5] имѣти,
Якоже нынѣ видите имуща
и впредъ стяжати множае могуща».
То суперници егда услышаша
и богатствъ много велми созерцаша,
Посрамившеся прощение взяху,
любомудрие много почитаху.
И тому мужу честь многу твориша,
елико в мирѣ со граждань жиша.

3

Естество даетъ токмо еже жити,
философия учитъ благо жити:
Ово со скоты обще намъ бываетъ,
сие аггеломъ насъ уподобляетъ.

---

[1] за глупость; [2] считали; [3] превосхожу; [4] угодна; [5] сколько надо.

4

Диогена человѣкъ нѣкий вопрошаше,
кая съ философии ему полза бяше,
Онъ рече: «Доволно мя она совершаетъ,
егда всяку премѣну нести наставляетъ;
Аще бы ничто ино могла ми даяти,
за то само[1] должно ми ону прославляти».

5

Аристипъ вопрошенный: «Что ползы имяше,
яко философии весь вѣкъ прилѣжаше?» —
Отвѣща: «Предоволну ползу обрѣтаю,
яко со всякимъ саномъ глаголати знаю;
Силныхъ азъ не боюся, ни пренебрегаю,
яже во смирении люди познаваю».

6

Дионисий мучитель Аристиппу рече:
«Кая в философии полза, человѣче? —
Зрю, яко философи пред богатыхъ враты
часто стоять и в домы ихъ тщатся вхождати».
Аристипъ отвѣтъ далъ есть: «И врачи то творятъ,
часто в домы богатыхъ человѣков ходятъ,
Но здравия имъ ползу плоти подаяти, —
а философи нравы онѣхъ исправляти.
Никтоже боленъ паче возжелаетъ быти,
нежели врачь искусный у человѣкъ слыти».

7

Яко врачевство болезнь исцѣляетъ,
философиа нравъ золъ души исправляетъ.

[1] одно.

8

Пчела медъ сладкий из цвѣтъ собираетъ,
  ихъ красотою ся не подвизаетъ[1];
Тако философъ тщится собирати,
  яже и могутъ добрѣ ползовати,
Красная в ничто себѣ вомѣняетъ,
  яко та малъ вѣтръ в ничто измѣняет.

ХВАЛА СЕБЕ САМАГО И ХУЛА

Аристотелесъ рече, что себе хвалити
  есть суетство; глупство же есть себе хулити.

ХУДОЖЕСТВО

Художество художествъ есть себе познати
  и наученну быти добрѣ умирати.

⟨ИЗ ЦИКЛА «ОТЧАЯНИЕ»⟩

Плутархъ о милисийскихъ дѣвах написалъ есть,
  неистовство ихъ мира памяти предал есть.
Тыя без вины[2] всяки сами ся вѣшаху,
  токмо: «Хощу умрети»! вину полагаху.
Граждане не вѣдяху, что дѣяти с ними,
  печаль многу имѣша со дщерми своими.
Даде нѣкто мужъ мудрый совѣтъ тому дѣлу,
  да повѣсившу себе саму всяку деву
Паки явѣ повѣсятъ весма обнаженну,
  въ посмѣяние миру всему представленну.
Сице егда съ онѣми творити начаху,
  за срамъ наготы себе вѣшати престаху.
Точнѣ[3] отчаянници себѣ содѣваютъ,
  кромѣ всякия вины смерти ся предаютъ.
Тошнятъ[4] въ житии, к смерти самохотно тщатся,
  но лукавымъ демономъ окаяннѣ лстятся.

---

[1] заботится; [2] причины; [3] Подобным образом; [4] Тоскуют.

По смерти бо временнѣй вѣчну начинають,
нагость, скаредство, буйство тамо ся являют.
Ихъже срама достойно имъ ся убояти,
от смерти творения руки удержати.

ЧАДОМ БОГАТСТВЪ НЕ ОТДАЯТИ

Нѣкто богатъ мужъ двѣ дщерѣ питаше
и в супружество чинно сочеташе,
Яже ко отцу любовь проявлястѣ
и воли его зѣло угождастѣ.
Егда же в старость вѣка прихождаше,
глаголъ от нею сицевый слышаше:
«Отче любезный, изволи внимати,
еже мы хощемъ тебѣ глаголати.
Кровь твоя есмы, не можемъ терпѣти,
в печалѣхъ тебе, сердце наше, зрѣти.
Пристиже[1] время в покои ти жити,
по трудѣхъ многихъ сладостно почити.
Самъ вѣкъ старости тебѣ досаждаетъ,
егда недуги въ тѣлѣ умножаетъ, —
В нихже что ино требѣ помышляти,
точию къ смерти себе готовати,
Да та обрящетъ совесть очищенну,
а не прелестми мира помраченну, —
Не в сокровищѣхъ сердце лежащее,
но любовию къ Богу горящее,
Еже не можетъ ко Богу горѣти,
аще кто богатствъ не хощет презрѣти:
Та бо ко земли сердце низвлекаютъ,
горѣ[2] лѣтѣти никако пущаютъ.
Всяко отсѣщи она подобаетъ,
кто съ Богомъ жити в небеси желаетъ;
Нищихъ есть царство, — Господь глаголаше,
а не богатымъ оно обѣщаше.
Годствуетъ[3] убо, отче нашъ, и тебѣ
нищету взяти, да будеши въ небѣ.
Раздаждъ все злато, яко подобаетъ,
да твоей души оно не стужаетъ[4];

[1] Пришло; [2] вверх; [3] Прилично; [4] докучает.

Возверзи печаль на юныя люди,
самъ до кончины в покои пребуди.
Супрузи наши могутъ ся труждати,
мирское бремя за тебе движати;
Онымъ богатство твое да вручиши,
промыслъ изрядный окомъ ти узриши.
Мы же ти хощемъ всеработны быти,
по твоей воли до конца служити.
Богъ сердцевидецъ сихъ глаголъ свидѣтель,
неправдующымъ онъ буди отмститель».
Сладкий глаголъ сей старца умягчаетъ,
всездравый совѣтъ быти помышляетъ.
Хотя в покои въ старости пожити
и о блаженствѣ вѣчномъ помыслити,
Пригласи зяти, умыслъ изъявилъ есть,
злато и сребро онымъ поручилъ есть.
Зяти же злато съ радостию взяша,
всяко доволство ему обѣщаша
И чрезъ нѣкое время почитаху
сами и жены ему угождаху.
Потомъ же старецъ много лѣтъ живяше,
паче нежели сердце ихъ желаше.
Тѣмже начаху его презѣрати
зяти и дщери и не угождати;
Не яко отца къ тому почитаху,
но аки чужда нища назираху.
Прииде старецъ во раскаяние
за богатствъ своих имъ раздаяние;
Въ мѣсто покоя в скудости живяше,
честную старость въ слезах провождаше.
Но зане мудръ бѣ — хитрость сотворилъ есть,
старый юныя всечюднѣ прелстилъ[1] есть.
Во нощь едину не усыпенъ бяше
в своей коморѣ, в нейже обиташе;
Возжегъ свѣтилникъ, цатою[2] бряцаше,
юже едину или двѣ имяше.
Бряцая паки приложи считати,
еже бы зятю и дщери слышати;

[1] обманул; [2] монетой.

Начита много, набряца толико,
аки имѣяй богатство велико.
Ковчегъ же велий пѣскомъ исполнилъ есть,
замки крѣпкими, хитрецъ, утвердил есть;
Зять же съ дщерию гласъ звука слышаша,
еще богата отца помышляша,
Тѣмже въ день утрый отца присѣтиша,
о неспании вины вопросиша.
Онъ даде отвѣтъ: «Потщахся считати
останки злата и хощу отдати
Тому, иже мя довле препитаетъ
до конца жизни, — инъ же да не чает;
Отдахъ бо части, яко подобало, —
сие тому, кто схранитъ мя, остало».
Они повнегда[1] сия услышаша,
отца доволно чредити[2] начаша;
Едина другу сестру предваряше,
зять зятя паче службу проявляше:
Вси злата хотятъ, старца учреждаютъ,
на ковчегъ тяжкий очы обращаютъ.
Таже скончася старецъ умудренный
и зѣло честно от чадъ погребенный.
Посемъ пришедше ковчегъ отверзоша,
пѣсокъ — не злато — в онѣмъ обрѣтоша
И верху того велику палицу,
сице чертанну[3] къ родителей лицу:
«Чесо говѣйность[4] не може створити,
къ тому лакомство[5] вѣдѣ убѣдити.
О, родители, чадомъ не вручайте
всѣхъ богатствъ вашихъ, сами обладайте;
Лакомство бо ихъ хотяще заткати,
вину злым многимъ имате подати.
Образом моимъ вси ся накажите[6],
буии[7], раны палицы страждите»[8].

---

[1] как только; [2] угощать, кормить; [3] с такой надписью; [4] уважение, почитание; [5] алчность; [6] научитесь; [7] глупцы; [8] мучайтесь от ударов палицы.

ЧАРОДѢЙСТВО

Въ немощи къ чародѣемъ иже прибѣгаетъ,
ядъ пия, не врачевство, душу убиваетъ.
Или во огни ищетъ безумникъ прохлада, —
погибель ту извѣстна, ни мала отрада.
Кто видѣ волка овцу зубами цѣляща
или лва гладна в зубах часть мяса щадяща,
Той и от чародѣевъ можетъ ожидати,
яко лѣть помощь в скорби недужным прияти.
Не лститеся, братие! Демонъ не желаетъ,
да кто от правовѣрныхъ здравъ долго бывает.
Хотѣлъ бы онъ в единъ часъ вся ны поморити,
аще бы аггель Божий престалъ насъ хранити.
Аще же видится вамъ нѣчто помогати,
лститъ вы, да дерзаете болше согрѣшати.
На малъ часъ пособствуетъ, да уморитъ вѣчно,
душы вринетъ в езеро огнемъ безконечно.
Богъ врачь есть всеистинный, к нему притекайте,
а естественныхъ врачествъ не пренебрегайте, —
Ибо естества средствы онъ ся не гнушаетъ,
но чрезъ та силу свою мирови общаетъ.
Не право убо дѣютъ, иже обхуждаютъ[1]
врачевства художество и врачы хухнаютъ[2].
Богъ врачы и врачевство в ползу сотворил есть,
а от чаровъ пособство проклято судилъ есть.
Лучше убо от скорби вѣрнымъ умирати,
неже бабы, шептуны в помощь призывати.
Тако бо отходящымъ спастися удобно,
а от шептъ[3] спасение никогда подобно.

ЧАСТОСТЬ

Не сила капли камень пробиваетъ,
но яко часто на того падаетъ;
Тако читаяй часто научится,
аще и не острѣ умом си родится.

---

[1] поносят; [2] бранят; [3] нашептываний.

ЧЕЛОВѢКЪ

1

Граду лѣть человѣка есть уподобити,
в немже Царю Небесну угодно есть жити..
Пятерица в немъ врат есть, чувствъ пять разумѣйте,
но затворенна она имѣти умѣйте,
Врази бо окрестъ выну того усмотряютъ,
да чрезъ отверста врата на градъ нападают.
Но и внутрь града вои ковы[1] содѣваютъ, —
страсти глаголю, — врагомъ градъ дати желают.
Тыя убо во-первыхъ укротити требѣ,
таже от врагъ блюстися полезно есть тебѣ..

2

Человѣкъ якоже цвѣтъ, красенъ ся являетъ,
но, яко тойже, зѣло скоро увядаетъ.
И яко другъ по друзѣ цвѣти исчезаютъ,
тако и человѣци жизни ся лишаютъ.

3

Миръ малый человѣкъ есть, а конецъ познаетъ,
да измѣною смерти вѣчность зачинаетъ.
Седмьдесятъ лѣтъ предѣлъ есть во мирѣ сем жити,
не многимъ выше того дается пребыти,
И то в болѣзнѣхъ плоти; потомъ неизмѣнна
нужда лежитъ отити всѣмъ до гроба земна
Тѣлом. А душу Богу живу отдаяти,
да изволитъ по дѣломъ мѣсто вѣчно дати.
Тѣло убо во земли въ землю обратится,
душа въ небеси или во адѣ вселится,
Дондеже в концѣ вѣковъ паки тожде тѣло
восприиметъ, оживитъ будущее цѣло.
Тогда же Христосъ Господь приидетъ судити
вся, иже от Адама, и мзду сотворити,

[1] козни.

Благимъ убо благую, яже есть жизнь вѣчна,
злымъ же злую, яже есть мука безконечна.
Тогда кождо предстанетъ Судии правому,
отвѣтъ дати о дѣлѣхъ всяческихъ оному.
Тогда яже днесь тайна, народно явятся,
вси дѣющий злая лютѣ посрамятся
И будутъ на вѣчныя муки осуждении,
от пропасти геенски съ огнемъ поглощении,
В нейже пламеней силу нужда есть страдати,
во обществѣ с демоны вѣчно пребывати,
А то во вѣки вѣковъ. Оле страшно зѣло!
Не сгоритъ же никогда и душа, и тѣло!
Противно[1] праведници имутъ восприяти
от божественны славу и честь благодати.
В страну жизни вѣчныя будутъ воведени,
в немерцающемъ свѣтѣ честно водворени,
Идѣже веселие будетъ безконечно.
ликование съ духи небесными вѣчно.
То намъ изволи, Христе Боже, даровати,
да тя выну съ аггелы будемъ прославляти,
Злыхъ же части избави. Аще согрѣшихомъ,
но развѣ тебе Бога инаго не чтихомъ.
Твои мы раби есмы, ты Богъ нашъ во вѣки,
спаси, Христе, грѣшныя твоя человѣки.

⟨ИЗ ЦИКЛА «ЧЕСТЬ»⟩

1

Честь и слава мѣнит нрава,
мало в лучший, часто в худший.

2

Родителей на сына честь не прехождаетъ,
аще добродѣтелей ихъ не подражаетъ.

---

[1] Наоборот.

3

Лучше честь собою комуждо стяжати,
нежели предковъ си честию сияти.

ЧЕСТНАЯ

Первое чести место душѣ положися
от Платона, на второмъ тѣло посадися.
Третие онъ богатству мѣсто полагалъ есть,
подобнѣ о гражданствѣ онъ же мудрствовал есть.
Добродѣтелемъ перво мѣсто полагаетъ,
на второмъ силы плоти честно посаждаетъ,
Третие далъ богатству. Азъ же предлагаю
славу, ту бо от богатствъ лучшу быти знаю.
Аще бо вся (глаголет нѣкто) погубиши,
тщися, да во цѣлости славу сохраниши.
И паче силъ тѣлесе мощно ю вмѣняти,
зане за ню и животъ волимъ полагати.

ЧТЕНИЕ

Ходяй при водахъ, всяко омочится,
присѣдяй огню, тепла исполнится.
Тако читаяй книги божественны
аки по нуждѣ будетъ умудренны.

ЩАСТИЮ НЕ ВѢРИТИ

Из числа седми мудрыхъ мужъ избранный,
собственнымъ Солонъ именемъ прозванный,
съ царемъ лидийскимъ Крезомъ глаголаше
и увѣщаше,

Да во щастии си не уповаетъ,
непостоянство того помышляетъ,
яко обыче оно не стояти,
люди прелщати.

Онъ же из детства имѣ имармену[1],
всегда работну, аки бы плѣненну;
ни в коей вещи противства познаше,
прещасливъ бяше.

Тѣмже Солона словесъ не приялъ есть,
надежду в щасти своемъ полагал есть:
на вся дерзаше, щастие безмерно
мня быти вѣрно.

Но прелестное вѣры не сдержало,
ни брани с Киромъ не пособствовало;
егда бѣ нужда, тогда отступило,
Креза прелстило;

Ибо от ратникъ кировыхъ плѣнися,
Киромъ же на смерть люту осудися,
еже на дровахъ быти положенну,
огнемъ соженну.

Внегда й убо на та полагаху
и огнь всеядущъ возжещи хотяху,
слово Солона мудра помянулъ есть
и воздохнул есть,

«О, Солонъ, Солонъ!» гласно провѣщая,
Киръ же глаголъ сей прилѣжно внушая[2],
повелѣ Креза о томъ вопросити,
что [3]хощетъ быти[3],

Яко Солона поминаетъ себѣ,
лежа на дровахъ в послѣдней потребѣ.
Крезъ даде отвѣтъ: «Того поминаю,
нынѣ бо знаю,

Яко истинну онъ ми глаголаше,
не уповати егда увѣщаше
в щастии мнозѣ, еже ми служило,
а днесь прелстило».

---

[1] судьбу; [2] слушая; [3—3] он имеет в виду.

Киръ же то слово къ себѣ обратилъ есть,
о щастии си тожде помыслилъ есть;
абие велѣ Креза свободити,
волна пустити.

И ты, кто-либо еси та читаяй,
не буди в щасти твоемъ уповаяй,
но всю надежду обрати ко Богу
в щедротах многу,

Иже ни хощетъ, ни можетъ прелщати,
кто въ немъ надежду вѣсть[1] всю полагати,
но яко отецъ чадо соблюдаетъ
и ущедряетъ.

ЮНОША

1

Юноша весма юнецъ сотворится,
егда юницѣ лстивѣй приближится.

2

Бесѣда съ жены юны умягчаетъ,
яко огнь воска, близъ суть, растопляетъ.

3

Новая лоза грозды обилные родитъ,
но старая лучшыя въ сладости изводит.
Тако юнии болше словесъ изпущаютъ,
но яже полезнѣйша — старии вѣщаютъ.

4

Юныхъ совѣты нездрави бываютъ,
по страстемъ дѣло всяко разсуждаютъ.

[1] знает.

Что умъ намыслитъ, сие имъ любится,
искушение на мысль не впустится.
Старыхъ словеса суть имъ ни во чтоже,
глаголютъ: «Старъ мужъ умомъ изнеможе».
И тако, еже хотятъ, содѣваютъ,
совѣщаема и себе прелщаютъ.
Сынъ Соломоновъ Ровоамъ такими
совѣтниками прелщенъ бысть своими.
Презрѣвъ старыя, юныхъ послушаше,
дани народу многи налагаше.
Но что успѣлъ есть? Молва сотворися,
царство надвое его раздѣлися.
Мнози избраша Иеровоама,
мали осташа въ службы Ровоама.
Тогда онъ позна вреденъ совѣтъ быти
юныхъ, но ничто лѣть бѣ пособити.
Раба своего воцаренна знаше,
тщеты и бѣдства выну воздыхаше,
Тогда и старыхъ совѣтъ не поможе.
Даждь юнымъ старыхъ совѣтъ знати, Боже!

ЯЗЫКЪ

Малая часть тѣлесе языкъ человѣка,
но не видѣ злѣйшия никтоже от вѣка,
Ибо аще малое слово изпущаетъ,
хулно или клеветно, многи убиваетъ.
Легко оно исходить, но язву велику
и зѣло тяжку въ сердцѣ дѣетъ человѣку;
Мягко аеръ проходить, но в сердцѣ жестоко
вонзаетъся и рану творяетъ глубоко;
Из устъ, якоже птенецъ малый, излѣтает,
но яко велбудъ с горбомъ абие бываетъ.
И ни кими мерами можетъ ся сокрити,
вѣсть же сердца человѣкъ многихъ озлобити.
Убо разсудно слово всякое пущайте,
да не будетъ стрѣлою, прилѣжно смотряйте;
Аще бо яко стрѣла пойдетъ, то вратится
не къ языку, но в сердце и в смерть преложится.

ПСАЛТИРЬ РИФМОТВОРНАЯ*

Благочестивѣйшему, тишайшему, самодержавнѣйшему, великому государю царю и великому князю Феодору Алексиевичу, всея Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержцу здравия, долгоденствия, побѣды на враги и во всѣхъ благоначинаниихъ благословения Божия и добросовершения смиренный рифмотворецъ вседушно желаетъ

Псалми святии царя велика суть дѣло,
паче Духа Святаго, повѣствую смѣло,
Ибо егда Давидъ я усты провѣщаше,
иже на израилско царство избранъ бяше,
Самѣмъ Господемъ Богом бысть онъ умудренны,
пророчествия даромъ дивнѣ исполненны
От Духа Пресвятаго, иже наставляше
его на глаголы си, онъже [1]я пояше[1].
Орудие словесно бѣ Духу Святому,
бяше бо мужъ по сердцу Богу истинному.
Царь Небесный земнаго на то умудрилъ есть,
тайны сокровенныя чрез него явилъ есть,
Ибо книга си Псалтиръ тѣми исполненна,
честна, мудра и свята, вся есть божественна,
Толико же полезна Церкви сотворися,*
даже нужднша от солнца быти извѣстися.
Иоаннъ Златоустый елма прошенъ бяше,
егда Псалтиръ престати чести подобаше,
Рече: «Уне[2] есть солнцу въ течении стати,
нежели псалмовъ святыхъ вѣрным не читати».
Тѣмъже я Церковь-мати по вся дни читаетъ,
во всякихъ си пѣниихъ ихъ употребляетъ.
Полезно же и в домѣхъ оны честно пѣти,
но без гласъ[3] подложенныхъ трудно то умѣти;
И разумъ сокровенный спону содѣваетъ[4],
чтый бо ли поющъ псалмы, со трудом той знает.

[1—1] пел их; [2] Лучше; [3] напевов; [4] скрытый смысл затрудняет.

Тѣмъ во инѣхъ языцѣхъ в метры[1] преведени,*
разумѣти и пѣти удобь устроени.
Имже азъ поревнововавъ[2], тщахся то ж творити,
въ славенском диалектѣ въ мѣру устроити,
Да ся от чтущихъ удобь уразумѣваютъ
и в подложенных гласѣх сладцѣ воспѣваютъ.*
И помощию Бога дѣло совершися,
се бо Псалтиръ метрами ново преложися.
Нѣции прежде мене негли[3] начинаху,*
но за трудности многи от дѣла престаху.
Азъ, Богомъ наставляемь, потщахся начати,
Богъ же даде и концемъ дѣло увѣнчати.
Еже яко первое въ метры преложенно,
подобаше да будетъ первому врученно
В православных ти сущу, пресвѣтлѣйший царю,
ты даждь мѣсто у тебе сему нову дару —
Прежде царемъ Давидомъ от Духа строенну,
днесь рабом ти в словенский рифмы[4] преведенну.
Под трудами Давида мой азъ полагаю,
мой давидовыхъ ради трудъ прийми, желаю.
Онъ царь о тебе, царѣ, молитъ Бога в небѣ,
азъ, рабъ Царя сил и твой, здѣ молю о тебѣ,
Да многая ти лѣта изволитъ подати,
здравие, мудрость, славу, враги побѣждати.
Юнъ Давидъ Голиафа силнаго преможе,
даждь ти юну силнаго турка збити,* Боже.
Сего ти, богомолецъ твой, вѣрно желаю,
милости царстѣй трудъ сей и сам ся вручаю.

Твоего пресвѣтлаго царскаго величества
рабъ смиреннѣйший и присный
богомолецъ Симеонъ Полоцкий,
иеромонахъ недостойный

КЪ БЛАГОЧЕСТИВОМУ ЖЕ ЧИТАТЕЛЮ

Благочестивый книги читателю,
во писаниихъ жизни искателю!

[1] стихи; [2] подражая; [3] возможно; [4] рифмами, т. е. стихами.

Молю тя, здравымъ умомъ да судиши
труд, иже в книзѣ предлежащей зриши;
Не словъ измѣну тощно[1] разсуждая,
но в тѣхъ разума единство лобзая.
Псалтирь се царя купно и пророка
Давида свята, тайна в ней глубока,
Яже Духъ Святый оному сказаше,
та пророчески в псалмѣхъ онъ писаше.
Всякая служба тѣми украшенна
во Церкви святѣй, вся в нихъ божественна.
Без псалмовъ Церкви невозможно быти,
яко без воды рыбѣ не лѣть[2] жити.
Та в своемъ чинѣ, яко преведенна
древле, во Церкви да будетъ храненна.
Тужде азъ рифмы тщахся преложити
не дабы тако в Церкви чтеннѣй быти,
Но еже в домѣхъ часто ю читати
или сладкими гласы воспѣвати
Во славу Богу, ибо услаждаетъ
рифмъ слухъ и сердце чести понуждаетъ.
Коль же есть лучше сию прочитати,
неже в суетахъ время погубляти, —
Знаетъ то кождо, а то извѣщаю,
поелику самъ спастися желаю.
Яко аще здѣ зрится ново дѣло,
обаче разумъ псалмов хранитъ цѣло.
Толкъ слова мѣнитъ[3], множитъ, уменшаетъ,
подобнѣ въ рифмѣхъ нужда содѣваетъ.
Само сущее въ Церкви цѣло тебѣ,
здѣ метафразисъ[4] к домашней потребѣ.
Во мнозѣхъ мѣстѣхъ толкъ здѣ положися,
еже во сущемъ глубоко сокрыся,
Тѣмъ не дивися, видя ино слово —
разумъ единъ есть, речение ново
Свѣтлости ради ли за нужду мѣры,
толкъ отверзаетъ сих сокровищъ двери.
Не слушай буихъ и ненаказанных[5],
въ тмѣ невѣжества злобою связанныхъ,

[1] изменение придирчиво; [2] невозможно; [3] изменяет; [4] переложение; [5] глупых и невежественных.

Имже обычай все то обхуждати,
егоже Господь не даде имъ знати.
Не буди общникъ расколы творящымъ,
всю мудрость в себѣ заключенну мнящым,
А в самомъ дѣлѣ пребезумным сущымъ,
упоромъ своимъ въ погибель текущымъ;
Ни завидящымъ подражатель буди,
имже чуждии сердце гризутъ труди,
Иже благая за зависть хухнаютъ[1],
совѣсть поправше, вся уничижаютъ.
Но буди правый писаний читатель,
не словъ ловитель, но ума искатель,
А всяко полза имать быти тебѣ,
токмо прилѣжно разсуждати требѣ.
Вѣждь же и сие, яко псалми сии
от древнихъ временъ писани святии
Стиховъ мѣрою от мужъ умудренныхъ,
добрѣ еллинскимъ книгамъ изученныхъ;
И во прочиихъ суть стихотворени
языцѣхъ честныхъ и святи вмѣнени[2].
Ревнуя убо тщахся написати,
нашим славенским въ рифмѣхъ миру дати,
Тѣмъ[3] благодарно прими труды сия,
инымъ обычны, въ России новыя.
Чти, пой разумно, хвали ими Бога,
от негоже мзда будетъ тебѣ многа.
И за мя, грѣшна, ему помолися,
хулникомъ уста заграждати тщися.
Защищай добро, Богъ защитникъ тебѣ,
дастъ здѣ вѣкъ долгий и вѣчность на небѣ,
Еяже вѣрно азъ тебѣ желаю,
милости твоей самъ ся поручаю.

[1] из-за зависти поносят; [2] считаются; [3] Поэтому.

ПСАЛТИРЪ ЦАРЯ И ПРОРОКА ДАВИДА РИФМЫ ПРЕЛОЖЕННАЯ

Псаломъ 1

Блажен муж, иже во злых совѣт не вхождаше,
ниже на пути грешных человѣкъ стояше,
ниже на сѣдалищѣх восхотѣ сѣдѣти
тѣх, иже не желают блага разумѣти,
Но в законѣ Господни волю полагаетъ,
тому днемъ и нощию себе поучаетъ.
будетъ бо яко древо при водахъ сажденно,
еже дастъ во время си плод свой неизмѣнно.
Листъ его не отпадетъ и все еже дѣетъ,
по желанию сердца онаго успѣетъ.
не тако нечестивый, ибо исчезаетъ
яко прах, егоже вѣтръ с земли развѣвает.
Тѣмъже нечестивии не имутъ востати
на судъ, ниже грѣшницы в совѣт правых стати,
вѣсть бо Господь путь правыхъ, тыя защищает,
путь паки нечестивых в конецъ погубляетъ.

Псаломъ 4

Внегда возвахъ тя, Боже, живый на небеси,
свидѣтелю правды ми, услышалъ мя еси
и распространил в скорби и впредь да щедриши,
гласъ молитвы моея теплыя услыши.
Вы, сынове людстии, доколѣ живете,
в тяжкосердии тщетных и ложных ищете.
Вѣдите, яко Господь щедрый удивилъ есть
преподобна раба си и чюднѣ хранилъ есть.
Внегда воззову к нему, изволить ми вняти
от всѣхъ навѣтов ваших и впредь защищати.
Гнѣвайтеся во сердцѣхъ, а не согрѣшайте,
яже в нихъ глаголете, на ложѣхъ смывайте.
Пожрите жертву правды, в Бозѣ уповайте,
оставите лукавство, правду содѣвайте.
Глаголютъ нѣцыи: кто явитъ нам благая,
аще будемъ творити дѣлеса правая?

Се знаменася на насъ свѣтъ лица ти, Боже,
иже дѣлесъ истинны мзду знати поможе.
Далъ еси веселие до сердца моего
от плодъ пшеницы, вина, елеа своего.
Умножение взяша, азъ же имамъ спати
во мирѣ купно с ними и здраво востати;
яко ты мя в надежду, Боже, вселилъ еси,
егда о стяжании Царства явилъ еси.

Псаломъ 5

Глаголы моя изволи внушити,
Ко званию мя ушы приклонити,
Вонми молбъ гласу, Царю и Боже мой,
азъ бо есмь рабъ твой.

Яко азъ къ тебѣ имамъ ся молити,
Господи, утро изволи внушити,
Утро предстану тебѣ, ты узриши,
милость явиши.

[1]Беззакония нѣси Богъ хотящий[1]
Ты, не близъ тебе будетъ зло творящий,
Ни лукавнуяй тебѣ присѣлитъся,
злый удалитъся.

Ты беззаконныхъ мужъ ненавидиши,
Глаголющыя лжу вся погубиши;
Мужа лсти, крове Господь ся гнушаетъ,
скоро отмщаетъ.

Азъ же, на милость многу уповая,
Вниду во домъ твой, поклонъ сотворяя
Къ храму святому твоему, боясь,
сердцемъ страшася.

Правдою ти мя, Господи, настави,
Враг моихъ ради путь мой весь исправи,

[1—1] Ты не являешься Богом, желающим беззакония.

Яко от устъ ихъ что право — отметно,
сердце суетно.

Гортань ихъ гробу точна[1] отверзенну,
Гноемъ смердящымъ с костми исполненну,
Языки лщаху. Тщися имъ судити,
Боже, и мстити.

Да от мыслей си отпадутъ конечно,
По нечестию ихъ рини я вѣчно,
Господи, яко прогнѣваша тебе
врази на себе.

Да веселятся, иже уповаютъ
На тя, и вѣчну радость получаютъ,
А ты, Господи, самъ ся в нихъ вселиши,
милость явиши.

И похвалятся весело о тебѣ,
Иже имя ти чтимое на небѣ
любятъ, праваго ты благословиши,
ибо любиши.

Ты самъ, Господи, щитомъ ти небеснымъ,
Благоизволомъ твоимъ о насъ деснымъ[2]
Изволилъ еси торжество намъ дати,
главы вѣнчати.

Псаломъ 8

Господи Боже, коль чюдно есть твое
По всей вселеннѣй имя пресвятое.
Ибо лѣпота твоя вознесеся
выше небесе.

Изъ устъ младенецъ, еще сосца ссущихъ,
Свершилъ ты хвалу ради враговъ сущихъ,
Да местника[3] зла скоро разрушиши,
врага смириши.

---

[1] подобна; [2] праведным; [3] мстителя.

Яко небеса имамъ созерцати,
Яже изволи рука ти создати,
Луну и звѣзды, и вся, яже еси
создалъ въ небеси?

Что человѣкъ есть, яко ты помниши,
Ли человѣчь сынъ, яко и́ любиши?
Благоволиши его посѣщати,
милость являти.

Мало от аггелъ онъ есть умаленный,
Славы и чести вѣнцемъ украшенный:
Над дѣлы рукъ ти ты его постави,
зѣло прослави.

Покорилъ еси под нозѣ онаго
Овцы вся, волы и скота всякаго,
Птицы и рыбы, все еже летаетъ
и что плаваетъ.

Господи, Господь нашъ! коль чюдно твое
По всей вселеннѣй имя пресвятое!
Весь сонмъ небесныхъ оно прославляетъ,
пѣснь воспѣваетъ.

Псаломъ 12

Доколѣ мя, Господи, въ конецъ забудеши?
Доколѣ отвращати лице ти будеши?
Доколѣ печаль душу будетъ ми снѣдати?
И болезнь сердцу во дни и в нощи стужати?

Доколѣ врагъ мой лютый на мя вознесется?
Призри на мя, Боже мой, да раб твой спасется.
Просвѣти очи моя свѣтомъ божественным,
Да не когда усну в смерть сном невозбужденным.

Да неречет врагъ о мнѣ: [1]азъ на нь укрѣпихся[1]
Азъ бо помощи твоей, Боже мой, вручихся.

[1—1] я его одолел.

Аще ся азъ подвижу[1] — то возвеселятся,
Иже выну стужати души моей тщатся.

Азъ же на милость твою всегда уповаю,
О спасении твоемъ веселия чаю;
Благо ми творшу Богу имамъ воспѣвати,
Имя Бога вышняго вѣчно прославляти.

Псаломъ 27

Господи, къ тебѣ слезно воззываю,
Даждь святый отвѣтъ, того ожидаю;
Аще ты, Боже, гласъ свой удержиши,
въ гробъ мя вселиши.

Услыши гласъ мой, егда ти молюся
И руцѣ мои воздѣвати тщуся
Къ Церкви святѣй ти, Боже мой, и к тебѣ,
живущу въ небѣ.

Съ грѣшники мене да не вомѣниши[2],
Съ творцы неправды да не погубиши,
И съ тѣми, иже миръ усты вѣщаютъ,
сердцы прелщаютъ.

Мзду имъ по дѣломъ ихъ да сотвориши
И по лукавству мыслей ихъ отмстиши,
Да по заслугамъ приимутъ от тебе
казни на себе,

Яко дѣлъ твоихъ не хотѣша знати,
Что мя хощеши ты самъ возвышати.
Тѣмже тобою будутъ разорени,
ни воздвижени.

Благословенъ Богъ, молитвы внушивый,
Мой пособитель, мене защитивый,
На нь сердце мое силно уповаше,
онъ помощь даше.

---

[1] поколеблюсь; [2] посчитаешь.

Тѣмже моя плоть весела явися,
Волею сердце пѣти устроися
Господню славу, онъ же утверждаетъ,
люди спасаетъ.

Христа своего Господь защититель,
Буди людемъ ти, Боже, самъ спаситель,
Въ достоянии паси человѣки
сам во вся вѣки.

Псаломъ 28

Сынове Бога жива, Господу несите
яко сыны овния, хвалу воздадите.
Имени его славу несите премногу,
поклонитеся, въ дворѣ святѣмъ его, Богу.
Гласъ Господень на водахъ престрашенъ явися,
Богъ славы возгремѣл есть, кто не устрашися?
Господь на водахъ многихъ волны возбудилъ есть,
егда в нихъ фараона с вои погрузилъ есть.
Гласъ Господень в крѣпости егда низхождаше,
гласъ во велелѣпотѣ, егда законъ даше.
Гласъ Господень велия кедры сокрушаетъ,
и ливанские кедры Господь сотираетъ.
Силныя яко телцы на Ливанѣ можетъ
истнити[1], а противу кто стати возможетъ?
А иже бысть милости его возлюбленный,
сыну единорога есть уподобленный.
Гласъ Господень пламени огня пресѣцаетъ,
всегустыя пустыни силно сотрясаетъ.
И пустыня Каддийска онемъ сотрясеся,
никто противный ему никогда спасеся.
Гласъ Господень елени къ роду совершаетъ
и темныя дубравы свѣтло открываетъ.
Въ Церкви его всякъ славу долженъ глаголати,
Господь потопъ на земли силенъ населяти.
Господь сѣдить яко царь преславно во вѣки,
аггелы обладая, купно человѣки.

[1] разрушить.

Господь крѣпость людемъ си имать даровати
и благословение съ миромъ имъ подати.

Псаломъ 34

Суди, Господи, мя обидящыя,
Возбрани, Боже, мене борющыя,
невинна суща.

Возми мечь и щитъ, стани в помощь мою.
Вземъ оружие, яви милость твою —
запни[1] гонящихъ.

Рцы души моей: «Азъ есмь твой спаситель»,
Сотвори, да всякъ оныя гонитель
посрамленъ будет.

Злаго ми любцы вспять да возвратятся,
Яко пред вѣтромъ прахъ да расточатся
в разныя страны.

Аггелъ Господень ихъ да оскорбляетъ,
Аггелъ Господень ихъ да погоняетъ
в тмѣ путемъ ползкимъ[2].

Яко ми сѣти пагубы сокрыша
И души моей всуе поносиша
зѣло досадно.

Еяже не вѣсть, в сѣть врагъ да впадется,
В ловитву[3], юже сокры, да вплетется
за свою прелесть.

Душа же моя да возвеселится
О Бозѣ спасѣ, яко свободится
от сѣти ловчи.

---

[1] останови; [2] скользким; [3] сеть.

Вся моя кости рекутъ: Живый въ небѣ
Боже! Кто и гдѣ есть подобенъ тебѣ
въ милосердии?

Ты нища из рукъ крѣплшихъ избавляяй,
От хищныхъ враговъ мене свобождаяй,
самъ единъ еси.

Лжесвидѣтели на мя клеветаху,
Ихже не вѣдѣхъ, мене вопрошаху,
да мя погубятъ.

За мою благость воздаша ми злая,
Душу загнаша в мѣста неплодная,
да гладомъ таю,

А внегда они стужаху ми зѣло,
Смирях духъ постом, а вретищем[1] тѣло,
да Господь призритъ.

Молитва моя в нѣдра ми вратися[2],
Господь всещедрый милостивъ явися
за смирение,

Яко ближнему тщахся угождати,
Яко о братнихъ случаехъ рыдати,
тако смиряхся.

Они же на мя соборъ сотвориша,
Со веселиемъ раны ми мыслиша, —
азъ аки не чухъ.

От любве должны вси раздѣлишася,
Оней же злобѣ не умилишася,
братия суще.

Подражнениемъ лютѣ мя дражниша,
Искусиша мя и скрежетъ твориша
зубы своими.

[1] рубищем; [2] вернулась.

О, Господи мой! Когда то узриши
И душу мою благоустроиши
от их злодѣйства?

Иже яко льви гладнии рыкаютъ,
Единородну мою умышляютъ
зубы терзати.

Азъ в Церкви мнозѣ тя исповѣдати
Имамъ и в людех тяжцѣх восхваляти
за милость твою.

Врагомъ без правды ненависть имущымъ,
На мя очима си помизающымъ[1],
не даждь радости.

Яко мнѣ убо мирно глаголаху,
А въ сердцѣхъ лести на гнѣвъ помышляху,
да мя погубятъ.

Уста си на мя лютѣ разширяху:
«Благо же, благо видятъ, — глаголаху, —
очеса наша».

Ты, сия видѣвъ, да не премолчиши,
Боже, от мене да не отступиши,
во скорби суща.

Встани, Боже, сотвори судъ правый!
Господи, зри прю[2], даждь судъ, да лукавый
не веселится.

Да в сердцѣхъ своихъ о мнѣ не вѣщают:
«Благо намъ, благо!», ни да обѣщаютъ:
«Уже пожремъ и́».

Срамъ да обыметъ и да постыдятся
Вси врази вкупѣ, иже веселятся
о злыхъ ми сущих.

---

[1] подмаргивающим; [2] спор, прение.

В студъ и срамоту да суть облечени,
Иже великимъ хуламъ изучени
мнѣ глаголати.

Иже по моей правдѣ побораютъ,
Веселие и радость да познаютъ
во сердцѣхъ своихъ.

Иже ми мира желаютъ от Бога,
Выну да поютъ: «Буди слава многа
Господу Богу!»

Азъ же языкомъ правду ти хвалити
Моимъ и славу имамъ возносити
в мирѣ на всякъ день.

Псаломъ 41

Якоже елень, ловцы утружденный,
Воды желаетъ быти прохлажденный,
Тако азъ, Боже, къ тебѣ воздыхаю,
зрѣти желаю.

Возжада[1] душа моя ко живому
Богу святому и Богу крепкому,
Когда прииду к нему и явлюся,
возвеселюся.

Слезы ми в мѣсто хлѣба тогда быша,
Егда день и нощь врази мя просиша:
«Гдѣ Богъ твой? Аще тебе не остави,
того намъ яви».

Сия помянухъ, таже веселихся,
Яко в домъ Божий ити извѣстихся,
До крова дивна, в гласѣ свѣтла лика
шума велика.

---

[1] Тянется, жаждет.

О, душе моя! Вскую ты скорбиши,
Мя смущаеши? На Бога да зриши,
Того исповѣмъ, онъ ми Богъ спаситель
и покровитель.

Во мнѣ смятеся зѣло душа моя,
И воспомянухъ азъ щедроты твоя,
Яже ты явилъ намъ при Иорданѣ,
в Ермонстѣй странѣ,

При горѣ малѣ. А скорбь скорбь глашаетъ,
Что бездна бездну хлябий ся рѣшаетъ;
Волны Божия по мнѣ преидоша,
всего сотроша.

Но уже чаю день той приходити,
В онже ми хощетъ Богъ милость явити;
Азъ же и в нощи пѣснь воспою ему,
Богу моему.

Молюся Богу живота моего,
Ты мой заступникъ, — азъ реку до него, —
Почто мя забы? Духъ мой унываеть,
врагъ ми стужаетъ[1].

Внегда ся кости моя сокрушаху,
Тогда ми врази мои поношаху:
«Гдѣ Богъ твой? Рцы намъ выну стужающе,
посмѣхъ дѣюще».

Но ты, о душе, вскую скорбна еси?
Уповай въ Бозѣ, сущемъ на небеси.
Еще азъ ему имамъ воспѣвати,
за Бога знати.

[1] докучает.

Псаломъ 45

Богъ нам сила, прибежище,
от волнъ скорбей пристанище.
Аще земля вся смутится,
наше сердце не боится.
Аще горы преложатся,
въ сердце морско вовалятся,
душа наша не смутится,
въ Бозѣ силномъ утвердится.
Воды быша возмущенны,
горы Богомъ потрясенны,
яже облакъ достизаху,
неподвижны от вѣкъ бяху.
Градъ Господень веселится,
егда рѣка близъ точится,
и в немъ Вышний освятилъ есть
селение, в немже жилъ есть.
В средѣ града Богъ витаетъ,
тѣмъ недвижимъ той бываетъ,
утро тщится в помощъ ему,
яко дому Богъ своему.
Языкъ[1] роди ся смятоша,
и царствия упадоша,
егда Вышний гласъ свой даше,
лютѣ земля трепеташе.
Насъ Господь силъ заступаетъ,
Иаковля чада знаетъ.
Сѣмо, роди, приидите,
Бога чюдна дѣла зрите,
Яже въ мирѣ сотворилъ есть,
брань на земли утолилъ есть.
Лукъ сокрушитъ, мечъ сломити
имат, огнемъ щитъ спалити.
Приидите, разсмотряйте,
яко азъ Богъ, познавайте:
во языцѣхъ вознесуся
и на земли прославлюся.

---

[1] Народов.

Господи силъ с нами буди,
храни от бѣдъ своя люди.
Богъ Иаковль Защититель
нашъ, в печалѣхъ Утѣшитель.
Слава.

Псаломъ 60

Услыши, Боже, моления моя,
молитвы въ уши да впустиши твоя,
от конецъ земля азъ возопихъ къ тебѣ,
унывшу сердцу во тяжцѣй потребѣ.

Ты на камени мене вознеслъ еси
от рва пропасти къ свободы небеси.
Упование мое въ тебѣ бяше,
столпомъ крѣпости ты ся мнѣ творяше

От лица враговъ. Тѣмже азъ вселюся
въ сѣнь твою во вѣкъ и возвеселюся;
в кровѣ крилъ твоихъ ты мя защитиши,
се бо молитвы ты моя слышиши.

Достояние изволилъ ты дати
тщащымся тебе выну ся бояти;
день ко дни, Боже царю, приложиши,
лѣта въ родъ и родъ его продолжиши,

Да пред тобою во вѣкъ пребываетъ
милость и правду ти кто постизаетъ,
тѣмъ тя во вѣки имамъ воспѣвати,
молитвы моя въ день всякъ воздаяти.

Псаломъ 63

Услыши, Боже, гласъ мой, егда ти молюся,
тобою от вражия страха да измуся.
От сонма лукавыхъ мя изволи покрыти,
от собора неправду смѣющихъ творити,

Иже языкъ свой яко мечь золъ изостриша,
на лук свой на вещь горку стрѣлы наложиша,
Еже непорочнаго въ тайнѣ сострѣляти,
сострѣляютъ и́, ниже будут ся бояти.
Еже сѣть скрыти, — слово въ себѣ утвердиша
лукаво, — кто узритъ ю? — с собою мыслиша.
Беззакония во мнѣ излиха[1] искаша,
но исканиемъ своимъ во исчезѣ[2] сташа.
Приступилъ есть человѣкъ, се сердце глубоко,
Богъ же, разсыпав совѣтъ, взнесется высоко.
Стрѣлы младенецъ язвы люты оным быша,
языцы ихъ во онѣхъ силы ся лишиша.
Всякъ, иже видѣ сия, смущенъ удивися
и всяку человѣку страхъ въ сердце вселися.
Дѣла Бога праваго миру возвѣстиша,
его то творение быти разсудиша.
Правый же о Господѣ мужъ возвеселится
и упованиемъ си во ономъ вселится.
Иже прави суть сердцемъ, будутъ ликовати,
ибо Господь изволить от бѣдъ я спасати.

Псаломъ 73

Вскую, Боже, до конца насъ отрѣваеши[3],
на овцы твоя ярость и гнѣвь являеши?
Помяни сонм людей ти исперва стяжаный,
жезлъ достояния ти из всѣх род избраный.
Помяни Сионъ гору, юже ты избрати
изволи, еже на ней въ храмѣ обитати.
Воздвигни руцѣ твои на гордыя люди,
отмститель врагомъ твоим за их злобы буди.
О, коль много зла в твоей святыни твориша!
Ненавидящии тя в силѣ ся хвалиша.
Посреди праздника ти знамения своя
возставляху на мѣста высокая твоя,
Яко победители, а никако знаша,
яко ты подалъ силу за грѣхи им наша.

---

[1] жестоко, чрезмерно; [2] исступлении; [3] отгоняешь.

Яко в дубравѣ, в градѣ сѣчь многу твориша,
[1]сѣчивы и оскорды[1] дверь, стѣны ломиша.
Храмъ твой святый, ахъ, горе! огнем возжегоша,
жилище ти осквернше, в пепел повергоша.
В сердцѣхъ своихъ мыслиша с ужики[2] своими:
отставимъ вся праздники въ Иерусалиме.
А мы знамений твоихъ ни мало видаемъ,
пророка не имамы, конца бѣдъ не знаемъ.
Мним, яко [3]не к тому[3] насъ Господь хощет знати.
яко изволил в руки злыхъ поганъ предати.
Но доколѣ, Боже нашъ, врагъ ти поношаетъ,
имя твое святое въ конецъ раздражаетъ?
Вскую десницу твою в нѣдрѣхъ содержиши?
Время, да руку твою на враги пустиши.
Ты Богъ и Царь нашъ, древле явилъ спасение
посредѣ земли, рѣшивъ[4] людей плѣнение.
Ты силою твоею море утвердити
моглъ еси и в нем главы змием сокрушити.
Тобою и глава ихъ тамо сокрушенна
и в брашно черным людемъ с ними положенна.
Тобою из камене воды изведенны,
а струи ифамския сухи сотворенны.
Твой есть день, твоя и нощь, ты совершил еси
свѣтлу зарю и солнце в безмѣрномъ небеси.
Тобою предѣлъ всякий земли утвердися,
и лѣто со весною чрезъ тя сотворися.
Помяни, Боже, яко врази ти стужиша
нечестивии, имя твое раздражиша.
Не предаждь тым звѣрем душъ, тя Бога знающих,
не забуди в конец душъ, тя прославляющих.
Воспомяни завѣтъ твой, се бо исполненни
домовъ неправды, иже умом помраченни.
Да смиренный со срамом вспять не возвратится,
да нищымъ и убогимъ имя ти славится.
Воскресни, Боже, и прю твою да судиши,
хулы, яже ти весь день, буим да отмстиши.
Гласъ рабовъ ти в памяти твоей да витаетъ,
гордость нелюбящих тя в гору возрастаетъ.

[1—1] топорами и секирами; [2] родственниками; [3—3] уже не; [4] освободив.

Псаломъ 81

Богъ ста во сонмѣ судей разсудити,
како во людехъ тщатся судъ творити.
Доколѣ ложный судъ извѣщаете,
лица мужъ грѣшныхъ права являете.
Сира и вдову право разсуждайте,
смиренна, нища въ правду оправдайте.
Нища, убога от силныхъ измите,
из рукъ грѣшничихъ правыхъ избавите.
Но они сего в разумъ не впустиша.
лицъ приятиемъ помрачени быша.
Основания земли ся смущаютъ,
вся развращенна во мирѣ бываютъ.
Азъ рѣхъ: вы есте бози въ человѣцѣхъ,
вышняго чяда въ настоящихъ вѣцѣхъ.
Вы же, яко плоть, тли ся общаете
и яко единъ от князь падаете.
Воскресни, Боже, земли да судиши,
яко въ языцъхъ всѣхъ ты наслѣдиши[1].

Псаломъ 84

Возлюбилъ еси землю твою, Боже,
Десница твоя плѣненнымъ поможе,
Еже из плѣна имъ ся возвратити,
въ отчествѣ жити.

Изволилъ еси людемъ ти простити
Беззакония и грѣхи покрыти,
Укротилъ ярость, от гнѣва вратился[2],
щедръ имъ явился.

Возврати, Боже, сердца наша къ тебѣ,
Утоли ярость, яже на ны, въ себѣ,
Ярость, еяже не держиши въ вѣки
на человѣки.

---

[1] наследуешь; [2] отвернулся.

Егда къ намъ, Боже, ты ся обратиши,
Благодатию вся ны оживиши,
Людие твои къ тебѣ обратятся,
возвеселятся.

Изволи милость твою намъ явити
И спасение твое намъ дарствити:
Егоже выну от тебе желаемъ
и ожидаемъ.

Услышу азъ, что Богъ о мнѣ вѣщаетъ,
Миръ людемъ своимъ дати обѣщаетъ,
И иже сердца к нему обращаютъ
того да чаютъ.

Близъ боящихся его спасение
И славы в земли нашей вселение,
Яко истинна и милость явися,
в людехъ вселися.

Правда же с миром взаим ся лобзаютъ,
Тѣма людие Богу угождаютъ,
Истинна съ земли, егда возсияше,
свыш правда зряше.

Господь дастъ благость, земля плоды родит,
Пред лицемъ его вездѣ правда ходитъ,
В путь стопы своя имать положити,
при немъ ходити.

Псаломъ 89

Господи, прибежище ты во скорбѣхъ наше
былъ еси от рода в родъ, ты ны защищаше,
Прежде всѣх горъ на земли, свѣтил на небеси,
прежде всѣх сущих вѣчно, Боже нашъ, ты еси.
Человѣка во низость да не отвратиши
ты и обращатися къ благости учиши.
Тысяща лѣтъ у тебе яко день преходитъ
вчерашний или стража нощная отходитъ.

Лѣта человѣческа якоже ничтоже
вомѣняются тебѣ, о превѣчный Боже!
Якоже трава утро красно прозябаетъ,
таже цвѣтетъ, на вечеръ падши изсыхает,
Тако вѣкъ нашъ, гнѣвом бо твоим исчезаем,
яростию твоею смущени бываемъ.
Беззакония наша пред лицемъ держиши,
вѣк нашъ и дѣяния ты пресвѣтло зриши;
А дние наши скоро вси оскудѣваютъ,
от ярости твоея с словомъ исчезаютъ.
Якоже паучина[1] вѣтромъ ся терзаетъ,
тако удобно вѣкъ нашъ пресѣчен бывает,
Вѣкъ дней человѣческихъ до лѣтъ седмидесятъ,
силенъ есть достизаяй до лѣт осмидесят.
Аще выше, то трудъ есть и болѣзнь велика,
мѣхъ[2] болѣзней непщую[3] того человѣка.
Яко кротость прииде на ны, накажемся,
от лукавыхъ налога[4] дѣлесъ распряжемся.
Гнѣва твоего крѣпость кто может познати
и от страха ярость ти под число обяти?
Десницу твою тако изволь ми сказати
и наказание сердце во мудрости дати.
Доколѣ, Боже, годѣ[5]? Уже обратися,
рабомъ твоим смиренным умоленъ явися.
Утро милости твоя, Боже, получихомъ,
веселия, радости исполнени быхомъ;
Вся дни веселихомся за дни смирения
и за лѣта лютаго от врагъ плѣнения.
Призри на рабы твоя и на дѣла своя,
и настави сыны ихъ, буди милость твоя.
И буди свѣтлость на насъ Господа нашего,
яко мы уповаемъ на благодать его.
Дѣла рукъ нашихъ на насъ, Боже нашъ, исправи
и все дѣло рукъ нашихъ утверди, управи.

---

[1] паутина; [2] мешок; [3] считаю; [4] угнетения; [5] угодно.

Псаломъ 100

Милость ти и судъ, Боже, прославляю,
чистъ путь шествуя, пою, да познаю.
Когда ты ко мнѣ хощеши приити,
тайны святыя рабу ти явити.
Незлобно сердце хранихъ в моемъ дому,
не желахъ вещи отъяти никому;
иже законъ твой дѣлы преступаху,
во ненависти тии моей бяху.
Сердце лукаво мнѣ не прилѣпися,
презрѣхъ, кто от насъ к злобѣ уклонися.
Иже ближнихъ си тай оклеветаше,
из моихъ лика[1] изгонимь бываше.
Со гордымъ окомъ пищъ не причастихся,
с несытным сердцемъ хлѣбомъ не сытихся[2].
Очеса моя вѣрныхъ мужъ искаху,
мнѣ сицевии вездѣ присѣдаху[3].
И непорочнымъ кто путемъ хождаше,
сей в дворѣ моемъ рабъ мнѣ честенъ бяше.
Творяй гордыню не жилъ в моемъ дому,
лживому спѣти[4] дахъ ни единому.
Грѣшныя тщахся скоро избивати
из земля, дабы имъ не постояти,
Вси, иже законъ дѣлы преступаху,
з града Господня истреблени бяху.

Псаломъ 102

Душе моя, Господа да благословиши,
утробо моя, имя его да славиши.
Благослови, о душе моя! пресвятаго,
не забывай всѣхъ благихъ творений онаго,
Иже беззакония твоя очищаетъ
и вся недуги твоя скоро исцѣляетъ.
От истлѣния жизнь ти избавляющаго,
милостию, щедроты тя вѣнчающаго;

---

[1] собрания; [2] насыщался; [3] сидели рядом; [4] преуспеть.

Иже ти желание въ благихъ исполняетъ,
в юность тя, яко орла ветха, обновляетъ.
Творяй милостыню Богъ и судъ обидимымъ,
от враговъ нечестивых жестоко томимымъ,
Сказа пути Моисию си изволения,
сыномъ израилевымъ своя хотѣния.
Щедръ и милостивъ Господь и долготерпящий,
и кающимся милость многую творящий,
Не в конецъ гнѣвается, ни вѣчно враждуетъ,
не по беззакониемъ нашым казнь дѣйствует.
Ни по грѣхомъ нашым намъ изволилъ воздати,
но елико от земля небу отстояти
Утвердилъ есть милость си над страхъ имущими
и пресвятое имя егово чтущими.
Елико от запада востокъ удаленны,
толико злобы наша от насъ отриненны
Богомъ, иже якоже отецъ ущедряетъ
сыны, боящымся и́, милость проявляетъ.
Ибо той создание наше совершенно
позна, яко персть[1] есмы, творение тлѣнно.
Человѣкъ, яко трава, а вѣкъ исчезаетъ,
якоже цвѣтъ на селѣ[2] скоро отцвѣтаетъ,
Ибо духу, изшедшу с него, не бываетъ,
к тому мѣста своего в мирѣ не познаетъ.
Милость же Господня есть от вѣка до вѣка
на право боящася его человѣка,
Правда его на чадѣхъ чядъ имать пребыти,
хранящих завѣт тщивых заповѣдь творити.
Господь в небеси престолъ себѣ утвердилъ есть
и вся царствия власти своей подчинилъ есть.
Вси аггели силнии, ублагословите
Бога, иже въ крѣпости гласъ его творите.
Благословите Бога и вся силы его,
слузи, творящии гласъ Господа своего.
Благословите Бога, вся его дѣлеса,
вся, яже миръ содержитъ и яже небеса.
На всяцемъ мѣстѣ, имже Господь обладаетъ,
душа моя Господа да благословляетъ.

---

[1] прах; [2] на поле.

Псаломъ 103

Душе моя, Господа да благословиши!
Господи, коль великъ ты и страшенъ ся зриши!
Во славу и лѣпоту еси облеченный,
яко ризою, свѣтомъ многимъ обвиенный,
Ты небо, яко кожу, изволи пропяти,
превыспрняя водами своя покрывати,
Ты в восхождение ти еси полагаяй
облаки и онѣми аеръ претекаяй.
На крилѣхъ скоротечна вѣтра ты ходиши,
невещественны духи аггелы твориши, —
И во видѣ паляща огня служатъ тебѣ
раби твои, иже тя пѣснословятъ в небѣ.
Тобою на тверди си земля основанна,
и во вѣки не будетъ та поколебанна.
Ону, якоже риза, бездна одѣваше,
и на горахъ высокихъ вода вездѣ бяше.
Но запрещениемъ ти воды низпадоша,
на гласъ грома твоего въ море низтекоша;
Горы быша велия, поля ся постлаху,
идѣже основу си и мѣсто прияху.
Предѣлъ водамъ изволилъ еси положити,
егоже не возмогутъ вѣчно преступити.
Ни обратятся паки землю покрывати,
но въ ложах своихъ имутъ во вѣки стояти.
Во дебрѣхъ источники, Боже, изводиши
и посредѣ горъ воды обилны точиши,
Да вся звѣри селныя въ жаждѣ напаяютъ
и онагровъ[1] притекших жажду утоляютъ.
К тымъ небесныя птицы тщатся прилѣтати,
въ каменехъ поющыя, жажду утоляти.
Тобою от превыспрнихъ[2] горы пиютъ воды,
земля ся насыщаетъ дѣлесъ твоих плоды.
И сыта сущи, пажить[3] скотомъ прозябаетъ,
траву людем во службу и хлѣбъ в пищу дает;
Вино во веселие человѣкомъ родитъ,
елей лице мастити, хлѣбъ [4]во крѣпость[4] плодит.

---

[1] диких ослов; [2] небес; [3] пастбище; [4—4] для силы.

Тѣми древа польная себе насыщаютъ
и кедри ливанстии вѣтви оживляютъ,
Иже саждение суть твоея десницы,
в ихже зеленых вѣтвѣх гнѣзда виютъ птицы;
Ту и еродий[1] свое гнѣздо полагаетъ,
иже яко вождь птицам всѣмъ оным бываетъ.
Еленемъ высокия горы прибѣжище;
камень паки заяцемъ малым пристанище.
Ты въ знамение временъ луну создалъ еси,
солнце тобою западъ[2] вѣсть свой на небеси.
Далъ еси тму, и бысть нощь: в нейже претекают
звѣрие дубравнии, пищу уловляютъ;
Скимни[3] исходятъ, да бы звѣря похитити,
рыкаютъ от Бога снѣдь себѣ испросити.
Солнцу же возсиявшу, паки ся сбираютъ
и, шедше в ложа своя, сыти возлегаютъ.
Тогда человѣкъ дѣло исходить творити
и даже до вечера в трудѣхъ своихъ быти.
О, коль велия дѣла тобою явленна,
вся суть мудростию ти, Боже, сотворенна!
Земля твари твоея вездѣ исполнися
и море пространное съ нѣдры сотворися;
В немъже безчисленнии гади преплаваютъ,
малая с великими, по водамъ играютъ;
Ту корабли плаваютъ, и змий лютъ играетъ,
иже от малыхъ рыбицъ ругаемь бываетъ.
Вся же сия от тебе, Боже, пищи чаютъ,
юже во благо время данну получаютъ;
Иная собравше ю тщатся сохранити,
да бы во будущее время сытымъ быти.
Отверзшу тебѣ руку — благъ ти исполнятся
вся; отвращшу же лице твое — возмутятся;
Аще отимеши духъ — вся та исчезаютъ
и в персть, из неяже суть, паки ся вращаютъ;
Пославшу же ти духъ твой, — все ся созидаетъ,
и лице земли свѣтлость свою обновляетъ.
Буди убо Господня слава безконечно,
возвеселится Господь в дѣлѣхъ своихъ вѣчно!

[1] аист; [2] закат; [3] Львы.

Иже егда на землю свыше призираетъ,
трястися ей пред лицемъ своимъ сотворяет:
А егда ся высокимъ горамъ прикасаетъ,
тогда множество дыма на нихъ возкуряетъ.
Воспою Господеви азъ Богу моему,
дондеже имамъ жити, пою славу ему.
Токмо бесѣда моя ему да сладится,
а духъ мой о Господѣ превозвеселится.
Да исчезнутъ от земля злобнии грѣшницы,
да к тому ниже будутъ вси беззаконницы.
Ты же, о душе моя, потщися хвалити
Господа, дондеже ти во существѣ быти.

Псаломъ 111

Блаженъ мужъ, иже Господа боится,
Заповѣдь его соблюдати тщится;
Силно на земли будетъ его сѣмя,
на всяко время.

Родъ правыхъ будетъ преблагословенный,
И домъ въ богатство, в славу умноженный,
И правда его вѣчно пребываетъ,
Богъ соблюдаетъ.

Правымъ и во тмѣ обыче сияти
Свѣтъ, яко живутъ выну въ благодати
Бога всещедра и праведна суща,
ихъ милующа.

Благий мужъ любитъ от своихъ даяти
И слово въ судѣ умомъ разсмотряти,
Да не погрѣшитъ, но недвижимъ будетъ,
въ правдѣ пребудетъ.

Во память вѣчну правый сохранится,
От слуха злаго онъ не убоится,
Готово сердце уповати его
въ Бога своего.

Утверженъ сердцемъ сый не устрашится,
Даже врагъ его пораженъ смирится,
Расточи нищымъ, между человѣки
правъ есть во вѣки,

Рогъ же онаго въ славѣ вознесется,
Что грѣшникъ видя, гнѣвомъ разжежется,
Схнущъ[1] поскрежещетъ, а чесо желаетъ,
все исчезаетъ.

Псаломъ 114

Возлюбихъ, яко Господь гласу молитвъ вняти
моихъ изволи, ухо приклоненно дати;
того азъ выну имам в помощь призывати,
донелѣже духъ в плоти будетъ пребывати.

Уже болѣзни смертны обяли мя бяху,
бѣды адовы, мене обрѣтше, стужаху,
скорбь и болѣзнь лютую обрѣтохъ, убогий,
и бѣх пред гонившым мя в конецъ изнемогий.

Призвахъ имя Господне: «Боже, душу мою
избави от всѣхъ лютых за всеблагость твою».
Господь же щедрый, правый, милость проявляетъ,
иже, яко младенцы, простых соблюдаетъ.

Смирихся, и спасе мя. Ты же, душе моя,
возвратися во сладость твоего покоя,
яко благо сотвори благий Господь тебѣ,
избави тя от смерти живущий на небѣ.

Очи моя избави от слезъ точения,
нозѣ паки мои от поползновения.
Азъ убо пред Господемъ благоугодити
хощу, во странѣ живых вѣчно и хвалити.

[1] Зачахнув.

Псаломъ 129

Из глубины азъ сердца воззвахъ, Боже, к тебѣ,
услыши гласъ мой, иже царствуеши в небѣ,
Да будутъ уши твои ко мнѣ приклоненны,
гласъ молитвы моея да будетъ внушенны.
Аще беззакония, Господи, назриши,
никто от насъ постоит, яко самъ то зриши,
Яко очищение у тебе самаго,
пречиста и пресвята, суща единаго.
Ради имене свята твоего, мой Боже,
терпѣ тя душа моя и не изнеможе.
Терпѣхъ слова твоего, духъ мой уповаше
на Господа, иже ми еже быти даше.
От стражи утренния до темныя нощи
да чаетъ от Господа Израиль помощи,
Ибо Господь людемъ си милость изливаетъ,
избавление много от него бываетъ.
А Господь Израиля имать избавити
от беззаконий его и щедръ ему быти.

Псаломъ 132

Се что толь добро или красно зрится,
Яко в братии аще сохранится
Любовь правая: еже вкупѣ жити,
другъ друга чтити.

Якоже миро благовонно бяше,
Еже из главы на браду схождаше
Ааронову и на ризъ ометы[1]
прекрасныхъ цвѣты.

И яко роса, яже Аермона
Плоднаго творить и гору Сиона
Благополезна: тако есть благая
любы святая.

---

[1] кайму.

Ибо идѣже та ся обрѣтаетъ,
Ту вся благая Господь посылаетъ
и благословить жити человѣки
долгия вѣки.

Псаломъ 136

На рѣкахъ вавилонскихъ сѣдяще плакахомь,
егда градъ любезнѣйший Сионъ поминахом.
на вербиихъ органы повѣсихомъ наша,
яко пленившии ны излиха стужаша[1],

О словеса пѣния прилѣжно нудяще,
«Воспойте намъ от пѣсней сионскихъ», — веляще.
Мы же како воспоемъ пѣснь Бога живаго
на земли чуждей, в плѣнѣ царя поганскаго?

Аще тя, граде Божий, дерзну азъ забыти,
забуди, рука моя, дѣла си творити;
прилпни, языкъ, гортани, аще поминати
не буду тя, Сионе, внегда ми в ликъ[2] стати.

Помяни, крѣпкий Боже, что намъ сотвориша
сынове едомстии, егда градъ плѣниша,
вопияху свѣрѣпо: «Весь градъ истощайте[3]
до оснований его, родъ золъ истребляйте!»

Но, о дщи Вавилона, окаянна зѣло!
Блаженъ, иже воздастъ ти за ны равно дѣло,
блаженъ, иже потщится твоя похищати
младенцы и о камень твердый разбивати,

Псаломъ 139

Изми мя, Боже, от мужа лукава,
От человека избави неправа,
Иже въ сердцѣхъ си лести умыслиша

---

[1] мучили; [2] хор; [3] разрушайте.

И брани на мя по вся дни строиша.
Языкъ свой яко змиинъ изостриша,
Ядомъ аспидскимъ уста исполниша.

Храни мя, Боже, от рукъ нечестивыхъ,
От человѣкъ мя изми неправдивыхъ,
Иже стопы ми запяти[1] смыслиша,
Сѣти и ужа[2] ногамъ моимъ скрыша,
При стези моей соблазнъ полагаютъ,
Но уста моя къ тебѣ восклицаютъ.

Ты Богъ мой еси, изволь мя внушити[3],
Яко изволилъ въ спасение быти
Въ день брани, силу на враги ми дая
И от тѣхъ главу мою покрывая.
Не даждь мя врагомъ, иже мя желаютъ,
Не остави мя, да ся не възношаютъ.

Вождь обстоящихъ мя да возмутится,
Совѣтъ устъ лстивых в зло имъ да вратится,
Огнь да сожжетъ я, ты же низложиши,
Въ страстѣхъ отрады имъ не сотвориши.
Мужъ велерѣчивъ здѣ не исправится,
Неправый во тлю злобы уловится.

Азъ познахъ, яко Господь сотворити
Судъ имать нищым, за убогихъ мстити.
Праведнии же имутъ хвалу дати
Имени его и честь содѣвати,
За что пред лицемъ Господнимъ вселятся
Правии сердцемъ и возвеселятся.

Псаломъ 145

Хвали, душе моя, Бога твари всея, —
До конца и жизни восхвалю моея.
Пѣснь Богу моему имамъ воспѣвати,
Дондеже в существѣ дастъ ми пребывати.

---

[1] зацепить; [2] путы; [3] услышать.

Надежды во князѣхъ вси не полагайте,
Въ сынѣхъ человѣчихъ вы не уповайте,
Яко спасение в нихъ не обитаетъ;
Изшедшу бо духу, плоть ся в прах вращаеть,
А помышления тогда исчезаютъ,
Ибо умышленныхъ дѣлъ не содѣваютъ.
Блаженъ человѣкъ есть, емуже от Бога
Иаковля помощь и надежда многа
На Господа жива, иже сотворилъ есть
Небо, землю, море и вся исполнилъ есть;
На Господа, во вѣкъ истинну храняща
И судъ обидимымъ людемъ си творяща,
Алчущымъ доволство пищи дающаго,
Окованныя же люди рѣшащаго[1].
Господь умудряетъ во людехъ слѣпыя,
Возводитъ падшыя, любитъ праведныя,
Господь хранитъ странныхъ[2], сира же и вдову
Восприяти имать десницу готову.
Путь человѣкъ грѣшныхъ имать погубити,
Самъ же имать вѣчно Царь превелий быти,
Богъ твой, о Сионе, от рода и в роды,
Единъ Царь и Господь небесны породы.

Къ гаждателю

Хулникъ стиховъ Омирих[3] нѣкто Зоилъ бяше,
писаниемъ си славу онаго терзаше;
Но ничто успѣ в людехъ, всѣми бо познася,
яко съ зависти его та хула зачася.
Славу хотя во мирѣ хулою стяжати,
во вѣки имать не честь зависти страдати.
Тѣмъ обычно ся в книгахъ Зоилъ нарицаетъ,
кто чужда писания без вины гаждаетъ.
Мню аз, яко и нынѣ живетъ Зоилъ в чадѣхъ
нрава хулы своея и в российских градѣхъ;
Не мню токмо, но и вѣмъ, — ибо еще труди
сии свѣта не зрѣша, ни внидоша в люди,

[1] освобождающего; [2] странствующих; [3] Гомера.

А уже хулители завистнии слово
лукавое* имѣша во устѣхъ готово.
Колми паче узрѣвше потщатся хулити
трудъ сей, да бы хулою славу получити!
Но, злый Зоиле, полза тебѣ о семъ кая?
Зависти, хулителства, слава злому злая —
Конец Зоилев золъ бѣ, и ты соблюдися,
да не тожде страждеши: от зла отвратися.
Вскую труды моя злѣ тщишися судити,
самъ не хотя, ни могущь точныхъ положити?
Не разумъ тя, но злоба на то понуждаетъ:
завистникъ вся, якъ сова солнце, обхуждаетъ.
Друже, престани зубы твоя изощряти, —
азъ есмь сынъ Церкве вѣрный, а она ми мати;
Аще погрѣшихъ нѣгдѣ, она вѣсть простити —
и нѣмоту чадъ своихъ вѣсть мати любити,
Ейже азъ всесмиренно главу преклоняю,
прощения, аще гдѣ погрѣшихъ, желаю.
Ты вскую[1], [2]любве праздный[2], идѣже есть право
явѣ, да мудръ зришися, судиши лукаво?
Но не сей путь есть славы в людехъ стяжания,
паче вредъ се добраго есть непщевания.
Аще ти далъ Богъ разумъ, ты сам потрудися,
не в чуждих дѣлѣх смыслен, но в твоих явися:
Ибо то буйство паче, не мудрость судится,
егда кто хулением чуждих дѣлъ хвалится.
Виждь же, камо тя зависть твоя устрояет,
идѣже отецъ ея демонъ обитаетъ.
Но азъ не желаю ти тамо съ врагомъ быти,
паче, любовь стяжавшу, с Богомъ вѣчно жити.

[1] для чего?; [2—2] неспособный любить.

АРХИМАНДРИТ ТИХОН

ВИРШИ ИЗ «ЛАТУХИНСКОЙ СТЕПЕННОЙ КНИГИ»

Творецъ и Создатель Богъ всему,
и всей твари, служащей ему;
Христосъ, истинный всехъ *Спас*итель,
Отецъ явися и Зиждитель;
Неизрѣченнымъ же совѣтом
многимъ сый озари нас свѣтомъ;
О твари бо всей той промыслилъ,
но и насъ спасти всехъ умыслилъ.
Аще и в послѣднее время,
хотя облехчити намъ бремя,
От тмы насъ на свѣтъ произведе,
благодать крещения даде,
Омылъ наше согрѣшение,
загладилъ все прегрѣшение.
Егда у российскихъ жителей
не бысть благих учителей,
Андрей апостолъ к нимъ приходилъ,
человѣкъ тамъ сущихъ просвѣтилъ:
А прежде его учения
ходиша во тмѣ блужения,
Купно вси идоломъ служаху,
немало отрочатъ имъ жряху[1],
И по семь паки прелстишася,
грехми злѣ обременишася,
Идоломъ вся покоришася,
солнцу и огню поклонишася.
И еже они то творяху,
яко тѣмъ Бога раздражаху,
Но той о них же промышляетъ,
еже бы спасти, умышляетъ:
[2]Треми времени[2] ихъ уверялъ,
разныхъ философовъ присылалъ,
Учитель приходилъ к нимъ Кириллъ,
другий же святитель Михаилъ.*

---

[1] приносили в жертву; [2—2] Троекратно.

Но они жестосерди быша,
 о ползѣ своей не рачиша[1],
Писмена азбуки прияша
 и паки о вѣрѣ не вняша:
Сердца бо ихъ окаменена,
 а злоба лютѣ вкорененна.
Христос же самъ, благий учитель,
 дивный о насъ промыслитель,
Олгу, великую княгиню,
 в россах избра сию едину.
Она *у*бо в Царьград отиде,
 любезно в крещение вниде,
Немедленно же возвратися,
 учити россовъ укрѣпися.
Желаше бо сына своего,
 еже бы окрестити того.
Младому же своему внуку,
 зѣло дая ему науку,
Да егда той в возрастъ прииде,
 учение се благо видѣ,
Закону святу научися,
 а потомъ Владимеръ крестися.
Сего ради и киевляне,
 еже по нихъ и россияне
Вси крещение восприяша,
 зѣло же сие возлюбиша,
Яко единѣми устнами
 хвалу *Богу* приносят с нами.
Возвѣщаетъ о нихъ преславно
 лѣтописецъ книга пространно.
А еже здѣ преднаписася,
 велми же мало изяснися —
Российскихъ князей всехъ начало,
 у варягъ Рюрику зачало.
Живяще сей князь некрещенный,
 егоже сынъ непросвѣщенный.
Лѣтом же многимъ мимошедшимъ,
 триемъ *княземъ у*же прешедшимъ,*

[1] не радели.

От тѣхже коленъ порожденный,
Владимеръ князь перво*кре*щенный,
Он в России вѣру насади,
древний же закон в ней расплоди.
С того убо бывшаго лѣта
купно вся сыны быхомъ свѣта,
Увѣри бо Христосъ всѣхъ киянъ,
юныхъ и старѣйшихъ россиянъ,
От перваго князя благаго
до *д*нешняго царя святаго.
Архиереи, учители,
Христовы же вся святители
Вся народы увѣщаваютъ,
любовно в законъ научаютъ.
Егда же се мы презираемъ,
тогда неблагъ путь избираемъ.
От любви *бо* все содержится,
свято жити намъ поспѣшится,
Един добраго предуспе*е*тъ,
добрымъ дѣломъ обогатѣ*е*ть.
Мнози в России просияша,
трудами во царство внидоша,
Иночествомъ и постничеством,
страдалческимъ мученичествомъ;
*Я*же от варваръ пострадаша,
щедроты от Бога прияша.
Сихъ бо всехъ писахомъ жития,
трудна[1] ихъ благая бытия.
О царѣхъ и князѣхъ российскихъ,
о святителех всѣхъ московскихъ
Сей лѣтописецъ возвѣщаетъ,
многий нам разумъ просвѣщаетъ:
Древле бывшая вся времена,
единовѣрных намъ племена,
Степени царския и роды,
яже державства ихъ и годы,
Тѣх же временъ благоденствие,
страшно же бысть и злоде*н*ствие:

---

[1] подвижнические.

Единовѣрныхъ междоусобство,
диаволе же всеудобство
Многихъ человѣкъ погубило,
остриемъ меча порубило.
Егда кто хощетъ испытати,
вся тыя мятежи исчитати,
Много сию книгу прочитай,
ею*ж*е вся вещи познавай.
Совершенно в ней все будешь знать,
еже и инымъ можешь сказать:
Царства российскаго зачало,
еще и Киева начало,
Но и о Казани сказася,
о Сибири не умолчася;
Егда же самъ Богъ благоволи*л*ъ,
множество сихъ царствъ соединилъ
Въ едино царство Московъское,
рекомое Всеросийское.
И еже о семъ здѣ писася,
ибо и о всемъ не солгася.

МАРДАРИЙ ХОНЫКОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ К БИБЛИИ ПИСКАТОРА*

К ЧИТАТЕЛЮ

Мудрости слава буди Богу Подателю,
Отцу, Сыну и Духу, мира Создателю,
Научившему дѣло се благо начати,
А благоволившему в ползу всѣхъ скончати,
Художнѣ[1] лица в книзѣ сей изображенна,
Мѣрными славенскими стихи изьясненна.
А сие бысть тщаниемъ мужа всеблагаго,
Рачителя писаний весма предрагаго.
Добръ убо сей, добрыхъ же желатель совершенъ,
Афанасий именемъ, Иоанномъ рожденъ,
Рекомый Федосиевъ, иже мя понуди;*
Иисусъ же Христа сей царства общникъ буди!
И сице азъ преслушникъ золъ в сем не смѣхъ быти,
Худоуменъ сый, дерзнухъ сия сочинити.
Обаче, читателю, изрещи дерзаю:
Не даждь зоилу мѣста, тебе умоляю,
Иже завистливъ сый врагъ и благихъ не щадяй,
Коваренъ бо злый, сему никогда же внимай,
Онаго злобу тщетну присно повергая,
Весело же на худы труды призирая,
Твоею мудростию грубая исправи,
Рабу же милостиве твоему остави.
Усердие мое в семъ болѣе возлюби,
Долгихъ же моихъ трудовъ вотще не погуби.
Издавый седмь тысящь сто осмьдесят седмаго,*
Лѣпо хвалити должнствую Творца благаго,
Строящаго все, еже есть угодно ему,
Яко Царю и Богу, за вся слава тому.

Зрелище сие есть книгъ божественныхъ,
Ветхихъ и новыхъ повѣстей священныхъ.
Мѣдными дсками бысть изображенно,
Хитрыми зѣло творцы сотворенно,

[1] Живописно.

Иже прежде сихъ временъ в мирѣ быша,
И иже в сия времена пожиша:
Преизрядныи иконъ писатели
И мудрии сихъ весма ваятели.
Сия же собра с велиимъ тщаниемъ
И произведе въ миръ *съ* прилѣжаниемъ
Муж мудръ Николай сынъ Иоанновъ сый
Пискаторъ зовомъ, художество се имый,
Тысяща шесть сотъ седмьдесят в четвертомъ
Лѣте по Христѣ, на крестѣ простертомъ.

⟨БЫТИЕ⟩

Дѣла Божия здѣ изображенна,
Яже в семъ мирѣ дивно сотворена,
Зрителю честный, на сия взирая,
Благотвори же, Творца прославляя.

Да будетъ свѣтъ сей, Богъ повелѣваетъ,
И от тмы его дивно раздѣляетъ.
Свѣтъ убо день, тму же нощь нарицаетъ
И, яко премудръ сый, се содѣваетъ.

Богъ словомъ воды многи раздѣляетъ
И твердь премудро зѣло устрояетъ,
Часть убо водъ сихъ [1]горѣ возвождаетъ,
Долѣ[1] же паки ихъ совокупляетъ.

Во едино Богъ воды собираетъ,
Сушу же землю быти уставляетъ.
Собрание же водъ море назвася,
И земный красенъ всякъ плодъ показася.

Свѣтилъ бытиемъ вся Богъ просвѣщаетъ
И красоту звѣздъ преславно являетъ,
Устрояя имъ чинно хождение,
Временъ же и лѣтъ во управление.

[1—1] вверх поднимает, внизу.

Земля различны скоты испущаетъ,
  Море же рыбы многи порождаетъ,
Птицъ же множество парящихъ бываетъ,
  Яже премудрый вся Богъ содѣваетъ.

Животна многа земля производитъ, —
  Гады и всяка звѣря, иже ходитъ.
По сихъ Творецъ Богъ соблаговоляетъ
  И человѣка святѣйша сотворяетъ,

Прочихъ умнѣйша и твари владыку,
  Ему бо быти достоитъ толику.
Еще же ему помощь устрояетъ, —
  Из ребра его жену созидаетъ.

Господь в Адама вдохну духъ живота,
  Да божественна в немъ будетъ красота.
Скотов же и птицъ представи предъ него,
  Да нарекутся *имена* отъ него.

Господь Богъ жену Адаму сотвор*ивъ*
  И супружество свято благословивъ,
На востоцъ рай красенъ насаждаетъ
  И в немъ убо ихъ жити устрояетъ.

Хитрѣйший звѣрей змий Еву прелщаетъ
  И заказан[1] плодъ ясти ей вдаваетъ.
Она же плодом прекраснымъ прелщенна,
  От лстиваго же змия наущенна,
Вдаде Адаму, да ястъ от него,
  И бысть убо всѣмъ смерть вѣчна от сего.

Господь Адама таящася зоветъ
  И со гнѣвомъ: гдѣ еси ты, — вопиетъ.
Он же со страхомъ к нему отвѣщаетъ
  И, яко нагъ есть, о себѣ являетъ.
Господь же, казнивъ всѣхъ, в вѣкъ проклинаетъ,
  На нихъ же ризы кожные[2] налагаетъ.

---

[1] запретный; [2] одежды из кожи.

Аггеломъ Адамъ из рая гонится
И окаянно здѣ жити строится.
Се же сотвори имъ преслушание
И *въ* бѣдно введе ихъ пребывание.

[1]В болѣзни[1] Ева отроча раждаетъ,
Адам же бѣды многи обрѣтаетъ,
Съ болѣзнию бо присно труждается,
Да самъ нужно[2] брашны препитается.

Благи дары Богъ Авеля приемлеть,
Каиновы же молбы злы не внемлетъ.
В семъ на брата злѣ Каинъ смущается,
От Бога же золъ сый обличается.

Завидѣвъ[3], Каинъ брата убиваетъ
И свята мужа, золъ сый, погубляетъ,
За сие же мзду должну приимаетъ
И въ вѣчнѣй клятвѣ[4] злый сей погибаетъ.

Горцѣ рыдаютъ сына убиенна
Отецъ и мати, зряще умерщвленна,
Богу же жертву о немъ приношаютъ
И ужасшеся о семъ разсуждаютъ.

Енохъ в Божии страсѣ прежилъ лѣта
И, угодивъ, взятъ бысть от сего свѣта,
Подавъ образъ всѣмъ в вѣре здѣ живущимъ,
Яко вземлются от здѣ к т*а*мо сущимъ.

Ною повелѣ Богъ ковчегъ создати
И от всѣх родовъ во нь [5]два два[5] прияти,
Да человѣческъ родъ в потопъ спасется,
Также и всякъ звѣрь живъ соблюдется.

Вниде Ной в ковчегъ со всѣмъ своимъ домомъ,
Птицъ же и звѣрей всѣх со всякимъ родомъ,
Яже на земли и воздусѣ зрятся,
Да и отъ потопа вся вкупѣ хранятся.

[1—1] В муках; [2] с трудом; [3] Позавидовав; [4] проклятии; [5—5] по два.

По днехъ же бездны отверзошася водъ
И потопиша землю и всякъ живъ родъ.
Сташа же воды многи над горами,
Ковчегъ же бяше блюдомъ[1] надъ водами.

Из ковчега Ной со всѣми исходить,
Звѣри же и вся, яже с нимъ, изводитъ,
Паки на земли строя селение,
Да будетъ от всѣхъ плодъ и рождение.

Принесе Богу Ной всесожжение,
Господь же прия се приношение,
Ноя и сыны в вѣкъ благославляя
И завѣтъ вѣчный съ ними поставляя,
Яко не имать потопъ паки быти,
Знамя[2] имъ мира изволи явити.

Ной успе[3], виномъ упився, обнаженъ,
Отъ злаго сына Хама бысть осужденъ.
Симъ же и Афетъ, вспять[4] шедше, покрыша
Наготу отца, а не укориша.
Востав же, сия вся Ной познаваетъ,
Проклявъ зла сына, сихъ благословляетъ.

Егда в языцѣ единомъ людъ бяше,
Столпъ же вавилонскъ здати умышляше.
В земли Сенааръ жити вселяется
И к дѣлу столпа уготовляется.

Высоко зѣло бысть столпа здание
И презѣлное[5] людей в семъ тщание,
Да до небесъ верхъ его имать быти,
В немъ бо желаху безбѣдно прежити.

Богъ человѣческъ совѣтъ слабъ являетъ,
Зѣло же высокъ зданъ[6] столпъ разоряетъ,
Смѣсивъ языки, симъ казня злу дерзость,
Высокое бо все есть пред нимъ мерзость.

---

[1] сохранен; [2] Знак; [3] заснул; [4] задом; [5] огромное; [6] построенный.

Тѣмже другъ друга гласа не познаша
И, раздѣлшеся, столпъ здати[1] престаша.

*

Иосифъ, иже отцемъ любящеся
Паче всѣхъ братий, сему се *с*н*я*шеся[2],
Яко бы в поли с братиею жняше
И вкупѣ с ними во свой снопъ вязаше;
Но его снопъ, ставъ прямо, утвердися,
Оныхъ же ниско сему поклонися.
Пакиже — солнце зряще со звѣздами
Поклоншиися пред его ногами.
Сия сония[3] ему честь являху,
Но во братии злу зависть раждаху.

Иосифъ отцемъ к братии послася,
Но ими, яко злодѣй, сей прияся.
Той ношаше имъ благословение,
Они же тщатся на убиение:
Ем*ш*е бо его, в ровъ глубокъ ввергаютъ,
По семъ извлекше, купцемъ продаваютъ.

Иосифъ в Египетъ купцами отведенъ,
В немже велможе честну бяше врученъ.
Сей над всѣмъ домомъ его поставляетъ
И, да владѣетъ во всѣхъ, власть вручаетъ.
Сего зла жена Иосифа нудитъ,
Похитивши и́ нагло, да соблудитъ.
Он же, оставивъ ризу, вонъ бѣжаше,
Творити бо зла сего не хотяше.

Сѣдяй въ темницѣ Иосифъ толкуетъ
Сны, сосѣдящихъ с нимъ исповѣствуетъ,
Яко честь паки винарю[4] вратится,
Житар[5] же по днехъ царемъ умертви*т*ся.

Сония царю фараону зрятся —
Тучныя седмь кравъ худыми требятся[6].

---

[1] строить; [2] снилось; [3] сны; [4] виночерпию; [5] Смотритель житниц; [6] поедаются.

Такожде класы седмь пресовершенны,
  Яже от седми тощихъ зритъ снѣденны.
Сия Иосифъ ему излагаетъ,
  Седмь кравъ и класы седмь лѣтъ предъявляетъ.
В нихже обилство плодовъ всякихъ будетъ,
  По сихъ седмь же лѣтъ гладъ велий пребудетъ.

Братии жита Иосифъ продаетъ,
  Устрашая же, ихъ злодѣями зоветъ;
О отцѣ бо ихъ хощетъ вопросити,
  Себѣ же от нихъ мыслитъ утаити.
Тии же пред нимъ от страха падоша
  И, яко вси суть братия, рекоша,
Сказавше еще юна брата в дому,
  Он же повелѣ приити и тому.

Паки братия въ Египтѣ приидоша,
  Иосиф*у* же брата приведоша
Вен*и*амина, яко заповѣда,
  И быша царска общницы обѣда.
Иосифъ же, зря брата, умилися,
  Таяся же ихъ, отшедъ — прослезися.

Таже повелѣ жита наложити
  Во вретища[1] ихъ и чашу вложити
Въ юнаго брата мѣхъ[2], да ихъ удержитъ
  И, яко братъ ихъ есть, о себѣ явитъ.
По семъ, [3]даровавъ честно[3], возвращаетъ
  К отцу, егоже узрити желаетъ.

⟨КНИГА РУФЬ⟩

Руфъ иновѣрна люд свой оставляет
  И при свѣкрови в дому обитаетъ.
Орфа бо в свою страну отхождаетъ,
  Онаже паче свекровь возлобляетъ.

На нивахъ класы Руфа собираетъ,
  Воозъ же ону к себѣ присвояетъ,

---

[1] одежды; [2] мешок; [3—3] щедро одарив.

Повелѣ рабом ю отгоняти,
Да от его житъ имать ся питати.

Свекрове совѣт Руфъ исполняет,
К спящу Воозу у ног возлегаетъ.
Ощутився[1] же он, ю познаваетъ
И в мужа быти ей обѣщаваетъ.

Близший южики[2] сапогъ изуваѣт
Во свидѣтелство, яко не желает
В жену сродную Руфу восприяти,
Да Ваозов бракъ может состояти.

⟨ПЕРВАЯ КНИГА ЦАРСТВ⟩

Давидъ, еще юнъ сый, овцы стрежаше
И челюсть звѣря люта сокруш*аше*,
Медведя и лва крѣпцѣ преборая
И от зубов их агнцы исхищая.
Сице и Христосъ о насъ побораетъ,
Жало смерти же и ада стираетъ,
Отъ зубов злаго вѣрныхъ сохраняя
И в горню пажить[3] присно возвождая.

Голиада *зла* Давидъ побѣждаетъ,
Велика зѣло, малъ сый, умерщвляетъ;
Исторгнувъ *же* мечъ, главу отсѣкает
И противных полкъ в бѣгство обращаетъ.

Злохитрый Саул Давиду зло творит,
Поучается, да его погубить.
Егда же злый дух Саула томяше,
Давидъ, играя в гусли, отгоняше.
На нь же копие Саул устремляет,
Но Давида Богъ дивно сохраняетъ.

В пустыню Давидъ зѣлну отхождает,
Пищи же ради рабов посылаетъ

---

[1] Очнувшись; [2] родственник рабыни; [3] пастбище.

К Навалу, овцы своя пасущему,
И стяжание многа имущему.
Он же, злонравен сый, ихъ презирает
И Давида, злѣ хуливъ, укоряетъ.

Авигеа зло, еже бысть, познавши,
Хлѣбы же многи и вино приявши,
Грядет Давиду сия предложити,
Да возможет гнѣвъ его утолити.

Грядуща з брашны Давида сретает
Авигеа, сим его примиряетъ,
К ногам же падши, прощения просит
Своему мужу и дары приносить.
Он же мудру ю жену нарицает
И, уставив[1] гнѣвъ свой, благословляеть.

Навал пирствуяй вскоре умирает,
Внезапу бо смерть его похищает,
Богу творящу за грѣх отмщение,
Яко рек царю зло поношение.

Въ нощи ко шатром царскимъ прихождает
Давидъ, Саулу спящу се бываетъ.
Давидъ же, зане благъ сый, не дерзает
Его убити, зла не воздаваетъ,
Токмо копие и сосуд взимаетъ
И, укоривъ вся стражи, отхождаетъ.

Саулъ царь съ вои поражен бываетъ,
Еже зря, сам ся мечем прободаетъ,
Такожде и раб его сотворяетъ,
И в смерти царя сей не оставляетъ.

⟨ВТОРАЯ КНИГА ЦАРСТВ⟩

Вѣстник к Давиду скорбящъ притекает
И смерть Саула ему возвѣщаетъ,

[1] усмирив.

С главою же злат вѣнецъ предлагает,
Но Давидъ его смерти предаваетъ,
Желающу мзду от него прияти,
Повелѣв главу за сие отъяти.
О Сауле же сам горце рыдаетъ
И, раздравъ ризы, убийцъ проклинает.

Зрит мыющуся Давидъ Вирсавию
И, разжегся злѣ зѣло, возлюби ю.
Послав же, к себѣ ону призываетъ
И зол блудъ с нею скверно сотворяетъ.

Давидъ Урию к себѣ призываетъ
И о здравии воевъ вопрошаетъ,
Брашны же его царскими питает
И, да идетъ въ домъ свой, повелѣваетъ,
Прелюбодѣйства грѣх хотя покрыти
И Вирсавию в семъ обез*винити*,
Яко от мужа заченшъ своего,
Яже зачала уже плод от него.

Не восхоти в дом свой Уриа внити,
Но в царских с рабы возляже почити.
Царь же паки в полкъ его отпущает,
Зане по воли его не бываетъ,
Тамо повелѣвъ на брани предпослати
Урию, да мысль злу может скончати.
И сице воля его совершися,
Предсразився бо, Урий умертвися.

Давида Нафанъ пророкъ обличает
И грѣхи его притчею являетъ,
Блудъ и убийство, яже он соверши;
Давидъ же познавъ, яко в сих согрѣши,
Падъ же на землю, просить прощения,
Яко достоин за грѣхи мщения,
Покаяние к Богу принош*ая*,
И «помилуй мя, падшаго», взывая.

За грѣхъ Божию казнь пророкъ являетъ
Давиду и смерть сыну прорицаетъ.

Давидъ же, слышав, ризы раздирает
И скорбна[1] сына жалостно рыдаетъ,
Пред Бога грѣхи своя предлагая
И, да живет сынъ его, умоляя.

Авесаломъ люд с лестию лобзает
И всѣх лукавно к себѣ примиряетъ,
Хотяй отчее царство восхитити
И ругателно его изгонити.

Давидъ от злаго сына убѣгаетъ,
Семей же скверный его поношаетъ
И камение на нь злый он вергает,
Давыдъ же кротце вся претерпеваетъ,
Хотящим ему мстити возбраняя
И злымъ достойна себе нарицая.

Ахитофел злый злых совокупляетъ
И погубити царя умышляетъ.
Богъ же совѣт их вскоре разоряетъ
И от всѣх лютых Давида спасаетъ.

Авесолома зла зло постигает,
Своими бо сей власы увязаетъ,
На древе повис, яко злых творитель,
Отца же царя лютый досадитель,
Вои же его мечи прободаютъ
И, яко врага царска, умерщвляютъ.

Числив[2] Давидъ люд, Бога прогнѣвляетъ,
Его же пророкъ, представ, обличает,
Три же казни: мор, глад и мечъ являет,
Да юже из них хощет, избираетъ.
Давидъ же царь в руце Бога предается,
Да от против*н*ых меча люд спасется.

Внегда уже Давиду престарѣвшу
И всѣх противных в Бозѣ одолѣвшу,

---

[1] больного; [2] Пересчитав.

Соломон наслѣдникъ отца бываетъ
И на царскъ высок престолъ восхождаетъ,
Егоже отецъ зря, царя сѣдяща,
Восхвали Бога, сице се творяща,
Радостно зѣло возблагодаряя,
Соломона же в благихъ укрепляя.

Царица к сыну Соломону вниде,
Он же ср*ѣсти*[1] ю тщателно изыде,
В десных[2] же себе матерь посаждаетъ
И словес ея прилѣжно внимаетъ.
Она же ему молбу предлагаетъ
Братню, яко он Авесы желаетъ.
В сем Адонии лесть царь познавает
И смерти его вскоре предаваетъ.

Царь премудро прю[3] дву жен разсуждает,
Единыя же злобу познавает,
Яко не мати та младенцу бяше,
Яже на полы[4] разсещи желаше.
Повелѣ же сей младенца прияти,
Яже моляше жива и отдати.

Царь Соломон храм Божий созидаеть
И вся премудро на се устрояет,
Да зѣло славенъ Богу дом создастся
И за всѣх ему жертва в нем воздастся.

Царица Савска дары предлагаетъ
И величество царя искушаетъ,
Такожде премудрость и вся присущая,
Яко велик умъ сама имущая.
Но Соломоня мудрость ю ужаси,
Зѣло бо хвалящи его, возгласи:
«Блаженъ ты, царю, и иже при тебе,
Да будетъ слава во вѣки о тебѣ».

---

[1] встречать; [2] по правую руку; [3] спор; [4] пополам.

⟨ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ⟩

Соломон царь сый зѣло богатейший,
Никтоже бо ин бысть краснѣйший
Мудростию и многи*м*ъ державствомъ,
И велик бѣ всяким благоприятством,
От Бога честным даром препочтенный,
Имѣяй престолъ злат преухищренный,
Многи в довольстве имущ человѣки,
Не будет же ин сицевъ[1] во вѣки.
Сей пѣсни пѣсней сладцѣ воспѣвает,
Таинственны же зѣло составляет,
Христа жениха Церкви описуя
И другъ другу ихъ любовь показуя.
«Азъ есмь цвѣть полный[2], — женихъ возглашаетъ,
Невѣсту же кринъ[3] чистѣйший взываетъ,
Егоже яблонь в *д*ревахъ нарицаетъ,
[4]Под егоже сѣнь витати[4] желаетъ
Невѣста, плодомъ его сладящися
И виномъ любве здѣ веселящися.

«На ложи моемъ искахъ тя, любезне, —
Невеста зоветъ жениха усердне, —
Не обрѣтши же, всюду притекаю,
Тя, любимиче, обрѣсти желаю
По улицам же и по стогнамъ[5] града,
Д*а* души моей явится отрада.
Сей одръ Соломонъ зѣло украшенный
И избранныхъ вой лики окруженный,
Столпы имѣяй от злата чистѣйша,
Почи бо на немъ мудрость всечестнѣйша,
Правда, мужество и разсуждение
Одра бо сего есть украшение».

«Се краснѣйшая моя», — нарицаетъ
Невѣсту женихъ, юже ублажаетъ
Чуднѣ и ея красотѣ дивится,
Да в любви его тая восперится[6].

---

[1] другой такой; [2] полевой; [3] лилия; [4—4] Под ... тенью пребывать; [5] площадям; [6] окрылится.

От Ливана ю по себѣ взываетъ
И зѣло теплу любовь к ней являетъ,
Отъ горъ Ермона *и* Амъ глашаетъ
И благовоненъ садъ ю нарицаетъ,
Смирны, аллоа и кассии полный,
И в немъже есть всякъ различенъ цвѣтъ полный.
Она же духа любве на ся проситъ
И ему плоды вся своя приносить.

Невѣсту женихъ к обществу[1] взываетъ
И в виноградъ ю свой внити глашаетъ,
Вкупѣ благихъ всѣхъ с нимъ наслаждатися
И в свѣте его присно вселятися.
Она же зѣло сномъ бѣ преклоненна,
Сердцемъ слышащи, бысть же возбужденна.
Женихъ бо простре къ ней руку в оконце
И осия ю свѣтомъ, яко солнце,
Внутрь сердце ея къ себѣ распаляя,
Да долняя в прахъ вмѣнивъ, ю пленяя.

«Любезный мой мнѣ», — невѣста глашаетъ,
И ся самую ему поручаетъ.
Он же слово ей жизни подаваетъ
И велию в ню благодать вливаетъ,
Зѣло к ней любовь велику являя
И паче многихъ дѣвицъ украшая.
Едину же ю чисту нарицаетъ
И свѣтлу, яко солнце, объявляетъ.

⟨ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ⟩

Блажени, иже духомъ обнищаша
И, весь презрѣвше миръ, Бога познаша,
Упование на нь возлагающе,
Оставиша вся, горнихъ желающе.
Сии Небесно Царство получаютъ,
Аще и мечи ихъ здѣ разсѣкаютъ, —
Якоже Иовъ, иже злострадаше,
Но, благодаренъ бывъ, небо стяжаше.

---

[1] общению.

Блажени, иже слезы источаютъ
И непрестанно за грехи рыдаютъ.
Сии благодать от Бога приемлютъ,
Аще и малу скорбь въ мирѣ подъемлют,
Скорбящихъ бо Богъ присно утѣшаетъ
И щедроты имъ своя изливаетъ.
Егда бо жена ко Христу припадаше
И нозе его слезами мочаше,
Тщетна от него та не возвратися,
Но плачущей всякъ грѣхъ отпустися.
И сицѣ убо всякъ скорбенъ да творитъ,
Утешение бо плача получитъ.

Блажени, иже вся претерпѣваютъ,
Живуще кротцѣ, злых же не отмщаютъ,
Изволяюще паче скорбь носити,
Да благая вся могутъ получити.
Тѣмъ наслѣдницы на земли бываютъ
И страны многи тии обладаютъ.
Кроткихъ бо Господь преславно венчает,
Священники же и цари являетъ,
Сердца смиренна не уничижая
И во обѣщанну землю возвождая.
Кротокъ Моисей священный онъ бяше,
Тѣмъже[1] его Богъ присно озаряше.

Блажени, иже правду возлюбиша
И паче брашенъ алч*ни* с*и*я быша.
Сии небеснымъ даромъ питаются
И Христа, Спаса всѣхъ, наслаждаются.
Той убо правда есть сущая единъ,
Напаяетъ сей жаждущих паче винъ.
Сея Симеонъ правды алченъ бяше
И много лѣтъ живъ сей [2]присно жадаше[2].
Узрѣв же, правду сущу познаваетъ
И алченъ той насыщенъ бываетъ;
Приемъ на руку в Церковь принесенна
Христа, отъ Дѣвы святыя рожденна.

[1] Поэтому; [2—2] всегда жаждал.

Блажени, иже милость содѣваютъ
К ближнимъ и нищих сущих ихъ питаютъ,
Благоутробно в домъ ввождающе
И всяку нужду ихъ исполняюще.
Симъ милостивно имать Богъ воздати,
И славы в Царствѣ своемъ показати,
Якоже древле Товии воздаде
И от всѣхъ скорбныхъ на нь бывших изведе
За сие, яко всѣмъ благотворяше
И умершия присно погребаше,
Иже убози и безродни бяху,
Непогребенни же в путехъ лежаху.

Блажени, иже сердца суть чистаго,
Сии бо Бога всѣхъ узрятъ *истаго*[1],
Умъ непороченъ весма имущии
И сует*енъ* миръ сей небрегущии[2].
Чиста бо сердцем Дѣва весма бяше
Мария, ум же горѣ возвождаше.
Тѣмъже во чрево ея Богъ вселися,
И человѣкъ спасъ сый мира явися,
Въ зачатии к ней аггела ниспославъ,
Иже «радуйся» рече, съ страхомъ представъ,
Живота чисту матерь нарицаетъ,
Духъ же Святый ю нисшед осеняетъ.

Блажени, иже гнѣвъ злый утоляютъ
И человѣковъ ярыхъ примиряютъ.
Сии сынове Бога нарекутся
И в небесный миръ святи возведутся,
Диаволь навѣтъ разоряющии
И в любви жити наставляющии,
Якоже жена нѣкогда сотвори,
Яже Давида ко мужу примири,
Иже убити его яръ течаше,
Но Авигея честно усреташе[3],
Хлѣбы и вино в даръ предлагающи
И гнѣвна царя симъ примиряющи.

---

[1] истинного; [2] презирающие; [3] встретила.

Блажени, иже изгнани бываютъ
И правды ради вся претерпѣваютъ,
Всякъ золъ глаголъ в семъ мире приемлюще
И за Христа скорбь и смерть подъемлюще,
Тѣхъ есть Горнее Царство стяжание,
Тамо бо ихъ мзда и пребывание.
Внегда бо Стефанъ святый злострадаше
И за биющихъ его той моляше, —
«Не постави имъ, Боже, въ грѣхъ», вопия,
Узрѣв же *в* славѣ Творца твари всея,
Иже его самъ въ небо призываетъ
И, приимъ его духъ, в горних вселяетъ.

⟨ДЕЯНИЯ АПОСТОЛОВ⟩

Вѣры здѣ члены расположишася
И художнѣ вся изобразишася,
Кия же в себѣ тайны заключаютъ,
Зрителю сия иконы[1] являютъ.

Богъ бо вѣрою сердца очищаетъ
И во имени Христовѣ спасаетъ.
В семъ грѣховъ вземлетъ всякъ оставление,
Ибо той вѣры есть совершение.

Вѣрую в Бога безначальна Отца
Зримыхъ убо всѣхъ и незримых Творца,
Неба и земли и елика суть в них
Той Совершитель и Вседержитель сихъ,

Иисуса Христа, Сына его,
Сприсносущна же и суща из него,
Господа тварей якоже явися,
Внегда на горѣ сый преобразися;

Во чревѣ Духом Святым заченшася
Марии Дѣвы и в плоть облекшася,
Рождшагося же нетлѣнно изъ нея,
Невредившаго ключи дѣвства сея;

[1] картины.

При Пилатѣ же нас ради страдавша
И на крестѣ кровь свою излиявша,
Умершаго же, бывша погребенна,
Симъ бо явися зла смерть умер*щвленна*;

Низшедша во ад плѣнныхъ свободити
И диаволю крѣпость разрушити,
Из мертвых же в день третий воскресшаго
И весь родъ Адамль от уз изведшаго;

В небо возшедша, апостоломъ зрящимъ,
И зѣло, яко отиде, слѣзящимъ,
Сѣдящаго же тамо Отца в десныхъ,
Сподобляюща нас жилищь небесныхъ;

Отнуду же грядуща судити
И Царство свое во вѣкъ утвердити,
Живымъ и мертвым по дѣломъ воздати,
Оныхъ в жизнь, сих же в геену отслати.

Вѣрую в Духа Свята, жизнь дающа,
Отцу и Сыну Бога011 присносуща,
На апостолы преславно низшедша,
Въ видѣ огненныхъ языкъ къ нимъ пришедша.

Святую Церковь, в Христѣ утвержденну,
Православну же и соединенну,
В нейже и святыхъ вземлемъ общение,
Яже мати всѣхъ есть и спасение.

Во Христѣ грѣховъ всѣмъ оставление,
Апостолское вземшимъ учение,
Иже вѣруютъ и крестятся в него;
Не спасется бо *ни* единъ безъ сего.

Жизнь же вѣчная праведныхъ явится,
Небесный Сионъ, в немъже Богъ вселится.
Христосъ со Отцемъ и Духомъ во вѣки
Возводяй во градъ оный человѣки.

Ожидаю же дне Воскресения,
Божиимъ Духомъ всѣмъ оживления,

Вси бо во плоти имамы востати
И якоже кто содѣя прияти.

⟨ОТКРОВЕНИЕ ИОАННА БОГОСЛОВА⟩

Яже Иоаннъ Богословецъ зряше,
Егда во островъ Патмосъ изгнанъ бяше,
Зрителю, честне тебѣ представляемъ
И ясно сия вся изображаемъ.
Седмь бо свѣщникъ седмь церквей знаменаша,
Яже Христово слово восприяша.
Седмь же аггеловъ — седмь трубъ имущии,
Инии седмь фиалъ[1] лиющии.

Иже таинства различна являху
И много на мирѣ злая знаменаху,
Книга же таинствъ бяше божественныхъ,
Юже никтоже отверзе от земныхъ,
Седмь бо печатей оная имяше,
Яже агнецъ Сынъ Божий разрѣшаше,
И ангелъ, иже ключь бездны ношаше,
Той диавола емъ[2], ужемъ[3] вязаше.
Таже красенъ градъ с небесе явися,
В немже с праведных лики[4] Богъ вселися.

Иоаннъ, егда бѣ въ заточении,
Во Патмосѣ же сущъ в восхищении,
Слыша убо гласъ, яко трубу гремящь:
«Азъ есмь начало и конецъ», ся зовущь.

Повелѣвающь же к седми писати
Церквамъ, зримая от него послати,
Обращся, зряше апостолъ зовуща,
Видѣ окрестъ седмь свѣтильникъ имуща,
Ихже посреди самъ звавый стояше,
Иже яко Сынъ Человѣческъ бяше,
Седмь же въ десницѣ звѣздъ зримый держаше,
Лице же солнцу подобно имяше.

---

[1] чаш; [2] схватил; [3] веревкой; [4] множеством.

Богословъ, духомъ в небо восхищенный,
Зрить престолъ Божий, зѣло украшенный,
На немже сѣдящь сардису[1] подобенъ
И аспису[2] же, Богъ сый благороденъ,
Окрестъ же его двадесять четыре
Престоли старцевъ во небесномъ мирѣ.

Трисвятое же животна пояху
Четыре, ему день и нощь глашаху,
И старцы, вѣнцы положше, взываху,
Поклоншеся, «честь, слава» восклицаху.
Зритъ на престолѣ феологъ[3] сѣдяща,
В руку же книгу с печатьми держаща.
Агнца же яко заколенна суща,
У сѣдящаго же книгу емлюща,
И старцевъ с гуслми пред агнцемъ упадшихъ,
Фимиа*м*ы же молитвы отдавшихъ.

Агнецъ первую печать отрѣшаетъ,
Животное же едино глашаетъ,
Ити *и* зрѣти Иоанну велитъ,
Оны же с лукомъ во вѣнцѣ ѣздца зритъ.
Паки печати агнецъ отрѣшаетъ,
Животное же коеждо глашаетъ,
Особь к коейждо ихъ отрѣшение
Ѣздца же с вѣсы происхождение.

И смерти, *ег*да по нейже идуща,
Гладом же земли часть злѣ враждающа,
Пятую печать агнецъ отрѣшаетъ,
Побитыхъ святыхъ души объявляетъ,
Иже зовяху сице велегласно:
«Мсти избившимъ ны, владыко, напрасно».
Ихже бѣлыя ризы облекоша
И «ждите, братии», — сице отрекоша.

Шестую агнецъ печать отрѣшаетъ,
Солнце и луну мрачны объявляетъ,
Звѣзды, небеса весьма разоренна,
Вся же зѣлнѣйшимъ вѣтромъ превращенна[4],

[1] сердолику; [2] яспису; [3] богослов; [4] перевернуто, перемешано.

Рабовъ, купцовъ же и царей текущихъ
  В горы, тамо же погибели ждущихъ.

Се Богослов зрит аггелов стоящихъ
  На концѣ земли и вѣтры держащих,
Не вредити же инаго веляще
  Землю и море и зѣло гласяща,
Печатлѣти[1] же хотяща избранных
  Множество от всѣх язык богозванных.
Зрит же и народ безчислен поющий,
  «Честь, слава агнц*у*», с финики же сущий.

Агнецъ седмую печать отрѣшает,
  Седми же аггелъ с трубами являет,
Единаго же кадило держаща,
  Святых молитвы к Богу возносяща,

Еже поверже со огнемъ от престола, —
  Быша громи из небесна кола[2].
Се первый аггелъ явися трубящий,
  Огнь же третий часть древесъ палящий,
Всю же снѣдает траву *земляную*
  [3]Веселящую зрак и любленную[3].

Егда же вторый аггелъ воструби,
  Третию часть море огнемъ погуби,
Часть же *душъ, въ мори сущихъ*, умертвися,
  Кораблей множество имъже растлися.

Аггелъ же третий явися трубящий,
  И звѣзда, яко свѣтилник горящий,
Спаде на часть *в*од и источник земных,
  Исполни же я горестей подземныхъ.
Яже апсинфос[4] звание имяше,
  Горестию же вод люд умерщвляше.

Четвертый аггелъ, егда бѣ трубящий,
  Солнца, луны же и звѣздъ треть вредящий,
Такожде и дней, еже не свѣтити,
  И во мракѣ ся им весма претворити,

---

[1] Поставить печати; [2] круга; [3—3] Радующую взгляд и любимую; [4] полынь.

Аггель же зрится в небеси летающъ,
  И «горе, горе, горе!» — возглашающъ.

Егда же пятый аггелъ трубяше,
  Богослов звѣзду падшу с небесе зряще,
Ейже студенца[1] бездны ключ дадеся,
  Множество же пругов[2] и дым вознесеся,
Солнце и воздух дымо*мъ* омрачися,
  От пругов же люд золъ сущъ уязвися.

Егда же шестый аггелъ трубяше,
  Единъ от рогов олтаря глашаше,
Разрѣши аггелъ въ Ефратѣ четыре,
  Да избиют треть люда суща въ мирѣ,
Всадник же кони лвоглавны имущих,
  Зряще Богослов со бронями суще.

Се аггела зрит от небесъ идуща
  Богослов, во облак облеченна суща,
Солнцелична же и дугу[3] имуща
  На главѣ, книгу к нему же несуща,
Иже на земли и на мори ст*а*ше,
  Ноги же яко столпы сей имяше,
Книгу же даде Иоанну ясти,
  Сказа же ему быти во напасти.

Святии по трех днех воставляются,
  Побиты бывше — в небо ввождаются,
Ихже умучи звѣрь, изъ бездны сущий,
  Прежде брань с ними злѣ возвизающий.
По сем града часть десятая паде
  И погибели многий люд предаде.

Жена преславно одѣяна сущи
  В солнце, звѣзды же за вѣнецъ имущи,
Явися в небе, на лунѣ стоящий
  Змий седмоглав явися, ю зрящи.
Стояше же сей, хотя поглотити
  Плод жены, иже хотяше родити,

---

[1] кладезя; [2] саранчи; [3] радугу.

Но рожденное к Богу вознесеся,
  Отъ вод же змия жена свободися.

Иоаннъ, егда на песцѣ стояше,
  От моря звѣря восходяща зряше,
Иже седмоглав и роги имяше,
  Честно же ему люд поклон творяше,
Инъ же отъ земли звѣр происходждаше
  И оному честь творити веляше.

Агнецъ на гору Сион стоящъ зрится,
  С небесе же пѣснь новая гласится.
И аггелъ среди небесе парящий,
  Евангелие Божие носящий,
Ин же «паде град Вавилон!» зовяше,
  Паки инъ чашу гнѣва злым являше.

Сей на облацѣ зрится со серпами,
  Ихже даетъ аггелом руками,
Жати траву же и вся винограды,
  Яже воздают земны вертограды,
Поженше же я, въ *точило* вложиша,
  Божия гнѣва и крови пролиша.

Се аггели седмь фиал изливают,
  Землю, море, людъ и рѣки враждаютъ,
Солнцѣ же жещи творят людъ злохуленъ,
  Богохуленъ же сущъ и злопреступенъ,
И звѣря престолъ весма разорися,
  Он же из устъ жабы испусти, умертвися.

Иоаннъ, духом в пустыню хищенный,
  Зрит жену и люд от нея прелщенный,
Юже ношаше звѣрь сущъ седмиглаве*нъ*,
  В руку же ея кубецъ сущъ сквернавенъ,
Яже пиян*а* бѣ кровию святыхъ,
  Вавилон сущий и мати проклятыхъ.

Аггелъ с небесе зряше парящий,
  Властитель же сущъ и зѣло гласящий, —

«Паде, паде град великий Вавилонъ!»
Ин же веляше люду изыти вонъ,
Камень велий сущъ в море низвергающ,
Сим Вавилона погибель являющъ.

Богослов небо отверзенно зряше,
И се Сынъ Слово Божие ѣздяше
На бѣловидном конѣ царствующий,
Многи же венцы на главѣ имущий,
Иже из устъ меч острый испущаше
На противен люд и тѣм их бияше.

Ят же бысть звѣрь со пророком лживым
Жещися огнемъ вѣчнымъ негасимымъ,
Сниде аггелъ, ключ бездны с *ужемъ* имущь
К змию, иже зол и древний демон сущ,
На тысячу лѣтъ в бездну заключити,
Миръ же от лести его свободити.

Зряше Богослов престолъ поставленный,
Сѣдящъ же на немъ Богъ благословенный
Явися, мертвыхъ всѣхъ возставляющий,
Книги же суда и дѣл являющий,
Воздающий же комуждо по дѣлом,
Грешным же муку и злым же духовомъ.

Егда на гору Богословъ возведенъ
Зряше градъ святый сущъ и преукрашенъ,
Сходящъ съ небесе, и аспису сличенъ[1],
Злат же имущъ всяк камен различенъ,
Глаголяй же с нимъ злату трость имяше
И на стадии многи град мѣряше,
Зрящ же и слышащъ сия, поклонися,
Но отъ аггела поклонъ возбранися,
«Азъ, рече, клеврет, Бога же воспочитай,
Его, уже грядуща, скоро ожидай».

---

[1] подобен.

ЕВФИМИЙ ЧУДОВСКИЙ

НА ЗВѢЗДУ ВЕЛИКУЮ, ЯВЛЬШУЮСЯ 189 ГОДУ ДЕКАБРЯ ПРОТИВ 15-ГО ЧИСЛА*

Комита егда в небѣ видѣна бываетъ,
никое благо быти на земли являетъ,
токмо гнѣвъ Божий и казнь людем возвѣщаетъ.
Мѣсто пророка сие есть показание,
зовущаго грѣшникы на покаяние,
да отвратитъ Бог свое негодование.
Не презорно[1] указу сему да внимаемъ,
неправдъ всякихъ и обидъ себе да ошаемъ[2],
благодѣянми Бога щедра сотворяемъ.
Еда како Господь Богъ от насъ умолится,
яко о ниневитехъ, благъ сый, ущедрится[3],
о злыхъ имущихъ на ны быти раскается.
И показанный намъ знакъ на многое злое,
превратитъ, Всеблагий сый, на всяко благое,
токмо покажемъ дѣлы покорство драгое.
Комита страшнѣйшая не туне сияетъ,
казнь и гнѣвъ Божий людемъ всѣмъ предвозвѣщаетъ
и на покаяние къ Богу призываетъ.

⟨ЭПИТАФИИ⟩

ТВОРЕНИЕ ОТЦА ЕВФИМИЯ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ПАВЛУ МИТРОПОЛИТУ*

Отецъ сиротъ, вдовицъ же и нищих питатель,
мудролюбцевъ церковных и странных приятель,
Всероссийску престолу хранитель бодренный,
между патриаршества трикратно ввѣренный,
Павелъ митрополит здѣ своя вложи кости,
душу же преотложи въ вѣчныя радости.
Церкве православныя твердый защититель,
мятежниковъ злоумных крѣпкий низложитель.

---

[1] Без пренебрежения; [2] избегаем; [3] сжалится.

Архипастырь сый Сарский, купно и Подонский,
преселився на вѣки в горний град Сионский,
Живяше бо по Богу, царствующу в небѣ,
идѣже всякъ жилище уготовляй себѣ,
В седмитысящное лѣто миротворения
сто осмдесят чвертое в девятый септемвриа.

ПРЕПОДОБНОМУ ОТЦУ ЕПИФАНИЮ*

Преходяй, чловѣче, здѣ ставъ да взираеши,
дондеже еще в мирѣ семъ обитаеши.
Здѣ бо лежитъ мудрѣй отецъ Епифаний,
претолковникъ изящный Священных Писаний,
Философъ и иерей во монасѣхъ честный.
Рцы же: да вселитъ его Господь в рай небесный
За множайшия его труды въ писаниихъ
тщанномудролюбныя в претолкованиих.
Память его да будетъ
вѣчно и не отбудет.

⟨НА СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО⟩*

1

Новосоставленная книга сия «Обѣдъ»
подвлагаетъ[1] снѣдь, полну душетлителных бѣдь.

2

Новосложная книга, зовемая «Обѣдъ»,
не имать обрестися без нѣких души бѣдъ.

* * *

Смерть послѣднего часа всегда ожидаетъ,*
яко траву, чловѣка вскорѣ посѣкаетъ;
Царя и князя острою косою,
богата и нища, яко злакъ съ росою.

[1] подкладывает, т. е. предлагает.

Лишает славы, богатство хищаетъ,
вся сокровища в блато превращаетъ.
Блаженъ оный человѣкъ, иже не прелстися,
но всѣхъ здѣ сущих тлѣнныхъ волею[1] лишися,
Иже свою мысль къ Богу превсегда вперяетъ
и на всякъ часъ о смерти своей помышляетъ,
Той превѣчныя славы не убо лишится,
но в Небесное Царство от здѣ преселится.

Вся равно восприемлет земная долина
честнаго властелина, яко селянина.
Смерть яко убогаго из хижи хищаетъ,
тако и богатаго в дому посѣщаетъ.
Равно вся пожинаетъ, яко селянина,
не щадитъ царя, отнюдъ ниже властелина.
Никто от тоя можетъ в тайнѣ сокрытися
и в твердыни яковой гдѣ утаитися.
Смерть на всякъ часъ чловѣкы зрит и наблюдаетъ,
сама ни от кого ся отнюдъ соблюдаетъ.
Смерть никогоже щадит, вся сѣчетъ косою,
иже падаютъ, яко листвие съ росою.

Писание святое истину вѣщаетъ,
яко земля в землю ся паки возвращаетъ.
Присно, чловѣче, сему потщися учити,
яко всякаго имать смерть в гробъ заключити;
И не помышляй тщетно писма сего стерти,
ибо не избудеши и ты отнюдъ смерти.

Понеже земля еси, в землю отидеши,
но мзду дѣлъ взяти паки из тоя приидеши
За благая небесныхъ благъ получение,
за злая въ неугасномъ огни мучение.

Смерть вся равно хищаетъ — ничто имущыя,
яко многая в мирѣ семъ преимущыя.
Ни бо царя пощадитъ или убоится.
ниже от безпомощна и нища толится[2].
Не туне бо пишется смерть косу носити,
зане она обыче чловѣки косити.

---

[1] добровольно; [2] усмирится, укротится.

* * *

Зри, человѣче, на сей орологий[1],*
умудришися паче феологий,
Како часами жизнь опредѣляет,
месяцы днями время скончевает.
Дние и лѣта скоро мимо текут,
юна отрока ко старости влекут.
В старости дряхлость и разслабление,
всея крѣпости и сил лишение.
По сем лютая зла смерть восхищает
и, яко траву, косою ссѣкает;
Богатство, славу прах быти вмѣняет,
злато и сребро калу предавает.
Аще хощеши муж быти блаженный,
помни всегда день и час совершенный,
Смерть, ад, геенну во умѣ содержи
и вся суеты от себе отвержи,
Горня Сиона буди подражатель,
и всѣх прелестей умный презиратель,
Да возможеши премирно пожити,
в горних жилищахъ на вѣки почити.

[1] часы.

СИЛЬВЕСТР МЕДВЕДЕВ

ЕПИТАФИОНЪ*

Зряй, человѣче, сей гробъ, сердцемъ умилися,
О смерти учителя славна прослезися.
Учитель бо здѣ токмо единъ таковъ бывый,
Богословъ правый, Церкве догмата хранивый.

Мужъ благовѣрный, Церкви и царству потребный,
Проповѣдию слова народу полезный,
Симеонъ Петровский, от всѣхъ вѣрныхъ любимый,
За смиренномудрие преудивляемый.

Имъже полза вѣрныя люди наслаждала,
Незлобие же, тихость, кротость удивляла.
Въ немъже вѣра, надежда, любы пребываше,
Молитва, милостыня, постъ ся водворяше.

Мудрость со правдою имъ бысть зѣло храненна,
Мѣрность же и мужество опасно блюденна.
Многими дары Богомъ бѣ преодаренный,
Непамятозлобиемъ весма украшенный.

Иеромонахъ честный, чистоты любитель,
Воздержания въ словѣ и въ дѣлѣ хранитель.
Ни о чесомже иномъ оный промышляше,
Но еже Церковь нашу мать увеселяше.

Не хотѣ ино Божий рабъ что глаголати,
Токмо что ползу можетъ ближнимъ созидати.
Ничесогоже ина творити любляше,
Точию еже Богу не противно бяше.

Иже труды си многи книги написалъ есть,
И под разсуждение церковное далъ есть.
Съ Церковию бо хотѣ согласенъ онъ быти,
А ничтоже противно Церкве мудрствовати.

Ибо тоя поборникъ и сынъ вѣрный бяше,
Учениемъ правымъ то миру показаше.

В защищение Церкве книгу Жезлъ создалъ есть,*
В еяже ползу Вѣнецъ и Обѣдъ издалъ есть,*

Вечерю, Псалтырь, стихи со Рифмословиемъ,*
Вертоградъ многоцвѣтный с Бесѣдословиемъ.*
Вся оны книги мудрый онъ мужъ сотворивый,
В научение роду российску явивый.

Обаче и сего смерть от насъ похитила,
Церковь и царство ползы велия лишила,
Егоже ползы нынѣ людие лишенны,
Зри сего во гробѣ семъ кости положенны.

Душу же вручилъ в руцѣ Богу Всемогущу,
Иже благоволилъ ю дати вездѣ сущу,
Да прииметъ ю яко свое создание
И исполнитъ вѣчныхъ благъ его желание.

Тѣломъ со избранными дастъ ему востати,
С нимиже въ деснѣй странѣ въ веселии стати
И внити во вѣчную небесную радость,
Неизглаголанную тамо присно сладость.

⟨ПОЗДРАВЛЕНИЕ ЦАРЕВНЕ ТАТЬЯНЕ МИХАЙЛОВНЕ ПО СЛУЧАЮ ИМЕНИН⟩*

Небо звѣздами зѣло украсися,
Церковь святыми свѣтла сотворися,
между нимиже изрядно блистаетъ,
еяже память днесь ся совершаетъ,
И Татиана, свята мученица,*
славна дѣвица и чюдотворица.
За терпѣние в ликъ святыхъ вселися,
вѣчныя славы со Христомъ сподобися,
Имже именемъ имы нареченна
государыня, Христомъ возлюбленна.
Дщерь велика царя и преславна,
от Бога же и человѣкъ похвальна.
Празднующи день сей всеторжественно,
живи много лѣтъ здраво и спасенно.

Мене же, раба, ты изволь имѣти
в твоей милости, всегда мя хранити,
Яже ти выну готова служити,
донелиже Богъ дастъ ми в мирѣ жити.
Тѣмже к стопам ти главу преклоняю,
празднествомъ свѣтлымъ вѣрно поздравляю.
Днесь Татиану Церковь величает
мученицу и пѣсньми похваляет,
Яже за Христа кровь излияла,
нетлѣнный вѣнецъ в небѣ восприяла.
Ейже ты еси тезоименита
и любовию къ Христу знаменита.
Празднующи день сей, мя да щадиши,
в милости своей выну да храниши,
за еже долженъ вѣрно ти служити,
всѣмъ всюду милость ти всегда хвалити.

ВѢРШЕ В ВЕЛИКУЮ СУББОТУ*

Плача и ужаса день нынѣ совершаем,
егда Творца всѣх сущих в гробѣ созерцаем
бездушна и безгласна, иже всѣхъ жизнь бяше,
недуги уврачева, мертвыхъ воскрешаше.
Сего Благодѣтеля жидове убиша,
от вѣкъ неслышанное дѣло сотвориша.
Кто бы слыша, дабы тварь Творца си убила?
Иудейска сонмица[1] то зло сотворила.
Зависть же проклятая того не терпяше,
яко многая блага Христосъ Богъ творяше.
Силою Божества си яко все на слово
велѣния онаго бываше готово.
Завистию движими, яша[2] Христа Бога,
лжи и клеветания нанесоша многа.
Неправдою хотяше правду побѣдити,
Судию всего мира на смерть осудити.
Емше[3] же, злочестнии, Господа вязаху,
имже от фараонихъ юзъ свободни бяху.*

---

[1] сборище; [2] схватили; [3] Схватив.

От едина судии к другому водиша
того, имже в пустыни проводимы быша.
Во лице пресвятое скверннии плеваху,
то покрывше, в ланиту того заушаху[1],
иже плюновениемъ слѣпцы просвѣщаше
и сухия имѣвшихъ руки исцѣляше.
Водимъ бѣ ко Пилату и к Ироду злому
извѣдый Израиля из [2]работы дому[2].
Вопияше ко Пилату, да судит Господа распяти,
а Варавъвѣ свободу подати.
О, безумия злобных скотъ, не человѣков,
невиданна под солнцемъ от начала вѣковъ.
Благодѣтеля на смерть молят осудити,
а убийцу лютаго свободно пустити.
Злии злаго избраша, ибо не лѣть[3] быти,
да благо лукавый восхощетъ любити.
Неправый же судия, аще добре знаше,
яко во Христѣ вина ни едина бяше,
изнесе судъ неправый, еже и́ распяти,
но впредь[4] лютыя раны невинну задати.
Вземше убо и́ вои, тѣло обнажиша,
во многия премѣны[5] без пощады биша.
Тече кровь пресвятая, все тѣло язвися,
ты, душе правовѣрна, зрящи прослезися!
Пусти ума ти очи на язвы Христовы,
от тѣлесных же слезы да будут готовы.
Онъ тебе ради кровь си святую лияше,
его дѣля[6] да точитъ слезы сердце наше.
Точатъ вси сердца вѣрных, но наипаче Мати
не хощетъ от слез горкихъ и мало престати.
Рѣки слез в стенании горких изливает,
а от умиленна сердца сицѣ припѣваетъ:
«О всесладкий мой Сыне, Сыне возлюбленный,
без мужа зачатый, без болѣзни рожденный!
Како сия изволилъ страсти ты терпѣти,
тварь своего убила Творца, Отца — дѣти.
О Чадо всесладкое, Чадо божественно,
в радости зачатое, весело рожденно!

[1] били; [2—2] рабства; [3] невозможно; [4] сначала; [5] попеременно; [6] ради.

Вскую[1] днесь сердце мое горесть исполняетъ[2],
Симеономъ сказанный мечь* ей прободаетъ.
Мертва тя зрящи, како жива могу быти,
без Живота моего аз не хощу жити.
Свѣтъ очию моею, камо зашелъ еси,
вскую мя во гроб и во адъ с тобою взял еси?
Без тебе солнце — тма мнѣ, тма же — свѣт при тебѣ,
с тобою аз на земли пожихъ яко в небѣ.
Утоли слезы, Чадо, имамъ бо рыдати,
доколѣ не имаши от гроба востати!»
О, рыдания горька тоже утоляетъ,
кто з Мариею смерти Христовы рыдаетъ.
Потщимся убо и мы слезы изливати,
Матери Бога печаль тако утоляти.
Да егда Господь, воставъ, содѣет ей радость,
она общу сотворить съ собою нам сладость.
О Христѣ Вселюбезный, раны ти лобзаем,
гробъ твой и прах стопъ твоих святыхъ почитаем,
и якоже пѣние глас хвалы приносим,
умерша за ны, тебе всемирно просимъ:
Христе, Боже Истинный, пострадавый за ны,
спасай от бѣд, соблюдай твоя христианы.
Первыхъ убо — великихъ православных царей,*
храни здравых и сильных руских государей,
Даруй имъ царство мирно по вся дни стяжати,
здраво, спасенно выну многолѣтствовати.
И благовѣрных царицъ изволи щадити,
даждь имъ в здравии блазѣ[3] долголѣтно жити.
Благовѣрныя спаси, помилуй царевны
и великия княжны и государыни.
Святѣйша патриарха изволи хранити,
всему причту церковну отецъ щедрый быти
Князи, боляры, вои изволь укрѣпляти,
вся христианы от врагъ всяких защищати.
Спаси, Христе, помилуй чтущия тя люди,
во всяких скорбных дѣлех самъ помощник буди.
Прослави имя твое, имже ся мы хвалим,
со Отцемъ тя и со Святымъ Духом выну славим.

---

[1] Зачем; [2] наполняет; [3] хорошем, благом.

Радость велия днесь миръ исполняетъ,
всѣх вѣрныхъ сердца превозвеселяетъ.
Христосъ Спаситель свѣтло торжествует,
ликъ[1] святых аггелъ ему сликовствует[2].
Торжество его о семъ сотворися,
яко врагъ лютый сильно побѣдися,
И град державы его — разоренный
адъ всеядущий, а плѣнъ — свобожденный.
Праведных души, яже во тмѣ бяху,
истинныи солнца свѣтлости не зряху,
Днесь его свѣтомъ свѣтло озаренныи
и на свободѣ вѣчней поставленныи.
Адамъ я первый во ад предал бяше,
плодъ возбранный[3] егда во снѣдь взяше.
Адам же вторый* оны свободилъ есть,
ельма[4] душею сам во ад изступилъ есть;
Изводитъ отцы святыя от ада,
хощетъ въвести я в свѣт небесна града.
да по тмѣ лютѣй свѣтом усладятся
и по печалѣхъ превозвеселятся.
И намъ путь строитъ во страну небесну,
желая спасти тварь свою словесну.
За что и́ Церковь пѣсньми прославляет,
имны[5] веселы пресладцѣ глашаетъ.
С нею извольте и вы воспѣвати,
пресвѣтлы цари, и честь воздавати
Христу Воскресшу, о милости его,
яко не забы создания своего,
Он же изволитъ васъ благословити
здравие ваше благоутвердити.
Благоденствие благоволитъ дати
и вся, ихже благъ можете желати.
И супостаты вашея державы
под стопы ваша склонят главы.
Якоже орла вся птицы страшатся,
тако васъ врази ваши да боятся,
и яко солнца мракъ нощный гонзает[6],
тако от вас всякъ врагъ вашъ да бѣгает.

---

[1] сонм; [2] радуется вместе с ним; [3] запретный; [4] когда; [5] гимны; [6] избегает.

Или яко лву вси звѣри неспорны[1],
тако вси роди да суть вам покорны.
Царь силам Христосъ то вам да даруетъ,
и в небѣ царство вѣчное сготуетъ.
Того свѣтлости аз вашей желаю,
а до стопъ ножных поклонъ сотворяю.
смиренно прося мя выну щадити,
иже вамъ имамъ рабъ всевѣрный быти.

⟨ПОЗДРАВЛЕНИЕ ЦАРЕВНЕ СОФЬЕ ПО СЛУЧАЮ ПАСХИ⟩*

День свѣтозарный во мирѣ сияетъ,
духовнымъ свѣтомъ род нашъ озаряет
Благодатию превѣчнаго Бога
и путь являетъ горняго чертога,
иже погубленъ еще в раи бяше,
егда змий Евву и Адама льщаше[2].
Даже Христосъ Богъ день сей сотворил есть,
себе за путь намъ в небо положил есть.
Еще и вождь всѣм благий бываетъ,
кто токмо его прилѣжно слушает.
Но ты, велия и славна царевна,
премудра Софиа Алексиевна,
Его, воскресша, зѣло слушаеши
и волю его усердно твориши.
И путь течеши имъ, заповѣданный,
убо внидеши во свѣтъ всежеланный,
Иже во вѣки не имать мерцати,
тамо будеши солнечно сияти.
Того усердно аз желаю тебѣ,
государынѣ нашей, здѣ и в небѣ.
Мене же изволь в милости щадити,
хотяща рабомъ твоимъ вѣрным быти.
Нынѣ же поклонъ ниский содѣваю,
под стопу главу мою повергаю.

---

[1] бессильны; [2] прельщал.

СТИСИ КРАЕГЛАСНИИ[1] В ПОХВАЛУ ПРЕПОДОБНЫЯ МУЧЕНИЦЫ ЕВДОКИИ*

От православных кто днесь не возвеселится,
о благодати Божией не удивится?
Кто от творящих грѣхи *не прибѣгнет к нему*,
Христу Спасу, душъ наших Врачю истинному.
Иже намъ кающимся грѣхи оставляет,
Небеснаго Царствия жители являетъ;
Иже хощетъ грѣшным нам всѣм спасенным быти,
с нимъ, Творцѣм нашимъ Богомъ, вѣчно в небѣ жити!
О, даждь намъ, Христе Боже нашъ, то улучити,
дабы с тобою, Царемъ нашим, в небѣ жити!
Разными образы нас къ себѣ призывает,
разныя ко спасению пути предлагаетъ.
Жития святых на всякъ день почитаются,
разныя ко спасению пути являются,
Во еже бы житию святых подражати,
словомъ и дѣлом Христу работати, —
Якоже празнуема днесь святая мати,
по гресѣх достойна быти благодати;
Оныя житию да возподражаемъ,
о гресѣх наших слезы присно проливаем.
Тѣмже о жизни слово нынѣ предлагаю
тоя святыя, Христа теплѣ умоляю:
Даждь нам, Христе Боже нашъ, слично[2] глаголати,
преподобну и святу матерь прославляти!
И тебе, Евдокия мати всесвятая,
невѣста Христу Богу прелюбезная,
Молим: подщися сама ходатайствовати
о насъ к Богу и умъ нашъ право наставляти,
Житие твое сказавъ, жити спасенно,
чисто, свято, безгрѣшно и многолѣтственно.

Блаженъ, имѣяй очи свѣтом просвѣщенныи,
еже познати вещи мира быти тлѣнны,
Яко вся красная в немъ, яже зрятся быти,
во прахъ и во пепелъ вся имутъ ся вратити.

---

[1] рифмованные; [2] пристойно.

Злато есть блато, и прах — земна сокровища,
вся лицъ красных доброта — червием суть пища.
Вся сласти тѣлесныя в горесть обратятся,
веселия временна в слезы измѣнятся.
Блаженъ, иже, презрѣвъ миръ, Богу работает,
радосте и веселия в небѣ ожидаетъ.
То Евдокия, мати святая, провидѣ,
тѣмже от тлѣнных вскорѣ днесь отиде.
Красоты мира весма она обругала,
прелести и богатства дивнѣ вся попрала,
Плотския совершенно страсти умертвила,
егда тѣло си постомъ приснымъ утрудила.
Познася, яко велий зѣло врагъ плоть бяше,
душу ея в тѣлесней скверне содержаше,
Тѣмже ту она постомъ многим уморила,
духъ свой Христу Владыцѣ весма покорила,
В покоянии животъ свой провождаше,
оставления грѣховъ у Христа прошаше.
Чесого дѣле видѣ во ужасѣ на небѣ
восприемшия радость ангела в себѣ,
Ефиопа же черна излиха стеняща,
аки многу обиду от нея терпяща.
Тѣмже сокровище си скоро расточаше[1]
странным, убогимъ, еже злѣ собрала бяше.
Того ради достойна бысть небесна лика[2],
в онъже причте ю Христосъ, Богъ и всѣх Владыка.

Зѣло есть претѣсный путь пресвѣтлаго неба,
в скорбѣхъ и нуждах итти во оно потреба.
Терниемъ острымъ весь той путь преисполнися,
но шипокъ[3] благовонный в кончинѣ явися,
Зѣло красной вонею[4] своею слаждаяй[5],
душу и тѣло купно превозвеселяяй, —
Еже есть веселие на небеси вѣчно,
слава, честь и блаженство весма безконечно.
Той Евдокия свята вседушно желаше,
тѣмже путь тѣсный в мирѣ и скорбны течаше,
Днемъ и нощию плоть си крѣпко томила есть
постомъ и трудами, а Бога молила есть.

[1] раздала; [2] сонма; [3] роза; [4] ароматом; [5] услаждая.

Хлѣбъ ея сухъ бѣ, вода жажду утоляше,
присным течениемъ слез людей удивляше,
Негли анггели ся тому почюдиша,
како во дни и в нощи в хлѣб ей слезы быша.
За что Отецъ Небесный в дщерь любезну себѣ
приобщи ю и вѣнча в емпирийском небѣ,
Во мирѣ учреждает премирному с своими,
со анггелы вѣчными брашны и святыми.
Идѣже за тя, царю от Бога нам данный,
ко оному ходатай есть она непрестанный, —
Да тя благоизволитъ здѣ благословити,
царствие твое всюду миромъ оградити;
Под твоя ноги враговъ твоих да смиряет,
предѣлы твоя славно да роспространяетъ;
Славну ти, здраву, честну да даст пребывати
премногая лѣта, и небо пристяжати;
Ихъже благъ всеусердно хощем тебѣ,
Господь Богъ ти да подастъ, царствуяй в небѣ.

О, преблаженна еси, Евдокие мати,
сподобльшаяся радость вышним силамъ дати,
С нимиже сама нынѣ живеши в радости,
за земныя горести в небеснѣй сладости;
О немже мы блаженствѣ привѣтство ти дѣем,
о пособие молитвъ молитися смѣемъ:
Умоли у Господа Феодору царю
здравие лѣта многа, вѣрну государю,
Да изволитъ онъ его в мирѣ прославляти,
крѣпость, храбрость и силу ему даровати,
Весело, здраво, мирно многолѣтствовати,
благополучно царство свое управляти.
От Господа же ему поданной царицѣ,
государынѣ нашей, скорой заступницѣ,
Агафии здѣ здраво многолѣтно жити
и во наслѣдие чад благоплодной быти.
Благовѣрной царицѣ тщися умолити
Наталии во здравии многолѣтно жити.
Благовѣрный царевичь Иоанн от Бога
да имать даръ здравия на лѣта премнога.
Пресвѣтлой царевичь Петръ здравъ да возрастает,
в пособие царствию силенъ, мудръ бывает.

Пресвѣтлыя царевны самъ да соблюдает
во здравии и в благоденствѣ прилагает.
Умоли, Евдокие, Господа, святая,
да изволитъ послати людем вся благая,
Премрачную же луну турския державы
да просвѣтитъ своея свѣтом вскорѣ славы,
И кто-либо врагъ царю нашему явится,
абие мечемъ его славно да смирится.
Упроси мир мирови и плодовъ лѣта,
да во радости славим Подателя свѣта.
За ту милость имамы тя вси прославляти,
пѣньми и пѣсньми во вся лѣта величати.

Велию радость хощу аз днесь глаголати,
милость Христову ко грѣшным свѣтло возвѣщати,
Како онъ кающихся и грѣшных прощаетъ,
чюдотворения и неба сподобляет.
Ибо днесь празнуема пресвятая мати
Евдокия по гресѣхъ бысть во благодати.
Во градѣ Ерополѣ самарийстѣм бяше,
в блудѣ первѣе, забывши смерть си, живяше,
Зане она превзыдѣ ины красотою,
тѣмъ бысть в погибель многим мужем добротою,
С нимиже желание си зло исполняше,
от нихже и богатство велие собраше,
Мня присно скаредство[1] радость себѣ быти
и во оной утѣхѣ хотѣ вѣчно жити.
Яже начало жизни злолюто живяше,
тоя конецъ святъ, честенъ и блаженъ бяше.
Донележе пребы во тмѣ она язычестѣй,
тогда работа страсти злѣ человѣчестѣй.
Егда же в ня благодать дхну Духа Святаго
к познанию единаго Бога истиннаго,
Тогда Германом она вѣрѣ научися,
от злых, Богу мерских дѣл весма отлучися.
Къ епископу абие радостно течаше,
о крещении того прилѣжно моляше,
Да исхититъ работы люты демонския
и избавитъ от вѣчны муки геенския,

[1] гнусность, разврат.

И сотворитъ дщерь Богу, Отцу Небесному,
а невѣсту жениху, Христу любезному.
Плакаше зѣльнѣ, у ногъ пастырских лежащи,
милосердия его пастырска просящи.
Пастырь же добрый рад быв о обращении
тоя овцы и правом ея возвращении,
Потщася, довольнѣ ю наказав, крестити,
от грѣховной сквѣрности всечисто омыти,
Егда же, от грѣх яко вранъ бывша черная,
от тѣлесных сквернъ что сажа чермная,
Паче чистѣйшаго снѣга убѣлися,
от сквернъ, аки от блата, чюднѣ очистися,
Тогда бысть раба Богу, Отцу истинному,
и невѣста жениху, Христу любезному.
О нейже небесныя силы ликоваху
и о радостной оной вси ся веселяху.
О сей радости Христосъ Богъ сам изявляетъ,
яко о грѣшномъ в небѣ едином бывает.

О семъ нам, грѣшным, требѣ въ веселии быти,
толику царску милость всюду всѣм гласити.
Егда в небеси радость многа сотворися,
еже бо Евдокия святая крестися,
Тогда демони лютѣ зѣло возстенаша,
о спасении ея вельми сѣтоваша,
Яко имъ та удица, тая сѣть отяся,
еюже человѣческий родъ во ад уловляся.
Видѣ сама святая тѣ сѣтующия,
аггелы же святыя ся веселящия,
Ибо, яко апостолъ Павелъ, просвѣщенна
бывши, во возсторзѣ бысть в небо восхищенна,
Отнуду же от силы в силу поступаше,
добродѣтели многи зѣло проявляше.
В чистотѣ восхотѣ плоти и духа пребыти,
во чинѣ иноческомъ Христови служити,
В немже плоти си и страсти тако умертвила,
яко и аггелы вся превозвеселила.
И мо*щ*но бѣ аггеломъ ону нарицати,
ангельску житию ся ея удивляти.
Не толь угодна бяше бѣсу блужением,
елико любезна бѣ Христу служениемъ.

За житие си злое и пиянственное
восприят трезвѣние повседневственное;
За сладкия пищи сух хлѣб скуднѣ вкушаше,
за сладко вино хладну воду приимаше;
За златы ризы зати[1] себе украшаше,
в раздранно рубище себе облачаше;
За скверны пѣсни псалмы пѣвше духовныя,
за скакание творя поклоны всенощныя;
За мяхки постели на земли валяшеся,
за многий сон бдѣние же совершашеся;
За скверны любители Христа единаго
возлюбила всѣм сердцемъ Бога истиннаго.
Злато же и сребро все убогим раздаше,
насъ ради Обнищавшу в нищетѣ служаше.
За богатство мирское, скверны собраное,
купи себѣ Царствие вѣчно Небесное;
За присное плотское си угождение
яви Богу духовно выну служение;
За вседневну веселость слезы изливаше
во дни и в нощи, аки хлѣб сладкий ей бяше,
Яже вреда и блазни камень прежде бывый,
юнымъ то источники слезныя явивый,
Имиже молитву си жертвъ преуслаждаше,
зѣло преугодную Богу сотворяше;
Всесожжение тогда тучно является,
егда смиренна сердца слезы смочается.
Тѣмже подобаетъ нам слезы изливати,
многия наша грѣхи тѣми омывати,
Да чисты пречистому Господу явимся,
в небесный чертогъ внити с ним удостоимся.
Тако убо святая Господу служаше,
яко от него чюдесъ си*лу* восприяше
Толику, яко словомъ своим умер*щ*вляти,
и паки мертвых тѣм же чюднѣ воскрешати.
Нѣкто Филостратъ, ея красоты рачитель,
предваршипй паче многих усердно любитель,
От лукаваго бѣса бысть злѣ наученный,
на прелесть всехитростнѣ ко святѣй пущенный,

[1] веригами (?).

Хотя преподобную лукавнѣ прельстити,
похотствование си скверно совершити.
Якоже Еву егда демонъ искушаше,
тогда во змиинъ образ себе воображаше,
Тако Филостратъ хотѣ святѣй сотворити,
къ сотворению грѣха удобну явити.
Облече в монашеско ся одѣяние,
да возимѣет с нею бесѣдование.
О, люты в погибель души лести демонские,
злолукавыи хитрости вся сатанинския!
Волкъ в овчей кожѣ хощет овцу поглотити
Христов*у* и от жизни къ смерти преложити.
Приходит рабъ демонскъ, сынъ тмы, ко дщери свѣта,
хотя прельстити, яко в предваршая лѣта,
И свѣтъ благодати в ней грѣхом помрачити,
от стези святыя в дебрь скверны низринути.
Но единою себе Богу вручившая,
вся красоты плоти возненавидѣвшая,
Вся сласти, вся красоты мирския презрѣла,
вся бо та душегубны ей благи узрѣла.
Тѣмъ Филострата прежде, тлнувше[1], умертвила,
таже удобно паки словом воскресила.
И научи вѣчныи смерти ся бояти,
временная в тлѣнная весма презирати.
Покаявшая же ся настави грѣшника,
от скверн скверн очищенная — сквернаго блудника.
Да яко прежде с нею общникъ злобы бяше,
тако покояние подобное взяше.
Не престай же супостат брани на нь творити,
но паче, паче прежня зѣло ратовати.
Чрез рачители ея пакость ей творяше,
Уалериану же царю глаголаше,
Ибо чтетъ она Христа распятаго,
повѣдает й — благий Бога истиннаго.
Емуже представъ, Бога исповѣда быти,
и яко готова за нь душу положити.
По страдании сына царева воскресила,
самого царя вѣрѣ во Христа научила.
И елико врагъ паче на нь устремляшеся,

[1] здесь: дунув в лицо.

толико ею славнѣ той побѣждашеся.
За что ята бысть рабом его Игеметом,
по муках свобождает прияти Диагеном.
Егда от Диагена свободу прияше,
в постѣ и молитвѣ выну пребываше,
Не преста имя Христа Бога прославляти
и за имя его смерть желает прияти,
Да оно тѣло, еже много согрѣшаше,
приметъ наказание, усердно желаше.
По нѣкоемъ времени сие ей сотворися,
за Христа Викентиемъ во главу посѣчеся.
Посѣчеся в тѣло — душею спасеся,
уби ся в плоти духомъ в небѣ вознесеся,
В немже Христу предстоит весма украшенно,
славою царскою и вѣнцем удобренна.
Ко Царю Небесну имать же дерзновение —
за творящих ю память честно моление.
Тѣмже и умильно молим тя, мати святая,
буди нам ходатаица к Богу теплая;
Умоли Феодору царю здраву быти,
много лѣтъ на Божию славу здѣ пожити.
Ибо Феодоръ царь нашъ Божий дар зовется,
без всяка вреда дар сий в мирѣ да блюдется.
То даром Божиимъ есть благо в мирѣ людем,
о немже къ Спасу сице гласити мы будемъ.
Спаси, Боже, помилуй Феодора-свѣта,
царя нашего здрава на многа лѣта.
Благо есть с мудрым царемъ нам здѣ жити
и ему, вѣрну рабу твоему, служити.
Подаждь враги под ноги его покорити,
предѣлы царства зѣло много разширити;
Посли ангелы твоя хранити державу,
разшири во вселеннѣй российскую славу.
Пресвѣтлѣйшей царицѣ Агафии дати
изволи во здравии долгоденствовати.
Царицу Наталию изволь щадити,
Даждь ей во здравии блазѣ долголѣтно жити.
Пресвѣтла царевича блюди Иоанна,
здрава в благости избранна.
Пресвѣтлу царевичю Петру изволь дати
здраву, мудру и славну долголѣтствовати.

Благовѣрнымъ царевнамъ даруй многа лѣта,
да тя хвалятъ и славятъ, истиннаго свѣта.
Святѣйший патриархъ и весь чин священный
во кровѣ[1] ти милости да будетъ храненный.
Князи, боляры здравы, сильны да храниши,
вои и вся вѣрныя люди да щадиши.
Утоли, Евдокиа, преподобна мати,
да благоволитъ Господь силу воемъ дати
На злолютыя враги, иже разоряют
неповиныя люди и во плѣнъ хищают.
Умоли нам житие мирное стяжати,
нашествия от враговъ лютых не страдати;
Церкви разширение тщися упросити
и в ней бы согласию, не расколом быти;
Земли благоплодие и вся нам благая,
да приобрящетъ твоя молитва святая,
Изряднѣе дабы всѣм благочестно жити,
Богу угождьше, в небѣ по смерти въ вѣкъ быти.
Мы же благодарствие имамы творити,
помощъ любве твоея немолчно славити,
И нынѣ тя славяще главы преклоняем,
Евдокия святая, тебѣ величаемъ.

СКАЗАНИЕ О СТРАСТЕХ ГОСПОДА БОГА* И СПАСА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА, КАКО ПРЕТЕРПѢ БЕЗВИННО СОЗДАТЕЛЬ ВСѢХ ОТ БЕЗЗАКОННЫХ ЖИДОВ ПОРУГАНИЕ И КРЕСТЪ И СМЕРТЬ РАДИ ГРѢХ И БЕЗЗАКОНИЙ НАШИХЪ

Кто ся не дивитъ и не ужасаетъ,
от своих очесъ слез не изливаетъ?
Солнце бо наше како измѣнися,
радость во слезы, день в нощъ преложися!
Велий дождь слезны очи заливаетъ,
духъ от печали внутрь нас исчезаетъ,
Вся темный облакъ плачевно заводит,
камень — не сердце, аще слез не родитъ.
Творецъ бо за тварь си что содѣваетъ,
зри, какову къ ней любовь являетъ!

[1] под покровом.

Ради бо ея душу полагаетъ,
свобождь от ада, въ небо водворяетъ;
Юже любовь нам подаждь, Христе, знати,
волю ти творя, выну прославляти,
О страдании ти днесь глаголати,
благоволи нам помощь твою дати.
Новый Израиль, от Бога избранный,
прийди и виждь страх, трепетъ несказанный!
Во Ерусалимѣ от всѣх старцев, судей,
архиереевъ и жидовских людей,
Днесь на всей земли, Богомъ сотворенный,
всему преясно миру проявленный,
В первыхъ на Творца совѣтъ сотвориша,
яже у раба зла она купиша
Иуды, сребреникъ за нь тридесять даху
и, како и́ взяти, совѣт восприяху;
Егоже злаго с вои посылаютъ,
Иисуса им [1]яти завѣщаютъ[1].
Иуда, приявъ вои, иде искати,
во вертограде Христа обрѣтати,
Иже за Кедрским потоком стояше, —
Иисусъ бо в нем часто пребываше;
И во оный часъ тамо пребывая,
колѣна *своя ко* Отцу преклоняя,
В молитвѣ Отцу и Богу глаголя:
«Отче, да будетъ твоя во мнѣ воля!»
Сице в молитвѣ Христосъ утрудися,
лице бо кровавым потом все покрыся.
Вѣдя Иисусъ вся на нь грядущая
и от Иуды быти имущая,
Благоизволи с мѣста поступати,
на волную страсть[2] воемъ отдати.
И, мало с мѣста поступивше,
воемъ, ищущим его, возопивше:
«Кого с свѣщами здѣ в нощи ищете
и з дреколиемъ изобрѣтаете[3]?»
Иисуса же рекоша искати,
онъ благоволи «Аз есмь» глаголати.

[1—1] приказывают схватить; [2] добровольное страдание; [3] с дубинами разыскиваете.

Егда Христовы уста се рекоша,
воини воспять на землю падоша.
Иисусъ паки рекъ: «Кого ищете
и сице крѣпцѣ изобрѣтаетѣ?»
Вои же его рекоша искати,
той благоволи «Аз есмъ» глаголати.
Тогда Иуда Творца си лобзаше,
с вои лестию без милости яше.
Злии же вои Иисуса взяху,
ужемъ[1] прекрѣпко того увязаху,
Аки злии волцы начаша терзати,
на Агнца кротка зубы скрежетати.
Страхъ велий ему они твориша,
безмилостивнѣ Иисуса биша,
Святыя руцѣ прекрѣпко связаху,
яко злодѣя, связана влечаху.
Праведный Агнецъ смиренно терпяше,
ни едина въпрекъ слова глаголаше.
Апостоли же вси отлучишася
От Христа, развѣ[2] Петра, и скрышася.
Иисуса же вели одинока.
и, до Кедрскаго достигше потока,
От воевъ тамо на землю падеся,
лице его в нем о камень притреся[3].
Воини его абие подяша,
во дворъ Анны, *те*стя Каиафы, взяша.
Егда введоша во дворъ злаго Анны
Христа, давша им изобилно манны,
Анна на мѣсте прегордо сѣдяше,
на Иисуса яростно взираше.
Иисусъ пред ним умилнѣ стояше,
а на изводство дѣлесе[4] смотряше.
Обаче пред ним, зѣло преяростным,
человѣкомъ злымъ, весма нежалостным,
В ланиту рабомъ тако заушися,
яко тѣлесе крѣпости лишися,
На землю пред ним, псом скверным, упаде;
к Каиафѣ онъ от него ся веде,

[1] веревкой; [2] кроме; [3] поцарапалось; [4] разбирательство.

Иже восхотѣ совѣтъ сотворити,
  еже едина за всѣхъ уморити:
Единъ той за насъ умираетъ
  и всѣхъ насъ вѣчны смерти свобождает.
Егда же во дворъ к нему приведеся
  и къ Каиафѣ и старцомъ вдадеся,
Они же сердцы ся возвесилиша,
  в немилость ему вси ся обратиша.
Начаша старцы ему ся ругати,
  свидѣтелства на нь неправды слагати.
О, колико ти бысть поношения
  от них, злотворцевъ, и укорения!
Кто то возможетъ все изглаголати
  ли писанию подробну предати?
Свѣтлое лице его заплеваша,
  друзии платомъ очи закрываша;
Нѣцыи его в ланиту бияху,
  прорицания слышати хотяху:
«Прорцы, прорцы нам, Христе Иисусе,
  сый покровенный от насъ во убрусе[1],
От предстоящихъ кто тя ударяетъ?»
  Тебѣ ся, Царю, иудеи ругаютъ.
Многия страсти ту сотворишася,
  жиды же в домы вси возвратишася.
Иисуса в темницу ведоша,
  с верха лѣствицы в ону низвергоша.
В нюже толико лютѣ поразися[2],
  яко весь вельми о землю разбися.
Пречистѣ нозѣ в кладу заклепаху[3],
  милости ему никияже даху.
Много бяше в ней ему стенания,
  а жидомъ в ту нощъ о муцѣ тщания,
Во еже бы и́ жестокши мучити,
  пред всѣм народом пресрамно явити.
Во ону же зимнѣ[4] нощь презѣльно бяше,
  весна теплоты уступаше,
Зане весна намъ радости страдает[5]:
  Христосъ от жидовъ ругаем бывает.

---

[1] под платком; [2] ударился; [3] в колоду забили; [4] холодно; [5] лишает.

У Каиафы в дворѣ огнь горяше,
имже вои ся тогда согреваше.
Христовъ ученикъ Петръ от них назвася,
тѣмже от него клятва дася,
Яко Господа Христа си не знаетъ;
другий от воинъ его обличаетъ,
Яко: «Со Христом тя во вертоградѣ[1] видѣх»
Петръ же ему рекъ, яко: «Ту с ним не бѣхъ».
Абие же петелъ[2] воскричаше,
Петръ, из двора шед, много слез лияше.
Во утрий же день совѣтъ сотворяху,
немилостию сердца их горяху:
Иисуса, всѣх Господа, убити,
на древо в поносъ[3] его пригвоздити.
О всезлии, что се содѣваетѣ,
себе въ вѣчный огнь уготовляете!
Совѣща[4] и́ Пилату предати,
о смерти его крѣпце всѣм прошати;
Из темницы и́ связана въведоша
к Пилату и их множество внидоша.
Мнози словеса ту на нь глаголаху,
аки злодѣя пред нимъ поношаху;
Поношения неправды терпяше
Христосъ и ничтоже впреки глаголаше.
Пилатъ не смерти и́ достойна быти
позн*а*ваетъ, но весма свободити,
Но слышати то жиды не хотяху,
смерти достойна его нарицаху.
Услышав Пилатъ з Галилеи быти
его, не хотѣ Господа судити,
Ко Ироду его скоро отсылаетъ
и о всемъ ему дѣле изявляетъ.
Онже восприятъ Господа радостно,
о многих вещехъ вопрошает гласно[5].
Христосъ, предстоя ему, все молчаше,
яко безгласенъ не отвѣщеваше.
Четвертовласникъ Иродъ поругася,
с вои своими ему насмѣяся,

---

[1] в саду; [2] петух; [3] на позор, поношение; [4] решили; [5] громко.

Повелѣ в ризу свѣтлую одѣти,
дабы из него людемъ смѣх имѣти.
Воспять к Пилату его посылаетъ,
над нимъ в судѣ власть ему поручаетъ.
Егда же его в путь вои ведяху,
заушаху и зѣлне[1] бияху,
Дабы вси града жители то знали,
ему аки бы злому ся смѣяли.
В домъ ко Пилату приведеся,
во преторъ[2] от нихъ, всезлѣйших, дадеся.
Егда Пилату о семъ извѣстиша,
что Иисуса в преторъ посадиша,
Абие Пилатъ жидовъ созываетъ,
из претора к нимъ изшед, возглашаетъ:
«На мужа сего что порицаете
и вину кую в немъ изявляете?».
Они же злодѣя его нарицаютъ,
смерти достойна быти извѣщают.
К ним же вѣщаетъ Пилатъ: «Вы имите
и по закону вашему судите».
Они же рѣша: «Нѣсть нам убивати
лѣть, точию вамъ винных предавати».
Во преторъ Пилатъ паки самъ вступаетъ,
Иисуса вопрошаетъ:
«Ты ли еси царь — рцы ми — Иудейский
и вождь избранный славный Израильский?»
Иисусъ рече: «Се ты мнѣ глаголешъ,
самъ убо мене такъ быть истинствуеш»[3].
Архиереи же на нь клеветаша,
и старцы присно вси ложъ соплеташа.
Онъ вся ни во что сия вмѣняетъ[4],
яко безгласна себе всѣмъ являет.
Пилатъ безгластву его удивися,
по нѣколице над нимъ умилися,
Ищетъ, како бы его свободити,
и нача к жидомъ самъ ясно вопити:
«Азъ неповинна его знаю быти,
хощу убо вамъ царя свободити».

---

[1] сильно; [2] в резиденцию наместника; [3] считаешь; [4] считает.

Народи крѣпце гласы восклицаша,
 токмо кесаря себѣ нарицаша,
Иисуса же вси отрицахуся,
 на вящий зѣлно гласъ подвизахуся:
«Возми, возми и распни, Пилате!
 Кесарю будешъ другъ и всей полатѣ».
Видѣ се Пилатъ, что не успѣвает,
 но паче в жидѣхъ зла молва бывает, —
В умывальницѣ воду принимаетъ,
 сквернии руцѣ свои умываетъ,
Рекъ: «Аз не виненъ сего праведнаго
 крови, в смерть сию от васъ преданного».
Они же рѣша: «Кровь та на насъ буди
 и на всѣхъ дѣтех наших в вѣкъ пребуди!»
Тѣмъ Пилатъ нача Иисуса бити,
 Варавву велѣ от уз свободити.
О, что се страшно и чюдно явися,
 яко Владыка к мукамъ осудися!
Разбойника же от мукъ свобождает,
 архиереомъ Господа вручаетъ;
Жидовский же родъ превозвеселися,
 желание ихъ яко исполнися.
Игемоновымъ воиномъ вручаютъ,
 мучити его зѣло поучаютъ.
Воини в народ Христа изведоша
 и при всѣхъ ризы с него совлекоша,
К столпу и́ злии привезаху
 и без милости презѣльно бияху.
Тако и́ вои проклятии биша,
 даже и кожу от тѣла отбиша,
Едва при костехъ и тѣло держася,
 и от знаемых ни единым познася.
О, колико ту Иисусъ стеняше
 и от лютыхъ ранъ болѣзни терпяше!
Но ни от кого помощъ подадеся,
 токмо отрѣшенъ от столпа, — падеся.
Таже принужденъ в ризы ся облачати,
 пред ними, злыми, ему предстояти;
Хламидою и́ одѣта явиша,
 на высоцѣ же мѣсте посадиша,
На немже они ему ся ругаютъ

и вѣнецъ терновъ на главу возлагают.
Но от терния ости[1] проницаху,
главу до мозгу люто пробиваху.
Трость в десницу его ему даша,
тѣмъ они ему явѣ ругаша:
На свои пред нимъ колѣна падаху,
ему, Господу, тако ся ругаху:
«Радуйся нынѣ, царю Иудейский,
рекий, яко Спасъ еси Израильский!»
Начаша в лице царское плевати,
многу хулу на нь в народ глаголати,
Таже, вземше трость, во главу Христа биша
и ни малыя милости явиша.
И тако Христа крѣпце биша, биша,
яко доброты всея й лишиша.
Красное лице причерно явися,
уста, очеса, весь зракъ[2] измѣнися,
Завѣтъ живота [3]языкъ вѣщателн*ый*[3],
присно всѣмъ благо намъ глаголателный,
Глаголати у[4] от труда престаше,
паче и вся плоть насъ дѣля страдаше.
Власы кровию главы смочишася,
лице, все тѣло очервленишася[5],
Яко нигдѣже цѣлу мѣсту быти,
еже бы крови множества [6]не точити[6].
Увѣдев же се род жидовъ злозлывы[7],
в милость нимало онъ ся преклонивый,
Яко Иисусъ тако умучися,
даже красота его погубися.
Во дворъ к Пилату его поведоша,
и, в онъ егда с ним жидове внидоша,
Скоро из окна Пилатъ изницает[8],
Иисуса же в крови усмотряетъ.
Зѣло онъ Пилатъ над ним умилися
и немилости жидовъ удивися.
Старцемъ всѣмъ в окно его являет,
злыхъ иудеевъ о нем упрошаетъ,

---

[1] шипы; [2] вид, облик; [3—3] язык, обещающий жизнь; [4] уже; [5] окровавилось; [6—6] не текло; [7] злобный; [8] выглядывает.

Дабы невинна смерти свободили;
иудеи же зѣло возопили:
«Пилате, возьми, возьми и *вели распяти*
дерзнувша царемъ себе *на*звати!»
Видѣвъ се Пилатъ, что не успѣвает,
но паче в жидѣх зла молва бываетъ,
К Гавватѣ мѣсту нача поступати,
идѣже Христа на смерть осуждати.
И егда убо в мѣсто оно прийде,
во народ гласъ свой преясно возведе:
«Назарянина, развращающаго
люди, Иисуса, *ся* противящаго
Кесарю, како рекутъ иудеи
и невинному цареви злодѣю, —
Архиереи, оного возмите,
на лобнѣмъ мѣсте днесь распните!»
Егда же Пилатъ на крестъ осудилъ есть,
спекулаторемъ[1] его злым вручил есть,
Они убо крестъ на рамена[2] его
тѣла избита пречистаго всего
Претяжкий егда злии возложиша,
велию тягость к мукамъ приложиша.
И единому ему, пресвятому,
нести велѣша, Господу благому,
До того мѣста, идѣже пропяти[3],
и в пути с него не хотѣша сняти.
Иисус скорбми преизнемогаетъ
и во пути с ним много упадаетъ.
Таже с оного крестъ тягостный сняша,
Киринею и́ нести завѣщаша.
Вероника же ко нему приступи,
лентионъ[4] Христу Иисусу вручи,
Дабы с лица кровь ему отирати
и от милости ю не отрѣвати[5].
Оттолѣ мало Спаситель поступи,
обращся к женам плачющим, возопи:
«О жены, о мнѣ вы да не плачите,
но о себѣ и о чадѣхъ плачите!»

---

[1] палачам; [2] плечи; [3] распять; [4] полотенце; [5] не отлучать.

Егда же Христа со крестомъ ведяху,
тогда злодѣя два вкругъ его бяху,
Иже и окрестъ и́ распяты быша,
единъ в рай, вторый в муку улучиша[1].

Егда же убо на мѣсто лобное,
всему народу зрѣти удобное,
Иисуса Христа они приведоша,
злотворцы на крестъ его возведоша.
Первѣе руцѣ его прибиваютъ,
на крестном древѣ зѣло вытягаютъ.
Даже бысть мощно вся составы зрѣти,
от страха всѣми сердцами болѣти.
Таже честныя нозѣ пригвоздиша,
землю кровию его омочиша.
На землю скоро с крестомъ ударяютъ
и вся прежния раны отворяют.
О, колико ту ему было страсти,
егда Господу с крестом бяше пасти!
Все сие Иисусъ нас дѣля приемлет,
падающихъ нас любезно подемлетъ.
Воини убо ризы раздѣлиша,
Пилату вину[2] на крестѣ возложиша.
Гречески, римски писано, еврейски:
«Иисусъ Назорей, царь Иудейский».
Совѣтъ еврейский Пилату ропташе:
«Вскую сице над Христомъ писаше?»
Онъ же жидомъ злобным сице отвѣщаше:
«Что писахъ — писах, нѣсть то *д*ѣло ваше».
Егда Иисусъ бысть на крестѣ воздвиженный,
разбойникомъ крестъ той утвержденный.
Глас милосердный ко Отцу изрицает[3],
Своимъ убийцам милости прошаетъ:
«Отче любезный, ко всѣм милосердный!
Отпусти вины за нравъ их злосердый,
Зане не вѣдятъ, что мнѣ сотворяют,
и такъ безумно мнѣ ся поругаютъ».
О, милостивый мой любезный Боже,
кто твою милость выславити может?

---

[1] попали; [2] виновность; [3] обращает.

Воистинну всю тварь преудивляешъ
и насъ от страстей страстьми[1] свобождаеш.
Но и вторый гласъ к Матери вѣщаетъ,
Иоанна ей сыномъ нарицаетъ,
Марию ему материю быти,
да во всемъ числѣ возлюбитъ служити,
На крестѣ убо его повѣшена,
доброты плоти и славы лишенна.
Архиереи окрестъ обхождаху,
главы своими на него киваху:
«Аще сынъ еси Божий, — с креста сниди,
пред еврейский нашъ сонмъ свободно прийди!
Будемъ мы тебѣ тогда вѣровати,
Аще можеши чюдо показати:
Соломонову церковь разориши
и треми деньми паки соружиши.
Но како иныхъ ты хотѣлъ спасати?
Се не можеши себе с креста сняти».
Много же они хульныхъ словъ вѣщаху
И ни едини имъ то запрещаху.
От разбойника едина хулися,
вторый над онымъ зѣло умилися,
Хулившему бо о томъ запрещаетъ,
Христу Господу мольбу предлагаетъ,
Дабы Иисусъ имѣлъ помяненна
в Царствии своемъ и от грѣх прощенна.
Прощаетъ Христосъ и рай обѣщаетъ,
егда сицевъ глас от устъ испущаетъ:
«Се аминь, аминь аз тебѣ глаголю,
днесь приимеши в раи моемъ долю!»
Четвертое же слово изречеся,
от Христа жидомъ во уши внесеся,
Еже на крестѣ пити возжадаша;
они оцетъ[2] и желчъ ему даша.
Пятое слово Иисусъ прояви:
«Боже, Боже мой, вскую мя остави?»
Шестое слово сие услышася:
«Вся писанная усовершишася[3]!»

---

[1] страданий страданиями; [2] уксус; [3] свершилось.

Тварь, на своего Создателя зряше,
прегорко зѣло невинно стеняше,
Не гласы она жидомъ испускала,
но паче гласа въ вещехъ показала,
Чювственное бо солнце измѣнися,
в необычную темность преложися.
Луна одѣся в кровавую ризу
и преустраши плѣжущия[1] низу.
Что се есть странно и чюдно явися?
Яко внезапу свѣтъ тмою покрыся.
Тма и мракъ часа от шестаго быста
до девятого, в оньже возописта
Устнѣ[2] Христовы: «Отче мой небесный,
духъ предаю ти, сынъ *тв*ой прелюбезный!»
Седмыи то бысть, послѣднее слово,
абие мертво тѣло бысть Христово.
Тогда ужасно чюдо сотворися,
ибо всей твари животъ умертвися,
Естество всяко страхомъ трепетася.
Жестокъ жидовский род не убояся
Творца своего лютѣ умертвити,
благодѣтеля с злодѣи вмѣнити[3].
Ахъ, каковъ велий страхъ бысть несказанный,
от безсловесныхъ тварей показанный.
Нача от неба, от земли трусъ[4] быти
и без гласа вещми самыми вопити,
И церковная раздрася запона[5],
сотворенная от [6]синетъ висиона[6],
Вдвое чюдесно от края вышняго
раздрася даже до края нижняго.
Вѣтры и бури ходити начаша
и страшно вещи в ничто обращаша.
От оснований земля потрясеся,
многих камений твердость распадеся.
Гроби умершихъ себе отверзоша,
и многихъ святыхъ плоти[7] воскресоша.
Сотникъ же Логвинъ и иже стрежаху,
вси дивитися бывшим не можаху:

---

[1] ползающих; [2] Уста; [3] приравнять; [4] землетрясение; [5] завеса; [6—6] окрашенного в синий цвет льна; [7] тела.

От труда[1] страха такъ ся ужасаетъ
сотникъ, якоже сице возглашаеть:
«Воистинну сей есть Сынъ Бога жива,
страда от сонма жидовска вселжива!».
Таже от воинъ единъ приступает,
в ребра Иисуса Христа прободаетъ,
Из нихъже вода и кровь излияся,
вѣрно пиющим во спасение дася.
Како же Мати, зря сие, терзася,
болѣзненными стрѣлы пронзася!
Како душа не изступи тѣла
от таковаго ужасного дѣла!
Како составы не разступишася,
иже от Творца совокупишася?
Егда гвоздие в руцѣ проницаху, —
тоя же сердце копие пронзаху,
И безчестие удесе[2] всякаго
Иисусъ Христа-свѣта пресладкаго, —
Болѣзньми тоя душу уязвляше
и от очию слезы извождаше.
Сие ей вмѣсто стрѣлъ бысть вонзение,
предстоящихъ ту злых досаждение
И приходящих же посмѣвания,
поношающих на нь глаголания,
Равно убийству вси слагающеся,
Христу и Богу наругающеся.
Тогда Дѣвая[3], прелютѣ стонавши
и отшествия иудей дождавши,
Ко кресту скоро, чистая, приступаше,
пречестнѣйших ногъ язвы обемлюще,
На язвы и кровь Дѣвая взираше,
горкия слезы точащи[4], вѣщаше:
«Иисусе мой прелюбезный,
прелюбезный же весма и Царь Небесный!
Сия ли тебѣ за нисхождение[5],
сия ли же тебѣ за благодѣяние,
От злосердых рабъ Христу воздаяния,
от злолютѣйшихъ воздарования?

[1] мучения, тягости; [2] члена; [3] Дева; [4] проливая; [5] снисхождение, милость.

О дерзнутия[1] людей беззаконныхъ!
О суда на тя от непреподобныхъ!
Осужденнии тебе осудиша,
И неповинна виннии укорша,
[2]В мѣсто великихъ благъ ти умыслиша,
в благодѣяний мѣсто[2] се воздаша.
За мертвых вставших тебѣ укоряютъ,
смертию тако страшно умер*щ*вляют.
За очесами людей просвѣщенных,
и от различных недугъ свобожденных, —
Тѣлесны твоя очеса смѣжиша,
пресладкаго ми свѣта обнажиша[3].
О Чадо мое, мнѣ прелюбезное,
радование земных небесное!
Како понесу твое терпѣние
и невинное злое мучение?»
Таже Мария, Иосифу зряше,
к нему, чистая, тогда глаголаше:
«О Иосифе! Тѣлесе просити
Иисусова и в землю сокрыти
Тщыся[4] к Пилату, дерзай то творити,
себе безсмертну славу улучити[5].
Аще подобно человѣку страда*л*,
но землю, яко Богъ, всю поколебалъ,
Ибо тварь сея страсти бояся,
въ естествѣ своемъ вся поколебася».
Иосифъ убо скоро се сотвори,
тѣло со креста онъ сняти испроси.
Тогда Мария сама ту служаше,
со креста тѣло Иисуса снимаше,
Язвы чистая удесъ лобзаше,
тѣло слезами все обмываше.
Снемше же с креста, положиша в гробѣ,
от Иосифа устроенном новѣ.
Всѣхъ Марииных подробну стенаний
написати не лѣть есть и страданий,
Никто бо тако возможетъ слезити
и умильныя слова износити,

---

[1] дерзость; [2—2] Взамен великих благ на тебя посягнули, за благодеяния; [3] лишили; [4] Спеши; [5] получить.

Како Мария по сынѣ слезила
и умильныя слова износила,
Иногда «Сыне мой, Сыне!» зовяше,
«Чадо, Чадо, свѣте мой!» вопияше,
«Увы мнѣ, увы, сирѣй здѣ оставшей,
выну при тебѣ мнѣ жити желавшей!»
Овогда на тварь всяку возглядаше
умильныя гласы издаваше:
«О ерархии трие небеснии
и слуги Богу присно нелестнии!
Сие странное чюдо созерцайте,
Творца своего нынѣ познавайте.
Серафими, вы близ его стоите,
от страха лица си сокрываете;
Херувими, вы мудрость его зрите,
купно со мною о оном слезите;
Престоли, на васъ Богъ сей почивает,
жиды распятъ, днесь плотию бывает;
Господьства, мира работы[1] свободны,
в начальный зрѣти свѣт Творца удобный;
Силы, зрители свѣта силотворна,
дѣлатели в людехъ дѣла чюдотворна;
Власти, имате силу властотворну,
всехитростну и от всѣх чюдотворну;
Начала, славы зрители чюдимой,
от всѣх сладости той непостижимой;
Архангели же, тайнамъ служебнии
и над ангели вы учиненнии;
Ангели, вы силъ небесъ скончание —
зрите днесь мое Сына стенание.
О всехитрое Бога творение
и его всечюдна строение!
В сей премудрости Творца созерцайте,
жалостныя же пѣсни воспѣвайте:
Небеса, звѣзды и вся седмъ планеты,
времена суть вся вѣковъ и вся лѣты.
О земле, твердость вѣчных оснований,
горы и холми, древа чюдныхъ зданий,

[1] суеты мира.

Море, рѣки и все устроение[1] —
зрите Христово днесь умер*щ*вление!
От тѣх, ихже имѣлъ прелюбезныхъ,
и прославилъся имъ в дѣлех чюдесных;
От тѣх, которыхъ Египта избавилъ,
в землю, точащу[2] мед, млеко, наставилъ;
От оныхъ, имже море раздѣлися,
без всяка бѣдства прейти сотворися;
Имже из горкихъ вод сладки творяше,
манною с неба, крастельми[3] питаше;
Кѣмъ из камене вода истекаше
и в пустыни от змий ся храняше.
О Иисусе, Свѣте мой сладчайший,
животѣ мира всего вседражайший!
О Чадо мое любимое! В*и*жду
тя и скорбь в себѣ превелию зижду,
Яко не могу мертва тя аз зрѣти,
матернимъ моимъ сердцемъ не болѣти.
О Иисусе, Сыне мой любезный
и во благих дѣлех чюдесный!
Что ино имамъ днесь аз сотворяти?
точию себе скорбию снѣдати,
Сердцемъ о тѣбе, Сыне мой, ст*о*нати,
слезы из очей моихъ изливати.
И како убо аз не возрыдаю,
егда умерша тебе созерцаю?»
Тѣмже тя, Дѣво пресвятая, молимъ,
со слезами милости твоей просим,
Молимъ тя, Дѣво, чрез слезы драгия,
излиты в страсти твоя премногия,
Молимъ: упроси у Сына твоего,
Христа, нашего Бога любезнаго,
Царю нашему Феодору дати
цѣлость здравия, и в нем пребывати
Многая лѣта во всякомъ здравии,
в радости же и веселии,
И никогдаже ему скорбну быти,
но во здравии Сыну ти служити

---

[1] создание; [2] источающую; [3] коростелями.

И тебѣ, Мати, небесной царицѣ,
православных всѣх скорой помощницѣ.
О пречистая непосты*ж*ная[1] Мати,
преисполненн*а* еси благодати!
Молим тя: Сына упроси твоего
Христа, нашего Бога любезнаго,
Царю нашему здраву пребывати,
вся супостаты своя побѣждати.
И кто-либо врагъ ему сотворится, —
абие мечемъ его да смирится,
Слава его миръ весь да исполняетъ,
идѣже либо свѣтъ солнца сияетъ.
Яко свѣтила от солнца свѣтъ вземлют,
тако от него честь вси да приемлютъ;
Потщися ему, Мариа, воздати,
радость во Царствѣ его содѣяти,
Замыслы враговъ вскорѣ разрѣшати[2],
царства прѣделы славно разширяти, —
Подаждь твоему благовѣрну рабу,
А намъ от Сына ти данному дару* —
Хулящихъ Христа и тя побѣждати,
Сына твоего гробъ от турков взяти,
Ибо онъ весма и́ зрѣти желает,
тѣмже здѣ создавъ и́ преукрашает.
Даждь ему здраво многолѣтствовати,
всякимъ богатствомъ прейзобиловати,
Даждь с царицею в веселии жити,
со Марфою дни благи числити[3].
Посли убо имъ, Дѣво, благоплодство,
даруй в мирѣ семъ миръ и благоденство.
Даждь Наталии царицѣ
жития свѣтлость, якоже денницѣ.
Даждь Иоанну, царя славна сыну,
здраво, блаженно пребывати выну.
Подаждь и Петру, от царя рожденну,
многолѣтствие быти умноженну.
Свѣтлымъ царевнамъ даруй многа лѣта,
да тя Сына славятъ, миру свѣта.

---

[1] непостижимая; [2] разгадывать; [3] считать.

И весь домъ царский изволь соблюдати,
что кому в пользу, то всещедро дати.
Пастыря Руси изволь соблюдати
здрава многа лѣтъ в твоей благодати.
Архиерейский ликъ, чинъ весь священный
в милости твоей да будетъ храненный.
Князи, боляре да благословиши,
русския вои сама укрѣпиши
На враги турки, на скифы поганы.
Защити от нихъ весма христианы!
Причту церковну во покровъ ты буди,
храни иноки и мирския люди,
Да вси благодать твою величаютъ,
заступление выну прославляютъ.
Молим тя, Дѣво, чрезъ слезы драгия,
излиты в страсти твоя премногия,
Молимъ: упроси у Сына своего
присно всѣмъ жити в благодати его,
Страсти же его в памяти имѣти,
сице насъ ради страдавшему пѣти:
Покланяемся страстем твоим, Христе,
покланяемся страстем твоим, Христе,
Покланяемся страстемъ твоим, Христе,
Яви славное твое Воскресение!

ВРУЧЕНИЕ БЛАГОРОДНОЙ И ХРИСТОЛЮБИВОЙ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ, ПРЕМУДРОЙ ЦАРЕВНѢ, МИЛОСЕРДНОЙ СОФИИ АЛЕКСИЕВНѢ ПРИВИЛИЯ НА АКАДЕМИЮ* ВЪ ЛѢТО ОТЪ СОЗДАНИЯ МИРА 7193, А ОТЪ ВОПЛОЩЕНИЯ БОГА СЛОВА 1685 МѢСЯЦА ИАННУАРИЯ ВЪ 21 ДЕНЬ

Премудраго царя Соломона о премудрости въ книгахъ его сицевая вѣщания: Премудрости ради прииму безсмертие и память вѣчную симъ, иже по мнѣ, оставлю. Прем. гл. 8.

Взыщите премудрости, да живи будете. Прем. гл. 9

Почтите премудрость, да во вѣки царствуете. Прем. гл. 6

Вожделѣние премудрости возводить къ царству вѣчному. Прем. гл. 6

Множество премудрыхъ спасение миру. Прем. гл. 6

Ни единаго бо возлюбить Богъ, токмо сего, иже съ премудростию пребываетъ. Прем. гл. 7

Суетни убо вси человѣцы, въ нихъже не подлежитъ премудрость о Бозѣ. Прем. гл. 13

Премудрость бо и [1]наказание уничижаяй[1], не честенъ есть, и праздно упование ихъ, и труды безплодны, и неключима суть дѣла ихъ. Прем. гл. 3

БЛАГОРОДНАЯ И БЛАГОВЕРНАЯ, БОГОМЪ ВОЗЛЮБЛЕННАЯ, ПРЕМУДРАЯ И МИЛОСЕРДНАЯ, ВЕЛИКАЯ ГОСУДАРЫНЯ ЦАРЕВНА И ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА СОФИЯ АЛЕКСИЕВНА!

Нѣсть дано людемъ совершенно знати,
кто отъ нихъ сосудъ духа благодати.
Обаче яко огнь явленъ бываетъ
чрезъ знамения, где ся обрѣтаетъ,
Тако Духъ Святый творить знамения,
благодати си въ душахъ вселения.
Егда убо той въ душу ся вселяетъ,
три благодати дѣйствомъ исполняетъ:
Умъ умудряетъ, что есть благо, знати,
волю же движетъ благаго желати,
А память нудитъ[2], еже совершити
дѣло благое, дабы ползѣ быти.
К томужде, яко домъ си управляетъ,
благодатию окрестъ ограждаетъ.
Яко учитель въ своемъ училищѣ
премудрость даетъ въ ума хранилище,
Яко царь правитъ въ своемъ царстѣ граде
и [3]вертникъ плодствитъ во своемъ оградѣ[3],
Яко солнце ту присно освѣщаетъ,
теплотою си лучесъ согрѣваетъ,
И яко кормчий добрѣ управляетъ,
Богу любезна творить наставляетъ.

[1—1] поучение уничижающий; [2] понуждает; [3—3] садовник выращивает в своем саду.

Та душа присно тщится Бога зрѣти,
в ней живущаго весела имѣти.
Тѣмъже обиды всяки забываетъ,
подобство Бога въ себѣ сохраняетъ,
Иже подаетъ свѣтъ си, яко благимъ,
Въ тожде время той дарствуетъ и злымъ.
Всѣмъ, яко себѣ самому, благъ желаетъ,
молитву о нихъ къ Богу возсылаетъ,
Подобясь Христу, о вразѣхъ моли*вшу*
Отца, свободы грѣховъ имъ просившу.
Все тщание си та имать о Бозѣ,
о его чести и славе премнозѣ,
Усердствуетъ бо того прославляти,
словомъ и деломъ выну величати.
Никое тако любитъ веселие,
яко Господу въ Церкви хваление.
Ни о чемъ тако увеселяется,
яко егда что въ честь созидается
Господу Богу, Творцу Всемогущу,
присно оному въ той душе живущу.
Вѣру, надежду, любовь сохраняетъ,
милость, правду, судъ цѣло соблюдаетъ.
Мудрость, мужество и мѣрность имѣетъ
и Духомъ Святымъ въ благодати спѣетъ.
Присно бо она душа есть готова
послушна быти Божиего слова.
И совершенства усердно желаетъ,
въ добродѣтелехъ выну поступаетъ.
Благохотна же Богу работати,
не вѣсть во скорби ропта испущати.
Та знамения, гдѣ ся обрѣтаютъ,
Духа Святаго жилище являютъ;
Ибо сия вся не могутъ пребыти,
аможе[1] Господь не изволитъ жити.
Но сия въ тебѣ суть вся заключенна,
яко в ковчезѣ людемъ предложенна.
Тѣмъже домъ еси Духа Пресвятаго,
отъ всѣхъ избранный Бога преблагаго.

---

[1] где.

Въ твоемъ бо сердцѣ любезнѣ витаетъ,
жити спасенно той тя устрояетъ.
Ты же того свѣтъ не мраченъ храниши
въ сосудѣ сердца, и намъ тѣмъ свѣтиши.
Яко въ зерцалѣ солнце образится[1],
тако въ души ти Духъ Святъ нами зрится,
Емуже годѣ[2] въ душѣ твоей быти,
яко на горнемъ престолѣ си жити.
Храмъ еси Богу, иже живя въ тебѣ,
благостроитъ тя, вѣрну рабу себѣ.
Пресвѣтлая дщерь пресвѣтлаго царя,
многихъ царствъ и княжствъ и земль государя,
Благовѣрная велия царевна,
премудра София Алексиевна,
Отъ Пресвятыя Троицы возлюбленна,
ея святыми дары одаренна!
По имени ти жизнь твою ведеши,*
дивная рчеши, мудрая дѣеши.
Слично[3] Софии выну мудрой жити,
да вещь съ именемъ точна[4] можетъ быти.
Премудростию во вселеннѣй славна,
въ милосердии ко всѣмъ намъ прехвальна,
Мудрыхъ и благихъ ты любителница,
милостию си тѣхъ снабдителница.
Сама ты Богомъ самѣмъ умудренна,
премудростию свыше предпочтенна,
Яже мудрость тя учитъ божественнымъ,
сущимъ духовнымъ, вышеестественнымь.
Елико небо земли удаленно
и паче ея свѣтло украшенно,
Толико мудрость, юже небо родитъ,
земную свѣтомъ правды превосходить.
И паче земли коль небо велико,
мудрость небесна надземну толико,
Еюже, царство правящи, трудишься,
и тою россы просвѣтити тщишься.
Якоже Ольга свѣтъ вѣры явила,*
за еже небо вѣчно улучила,
Тако и ты свѣтъ наукъ явити

[1] отражается; [2] угодно; [3] Подобает; [4] сходна, равна.

хощешь России и въ небѣ вѣкъ жити,
Вѣдяще, яко безъ пищи пребыти,
не лѣть безъ тока водѣ исходити
Или безъ очесъ ясный дне свѣтъ зрѣти,
безъ души убо живу кому быти, —
Тако разумну быть безъ учения
и безъ прилежна всѣмъ попечения.
Иже не вѣдятъ и не разумѣютъ,
пророкъ глаголетъ, те во тьмѣ шествуютъ.
Тьма мракъ безъ солнца, безъ мудрости тоже,
тобою ону утверди въ насъ, Боже,
Дабы въ России мудрости сияти,
имя ти всюду въ мирѣ прославляти.
И поносъ[1] отъ насъ хощеши отъяти,
яко Россия не вѣсть наукъ знати.
Егда же отъ тя тою просвѣтится,
вся вселенна о томъ удивится,
Яко ты перва здѣ мудра явися,
тобою мудрость весьма возлюбися.
Тоя отъ тебе свѣтъ нача сияти,
въ Москвѣ невѣжества темность прогоняти.
И имать вѣчно слава ти сияти,
мудрости ся ти имя прославляти.
Аще и тако имя ти славится,
во вселеннѣй ти премудрость хвалится.
Яко предивнѣ Господь тя избралъ есть
и даръ си царства правительства далъ есть.
Имъже учима, царствие правиши,
отъ всѣхъ бѣдствъ яко зѣницу храниши.
Яко око си въ своей благодати,
и царство сие дивно управляти.
Точию да Богъ вѣкъ ти приумножить,
на славу си лѣта твои продолжить,
Найпаче, аще свѣтъ намъ да явиши,
наукъ и россы вся да просвѣтиши.
Имя ти во всемъ мирѣ славно будетъ,
паче всѣхъ добротъ ти во вѣкъ пребудет.
Да не тому намъ страннии[2] смѣются,
яко безъ свѣта сущимъ ругаются.

---

[1] поношенье; [2] иностранцы.

Мнози въ России прежде тебе быша,
велии князи и цари пожиша,
Монастыри и иная создаху,
и тѣмъ тѣ славу си приобрѣтаху.
Но ни едину той даръ Богъ подати
изволилъ, мудрость россомъ показати,
Аще и много тщание твориша
о томъ, а въ дѣлѣ того не явиша.
Якоже Давидъ царь много собралъ есть
всяка богатства, но церкви не здалъ[1] есть,
Не благоволи бо Богъ ему здати,
но Соломону велѣ оставити,
Да онъ, яко мудръ, ту церковь содѣетъ[2]
и мудрости домъ при ней, какъ довлѣетъ[3].
Тако любезный ти братъ Феодоръ царь,
мудростилюбецъ, великий государь,
Яко бы злато многое собралъ есть,
Академии привилей создалъ есть.*
Но не изволи Богъ той укрѣпити
ему и славу ону улучити.
Благоволи бо тебѣ оставити
и то начало дѣломъ совершити.
Мудрости бо ти имя подадеся,
Богомъ Софиа мудрость наречеся,
Тебѣ бо слично науки начати,
яко премудрой оны совершати,
Да за то дѣло славу улучити
во всемъ мирѣ, и въ небѣ *будешь жити.*
Еже да будетъ, вседушно желаю,
будетъ же, крепко въ Бозѣ уповаю.
Любиши бо ты ихъ всею душею,
умомъ и всею мыслию своею.
Любиш*и* искрнихъ[4], яко себѣ саму,
тѣмъже обрѣла еси мудрость праву,
Еже Божия люди разсуждати[5]
и дивно правду отъ неправды знати.
Люба есть любовь любимому Богу,
юже являешь убо по премногу.
И страх ты Божий крѣпко да храниши,

[1] не построил; [2] сотворит; [3] надлежит; [4] ближних; [5] понимать.

от всея души его ся боиши.
Онъ творить волю боящихся его,
тѣмъже не презритъ и гласа твоего.
Премудра Софиа Алексиевна,
Богу любезна велия царевна,
О немъже его имаши молити,
дастъ ти въ славу си удобь исполнити.
Того премудрой ти выну желаю,
Академии привилей вручаю,
Иже любезна ти брата созданъ есть
повелѣниемъ, чинно написанъ есть,
Мудра и щедра Феодора царя,
Богомъ даннаго царству государя.
О источниче, Христе, премудрости,
ради твоея къ России благости
Возлюбленною отъ тя царевною,
премудростию ти одаренною,
Тщащеюся тя выну прославляти,
яко Творца си весьма восхваляти,
Благоволи намъ свѣтъ наукъ явити
и наданиемъ[1] въ вѣкъ ся утвердити!
Да оною здѣ мудрость утвердится,
при твоей славѣ и ея хвалится
Имя, отъ тебе, Царя, преизбранной,
на славу твою и хвалу созданной.
Подаждь убо ей, о томъ тщательницѣ,
благочестия охранительницѣ,
Премудрой Софии царевнѣ,
прославляющей тя государынѣ,
То дѣло начав ей и совершити,
и якоже лѣть есть и утвердити.
Да не якоже прежде разрушится,
но мощию ти безвредно хранится.
Аще бо о семъ ты благоволиши,
то сердце ея на се укрѣпиши.
Въ твоей бо руцѣ оно содержиши,
аможе хощешь, тамо уклониши[2].
Уклони, Христе, ей въ се и укрѣпи,
отъ всѣхъ [3]препятныхъ случаевъ[3] заступи.

---

[1] пожертвованием; [2] направишь; [3—3] препятствий.

Сотвори съ нею знамение во благо,
постыдна яви въ томъ ей противнаго,
Да вси познаютъ въ томъ ей помощь твою,
прославляющу ю, избранну свою.
Подаждь ей вскорѣ то дѣло начати,
яко премудрой о томъ прилежати.
На земли же лѣтъ много здраво жити,
славу имени ти распространити,
Идѣже солнце лучи разсыпаетъ,
воды океанъ своя разливаетъ.
А по довольство многихъ лѣтъ съ тобою
жити ей въ небѣ радостью благою.
Мудрой, премудрость ти въ вѣкъ созерцати,
оною присно ся увеселяти.
Того свѣтлости ти весьма желаю
ко стопамъ твоимъ главу приклоняю.
Чая щедротствомъ ти хранимый быти,
богомолецъ вашъ, дондеже ми жити.

Вашего царскаго великаго милосердия пресвѣтлой и богатой щедрости всякаго блага времяннаго и вѣчнаго истинно усердный желатель, недостойный монахъ, грѣшный Сильвестръ Медвѣдевъ рукою моею.

КАРИОН ИСТОМИН

ДОМОСТРОЙ*

Сию книжицу возми в десницу,
Чти[1] и помни стихи словни,
Младый, старый, в разум правый.

1

О человѣцы вси и юныя дѣти!
Потщитеся вы благий нрав имѣти,
Учения здѣ краткаго внемлите,
честь себѣ, славу в Бозѣ росплодите.
Умнословна[2] бо душа в человѣцѣ,
учитися долгъ всякъ в своем вѣцѣ[3].
Аще же свята нрава та навыкнетъ,
повсюду Богу пѣснь сладку воскликнет.
Кто не радѣетъ, не дѣлавшъ лѣнится,
за безчинство той и бити годится,
Да не навыкнетъ душа та измлада
всякой срамоты и греховна яда.

2

От сна скоро встав, яко сотворенный,
Бога помяни, [4]яко в то вчиненный[4].
Крестъ святъ образуй на себѣ рукою,
моли же и зри Творца пред тобою.
Елико мощно держи умъ и мысли,
суетъ и соблазнъ в то время [5]не числи[5].
С молитвою же умыйся, одѣйся,
главу очесавъ, мый уста, не смѣйся,
И родителемъ чинно поклонися,
приятствомъ ко всѣмъ в дому си явися.
Дѣва ли, отрокъ сице не содѣет,
ударений седмь за то возимѣет.
Поклоновъ 30

---

[1] Читай; [2] Духовно-словесная; [3] возрасте; [4—4] как тому приучен; [5—5] не включай (в размышления).

3

Кто кому вчиненъ в должности служити,
готовность тщится в требство[1] сотвори*ти*.
Свѣтилникъ горящъ в домѣ уготови,
обувь, одежду державъ, не многослови.
Воду, платенцо, лахань же и мыло
умыти лице неси, чисто б было.
Гребень, зерцало подаждь господину,
да сотворить онъ по своему чину[2].
[3]В храминѣ[3] вещи по мѣстом убрати,
вездѣ пыль и соръ добрѣ уметати.
Человѣкъ, дѣла сего не хранящий,
пять ударений да будетъ теръпящий.
Поклоновъ 20

4

Непраздну[4] быти юну подобаетъ,
всякий приличну дѣлу да внимаетъ.
В домѣ и в торгу, в вотчинѣ, в приказѣ
ремесло свое твори во указѣ[5].
Лицемъ и сердцемъ являтися благо,
ничтоже давай знати в себѣ злаго.
Но во всем честность буди показуя,
не произноси скверна слова буя[6].
[7]В подмѣнство[7] не даждь на тебе порока,
в воздержании блюди твоя ока.
Ленивъ, небрегъ[8] — се восприимет раны,
в ученье десять будут ему даны.
Поклоновъ 50

5

Ити по пути, кому гдѣ надлежитъ,
во убрании[9] всякъ чинъ свой да держитъ,
Господинъ и рабъ, госпожа, рабыня,
ходъ[10] свой сохраняй, очей не раскиня.

[1] по надобности; [2] порядку, обычаю; [3—3] В комнате; [4] Не лениву; [5] как должно; [6] глупого; [7—7] Тайком; [8] нерадивый; [9] в одежде; [10] походку.

Руками не машъ, не прыскай[1] ногами,
не стой на пути, гдѣ ждутъ тя часами.
Срѣлся[2] кто честенъ[3], знаемь, — поклонися,
дѣло, отвѣтъ взявъ в домъ свой, скоро вратися,
И что несеши, блюди то сохранно,
да не презорствомъ[4] ти будетъ попранно,
В семъ не радевъ юнъ, какова ли чина,
тому по дѣлу даетъ *семь* ранъ хворостина.
Поклоновъ 40

6

Домовладыкамъ, когда часъ обѣда,
служащымъ блюсти чиннаго в немъ слѣда:
Осмотрѣти столъ, скатерть бѣлу стлати,
хлѣбъ, соль и лжицы, тарели собрати,
Ножи и вилки с платы[5] разложити,
воды принести — руки долгъ измыти.
Ястие на столъ стави благочинно,
сосуды чисты имѣй неповинно[6],
Сткляницы, *чаши* с питиемъ готовы
смотри давати [7]господскими словы[7].
Несмотрелива душа сего дѣла
ударений пять да бы возимѣла.
Поклоновъ 25

7

Кто ясти имать, достоитъ внимати:
молитву прежде тщись Богу воздати,
Кушай помалу, чего доведется,
поядши испий, егда поднесется.
Брашны, питиемъ юнъ [8]не тяготися[8],
словомъ, вѣжествомъ всѣмъ честенъ явися.
[9]Не обращайся[9] легкомысленно вскорѣ,
при честныхъ людехъ не глаголи в спорѣ
И не разгребай на блюдѣ рукою,
не обляжи на столъ, не колышь ногою.

---

[1] не взбрыкивай; [2] Встретился; [3] почтенный; [4] невниманием; [5] полотенцами; [6] без напоминания; [7—7] по слову хозяина; [8—8] не отягощай себя; [9—9] Не вертись.

Презрѣвшу си, удара три дати,
да не смѣяся будетъ срамъ зѣвати.
Поклоновь 15

8

По обѣде же никто будетъ пианъ,
ниже чемъ-любо небрежно облиян.
С стола собери всякы на немъ вещы,
на помостъ[1] костей и кусковъ не мещы[2].
Ядьми жирными кого не помажи
и с свѣщей на столъ не покладывай сажи.
Вся орудия разнеси по мѣстомъ,
в вечерю[3] буди гдѣ взяти извѣствомъ.
Ясти ввечеру твори службу тако:
вещы, кушанье честно неси всяко
Се небрегущий восприиметъ казни
ударений шесть, впредь ради боязни.
Поклоновъ 35

9

Провождати день за полезнымъ дѣломъ,
тще[4] не гуляти мыслию и тѣломъ, —
Душе умнѣй жизнь нравами святыми,
во чистыхъ мыслѣхъ молбами частыми,
Благочестие держи христианско,
учися наукъ свободныхъ гражданско.
Христианскихъ бо дѣтей се порода[5] —
не лишат*и*ся в церковь святу входа.
Славити за все соборнѣ долгъ Бога,
без нуждь не оставь тамо умна слоги
Кто всеусердно сему не прилѣжитъ,
двадесяти ранъ той да не избѣжитъ.
Поклоновъ 100

[1] на пол; [2] не бросай; [3] за ужином; [4] без пользы; [5] природа.

10

Пришедъ к вечеру, осмотри все в домѣ,
чтобы от кого не было в погромѣ.
Свѣтилникъ с свѣтомъ гдѣ требно постави,
щипцы, мракуль,* должнъ чинъ весь исправи.
Аще кушанье в вечеръ имать быти,
не сонливо тщися господамъ служити.
Изуй[1] сапоги, снеси и онучи,
ризы давъ в мѣсто, людемъ не докучи.
Стели постелю, положь одѣяло
и возглавие, что ложе прияло.
Не сотворь служай сего господину,
приимет слово и рану не едину
Поклоновъ 50

11

Во всемъ исправя указную службу,
не ходи *съ* двора в неподобну дружбу.
Ядши, почивай во мѣсте обычномъ,
готовъ к вопросу будь в дѣле приличномъ.
Во дни и нощи спати человѣку
токмо шесть часовъ — не утратить вѣку.
В многоястии, в пьянствѣ дней не знают,
вредно здравие люди провождаютъ.
А и господски да кушавъ пьютъ дѣти
легки снѣдь, питье, чтобъ здравъ сонъ имѣти.
Опасность[2] добрѣ всякъ себѣ стяжи,
писаниѣ сотворь, брани ранъ бѣжи.
Поклоновъ двесте

12

Еще и сие юнии да знаютъ:
шапкою носа да не отираютъ,
И одеждъ своихъ гнусными руками
поглаживати перестанутъ сами.

---

[1] сними; [2] Осторожность.

Очи, носъ, уста отирати платомъ,
в посмѣхъ не молви*ти* с отцемъ и братомь.
Мокроты своей пред кѣм не поверзи,
отвратясь, притри, никого тѣмъ мерзи.
В постели уды срамны прикрывай
и спи на бокахъ, честно вездѣ бывай.
Аще кто о семъ глупостию воздремлетъ,
всегда по пяти ударовъ да вземлетъ.
Поклоновъ 150

13

Но и возрастнымъ юны*х*ъ назирати,
ради отрады дать время играти.
Игра же дѣтемъ приличная буди,
да не вредятся очи ихъ и груди:
Мечикъ и кубарь[1], городи и клѣтки,
бѣгаютъ, плетутъ, ловятъ, мещутъ сѣтки.
Костми и карты в денги возбранити,
за кратбу[2], лаю[3] всегда тыя бити.
Меж себе и с кѣмъ тѣ да не бранятся,
без всякаго зла кротки да творятся.
За срамны слова и всяко безчинство
и старому знать осмь ранъ не в единство.
Поклоновъ 300

Наукъ изрядность симъ дѣти вся даритъ,
приятность любве и старымъ говорить,
Чтоб благоумни вси того смотрѣли,
науку и страхъ в должности имѣли.
Ударений кто дати не восхощетъ,
винный, поклоны творя, да не ропщетъ.
Душеспасенно всѣмъ обучение,
в домовомъ, ратномъ дѣлѣ строение.
Измлада бо кто сего не научится,
разумна суща бити не годится.
В противность смысла людемъ война, рати,
в Бозѣ надежда безстрастиемъ стати.

---

[1] игрушка волчок; [2] за кражу; [3] матерную брань.

СТИХИ ВОСПОМИНАТИ СМЕРТЬ ПРИВѢТСТВОМЪ*

1

Воззрю на небо — умъ не постигаетъ,
  како в не пойду, а Богъ призываетъ.
На землю смотрю — мысль притупляется,
  всякъ человѣкъ в ту смертью валяется.
По широтѣ ли умъ здѣ понесется —
  конца и края нигдѣ доберется,
Тварь бо вся в Бозѣ мудре содержится,
  да всяка душа тому удивится,
Что небо держитъ, кто землю строитъ,
  человѣкъ како благу жизнь усвоитъ?
Усвоитъ, смотря времена и лѣта,
  да насладится зрѣнства[1] Бога свѣта.
Внимати должно, како мрутъ здѣ люди,
  вси сыплются в прахъ, хоть крѣпкия груди,
Цари и князи и всякия власти,
  не обходятъ вси, бывше в плоти, страсти.
А страсти младымъ и старымъ грѣхъ родятъ,
  иже в роскошахъ всю жизнь свою водятъ.
Много бо ясти, быть пьяну зазорно,
  кто безчинуетъ, бьютъ того позорно.
И умираютъ мнози ненадежно[2]
  грѣшние люди, живше здѣ небрежны.
Кратко житие, но много препоны[3],
  на то у Бога просить обороны
И у Марии, Пречисты Дѣвицы,
  всѣхъ небесныхъ силъ и людей царицы.
Господь спасаетъ от напасти всяки,
  Богородица даетъ в помощи знаки.
Тѣмъ[4] кождый смотри: будь во всемъ воздерженъ,
  не будеши бо неба въ вѣкъ отверженъ;
Лицамъ доволству, чести не дивися,
  о всем славь Бога, всегда веселися.

---

[1] лицезрения; [2] без надежды; [3] препятствий; здесь: соблазнов; [4] Поэтому.

2

Нѣсть ина чюда [1]человѣка зданна[1],
благородна бо душа в немъ избранна.
Господь сотворилъ къ своей его славѣ,
жити бы ему в святой всей исправѣ.
Неба смотрѣти — то его и дѣло,
чистота смысловъ[2] всѣхъ в рай введеть смѣло.
А и к потребѣ должно промышляти,
что ясти, пити, чѣм ся одѣвати.
Еже и жити при добрыхъ бы людехъ,
да очи станут в сердечныхъ имъ грудѣхъ,
Лѣности и сна гораздо стрещися,
о воздержности во всемъ попещися.
Удивленна есть душа таковая,
будет истинно ко всему святая.
Прославится бо паче царей земскихъ,
Дариевъ, Поровъ, Александровъ темскихъ[3],*
И которыя в сластѣхъ вѣкъ изжиша,
въ злой своей воли Бога прогнѣвиша.
Недобрымъ людемъ похвалы напрасны,
смерть бо ихъ губитъ, в землю шлетъ безгласны.
Никто дивися жителемъ скареднымъ[4],
смотри и тщися, гдѣ есть свѣт праведнымъ.
Свѣтъ Христосъ Господь вся ны призываетъ,
в нем ваша милость радость да взимаетъ.
Онъ даруетъ вамъ пожити здѣ много,
по семъ наслѣдство и вѣкъ вѣка иного.
Удивляйтеся мудру человѣку,
на вся вещи смерть [5]емлите улѣку[5].
Не попустит бо комуждо грѣшити,
Богъ бо изрядство всѣмъ велѣ творити.
Небесно Царство за то уготова,
грядите, молю, без всяка в не слова.

[1—1] создание человека; [2] помыслов; [3] пребывающих во тьме; [4] гнусным; [5—5] принимайте как исцеление.

3

Кто ли в мирѣ семъ радость прямо емлетъ, —
знаю, что окомъ к Богу той не дремлетъ.
Вышнихъ желая, нижнимъ не внимаетъ,
к Творцу твари вся мысли простираетъ.
Надеждою тѣхъ и в скорбех держится,
вещей и тѣла въ смерти разлучится.
А когда смотришь по земскому кругу,
какия скорби не сказалъ бы другу.
Ахъ, нужда оно людемъ говорити,
чтоб не могли чѣмъ в лестехъ повредити.
По нашым окномъ внезапна смерть ходитъ,
токмо когда ли чувство грѣхъ породить.
А и по долгу в жизни смерть явленна,
но благожившымъ зѣло есть спасенна.
Стало ся сие отъ перва Адама,
егда изгнася из райскаго храма.
Ахъ, и одежды тамо обнажися
боготканныя, стыдясь, — в листъ покрыся.
Вси жители здѣ набрашася страсти,
едва избѣгнетъ грѣховъ кто напасти.
Под смоковницу цари ся склониша,
властели[1] мнози в лестехъ соблазниша.
Исчитати вся не станетъ ми время,
которыхъ велможь ссѣче смертно бремя.
Ахъ, азъ истинно не вѣмъ, како быти,
како бы мнѣ в рай безгрешно преплыти.
Но и всѣмъ тамо жити усердствую,
да купно с вами [2]вѣчно возведрствую[2].
Красоты в небѣ святымъ преизбранны,
входите, молю, чисты и сохранны.

4

Какъ благъ явлюся, недоумлюся.
И в моя лѣта смерть без отвѣта
Младыхъ ссѣкаетъ, в землю ввергаетъ.
Зрю и великихъ, в славѣ коликихъ,

---

[1] властители; [2—2] буду пребывать в безоблачном состоянии.

Смертию взяты вся наша браты,
Не остается, кто жить здѣ пнется[1].
Богъ се содѣла, чтобъ душа пѣла,
Его к намъ благость, успнетъ[2] всякъ в сладость.
О сем мыслити, молбы творити,
Во всяко время не будет бремя
Ити в небеса, тамъ святыхъ краса.
Желаю всѣмъ вамъ, да дастъ то Богъ нам.

СЛАДКАЯ БЕСѢДА*

1

Христе, сладосте велия утѣха,
В бесѣду твою даруй ми поспѣха[3],
В ней мене услади во вѣчное время,
Да не тяготитъ всегда грѣховное бремя.
Ты убо к себѣ вся призываеши,
Щедроты твоя намъ изливаеши,
Тѣмже всеусердно мы к тебѣ прибегаем,
С тобою быти всюду в бесѣдѣ желаемъ.

2

Иисусъ себѣ всѣмъ людемъ являетъ,
В добротворство[4] же образъ подавает;
Воля бысть Отца Бога спасти человѣковъ,
Христосъ тыя небесныхъ удостои вѣков,
За единую безмѣрну си благость
Чрез вѣдение[5] даде онымъ радость.
Вѣдения твоего сподоби, о Боже,
В немже мудрости святы пресладкое ложе.

3

Любы безмѣрна, Христе Иисусе,
Даждь искати тя в сокрушенном дусѣ.

[1] упрямится; [2] уснет; [3] помощь; [4] благодеяние; [5] провидение.

Душѣ любящей Господь является,
  О немже она сладцѣ утѣшается.
Даетъ любезный свой знак себе знати,
  Та усердствуетъ ему угождати.

4

Искати Христа зѣло подобаетъ,
  Яко жизнь наша в онем пребываетъ.
Простираетъ онъ свое учение
  Во всегдашнее всѣмъ свобождение.

5

Желающии, тщание творите
  Како Господу правѣ[1] угодите,
Онъ на то помощь дати есть готовый,
  И наслѣдствит[2] всякъ Иерусалим новый.
Горяще сердце душа свое носить,
  Свершенны любве у Господа проситъ.

6

Истинно душа темностей рѣшится[3],
  Егда прияти Духъ Святъ сподобится.
Приходъ бо Духа вся увеселяетъ,
  Даровъ великих оны исполняетъ.
Небесны утѣхи душъ нашихъ ты мѣхи
  Налий благодати и то содержати
    Подаждь присно.

7

Рая порода зѣло есть избранна,
  Всѣми святыми тая пожеланна.
Мариа гдѣ с Иисусомъ — тамо рай свершенный.
  Буди, человѣче всякий, о томъ извѣщенный.

---

[1] воистину; [2] наследует; [3] избавится.

Во оном раи восхощи с нимъ быти,
Потщися присно Христу послужити, —
Прекрасна рая имать наслѣдие дати
И веселиемъ вѣчным тамо услаждати.

8

Въ Царствѣ Небеснѣмъ красота:
С Сыномъ Мать, Дѣва Пресвята,
Лики[1] небесныхъ чиновъ воспѣвают.
Святии купно честь имъ приношают.
Оно аще кому созерцати,
Весма внутрь себе искати.

9

Велия суть здѣ людемъ смущения,
Жизнь бо исполнь[2] есть многаго лщения,
Тѣмже достоит[3] в том умудрятися,
Помним смерть, время грѣхъ удалятися.
Добрѣ размышляй — не сгрѣшиши в вѣки,
Излиются от чрева ти веселия рѣки.

10

Иисусъ Христосъ душу вѣнчаваетъ,
Яже усердно любви и́ желаетъ.
Любит бо Господь зѣло таковую,
Даетъ той сладость и радость благую.
Возлюби и нас, о Царю! Тя просимъ,
В божественную любовь твою носим.

11

Готовящийся непрестанно к Богу
Приемлет бездну милости и́ многу,
Истинно многа щедрот его бездна —

[1] Хоры; [2] полна; [3] посему должно.

В таинствѣ святомъ благодать безмездна[1],
Таковыхъ бо есть безмѣрна утѣха,
Яко дается имъ блаженство спѣха[2].

12

Аще что Богу благоугодится,
Кто от человѣкъ не возвеселится?
Зѣло изрядно в веселии быти,
Токмо тщися всяк евангелски жити,
Часть[3] бо на земли живых ти готова,
Держися присно божественна слова.

13

О человѣче, [4]ими ся работы[4],
Аще хощеши небесны доброты,
Ибо Иисусъ егда в плоти бяше,
В таковых дѣлехъ присно пребываше,
Нам образ дая, да труд подимае*м*ъ,
Мудрование плоти умерщвляе*м*ъ.
Тѣмъ отженеши[5] злолютыя страсти,
Не лишишся же симъ благия части.

14

Свѣтлый Иисусъ, побѣдитель ада,
Избавивый людъ от грѣховна яда.
О немъ мыслити — сладость превелика,
Иже желаетъ небеснаго лика.
Услаждайтеся в Христѣ Иисусѣ,
И не постигнетъ смерть страшная в трусѣ[6].

15

Идѣже любовь Бога пребываетъ,
Тамо болѣзни и страсть отбѣгает,

[1] безвозмездна; [2] преуспевание; [3] Участь; [4—4] примись за труд; [5] изгонишь; [6] трепете.

И гонимъ быти всякий не стыдится,
Благоискусенъ той во всем явится,
Яко*же* злато будетъ очищенно
И яко солнце в любовь просвѣщенно.

16

Сѣющыхъ в дусѣ блаженны суть плоды,
Напоеннии о*т* слезныя воды.
В радости пожнутъ, яко себе вдаша
Господу Богу, тѣмъ царство прияша.

17

Рай божественный пресвѣтлъ красотою,
Текущимъ в него отверзает правотою.
Онъ сокровище всѣх святых драгое,
Приятелище[1] умных есть благое.
Всюду никого доброе не срящетъ[2],
Аще кто внутрь ся рая не обрящет.

18

Созданъ человѣкъ Всетворца властию,
Спасенъ же его бысть благодатию.
Не можетъ Творцу тварь чесо воздати,
Аще не будетъ в любовь и́ метати.
В благодати же и тамо не успѣетъ,
Идѣже солнце правды, Христосъ, грѣет.

19

Кто непрестанно Бога поминаетъ,
Той благость его во всем созерцает,
Подобитися ему той потщится,
Да любви его во вѣкъ не лишится.
Господь же за то такихъ душъ вѣнчает:
В небесныхъ селѣхъ жити устрояет.

[1] Пристанище; [2] не попадется.

20

Уповающе души Бога любятъ,
  Мзду себѣ в Царствѣ Небесном сугубят[1].
Не постыдится жаждущь то блаженство,
  Получитъ всюду изрядно священство.
Не разлучится от любве Христовы
  Со твердившиися евангелски словы.

21

Пришедша в любви достоит смотряти,
  Со усердиемъ его усретати.
Богъ человѣкъ бысть человѣка ради,
  Терноносный путь крестомъ си углади[2],
По немже тещи, крестъ носив, удобно,
  И отверзется ему рай благоутробно.

22

Спасителны суть Христовы намъ страсти,
  Память бо оныхъ хранит от напасти,
В язвах врачевство его извѣстное,
  Мирския сласти прогонит, лестное.
Тѣмже достойно тыя поминати
  И вся соблазны ими отрѣвати[3].

23

Кого противность[4] кая соблажняет,
  Язвы Христа той да размышляет,
В нихже возможет злобу побѣдити,
  Бѣд же и скорбей себе свободити.
Господи, крестъ твой в сердцы вообрази,
  Да расточатся[5] душегубни врази.

---

[1] умножают; [2] расчистил; [3] отгонять; [4] здесь: дьявольский умысел; [5] разбегутся.

24

В любовь Христову человѣкъ учася,
Долженъ внимати, како онъ создася,
И в первыхъ вѣру ему несумѣнну[1]
Стяжати годно[2] к Богу неизмѣнну.
Подобствова же в дѣлехъ и благихъ,
Исполнится той сокровищъ драгих.

25

Здѣ человѣку законно зерцало
Аггелъ являетъ, дабы и́ спасало,
[3]В неже[3] смотряся бѣло, черно знати
И камо мысли своя обращати.
В законныхъ дѣлехъ аще той пребудетъ,
Мира сего злобъ конечно[4] избудетъ.

26

Егда [5]истинна народы учаше[5],
Христосъ знаниемъ свободу даваше,
И во правду кто истинну познаетъ,
Прелести жизни удобь презирает.
Самъ убо в себѣ оный удивится,
Во Господѣ же сладцѣ умудрится.

27

Егда Духъ Святый в сердца наша сходит,
Благодатию мысли святы родитъ;
От дѣйства его сердце воспалится,
Во всяку дѣтель благу[6] поспѣшится.
Тѣмъ сего от насъ, Боже, не остави,
Пути в волю ти нашя вся исъправи.

[1] непоколебимую; [2] следует; [3—3] В которое; [4] до конца, полностью; [5—5] проповедовал ... истину; [6] добродетель.

28

Вси праведнии о Господѣ Бозѣ
Лѣта си живутъ в радости мнозѣ;
Идѣже любовь Бога пребываетъ,
Ту вся добрая и благая Господь посылает.
Кто дѣланию божиему внемлетъ,
Той непрестанно в жизни сей не дремлет,
Очеса своя возводитъ ко Богу,
Размышляет к нам милость его премногу.

29

Всегда годствуетъ[1] всяку человѣку
Усердно тещи к будущему вѣку,
Сердцемъ ко Христу выну уповати,
И не будет зла коего страдати;
Аггелъ хранитель того стрежет присно,
Да узрит Христа в небѣ очевистно.

30

Вся люди к себѣ Господь призывает,
Приходящих же упокоеваетъ,
Зане в мирѣ семъ зѣло неполезно
Любящим его от напастей слезно.
Сего ради и́ всякий отрицайся,
Ко Христу царю званный поспѣшайся.

31

Человѣкъ зрѣти Бога сотворися,
Грѣха же ради онаго лишися,
Тѣмже Христосъ Богъ смертну пиет чашу,
Дая зрѣние в горнюю жизнь нашу.
Отвергшихъ убо зло грѣха пианство
Не постигнет тѣх мира окаянство.

---

[1] подобает.

32

Иисусъ благость изволилъ явити,
Умнословесныхъ свѣтом просвѣтити.
Ловит оныя во свою ограду,
Соединяя небесному стаду.
В благости его крѣпце утвердимся,
Аще во службу ему предадимся.

33

Идѣже Иисусъ — ту утѣшение,
С нимъ всегда радость и наслаждение;
Аще ли душа бесѣды й жаждетъ,
Нигдѣ оная бѣды не постраждет,
Утѣшится бо якоже о друзѣ
И в вѣки будетъ на небесном крузѣ.

34

Дѣво Царице, к тебѣ прибѣгаю,
Крайнюю благость царя Христа знаю;
О милости моли прекрасна ти Сына,
Его желати блажайша едина.
С желаниемъ тѣмъ изрядно есть всюду
Жизненна новость христианску люду.

35

Зрите здѣ любовь меж святых согласну,
Упование и душу прекрасну.
Упование незримо спасаетъ,
Единомысленных в дом божий вселяет.
Надѣятися на Бога есть требѣ
Хотящимъ жити со святыми в небѣ.

36

Исполнившимся вѣчнаго живота
Отверсты внити небесна суть врата;
Входящии в нихъ покой приимают,
Сладцѣ Господа тамо прославляют.
Твоея, Христе, вся ны благодати
Сподоби в славу твою приимати.

ЭПИТАФИЯ П. Т. СЕМЕННИКОВУ*

Всякий путствующий, здѣ гробу присмотрися,
в немъ разумен мужъ диакъ тѣломъ положися
Порфирий Трофимовичь Сѣменников знатный,
Вѣдущь дѣлъ и книгъ, к людем всѣмъ благоприятный.
Християнско скончася в таинствах церковныхъ,
приявъ надежду в Бозѣ умовъ богословныхъ
Мира седмь тысящъ двѣсти четвертаго года*
ноемвря десять осма дне от здѣшняго рода;
В перву четверть в третий час душа распряжеся,
волею Бога въ инъ вѣкъ она поведеся.
Вѣрныя люди к Христу проситъ о молитву,
да, вселив в небо душу, дастъ вѣчну гоститву[1].
Иисусе, Боже нашъ, Порфирия вѣрна,
раба твоего вспокой, гдѣ радость безмѣрна.
Живе онъ лѣтъ седмдесятъ, лѣто, осмь месяцевъ,
двадесятъ два дни в трудѣ книгъ святых писцевъ,
От того очей своих лишися зрѣния,
лѣтъ девять страда, многа прият терпѣния.
Нынѣ Порфирий уже в видѣнии цѣломъ,
в предѣлномъ мѣстѣ душа, потом будетъ с тѣлом.

[1] прибежище.

ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ

КАНТ ДИМИТРИЮ СОЛУНСКОМУ*

Добраго воя, цареви избранна
  Иисусу Христу, врагомъ не попранна,
Мученика славу Димитрия чтѣмо
  и пѣсней вѣнецъ ему соплетѣмо.
Триумфуй вѣчнѣ надъ враговъ соборы,
  радуйся между ангельския хоры
Иисуса, яко сладка, возлюбивый
  и за честь его душу положивый!
Сему подражай, копиемъ пронзенну,
  алчущу, съ оцтомъ[1] желчью напоенну;
Вдался на горькия за сладкаго раны,
  исповѣдающи Христа предъ тираны.
Чашу спилъ смертну, въ любовь рожденный,
  агнецъ за агнца умеръ заколенный;
Ребра копиямъ любезно предавый,
  Христу съ любовию славно сострадавый,
Испустил крови обильныя рѣки —
  мертвенъ вредъ[2] людемъ омыти на вѣки.
Алчущимъ днесь спасения токи
  не возбраняютъ отъ гробной опоки[3]:
До раки его приходить кто вѣрно,
  ранамъ приемлетъ врачество безмѣрно.
И мы къ тебѣ вси спешно прибѣгаемъ,
  твоей помощи усердно желаемъ.
Не отрини насъ, воине избранный,
  отъ полковъ, идѣже еси сочетанный;

Врагомъ въ семъ мирѣ ты стерый[4] главу,
  Господа твоего пришедый во славу,
Отъими отъ нас вся смертныи раны,
  разжени[5] ума злокозныя браны[6].
Обрати сердца горѣ всегда быти,
  даждь молитвами долго здѣ пожити.

---

[1] уксусом; [2] смертный грех; [3] надгробие из известняка; [4] снесший; [5] разгони; [6] распри.

Стани въ помощь, всегда вооруженный
  копиемъ, крестомъ, да ти, возлюбленный,
Именоносецъ ту долго здравствуетъ
  и вѣчнѣ въ небѣ со Христомъ да царствуетъ.

* * *

Иисусе мой прелюбезный,*
  сердцу сладосте,
Едина въ скорбехъ утѣха,
  моя радосте.

Рцы души моей: твое есмь
  азъ спасение,
Очищение грѣховъ и
  въ рай вселение.

Мнѣ же тебѣ, Богу, благо
  прилѣплятися,
Отъ тебе милосердия
  надѣятися.

Никтоже мнѣ въ моихъ бѣдахъ,
  грѣшному, поможетъ,
Аще не ты, о всеблагий
  Иисусе Боже!

Хотение мнѣ едино
  с тобою быти,
Даждь ми тебе, Христа, вь сердцѣ
  всегда имѣти.

Изволь во мнѣ обитати,
  благъ мнѣ являйся,
Мною грѣшнымъ, недостойнымъ
  не возгнушайся.

Изчезе въ болѣзни животъ
  без тебе, Бога,
Ты мнѣ крѣпость и здравие,
  ты слава многа.

Радуюся азъ о тебѣ
  и веселюся,
И тобою во вся вѣки,
  Боже, хвалюся.

СТЕФАН ЯВОРСКИЙ

* * *

Т*ы*, облеченна в солнце, Дѣво Богомати,*
да како аз, сѣнь[1], к тебѣ дерзну приступати?
Т*ы* — красота, аз — мерзость, в тебѣ нѣсть порока,
мене же потопляетъ бездна сквернъ глубок*а*.
Т*ы* — благодать, аз — злоба, т*ы* — рай, азъ — геенна,
т*ы* вся еси Святаго Духа исполненна.
Азъ диаволскаго весь исполненъ навѣту[2],
нѣсть убо причастия мнѣ, тмѣ, к тебѣ, свѣту.
Обаче с надеждою к тебе приступаю,
ибо тя всѣхъ грѣшниковъ прибежище знаю.
Не отрини мя, молю тоя ради в*и*ны[3],
ибо свойство есть быти тернию при крини[4],
Нощи темной при лунѣ обычно бывати,
тожде и аз да буду при тебѣ, о Мати!
Змий древле приближися ко красному раю,
того приближения к тебѣ и аз чаю.
О Дѣвице, рождшая всѣхъ тварей Первенца!
покр*ы*й мя кровом [5]кр*ы*лъ ти[5], недостойна птенца.

[6]EMBLEMMATA ET SYMBOLA QUAEDAM DE MONUMENTO P. M. ILLUSTRISSIMI ET REVERENDISSIMI PATRIS BARLAAMI JASINSKY D. G. ARCHIEPISCOPI KIIOV., HALIC. ETC. AB ILLUSTR. ET REVERENDISSIMO D. G. METROPOLITA REZANENSI ET MUROMENSI STEPHANO JAWORSKI ELABORATA[6]*

EMBLEMMA

I

[7]Сѣнь и примракъ[7] обнося[8] мертвеннаго тѣла,
не могохъ ясно зрѣти тройчнаго свѣтила,

---

[1] тень; [2] наущений; [3] по причине; [4] лилии; [5—5] твоих крыльев; [6—6] Эмблемы и символы, сочиненные в память преосвященного сиятельнейшего и преподобнейшего отца Варлаама Ясинского, милостию божьей архиепископа Киевского, Галицкого и прочая, сиятельнейшим и преподобнейшим милостию божьей митрополитом Рязанским и Муромским Стефаном Яворским (*лат.*); [7—7] Тень и мрак; [8] окружили.

Но аки во зерцалѣ далече безъ мѣры
видѣхъ Творца моего зѣницею вѣры.
Но се уже сокруши смерть зерцало сие
чаю убо видѣти Бога явственные.

II

Блаженство смерть ми дает вместо укоризни,
егда мой разлучаетъ соуз краткой жизни;
Не мене бо, но моя терзаетъ пленицы[1],
имыже бѣхъ утѣсненъ в скорбной сей темницы.
Даде ми желание мое получити,
желахъ разрѣшитися[2] и со Христомъ быти.

III

Храмина тѣла, юже смерть непостоянна
разрушаетъ, от худой персти[3] бѣ созданна.
Но иное есть жилище на небеси наше,
то дом мой, то покой мой, — се странница[4] бяше.
Убо и о падежи[5] сей не печалую,
достигохъ в домъ отческий, странницъ не требую.

IV

Вѣдий[6], гдѣ сокровище требѣ сокривати,
всегда духомъ восходихъ в горняя полати.
Тамо бысер мой драгий, тамо злато наше,
тамо и сердце мое выну пребываше.
Всуе бо смерть подкопа ми дом сей тѣлесний,
аще цѣлъ и безбѣденъ храм ми есть небесний.

V

Луну, рода моего знамение красно,*
умираяй, на себѣ изобразихъ ясно;
Идѣже бо землею покровенъ бываю,
тамо, якоже луну, свѣтъ мой помрачаю.

---

[1] оковы; [2] освободиться; [3] земного праха; [4] гостиница; [5] кончине; [6] Зная.

Но горѣ свѣтъ тройчнаго солнца безконечний
выдящи, самъ на себѣ прийму зракъ[1] солнечний.

VI

Слышах о Иаковѣ, на камени спящемъ
и простерту до небесъ лѣствицу видящем.*
Ревновахъ ему, и гробъ себѣ рождшей Дѣвы
избрахъ во *возглавие*,* сномъ смерти почив*ый*.
Вижду тя, о лѣствице, сведшую намъ Бога!
Доведи мя, Марие, горняго чертога.

VII

Вся рѣкы изначала малые бываютъ,
но, текуще пут долгый, воды умножаютъ.
Подобнѣ и Варлаамъ, учения ради
пройде страны многия и многие грады.
И тако, от отчества далече странствуя,
зѣло себѣ умножи премудрости струя.

VIII

Корабль во волнах морских хотя спасен быти,
не жалѣетъ [2]користи и куплѣ[2] губыти.
В мирѣ, аки на морѣ, видѣхъ люти волны,
Варлаамъ сотворися нищий произволний.
Отвержеся и купель сотворил спасенну,
припл*ы* ко пристаннищу, добру нареченну.

SYMBOLUM

I

Громогласиемъ страшной трубѣ бяше равна
твоя, о Варлааме, проповѣдь преславна;
Имуща в себѣ силу и духъ Божественний,
даде в полцехъ Божиихъ глас многодѣйственний,

[1] облик; [2—2] добро и товары.

Крѣпляше сердца вѣрних, веселяще слухы,
зловѣрным же и гордимъ отъемляше духы.

II

От [1]вара, бѣд, и браны[1], и лютих гонений
изсохъ бяше в Киевѣ вертоград учений.*
Излия в немъ Варлаамъ учения роды
и первихъ множайшие произнесе плоды.
Жезлъ его правителский, прежде обетшалий[2],
якоже Аароновъ прозябе цвѣтъ здравий.

III

Жилища новой Еввы, Дѣвия[3] святия,
рай красний воистинну ест обытель сия,
Ибо Божиимъ сущи престоломъ хранима,
всегда имать при себѣ добра херувыма.
Таковъ бяше Варлаамъ, пастиръ Богомъ данний,
весь ревносты Божией огнемъ одѣянний.

IV

На престол Российския церквы возведенний,
пастиръ сей бѣ свѣтилникъ всленнѣй явленний,
Полний дѣлъ благихъ, полний здраваго совѣта.
Бяше свѣтъ не без огня и огнь не без свѣта,
Горяше внутрь имѣя чистий огнь святины,
свѣтяше, дая инним образ благостины.

V

Зри от рукотворенна орудия дѣло,
тому пастир сей добрий подобствова зѣло.
Той егда единою стопою кругъ водить,
другою от средняго мѣста не отходить
И сей труди и дѣла обходя премнога,
обаче никогдаже не отступи Бога.

[1—1] жары ... и битв; [2] обветшавший; [3] Девы.

VI

Что звезда есть морская по морю пловущим,
то Богъ есть рабомъ вѣрним, во Бозѣ живущимъ.
Ко небеси Варлаамъ всегда возираше,
на земли ключения[1] злая презираше.
Аще когда на его найде навѣтъ лютий,
радост имѣ в болѣзнехъ Бога помянути.

VII

Стрѣла, яже *бо* острий магнит сокривает,
ко звѣздѣ полунощной себе обращаетъ.
Варлаамъ же бяше всѣмъ во сладость едину,
ко Богу ум и сердце возводящи выну,
И ниже совратися всякиимъ навѣтомъ,
ибо любвы Божией влеком бѣ завѣтомъ.

VIII

Молчитъ злато под млатом, разнствуя от мѣди,
подобнѣ и Варлаамъ поношаше бѣды.
Тихостию роптания, тихостно многажди
претерпѣ ненависти, клевети и вражды.
Се тихостию прият всѣх бѣдъ, золъ и млати,
тѣло убо перстное имѣло духъ златий.

IX

Свѣтлост свѣщи, проходя сквозѣ сосуд склянний,
множится и болшия осязаетъ страны[2].
Варлаам свѣтъ смерти ума чистотою
приемъ и зѣло того умножи собою.
И зри: свѣтлост повсюду излия толику,
облиста[3] всю Россию, Малу и Велику.

---

[1] беды; [2] стороны, направления; [3] озарил.

X

Сии цѣну являютъ: на нихъ бо худия
возносятся, долу же низходятъ драгия.
И добродѣтель любитъ тоежде мѣрило;
зѣло бо честний во всемъ смирается зѣло.
Се же и в Варлаамѣ изряднѣ явися:
честенъ, добръ и паче всѣхъ, паче всѣх смирися.

XI

Дивну приять илектор[1] от естества силу,
тайнимъ бо узомъ [2]сламу привлачит коснилу[2].
Подобное Богъ свойство даде Варлааму:
влечаше к себѣ нищихъ мнимий гной и сламу.
Домъ его бяше страннимъ странница[3] готова,
илектор в сердцѣ его бѣ милость Христова.

СТИХИ НА ИЗМѢНУ МАЗЕПЫ,* ИЗДАННЫЕ ОТ ЛИЦА ВСЕЯ РОССИИ

Изми мя, Боже, — вопиетъ Россия, —
от ядовита и лютаго змия,
Егоже ждаша адския заклепы[4], —
бывшаго вожда Ивана Мазепы.
Ахъ! Тяжку горесть терпитъ мати бѣдна,
утробу мою снѣдает ехидна.
Кто мнѣ дастъ слезы, якоже Рахилѣ?
Восплачу горько въ моемъ смутномъ дѣлѣ.

Се вторый Иродъ, исполнь смертна яда, —
Мазепа лютый убилъ мои чада.
Уподобися Россия Давиду,*
иже от сына терпяще обиду.
Авессаломъ сынъ былъ неблагодарный,
подобенъ ему Мазепа коварный.
Возлюбихъ его, яко мати сына,
откуду убо такова измѣна?

---

[1] янтарь; [2—2] притягивает вялую солому; [3] гостиница; [4] засовы.

Къ нему бысть моя матерняя любы,
тойже изостри лютѣ на мя зубы.
Азъ сотворихъ и́ съ вельможи сидѣти,
той же смертныя сплете на мя сѣти.
Азъ яко чадо носихъ во утробѣ,
той же мя хощетъ видѣти во гробѣ.
Азъ напоихъ и́ из камене меда,*
той же пагубна исполни мя вреда.
Толику на мя отрыгнулъ есть злобу,
лютѣ снѣдающь матерню утробу.
Азъ любящь его, мати, выше мѣры,
чаяхъ от него сыновския вѣры.
Той же бысть на мя бритва изощренна,
от неяже есмь лютѣ уязвленна,
Яко прельсти мя, и не познахъ вѣса
аггела видомъ, прелестию жъ бѣса.

Мняхъ, яко агнецъ, но волкъ ядовитый,
овчею лестно кожею покрытый.
Сладок языкомъ, но прегорькой дѣлы,
утаи на мя пагубныя стрѣлы.
Сахаръ во устахъ и сладкия слова,
въ сердце желчь, въ рукахъ погибель готова.
О лицемере! О сатанинъ сыне!
Терниемъ острымъ красящийся крине[1]!
Како простерти дерзнулъ еси длани,
лютѣ матери уязвити раны?
Аще бы ми врагъ поносилъ сугубо,
претерпѣла бы казни его любо.
Но от своего чада прелюбима,
О, коль матери язва нестерпима!
Что моя вина? Что творихъ ти худо?
Чесо ради мя гониши, Иудо?

За моя хлѣбы, за моя трапезы
горькия въ жажду даеши ми слезы.
Горе, проклятый, тебѣ, лицемѣру!
Како дерзнулъ еси измѣнити вѣру,
Юже пред крестомъ и Евангелиемъ
утвердил еси твоимъ лобзаниемъ?

---

[1] цветок.

Горе ти, горе, злобы исполненну!
  Подобенъ еси гробу повапленну[1],

Иже сънаружи является красенъ,
  внутрь ядовитымъ червиемъ ужасенъ.
Горе ти, горе, второму Каину!
  Горе ти, горе, погубленну сыну!
Пролиялъ еси звѣрски кровь премногу,
  яже вопиетъ гласно на тя къ Богу.
Божия храмы быша днесь вертепы
  от шведскаго льва и волка Мазепы.

Другъ твой левъ, ты волкъ, ты ярость сугуба,
  а людемъ бѣднымъ послѣдня пагуба.
И что речеши на Страшномъ Судищи,
  лишенный неба и райския пищи?
Въ крови невинной осквернивший руцѣ,
  повиненъ еси нестерпимѣй муцѣ.
Инымъ речетъ Богъ: благий рабе вѣрный,
  понеже благ есь и нелицемѣрный,

Вниди въ радости въ рай Господа Бога
  за твою вѣру се тебѣ мзда многа.
Тебѣ же горе, преступниче вѣры!
  Восприимеши часть со львомъ, лицемѣры.
Извѣстенъ буди, яко тебѣ, вора,
  адъ ожидаетъ и погибель скора.
Боже мой, къ тебѣ молитву пролию,
  услыши горцѣ стенящу Россию.

Ты намъ самъ суд*и* и матерь, и сына,
  виждь, чия правда, виждь, чия измѣна.
Суди, Господи, обидящыя мя,
  посрами гордость востающихъ на мя.
Прими мечь и щитъ, буди помощь моя,
  возсияй ми свѣтъ мира и покоя,
Мене, Россию, возвесели бѣдну,
  а ядовитую попри ехидну!

---

[1] крашеному.

СТЯЖАТЕЛЯ СИХЪ КНИГЪ ПОСЛѢДНЕЕ КНИГАМ ЦѢЛОВАНИЕ*

Книги, мною многажды носимы, грядите,
Свѣтъ очию моею, от мене идите!
Идите благосчастно, иныхъ насыщайте,
Сотъ вашъ уже прочиимъ нынѣ искапайте!
Увы мнѣ! око мое от васъ устранено,
Ниже вами может быть к тому насыщено.
Паче меда и сота вы мнѣ сладши бѣсте,
С вами жить сладко бяше, горе, яко нѣсте.
Вы богатство, вы слава бесте мнѣ велика,
Вы — рай, любви радость и сладость колики,
Вы мене прославили, мы меня просвѣтили,
Вы мнѣ у лицъ высоких милость приобрѣли.
Но болѣе жить с вами (ахъ, тяжкое горѣ!)
Запрещает часъ смертный и горких слез море.
Уже мнѣ вѣчным слѣпнутъ очеса сном смерти,
[1]Не к тому[1] дерзну ко вам рук моих простерти.
Иной книги очесам моимъ не минути,
Юже Богъ, хотяй прийти, хощетъ мнѣ разгнути[2].
Всякъ вся дѣла своя в сей книзѣ обрящетъ,
И по дѣламъ всякого своя мзда усрящетъ[3].
О книга престрашная, яже всѣхъ всецѣло
Земнородныхъ обличить пред Судищем дѣло!
О сей книзѣ азъ, страстный[4], егда помышляю,
Трепещу и трясуся, сердцемъ увядаю.
О Боже милосердный, о щедротъ пучино,
Источниче милости, благости вершино!
О царю вѣков, небесъ и земли всесилне,
Смирителю волнъ морскихъ едине презѣлне,
Звездоносныя круги иже устрояяй,
Тя молю, червь ничтожный, зѣло восклицаяй:
Призри на мя и впиши в книгу мя животну
Кровию Христа, юже имамъ в жизнь истотну[5].
Вы же, вся писания моя и вся книги,
Простите, не суть на вы большъ мною вериги.
Людие и братия, вси мя, вси простите,
Мати земле, прости мя, к сему не клените!

[1—1] Уже не; [2] открыть; [3] встретит; [4] здесь: бедный; [5] истинную.

Приими мя в нѣдра своя, земле, тя прошаю,
Духъ мой Богу предаю, тѣло ти вручаю.

* * *

О титулы, пропасти паче васъ назвати,*
коль вы многихъ обыкли людей пожирати!
И что же суть титулы? Мракъ, тма, вѣтръ и сѣни,
пузырь водный, пыщащся скорыя отмѣны!

СТИХИ НА СМЕРТЬ ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО*

Стихи памяти смертной,
Всякому потребной.
Читатель благоразумный,
Умъ имѣй не темный,

Сокрушенно и смиренно сердце в Бозѣ полагай,
покаянию время день от дни не отлагай.
Приходит смерть внезапно, гдѣ тя обрящет, помыслы сердца
и дѣла твои вси суть у Всевѣдца.
Взирай съ прилѣжаниемъ, тлѣнный человѣче,
како вѣкъ твой преходитъ, и смерть недалече!
Готовися на всякъ часъ, рыдай со слезами,
яко смерть тя восхититъ съ твоими дѣлами.
Ангелъ твой хранитель тебѣ извѣствуетъ,
краткость жизни твоей перстомъ показуетъ.
Текутъ времена и лѣта во мгновении ока,
солнце скоро шествуетъ къ западу съ востока.
Содержай меч мщения во своей десницѣ,
увѣщаетъ тя всегда и глаголетъ сице:
Убойся сего меча, отселѣ покайся,
да не посѣчетъ тебе, зѣло ужасайся.
Приидите, людие в вѣрѣ просвѣщеннии,
грядите во святый храмъ кротцы и смиреннии,
Молитву прилѣжну къ Богу возсылайте,
на сие писание умильно взирайте.
Прочитая всякъ усердно, много прослезися,
и от многия ревности сердцемъ умилися,

Какъ смерть вселютая вземлет человѣки,
 преселяетъ от мира на вѣчныя вѣки.
Преселила есть нынѣ пастыря блажайша,
 архиереа же честна и вожда крѣпчайша.
Вси вы Ростова града людие, рыдайте,
 пастыря умершаго слезно поминайте,
Димитриа владыку и преосвященна,
 митрополита тиха и смиренна,
Егоже митрополитъ со псалмопѣниемъ
 Стефанъ Рязанский со благоговѣниемъ
И со священнымъ соборомъ погребе всечестно,
 и со множествомъ народа, яко всѣмъ извѣстно.
Иже во святѣмъ храмѣ семъ мирно положися
 и в темнѣмъ гробѣ земли твердо заключися;
Да подастъ ему Господь въ Царствии жити,
 со святыми мученики и ангелы во вѣки пребыти.
  Емуже и от насъ вѣчная буди память.

АНОНИМНАЯ ПОЭЗИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ К «ШЕСТОДНЕВУ» ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО*

Солнце свѣлостию своею аще и всю тваръ *озаряет*,
Сия же писания вящши того всѣх человѣкъ навѣдение разрѣшает.
С сотворении твари премудраго хитреца толико,
Небесъ удобрение и земли украшение быти колико.
Вся же суть Владыко словом точию творяше,
Но и самыя превышшия вои аггельския чины устрояше,
Тмы тмами служащих неисчетно
И тысяща тысящами предстоящих неизреченно.
Не требова содѣтеля, ни совѣтника вѣрна совѣта,
Человѣка же аще и бренна, не созидаше ни едина без совѣта.
Прочее же, умъ имѣя, кто да разумѣвает
И елико Духъ Святый свыше дарова да познавает,
Симъ писанием испытно внимая умудряется,
Такова великаго свѣтилника словесы лучъ озаряется.
Нѣсть мужества без подвига ратоборска бывати,
Ни сил крѣпости без искусу вѣрне познавати.
Не тако воин уготовитися на брань без трубнаго гласа можеть,
[1]Тако и недовѣдомая кому уразумѣтися в чемъ возможет[1],
Аще неучения бремя вѣсть кто на собѣ содержати,
И книги богословныя разума не будут преподавати.
Нѣсть воин храбръ дивне тако бывает,
Которой на рати зѣлне распалаяся побивает.
[2]Но той вящши[2], иже повсюду своих от неприятелей укрывает,
В любомудрецех же от Божественных Писаний ни в чем не скрывает.
Якоже сей великий свѣтилникъ от своих писаний справъ[3],
Всяк вид о тварех подробну намъ истиннѣ описав.
Бездны и тмы ту сказуются како быша,
Духъ, иже ношашеся верху вод, писания явиша.
Аще и самыя бытейския Моисеевы книги сказуют,
О сотворении всего мира вѣрне намъ показуют.
Но нѣсть тако, якоже речеся, разумѣвати,
Чтущий же сия и оная писания вѣсть той истинну разрѣшати.
Прочая же суть книги о своем существѣ кождо единословит,
Сия же о сотворении всея твари изящне многословит.
Иже и породу райскую проходити намъ собою изглашает,

[1]—[1] Так и непостижимое может быть кому понятно; [2]—[2] Но тот велик; [3] исполнив.

И право ступающих путем царьским тоя не лишает.
Всѣми же образы благих дѣл всѣх подвизая,
Како скоряше, не почивая, тещи, горних постизая,
Высокопарными тамо крилы воздетая,
Оного князю вѣка сего мытарства прелетая[1].
О добрых же дѣтелей и начало сия книга являет,
Аки великое сокровище на селѣ всѣмъ объявля*ет*.
Имиже содержится в нас тѣмъ вся благая,
И не успѣют симъ ничтоже вражия коварства злая.
Постом цѣломудренным предлагая намъ
Освятити сего, сказует, или освящаемся имъ.
И тысящами ублажает от неправд воздержащихся,
Паче же нежели з злобою суть постящихся.
Ничтоже бо тако крѣпце благочестие подтвержает,
Якоже молитва и милостыня лѣствицу к Богу водружает.
Сих крылѣ обоих имѣя, на высоту возлѣтает
И прах прилѣпший к ногам злобы удобно отметает.
Адам бо во области[2] всю землю имѣ,
Изрядное обиталище райское и владыческое себѣ.
Навѣта же злобы ослушанием себя того лишает
И преслушанием заповѣдей райскаго селения погрѣшает.
Нам же всѣмъ буди едино о Христе селение,
Вѣчных благъ того заповѣдей сохран*ение*.

СТИХИ НА ГРОБНИЦУ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО*

Гробъ, егоже зриши, путниче,
Златомъ, сребромъ, драгими камении
Гробъ никако,
Но столпъ яко Давидъский онъ.
Тысящи щитовъ, тысящи мечей,
Тысящи броней, тысящи стрѣл
Висятъ из него.*
Отздѣ святия, оттуду трепетство,
Тая своимъ, сия чюждимъ,
Обоим же ужас, удивление.
Тому притекут началницы, царие и господие,
Всякий же его отдастъ обѣт вѣрный.
Молящии

[1] минуя; [2] власти.

Обрѣтають благополучный
В бѣдахъ исходъ.
В плачѣ —
Сладкое утешение,
В пагубѣ — спасение,
В брани — побѣды,
В печалѣхъ всѣх — вся благость.
Хвалится, возносится, воздвижится
Божественный сей мужь
Сергий.
И всякий языкъ отдастъ славу Богу,
иже дивный, иже хвалится
во святых своихъ.
Сей блаженнаго Сергия гробь,
Смиренно зѣло тое и устроено мѣсто,
Небо его, а не земля содержитъ.
В немже яко звѣзда
Просиявает в сѣверѣ сѣверная,
Неподвижимая всегда, присно непреложная,
На кую зряще держащий
Сѣверная кормила царства
Ведетъ на правыя пути
Государства великаго карабль.
Прием же добрыя из нѣя крѣпости,
Обилия исполнится и благополучения,
Аще же лѣвая дойдет нѣкогда пакость,
Сия, от нѣя приидущая,
Не злая
К вышнему всегда доброму бываетъ.
Да озарит ея потомъ болше свѣтъ,
Да лучи ея теплѣйшия искусится.
Тако солнце скудостию наипаче свѣтит,
Тако облаки навѣтующия проидущая
Луна
Свѣты ея пресвѣтло стрѣляетъ.
Соблюдитеся, супостати, и накажитеся
Доселѣ толкуется смѣлость
И главы тому смиряйте ваши.
Вы же, скверная татарская стада,
Будите прочѣе, абие оскудѣйте.
Земленый вышних силнѣйший никто.

МОЛИТВА*

О Боже, Боже мой, светых ты всех светейший
И света всякого и анъгелского чистейший,
На тя и херувими бо не могутъ взирати,
Принуждени вины со страхомъ трепетати.
Величество твое не можетъ умъ объяти,
И всяких род языкъ не мощенъ есть сказати;
Щедротъ же твоих к нам есть море превелико,
Иже грехи наши потопи, обретших в нас елико,
Занѣ[1] грешнику погибнуть не желаешь,
Но тому обратитися любовию принуждаешь.
К тебе, о Творче мой! колени преклоняю
И руцѣ грешныя к тебѣ аз воздеваю.
Сердце же мое внутрь пред тя си изливаетъ
И милости твоей с верою ожидает.
Возри, возри на мя! Зри, како побежденъ
От врага и плоти мира весма есть поражен,
Разбойники весма всего мя обн*а*жили,
К тому же многи раны на теле возложили.
Немощенъ есмь себѣ помощи сотворити
И сих злых враговъ ве*сма* ми отогнати,
Иже ищут совершенно во безну совлещи
И тамо до дня судного все мя стрещи.
В тебе же, Боже, мое есть прибежище,
Зане во бури все ту мое пристанище,
Избави мя от сих и даждь ми помощь свою,
Да могу исцелити душу мою.
Исцеле*въ* же ю, к тому на тя взираю,
Ту супостатовъ сих усердно ж призираю.
К сему ж азъ требую: да даси ми мой мечь,
Иже козни дияволские можетъ словомъ пресечь.
Над всеми веры щитъ достоит ми имети,
В негоже стрелы лукавого возмогу угасити
И шлем спасения на главе полагаю,*
Да в брани сей прелюты си врага побеждую.
В-первых, гордость злую смирениемъ попру,*
Желании имене[2] в щедротахъ разорю,
Нечистоту и блуд чистотою одолею,

---

[1] Поскольку; [2] алчность.

Гневъ, ярость, злую мысль[1] терпениемъ успею,
Ядение ж чрезмерно, иже здравие повреждает,
Душу зело теснит, — пост, бодрость исцеляет;
Зависть же окояну любовию истребляю,
Уныние жъ и леность трудами исправляю.
Но горе, горе мнѣ! егда аз помышляю
Силу сихъ супостатъ, тогда азъ устрашаю,
Кромѣ[2] бо помощи твоея, Боже мой,
Не могу одолети, и аще раб есмь твой,
Сего ж ради азъ днесь ся ти предоваю,
Душу свою и мысль с верою ти вручаю,
Да будеши всегда во бранях сихъ со мною
И аз, яко с вождемъ, пребуду во всех с тобою,
И вместо всех честей, богатства и мира славы
Да будеши мнѣ единъ, о честь моя славы.
Утеха б ми будетъ тебя в себѣ имети
И выну будущия сердцемъ горе зрети.
Егда же приидетъ время, иже имам разлучити
От жития сего, в ыной *ся водворити*,
Воспомяни тогда, о Боже, Боже мой!
Аще зело грешен есмь и *бых* всегда раб твой,
В срединѣ грехов да мя не разлучиши[3]
И со враги моими в муку не осудиши,
Но ради милости, еюже мир возлюбилъ,
И еже дани[4] Сына того не пощадил,
Иже есть Христос, мой Богъ, дражайший мой Спаситель,
Власти темныя великий победитель,
Егожъ ради азъ тя, Боже, умоляю,
Да возмеши сия вси, азъ припадаю,
Да во дни вся моя, дондеже велишь ми жити,
Тя во ипостасех трех сердцемъ буду хвалити.
Скончав же сия вся, в надежде пребываю,
Еже получить вся сия, аминем заключаю.
Слава Богу, давшему начати и совершити.

[1] коварство; [2] Без; [3] не оставишь; [4] жертвы.

Рифмы краесогласнии о прелести суетнаго сего мира и буйствѣ, како миръ другом своим, ихже прелщает вмалѣ, злѣ ругается вѣчно. Нравоучителны же, обличителны, зазрителны[1] и укорителны зѣло самим себе, великим людем, неправедным судиам, хищником злым и мздоимцем. И изъявителны бѣдствъ, кая зла страждутъ в мирѣ сем живущ*ии* сановитии, богатии и убозии люди. Вразумително чтый сия, велие умиление и ползу обрящет. И буйство мира, яко вся, яже в нем сущая, суетна, измѣнна, непостоянна, скоропреходна, паче же и окаянна, удобь познати можетъ. Написашася лѣта 7200-го [1692] году, месяца ианнуария

Размышляй си вину[2], О человѣчь сыну,
И умствуй то себѣ, Яко вмалѣ[3] требѣ
В персть снити.

Вникни в мир очима Прилѣжно твоима
И виждь, коль суетна Есть же и преметна
Жизнь *наша*.

Зри непостоянство Мира окаянство,
Виждь, яко миръ лестный Враг есть всѣм извѣстный
В нем сущим.

Виждь, яко онъ губит Другов, ихже любитъ,
Вмалѣ бо прельщает, Но злѣ ся ругаетъ
Имъ вѣчно.

Ибо днесь честь дает, Славою вѣнчает,
Утрѣ вся отъяти И злѣ обругати
Тя тщится.

Днесь тя всѣм обилна, Крѣпка же и силна,
Утрѣ немогуща И ничто имуща
Являетъ.

Днесь повѣлителя Тя и властителя
Славна творит многим, Утрѣ со убогим
Равняет.

[1] поносительны; [2] всегда; [3] вскоре.

Днесь тя возвышает, Богатства вручаетъ,
Родъ и други множит, Утрѣ злѣ убожит
От всѣх сих.

Днесь в виссонъ, в порфиру Облачит, и миру
Славна тя являет И вся покаряет
Под нозѣ.

Утрѣ вся та блага Отемлет и, нага
Сотворь, тя самаго В работу инаго
Предает.

Честь же, славу дому Преносит иному,
Да и того равнѣ Прелстит миръ сей явнѣ
Лукавый.

Прелстив же и того, Возносит иного,
Тому же вся злая, Первому [1]точная,
Наводит[1].

О, мира буести, Суеты и лести!
И мы вся очима Сия зла своима
Зрим ясно.

Зряще же не тако, Но горшая всяко
Зла премнога дѣем И нимало спѣем
К благому.

Вси то добре знаем, Яко вѣтръ гоняемъ,
Нимало *ж* имемся[2], Обаче мятемся
Вси всуе.

Ищуще здѣ земных, Желающе тленных,
Уский же путь тесный И живот небесный
Днесь презримъ.

О, неразумия И зла безумия!
Вси помрачихомся, Во тмѣ явихомся
Блудяще.

[1—1] подобное причиняет; [2] не заботимся.

Не хощем востати К свѣту благодати,
Вѣчных не желаем, Яко их не чаем
Прияти.

Достойно чудесе И дивно ми есть се,
Яко пред очима Зримъ лежащъ своима
Путь жизни.

Не хощем же всяко Ходити им тако,
Якоже ся рѣем[1], В погибелный спѣем
Путь злобы.

О, главо глупая, О, окаянная,
Почто миръ любиши И ему служиши
От сердца?

Что имеши вѣры Лживому без мѣры
Миру прелестному, Врагу извѣстному
От древле?

Но помысли всяко, Коликих и како
Мир лукавый прелстилъ И коль злѣ погубил
Безсчетно.

Помяни Амана* И славна гетмана
Олоферна,* како Погубилъ я всяко
Миръ сей злый.

Что Авесалому,* Сыну *царску* злому,
И что Езавели* Мир сей злый — не злѣ ли
Содѣял?

Силнаго Сампсона, Мудра Соломона
Прелстил миръ сей како? Ей, плакати всяко
Достоит.

И о иных себѣ, Ихже здѣ не требѣ
Подробну писати, Изволь сам внимати
Разумно.

---

[1] стремимся.

К тому присмотрися Всякъ и вразумися,
Что и наша лѣта Коло[1] сего свѣта
Показа.

В кия бо напасти Велможи и власти
Мирския впадоша, Кия постигоша
Ихъ бѣдства.

Охъ, охъ, охъ, коль злая, Охъ, коль безчестная,
Охъ, коль сановитым, Ох, коль превеликим
Бысть людем!

Не токмо бо странно Изрещи, но страшно
Бѣ и помышляти, Кто бы могъ отъяти
Честь оным.

Тѣх бѣдства смотряя Всякъ и разсуждая,
Дивися измѣнѣ И скорой премѣнѣ
На свѣтѣ.

И рцы: Оле, оле Сего свѣта в колѣ,
Суетства и буйства, Оле и безумства
Нашего!

Оле, оле, како Не казнимся всяко,
Видя сия злая, И в дѣла благая
Не вни*к*нем.

Оле, оле, како На друговъ си всяко
Бѣдства не смотряемъ, Но злѣйши бываем
И оных.

Не разсуждаем злых Смертных бѣдъ, постигшихъ
Сверстникъ наших вчера, Но вся днесь вечера
Презрѣхом.

Что вчера своима Видѣхом очима,
Вся та днесь забыхом И ум приложихом
К злым вящшым.

[1] Колесо (фортуны).

Ибо о том тщимся И сердцы ретимся[1],
Да с чести сложенных, Славы обнаженных
Достойной

Примем имѣния, Въ их мѣстъ сидения
Вступим всяко смѣло, В правителства дѣло
Велие.

Вземше же то бремя, Злое сѣемъ сѣмя,
Себе токмо славим, А вся хуждьши правим
И прежних.

Правду яко любим, Но криво судъ судимъ,
Мзды же не взимаем, А преуспѣваем
В богатствахъ.

Смирни образом есмь, Блази и *зли не* есмь,
Словеси ласкаем, Но дѣлы снѣдаем
Всѣх лютѣ.

Постна есмь жития, Не пием пития
Хмелна, а богата, Судом виновата,
Злѣ правим.

Лучше бы намъ пити, Да правъ судъ судити,
Не пост бы хранити, Но обиды мстити
В прящихся.

Даров не приемлем, А откуду вземлем
Бисеръ, ризы златы, И строимъ полаты?
Чюдно есть!

Развѣ нам излише Невидимо свыше
Богъ вся посылает, Богатѣем — знает
Никтоже.

Аще же не тако, То знатно есть всяко,
Яко притворствуем И лицемѣрствуем
Пред миром.

[1] стремимся.

Ей, что мы не емлем, Но о сем не внемлемъ,
Яко за потворством Нашим, со злотворством
Лютѣйшим.

Чада наши, зяти Готовы мзду взяти,
Иже заступают Нам и злѣ стужают
В неправдѣ.

За винна, лукава, Якобы за права,
К нам ходатайствуют, Насъ молителствуютъ,
Глаголя:

«Помилуй, пречестный, Пожалуй, любезный
Отче нашъ, — не сего, Но насъ паче всего,
Чадъ своих.

Яви милость ему И благъ буди к нему,
Право его дѣло, Сотвори е смѣло
Насъ ради.

Онъ бо нам знаем есть И в дѣлѣ сих правъ есть,
К тому во всем его До конца ты всего
Отправи.

А онъ тя хвалити И Бога молити
За тя не престанет, Дондеже в нем станет
Дух жити».

Сих мы от чадъ лестныхъ Глагол, Богу мерских,
Послушаем зѣло, Топим душу, тѣло
В грѣх смертный.

Речет ли нѣкто в насъ: «Есмь пожалованъ азъ
И доволенъ своим»? Ей, хвалимся мы симъ
Вси всуе.

Аще нам не во гнѣв Обличат, не возмнѣвъ,
Тщеславца такого, Иже «Сытъ без того»,
Глаголет.

Лучше есть молчати, Велим поне знати
От дѣлъ самим себѣ Мощно и не требѣ
Свидѣтель.

Яко яже многа, Врученна от Бога
Дѣла правителства Нам и строителства
Земская, —

Злѣ в сем поступаем, Злѣ вся устрояемъ,
Ово созидаем, Ово разоряем,
А что в том?

Велия убогим Мука людем многим,
Царству же убыток, А себе нажиток
В том стяжем.

Безопасно себѣ Вся, еже намъ требѣ —
Плинфы[1], камения, Емлем на здания
Домов си.

И пѣнязи[2] к тому, К строению дому
Многи емлем всяко. Оле, оле! како
Нѣсть срама!

Не токмо бе себе, Но всяко в потребѣ
И красных си знаем И обогащаем
Все царским.

Та жъ изнурения[3] На иждивения
Царская все пишем. Оле, како пишем,
Сие просим.

На бѣдна ж за един Пѣнязь зѣло кричимъ,
Еже изрещи смѣх, Ставим в велик грѣх
Оному.

Образом есмь овцы, Но дѣлы си волцы
Тяжки, хищни зѣло, Или рещи смѣло —
Всеядни.

---

[1] строительный кирпич; [2] деньги; [3] расходы.

Злобы всѣхъ снедаемъ, Злѣ всѣм досаждаем
Гладними словесы, Всезлыми дѣлесы
Своими.

Яко правды не зрим В судѣ, но лицъ смотрим,
Виним мы убогих Людей зѣло многихъ
Не дѣлом.

Суду жъ непристойна, Без суда достойна
Казни злы — богата Правимъ ради злата
Мзды многи.

Аще совершенну И дѣлом явленну
Убогъ речет правду, Вмѣняем[1] в неправду
Речь того.

Паче же ю в посмѣх Ставим себѣ. О грѣхъ
Велий нам в сем дѣлѣ На души и тѣлѣ
Есть смертный!

А иже нам равенъ, Богат сын и славенъ,
Аще совершенно Обличен явленно
Злым дѣлом, —

Крыем и толико, Силы нам колико,
И глаголы злобных Устъ его, лжи полных,
Внушаем.

Слушаем их в радость, Аще вредъ, но в сладость
Приемлем мы тая, Иже нам вся злая
Наносят.

О суеумия И неразумия
О тѣх ласкателѣх, Лестных приятелѣх
Нашего!

Поне убо тии — Во время блазии,
Не во время жъ сии Первии и злии
Нам врази.

[1] Считаем.

И неприятели
Всячески бывают,
Оны ласкатели
И дѣла ругаютъ
Вся наша.

Увы, охъ нам, како
Буйством мира сего,
Помрачени всяко
Аки лести его
Не знаемъ.

Воистинну знаем
Добрѣ между себе,
И вся разсуждаем
И воздыхаем в нѣбѣ
К Сущему.

Но скоро вздохнувше,
Гибель забываем
Прежних помянувше,
И паки взираем
К суетным.

Не умствуем себѣ,
И не разсуждаем,
Еже выну требѣ,
Ниже размышляем
Вси сего,

Яко гдѣ суть тии,
Царие и князи?
Прежде нас сущии
Не вси ли суть нази
Онамо!

Идѣже вси славни,
И домовъ владыки?
Худородным равни,
Причтены суть с лики
Убогихъ!

И гдѣ суть тираны,
Крѣпки воеводы,
Разных чиновъ саны,
Монарси и роды
Славныя?

Гдѣ силнии вои?
Главы положиша,
Не вси ли суть свои
Иже вмалѣ быша
Пред нами?

Гдѣ неправеднии
Кривъ судъ судящии
Мздоимцы всезлии,
И богатящии
Тѣм себе?

Не вси ли прейдоша, Что дым исчезоша,
Яко сѣнь минуша И лютѣ гонзнуша[1]
Сей жизни?

Домы их пусты есть, И живуща в них нѣсть,
Поне бо их яко С шумом память всяко
Погибе.

Сия разсуждайте, На сия взирайте,
О, вожди слѣпии, О, помраченнии
Разумом!

Сих ся ужасайте, Тѣх ся бѣдствъ спасайте,
О, хищницы злии, Крив судъ судящии
Мзды ради!

О, неразумнии Людие думнии,
Не ходите по них, Ни наслѣдуйте их
Злых нравов,

Да не погибнѣте И не изсчезнете
И вы, злоумнии, Яко безумнии,
И они.

Но правду творите, Праведно судите,
Да не возопиют И слез не пролиютъ
Премногихъ.

Обиднии к Богу, Иже вскорѣ многу
Имать сотворити Месть и погубити
Вы лютѣ.

Праведенъ бо Богъ есть, И неправды в нем нѣсть,
Правду возлюби той, — Праведенъ суд и твой
Да будет!

Аще тя прелщает Мзда и помрачаетъ,
То помысли, яко Оставиши всяко
Вся вскорѣ.

---

[1] лишились.

Мзды ли чюждь ты еси, И Бога в небеси
Боишися свята, То и дѣла клята
Стрегися.

Вся зри оком твоим, Вся и суди своимъ
Разумом, а злаго Не слушай чюждаго
Совѣта.

Мнози бо клевещут, Яко пси зли врещутъ
Ложная вам во уши, И то*п*ят тѣм душы
В грѣх вашя.

Тѣмъ отнюдъ не буди, Слушаяй в чем люди,
Но сам вся святою Суди правотою
Самою.

Едина бо вѣчна, Свята, безконечна
Пред Богом во вѣки И пред человѣки
Есть правда.

Прочая жь преходна И зѣло безгодна
И непостоянна Суть и окаянна
Вся в мирѣ.

Самая бо царства, В мирѣ государства
Скоръ конецъ си знают, Ибо измѣняют
Ся дивнѣ.

Колики бо страны И вещи избраны
От начала свѣта И в днешняя лѣта
Вся погибнут,

Яко Вавилонско Или Македонско.
Гдѣ суть нынѣ царства, Силы и державства
Сих грозн*ы*?

Гдѣ власть ассирийска, Греческа и римска
Велия держава, Монархов их слава
Над весь свѣт?

Вся бо мира тая Минуша благая,
Яко и своима Зрим мы днесь очима
Суетства.

И что хощем зрѣти Или что имѣти
В мирѣ можем благо, Кромѣ бо в нем злаго?
Ничто же!

Полнъ той стенания, Полнъ воздыхания,
Нѣсть в нем веселия, Много же велия
Печали.

Поне бѣдства многа Снѣдают убога,
Яко не вѣсть всяко, В злом мирѣ жизнь како
Прежити.

Выну воздыхает И горцѣ рыдает,
«Охъ, охъ, охъ!» — вѣщает, От сердца взывает:
«Увы мнѣ!»

Истинно «охъ» тому И «увы» бѣдному
Жити человѣку Жизнь свою в сем вѣку
Суетном.

Иже излишних чюждь, Но едва самыхъ нуждь
Может про дом себѣ; Жены, чадъ к потребѣ
Стяжати.

А часто бывает, Яко недостает
И самых нуждь в дому. Горе, горе тому
Жизнь сия!

Паче же иному И самого дому
Во обитание нѣсть. Охъ, сугубое есть
Тѣм горе!

Мнози же в толицѣ Горе превелицѣ
Мира обитают И злѣ ся скитают
Людие.

Вѣм же убо, яко
Тѣх ни единъ всяко
Послужити Богу
Восхощет за многу
Мзду вѣчну.

Но яко начати,
Тако всяк кончати
Хощет своя лѣта
В злых суетах свѣта
Сей жизни.

И страждут то мнози
В мирѣ сем убози,
Временных лишени
И ниже вселени
В вѣчная.

О прелести света
Коль сугуба тщета
Сицевым бывает,
Злѣ бо ся ругает
Им миръ сей.

Здѣ бо жизнь их горе,
Онамо же море
Родства огненнаго,
Неугасимаго
Пожрет.

Разверзи ушеса
И внуши словеса,
Яже глаголати
Имам и вѣщати
О славных.

В богатствѣ бо сущим,
Честь, славу имущым,
И тѣм не велия
В мирѣ веселия
Бываютъ.

Ибо от убога
Вящая злая многа
Страждут, здѣ живуще
И ничто имуще
Весело.

Выну бо печали
Велицы и мали
Сердца их снѣдаютъ
И зѣлнѣ терзают
Утробы.

Сущым в славном чину
Безпокойство выну
И опасение
От царска велие
Имъ гнѣва.

Мыслит выну всяко, Дабы вомогъ како
Царю ся явити И подручным быти
Угоденъ.

Не радъ имѣнию, Честь, славу велию
Всяко презирает, Но паче желаетъ
Покоя.

И купецка чина Сущих всѣх кручина,
Скорбь, туга снѣдает, И бѣдна бывает
Жизнь оных.

В путех от разбоя, Нужды, зимы, зноя,
И водъ в преплытии, Дому в отбытии
Их далнем.

Страждут то, а в путь[1] ли Не вѣдают купли,
Чаще бо убыток Им, неже прибытокъ
Бывает.

Чѣмъ еще убози Люди имут мнози
Многу си отраду И сердцу охладу
От суетъ —

Противу богата? Нѣсть бо кому злата,
Ниже имѣния, — Без спопечения
Спит болши.

Буйства же мирскаго И мятежа злаго,
Крамолъ душегубных, Всяких дѣлъ плутных
Не лѣть[2] есть

Кому исписати, Ни изглаголати,
Яже в мирѣ сущих И мира ищущихъ
Обдержат.

Но оле нам, олѣ! В сем плача юдолѣ
Коль горко есть жити! Лучше бы не быти
Рожденнымъ.

---

[1] впрок; [2] Невозможно.

Дабы сей печали Мира не познали
И, рождьшеся мали, Почто ся не взяли
На онъ свѣтъ?

Дабы зла избыли И жизнь получили,
Еяже стяжати От днесь и прияти
Потщимся.

О Христе сладчайший, Иисусе дражайший,
Царь и Творецъ вѣков, Грѣшных человѣковъ
Питатель!

На крестѣ страдавый И кровь излиявый,
Хотя свободити Миръ и искупити
От клятвы,

Чрез святыя раны, Яже приялъ за ны,
Даждь нам поизлише Свою милость свыше,
Нашъ Боже!

Даждь выну желати Твоя поминати
Пречистыя страсти, Мира же напасти
Избыти.

Да мира избывше И в жизнь ся вселивше,
Имамы хвалити И благодарити
Тя сице:

Святъ, святъ, святъ сый еси, Царствуяй в небеси,
Царь и Господь славы, Во вѣкъ вѣка хвалы
Достойный!

Тебѣ бо едину Богу славу Сыну
С Отцем безначалным И самоначалным
Ти Духомъ,

От всѣх хваление И поклонение,
Царство, сило, слава, Честь же и держава
Да будет,

От земных и горнихъ И от сущих в долнихъ,
Днесь и присно вѣчно, Вѣка безконечно
В вѣк аминь.

О СМЕРТИ*

О смерте злосливая и гнѣвливая,
всѣм живущим человѣком немилая!
Что ты, яко тать в нощи, тихо ходиши
и без проповѣди[1] тайно приходиши
Неготова мене заставаеши
и любимое мое отимаеши?
В нечаяние[2] всего мя обнажила
и между смрадными трупы положила,
Недвижима еси мене показала
и неразрѣшимым поясом связала.

О смерте гнѣвливая и злосливая,
на плачъ мой и слезы не жалосливая!
Что себѣ прибытка во мнѣ получила,
еже мене с тѣломъ моим разлучила?
Сродницы и любими зѣлне плачут,
а врази мои нынѣ радостно скачут.
Приятели мои далече осташа,
якобы уже и незнаеми сташа.
Друзи и ближни гроб мой златом крыют,
а инии глубокую яму рыют.

О смерте страшливая и злосливая,
слѣпая, глухая, немилостивая!
Вчера были слуги ордами за мною,
а нынѣ нѣсть ни единаго со мною.
Но токмо они днесь в том послужили,
что мя в темный гроб на вѣки положили,
Землею убо и каменем покрыли,
дабы мене тамо черви расточили.
И тако мое веселие минуло,
богатство и слава навѣки уснуло,

[1] без предупреждения; [2] неожиданно.

О смерте немилосердая и злая,
страшнообразнѣйшая и неблагая!
Что ты мене рано еще уморила,
двоякое диво на мнѣ сотворила?
Кому мое имѣние и полаты,
сосуды сребрены и одежды златы?
Краснии мои сади и винограды
днесь твоими ногами вси потоптаны,
Преминули ми радостотворных смѣхи
и всякия мусикийския утѣхи.

О смерте несытая и прелютая,
неблагодарнѣйшая и злолютая!
Вѣм убо, вѣм, яко не мною начало,
но всѣм дѣло твое зѣло огорчало.
На всѣх ты преострый мечь вообнажила,
и тѣмъ сильных свѣта сего положила,
Богатых и славных на вѣки побрала
и под ноги свои равно потоптала.
Всѣх еси, смерте, под солнцем покосила
и купно вся со земным прахом смѣсила.

О смерте непобедимая, гордая,
жестоконравная и непокорная!
Вси от тебе стрѣлою лютѣ уязвлени
и во вѣчной темницѣ и затвержени.
Горко рыдаю и плачу, а ты не зриши,
кричу и молю, а ты свое твориши,
Дѣеши красоту мою безобразну,
тлѣнию и персти мѣсиш сообразну.
Милостивно, смерте, не поглядаеши
и от плача ушеса своя затыкаеши.

Гдѣ убо нынѣ бывши миролюбцы,
славныя и лакомыя златолюбцы?
Гдѣ нынѣ во премудростех спѣющии,
дивная и преславная дѣющии,
Иже яко свѣт в жизни своей сияли,
разумом и красотою лиц блистали?
Твоимъ, смерте, мечем вси испресечени
и во тмѣ непросвѣтимой заключени.

Веселящиеся богатствы многими,
вси и те смѣсишася со убогими.

Гдѣ нынѣ гордо возвышающися
и лакомствы си насыщающися?
Вси от тебе, смерте, потребишася
и без памяти вѣчно погубишася.
Гдѣ главныя великопородныя паны?
Устроила еси их яко болваны.
О смерте, велми есть страшна память твоя,
трепещет убо тѣло и душа моя!
Везде ты, смерте, выну притекаеши
и никого никако обтекаеши.

Ты царем златыя вѣнцы отимаешъ
и главы их без милости отсѣкаешъ.
Ты дивных князей и боляр извергаешъ
и во тѣмныя гробища засылаешъ.
Воеводам ты булавы отбиваешъ
и недвижима до гроба провождаешъ.
Ты сладкоглаголивый язык связуешъ
и безсловесна пред всѣми показуешъ,
Премудрых философов без ума дѣешъ
во вѣчное молчание одѣешъ.

Гдѣ, иже светло и весело почили?
Всѣх их тамо уже черви росточили.
Силных *и*сполинов от свѣта згонила[1]
и в небытие всѣх еси изгонила,
Злымъ смѣхотворцем истлила еси губы,
и насилу осталися ли и зубы!
О смерте, приход твой зѣло есть страшливы
и час исхода смутливы и плачливы!
Без проповѣди нас, яко тать, крадеши
и у всякого на гортани сядеши.

Молодости и красоты не знаеши,
жалости же и милости [2]не маеши[2],
Богатства и славы не разсмотряеши,
нищеты же, бѣдности не созерцаеши,

---

[1] согнала; [2—2] не имеешь.

В радости и здравии обираеши,
во скорби же и гною[1] не гнушаеши.
Нѣсть тебѣ потребно воздыхание,
ни многослезное лияние.
Великих и малых в равенствѣ береши
и тако помалу и всѣх преведеши[2].

Брала еси, смерте, от начала вѣка,
дойдеши же и до послѣдняго человѣка.
Зрите, людие христоименитии,
во всѣх чинѣхъ, простьцы и знаменитии!
Кто от вас нынѣ умрет, вы провождайте,
а о своей смерти выну разсуждайте,
Пришествия ея всегда ожидайте
и всякаго грѣха себе *с*облюдайте.
Ко Богу воздѣвайте в молитвах руки,
дабы вас избавил от вѣчныя муки.

ЛЕСТВИЦА К НЕБЕСИ ЧЕТВЕРОПОЛОЖСЯ[3], ИЖЕ ЕСТЬ ВОСПОМИНАНИЕ ЧЕТЫРЕХЪ ПОСЛЕДНИХЪ ВЕЩЕЙ, РИФМАМИ КРАТКО ОПИСАННАЯ*

Непостижимѣ щедры и всѣблаги Боже!
Десница всѣсилная мне днесь да поможе
Сия благоначинати, тако совершити.
Смѣрть, судъ, гѣенна, царство, еже им*ать* быти,
Обаче земнимъ умомъ не суть описанна
въ гееннѣ мука, в нѣбе радость несказанна.
Плачи и рыдай горко, свѣте окаянне,
пленицами[4] грѣхъ многихъ отвсюду связаннѣ,
Виждь и внѣмли, что ти днесь есть уготовленно,
се ти к познанию да будетъ явленно.

---

[1] язва; [2] изведешь; [3] четырехчастная; [4] узами.

ВЕРШИ ЕДИНОДЕСЯТОГО СЛОГУ

СМЕРТЬ

Кто похвалится нынѣ на сей земли быти,
  иже бы моглъ в тѣлеси безсмертно пожити?
Никто. Но, взятъ от персти, в туже возвратится,
  по глаголу пророка всякъ тамо явится.
Александръ Македонски славны воинъ бяше,
  уби цари крепкия, смерти не можаше.
Смирилъ, плѣнилъ многия даже от Востока
  до мрачнаго Запада и моря глубока,
Восхоте странамъ свѣта всѣмъ господьствовати,
  славы себе земныя желая взыскати.
Кая полза бысть ему въ свѣте слава сия,
  понеже есть смертию усеченна выя?
Царие, власти, князи премногой державы
  лишаются смертию временныя славы.
Гекторъ от града Трои крепки есть во брани,
  силнымъ людемъ смертныя налагаше раны,
Сопротивныя полки убилъ воинственно,
  одолеваше врагомъ всегда мужественно.
Противу смертной силы не могуще стати,
  ниже я́ воинскима ногама попрати,
Самъ оружиемъ ся оста убиенний,*
  в мѣсто пѣрсти малое на многъ часъ вселенны.
Аннѣбаль вождь,* ветхаго[1] Рима разоритель
  и многих странъ на земли жестоки пленитель,
Пленника смерть таяжде себе сотворила,
  до дне часа страшнаго тѣло въ гроб вселила.
О Ксерксѣ, царѣ пѣрскомъ, неудобь молчати,*
  разумную о немъ вѣщь чту ся повѣдати.
Внегда съ вои многими во полѣ изыде,
  на высокия холми видети я́ вниде,
Обращся къ предстоящимъ, с плачем глаголаше
  сие слова, от скорби зѣлной вопияше:
«Коль многая воинства суть и безчисленна,
  по немнозѣ смертию будутъ убиенна!»
Силни от силы смертной вси изнемогоша,
  со оружиемъ своим язвенни падоша.

---

[1] древнего.

Мнози крепци, премудри на светѣ семъ быша,
  не убо горкой смерти во веки избыша[1],
Всехъ острою косою усекну во главу,
  погуби их со шумомъ суетную славу,
Удивление свѣту Самсонъ сотворивши,
  единою щекою[2] тысящи убивши,*
Паде на оружие смертное, скончася,
  смерти силной победа и на немъ познася.
Кромѣ того, иже ся на свѣт не раждаетъ
  и матере своея утробы не знаетъ,
Смерти лютой таковый никогда хранится,
  раны, общой всѣмъ зѣмнымъ, смертной не боится.
Всякого бо возвраста не щадитъ смерть тая,
  на всѣх светожителей является злая,
Незлобивую юность, процвѣтшую лѣты,
  посекаетъ, якоже в вертограде[3] цвѣты.
И среднихъ лѣтъ живуща в мире человѣка
  от жизни сей изгонитъ во гроб у полвѣка.
Подноситъ оружие и на честну старость,
  побиваетъ такожде, якоже и младость.
Жнетъ, идеже не сѣетъ,* жизни нашей класи,
  исторгаетъ главнии[4] человѣковъ власи,
Бдитъ, ходитъ безпрестанно, ниже усыпаетъ,
  ищуще восхитити, аки левъ рыкаетъ:
«Кто есть рабъ и владыка, царь, князь или воинъ,
  тоея моей казни быти есть достинъ».
Несть живущаго в свѣте, не узревша смерти.
  но язвѣнно от нѣя всякому умѣрти.
Како, недоумѣю, имамъ ю назвати,
  евангѣлисти словесъ хощу испытати,
Иже божиимъ духомъ такъ свидетелствуетъ:
  «не входяй в двѣрь разбойникъ и тать»,* — повествует.
Тать, разбойникъ смерть сия и мне мнится быти,
  въ бездверие понеже навыкла ходити.
Не толкущи[5], в храмину во тайнѣ приходитъ,
  на что люта пришла есть, тоеже и творитъ,
Не зритъ ни на заклѣпи[6], ниже на огради,
  течѣтъ прямо, жестока, убития ради,

---

[1] избежали; [2] ослиной челюстью; [3] в саду; [4] с головы; [5] Без стука; [6] засовы.

Что убо, землѣннии[1], на свѣте сотворимъ,
егда горкия смерти ничимъ не умолимъ?
Не требуетъ богатства, сребра, ниже злата,
точию на тлѣние всѣхъ кладетъ до блата,
На самихъ святитѣлей руце простираетъ
и, снемше диядими, во гробъ низлагаетъ.
Такожде и от стражѣй никто можетъ знати,
како аки тать вниде в царския полати
И, взѣмше драгоценну от царя порфиру,
красоту венца от каменя самфиру,
Опровергши на зѣмлю фронъ, или столицу[2],
самого посаждаетъ гроба во тѣмницу.
Якоже напѣрснику Христову* явися
конь блед и сидя на немъ — сѣ есть смерть — открыся,
По нейже адъ, темности гробъ последоваше,
сиего видения зѣло ужасаше,
Бегаетъ по всѣленной, лютѣ побиваетъ,
вмѣсто мяхкаго одра в тѣмны гробъ влагаетъ.
Искони вѣкъ смертную сию чашу пиютъ,
согрѣшившѣ въ Адамѣ, реки крове лиютъ.
Дана ей власть от Бога, да всемъ господьствуетъ,
сего ради жестоко началствуетъ.
Воистинну суету видимъ мира сего,
исчезаемъ, смертнии, внезапу от него,
Нынѣ живемъ, а вскорѣ теломъ умираемъ,
всуе свѣта къ суете сердце прилагаемъ.
Кому в притче Христовѣ человѣкъ подобный?*
Плодомъ земнымъ насыщенъ мужь непреподобны,
Емуже изобилно нива угобзися[3],
в сей надежду имѣя, ума си лишися.
Никогда неминущей смерти помышляшѣ,
нѣисчетну долготу дней своихъ чаяшѣ.
Всегда буи и нѣсмысленни глаголаша в сѣбе:
«Богатому мне сущу, множае не требѣ,
Что сотворю — имѣю умноженны плоды,
жить буду съ весѣлиемъ в премногия годы.
Реку ко души моей: яждь, пий и вѣселися,
почивай и торжествуй, радость ти явися».

[1] здесь: смертные; [2] престол; [3] уродила.

Что же ему за гласъ бысть: «О рабе лукавый,
развращение безумне, грѣшниче неправый!
Вскую[1] на врѣменная сия уповаешь?
Сея нощи душѣю лютѣ умираешь!
Плодъ же кому останетъ, прокляте, не веси,
внегда духъ твой истяжутъ прелестни*и* беси».
Иже многимъ богатствомъ зде изобилуетъ,
буйству сего грѣшника да не поревнуетъ,
Но страннаго[2] зде себе всякъ да помышляетъ,
и пришелца в семъ свѣте лѣстномъ да познаетъ.
Ныне бо о множествѣ злата вѣселится,
утро жѣ, лишенъ сего, в персть земли всѣлится.
Человѣку, любящу врѣменнѣ благая, —
восприемлѣтъ напрасно безконѣчно злая.
Убиется смертию прегоркою грѣшний,
снидетъ на плачь и горѣсть тяжку во адъ вѣчный.
Яко вода тѣкуща вспять не возвратится,
подобнѣ смерть, на кого егда устремится,
Ни бысть, ни есть, ни будет никтоже от вѣка,
егоже нѣ побиетъ аки человѣка.
Во тѣмноту смертнаго гроба всѣхъ всѣляетъ,
богатаго и нищаго тамо вмѣщаетъ.
Даниила от устъ львовъ цѣла сохранивый,
Иону от морскаго зверя избавивый,*
Спаси мя, Боже, Творчѣ, смертоносна яда,
снабди от люта звѣря — гѣенскаго ада,
Идеже вторая смерть вѣчна об*и*таетъ,
сицевою умѣрий[3] во вѣки рыдаетъ.
Иже прохлаждъ отроки в пещи вавилонской*
и извелъ еси Лота зъ пагубы содомской,*
Изведи мя от пѣкла пламѣне огненна,
да будетъ твоя слава во вѣкъ прославленна!
Коль горка есть смерть, вѣчна и ужасна зѣло,
которая томитъ душу и скверное тѣло!
Восплачѣмъ, возрыдаемъ, да возвѣселимся,
жизни неудаленнии, смерти да лишимся.
Волную[4] смерть на крестѣ, Христѣ, прѣтерпѣвый,
родъ от ада смертнаго падши свободивый,

---

[1] Для чего; [2] странника; [3] умерший; [4] Добровольную.

Темже не даждь и мѣне смерти, окаянна,
за множества грѣхъ многихъ мерзска, отчаянна.
Въ горѣсти души моей азъ вопию к тебѣ:
подай помощь, живущи в высоком небѣ!
Призри на смирѣние молитвы моея,
не удали от грѣшна милости своея,
Блюди от смерти душу, грѣхми умѣрщвленну,
да улучитъ ко жизни на стѣзю спасенну.
Плача неутолима смертна избави мя,
страдания вѣчнаго, Христѣ мой, спаси мя,
Прийди на взыскание мене заблужденна,
молю, небеси небесъ тя превознесенна.
Скоро, скоро погибохъ — предвари, потщися,
егда ужѣ часъ смертный ко мне приближися,
Изми от оружия смерти изощренна,
хранитъ от язвы вѣчной учини спасенна.
Ащѣ в кий часъ смерть сия вѣчна помянется,
толикаго трѣпета кто не ужаснется,
Юже ни умъ человѣкъ можетъ постигнути,
ниже языкъ изрещи о горѣсти люти,
Да не погибну, молю, милосердны Христѣ,
Царю вѣковъ безсмѣртный, едине пречистѣ,
Даждь со ангелы тѣбе пѣснь сию воспѣвати,
буди от всѣхъ хваленный на векъ прославляти.

СУДЪ

Грядѣтъ часъ Суда и кончина лѣта,
Прийдет погибѣль вскорѣ сего свѣта.
Вострубитъ труба ангелъ вѣлегласно,
Возбудитъ спящих от гробовъ напрасно.
Тѣлеса мертвыхъ востанутъ от праха,
Будетъ в то время всякъ исполненъ страха:
От звѣрей лютыхъ в пустыни съеденни,
В пучинѣ морстѣй люди утопленни,
Огнѣмъ сожжени тогда вси явятся,
Скончанни гладомъ тамо обратятся,
Всяко колено — невѣрни, погани,
Предстанутъ страсти и вси християни.
Солнцѣ и луна от яснаго зрака

Вмѣсто свѣтлости наполнятся мрака,
Звѣзды от тверди небесныя спадуть,
Свѣтила нощи сияти престанут,
Небо свиется[1] яко одежда тленна,
Въ оное врѣмя будуть вся отменна.
Оскверненная земля воспламенится,
Пламѣнемъ огня всюду возгорится.
Сядетъ судити на облаце славы
Царь царствующих и Господь господьствующих.
Якоже пастырь овцы разлучаетъ
От козлищь, купно не соединяетъ,
Тако и Пастырь сотворитъ небесны,
Разно люд людски поставит тѣлесны:
В дѣсне[2] праведнихъ, грѣшних ошуюю[3],
Дастъ муку грѣшним, мзду правым благую.
Книги разгнутся, всякъ увидитъ дело,
Что сотворило злосмрадное тѣло.
Во мгновѣнии ока осудятся,
Олѣ грѣшницы, где тамо явятся!
Нѣлицѣмерний Судъ будетъ Господний,
Сквѣрных отошлет во адъ преисподний.
Имѣя вѣру и любовь ко Богу,
Обрящетъ тогда благодать премногу,
Судящи сиру и убогу прямо,
Не осужденни появится тамо.
Кто может судбы Божия сказати,
Егда ангелы нѣ возмогут знати,
В кий час и время тайна будетъ сия,
Праведнымъ радость, скорби грѣшнымъ злыя.
Единъ Богъ токмо благоволи тако,
Да чаемъ Суда вси на время всяко.
Всяк от дѣл добрых своихъ оправдится,
Мерзостны грѣшник тамо осудится.
Что азъ, отчаян, болшѣ ожидаю?
Точию муки; почто согрѣшаю?
Ждетъ мя вѣчная пагуба огненна,
От Бога Слова за грѣхъ удаленна.
Како Божию лицу появлюся?
Не имущь брачной одежди,* стыжуся.

---

[1] свернется; [2] справа; [3] слева.

Совѣтомъ злаго змия обнаженний,
Въ отчаяни*и* лежу посрамлѣнний.
Врагъ раздра Богом одежду истъканну,
В ризу смертную облѣче раздранну.
Како, безстудны, в той день отвещаю,
Понеже винна Богу себе знаю?
Никогда чаю Судии предстати,
Во дни и в нощи навыкъ согрѣшати.
Повѣмъ и притчу о мужи едину,
Иже той суда не бояся выну,
Токмо любитель бяше сего свѣта,
Мняще жить себѣ в премногие лѣта.
Со стяжаниемъ радость имѣяшѣ,
Всякие злобы зело исполняше,
На всякъ день свѣтло зъ други вѣселяся,
Никогда Бога, безумны, бояся.
Имѣ в полатѣ небо сотворенно,
Солнцемъ, луною, звездами украшенно.
Гордымъ до небесъ умомъ вознесеся.
Дивна вѣщь — тако последи спасеся.
Богъ всемогущи, Творецъ всея твари,
Крѣпки, вѣлики над зѣмными цари,
Хотяще грешну прийти в совершенство,
В вышнемъ Сионе получить блаженство,
Во едину нощь богатому спящу,
На мяхкомъ одре тѣлеснѣ лежащу,
Съ высоты бысть глас, сице глаголющи,
Слышащи во снѣ — к нему вопиющи:
«Сыне пагубы, конѣцъ приближися,
Семо[1] судищу, грѣшниче, явися!»
Абие[2] душа изыйде от тѣла,
Егоже скверни домъ себе имѣла,
Нача горкими слезами рыдати,
Сими словѣсы плоть скверну стязати.

---

[1] Сюда; [2] Тотчас.

ПРЯ МЕЖДУ ТѢЛОМЪ И ДУШЕЮ

Душа

Тѣло смрадное, что днесь помышляешь,
Ещѣ ли грѣшне жити в мире чаешь?
Нынѣ гневъ Божий на тя разъярися,
Почто в тя корень грѣхъ многих всѣлися.
Приспѣло время суднаго ти часа,
Не услышиши в онь благаго гласа,
Лежиши нынѣ, исполнѣнно смрада,
Осужденное, снийдеши до ада,
Идеже муки тѣрпѣти во вѣки
З грешными будешь тамо человѣки.
Где нынѣ друзи, что тя оставиша,
Вскую обычно прийти замедлиша?
Всякъ тя безгласну днѣсь плоть презирает,
Понѣже паки востати не чаетъ.
Вчера бо еси в власти пребывала,
Грѣхом по всяк час себе убивала.
Мимошедшая слава сего мира,
Всякого вѣчно сотворяетъ сира.
Видиши, что ти богатство ползуетъ?
В радост*и* место сию скорбь даруетъ.
Где украшенна бисери одежда?
Погибѣ твоя в богатстве надежда.
Вся бо сия днесь вскоре изгибоша,
Яко дым огня — тако исчезоша.
О окаянна плоть и оскверненна!
Суетнымъ свѣтом будущи прелщенна,
Что возглаголешь или отвѣщаешь?
Судии-Творцу днесь ся ужасаешь,
Иже власть имать ввоврещи в гѣенну
Тебѣ, злобою грѣховъ помраченну.
Предъ лицемъ твоим, тѣло, обличу тя,
Грѣхми твоими сквѣрно укорю тя,
Что заповѣди Божия отложши,
Противитися врагомъ изнемогши,
Ходящей грѣховъ в пространние пути,
Праведно, о плоть моя, досажду ти.
Сѣ ти зѣница очесъ заключися,

Лице от зрака перва измѣнися,
Уста неправди твоя умолкоша,
Уды съ составы твоими умроша.
В путь погибелны ходящие нозѣ
Будутъ на вѣки в болѣзни мнозѣ.
Чрѣво нѣсытно, хотящѣе сласти,
Утолстѣвше на времѣнной власти,
Снийдетъ в гѣенну на вѣчныя муки.
И кто избавитъ мщѣния от руки?
Дастся гортани сосудъ неоскудны,
Исполнѣнъ серы кипящей, в День Судны,
Ярости чашу Божия испиетъ.
Всѣхъ тако грешнихъ Судия убиетъ.

Тѣло

Кто сѣ свѣрепо днѣсь ко мнѣ вѣщает,
Ложь и нѣправду на мя повѣдаетъ,
Вину толику всуѣ прилагаетъ,
Судомъ, мукою вѣчною стращаетъ?
Чии словеса во уши прийдоша,
Умѣрщвлѣнную плоть мя ужасоша?
Ты ли, о душе моя, глаголеши,
Напрасну на мя клѣвѣту влечѣши?
Противу сего имамъ отвещати:

О, той лжи сосудъ неоскудны!
Вѣстно ти буди, разумѣй, колику
Вину на себе узриши вѣлику.
Вся ти по ряду глаголати буду:
Повинна болше яви*т*ися суду.
Не обрящется притча ни едина,
Иже бы раб былъ болши господина;
Повѣленное всегда сотворяетъ,
Еже повелитъ, то соделоваетъ.
Азъ тебѣ, душѣ, подобнѣ врученно,
От Творца твари в раба приставленно,
Да тѣбе во всемъ рабски послушаю,
В повѣлѣнии твоемъ пребываю.

Аки чѣлюсти мску[1] что востягает,
На хотѣние его не пущаетъ,
Тако и тебѣ, душѣ, подобаше,
Вскую от грѣховъ мя не воздержаше.
Внѣгда восхотехъ сластѣм работати,
Добрѣ бысть постом труды умерщвляти.
Ничимъ же инымъ, токмо вѣщми сими
Страсти бываютъ тѣла укротими.
Аще кто брѣмя тако налагаетъ,
Тѣло мучѣний вѣчныхъ избавляетъ.
Тебѣ, толика блага не творящѣй,
Будешь со мною в гѣенне горящѣй.
Довлѣетъ ми днесь вотще испущати
Словѣса от устъ; врѣмя есть престати:
Занѣ надежды отнюдъ не имамы
Избыти суда, сущѣ со грехами.

Душа

Лютѣ мнѣ нынѣ, ничтоже творившей,
Купно во мирѣ съ плотию бывшѣй!
Грѣхамъ мя своимъ присовокупляетъ,
Бедну, нѣвинну душу ужасаетъ.
Права бѣхъ, чиста; плоти примѣшенна,
Ея делами днесь порабощенна.
Неба и зѣмли искони Творитѣль,
Неосквѣрненну созда мя Зиждителъ.
Добродѣтели свѣтомъ просвѣти мя,
Непорочную от *г*рѣхъ сотвори мя.
Злобы никако в сѣбе обретаю,
Почто съ тобою купно муки чаю?
Ты, плоть, убийца и врагъ мой досадны,
Гнѣвъ подвигнувша божий днесъ нещадны.
Проклята есмь азъ в творен*ия*хъ твоихъ.
Лишенна хвалы и радостей многихъ,
Вся злая прийму вѣчно тѣбѣ ради,
Осужденная буду безъ отрады.
Лучши бых прежде не была на свѣтѣ.

[1] мул.

Нежѣ с тобою во злобномъ отвѣте.
Како Господу Богу отвѣщаемъ?
Се во векъ веков во ад умираемъ.
Ризы спасенний есми обнаженны,
Огня пламенемъ будемъ облеченни,
Покрыетъ мене и тѣбе огненна,
Уготованна всѣм врагом гѣенна.
Покаяние по смерти ест*ь* ложно,
Души к тѣлеси бысть паки нѣсть можно.
Единыжды аще грѣшник умираетъ,
Милость Божия на немъ не бываетъ.
Нынѣ познаю, яко мѣсть от Бога
Будѣтъ грѣшником без конца премнога.
И мы с тобою во аде явимся,
В сѣмъ второмъ веку не возвеселимся.

Тѣло

Судъ Божий — правда, мы есми не правы,
Грѣхъ ради нашихъ пред Господем славы.
По дѣломъ нашимъ будетъ нас судити,
Мне же и тебѣ восхощет отмстити.
Мзда нам благая ни есть ни едина,
Токмо гнев, ярость Божияго С*ы*на.
Днесь спасени*е* от насъ удалися,
Душе, со мною горце восплачися!
Месть нас Божия обоихъ постигнетъ,
Надежда наша въ векъ вѣков погибнет,
Къ избавлению ничтоже успѣетъ.
Прѣние сие нам нынѣ довлѣетъ.

Внегдаже тако себѣ глаголаша,
Внѣзапу Суду Божию предсташа.
Речѣ им Господь съ яростию слово:
«Се вамъ есть мѣсто в геенне готово.
В пламень *и* пропасть от мѣне идитѣ,
Безъконѣчную муку прѣтерпите!
Алчну ми ясти не хотяща дати,*
Не возможетѣ за то мзды прияти,
Или от жажды уста изосхоша,

Напоити мя жаждна не могоша.
Страннаго, в домъ свой менѣ не приясте,
От путних трудовъ почити не дасте.
Устыдестѣся[1], наготою суща,
Не приодесте[2] ризы не имуща.
Лежахъ немощен, вы же мя презреша,
Былъ есмъ в темнице — и не посѣтиша».
Сице же душа и тѣло отвещаша,
Права Судию истинна познаша,
Реша: «Господи, видехомъ тя когда
Алчнаго ясти, не подахом тогда;
Или жаждуща в кий час тя видехом,
Воды студени дати не хотѣхом.
Странствующаго под кровъ не прияхом
Утружденну ти покоя не дахомъ,
Ниже немощи покрыть восхотели,
Милосердия на тя не имѣли».
Отвеща же имъ Господь Вседержитель,
Милуяй грѣшных всеблаги Зиждитель:
«Когда от менших блага едину
Не сотвористе, ниже мне самому»
Вскорѣ демони во образе страшнем
Ту же предсташа, и зѣло ужаснѣмъ,
Ихже мерзости никто написати
Возможетъ, ниже устами сказати.
Тѣло и душу осужденну взяша,
Въ гѣенски пламень на муки пояша.
Егдаже люте оныя несоша,
Прочий бѣси въстреть сим изыдоша.
Многия оних полки,
Преисподния собрашася волки.
Начаша гласом вѣлиимъ рыкати,
Грѣшному сему тако досаждати:
«Нашь еси нынѣ, любезны приятель,
Жития с нами вѣчнаго искатель,
Обрати оце, что ти зготованно,
Воздаяние неизглаголанно!»

Егдаже спящи виде, — трепѣташе,
Воспрянувъ от сна, надолзѣ стѣняше.

[1] Пренебрегли; [2] Не одели.

Потомъ возопий: «О всещедры Боже!
От сего страха духъ мой изнеможе;
Не вѣмъ, что сия страсти знаменуютъ.
Или дни моихъ конецъ извествуют?
Ти злобы грешных побѣдити можешь,
Милосердием спасти грешна хощешь.
Согреших, Отчѣ благи, пред тобою,
Умножишася грѣси предо мною.
Вопиющаго с плачемъ не презри мя,
Покаяниемъ от зла очисти мя!
Познах днесь, яко можешь укротити
Гневъ свой, и милость грешному явити;
Устрой вещь сию о мнѣ, недостойном,
Да буду жити на месте покойном,
Якоже благости зде накажи мя,
Но гѣенскаго огня избави мя.
Благодарствие тѣбѣ возсылаю,
Съ сокрушениемъ сердца воздыхаю,
Яко изволи тако сотворити,
В сию нощь гнев свой и мѣсть отвратити!»
Воста от одра, плача умиленно,
Милости прося от Бога смиренно.
Вознѣнавиде, яжѣ суть мирская,
Возждѣле себѣ в небѣсех благая.
Попра ногами ризу многоценну,
Желая в нѣбѣ получить нетленну,
Приятъ рубища, изыйде от дому,
Хотящь послужить Богу единому,
Мира и сластей сего отщетися[1],
На спасение в пустыню всѣлися.
Тамо Господу добре угождаша,
На радость благу кончину прияша.
Не давый сему, Христѣ, погибнути.
Смири мя, Творчѣ, благо да живу ти!
На спасения пути мя настави,
Окаянъное житие исправи,
Угодно тебѣ подаждь содевати,
На всяко время тебѣ вѣличати,
Вѣчеръ и утро хвалу ти творити,

[1] отрекся.

Подаждь, дондеже[1] буду в мире жити.
Егдаже дние мои умалятся[2],
Щедроты твоя, Боже, да явятся;
И число веку моего свѣршится.

Плачу, вопию, сердцемъ болезную,
Да в судъ не прийду, щедре милоствую.
Якоже девы мудре сотвориша,
Свѣтила своя в нощи украсиша,
Во стретѣние тебѣ изыйдоша,
В чертогъ на браки готови внидоша,* —
Подобне менѣ сподоби творити,
Огнь любвѣ в сердце моемъ разъярити.
Когда напрасно прийдеши, жените,
Благодать посли мне, грешному, свыше,
Светилник сердца да нѣ угасаетъ,
На всякъ часъ тебѣ, Судию, да чаетъ.
Даждь ми бодренно, Христѣ, ти усрести[3],
Радость в небесномъ чертозѣ обрести.
Не повеждь гласа зъ гневом таковаго,
Молю Господа блага единаго:
«Нѣ вѣмъ тя, иди во пламень гѣенны!»*
Проситъ усердно рабъ твой отчужденны:
Внѣ вратъ небесныхъ да не обрящуся,
За благость твою в небе да явлюся,
Во триехъ лицех Отца же и Сына
Со Святымъ Духомъ буди чѣсть едина.

ГЕЕННА

Горѣ, горѣ, трикраты глаголю — о горѣ!
Гѣенское на грешныхъ волнуется море
Свѣрепѣетъ жестоко бурними волнами,
в нѣсытную глубину пожрѣтъ со грехами.
Полна землѣ мерзости, восхощи слышати
словѣса си во уши потщися внимати;
И живущи в тѣбѣ сему да ревнуютъ,
которыи душѣю, тѣломъ житѣлствуютъ;

[1] доколе; [2] истекут; [3] встретить.

Приклоните на гласъ сей ушеса тщалива[1],
кого свѣтъ сей содержит в себѣ еще жива!
Приклоните на ползу, яжѣ глаголати
начну, во слухъ о муках будущих вѣщати.
Мука отчаяния скоро приближится,
в нѣйже плоть зъ духомъ своим скверная явится.
Прейдутъ сия две части, яжѣ суть рѣченна,
но вящая страсть будетъ всѣмъ врагом гѣенна.
Будетъ оной начало, кончины нѣ меетъ,
упадшему же тамо ничтоже успѣетъ,
Нижѣ отецъ чад своих, болезненна мати
от вѣчныя горѣсти возмогут спасати;
Ни чада родитѣлей зъ гѣенни ужасной,
лютой, неутолимой изведутъ и страшной.
Несть чаяния грешным во огни горящем,
злосмрадною серою, смолою кипящемъ;
Но без конца съ душею и тѣлом горети.
в неисчетное время ту муки терпѣти.
Аще бы человѣцы, иже обитаютъ
в мире и въ плоти своей духъ животенъ[2] мают,
Богатство требующимъ свое расточили,
дабы душу грешную ада искупили!
Никакоже возможно сего сотворити,
грешной души за цѣну гѣенны избыти.
Прежде морска глубина дно свое открыетъ,
и огнь воду хладную от себѣ излиетъ,
Свѣтозарное небо человѣкъ измѣрит, —
сему же неудобству всяк лучши да вѣритъ, —
Нежели души страстной спастися мучений,
грѣх ради воздаянних Господьнихъ отмщений.
Елико благъ Создатель человѣку праву,
толико золъ бывает грешнику скверонаву.
Сему дастъ почесть вѣнца в пресветлом Сионе,
грешника же посадит в тѣмном Вавилоне,*
Идеже змий прелестни — демонъ обитаетъ,
связаний на погибель узами, страждаетъ.
Ту будетъ плачь и скрежетъ, вопль неутолимы,
егда снийдутъ грѣшни во огнь неугасимы,

[1] внимательные; [2] душу.

Восплачутъ от болезни, небеси лишенны,
туги отчаяния вѣчной наполненны.
Поскрежещутъ от огня палима зубами,
страдание терпяще духомъ, тѣлесами.
Ничтоже услышит ся, токмо рыдание,
болезнѣнно въ геенне на вѣкъ стѣнание.
Лютѣ рекутъ грешни в пламени будущимъ,
кончинѣ сей пагубѣ никогда имущимъ:
«Почто болезнѣнная матерня утроба
вмѣсто потемненнаго не бяше нам гроба?
Проклят день той, нощь и час, в онъже ся рождахом,
духъ животны и тѣло от ложеснъ прияхомъ!»
Тако будутъ грешницы во огни рыдати,
отца своего, матерь в муках проклинати:
«Дабысте[1] ся в камени были претворили,
нежели насъ в бездну огня породили.
Тяжка нам нынѣ болѣзнь и нѣутолима,
страсть вѣчную приемшимъ огня негасима.
Кто нам, грешним, поможетъ, есми отчаянни,
в жупѣл ада падши, бесомъ зготованни!»
Пространни путь, въводящи в пламень нестерпимы,
человеки грешныя несытно палимы;
Стопы беззаконнаго в немъ не по*по*лзнутся,
человѣкъ окаянныхъ нозѣ нѣ поткнутся,
Безпреткновенно вѣдетъ [2]во отхлань[2] геенны,
ходящии симъ путѣмъ будут поглощенны.
От пути истиннаго во адъ заблуждаютъ,
вшедши в онь греховнѣ, во веки рыдаютъ.
Притча Иисусъ Христова подобнѣ являетъ,
человѣка богата суща возвещаетъ,
Который по пути адскомъ в тѣлеси хождаше,
в пространстве онаго всегда ликоваше.
Единыя утробы имѣеши брата,
ненавиде убога, извѣрже за врата,
Ижѣ умрѣ, достиже прекраснаго рая,
на лонѣ Авраама восприя благая.*
Бывшу же и богату на путном пространстве,
ходящему во всяком *г*реховъ окаянствѣ,

---

[1] Лучше бы вы; [2—2] в пропасть.

Внѣзапу бысть беси лютѣ восхищенни,
в пламѣнь огня гѣенска на вѣки вѣржени,
Идеже, егда муки тяжкия прияше,
узрѣвшѣ Авраама в раи, вопияше:
«О, отчѣ Авраамле, простри свое око,
виждь мя въ вѣчном пламени лежаща глубоко,
Терпящаго безмѣрно сей гѣенски пламень,
понреннаго в глубину, аки тяшки камень!
Услыши мя, мой отчѣ, и даждь ми отраду,
посли брата моего подати охладу,
Да омочит перстъ в море десницы своея
и устудитъ языкъ мой зъ благости твоея!»*
Тщетное богатаго бяшѣ прошение,
понеже последнѣе блага лишение.
Кая полза, отрада в глубочайшем аде?!
Но в лютости пламѣне быти, не в охладе,
Вѣчна безконѣчная врѣмена рыдати,
врагом, Богу противным, в той безднѣ страдати.
Непостижна есть вѣчность зѣмленными умы,
нижѣ самих ангеловъ благими разумы,
Толко сие всякъ себѣ может разумѣти:
безъконѣчной вѣчности безъконѣчно быти;
Яжѣ в муках гѣенских жилище имѣетъ,
на грѣшныя таможде зѣло свѣрепѣетъ.
Аще бы зъ нѣищетна пѣска, иже в мори,
были сотворенныя под небеса горы,
Дабы ангелъ приходил на лѣто едино,
брал по праху[1] и носил на пространство ино,
Неисчетному песку конецъ бы явился,
ангеломъ бы въ иное мѣсто прѣносился, —
Мукѣ смертной пагубы нѣ будетъ кончина,
но грѣшником во аде есть вѣчность едина.
Восплачут, возсѣтуютъ на вѣчное врѣмя,
болезни несказанной отяхчит их бремя.
О вѣчности! Колико еси глубочайша,
падшимъ в жупѣл гѣенски грѣшником тяжчайша,
Различная мерзостнымъ мука в век будущи,
при кончинѣ световой вскоре грядущи.

[1] по песчинке.

Ижѣ который человѣкъ врагъ Богу бывает,
по всяки час и врѣмя Творцу досаждаетъ,
По стѣзи соблазнѣнной со противни ходитъ,
заповѣдѣй Господних и воли нѣ творить, —
Достояния муку таковы восприйметъ,
на вѣчную тяготу скорбь в вѣчную прийдет,
Идежѣ мукъ сотворил Господь безчисленно
на грѣшныя, нам нынѣ есть нѣизрѣчѣнно.
Ту алчба, глад стужими ими обладаетъ,
разну за грѣх сотворши всякъ беду страждает.
Грѣшницы ту терзати сквѣрна будут тѣла,
хотящи сытости, восплачут до зѣла,
Мраз вѣчныя пагубы грѣшнымъ одолѣет,
лютость свою и крѣпость на вѣки открыет.
Умучит досадныя Богу человѣки Богу,
си идящи обрящутъ в нем тяжесть премногу.
Червь нѣусыпаемы востанет движимый,
язву вѣчну и болѣзнь зѣлную творимый,
Нѣ умрѣтъ никогдажѣ, но имать снѣдати,
тѣла в нѣпроходное врѣмя угрызати.
Лютѣ будущу тамо погибелну с*ы*ну,
въ отчаянии вѣчном страждущему выну.
Демонов всѣлукавых, Богомъ побежденныхъ,
гордынѣю въ пламень вѣчны воверженных,
Сожитие явится на вѣчныя вѣки
съ погиблшими грѣшными тамо человѣки.
Живущий на свѣте семъ, тяжце восплачися
и смирѣннымъ къ Богу сердцемъ обратися!
От очию твоѣю пусти *с*лез источник,
да будѣтъ ти в лютое время Богъ помощникъ,
И его тя крѣпкая десница заступит,
в прѣисподни ад вѣчной смерти не погубит.

СЕДМЬ ГРѢХОВЪ ГЛАВНЕЙШИХ*

1. Блюди себѣ гордости, в погибель вѣдущой
падѣния в гѣенну по всяк часъ ищущой,
Яжѣ богомѣрская ада наследствуѣтъ,
вѣчными врѣмѣнами тамо болезнуетъ.
Всякъ, *и*жѣ гордынѣю мерскою нѣсется,
скорѣйшимъ падѣниемъ в бездну низвержется.

Вознѣсыйся къ небеси, въ гѣенну снийдетъ,
оттуду, окаянни, никогда изыйдетъ.
Равенъ кедру ливанску иже быти тщится,
мѣсто его гдежѣ бысть вскоре не явится.
Сей бо стремъглав достигнет ада преисподня,
гневъ и ярость убиетъ точнаго[1] Господня.
2. Лакомство[2] — врагъ лукавы Создателю всего;
подобную пѣрвому приймет месть от него,
Вѣчнаго томлѣния во муки всѣлится,
по преждѣрѣченному нѣ возвѣселится.
3. Убийцу, душѣвную нѣчистоту мерзку,
Вышняго всея твари прогневати дерзку,
Погублѣние злое объемлет вѣлико,
яко нѣсть во свѣте от вѣка толико.
Ляжетъ на гѣенское палимое ложе,
страждущей и болящей никтоже поможе.
Бежи сей всякъ, угонзай[3] в жизни сей, хранися,
от разбойника плоти и души блюдися,
Да тя, сластьми прѣлщенна, вѣчно не убиет
и пламѣнным жупѣлѣм нага не покрыетъ.
Иди, противоборством ту да победиши
и воинъ ся прехвалны въ небесех явиши,
Избудеши гѣенска стужения многа,
достигнеши небесна пресвѣтла чертога.
4. Объядение — скверна, подобне что древо
въ несытное адское въвѣржется чрево,
И тамо насытится смолы же и серы,
аще и не восхощетъ, дастъся ей без меры.
5. Многохотная зависть где ся тогда явит?
Пути согрешения в пагубу направит,
Въ бурномъ огни пекелном[4] ей жителствовати.
тучу слезъ безъпрѣстанных тамо проливати.
6. Гневъ и ярость кому ся въ сердцы разъяряетъ,
сего греха смертнаго да ся уклоняетъ,
Донележе вѣчная смерть не разъярится,
которою человѣкъ вскоре победится,
Аще в таинстве сердца почнет ся вмещати,
не приложи Богови онемъ согрешати,

---

[1] такого, подобного; [2] Жадность; [3] избегай; [4] адском.

Тѣрпѣнием потерпи. Господь Вседержитель
сохранить тя от огня, благий Защититель.
7. Проклятое ленивство смертно согрешает,
обитель си въ гѣенском огни созидает,
Соделоваетъ люта мучения храмы,
ту с вышеречѣнными погибнет грехами.
Сия богомѣрская грѣхи сотворивы
падетъ без сумнения въ огнъ неугасимы.

Двѣ части зде предлежат смертну человѣку
в мимошедшем житии и врѣменном вѣку:
Вышний Иерусалим и Сион прекрасны,
ад бесов всѣлукавых и гордых ужасний.
Где кому желание пространство избрати,
души своей и тѣлу покоя взыскати, —
Во царство ли на радость неисповедиму
хощешь или на печаль в пѣщь неугасиму?
Помысли, человѣчѣ смертни, та глаголи,
буди по хотѣнию твоему и воли,
Дондеже есть ти время, о сем разсудися,
сопричастникъ, желаю, святымъ сотворися.
Имущь языкъ якоже изощренну бритву
зубомъ ада смертнаго падет в*о* ловитву[1].
Лъживая бо клевѣта, неправду творяща,
не избудетъ въ гѣенне пламене горяща.
Сребролюбие, корень злобы, погибаетъ,
на вѣчныя въ гѣенну муки умираетъ.
Многие ея ради небесъ отчуждении,
на плачь и рыдание во аде положенни.
Божѣ вѣчны, Царю долготѣрпѣливе,
Создатѣлю всѣхъ вѣщей, Агнче незлобиве!
Огня нестѣрпимаго, Всеблагий, храни мя,
десницею крѣпкою сквѣрна заступи мя.
Умрохъ сими *г*рехами, ихжѣ не счисляю,
в погибелное море огня умираю.
Буди мною, грѣшником, Боже, умолений,
не пошли мя грех ради въ огнь неизреченны,
Даждь ми тучу слезную — оний угасити
и вѣчное блаженство в небѣ получити.

[1] в ловушку.

Якоже со Дафаномъ Авирон,* прокляты
от отецъ преподобных в соборах трикраты,
Пожреннии зѣмлею, ко аду снийдоша,
в бездну муки пламенной живии падоша, —
Да не сниду таможде, много согрешивши,
никогдаже благое тебѣ сотворивши.
Даждь ми благо творити, Творче, да спасуся,
в мучѣние вѣчное да не преселюся.
Извлецы мя, падшаго в мрежу[1] беззакон*ий*,
и введи на радость въ *И*ерусалимъ горний.
Сердце мое, многими грехми отягченно,
сотвори на похвалу себѣ сокрушенно,
Да тя чистим, Владыко, должно вѣличаю
и в небѣ похвалную песнь ти воспѣваю.

ВЕРШИ ЕДИНАДЕСЯТОГО СЛОГУ

Царствие Небесное

Преблаги Господь, бездна благодати,
Мзду блаженную хощѣт правым дати,
Радость вѣлию прѣсвѣтла Сиона
И седалище небеснаго фрона,
Еже никтоже зѣницею ока
Виде блаженство неба превысока.
Оное воздастъ всѣх щедротъ Воздатель,
Всѣмъ возлюбленным, всея твари Создатель.
Славою чѣстно будутъ одеянни
Тѣлеса святыхъ — сосуды избранны.
Вѣнцемъ небеснымъ всякъ будетъ почтенны,
Имже прѣлестни[2] миръ бысть побеждены,
Яже от зѣмныхъ не слыша никтоже,
Ниже на сердцы вмѣститися може.
Щедрот Богъ море уготова сия,
Любящим его в небесехъ благия,
Емуже, Творцу, зде кто есть угодни, —
Въ векъ предъидущи будетъ преподобни.
На главѣ своей узритъ диядиму
Славы вѣчнаго Иерусалиму,

[1] сеть; [2] прельщающий.

Небесныхъ воевъ услышит пѣснь красну
К похвалению Богу вѣлегласну.
Отецъ небесны праведныя дети
Свѣтом божества имать просвѣтити.
Мучѣникъ тамо, страстотерпецъ хоры
Трисияннаго света внидут во дворы,*
Узрят чѣсть, славу, зракъ неизрѣченны
Тройцы, въ единстве в небѣ просвещенны,
Милость Божию, дары и преблаги,
Блаженство в небѣ наследятъ святы,
Идеже плача, ни воздыхания,
Ниже слезнаго очесъ рыдания.
Токмо вѣчное тамо веселие
Богу избранным, праведнымъ велие;
Радостей вѣчных будут насыщенны,
В свѣт неприступны славы облеченни.
Облистает их свѣтъ незаходимы,
Богъ в триех лицех неисповѣдимы,
Подобне, яко Иисусъ на Фаворе*
Показа славу апостолам горѣ;
Онаго свѣта зрѣти не терпяху,
Бывши*и* тамо съ Христом, ницъ падаху.
Лице бо его паче солнца бяше,
Свѣт неприступны чудны нисхождаше
И лучи свѣтлы Господа славима
Вышняго, паче всехъ превозносима.
Тако по суде, напоследокъ летом,
Святии точним облекутся светом,
Увидятъ себѣ съ плотию сущихъ,
Свѣтлость на себе преславну имущих.
Испустит лучи зрак преизряднейши,
Паче свѣтила дневнаго краснейши.
О, коликих благъ тамо насладятся
Святии, егда вси в небо вселятся!
Вѣлия свѣтлость всѣхъ вѣрных покрыет,
Благодать на них Божия почиетъ,
Уязвлѣннии будутъ лѣпотою,
Небесъ чудною зѣло красотою.
Вси, иже Богу избранни быша,
Благу надежду небесъ улучиша,
Еяже в мире ради зло прияша,

От мучитѣлей лютe пострадаша.
Любовию бо къ Богу разъяренни,
Быша во главу мѣчемъ усеченни,
Избыша муки, терпящия раны,
Нуждно[1] внидоша в прѣсветлыя страны.
Кто бо возможет в сия ся всѣлити,
Аще не нужникъ может наследити?
Аки бо птенецъ высокопарящий,
Возлѣтит въ небо до конца терпящи.
Гражданин тамо вѣчны прозовется,
Терпѣти скорби иже попечется.
От бед и скорбей сего сохраняетъ
Господь, и в мѣсто злачно посаждаетъ
Нуждно есть царство, нуждницы приимутъ,
Которыи алчутъ, жаждутъ, наготуютъ.
Отцы святии тако сотвориша,
Все свое время в скорби иждиша[2],
В горах, пустынях оскорбленни бяху,*
За се от Христа Бога жизнь прияху,
Ангелъ идеже, лицы ликовствуютъ,
Тамо с нимиже купно торжествуютъ,
Град Сион Божий прѣкрасни взыскаша,
Жилище себѣ вѣчно в немъ избраша,
Равную ангелъ славу обретоша,
На мѣсте хвалы в небеси седоша.
Аки крылами — труды возлѣтеша,
В царство на радость вѣчную успѣша.
Даръ пребогаты такому бываетъ,
Который скорбь, нужду в мире страждаетъ.
Ангелскимъ чином явится причтенни,
Славѣ небесной присовокупленний.
Искони мира честь правым от Бога
Уготовася прекрасна чертога.

ДЕВЯТЬ БЛАЖЕНСТВЪ*

В немже блаженства девять обитаютъ,
Троицу въ единстве вѣчно прославляютъ.

[1] С усилием; [2] провели.

1. Еже первое в небѣ обретеся:
Нищета духомъ — в богатство спасеся.
Лѣпоту небесъ, доброту преславну
Восприя духомъ бесътелеснымъ равну.

2. И иже аще в слезах пребываетъ,
Мзды ради вѣчной в горѣсти рыдаетъ, —
Красоту Царства Вышняго очима
Узритъ, и славу Бога невидима,
И на вѣкъ вѣков светло возсмѣется,
В Царстве Небесномъ вѣлий наречется.

3. Хвалы и кротость будетъ исполненна,
От Бога земныхъ всѣхъ превознесенна.
Лестнаго врага сети пройдет сквозѣ,
Направит в радость вѣчну свои нозѣ.
Увѣселится смиренно ходящий,
Наследит[1] землю Господа славящий.

4. К жизни безсмертной в радость вхождает,
Которы истинны и правды взалкаетъ,
Насыщен будетъ благих воздаяний
И неисчетныхъ славы дарований.

5. Егда милостив и щедръ кто къ убогимъ,
Причастник будетъ щедротам премногим.
Благость и милость в превысоком небѣ
От Всѣсилнаго восприемлет себѣ.

6. Елико может чистота нескверна!
Зритъ лице светло Господа безсмѣртна,
Зракъ трисиянни видитъ откровѣнно,
Ангеломъ сие чудо удивленно.
И Богъ колику тайну обретает;
Лицемъ ко лицу на Творца взирает.
Аможе агнецъ незлобивъ шествует,
Чистота сердца ему последуетъ.

7. Господа Бога чадо наречется,
В с*ы*новство Троицы святой приведется, —

[1] Унаследует.

О творении мира иже тщится,
Отца Вышняго блага наследится.

8. Истинны ради от лживых изгнани
Даръ наследствуют вѣчны, несказанны,
Емпирейское небо* восхищаютъ,
Идеже сладость, радость получают.

9. Развѣ царствия ничесоже взыщут,
Которыи правды блаженныя ищутъ.
Ублагословит Господь сицевыя,
Исполнит хвалы своея святыя.
Слышите нынѣ, поносъ[1] терпящи*и*,
Мыслию, сердцемъ Бога любящии:
Аще неправой лжи, клеветы слово
Будетъ злыхъ сердце вам рещи готово, —
Ликуйте о семъ вси ся вѣселите,
Божия ради имѣни терпите.
Ибо мзда многа вамъ, жизни блаженной
Не лишитеся, надежды спасенной.
Миров*и* яже лестному умроша, —
В жизнь безсмѣртную плоть, душу спасоша.
У Христа Бога даръ блага нетленны
Прияша — животъ в небѣ возжделенны.
Богатъ в щедротах Богъ неописанны,
Въ вертоград вѣрных въводитъ избранны.
Любовь которыи к нему стязаша,
Обѣщанную зѣмлю восприяша.
Бездну, Египѣтъ, люта фараона
Избѣхше, в радость внидоша Сиона,
Жития море о Бозѣ преплиша,
В немъ мучителя грѣх, смерть зануриша[2].
Естьли кто хощет благодати тоя,
Из работы люты вѣчнаго покоя —
На помощь Бога вмѣсто Моисея
Нозми прейдеши море жизни сея.
Сионъ царственны неба наследиши,
Змия лютаго, врага победиши.
Ты в работе сей, Израилю новый,

[1] поношение; [2] погубили.

Избежи мира в покой сей готовы!
Изыщеши тамо источник текущи,
И воду живу студенецъ[1] имущи,
Оныя воды будешь напоенны,
Прехождением путным утружденны.
От скорби въ свѣтлость, в радость от печали
Прийдеши; вѣчной исполнишься хвалы.
Выше есть умов человѣков земныхъ
Благодать святым радостей небесныхъ.
Сынъ Божий — воды источник живыя —
Потокомъ жизни напаяетъ святыя,
Еяже аще кто желаетъ пити,
Да грядетъ тамо — и имать вкусити.
Мира жители, студенца взыскуйте,
Къ воде живота тщателно шествуйте,
О то любовнѣ Богъ всѣх призывает,
Источник жизни иже ся взалкаетъ.
Грядите к нему, воду живу пийте,
Вѣрою сердца туне приемлите.
У источника жизни кто испиет, —
Толику Господь благодать излиетъ
Щедротъ, и жизни испившая реки
Плоть человѣков нѣ умрет во вѣки.
Адамантъ яко, от млата биенны,
Зелне[2] никогда бывает врежденны, —
Господа жизни яже насладится,
Тѣломъ и душею смерти не боится.
Онъ бо несмертных плоть, душу сотворит,
Да не коснется смерть, тако изволит,
Благовония тых исполнит хвалы,
Которы тѣло от грѣхов спасали.
Обогатятся богатством небеснымъ,
Неистощимым, вѣчным и пречестным,
Где ни молие обидно снѣдаетъ,
Ниже тать крадет и тля растлевает,*
Алъчбы несть брашен плоти преподобной, —
Насыщается сладости животной.
Животны хлебъ есть Богъ превознесенны,
Снедию его правы насыщенны,

[1] источник, колодец; [2] Сильно.

Егоже пища меда слатчайшая,
Всехъ земных вещей в небѣ дражайшая.
Лехкая будетъ плоть, не отяхчена
Угоднихъ Богу — и скорошественна.
Ароматъ вонних и благоухан*н*ихъ
Обогатятся телеса избранныхъ.
Юность, не старость Богъ подастъ имети,
Процветутъ, яко вѣртограда цветы.
Плоть преподобных, воскресша из мертвых,
Мзду толикую приймет благъ безсмертных,
Гдеже точатся сия благодати, —
Твоей милости зде желаю стати:
Да взыдешь тамо в небесныя дворы
И да поешь пѣснь Богу, ангелъ с хоры.
Лета многие ождивше о Бозе,
Буди во вечномъ вѣселии мнозе,
Идеже присно свет есть трисиянный,
То да узриши в небе, преизбранны,
Иже всехъ тамо благихъ просвещает,
Тебе же тако онъ да осеняетъ;
Яже ни ухомъ никогда слышанно,
Что святымъ в небе есть уготованно,
Сие ти рабъ твой усердствуетъ зрети,
И вѣчну благость от Бога имети.
Иже премощни Царь всея державы,
Той тя в Царстви*и* да исполнит славы.
Ему да будетъ хвала от всех многа,
Да знаетъ вся тварь Создателя Бога!

Достодолжное Всемогущему Богу воздавши благодарение, протчее глаголати недоумеваю о сихъ четырехъ, первѣе реченныхъ, понеже грешникомъ в геенне мука неизреченная, такожде возлюбленнымъ Божиимъ ни самыя последния части в Царствии Небесномъ — всего мира человѣцы светлостию разума и остротою ума своего в познание привести могутъ, ниже тщательною начертати тростию. Темъже и азъ не велеречую, но токмо глаголю: грешнимъ мучения вѣчность, праведным же неисповедимаго блаженства; которую вечность нарицаютъ философи сугубую: первую отчасти прежде, вторую отчасти последи. Кто есть, иже бы содержалъ в сѣбе сугубую вѣчность? Единъ неведомый, непосътижимый Богъ и Творецъ всяческаго дыхания, не имеющи начала, ниже конъчины. Той есть вечный единъ от обоихъ сихъ частей, пѣрвее и последи. Ангели бо токмо и вси силы небесныи вѣчнии суть отчасти, последи, зане сотворенный

премудростию славимаго Господа, якоже и земнии человѣцы и начало имѣша: всякъ бо безплотнымъ и телеснымъ, вышним и нижнимъ, Делатель есть Господь безначалный, емуже безначалному и безъконечному, единому, двовечному честь, слава, поклонение должное къ Создателю от всего создания въ веки буди.

А чемъ преступил, в томъ молю простити, —
Не всякъ бо знаетъ разумно творити.
Азъ скудоумна себѣ быти знаю,
Недоуменный, умну ся смиряю,
Не бо в славенских речехъ искусихся,
Первее ныне сему поучихся.
Темъ да не будетъ сие удивленно,
Егда где силы[1] не знах совершенно.
Молю: изволь мя, чтущь, не осуждати,
Но малоумна разумомъ прощати.
О семъ просяще, главу прекланяю,
А жизни вѣчной въ небѣ ти желаю.

Конецъ и Богу слава.

[1] ударения.

ПЕРЕВОДНАЯ ПОЭЗИЯ

ЯН КОХАНОВСКИЙ

ПѢСНЬ*

Царю странъ земныхъ и в пресвѣтлом небѣ,
Слава въ Сионѣ готова есть тебѣ;
Тамо обѣти, иже обѣщанни,
Будутъ ти данни.
Къ тебѣ, иже молбъ не презѣраеши
Во плоти сущихъ, паче внушаеши,
Приити имутъ, славу вси несуще
И пѣснми чтуще.
Древния нынѣ злобы намъ стужаютъ,
Но раби твои на тя уповаютъ,
Боже всещедрый, яко насъ простиши,
Милость явиши.
Блаженъ, егоже избралъ еси тебѣ
За друга, имать той жити на небѣ,
И мы от благъ ти чаемъ полни быти,
Въ храмѣ ти жити.
Услыши, Боже щедрый, твоя люди,
Въ мирѣ живущихъ ты надежда буди,
Иже пучины моря преплаваютъ,
Тя помощь знают.
Горы тобою ставлены бываютъ
И воды моря волны возвыжшаютъ
От глубинъ своихъ — ты люди кротиши,
Миръ в них твориши.
Твой громъ престрашный люди ужасаетъ
И в концѣхъ мира страхъ многъ содѣваетъ,
Утро и вечеръ твой свѣтъ озаряетъ,
Возвеселяетъ.
Промысломъ твоим вода прохлаждаетъ
Землю, а она плоды прозябаетъ[1];
Рѣки водъ полны тобою бываютъ,
Вся оживляютъ.

---

[1] рождает.

Ты росу нощну вѣси низпущати
На землю суху и дождь изливати;
Благословиши ты безчисленному
Плоду земному.
Ты вѣнецъ лѣта самъ благословиши,
Множеством плодовъ онаго красиши,
Тобою из нивъ намъ полность бываетъ,
Миръ насыщаетъ.
Пустыни красны, горы веселятся,
Тобою стада животных множатся,
Юдоли плодны, а кто засѣваетъ,
Пѣснь восклицает.

НА МЛАДОСТЬ*

Яко без весны лѣто быти хотят,
Иже прежити младым в твердости мнят.

НА СТАРОСТЬ

Бѣдная старость, вси тебе желаем,
Внегда же уже будеши, рыдаем.

НА СМЕРТЬ

Прелестный мире, якоже се зрится,
Почих аз, [1]паче сей многим глумится[1].

[1—1] здесь: пусть смеется над другими.

ЯКОПОНЕ ДА ТОДИ

Почто миръ суетнѣй славѣ работаетъ,*
 еяже блаженство въ часѣ исчезаетъ?
Толь скоро власть ея здѣ ся измѣняетъ,
 коль сосудъ скуделенъ[1] сокрушенъ бываетъ.
Повѣждь, гдѣ Соломонъ, славою почтенный,
 или гдѣ есть Сампсонъ, вождъ непобѣжденный?
Гдѣ есть Авесолом, лицемъ украшенный,
 гдѣ Иоанафанъ сладкий возлюбленный?
Камо обратися онъ Кесарь вельможный,
 или богатый онъ пировникъ безбожный.
Повѣждь, гдѣ днесь Туллий сладкоглаголивый
 или Аристотель претонкомысливый?
Толь мнози вельможи и славныя страны,
 толици владыци и вещи избранны,
Толь мнози князие во вселѣннѣй быша,
 вси ся въ мгновении ока измѣниша.
О тли, снѣди червей и пепеле земный,
 о росо, суето, что тако надменный?
Не вѣси, аще день грядущий узриши,
 днесь егда можеши, всѣмъ да угодиши.
Не даждъ убо сердцу въ мирских уповати,
 что бо миръ даруетъ, то хощет отъяти.
Пецися о вѣчныхъ умом в небо зрѣти,
 блаженъ, иже мир сей возможе презрѣти.

---

[1] хрупкий.

ВЕСПАСИАН КОХОВСКИЙ

ПОСМѢЯТЕЛЬНЫЕ СЛОВА ЖОЛНЕРОМ[1] ПОЛСКИМЪ

Гей, не дѣло, не дѣло, и нам непристойно,
Братия мои, храбрых ляхов сынове, —
В обозѣ по скляницам[2] налитого вина,
А в словах война.

Заслан стол — то намъ воинское поле,
Осадной город — винной погреб, та крѣпость велика,
Гетманом Бахусъ, наряду[3] началщикъ —
Лутчей запивалщик.

Блюда то город пряженьем[4] утыкал,
Куропатми шанецъ великой усыпал,
Сахарна башна город очищает,
Все оберегает.

Круг него пушки по станочкам[5] стоятъ,
Бутто из наряду из рюмокъ загремятъ.
Пейте заздравну, слов не теряйте!
Из рюмокъ стреляйте!

Какъ в той побудкѣ согрѣется глава,
Послышишъ у вас богатырски слова:
Я не боюся крымца полетая[6],
Взял уж Нечая.*

Я Карашъмурзу* и Суфказы громил,
А я Кениксъмарковы швадроны[7]* проломил,
А от моей храброй сабли Долгоруки*
Изсѣченъ [8]в штуки[8]!

Постойте, братья, тще[9] не погибайте,
От сладких питей вы не отбегайте.
Вино проливая, кровь проливати —
Добро почитати?

Иной цвѣтъ крови, а иной у питья,
Иного хрусталь от железа бытья,

---

[1] солдатам; [2] стаканам; [3] артиллерии; [4] печеньем; [5] лафетам; [6] проворного; [7] эскадроны; [8—8] на куски; [9] напрасно.

Языку дѣло — слова метати,
Рукѣ — воевати.

Покинте хвастать, велика причина,
Понеже сами смѣются вамъ вина.
Тот мнѣ богатырь, что молча при столѣ
Готовится в поле.

В ПѢСНИ 20, КАКЪ ПОЛСКОЕ ВОЙСКО ОТСТУПИЛО ОТ КОРОЛЯ ЯНА КАЗИМЕРА, А ПОДДАЛИСЬ ШВЕДОМЪ ПОД КРАКОВОМ В ЛѢТО 1655-е

Великого бесчестья пота[1] не лишимся
И вѣчного срама, покамѣстъ движимся,
Никоторой никогда вѣкъ нашъ не укроет
И николи намъ мутен Днепръ не обмоет
Грѣха, которой нас ныне осквернил,
Что полякъ государю своему измѣнилъ.
В людех сих свободных разразненной вѣры
Невозможно миру быть никоими мѣры.
Сверхъ того, уж навыкли — в постели б лежало
Наслѣдие, нежели б в поле воевало.
На быстрой сѣсти не смѣет лошеди,
Скучив[2] в креслах, не скочит с копьем по площеди,
Ни лука не вытянет крѣпка на побѣге.
Тѣшится отецъ, как в домовом ночлеге
Сыночикъ молоденекъ дѣвочку схватает
Или с нею в полате пѣсни воспѣваетъ.
Пусть смотрят крѣпко ныне отцов своих дѣла,
Сколь чюжих странъ рука их к своему задѣла
Государству — гдѣ были полские рубежи,
Сколь далече мѣрены просторны чертежи.
Предосадные крѣпко жестоки морозы
Безтрудно проходили з своими обозы.
Не задержали Волги мутной воды,
Не трудны нам болотных озер были броды;
Не были помѣшкою[3] до одолѣния
Полунощны упоромъ княжения.

---

[1] до тех пор; [2] Развалясь; [3] преградой.

АНДРЕЙ БЕЛОБОЦКИЙ

ПЕНЪТАТЕУГУМЪ, ИЛИ ПЯТЬ КНИГ КРАТКИХЪ ТВОРЕНИЯ АНДРѢЯ БЯЛОБОЦКАГО, О ЧЕТЫРѢХЪ ВЕЩАХЪ ПОСЛѢДНЫХЪ, О СУЕТѢ И ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢКА

Первая книга о смерти. Другая книга о Страшномъ Судѣ Божиимъ. Третия книга о гегене и мукахъ адскихъ. Четвертая книга о вѣчней славе блаженных. Пятая книга о суетѣ мира, нареченная «Сонъ жизни человѣческия»

ПЕРВАЯ КНИГА. О СМЕРТИ
ТВОРЕНИЯ АНДРѢЯ БЯЛОБОЦКАГО. ДУМА СМЕРТНАЯ

О смерте, яко горька ти есть память человѣку мирну, во имении его живущу.

Иисусъ Сирахъ, глава 41

Пѣснь 1

О свѣтлѣйше злата солнце, луно, чиста паче сребра,
Смерть блискую слышитъ сердце, мнѣ умрети, вамъ жизнь добра.
Два свѣтила в день и ночи, вашъ вѣкъ старости не знаетъ.
Намъ сонъ смерти лѣзет в очи, старых и младых стращаетъ.

2

Звѣзды на небѣ свѣтите, планиты кругомъ ходите,
Сестры Плеады, простите, дождь намъ в жарах посылайте.*
Касторъ и Полюксъ, ваша милость явна по морю пловущимъ.*
Намъ не поможетъ звѣздъ ясность, с кораблемъ жизни тонущимъ.

3

Луги, травки, цвѣтки, рощи, поля, горы, винограды,
Земля и древесъ овощи, огороды, лесы, сады,
Источники крусталныхъ водъ, думы птицъ сладко поющих,
Жизни нашей кончится годъ[1], простите умирающихъ.

---

[1] время.

4

Вся живуща, Богъ вамъ в помощь, и вы, животных начала,
Овладала мною немощь, смерть мя на он свѣтъ позвала.
Вся тварь под небеснымъ кругомъ, в мѣстах своихъ движимая,
А нынѣ во вѣки Богомъ буди хранимая.

5

Смерть лютая, смерть горькая стрѣлу острит и лукъ тягнетъ.
Хощу, не хощу, силная скоро мя к себѣ потягнетъ.
Ни прозбою, ни грозьбою зладить[1] с нею не мощно,
Даръ не емлетъ, но косою сѣчетъ, грабитъ безконечно.

6

Скоро в двери постучится, прощайся с своимъ животомъ.
Егда умрешь, престанешь ся друзьямъ нарицати братомъ.
Оле, в далекой путь идеши, а запасу тебѣ мало,
Денги тамо не внесеши, одно дѣло ти остало.

7

Лице, что воскъ, растопится, ясне очи помрачаютъ,
Духъ твой в горле затворится, язык, уста обнѣмѣютъ.
Спадетъ с лица краска, жилы крови ся лишатся,
Обледѣешь[2], брате милый, егда ти Харонъ* явится.

8

Тверда будетъ постель главѣ, мила, что соль кому в очи,
Рекутъ друзья прежде в славѣ, ну, мертвече, в темне ночи.
Днесь до лица земли челомъ всякъ биетъ твоей милости,
Утро ляжеши под поломъ, в сердцѣ их неблагодарности.

[1] поладить; [2] Побледнеешь.

9

Смрадомъ своимъ всѣхъ отгонишь, заткнутъ нос и уста себѣ.
Приятства ихъ не преклонишь, отвратяся рекутъ тебѣ:
«Прочь зъ палаты, ну, вонъ з двора, почто мертвеца держати,
Се изнилъ[1], хоронить пора, часъ[2] ему в земли почивати».

10

Едва зъ тебе духъ изыдетъ, в темну могилу тя кинутъ.
Плачъ и рыдание пойдетъ, жена и дети покинутъ.
Схронивши тѣло в земли, вечная память пропѣвши,
За обѣдомъ приближенни смѣются, тебѣ забывши.

11

Въ гробѣ твоемъ вся гадина, черви, мыши съ легушками
Жити будутъ, господина караулить змѣи съ ужами.
Каковъ дворъ твой: и дворяне, роты, полки кругомъ тебѣ,
Приготуй имъ жалованье, дай в пищу самаго себе.

12

Черно платие — кручину потужилъ годъ, — сродникъ скинетъ.
Под себѣ справитъ отчину, жена за другого выдетъ.
Душу твою поминати по церквямъ иннымъ прикажутъ,
А сами ся прохлаждати твоими добрами будутъ.

13

Не прешелъ годъ, твоя милость уже в прах ся обратила,
Всякъ спрашаетъ, чья то кость лежитъ, едва не вся згнила.
Тмы в очах глубокия, мозгъ росплылся головою,
Ребра изсохли голыя, попираютъ тя ногою.

---

[1] разложился; [2] время.

14

Неизвѣстный день послѣдний, кто з насъ об немъ угадаетъ?
Стучитъ смерть, человѣк бѣдный горко жизнь свою кончаетъ.
Старыхъ, младыхъ без розбору, кто попадетъ, возсхищаетъ,
Отобравши скипетръ, царю просту палку в руцѣ даетъ.

15

Жил еси в палатахъ честныхъ, в темнѣй тюрмѣ поживеши,
Заболитъ бокъ от стенъ тѣсныхъ, смрадныя чаши спиеши.
Бояринъ крестианину, царь холопу равни будутъ,
Златая риза в холстину премѣнится, чести збудетъ[1].

16

Кому добра останутся после тебѣ, не вѣдаешь;
Кто на престолъ твой всадится, сынъ или странний, не знаешь.
Села, городы и крѣпости, и стѣны падутъ каменне,
Не останутъ токмо кости съ плоти тебѣ обнаженне.

17

Смерть, яко тать и разбойникъ, с тиха[2] крадется до тебѣ,
Вяжетъ веревку съ крѣпких лыкъ, притягнетъ тя силно к себѣ.
Порчь смѣсивши, пить ти даетъ, утробу ти прегрызаетъ;
Мысль, страхъ за сердце хватаетъ, душу с тѣломъ разлучаетъ.

18

Лѣжи убо на семъ коврѣ, не жди от насъ челобития,
Яко в очахъ, в сердцу равнѣ память твоя премѣнится.
Все приятство, всяка дружба в гробъ с тобою положенна,
Власть господня, рабовъ служба на вѣкъ вѣчный отложенна.

---

[1] умалится; [2] тихонько.

19

Морщишь чело, дуешь губы, уши персты затыкаешь,
Косо смотришь, скрежешь зубы, лице назадъ отвращаешь.
Вскую[1] хари не збрасаешь, лице красишь, самолюбче?
Или удобь ты не знаешь, иже сице адской муцѣ?

20

Можетъ сей день быти конецъ, а ты не радишь[2] о себѣ,
Добродѣтель всему вѣнецъ, святымъ приготованъ в небѣ.
Мнози внезапу помроша, и днесь еще помираютъ,
Перво солнца западоша, иже ста лѣтъ ожидаютъ.

21

Хощешь не устрашитися смерти, буди готовъ к бою,
Бди, стой крѣпко, не лѣнися, жди ея днемъ и ночию.
Усмотрена лекша рана, не вдругъ тебя смерть преглотитъ,
Сломлѣтъ стрелу окаянна, юже в крови твоей смочитъ.

22

[3]Змѣни всю тварь яко блато[3], Творца люби, а не грѣши,
Отдаждь за мѣдь чисте злато, стократну мзду обрѣтаеши.
Охотно работай Богу, мала ти будетъ заплата,
Егда станетъ на порогу смерть, а душа съ тѣла взята.

23

Темныхъ гробовъ владычице, могилянно жизни в разса...,*
Кто тя славилъ, зменилъ лице, смертней врученной проказѣ.
Кто написалъ, кто слушаетъ и кто чтетъ, смерти к себѣ ждетъ.
Всѣхъ ногами попираетъ, всѣхъ нас, яко траву, смерть жнетъ.

---

[1] Почему; [2] заботишься; [3—3] Вымажи лицо глиной.

КНИГА ВТОРАЯ. О СТРАШНОМЪ СУДЕ БОЖИИМЪ ТВОРЕНИЯ АНДРѢЯ БЯЛОБОЦКОГО

Пѣснь 1

Близъ день Господень великий. Близъ и скоръ зѣло. Гласъ дне Господня горекъ и жестокъ учинися. Силенъ день гнѣва, день мой, день скорбенъ и бѣденъ, день безгодия и исчезения, день тмы и мрака, день облака и мглы, день трубы и клича.

Софония, глава 33*

Сюды, сюды поспѣшайте, монархове[1] мира сего.
Пѣсней моихъ послушайте, власть чина церковнаго.
Цари, князи съ болярами, вельможа купно с рабами,
Усопшии ту з нами живущии изгнанцами.

2

Сердце дрожитъ, мысль ся мутитъ, языкъ слово пресѣкаетъ,
Страхъ утробу мою мучитъ, духъ ся в горле запираетъ,
Смѣхи, потѣхи, радости, прочь от мене побегайте,
Жилы ся рвутъ, сохнутъ кости, очи, слезы изливайте.

3

Гдѣ посмотрю, вездѣ гроза, страхъ, болесть[2], замешание,
Огненная стоитъ лоза, на грѣшныхъ наказание.
Планиты, звѣзды погасли, солнце, луна помрачели,
Вѣтры вольны страшне стали, трусы[3] пропасть сотворили.

4

Кипитъ море, камень дикий крушится, [4]дивно потѣетъ[4],
Крикъ, вопль и шумъ превеликий, и небесна твердь ся хвѣетъ[5].
Паде миръ в гору[6] ногами, претворился съ городами,
Остатокъ згорѣетъ с нами, живущими мертвецами.

---

[1] монархи; [2] боль; [3] землетрясения; [4—4] удивительно покрывается паром; [5] сотрясается; [6] вверх.

5

Молчание в мирѣ стаетъ, в пепелъ созженнымъ докола[1],
Ночь темна от моря встаетъ, не звонятъ намъ колокола.
Птица не поетъ, конь не ржетъ, левъ и быкъ не рычитъ,
Песъ, волкъ не выет, не реветъ медведь, барашекъ не бечитъ.

6

Темныхъ гробовъ владычица досель дань за умершихъ брала,
Всѣмъ живущымъ ненавистница, люто в мирѣ царствовала.
З могилъ гробы, з гробовъ кости выбрасала та богиня,
Ложна без всеа милости сокращала намъ жизни дня.

7

Послѣ того страшни трубы голосъ во уши наши входитъ,
Альтъ высокий и басъ грубый по всей земли ся разсходитъ.
Востайте на судъ вси живии съ усобшими, повещаетъ.
Идетъ правый Судия славы, ангелъ гробы отверзаетъ.

8

Ту чудеса страшне вельми начинают ся творити,
Трусъ востаетъ по всей земли, болесть учнетъ надходити.
Носяще в чреве рождаютъ в болестяхъ чада неживе,
Тела к костям присыхаютъ, сны стращаютъ проказливе.

9

У одного лобъ великий, ротъ страшный, назадъ скривленный,
Той ся родилъ, что звѣрь дикий, овъ в чувствахъ несовершенный,
Единъ лицемъ благолепний, звѣзды свѣтятъ в очахъ его.
Другий яко солнце свѣтлий, не имѣетъ подобнаго.

---

[1] вокруг.

10

После врата отверзаютъ и запоры[1] небесныя,
Стройне роты выступаютъ на хоры пределенныя,
Хощешь число воиновъ знати? В однымъ полку сто тысящи,
Богатыревъ силных роты, святым Божиим в помощи.

11

Знамя несетъ воинственно самъ знаменщик именитый,
Знаме честно и спасеное, на которомъ Богъ розпятый.
Роги его смерть убодли, побѣждена умре сама,
Адъ стиснули, души жъ извели, попранъ оными сатана.

12

Судия в гнѣве, ярости, на престолъ судный садится.
Твердь небесна аки трости тресется, земля потится[2].
Осужденны места ищетъ, радъ бы быти под землею,
На очну ставку не хощетъ пред прегнѣваннымъ Судиею.

13

Но всѣмъ нужда, вси явятся в лице на семъ смотру страшнымъ,
Праведники становятся близъ Судии сердцемъ смелымъ.
Во твердей ада пропасти дрожатъ духи проклятии,
От Адамли плоти кости стоятъ внуки рожденнии.

14

Плоть трепещетъ, сердце тлѣетъ, рвутся жилы, сохнутъ кости,
Богъ сыщиковъ посылаетъ розыскивать тайне злости.
Вся подробну розбираютъ, мысли, словеса и дела,
Мзду такую воздаваютъ, како Богу служба была.

---

[1] преграды; [2] покрывается испариной.

15

Указъ дани[1] от безбожныхъ праведники отлучати,
Идетъ полкъ духовъ безплотных, всехъ судимых собирати.
По указу скоро творятъ воини Царя Небеснаго,
Одесную того ставятъ, а ошуюю другого.

16

Крикъ по горамъ, громъ ходится, плач великой, рыдание;
Всякой направо тиснется, но трудно припущение.
В златыхъ ризахъ не пускаютъ, кто в сермяги, той возваный,
Козловъ смрадных отганяют, тихия емлютъ бараны.

17

Оле, зри лице страшное, одѣяние лютое,
Доныне невиданное, мрака смертна страшнейшое.
Идутъ сынове щасливи съ радостию в жизнь вѣчную,
А отцове нещасливи идутъ во тму кромечную.

18

Паки отецъ в небо идетъ, сына злаго во адъ отдаетъ.
Мужъ яко звѣзда яснѣетъ, жена съ козлы пребываетъ.
Противнѣ жена съ звѣздами, мужъ стоитъ между козлами,
Розвод съ горькими слезами творится между супругами.

19

Сродникъ не причитается славнымъ никогда сродникомъ,
Братъ съ сестрою не делится отчинами во вѣкъ вѣкомъ.
То же сестра слезъ братерныхъ[2] и сестръ своихъ не слушаетъ,
Зъ слезъ по смерти проливаныхъ смѣхъ и гнѣвъ святымъ бываетъ.

---

[1] данный; [2] братских.

20

Видя роздѣлъ между собою, добрии и лукавии
Поклонятся пред Судиею, к славѣ вечней избраннии;
Грѣхотворцы «Увы, горе, горѣ, горѣ намъ!» заревутъ.
Праведники пойдут в горѐ, внизу грѣшники останутъ.

21

Едва одно слово речетъ Судия в гнѣве ярости —
От страха миръ затрепещет, задрожитъ от жестокости.
Иулий царь мечемъ славний съ Юлианомъ розбачаютъ[1]
И свѣтъ в онъ день опасный, а грѣшники что дѣлаютъ.

22

Но Судия обнадежитъ святыхъ своихъ в усумнении,
Слово ласкаво испусти*тъ* о ихъ вечномъ спасении.
К тому въ небе показуетъ обещаннымъ радости,
Которыхъ имъ завидуетъ посланъ в адския темности.

23

Посемъ влево посмотривши на злыхъ рабовъ непотребныхъ,
Яко громъ, слово спустивши, творитъ указ о безбожныхъ.
Древо земли отворися, пожри сердца каменныя,
Юдоль пропасти стечитеся, идите в муки вѣчныя.

24

Азъ алкахъ, вы пировали, просилъ у васъ милостыни,
Вы же ми отказывали, не дали хлеба крошины[2].
Но вашъ голодъ отмѣнной былъ, людей, что хлѣбъ, снѣсте цѣло,
Алчи вѣчно, кто тако жилъ, такова мзда, яко дѣло.

---

[1] обсуждают; [2] крошки.

25

Чреву есте работали, съ брюхом ходя, что съ бочкою,
Нищихъ словомъ отбывали, обтягчали работою,
Еже летитъ, плыветъ, ходитъ, в брюхо ваше все входило.
Уже посту часъ приходитъ, чрево ся вамъ вычистило.

26

В потехъ, в жарахъ, что в дни жатвы просилъ у васъ охолоды,
Не помнили есте клятвы, не дали ми капле воды.
Изсохлъ во мнѣ языкъ съ болемъ[1], вы в меду, в винѣ плавали,
Тѣмже сохните съ Танталемъ,* ему же послѣдовали.

27

Вы Бахуса суще внуки, чаши, крушки выпивали,
[2]Душкомъ пити[2] ваша штуки, даже бочки пусты стали.
Жаждет Лазарь,* не поите, сами жарку смолу пейте.
Море пити возжаждаете, в котле жарени будете.

28

Азъ в морозахъ наго ходилъ, дрожахъ у васъ под окнами,
Одежды на мя не положил никто, не покрыл шубами.
Стужа тресла зубы, кости, погрѣтися не пустили,
Смѣхъ вамъ бысть зъ моей нагости, в леднике будете жили.

29

Вы платие сундуками делали всеми годами,
Шубы, шубки съ собалями, [3]гроностайны зъ огонками[3],
Рысьихъ, лисьихъ, бѣльихъ много, мнѣ не дали и овчины.
Дрожите, ходите наго, не дамъ вамъ и рогозины[4]!

---

[1] болью; [2—2] Пить залпом; [3—3] из горностаев с хвостами; [4] рогожи.

30

Седяхъ в тюрьмѣ, главы моей безвинно врази искаша.
Сиротѣ по мощи своей помощи в судѣ не даша.
Кто посѣтилъ, кто потѣшилъ? Лютый народъ — без милости
Пойдутъ в тюрьму, [1]часъ приспѣшилъ[1], не минутъ мукъ жестокости.

31

Хворы, скорбны лежахъ, горко печаль болесть умножала,
Не помогла ми ихъ рука, ранъ моихъ не привязала.
Палъ есмь, силы ми не стало, вси отрекошася мене,
Гори жъ имъ, с душею тѣло, лежите вѣчно в гегене!

32

Не моглъ еси лекарствами скорби моей облекчити,
Мощно было словесами печалнаго потѣшити.
Но ты мимо мене прешелъ, очи свои отвративши,
Иди, гдѣ фарисей пошелъ немилостивой, погибши.

33

В мелкихъ домахъ равна ми честь, под кровлю не припущенный.
В домъ богатой гость пришелецъ [2]в шыю з двора выбиенный[2].
Не обрѣтохъ гдѣ склонити главу мою, зла гра[3] идетъ,
Шахомъ небо хощешъ взяти, матъ ти скоро въ аде будетъ!

34

Странныхъ, бѣдныхъ, утомленныхъ съ пути в домъ твой приходящих
Изгналъ еси посрамленных, места у тебе просящихъ.
Ты на мяккомъ пуховнику лежалъ, а они не спали.
Полежишь в будущемъ вѣку въ аде, они в небе стали.

[1—1] время пришло; [2—2] взашей выгнан со двора; [3] игра.

35

В адъ, в адъ и вы, прелестники, душъ беззлобных обманщики,
Клеветники и ушники[1], хитрым сиронам[2] сродники.
Вы своими хитростями многих неба отлучили,
Пропадайте с лукавствами, гиньте[3], яко есте жили.

36

И вы, тати, розбойники, дѣвичества разстлители,
Малакейчики, блудники, чюжых добръ грабители,
Садитеся на ожоги[4] огненныя в печь горящу,
Сломятся вамъ тамо роги, миръ мой от скверных очищу.

37

Зборъ[5] преклятой съ кумирами змѣевъ, кошекъ съ лягушками,
Съ камениемъ, съ древесами, в пропасть со всеми чортами,
Врази Богу истинному, противники вѣрѣ его,
Къ змѣю идите адскому, раби духа лукавого.

38

И вы, правдѣ противники, в Церкви святѣй росколники,
В тихомъ мирѣ бунтовщики, в мукахъ живите во вѣки,
Суща совѣсть вамъ являет, грѣхи ваши обличаетъ,
Судъ истинна на васъ даетъ, на смерть вѣчну осуждаетъ.

39

О указе страшни, болнии, ахъ ти, идутъ обвинени,
Идутъ тамо, гдѣ вѣкъ вѣчный живутъ въ огненномъ пламени,
Дышитъ едко ада окно, з громомъ пожаръ выпадаетъ,
Тамо ему жити вѣчно, [6]кто ся о грѣхахъ не каетъ[6].

---

[1] наушники, доносчики; [2] сиренам; [3] пропадайте; [4] обожженная палка, кочерга; [5] Собрание, толпа; [6—6] кто не кается в грехах.

40

О сихъ вещахъ поучаютъ писмомъ, словомъ, но безстрашни
Въ умъ свой того не внимаютъ, слушаютъ яко бы басни.
Ядятъ, пиютъ, грѣхи плодят, но вкратцѣ по сей радости
Въ мгнении[1] ока въ адъ исходятъ, в вѣчнѣй гегеннѣй темности.

КНИГА ТРЕТИЯ ТВОРЕНИЯ АНДРѢЯ БЯЛОБОЦКОГО О ГЕГЕНЕ И МУКАХЪ АДСКИХЪ

Кто совѣстник[2] вамъ, яко огнь горитъ, кто совѣстник вамъ место вѣчное.*

Исаия, глава 33

Песнь 1

Розжми, аде, ротъ собачый, покажи страсти гегенны.
Цербере, зъ нуры[3] выскочи, троезубний пес* бѣсенный.
Время злости мира сего явитъ и наказание,
Гдѣ человѣка грѣшнаго з демоны обитание.

2

Вскую перо не движется, мысль ся боитъ, умъ ся мутитъ,
Муза помощи ленится, рука дрожитъ, языкъ молчитъ.
По державе страхъ ходити Екады троеглавныя,*
В тюрмах, в мукахъ страхъ смотрити жильцовъ гегены вѣчныя.

3

Под лавою въ аде спрятанъ, изыде, Анокреоне!*
Муки, имже еси преданъ, всему миру скажи явнѣ.
Аще звязанъ и прикованъ, изыти к намъ не можеши,
За грѣхи тако наказан, плачи сам, а нас не тѣши.

[1] В мгновение; [2] здесь: возвестит; [3] из пещеры.

4

Ворота ся отвераютъ до неприступней крѣпости.
Тму кромечную являютъ, пропасть безденную страсти.
Печи и ледники, и крюки, аще бы у ворот не были,
Проклятиемъ и безруки сами бы ся затворили.

5

У воротъ гостей стречаютъ ведьмы, ада сторознице[1],
Людей, которых ласкаютъ, с теломъ и душею жраще.
Злату чашу ти подаютъ, но в чаши порчь растворена,
Прикусил кто, хватают, садят в лодку Ахерона.*

6

Ту ся гордость надымаетъ[2], Купидинъ з лука стреляетъ,
Ту ся богачъ прохлаждаетъ, гнѣвъ огнемъ ся разжигает,
Ту зависть сама гризется, рвется дружба лицемирна,
Сваволя[3] в нечести смѣется, ложь отцу бесу покорна.

7

Сила грабитъ, скупость ся жметъ; «Подай» кричит брух[4] несыты,
Резвость скачетъ, лѣность тлѣет, молчат от боязни шуты.
Упрямство стоитъ на ногахъ, ломлет законъ и уставы,
Караулы при порогах, — бѣси душамъ ихъ приставы.

8

[5]Мегери страшне[5] проказы съ кимерами[6]* поскакуютъ,
Казни Божия указы осужденнымъ показуютъ.
О елицы образъ красний лица Бога наивыщшаго,
В огнь бѣси бросаютъ вѣчный человѣка нещастнаго.

---

[1] стражницы; [2] раздувается; [3] Разврат, блуд; [4] брюхо; [5—5] Страшные мегеры; [6] химерами.

9

Ржаве крюки заскрипѣли, пещери ся отвераютъ.
Всѣ мерзостни зашумели, еже в пропасть сплываютъ.
Яко небо далекое от земли есть в высокости,
Тако ада глубокое окно к безденней[1] пропасти.

10

В сей ровъ глубокой и темный грѣхотворцы изыдоша,
Иже, что скотъ невоздержний, грѣхами ся упиваша,
В нечистостяхъ, въ грѣхахъ, злостяхъ лежа без покаяния,
Скончахуся в неправостяхъ, лишилися спасения.

11

Греки и римляне древни, басней вашихъ не сказуйте;
Правдою живемы вѣрни, истинныхъ дѣлъ послушайте.
Аще быхъ сто устъ, языковъ имелъ и голосъ железний,
Одныя муки человѣковъ не моглъ бымъ сказать ужасни.

12

У порога хитри стали о двух тѣлахъ, седми главахъ,
Зубы на насъ заострили, страшне проказы в составахъ.
Палачове[2] страсти муки, смерть лютую повещаютъ,
Жгутъ огнемъ, рвутъ тѣло [3]в штуки[3], мучат, кричатъ, убиваютъ.

13

Шумятъ, громятъ пытокъ зборы, верѣвки, цѣпи, вериги,
Кнуты, пилы и топоры, ножи, мечи, кола, кругии,
Остре древа, висельнице, кипятъ котлы, смолу льютъ,
Одныхъ тягнутъ, рвутъ по штуке, инныхъ в водах потопляютъ.

[1] бездонной; [2] Палачи; [3—3] на куски.

14

О ужасна премѣнности! Боль, плачь идетъ по радости,
Не остало живой кости от тяшкихъ мукъ жестокости,
Перлы[1], злато ихъ не краситъ, слугъ множество отступило,
Богатый ся не возноситъ, ничто же от потѣхъ мило.

15

Цепочка — на шыи ужи, змѣй под горломъ ожерелье,
На спинѣ грязныи рогожи, гадъ различный по всѣмъ тѣлѣ.
Чювства вельми зменишася от природныя доброты,
Яко твердъ мраморъ сталися, ни до чего несть охоты.

16

Тѣмже скоро ихъ приставы мрачнии приимут в дворъ сатаны,
Взглянетъ на нихъ бѣсъ лукавый, страшным лицемъ загнѣваны.
Тогда страхъ, отчаяние, збежать оттуду не мощно.
В щѣли смотрятъ, но тщание всуе, ту имъ жити вѣчно.

17

Окномъ зъ ямы скры[2] выходятъ, дно пучины огненное,
Громитъ стрельба, пуле летятъ, шумъ, дымъ под небо самое,
А в пропасти вопль престрашный, пещеры ся выискрили,
С печи едны огнь ужасный, пожари ся умножили.

18

О мой Боже, како кипитъ в огню глубока пучина!
Въ одно мѣсто жаръ ся копитъ, сѣра, смола, извѣсть, глина.
Гдѣ не пойдешь, вездѣ тошно, бѣда, горе, словъ не стаетъ[3],
Вся описать несть ми мощно, в разумъ ся намъ не вмѣщаетъ.

---

[1] Жемчуг; [2] искры; [3] не хватает.

19

Что ся вертишь, чего стоишь, человѣче окаянный?
Прозбы к Богу всуе вносишь, уже еси осужденный!
Взгляни на низъ окномъ себѣ, отворенным, а пропасти
Присмотрися, та ждетъ тебѣ в преисподней глубокости.

20

Лети в долъ лбомъ, нечестивий, лети, законопреступче[1],
Не изыдешь, доколь живий, оттуду, идии, грѣшниче!
Двери замкомъ затворенныи — не избежишь, не вылезешь,
Ключи в море суть брошенныи — тюрмы зубы не прегрызешь.

21

Елице зла зъ облакъ горныхъ земли можетъ ся случити,
Или от потоповъ водныхъ бѣдъ, убытковъ умножити,
Непримѣрно вяще того исполнится адъ бѣдами,
Вся изыдутъ на грѣшнаго человѣка зъ дѣмонами.

22

Темна, вѣчна ночь востаетъ, солнце з далека обходитъ,
Туманъ мрачний адъ сполняетъ, дымъ в очахъ болести родитъ.
Проказъ страшных умножится, жилцы убо подземнии
Сами в мракъ, в дымъ претворятся, вси въ аде заключении.

23

Аще огня много зѣло кругомъ горшковъ под котлами, —
Не светитъ тамо нимало, токмо жрет тѣло зъ душами.
Пожаръ великъ, аще лѣсу скудость, сами тюремщики
За дрова себѣ даютъ бѣсу, горятъ во аде во вѣки.

---

[1] законопреступник.

24

Кий кипарисъ, сандалъ черный таковой пламень воздаетъ?
На заводахъ тако страшный желѣзныхъ огнь не бываетъ.
Кладутъ в стопы лѣсъ живущий, древо на древо падаетъ,
Горятъ вѣчно, а горящий в пепелъ ся не превращаетъ.

25

Смущающимъ бѣсомъ радость в аде мучимых сорити[1].
Всякъ сусѣду творитъ пакость, не могутъ на ся смотрити,
Рвутъ ся, дерутъ и кусаютъ, ранами ся уязвляютъ,
Бѣси з угла поглядаютъ, з драки ся ихъ улыбаютъ.

26

Мимо рота Танталови плывутъ яблока алчнему,
Трудъ напрасной Сизифови, в гору камень движущему.
Коршъ[2] одному сердце клюетъ, змѣй глотаетъ. Прочь съ баснями!
Похоронъ кто ту не имѣет, мала вещь между муками.

27

Иже бывши христиане, не жили благочестивнѣ,
Но, по дѣлам бисурмане, не служили Христу вѣрнѣ.
Очистившеся Тайнами Пресвятыми, согрѣшили,
Стязаются ту язвами, яко в жизни заслужили.

28

Славный богачъ в письмѣ святыхъ, ежедневно пирующи,
Псовъ кормитъ под столомъ своимъ — алчетъ Лазарь, крошекъ ждущи.
Сей вельможа нынѣ проситъ в жажде своей капле воды,
Огнь утробу его сушитъ, не дадутъ ему охолоды[3].

---

[1] ссорить; [2] Коршун; [3] остыть.

29

Языкъ, яко песъ, высунулъ, назадъ в ротъ втягнуть не можетъ.
Зъ ада кто когда выплынулъ, вѣчно в муках изнеможетъ.
Иглою не заколеши в тѣло, гдѣ бы боль не мучилъ,
Жылки здравыя не изыщеши, кости и волосы змякчилъ.

30

Свѣтло свѣтяще искрами алмазными очи наше,
Катящеся крузечками[1], всѣхъ зернъ земчужных[2] чистѣйше.
Мѣсто[3] красных криновъ, цвѣтков и лица благолѣпнаго
Увидятъ адскихъ араповъ царьствиа преисподняго.

31

Ушамъ гроза от лвовъ рыка, от всехъ сторонъ изданнаго.
Реветъ медведь. Та музыка не тѣшитъ осужденнаго.
Комеди*и* Орфеуса* уже ся въ аде скончали.
Потѣшники злаго бѣса в свои суремки[4] заграли.

32

В ротъ имъ лиютъ мѣсто вина кисель дехтяной[5] доволно,
В горле гнѣздится гадина, ужомъ ходить вездѣ вольно.
Порчь сподобие[6], подливка на ихъ преславней пирушке.
Чрева мышей имъ закуска, черви, пауки, легушки.

33

Роздуло носъ нюхание смрада от стерва гнилаго,
Занялося дыхание, воздухъ заразился съ него.
Что балсамы[7] прегрѣшили, масла, духи благовонне,
Сѣра, смола исправили, розжигание угленне.

---

[1] кружочками; [2] жемчужных; [3] Вместо; [4] трубы, дудки; [5] из дегтя; [6] приправа, начинка; [7] бальзамические смолы.

34

Мѣсто одра слоноваго[1] престрашна кузница дана,
Вынята съ тѣла грѣшнаго, на немъ душа привязана.
Не в три плети ту стягаютъ, но сто ломятъ молотами,
Биющъ и битый устаютъ, оба мучатся бѣдами.

35

Збитень съ телнымъ в прасу[2] кладутъ, котлы зъ смолою кипѣютъ,
Огня, жару прибавляютъ, тѣлеса съ душами варятъ.
Рожновъ много и сковородъ, бань, печей розженныхъ,
Бритовъ острыхъ, кипящих водъ, жиръ плыветъ, что з лавокъ мясных.

36

Тако збиты и столчени, зрѣзани и розрублени,
В своимъ жиру выпраженни, во аде лежатъ осуждении.
О санъ тяшкой живо зженныхъ мертвецовъ неизреченно!
Паки живутъ в мукахъ вѣчныхъ, гловнямъ[3] гаснуть запрещенно.

37

Слышите ли, беззаконни? Вѣдаю, иже слышите,
Обаче же, окаянни, в грязи грѣховнѣй лежите.
Паче обиду творите земли и небу самому,
По земли в грѣхахъ ходите, недрузья васъ спасавшему.

38

Горе руцемъ кризмованымъ[4], плѣшамъ[5] на главе стриженным,
В чынъ священской посвещенньмъ, но на душе своей сквернымъ,
Жертвы Богу безкровныя в грѣхахъ смертных приносящимъ,
Сами жертвы бѣсовския, в даръ послются в аде сущимъ.

---

[1] из слоновой кости; [2] тиски; [3] головням; [4] миропомазанным; [5] тонзурам.

39

Горе господамъ жестокимъ, рабъ своихъ утѣсняющимъ,
Наслѣдиемъ недоволнымъ, землю к земли прибавляющим.
Вси в гегенѣ мучими, въ одной точкѣ умѣстятся,
Аще в мирѣ умноженни, песку морску уравнятся.

40

Горе осудчикомъ власти, царей, чиновъ предложенныхъ,
Непокорнымъ в выщшей чести правителемъ дѣлъ домашных.
Вложитъ на нихъ цѣпь тяжкую Промофей,* крепко сковавши,
Будутъ покорни нуждою силному, в гегене бяши.

41

Горе гладкимъ[1] лицамъ женскимъ, душамъ, сердцамъ, надежамъ,
Гордящимся, яко павлинъ хвостомъ, в прелщение мужамъ.
В креслахъ огненных ихъ милость сядетъ, слуги кругомъ станутъ,
Ради служить во всю вѣчность, огню гаснути не дадутъ.

42

Горе красикомъ[2], щепеткомъ[3], кудрявчиком и чупринкомъ,
Ставиногомъ[4], вертипядкомъ[5], поколеннымъ кафтанчиком;
Кудерки[6] ихъ и чупрунки[7] станутъ съ болемъ колтунами,
Пламень от них, смрадъ великий, згорѣютъ з ними и сами.

43

Горе скупымъ, денегъ своихъ затворникомъ, карауломъ,
Всякихъ земель поднебесных Euклеона внукомъ, сыномъ,
Морща чело, носъ, усъ тягнутъ, егда нищий деньги проситъ,
Бѣси от них не отстанутъ, чимъ кто грѣшит, казнь относитъ.

---

[1] миловидным, красивым; [2] красавчикам; [3] щеголям; [4] Дармоедам (?); [5] вертопрах; [6] Кудряшки; [7] чубчики.

44

Горе нощнымъ нетопъиремъ, за блудомъ плоти ходящимъ,
Содомщикомъ, малакиемъ, блудникомъ розтлевающимъ.
На огненней вси кравати положатъ ихъ, ростягнувши,
Брюхъ справляти, ламать кости, к лаве адской притиснувши.

45

Горе рукамъ, вездѣ лгнущимъ, в чужих добрахъ увязеннымъ,
Татямъ, волю имъ дающимъ, обидами исполненнымъ.
В щоте тати у палача, разне пытки на нихъ въ аде,
Не будетъ имъ ту удача, [1]штуки ихъ тайне[1] наяве.

46

Горе телцомъ воспитанымъ[2], толстым брюхомъ розвязаннымъ[3],
Цѣлымъ быкомъ ненатканымъ[4], душкомъ пити приученымъ.
Каломъ и блевотинами пса адскаго накормятся,
Горящей сѣры рѣками поневоли напоятся.

47

Горе злобнымъ изменщикомъ, бунтовщикомъ и ссорщикомъ,
Насилникомъ, обидникомъ и бездушнымъ ябедникомъ.
Егда в зубы попадутся лютымъ вѣдмамъ преисподнимъ,
В крови ихъ ад погрузится, — тошно, горко будетъ бѣднымъ.

48

Горе злыхъ вѣръ заводчикомъ, еретикомъ, расколникомъ,
Вѣры святыя отступникомъ, Церкви Божия смутникомъ;
Како здѣсь новыя вѣры вщинаютъ[5], сѣютъ и учатъ,
Тако ихъ люто без мѣры новыми страстьми замучатъ.

[1—1] тайные их уловки; [2] упитанным; [3] распущенным; [4] не насытившимся; [5] заводят.

49

Горе идолпоклонникомъ, в нѣмыхъ боговъ вѣрующимъ,
Сатанинскимъ угодникомъ, жертвы твари приносящимъ,
Ту увидятъ боговъ домы, которымъ ся поклоняли,
Ту Иовиша* стрелы, громы, ожоги скипетромъ стали.

50

Горе всѣмъ, не послушавшимъ заповѣдей, Богомъ даныхъ,
Спасения не искавшимъ, токмо прохладовъ времянныхъ.
Уже, уже написано, указъ в гегене ти быти,
Не [1]на час[1], вѣчно сказано, в огню негасимомъ жити.

51

Земля тебѣ не пособитъ, небо не дастъ ти помощи,
Гинь, пропадай, Богъ тя судитъ, в гегене нѣсть грѣшным прощи[2].
Связанъ еси, осужденный, надежда тя отступила,
Вѣчность, вѣчность без премены в гегене тя затворила.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. ТВОРЕНИЯ АНДРѢЯ БЯЛОБОЦКОГО
ПѢСНЬ 4. ВѢЧНА БЛАЖЕННЫХЪ СЛАВА

Око не видѣ и ухо не слыша,
и на сердце человѣку не взыде, яже
уготова Богъ любящимъ его.

Коринфом, глава 2

1

Вскую еще унываешь, в сухихъ костехъ хранилище,
Чесо ради воздыхаешь в темномъ смерти пристанище?
Гдѣ ся борютъ, колебают смерти жизнь в бѣдах пременнѣ,
А надежныхъ з ногъ збиваютъ на свое щастие буйнѣ.

[1—1] краткое время; [2] прощения.

2

Не стой, глупче, забавися[1] бесѣдою со звѣздами.
А мыслию поспѣшися к небу съ своими нуждами.
К двору вѣчныя радости, свѣтлому неизреченно,
К обители щастливости[2], всѣмъ радостям непримѣнно.

3

Взгляни, се воз *зла*тый правитъ Боот* в [3]звѣздечномъ наместѣ[3].
Полюксъ и братъ Касторъ стоитъ, седьм сестръ Плеадъ в одном мѣстѣ.
Се Орионъ* мечь являетъ, Стрелецъ съ лукомъ выступаетъ,
Звѣзда звѣзду настигаетъ, свѣтла дорога ихъ стаетъ.

4

Виждь Арктура* на полночи[4], присмотрися ту Дианнѣ,
Пределяютъ дни от ночи, Фосфоръ и Есперъ* предивнѣ.
Здѣсь Еркулесъ побѣждаетъ хитру Скорпия лютаго.
[5]Волна злата[5] ту яснѣетъ, взята съ царства Колхицкаго.*

5

Душе моя, воздвижися, остави земли низкости.
Вста*ни*, скоро вознесися к выщщей мира высокости.
Вышше облакъ и аера[6], стань в срединѣ круга неба,
Гдѣ ся кончитъ поясъ мира, тамо спешити потреба.

6

[7]Правда или прельщаяся[7], уже в гору азъ восхожу.
Горы, городы скрышася, едва стѣнь[8] ихъ внизу вижу.
Храмы, столпы высокия очам моимъ не кажутся,
Прощайте, жилцы земныя, вся под мною оставшася.

---

[1] развлекись; [2] счастья; [3—3] звездном наместничестве; [4] севере; [5—5] Золотое руно; [6] воздуха; [7—7] В действительности или в воображении; [8] тень.

7

О колицѣ радъ есмь тебѣ, отчизна моя любимая,
Держи, мире, дары себѣ, мнѣ та мила украина.
Кто языкъ мой словомъ своимъ наставит тебя славити?
Благо ми в щастии моемъ, благо в небе вѣчно жити.

8

Христа преславный ключаре[1],* прошу, двери отвори ми,
Апостоле святый Петре, гостя к тебѣ в небо прийми.
Поведи мя, гдѣ желаю, по улицамъ златомъ сланых,
Да в полатах царьскихъ стану, без трудовъ, никому даныхъ.

9

Слава Богу, отверзаютъ двери на столпахъ жемчюжныхъ,
В дворъ кедровой припускаютъ в вѣчномъ жилище блаженных.
Селъ прекрасныхъ великости окомъ пресмотрить не могу,
Вспою убо от радости, живет душа моя Богу.

10

Оле, чюдо великое, чюдо неисповѣдное!
Основание златое, в стенахъ злато избранное,
Врата, крюки и запоры, замки, злато само суще,
Златыи площади и дворы, переулки, и улице, и гульбище.

11

Ту иасписъ, сапфиръ, халкидонъ, змарагдъ, сардониксъ, сардиосъ,
Хрисолитъ, биримосъ, топазионъ, иакинфъ, амефистъ, хрисопрасосъ —
Что в глубинѣ рекъ индийских родится многоцѣннаго,
Во источникахъ вод небеских всехъ морскихъ больше того и лучшаго.

[1] ключник.

12

На огненных коняхъ солнце в златомъ возѣ туне ездитъ,
И съ рогами луны лице того места не наслѣдитъ,
Агнецъ Божий просвѣщаетъ самъ собою мѣсто тое,
Свѣтъ от лица испущаетъ, солнце неба предвѣчное.

13

Мрака тамо не бывало, ниже ночи и темности,
Свѣтило ся не скрывало, полно от агнца свѣтлости,
Вѣтры шумовъ не творили, снѣговъ же, градовъ и дождей,
Облаки не испустили вредливыхъ с себе ненастей.

14

Столко солнцовъ съ коретами съ златыми ту увидиши,
Сколко князей тысящами многими в небѣ сочтеши.
Столко дворянъ, полководцовъ царьствия преблаженнаго,
Сколко жилцовъ и пришелцовъ града непобѣдимаго.

15

Славлю тя, покланяюся, благодарю, величаю,
Троице Святая, радуйся, рабъ твой, тебе поздравляю.
Единъ Боже в триехъ персонахъ, вѣчной престолъ твой честь, слава.
Всѣхъ вселенныхъ сторонахъ и во мнѣ твоя держава.

16

Радуйся и ты, одесную Троицы Святыя сѣдяща,
Жизнь намъ родивша вѣчную, Мати Дѣво присносуща.
Ты бываешь Помощница всѣмъ притекающим к тебѣ,
О Владычице, помощию (и азъ) в раю вѣчнымъ...

17

Стоя ту же херувимы, на низъ крила отпускаютъ,
Купно с ними серафими пѣснь святую воспѣваютъ;

«Святъ, святъ Господь Бог Саваофъ», — гласъ сей небо исполняетъ,
«Святъ Господь Бог наш Саваофъ», — земля небу возглашаетъ.

18

Ошую Предтеча сѣдитъ, ядая медъ и акриды,*
Лекка ему власенница, юже носилъ Бога ради.
*Г*лаву, под мечь наклоненну нечестиваго тетрархи,*
Прямо держитъ возвыщшену над всего мира монархи.

19

Ту же сѣдятъ и отцове, долгодневнѣ поживши,
Святии патриархове, *М*оисей пророкъ и протчие.
Аврамъ, сына в жертву Богу по указу приносящий,
Стоитъ в*о*злѣ его боку сынъ, меча ся не боящий.

20

После отцовъ рядомъ долгимъ, всякъ по своей достойности,
Сѣдятъ на мѣсте высокимъ пророки в вѣчней радости.
Давыдъ, держа лютню, граетъ[1], всехъ пророковъ весе*ля*,
Верстатся[2] с нимъ не дерзаетъ лютня славнаго Орфия.

21

Синклитъ Царя Небеснаго, в креслахъ сѣдятъ апостолы,
Правители мира сего, близ же Христа ихъ престол*ы*,
Трубы быша спасения, учителя явилися,
Слава ихъ без скончения, весь миръ ими просвѣтился.

22

Что извѣщу о столицы побѣдоносцовъ Христовыхъ?
Ликуютъ ту мученицы, смѣются съ убойцовъ[3] своихъ.
Побѣды своея знамение держатъ в рукахъ различный зборъ:
Крестъ, мечь, лукъ, огнь, камение, вериги, копие, топоръ.

---

[1] играет; [2] Равняться; [3] убийц.

КНИГА ПЯТАЯ. СОНЪ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢКА ИЛИ СУЕТА ТВОРЕНИЯ АНДРѢЯ БЯЛОБОЦКОГО НА РУСКОМЪ ДИАЛЕКТЕ

> Неразумиву мужеви тщи и лжи суть надежди, и сония вперяютъ безумия: якоже емляяй ся за стень и гоняй ветры, такоже емляй вѣру сномъ, сие на сие сонъ узрѣния; прямо лицу подобие лица.
>
> Иисус Сирахъ, глава *34*

1

Былъ некогда градъ преславный Троя, Илиномъ реченний.
Былъ дарданский народъ древний,* в мире великоименни.
Днесь лютии Марса бои пашню на стенахъ зделали,
Гдѣ была столица Трои, землю хлебемъ засѣяли.

2

Тако, еже чаемъ вечно быти, и в другия пременяетъ
Вѣкъ и случай злый вседневно вся в мире семъ превращаетъ.
К тому концу неошибно[1] всяке вещи поспешают,
Боря ся междоусобно, премѣнно ся побѣждаютъ.

3

Всеа твари естество намъ сию правду объявляетъ,
Оттого рикъ[2] страшний лвамъ множицею припадаетъ.
Ревутъ медведе, псы лаютъ, кричатъ волы, врещатъ[3] слоны,
Ржутъ лошади, волки выютъ — вся значютъ жизни премѣны.

4

Что ся родитъ, умираетъ, в мире ничтоже вѣкуетъ,
Случай и смертъ осиляетъ, насъ какъ хощет потчиваетъ.
Яко луны кругъ премѣнний колесомъ по небе ходитъ,
Тако земли кругъ вселенний колесемъ премены бродитъ.

---

[1] неизменно; [2] рык, рев; [3] визжат.

5

Ничто в мире вѣчно живетъ, вся по времени падаютъ,
Хростъ[1], траву скотъ выдептуетъ[2], ветри и кедры поваляютъ;
Везуви городамъ грозит, Араксъ мосты понуряетъ[3],
А на горы громъ ся срожитъ, розле*въ*[4] внизу потопляетъ.

6

Сама старость лесы гризетъ несостарѣлыми зубы,
Аще долгой вѣкъ, что живетъ, крошитъ идельския[5] дубы.
Не руби ихъ топорами, аще хощешь [6]да знищеютъ[6],
Вѣка сѣкутся зубами, в себе кончину имѣютъ.

7

Краткой жизни мотокъ аки нить ся прериваетъ,
Не одному гдѣ начаток, тамо и конецъ бываетъ.
Яко бесѣду окончивши, глаголи ми слово: «Реклъ есмь»,
Тако вѣкъ свой докончивши, рци, человѣче: «Пожилъ есмь».

8

Всяка радость скоро гаснетъ, аще лѣститъ обманчивѣ.
Тако явнѣ показуетъ, иже суетна правдивѣ.
Мгнение ока пребываютъ любви вечно оскверняще,
Едва тронешь, улѣтаютъ радости, душы вредяще.

9

О, сны пусте, сновъ образы, бездѣлне привидѣния,
Чювствамъ покойнымъ заразы, суетния мысления!
Коими ни есть вороты — костянным*и* в миръ входите,
Или роговыми — псоты[7], ложь, обману приносите.

---

[1] Хворост; [2] топчет; [3] топит; [4] разлив; [5] Иды (богини); [6—6] чтобы пропали; [7] распутство.

10

В древнемъ вѣце миръ ся славилъ седмикратными чудами,*
Иже стѣнь рукою схватилъ, не почтетъ того съ баснями.
Всуе рощь и стѣны славишь, Семирамидо, камение,
Всуе солнца столпъ возносишь, Роде, — труды в том даремнѣ[1].

11

Пирамида в Мемфимъ была, удивления хитрости,
Яже на милю творила стѣнь от своей высокости;
Днесь з землею зравнялася, стѣнь намалѣ[2] престраняетъ,
[3]Местемъ з грыбемъ зверсталася[3], време вещи пременяет.

12

Храмъ Дианны славный великъ, созданъ тисящей руками,
Единъ бездельный висельникъ сожеглъ с своими воинами;
Худымъ дѣломъ имя свое думал вечно прославити,
Херостъ...* (постой, перо мое!), нелѣпъ его поминати.

13

Столпы мѣдны, еже набилъ в море Еркулесъ по Гады,
Нептунъ весломъ все заграбилъ, потопили чуда воды.
Мавсолеа мраморовий[4] гробъ гдѣ нынѣ пребываетъ?
И каменнымъ вѣкъ гробомъ намалѣ спускаетъ.

14

Идолъ дивний во снѣ явленъ* Навухудоносорови,
Яко в росте есть убавленъ, явственно есть разумови;
Мѣдь, желѣзо, сребро, злато камень, с неба падши, скрошилъ[5],
Осталася глина, блато, и то вѣкъ давно разбросилъ.

---

[1] напрасны; [2] немного; [3—3] Место превратилось в развалины; [4] мраморный; [5] разрушил.

15

Злату главу идолови мечь сирейской прочь отрубилъ,
В сребрне[1] перси балванови[2] грекъ копие остро забилъ;
Брухъ набитий мѣди толстой греку римлянин вычистилъ,
Сталъ на ноги векъ желѣзной, злато, сребро и мѣдь стравил[3].

16

Смотри, каковъ самъ Римъ в лице против древния честности,
Посмотрится в Тибре рѣце, постыдится пременности:
Чело желто, блѣдо лице, румянца на немъ не видать,
Пали столпы по улице, *на* стенахъ ковровъ не спрашать[4].

17

Во дни отца Ромулюса нужно дитя си казало,
Говорить за Еринуса, за Камилля рости стало.
Дѣвица Аннибалови замужна ся показала,
Едва не дана грекови, по отцу осиротяла.

18

Но на свадьбу Африкана, гречина не изволила.
Кромѣ земляка латина, жениха не припустила.
Подавши бой великъ ему съ обнаженными грудями,
Оперлася насилному, славна его полонами.

19

Тогда Брутусъ съ Катонами Риму были правителе,
Владаючи[5] народами, статовъ[6] римских рачителе.
А Цицеронъ, седя дома, по приказахъ совѣтовал,
Не мечемъ, ниже рукома — языкомъ силно воевал.

---

[1] серебрянные; [2] идолу; [3] переварил; [4] здесь: не найдешь; [5] Владея; [6] законов.

20

Скоро Акцѣ и Ромули снурок[1] жизни розервался,*
Римъ слуги его смутили, господинъ рабъ сотворился.
Всякъ Римови отчимъ быти одноконечно желаетъ,
Правъ и неправъ покорити господьство себѣ дерзаетъ.

21

От дву сторонъ брань востаетъ междоусобна гражданов,
Суседъ суседа ганяетъ, воинскихъ много приборовъ,
Под ровнеми знаменами трубы к бою голосъ даютъ,
Биются полки с полками, копием ся сокрушаютъ.

22

Идетъ встречу зять свекрови[2], мечем ся преведиваютъ[3],
За неправду умреть готови, но виннѣйший побѣждаетъ.
Тако егда мира чести часть малую пределяютъ,
Для ихъ гордей упрямости поля в крови восплываютъ.

23

В томъ времени обмирает Римъ, тоскуетъ, страсть ся боитъ,
Едва в печали зѣваетъ, на ногахъ своихъ не стоитъ,
Составы ему ослабѣли, кровь ся в жилах помутила,
Очи, руцѣ почернели, смерть ся к нему приближила.

24

В конецъ трижды отчихаетъ, яко скорбний, мокротою,
«Охъ, охъ, — с плачемъ призываетъ, — Аугусте, буди со мною!
Здравствуй, живи, царю славний, вручаю ти миръ и себе»,
Тѣмъ в адъ выплюнь духъ военний, ложно становится в небе.

---

[1] нить; [2] свекру; [3] обмениваются ударами.

25

Осквернил ся мертвецами могилник, Римъ нареченний.
Отчимъ Неро пожарами сожеглъ, онъ немилосердный.
Третяя часть не остала, [1]съ дымемъ пошла[1] нова Троя,
Похороны злѣ приняла, не от царя, но злодѣя.

26

Каковъ днесь Римъ, какъ здешевялъ, како разни от онаго,
Что Волску землю звоевалъ,* збилъ силу царствия греческаго.
Нуманчикомъ* зломалъ роги, картагинчики* побѣдилъ,
Рѣцѣ Рену спуталъ ноги,* розлевъ Дуная усмирилъ.

27

Тако страшне римлянъ силы, всемъ народомъ ищезоша,
Егда внуки разорили, что отцове припасоша.
Мало было дедицови[2] всего мира дани, зборы.
Что остало Неронови, Алярикъ* взялъ в готтовъ дворы.

28

Наслѣдники днесь римляне ищутъ древния честности;
Врата твои, о Трояне,* подгризли зубы старости.
Паде столпъ седмилесничный Севера* милостиваго
И дворъ Люкулля столичний,* не знать валу Титоваго.

29

Уже столы [3]не потѣютъ балсамемъ[3] царя Нерона,
Царей теплице грязнеютъ, вода с каломъ помешана.
В твоихъ банях, Антонине, гусята ся полоскаютъ.
В твоей, Тибурѣ, равнине* козы душных травъ нюхаютъ.

[1—1] сгорела; [2] наследнику; [3—3] не блестят бальзамическими смолами.

30

[1]Показы дивовискъ[1], [2]з ѣзды строи[2], злата босаниа,
Борения лвов з медведи, различныя играния,
Потѣшние комѣдие с творцами и зрителями
Вѣкъ пременилъ в трагедие, вся днесь лежатъ под ногами.

[1—1] Чудесных зрелищ; [2—2] наряды всадников.

ГЕРМАН ГУГО

ЖЕЛАНИЯ БЛАГОГОВЕЙНАЯ

Не смышлиша разумѣти сия вся да восприимутъ во грядущее время.

Второзакония глава 32, стих 29

Что жалостнѣе и ужаснѣе помыслити возможно, яко «идите»? И что приятнѣе изрещи яко «приидите»? Два глаголы сия, от нихже ничтоже страшливѣе перваго и ничтоже сладчае втораго слышатися можетъ.

Св. Августин в Единоглаголствии, гл. 3

Оле! мысль людска потоль слѣпа пребываетъ —
Дондеже[1] не узритъ бѣдъ, сихъ быти не чаетъ.
Настоящая токмо знаетъ разумѣти,
О грядущихъ бѣдствияхъ нѣсть ея радѣти.
Пред гласомъ трубнымъ воинъ мечь свой изощряетъ,
Слышащъ трубу, ко брани себе устремляетъ;
Предзритъ навклир[2], откуду вѣтровъ грядетъ сила,
Потому [3]котвы рѣшитъ[3] и ставить вѣтрила[4];
Земледѣлецъ, готовящъ своя на зябль[5] нивы,
Кий плодъ с нихъ прииметъ в лѣто — предвѣсть прозорливый;
Предвидя зиму тожде пекущийся мравий[6]
Носитъ кормъ за времени[7] в мравник свой диравый.
Что твориши, о роде! несвѣдущъ будущихъ
Временъ оныхъ лютѣйшыхъ, конца не имущихъ?
Что ти ся мнитъ? Тебѣ ли не должно умрѣти?
Мнишъ крѣплши над адамантъ[8] жизни твоей сѣти?
Ох, лстишися[9]! Кому смерть дасться ублагати[10]?
Ей свойственно еже есть животъ пресѣкати.
Не мнишъ ли, яко вѣчнымъ миромъ сопряженны
Смерть и животъ другъ другу вѣрно սприсяжены?
Ах, лстишися излишше миромъ сим притворнымъ,
Смерть и жизнь [11]пребывают случаем подзорным[11], —
Яко снѣгъ [12]легкимъ варомъ[12] егда исчезаеть,

[1] До тех пор, пока; [2] кормчий; [3—3] поднимает якорь; [4] паруса; [5] под яровое; [6] муравей; [7] заблаговременно; [8] алмаз; [9] обманываешься; [10] умолить; [11—11] подстерегают друг друга; [12—12] от слабого тепла.

А водою талою и огнь погашаетъ.
Прежде миръ свой содержатъ нощь дни, день же нощи,
Пожрутъ волки со агнцы от своих враждъ тощи.
Вся сущая под солнцемъ повинна суть смерти:
Лукъ мѣдянъ мышцамъ его как его отперти?
Стрѣлы ея вредныя кого не пронзаютъ?
Всѣхъ [1]выи язвы[1] в себѣ от сихъ ощущаютъ.
Улучаетъ смерть дѣтищъ в матерней утробѣ,
Иных от сосцъ отъемля полагает в гробѣ,
Умерщвляетъ младенцы обоего рода —
От смерти нѣсть юношам, ни старым исхода.
Славныхъ вождовъ и простых воиновъ вдругъ трупы,
Стрѣлы смертны смѣшаютъ вмѣсто[2] — суть не скупы.
Не в златой песокъ и Крезъ богатъ претворися,
Не лучший прахъ Ревекки прекрасной* явися;
Царие, самодержцы, князи и владыки
Тлеютъ в земли с нищими равно человѣки.
Нѣсть надежды в богатствѣ, нѣсть в силах, нѣсть в сласти,
Вся оставивъ, всякъ смертный подпадаетъ власти.
Ко гробу бо вси прямо течемъ убѣжденны:
Скорѣй ли или поздѣ будемъ [3]во нь вверженны[3].
Не избѣжитъ родшийся всякъ сего предѣла,
Егоже бы под лѣты смерть не одолѣла!
Но когда бы духъ в воздухъ претворялся исто[4],
Яко паръ во облаки исчезающъ чисто!
И дабы смерть кончину тако сотворила,
Обы душу и тѣло вкупѣ окончила!
Кую жъ бы смерть над сию достойнѣй блажити,
Еюже бы болезни мощно окончити?
Всякъ з жиющихъ[5] паче бы возлюбилъ умрѣти,
Неже жиющъ в многих бѣдъ углѣбати[6] сѣти.
Но оле! увы мнѣ! Смерть! Нѣсть кончины на ю.
Плоть смертну, а душу вѣчну быти знаю,
И какъ скоро от тѣла душа разлучится,
Абие[7] пред Судию Бога становится.
Сей сидитъ и праведенъ и неумолимый,
Глава его и очи — огнь неугасимый.
Она очесъ возвести от страха не смѣетъ,
Оковану узами совесть си имѣетъ.

[1—1] раны на шее; [2] вместе; [3—3] брошены в него; [4] действительно; [5] живущих; [6] запутываться; [7] Тотчас.

Сей взыскуетъ тайная сердца в жизни сласти
И несодѣланная видитъ ея страсти.
Она всякъ грѣхъ сознаетъ, студомъ побѣжденна,
Камо[1] бѣжать?— не видитъ, страхомъ ослѣплена.
Сей вкупѣ и Судиа и вѣренъ Свидѣтель,
За вся грѣхи неложный и Истецъ и Мститель.
Та, видящи ничимъже его умолима,
Напрасно в слезахъ таетъ. Оле, неключима[2]!
О, кий смысл! О, кий промыслъ души оставленной!
Тамо бо нѣсть помощи, в горе осужденной.
Гласитъ[3] холми, вертепы, приглашаетъ горы,
Да снидут на ню живу, приимутъ ю в затворы[4].
О душе! О Судие! Суде праведнѣйший!
Кто не будетъ, помянувъ сия, печалнѣйший?
Но [5]не у[5] конец скорби, страстей и болѣзни,
Ины еще надстоятъ и смерти, и жизни —
Жизнь, во вѣки радостей конца не имуща;
Смерть, мукъ некончаемыхъ во вѣки будуща.
Охъ, киихъ! Охъ, коликихъ мукъ смерть не приемлетъ,
Животъ же вся радости, вся блага отъемлет.
Жизнь кормитъ души своя сотомъ божественнымъ,
Смерть своя напаяетъ питиемъ огненнымъ.
Жизнь аггельскимъ пѣниемъ своих услаждаетъ,
Смерть своих стенаниемъ и воплем смущаетъ.
Жизнь творить на небесѣхъ своихъ ликовати,
Смерть своя во тму и червь творитъ низвергати.
Жизнь блаженна не терпитъ ни мраза, ни зноя,
Смерть же въ огнѣ и мразѣх не имать покоя.
Въ мѣстахъ злачных и свѣтлыхъ жизнь ся упраздняетъ,
Смерть же в работѣ адской выну пребываетъ.
Жизни нѣсть болезни, нѣсть плача, нѣсть печали,
Смерть страждетъ вся зла, яже во адъ ся собрали.
О, коликихъ триумфовъ и благъ жизнь благая,
О, коликихъ золъ и мукъ полна есть смерть злая!
Сея ли или тоя жребий падетъ на мя?
Благое ли, злое ли будетъ его знамя?
Ахъ, всѣмъ сердцемъ, ахъ, сице надлежитъ пещися,
Да злый жребий возможетъ от мя отмещися.

---

[1] Куда; [2] негодная; [3] Зовет; [4] темницу; [5—5] еще не.

Исчезе в болѣзни животъ мой и лѣта мои в воздыханиихъ.

Псаломъ 30, стих 11

Не достоитъ ли воздыхати, яко есмы на земли чуждѣй и во страну далечайшую от отечества згнаны?

Св. Златоуст, гомил. на псал. 115

Сия ли в рождение мое бысть планета,
 Да всякъ мой день обыдетъ[1] темных скорбей чета?
Вся дни моя повсегда в бѣдахъ изнуряю,
 Аще и свѣтло себе утро предвѣщаю.
Но ни един еще день бысть мнѣ просвѣщенный,
 Зане всякъ прешедший есть скорбми помраченный.
Чаяхъ частми житие раздѣлено быти,
 Скорбь радостей, радость скорб*ми* взаимъ премѣнити.
Равно якоже солнце всю тму проганяетъ,
 Егда день подсолнечным ясный поставляетъ,
И, яко луна, хотяй возбурити море,
 Мещетъ вѣтры во воды на болшое горе.
Сице мнѣхъ[2], окаянна, моей быти доли,
 Еже совершатися всѣмъ по моей воли.
Обаче печаль моя толь есть болѣзненна,
 По мужу слезамъ женскимъ ниже есть сравленна,
Двенадесятъ мѣсяцей по мужу сѣтуетъ,
 Гробъ и домъ оплакуетъ, егда удовствует[3],
А по сихъ умышляетъ жалость[4] низложити
 И вретище[5] на свѣтлы ризы премѣнити.
Вся лѣта, вся мѣсяцы, вся дни моей жизни
 Исчезаютъ в печалехъ, в скорбехъ и в болѣзни.
Нѣсть средствий на жалость мою *и* нѣсть закона,
 Бѣда бѣду раждаетъ весма нескончона.
В слезахъ, в воздыханиихъ, в воплехъ пребываю
 И малѣйший часъ жизни в сихъ азъ изнуряю.
Многажды волнение вѣтръ силен возводитъ,
 Но краткое елижды[6] сверѣпѣй находить,
Зима з древесъ листвия лютѣ восхищаетъ,
 Но сия паки весна онымъ привращаетъ.

[1] обступает; [2] считала; [3] овдовеет; [4] печаль; [5] здесь: траурное платье; [6] всякий раз.

Часто и воздухъ движетъ облаки дождевы,
По сихъ лучи являетъ свѣтлѣйшия дневи;
Мнѣ же смерть соплѣтаетъ узы нерѣшимы[1]
Скорбей, яже не чаю быти разрушимы.
Плачевна не престаетъ бряцати цѣвница[2],
Перси — гусли, жаль — струны, цевничник — десница.
При сихъ гуслехъ и нощи и дни провождаю,
Все жития моего время истощаю.
О! коль краты тяжесть духа тщахся сокрушити,
Внегда в нѣдрѣхъ глаголы желахъ утаити!
О! елижды день бяше, весь во скорбехъ бяше,
Нощи вся, яже имѣхъ, вопль мой провождаше.
Не стеняти елижды имѣяхъ увѣты[3],
Стенанию запрѣтить прилагахъ навѣты!
Въ радость разрѣшити ся совѣт вашъ бысть, друзи,
Абие вся [4]рѣшилемъ веселия узы[4]?
Но егда вопль мой смѣхомъ хощу укротити,
И при смѣху силенъ вопль мой возшумѣти.
Множицею желая азъ мирно уснути,
Но в слезахъ утренюю[5] нощи вся минуты.
Аще же заключаю плачь в себѣ крѣпчае,
То яко море от волнъ бѣжитъ жесточае.
Вы есте свѣдители, дебри и потоки,
Удолия[6] и холми, коль плачь мой жестокий.
Вѣсте[7], с воздыханиемъ колико азъ брахся[8],
Но стенаниемъ сердца всегда побѣждахся.
И само ехо воплемъ моимъ подвиженно
Жалостныя отглашать[9] гласы убѣжденно.
То азъ, то оно в воплехъ и [10]ламентахъ выну[10],
Плачемъ ся и стеняемъ взаимъ на премѣну,
Яко пандионийски отвѣтъ имутъ сестры,*
Егда своихъ жалостей считаютъ реестры.
Плачется Прогне ложа, мужемъ оскверненна,
Рыдаетъ Филомела, дѣвства си лишенна;*
Една другую в воплехъ своихъ вспомогаютъ,
Обѣ слезящи жалость свою воспѣваютъ.
Тако и Алциона гибель мужа въ морѣ
Рыдаетъ,* возвышшая гласы своя горѣ,

[1] неразрывные; [2] лира, кифара; [3] увещания; [4—4] освободился ... от оков; [5] бодрствую; [6] Долины; [7] Вы знаете; [8] боролась; [9] отражать; [10—10] стенаниях всегда.

Или яко горлица, друга си лишенна,
 Стеняетъ непрестанно, многоболѣзненна.
Сице есть и животъ мой, на семъ основанный,
 Да ни единъ ему день преидетъ безпечалный.
Повседневно наводятъ жизни моей борбы
 Непрестанны болѣзни, непрестанны скорби.
Но яко вопль бысть моимъ глаголомъ начало,
 Воплемъ ся и житие дабы окончало!

ПОЛЬСКАЯ АНОНИМНАЯ ПОЭЗИЯ

БЛАГОДАРЕНИЕ ЗА ДЕ*НЕ*ЖНУЮ КАЗНУ

Щедра твоя рука, отче преподобный,*
Достойна мзды есть — Господь праведный
С небесъ да воздастъ! — шла твоя казна
Полше полезна.

Но какая помочь намъ от твоей казны?
Богъ вѣсть сребролюбца лукава соблазны,
Вовремя прислана злому волку-вору,
Угодило в пору.

Хоть надеженъ другъ француз, шалберов[1] старшина,
Не дал ему суконъ в долгъ ни аршина.
На слово голо кто бы условился,
Хотя б исполнился

Тою казною, чтобъ бѣдны силы
Вспомочь, которы по крепостям были;
Бѣдну пехоту, которую Богъ даетъ,
В муку предаетъ.

По милости его, такъже и пановъ,
На пагубу дал Богъ такихъ гетманов,
Что для адова бруха[2] своего
Наполнились всего.

Хоть мало запасу, однакъ винъ венгерских
Караваны ходятъ, толь-то [3]чинъ жолнерский[3]! —
Курки[4] печены, сахары привозятъ,
Намъ голод множатъ.

Только бы в обоз[5] или в кой городъ
Строемъ бы ввести свою хоруговъ,
Тотчас по дорогамъ запас разбиваетъ[6],
Голоденъ не бываетъ.

---

[1] мошенников; [2] брюха; [3—3] солдаты; [4] Куры; [5] лагерь; [6] грабит.

Хлѣб для пехоты — вѣзде виселицы,
Дай бы на толсту шею тѣ вервицы[1],
Не на нас, бѣдных, что будто сластями —
Кормимся псами!

Наши овощи — мышь, а телятина —
Кошка, хотя мертва и кобылятина —
Какъ есть не голод! [2]На хлѣбъ[2] не помысли,
Пока король пришлетъ.

А король умной* на нас призираетъ[3],
Твою казну в Крымъ, отче, отсылаетъ,
Даетъ хану золото — хан поноровляетъ[4],
Будто уступаетъ.

А лицемѣры за то возванье
Повели волка на коронованье.
Не дивно, что слепые мурзы поздравляютъ,
С послы величаютъ.

Из войска такъ же многие началники
Посполство[5] губятъ, вмѣсте и сверстники
Пехоту (поистиннѣ мучеников!) с нами
Своими руками

Извели [6]в розных прилучаях панство[6]
Горломъ своимъ виннымъ и различнымъ пьянством,
Моря ихъ з голоду, остатки поганѣ
Сѣкли нещаднѣ.

Какъ отступили татары ис подо Львова,
Лукаво с литвою[7] идет волчья глава.
Весь миръ знаетъ, естьли б литва не пришла,
Нога б ихъ не ушла

Из-под Хотина* какъ за бусурманы
Вслѣдъ шли, не было бе хулы на поганы,
Когда б далъ волю сердцамъ кавалерскимъ,
Умам рыцерскимъ.

---

[1] веревки; [2—2] О хлебе; [3] заботится о нас; [4] выжидает; [5] Простой народ; [6—6] страну в разных происшествиях; [7] литовцами.

Только не ослы литва, знала ужа,
Мстясь за Хотимъ, хотѣл съесть у литвы мужа,
Не ныне на пагубу та дуда надута
Играет, прокленута.

Тож сотворилъ, отче, и с твоимъ бряцаломъ[1],
Ты ему дал золотемъ, а он намъ ни салом.
Кому король з женою* твою казну даетъ,
Посол твой вѣдает.

Та богобоязненна пани — побожникомъ[2]
На комедии, такъ же плясалникомъ.
А что за пляски, пусть твой посол скажетъ,
В Кракове укажетъ,

Какая комедия бывала в Варшаве,*
В каково тамъ цесаря дала поруганье,
В небытии короля смѣхъ строя скаредный,
Но Богъ праведный

Снишел в то время з громомъ, с молниею,
Обличал то канцлѣръ, студенты со всею силою,
Для того достоинъ ада твой посолъ,
Естьли не отписалъ.

Х КАЗНОДѢЕМЪ[3]

Дивно намъ на вас, милы казнодѣе,
Бутто вы не знаете, что ся в мирѣ дѣетъ.
Велятъ вамъ на нас кричать полские бискупы[4],
Смрадные трупы.

Первый шалбиръ[5] и лстивецъ великой Требицкий,
Олшовский, арцыбискуп[6] и третей Варшицкий.
Естьли вы спите, а служилой видит,
Хто ково обидитъ.

---

[1] здесь: звонкой монетой; [2] святошам; [3] К проповедникам; [4] епископы; [5] мошенник; [6] архиепископ.

Не ныне король губитъ своею рукою,
Не рубить, толко мучитъ горкою мукою,
Молит епископовъ: «[1]Бога для[1] пастыри,
Мои шалбири!

Велите ксендзомъ, паче ж казнодѣемъ,
Пусть на амбоне[2] кричать тѣмъ злодѣемъ,
Которые из войска скоро побѣжали,
Королю отказали,

Знамена голы побросали в поле,
Ни по городамъ, ни при самомъ королѣ,
Пусть к знаменамъ своимъ возвращаютъ,
Сколь возмогаютъ.

А у меня, де, казна им готова,
Денги и всякой запас дадут снова —
Хочет ли хто на мушкѣтъ, хоть на висилицу,
Емлите пленицу»[3].

ОТВѢТЪ НИКОЕГО СЛУЖИВОГО Х КОРОЛЮ

Самъ на ту мзду иди, Яне, з бискупами
И сенатори, твоими лесцами[4];
Мало что добрых и между бискупы,
Вмѣсто их скопи[5].

Збери каноников-милишев[6] с собою,
Ксендзовъ, пралатов[7], не пропадут с тобою.
В шелковых чюлкахъ цѣлой ихъ собор
Пусть в прямой побор

Пойдутъ до бѣса, а пусть на их мѣсто
Жиды множатся. Пожди, Яне, еще
Возми всѣхъ панов, с коими в Кракове
Был на розговоре.

[1—1] ради Бога; [2] амвоне; [3] оковы; [4] льстецами; [5] собери; [6] красавчиков; [7] прелатов.

Во всю тамъ зиму весело пировалъ,
Спал до полдня, в вечеру[1] сеймовалъ,
А ночью «буди здравъ!» или играл балѣты
Для той кобѣты[2].

А мы б хоть здохли, понеж условлены
Станы[3] имѣли — кровли соломяны.
Пусть, де, радѣють[4] какъ и я о себѣ.
Сто чертей тебе!

К КСЕНДЗОМЪ

Тогда просимъ вас, ксендзы, до обозу.
Нѣтъ там голоду, нужды, ни морозу,
Тамъ кѣльи теплы, перины пуховы,
Шутки пороховы,

Французский посолъ в золотой корѣте,
Вина довольно зимою и в лѣте[5],
Тамъ ханъ в грѣхах прощаетъ —
Головы срывает.

О, дай! бы не было бискупов-кабановъ,
Которых носят, что жирных баранов,
Время[6] и плебанов[7], с ними канониковъ
И исповѣдников.

И тех боровковъ, обманъ-езувитовъ,
Болши всѣхъ лести, правды — что у жидов.
О! сколь того лиха вездѣ намножилось:
В ксендзы и в чернцы, в спеваки[8] збежалось.
Обоз имъ смердитъ, а на амбоне
Бьют в ладони.

Лутчи быть мнихом, а чотки имѣти,
Нежели пулку[9] в ребрах — учнет там свербѣти.
Постники, на смерть не много скорбите,
Шалберы, молчите!

[1] вечером; [2] здесь: бабы; [3] здесь: Постой; [4] заботятся, пекутся; [5] летом; [6] Иногда; [7] приходских священников; [8] певчие; [9] пулю.

Или вы слѣпы? Король коль твердъ в полю,
Самъ за зайцы гоняет, а нам велит к бою.
Ныне въ Яворове* на удахъ сидитъ,
На сельди глядит.

Будучи в Кракове на коронацыи,
В трубы и в сурны[1], в французски факцыи[2] —
«Лей-поливай на всякъ день, братчина!
Дай, дьяволе, вина!»

А мы, квартьяные[3], удалы молодцы,
Буде кому силно, чево не отняли хлопцы.
Проподаемъ з голоду, а конь от соломы
На зубы хромы.

Отвѣдайте, ксендзы, нынешней сладости,
Не старых королей поступокъ в нынешней пакости,
Переполощите дождем свои колнѣрики[4],
Статны черевики.

Есть у васъ соболи, куницы и рыси,
Берите в службу стаканы, серебряны мисы.
Дастъ вамъ и примас[5] свои златы фляши[6],
Будут тѣ часы[7].

Воскресит вскоре намъ Господь Богдана,*
Вывлечет на двор не одного пана,
И не одному топором отделитъ
Лоб от гардели[8].

ПѢСНЬ, ИЗ ПОЛСКАГО ДИАЛЕКТА ПРЕВЕДЕННАЯ НА СЛАВЕНСКИЙ, О ПРЕЛЕСТИ МИРА*

Есть прелесть в свѣтѣ,
як в полном[9] цвѣтѣ,
ту ты остави,

[1] дудки; [2] интриги; [3] наемные солдаты; [4] воротнички; [5] архиепископ; [6] бутыли; [7] времена; [8] горла; [9] полевом.

Возлюбленная
душе грешная,
    от злоб воспряни.
Преходит время,
а грѣховъ бремя
    тя угнѣтает;
Демонъ же смѣлый
на тебе в стрѣлы,
    яд свой впущает.
От лва лютѣйша,
от змия злѣйша
    смерть предбодрствует,
Сласть услаждает,
жизнь обѣщаетъ,
    а гроб готуетъ.
Та багряницы
и власяницы
    в тлю прелагаетъ,
Та крали губить,
Кесари губит,
    вся разоряетъ.
Вращает[1] в блато
бисер и злато,
    черви раждаетъ,
Силнымъ гетманом
и поселяном
    сердце враждает.
Егда честныя
в рубы[2] худыя
    приоблекаетъ,
Воинску славу,
мечь и булаву
    в гробъ вовергаетъ.
Матеремъ чада
хищати рада
    и ослезяти,
Яко цвѣтъ красный
видом си ясны
    вскорѣ терзати;

---

[1] Превращает; [2] рубища.

И воспитанных
сыновъ избранных
    не долго зрѣти
Смерть попущает,
нагло[1] хищаетъ
    до гробной клѣти.
Яко с росою
траву с косою,
    сѣчет юныя,
Воя от боя
емлетъ до гноя
    зѣло силныя;
В страхъ обращает,
сердце скрушает,
    велми печалит,
Борца свергает,
кровь изливаетъ
    и во гроб валит.
Неумолимо
ни утолимо
    смерть убиваетъ;
Аще не вскорѣ
жди ея во дворѣ:
    та не минаетъ.
Мафусаила
смерть похитила
    о тысящи лѣтъ,
Иосифъ красный,
славою ясный,
    увяде якъ цвѣт.
Авесолому,
сынови злому
    в красной уродѣ[2],
Свѣтлость увяде,
самъ в крови паде,
    что камень в водѣ.
Златыя власы,
якъ серпомъ класы
    суть подсѣченны,

[1] внезапно; [2] красоте.

А сам на древѣ
с копийми в чревѣ
завислъ збоденны.
Плоть согнивает,
червь ся раждает,
ахъ, смрадный зѣло!
Птицы до плоти
летят с высоты
терзати смѣло.
Свѣтлое чело
все здиравѣло[1],
а устна красна
Смрадъ изливают,
гной источают,
лежат безгласна.
Бѣдное око
изгни глубоко,
а гдѣ жь ограды?
Источникъ воды,
рѣчныя броды,
гдѣ винограды?
Шипок увяде,
кипарис паде,
а ты гниеши.
А тѣхъ утѣхи
даже во вѣки
не познаеши.
Бѣдное ухо,
ты бяше глухо
на спасенная;
Гдѣ твоя сладость,
от гласов радость
она тлѣнная?
Гусли, тимпаны,
струны, органы
днесь изтлѣвают.
А тебе смѣло
купно все тѣло
черви снедаютъ.

[1] продырявилось.

Нозѣ гнилыа,
гдѣ суть милыя
вам оны лики[1]?
Гдѣ плесание,
гдѣ плескание?
Сгибе во вѣки.
Чрево сладкаго
вина драгаго
днесь отщетися.
За [2]скочны лики[2]
во адѣ во вѣки
юнный вселися.
Ризы багряны
из шелку тканы,
кто вы днесь цѣнит?
Нищь от гноища
своя рубища
на вас не мѣнит.
Чим убо лстите,
чим вы губите
неискусныя?
Влечете к себѣ,
что овцы к требѣ,
люди юныя.
Брашно благое,
вино драгое,
вы нас вредите.
В тлѣнном бо тѣлѣ
злых червей велѣ
умножаете.
Яждь же доволно
и пий своволно[3] —
мзда за то будет:
Чаша смолная
во вѣкъ полная
и преизбудетъ.
Оле суетна
вся и премѣтна,
яже в сем свѣте!

---

[1] пляски; [2—2] танцы с прыжками; [3] своевольно.

Мѣнится злое,
равнѣ благое
в зимѣ и в лѣтѣ.
Красная младость,
бѣлая старость
скор конец знают,
Поты проливше,
бѣдъ искусивше,
в гроб ся вселяют.
Главо глупая,
окаянная,
что мир любиши?
Что его сластьми
и плоти страстьми
аду служиши?
От добра многа
не зриши Бога,
аки нѣсть требѣ.
Преживше лѣта
в суетахъ свѣта
быти на тебѣ.
Богачь жестокий
во ад глубоки
в огнь воержеся,
За сребро, злато,
земное блато,
весь истечеся.
Глас свой возноситъ
о каплю просит
воды студены,
Иже пояше
и довле бяше
благъ исполненны.
Суетс*т*во суетствъ
и буйство буествъ
вся, яже зрятся.
Обаче пьянство,
слава, богатство
нами любятся.

Добрѣ то знаемъ,
что вѣтръ гоняем,
мирских ищуще,
А вси охотно
миру работно
служимъ живуще.
Жилъ лѣта многа,
гнѣваше Бога
во твоей сладости.
Красота, злото
вратятся в блато, —
ты без радости
Во гробъ вступиши,
вся оставиши
не вѣси кому.
Саван твой токмо
в земное окно —
все же иному.
Суета дѣти,
ихже хотѣти
обыче мати.
Кая бо радость
по них и сладость,
не может знати.
Отецъ есть честный,
а сынъ прелестный[1]
часто бывает —
Вся пропиваетъ
и разбиваетъ,
и побиваетъ.
По страсти прежде
с злобы послѣжде
своеволствует,
Юности лѣта
в неправдах свѣта
злѣ вождествует[2].
Тако на брата
Сплывает тщета,
а мир лукавый

[1] поддающийся искушению; [2] здесь: проводит.

Из честна дому
несет иному
знамена славы.
Многащи давный,
силный и славный
род погибает,
А дѣдичь[1] благий,
якъ сродникъ драгий
добро взимает.
Сынъ же прелестный
есть враг известный:
вся погубляет.
Злато и славу
и свою главу
в вино втопляет.
Мы изумлени[2],
грѣхми сожжени,
нимало знаемь,
Яко от врага
до адска прага
гнани бываемъ.
Отселѣ злато
и сребро за то
тщимся роздати,
Да в светлом небѣ
жизнь вѣчну себѣ
можем стяжати.
Храмы созидай,
нищыя питай,
иноки веселяй,
Сира воспитай,
вдовы заступай,
вся возвеселяй.
Сия бо тебѣ
схранятся в небѣ,
а ради свѣта
Что сотворивши,
та погубиши —
вѣчна то тщета.

---

[1] наследник; [2] обезумевшие.

Ты стяжалъ скупо
а сынъ твой глупо
вся расточает.
[1]Что тя ползуетъ,
смолу готует[1],
огнь разжигает.
Чистота, благость,
всѣх доброт драгость
не изчезаетъ.
Из тѣхъ отрада
Небесна града
ти исплываетъ.
Тамо ти радость,
Небесна сладость
по трудѣх будетъ,
А духъ горести
и мира лести
вѣчно забудетъ.
Нѣсть тамо зависть,
нѣсть и ненависть,
нѣсть рыдание;
Всѣм мир, тишина
от Бога Сына
дарование.
Страстей ти ради,
Иисусе драгий,
даждь нам востати,
А смерть лютую,
косу острую
даджь поминати.
Изволь подати
слезы лияти
за многи грѣхи;
В небо вселити,
общники быти
вѣчны утѣхи.

[1—1] Что тебе помогает, то тебе и смолу готовит.

СТИХИ ИЗ «ЗЛАТОГО ИГА СУПРУЖЕСТВА»

К ЧИТАТЕЛЮ

Живяй на земли, разумнымъ окомъ
смотряй на все по свѣту широкомъ,
Человѣкъ ничтоже имать миляе про себя,
кромѣ супруги и насущна хлѣба,
Которую толко Богъ с небесъ посылаетъ,
единитъ сердца и нравы равняетъ.
Сице супруги в раи в красномъ белведерье[1]
неразлученно берутъ перемирье.
Нынѣ бы молвилъ, что порозплетались
в своихъ союзахъ и порозметались.
Для того безжение Творецъ похваляетъ,
да и женитбу ничемъ не гоняетъ[2].
Свято супружество должныи почитати,
толко совѣтъ мой [3]головки избрати[3].
У всякой жены суть свои примѣты,
в желудке не сваривъ, збросишъ недоспѣты.
Трудно с примѣты коня добра купить
и жену со нравы уклонными[4] нажить.
Дабы не было в ней что похулити,
надобно в далныхъ рубежахъ смотрети,
Однако бы я, хто что любятъ, хулилъ, —
одному удалося, а другой погубилъ.
Голодному всякие укусны суть ѣды,
а юному человѣку женские бесѣды.

*

Невозможно познати — в чюжой коже ходятъ,
хотя и другу времянем угодятъ;
Лицемѣрные слуги, что обѣщаются
добромъ всякимъ служити, а пролыгаются[5].
У жонокъ бо учатца такова зла чина,
понеже нѣсть едина из нихъ благочинна,
А самая простота в деревню бѣжала,
лесть[6] повсюду намъ нынѣ госпожею стала.

---

[1] в беседке; [2] порицает; [3—3] выбирать головками, т. е. думать; [4] нестроптивыми, уступчивыми; [5] обманывают; [6] коварство.

О Владыко, не подай обозрѣть им свѣта,
которые нынешнии испортили лѣта.

*

Приемляй жену, зѣлно себѣ отягчаетъ,
от еяже тягости ни смерть свобождаетъ,
Мужъ женѣ раболѣпенъ, жена розсылаетъ[1]:
что прежде былъ свободенъ, нынѣ раб бываетъ.

*

Поемляй жену, во ярмо ведется,
и бѣгаяй казни, х казни самъ влечется.
Плѣняй жену, болши плѣняется,
всегда рабствуя, рабъ ей збывается.

*

Сый под супругою, под игомъ теснится,
умрети желаяй, слабѣти нудится.
Та болѣзнь превелика, казнь нарицаема,
аки купина горяй,* а не згараема.

*

Что реку вкратце быти женидбище?*
Ничтоже, токмо тартар и злых чистилище.
Нѣсть в тартаре покоя, но всяка досада,
ни скорби супружественной бываетъ отрада.
Кто можетъ женские претерпѣти бѣды,
работы различные и несносныи вреды?
Трудъ великъ и тоскота[2] остаютъ во браце,
бѣгай, молю, злой жены, аки [3]смерти въ зраце[3].

*

Посмотрите на любовь, что [4]насилу восходитъ[4],
а ужъ в лыкахъ[5] великих богатырей водить.

---

[1] держит на посылкахъ; [2] тоска; [3—3] вида смерти; [4—4] только возникает; [5] в веревках, свитых из лыка.

А се дело чюдняе: волосникъ[1] плетены
одолѣваетъ времянем скипетры и короны.

*

Укусно краденое, чюжое, не свое,
во своемъ укусъ одинъ, а в сосѣдском вдвое.
Вѣшать татя господинъ велѣлъ за двѣ рыбы,
и, в горохе поимавъ, велитъ бить у дыбы.
Ты чюжаго полотка[2] дерзнулъ смѣло рушать[3]
и, преступивъ заповѣдь,* не свою ядь кушать.
Не уйдешъ наказания, ни попъ тя разрешить,
то слово «не лѣть»[4] ти есть, пусть на умъ твой спѣшитъ.

*

Не добръ тотъ хлѣбъ, что его дважды пооряютъ[5],
и т*а* сука, что ю два мужа понимаютъ.
Лучши у извощика в злой дороге возить
и в воинском походе зной и варъ[6] поносить,
И лучше в монастыре под уставомъ жити
или у поваровъ при поварне быти,
Лучше в пустой храмине зимою сидѣти,
под кровлею худою ненасье[7] терпѣти,
Неже стоять на ковре в брацѣ со вдовою,
хотя бы с прелючшею честною женою.
Какие со вдовою веселые лѣта?
Никогда не увидишь с нею в любве свѣта:
Премного выговоровъ, покойник на чело[8],
какъ с нею, да и когда можетъ быть весело?

*

В третие ужъ женишся, и та была смѣла,
которая бысть в третию жену похотѣла.
О четвертой не думай* ни в доброй денницы,
ибо будутъ боятись вдовы и девицы,
А есть чего, — будто бы жити не желала,
когда бы с тобою бракъ четвертый приимала.

---

[1] чепец, кокошник; [2] кусок мяса; [3] тронуть; [4] нельзя; [5] вспашут; [6] жару; [7] ненастье; [8] во главу, на первое место.

Норови[1] сей ты третей: какъ еѣ лишишся,
вѣчнаго уже сиротства и бѣдъ наполнишся.
А ты молвишъ: без друга невозможно жити,
такова добра себѣ не хочю лишити.

*

Гдѣ бываетъ истинно сердецъ любование,
тамъ тяжкое обоихъ живетъ разставание.
Скорбь не равно подобна, слезы неуемныи,
женѣ жаль мужа, мужу жаль жены смиренныи.

*

Ты кисло смотришь, Венусъ веселится,
какъ что уловить, бутто печалится,
Окомъ то самимъ всяка показуетъ,
какъ ей что любо, аки негодуетъ
Или въздыхаетъ, ступая уставно[2],
А кого любитъ, не кажетъ то явно.
Но искра горитъ, запущенна въ сердце,
знать по кислым очесамъ и по блѣдном лице.

*

По възглядования до смѣяния,
во смѣянии до играния.
По игрании до трепания,*
во трепании до осязания.
По осязании до опочивания,
в опочивании до грѣхования.
По грѣховании насилу когда до раскаяния;
любовь и меда, и жолти[3] многоплодняя.*

*

Умна жена — даръ Божий. Имѣвъ здоволь хлѣба,
с мужемъ живетъ согласно, аки дана с неба.
Отецъ еѣ не купитъ, власти не имѣетъ,
моли неба, понеже женами владѣетъ.

---

[1] Потакай; [2] чинно; [3] желчи.

*

Люта звѣря узнаешь, посмотря на рожу,
а женѣ диаволъ в сердце, а другой влѣзъ за кожу.

*

Прежде мя пожри, земле, перво въ гробѣ тѣло
в пепел да обратится и дабы истлѣло,
Неже с воли бокову кость* в горло воткати[1];
тамъ очи, гдѣ что любимъ, и рука отдати.

*

Дородство твое красно и [2]умныя смыслы[2]
попортили, дѣвице, тѣх строевъ[3] вымыслы.
Лутчи строевъ перестань; хотя бы нага была,
моя бъ тебя доброта и с тѣломъ прикрыла.
Дѣшевъ строй безъ доброты[4]; дѣвка красовита
без доброты — палата, соломою крыта.

*

У босурманъ на мужьяхъ жены умирали,
а нынѣ на гробах их ради б танцевали.
Не то чтоб за здоровье мужа умирала, —
трикраты бы и сама его потѣряла.
Чють душа из одного, а другой на коврѣ
стоитъ, в красные ризы приодѣянъ добрѣ.

*

Хотя ярясь аки барсъ, иже свои дѣти
погубивъ, а самъ впадет ярым ловцамъ в сѣти,
Или медвѣдь свирѣпый, копием раздразненъ,
бѣжитъ лютой собаки, ранами изъязвленъ,
А та за горло давитъ, что кровей посоки[5]
по раненому бѣгутъ борзы зѣло токи, —
Однако природа в томъ поноровила[6],
что х твоей красотѣ злобы прибавила.

---

[1] воткнуть; [2—2] здравый смысл; [3] нарядов; [4] добродетели; [5] струи; [6] потворствовала, угодила.

Красна ты или лиха, то грѣхъ, а се добритъ,
буде будешъ доброю, всякъ тебя обозритъ.*

*

Малый свѣтъ — человѣкъ живъ; тамъ небо — глава,
чювъства — планиты, разумъ — солнце, при том слова,
Грѣшить свѣтъ, в немъ человѣкъ, небо вратится[1],
смерть с востока на запад, день с ночью катится.
Если бы премѣнна женъ луна намъ не дала,
свѣтъ на ногах не остал бы, что ж бы глава была?

*

Орѣхъ, ишакъ и жена в одну мѣру живутъ,
ничтоже добро творятъ, когда их не бьютъ.

*

Умилнаго глаза лучь солнцу ся равняетъ,
из круглой шеи бѣлый шипокъ[2] проникаетъ,
Власъ кудрявый преходитъ[3] злато и румяны,
устнѣ[4] аки в черленномъ багру* омаканы,
Какъ отверзет сахаромъ уста посыпанны,
многихъ сердца топятся, хотя оловянны.

*

Играяй и пияй съ красными дѣвицы,
славы и денег не имать на лицы[5].
Емляй бабу з денгами, той златом прелстися,
[6]понял денги[6], а баба в приданом вручися.

---

[1] вращается; [2] роза; [3] превосходит; [4] губы; [5] налицо, на деле. [6—6] женился на деньгах.

ДРАМАТУРГИЯ

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ

КОМИДИЯ ПРИТЧИ О БЛУДНѢМ СЫНѢ*

ПРОЛОГЪ

Благороднии, благочестивии,
  государие премилостивии!
Не тако слово в памяти держитъся,
  якоже аще что дѣломъ явится.
Христову притчю дѣйством проявити
  здѣ умыслихом и чиномъ[1] вершити.
О блудномъ сынѣ вся рѣчь будет наша,
  аки вещь живу, узритъ милость ваша.
Всю на шесть частѣй притчю раздѣлихом,
  по всяцей оных нѣчто примѣсихомъ
Утѣхи ради,* ибо все стужаетъ[2],
  еже едино без премѣн бывает.
Изволте убо милость си явити,
  очеса и слухъ к действу приклонити:
Тако бо сладость будетъ обрѣтенна,
  не токмо сердцамъ, но душам спасенна.
Велию ползу можетъ притча дати,
  токмо изволте прилѣжно внимати.

---

[1] по порядку, как подобает; [2] докучает, досаждает.

ЧАСТЬ I

Изыдет Отецъ со двома сынома и со многими слуги и начнет глаголати.

Отецъ глаголетъ к сынома

Благословенъ Богъ отнынѣ до вѣка,
иже от земля созда человѣка!
Ему честь, слава во вся вѣки буди,
яко преблаго своя правитъ люди!
Всѣхъ есть Промыслник[1], ихже есть Создатель,
во благо время всѣх живых Питатель.
Кто несумѣнно въ него уповаетъ,
того никако Господь оставляетъ.
Самъ искусихъ се во всяцей потребѣ,
егда уповах на живуща въ небѣ.
Онъ мою юность добрѣ есть управилъ,
на животъ честный въ мирѣ мя наставил;
Онъ ми науку далъ и разумъ благий;
даде богатства Господь мой предрагий.
К тому изволилъ з своей благодати
васъ на утѣху, сыновъ, мнѣ подати.
Имъже богатства въ наслѣдства премнога
суть ми врученна от всещедра Бога;
Всѣхъ благъ доволно: отчинъ, сребра, злата,
мнози раби суть и красна полата.
Токмо есть требѣ Бога вамъ хвалити,
въ любви и правдѣ ему послужити.
Благодарствие в сердцахъ вашихъ буди,
милость храните на нищыя люди;
Миръ, смирение, кротость сохраняйте;
всякия злобы от васъ отрѣвайте[2],
Мудрость стяжите, правда буди съ вами,
лжя не изиди вашими устами.
С честными людми дружество держите,
прелюбытворцевъ[3] далече бѣжите.
Бѣжите всѣхъ злыхъ, яко люта змия.
вся заповѣди сохраните сия.
Тако изволитъ Бог благословити
васъ и дастъ многа в мирѣ лѣта жити.

---

[1] Предначертатель; [2] гоните; [3] прелюбодеев.

Азъ уже старъ есмь, смерти ожидаю,
помощи от васъ при кончинѣ чаю.
Все вамъ вручаю, токмо мене чтите,
между собою миръ, любовь храните.

Сынъ старший глаголетъ к отцу

Отче мой драгий! Отче любезнѣйший!
Азъ есмь по вся дни раб ти смиреннѣйший.
Не смерти скоро азъ желаю тебѣ,
но лѣт премногихъ, якъ самому себѣ.
Честнии руцѣ твои лобызаю,
честь воздаяти должну обѣщаю.
Устъ твоихъ слово в сердци моемъ выну[1]
сохраню, яко подобаетъ сыну.
На твое лице хощу выну зрѣти,
всю мою радость о тебѣ имѣти.
Во ничто злато и сребро вмѣняю[2],
паче сокровищъ тебе почитаю.
С тобою самымъ[3] изволяю жити,
неже всѣмъ златомъ обогащенъ быти.
Ты моя радость, ты ми совѣтъ благий,
ты моя слава, отче мой предрагий!
Вижду азъ свѣтло, како насъ любиши,
егда твоихъ благъ общники твориши.
Несмъ азъ достоинъ тоя благодати,
за твой трудъ и намъ Богъ то волитъ[4] дати,
Благодарствие убо возсылаю
Богу, а твои руцѣ лобызаю.
Любо приемля благословение,
обѣщая ти повиновение,
Желаю выну азъ с тобою быти,
в обоемъ[5] щасти с отцемъ моим жити.
Всякия труды готовъ подимати,
отчия воли прилѣжно слушати.
Весь азъ твой раб есмь, рад выну служити,
въ послушании животъ мой кончити.

[1] всегда; [2] считаю; [3] одним; [4] желает; [5] едином.

Отецъ к сыну старѣйшему

Буди на тебѣ благословение
Бога всесилна за то смирение!
Ты обѣщался с нами пребывати,
Бог имать на тя милость излияти.

Сынъ юнѣйший к отцу

Радости наша, сыновъ твоихъ славо,
между пречестныхъ честнѣйшая главо,
Отче любезный, намъ даный от Бога,
живи в радости здравъ на лѣта многа!
Благодарствие тебѣ возсылаемъ
за милость, юже днесь от тебе знаемъ,
Мудрость словесъ ти любезно прияхомъ,
в скрижалѣхъ сердецъ нашихъ написахомъ.
Еже велиши, того мы желаемъ;
а Богъ поможетъ, тако уповаемъ.
Поучаеши насъ благо пожити
и славу рода нашего множити, —
Вседушно того азъ, сынъ твой, желаю,
попечение о томъ полагаю.
Братъ мой любезный избра в дому жити.
славу в предѣлѣхъ малыхъ заключити.
Богъ ему в помощъ при твоей старости
изжити лѣта красныя юности!
Вящшая мой умъ в ползу промышляет,
славу ти в миръ весь простерти желаетъ.
Идѣже востокъ и гдѣ западъ солнца,
славенъ явлюся во вся мира конца.
От мене дому разширится слава,
и радость приметъ отчая ти глава.
Точию изволь милость си явити,
уму моему помощъ сотворити.
Вся намъ даеши, нѣсть требѣ толико,
часть мнѣ достойну отдаждь, мой владыко,
Еюже имамъ много пристяжати[1],
всякая страна имать насъ познати.
Свѣщи под спудомъ не лѣпо стояти,*
съ солнцемъ азъ хощу тещи и сияти.

[1] еще нажить.

Заключение видитъ ми ся быти, —
въ отчинной странѣ юность погубити.
Богъ волю далъ есть: се птицы летаютъ,
звѣрие въ лѣсахъ волно пребываютъ.
И ты мнѣ, отче, изволь волю дати,
разумну сущу, весь мир посѣщати.
Твоя то слава и мнѣ слава будетъ,
до конца мира всякъ насъ не забудетъ.
А егда дастъ Богъ вездѣ посѣтити,
воскорѣ имамъ в домъ ся возвратити
В славѣ и чести, — тогда радость тебѣ
будетъ на земли и аггеломъ в небѣ.
Не медли, отче! Часть ми изволь дати,
благословенство свое излияти.
Путь бо мой близ есть, мысль моя готова,
токмо от тебе жду отческа слова.
Даждь ми десницу твою цѣловати,
абие хощу путь мой начинати.

Отецъ к сыну юнѣйшему

Добро есть славы, сыне мой, искати,
чуждыя страны съ умом посѣщати,
За славу люди главу полагаютъ,
морския волны с бѣдством преплавают.
Но то удобно таковымъ творити,
иже начаша славно в дому жити.
Не хощу тебѣ азъ воли отяти,
юже всякому Богъ изволилъ дати;
Точию в дому вящше приучися,
странству[1] удобенъ предъ нами явися.

Сынъ юнѣйший к отцу

Отче любезный, время мнѣ губиши,
аще единъ день мене удержиши.
Пусти мя, егда охотно желаю:
славно ти будетъ, вѣрно обѣщаю.
Что стяжу[2] в дому? Чему изучуся?
Лучше в странствии умомъ сбогачуся.

[1] путешествию; [2] наживу, получу.

Юнщихъ от мене отци посылаютъ
въ чюждыя страны, потом ся не каютъ.
Не держи, отче, молю со слезами!
Се пред твоими падаю ногами.

Отецъ к юнѣйшему сыну

Печаль ми, чадо, велику твориши,
егда у мене отпуста[1] молиши.
Вижду тя [2]не у[2] добрѣ изученна,
юности воля сия нѣсть спасенна.
Но да увѣси, коль добро слушати,
шествуй со Богомъ, не хощу держати.
Часть ти достойну всѣхъ добръ отлагаю
храни опасно, тощно[3] увѣщаю.

Отецъ же к рабом

Раби вѣрнии! Злато несите,
многоцѣнныя одежды дадите,
Много колесницъ сребром наполняйте,
турския кони уборно[4] сѣдлайте.

Слуга к отцу

Государю нашъ! Се на твоя слова
злато, одежды и вся суть готова.

Отецъ к сыну блудному

Приемли, чадо, то благословение,
точию твори доброе строение[5].

Сынъ блудный к отцу

Цѣлую руцѣ твоѣ, родителю!
Любо приемлю вся, благодѣтелю!

Отецъ к рабомъ

Возы и кони на дворѣ ставляйте,
вся потребная в путь уготовляйте.

Рабъ къ отцу

Вся совершенна, ни мало медлихом,
по твоей воли дѣло совершихомъ.

---

[1] благословения; [2—2] еще не; [3] бережно, усердно; [4] нарядно; [5] дело.

Отецъ к сыну блудному

Се, чадо мое, тя обогащаю,
по твоей воли тебе отпущаю
И подаю ти благословение:
имѣй о себѣ самъ попечение.

Сын блудный к отцу

Отче любезны! Се ти челомъ бию,
под твоѣ нозѣ преклоняю выю[1],
Благодаря тя за вся благодати,
яже ми еси изволил подати.
Любо цѣлую благословение,
с нимъ радъ приемлю путетворение.

Сынъ блудный ко брату

И тебе, брате любезный, лобзаю,
милости вашей самъ ся поручаю.
В молитвахъ вашихъ мене поминайте,
крове своея не пренебрегайте.
Азъ уже иду, вы мя проводите,
с благословенством в путь мя отпустите.

Сын старѣй ко брату

Щасливый путь ти от Господа буди!
Вездѣ мя, молю, брате, не забуди.
Аз хощу выну любовь сохранити,
се иду со отцемъ тебе проводити.

И пойдут вси за завесу. Пѣвцы поютъ, и будет intermedium[2].

ЧАСТЬ II

Изыдетъ Блудный сынъ с немноги слугами и глаголетъ

Хвалю имя Господне, свѣтло прославляю,
яко свободна себе нынѣ созерцаю.
Бѣхъ у отца моего, яко рабъ плененный,
во предѣлѣхъ домовыхъ, якъ в турмѣ[3] замкненный.
Ничто бяше свободно по воли творити:
ждахъ обѣда, вечери, хотяй ясти, пити;

[1] шею; [2] интермедия; [3] тюрьме.

Не свободно играти, въ гости не пущано,
а на красная лица зрѣти запрещано.
Во всяком дѣлѣ указъ, без того ничтоже.
Ахъ! Колика неволя, о мой святый Боже!
Отецъ, яко мучитель, сына си томляше,
ничесоже творити по воли даяше.
Нынѣ, слава Богови, от узъ свободихъся,
егда в чуждую страну едва отмолихся.
Яко птенецъ из клетки на свѣтъ изпущенный,
желаю погуляти, тѣмъ быти блаженный.
Богатство имамъ много и доволно хлѣба,
нѣсть кому его ясти, слугъ болши потреба.
Аще ся кто обрящетъ охотникъ служити,
имамъ сладцѣ питати и цѣнно[1] платити.

Слуга Блуднаго

Милостивый государю, азъ хощу искати
таковыхъ, иже тебѣ будутъ работати.

Блудный

Другъ ми будеши, не рабъ, егда со слугами
многими немедленно станеши пред нами.
Возми на путь сто рублевъ, за труды другое;
егда возвратишися, дамъ ти еще втрое.

Слуга

Азъ иду; ты, государь, изволь ожидати,
имамъ ти со слугами абие предстати.

Слуга за завѣсу, а Блудный сядет на столцѣ[2] и к слугам глаголетъ

Не добро богатому мало слугъ имѣти.
С кимъ имам ясти, пити? Кто нам будет пѣти?
Прискорбно ми есть без слугъ. Вина чашу дайте,
сами по десяти чашъ полныхъ испивайте.

Онъ будет пити, и слуги, наполнивши, держат в руках, и един от них глаголетъ

Тѣ чаши испиваемъ мы за тебе, свѣта.
Буди, государь нашъ, здравъ на многа лѣта!

[1] щедро; [2] стуле.

Здѣ, пивше, запоют: «На многа лѣта!» В то время приидет слуга, искавый новых слугъ, с многими слугами и речет

Радуйся, государю! Свѣтло веселися!
Се рабъ твой со многими слуги возвратися.

Блудный

Добрѣ, о благий рабе! Прими себѣ за то,
якоже обѣщахъ ти, сребро или злато.
Но повѣждь ми, что сии искусни творити?
Азъ готовъ комуждо сто рублевъ платити.

Слуга, искавый слугъ, глаголетъ

За мзды воздаяние ручку ти цѣлую,
о сихъ людѣхъ искусныхъ вѣрно извѣствую,
Яко вси суть потребни в пути, в людехъ, в дому:
пити, ясти, шутити обычай всякому.

Блудный

Ха! ха! ха! ха! Ха! ха! ха! То добрии люди.
Слышъ! Даждь имъ по сту рублев. Дай же, не забуди!

Слуга новый глаголетъ

Преблагий государю! За то ся кланаемъ[1],
а во услугахъ нашихъ вѣрность обѣщаем.

Блудный

Добрѣ, слузи вѣрнии! Ну жъ возвеселимся!
Общая днесь нам радость, вином прохладимся.
Сядите, слузи мои! Вина наливайте,
а за наше здравие до дна испивайте!
Кто из васъ в зерни[2] умѣетъ, той сяди со мною;
прочии в карты, в тавлѣи[3] играйте с собою;
Аще кто пройграется, та на мнѣ утрата;
а кто добре выйграетъ, за трудъ гривна злата.

Слуга зернщикъ

Азъ бывахъ искусенъ зернию играти,
с тобою, государь, не хощу дерзати.

[1] благодарим; [2] в кости; [3] в шашки.

Блудный

Сяди, брате, со мною, дерзай, якъ у брата;
аще обыграеши, сто рублевъ заплата.
А вы, прочии друзи, весело играйте,
мои богатства вземше, смѣло пройгравайте.

И тако сядутъ играти, и будутъ похищати добро Блуднаго и проигравати, а Блудный речет к зернщику

Добрѣ играеши, се сто рублевъ тебѣ;
но щастия ради напиймыся себѣ.

И напиются.

Зернщикъ

Еще ли, государь, изволишъ играти?

Блудный

Подвеселилъ есмъ себѣ, лучше пойду спати.

Зернщикъ к прочиим играющим

Востаните, братие, добрѣ послужите,
государя своего на постель ведите.

Единъ от игравших речетъ

Встанимъ, друзи, и пойдем: время почивати,
уже благодетель нашъ изволил престати.

И тако Блудный сын пойдет, сланяяся, а за ним вси. Пѣвцы поют, и буди intermedium.

ЧАСТЬ III

Изыдетъ Блудный сынъ похмѣленъ, слуги различно утѣшают; онъ обнищаетъ.

Блудный

Чуждуся[1] зѣло, вскую[2] болитъ глава, —
постель бѣ мякка, не твердая лава[3].
К тому не помню, како положихъся.
Негли[4] та вина[5], яко утрудихъся,
Вчера играя? А крѣпко стужаетъ[6]
болѣзнь, даже миръ весь ся обращаетъ[7].

[1] Удивляюсь; [2] отчего; [3] лавка; [4] Может быть; [5] причина; [6] мучает; [7] кружится.

Пилъ есмь опасно[1], а вѣмъ, что причина
[2]прилѣжный промыслъ[2], о чести кручина.
Но, дастъ Богъ, будетъ все по мысли нашей,
вземшу искусъ[3] благъ мнѣ о службѣ вашей.

Слуга 1

Государю нашъ, тому не чюдися:
младый нравъ, пити не научися.
Азъ есмь искусенъ, вѣмъ, како лѣчити:
изволь скляницу[4] днесь вина испити.
О чести всуе трудиши ти главу,
наш ликъ[5] разширитъ вездѣ твою славу.

Блудный

Здравый совѣтъ твой. Вина мнѣ дадите,
себѣ по чашѣ того ж наполните.

Пиет, глаголя

Будите здрави, любезнии друзи!

2 слуга отвѣщает

Пий н*а* много лѣтъ! Мы ти вѣрни слузи.

Пѣти: «Н*а* многа лѣта».

Блудный

Богъ ти заплати за твой совѣтъ здравый!
Вѣмъ у[6] лекарство от болѣзни главы.
Еще на печаль кто врачество знаетъ?
Молю, мнѣ службу въ томъ да изъявляет.

Слуга 3

Утѣхою печаль обычно лѣчити,
сладкоигрателемъ вели приходити.

Блудный

Самъ пригласи ихъ скоро, да играют,
и пѣвцы купно сладцѣ воспѣваютъ.

---

[1] осторожно; [2—2] неотступная мысль; [3] испытание; [4] стакан; [5] хор; [6] здесь: теперь.

Здѣ будутъ играти и пѣти, потомъ глаголетъ.

Блудный

Правда, утѣшно и сладцѣ играютъ,
и гласы пѣвцовъ зѣло украшают.
Достойны мзды суть, даждь им, слуго, злата,
да утѣшитъ ихъ многая заплата.

4 слуга, казначей

Государю мой, злато расточися[1],
все сокровище уже истощися;
Не на свирѣли денег есть потреба,
было бы за что утро купить хлѣба.

Блудный

Не буди скорбенъ, сии мои слузи
дадутъ намъ взаимъ, якъ добрии друзи;
А мусикием[2] отдаждь ту одежду.
Имамъ азъ в друзѣх извѣстну надежду.

Отдавъ одежду верхнюю, останетъ в единой, что видя,

5 слуга глаголет

Государю нашъ, хлѣбъ твой понуждает,
да гортань моя правду ти вѣщает.
Господь и мешок — то приятель правы,
людская приязнь токмо для забавы.
Не дам ти взаимъ, не хощу служити,
не имаши бо чим намъ заплатити.

Слуга 6 глаголетъ

И азъ не мышлю болше работати,
не можеши мя без злата наяти[3].
И за сей мѣсяцъ изволь ми платити,
[4]не хощу к тому[4] азъ с тобою быти.

Слуга 7

Радъ быхъ азъ служилъ вѣрно твоей славѣ,
аще бы еси имѣлъ разум въ главѣ.
Злато и разумъ слуги собираетъ;
кто буй[5], то трое купно погубляетъ.

[1] разошлось; [2] музыкантам; [3] нанять; [4—4] уже не хочу; [5] глуп.

Доволно служихъ, заплаты не чаю,
тѣмже[1] от тебе днесь ся отдаляю;
А что заслужихъ, изволь ми отдати,
аще не даси, буду награждати.

Слуга 8

Не надѣяхомъся мы того по тебѣ,
егда призвалъ еси насъ служити себѣ.
Много обѣщався, ни мало платиши,
тѣмъ насъ на услугахъ своихъ не узриши.

Слуга 9

Кто сладко ястъ, пиетъ, вскорѣ обнищает,
то намъ Священное Писмо[2] извѣщает.
Кто отцу преслушникъ, не послушенъ Богу,
за то тя обыдутъ[3] скорби попремногу.
Не слузи мы тебѣ, самъ будешь служити,
токмо бы кто хлѣбомъ изволилъ кормити.

Слуга 10

Государю нашъ, челомъ биемъ тебѣ
за хлѣбъ и за соль, а слугъ ищи себѣ;
Мы прочь отходимъ, пьяницу лишаемъ[4],
за свои труды сами мзду воздаемъ.

Онъ же глаголет ко клевретом[5]

Чего, братия, у него намъ ждати?
Что потомъ за трудъ возможемъ прияти?
Емлим[6] останки, самъ да погибаетъ,
како впредъ жити, юноша да знаетъ.

Здѣ вси крикнут: «Емлим, емлим, емлимъ!» и расхитят останки. Единъ же от нихъ, сирѣчь Слуга 10, глаголетъ

Еще тебѣ милость сию сотворяемъ,
яко тя, безумна, в живыхъ оставляем.
Моли Бога за насъ, не являй никому,
возвратися скоро къ отцу до дому.

И отходят вси.

[1] поэтому; [2] Священное Писание; [3] обступят; [4] отвергаем; [5] товарищам; [6] Возьмем.

Блудный

Увы мнѣ! Увы мнѣ! Что се сотвориша?
Вся вземше, едва мя жива оставиша.
Что сотворю? Пойду, велю их имати[1],
еда[2] что сокровищъ возмогу сыскати.

И отходитъ, плачя. Пѣние, емуже последует intermedium.

ЧАСТЬ IV

Изыдетъ Блудный гладенъ, продает послѣднюю одежду, облекается в рубище, службы ищетъ, пристает къ господину, посылается свиния пасти, пасет, ястъ со свиниами, свинию погубилъ, биенъ; ищетъ и, плача, глаголетъ: «Коль много хлѣба у отца моего» и проч.

Блудный

Горе мнѣ, бѣдну! Горе окаянну,
сущу безкровну[3], безпомощну, странну!
Людие злыи вся ми расхитиша,
ниже на пищу мало оставиша.
Гладъ стражду велий. Кто мя напитаетъ?
Во странѣ чюждей никто мя не знаетъ.
Едина токмо оста ми одежда,
на ту о хлѣбѣ послѣдня надежда.

Изыде Купчинъ, имѣя свиту и хлѣб, и глаголет

Что ти, юноше? Кая печаль тебѣ?
Не сумнивъ буди, а мужайся себѣ.

Блудный

Добрый человѣче! Кая ми отрада?
Вчера богатъ бѣхъ, днесь гибну от глада.

Купчин

Гладъ мощно хлѣбомъ скоро утолити,
азъ продамъ хлѣба, изволи купити;
За ту одежду хлѣбъ ти продаваю
и мою ризу свыше прилагаю.

---

[1] схватить; [2] может быть; [3] без крыши над головой, без пристанища.

Блудный

Богъ тя даде ми, человѣче благий!
Гладну ми сущу, хлѣбъ зѣло не драгий.
На моя риза, изволь свою дати,
нужда ми зѣлна урокъ чреву дати.

Ту замѣнят ризы и, хлѣб отдая, Купчинъ глаголетъ

Яждь во здравие, хлѣбомъ насытися,
а чрева ради трудомъ приложися.
Аще хощеши вѣрно послужити,
имамъ тя добрым людем предъявити.
Вѣмъ человѣка богатаго зѣло,
тому на службу предадися смѣло.

Блудный

Аггелъ ми еси, свято твое слово:
се мое сердце служити готово.

Ту изыдет Человѣк богатый и глаголетъ к Купчину и Блудному

Откуду людие и что дѣло ваше,
яко встрѣтение случистеся наше?

Купчин

Азъ [1]куплю дѣю[1] и тѣмъ ся питаю,
аще в товарѣхъ прибыль обрѣтаю.
Сей же клевретъ[2] мой хощетъ работати,
аще изволитъ кто его наяти.

Господинъ

Аще есть вѣренъ, не долженъ никому,
приму служити до моего дому.

И обращся к Блудному и речетъ

Слышъ, человѣче! Хощешъ ли служити
и во всемъ вѣренъ господину быти?

Блудный

Радъ, государю, тебѣ работати
и во всемъ вѣрность мою сохраняти.

[1—1] торгую; [2] слуга.

Господинъ

Даждь же ми руку на праведномъ словѣ,
да будешъ крѣпокъ нам по сей умовѣ[1].

Блудный

И обѣ руцѣ радъ ти простираю,
яко охочо тебѣ работаю.

Господинъ

Се уже крѣпокъ рабъ ми сотворися,
въ домъ мой на труды абие потщися.
Но вѣждь обычай, яко азъ никому
в началѣ службы честны не дам в дому.
Иди на село; что велят, трудися,
на честну службу прежде заслужися.
Покажи руцѣ, да могу познати,
в кую тя службу подобаетъ дати.

Посмотрѣвъ на руцѣ и пощупавъ, паки глаголетъ

О, нѣсть мозолей, зѣло мягки длани!
Бодрствуй отселѣ, лѣности престани.
Слышишъ, прикажчикъ! На село возмите,
а свини пасти ему прикажите.

Прикажчикъ

Добро, государь мой! Творю веление,
прикажу ему свинѣй пасение.

Господинъ идетъ за завѣсу, а Прикажчикъ глаголетъ

Ходи к свинарем, паси купно с ними,
сия сапожки изъ ногъ твоих сними.
Премѣни кафтанъ, в хуждший облецися,
свиней погубити опасно[2] блюдися.

Здѣ ин свинопас изыдет, гоня прасята, к нему же глаголетъ

Слыши ты, малче! Се товарищъ тебѣ,
свинѣй сгубити блюдитеся себѣ.
Азъ имамъ вскорѣ к вамъ ся возвратити
и по заслугам обѣма платити.

---

[1] договор; [2] тщательно.

Пастухъ к Блудному

Ну, друже милый! Корито с рожцами[1]
принеси сѣмо, поставъ пред свинями.

А Блудный принесет и речет

И аз есми гладен, а нѣсть ми что ясти,
рожци ми будутъ за всякия сласти.

Тогда яст, а Пастух свиния присадит до корита; он же разгнѣвася, ударит свиния, да разбѣгутся

Пастухъ

Что дѣлаеши? Свини отгоняешъ?
Всуе от рожцевъ оны отбиваешъ,
Се побѣгоша, аще погубиши,
язвами хребта бѣднѣ[2] заплатиши.

Ту приходит Прикажчикъ

Малци! Что у васъ добраго ся дѣетъ?
Трудъ вашъ о стадѣ [3]еда добрѣ[3] спѣет?

Пастухъ

Государю мой! Винни пред тобою,
врагъ се, а не другъ у свиний со мною:
Самъ рожци ялъ есть, и свини разгнаше,
азъ не вѣм, стадо гдѣ поутекаше.

Прикажчикъ

Возмите врага, плетьми разсѣчите,
а потом свинѣй прилѣжно ищите.

Поведут за завѣсу Блуднаго и биют плетьми, онъ кричит: «Государь, пощади!», а Прикажчикъ глаголетъ

Бий врага добрѣ, да вѣсть свое дѣло,
да пасетъ бодро, хранитъ стадо цѣло.

И крикнет: «Полно бити, часъ пустити!» Ту приведут Блуднаго убита[4], к нему же речетъ Прикажчикъ

Ищи свинѣй, враже! Блюдись погубити,
ибо до смерти велю тя убити.

---

[1] плоды рожкового дерева (в стручках); [2] горестно; [3—3] хорошо ли; [4] избитого.

И отходит Прикащик, а
Блудный глаголет

Увы мнѣ! Увы! Что имам творити?
Свини погубихъ, хотятъ мя убити.
Гладомъ и хладомъ весма помираю
и бичми лютѣ посѣченъ бываю.
О коль бѣ благо в дому отчим быти,
нежели в страны чюждыя ходити!
Хлѣбъ [1]у наемник тамо избывает[1],
а мое чрево гладом погибаетъ.
Пойду ко отцу, до ногъ поклонюся,
глаголя сице, пред нимъ умилюся:
«Отче! Согрѣшихъ на небо и к тебѣ,
прими мя поне[2] в наемника себѣ;
Нѣсмь бо достоинъ сынъ твой нарещися».
О даждь ми, Боже, к отцу довлещися![3]

И поидетъ за завѣсу. Ту пѣние и intermedium, по нем пѣние паки.

ЧАСТЬ V

Изыдетъ отецъ Блуднаго сына, печаляся о сынѣ; сынъ возвращается и проч.

Отецъ Блуднаго

Туга[4] велика сердце ми смущаетъ,
лютая печаль душу исполняет.
Не вѣмъ, гдѣ сынъ мой юнший обратися[5],
иже от мене древле удалися.
Живъ или умре, никто же вѣщаетъ,
отчее сердце толма[6] умираетъ.
Сыне мой драгий! Сыне возлюбленный!
Коль ты от мене еси удаленный!
Кая тя страна, сыне мой, питаетъ?
Кто тя на разумъ правый наставляет?
Кто тя утѣшит, во печали суща,
никого сродна[7] в тых странахъ имуща?
Кто бы ми далъ то сына созерцати,
хотя бы нага въ домъ мой восприяти!

[1—1] у нанятых там в излишке; [2] хотя бы; [3] добраться; [4] Тоска; [5] направился; [6] так, столь; [7] родного.

Вестникъ

Радуйся, государь нашъ, и возвеселися!
Сынъ твой, иже погиблъ бѣ, к тебѣ приближися.
По благодати Божей возвратися цѣло,
токмо не скорбенъ буди, что обнища зѣло.

Отецъ

Нага от Бога прияхъ того сына;
аще и днесь наг, то мнѣ не кручина.
Кто его видѣ, идѣте, срѣтайте,
мнѣ о приходѣ абие вѣщайте.

Поидут нѣции слузи, и абие другий вѣстникъ.

Вѣстник другий глаголет

Во вратѣхъ сынъ твой идетъ со слезами,
встыдится лютѣ[1] худыми ризами.

Ту покажетъся Блудный от завѣсъ, а Вѣстникъ речетъ

Се идетъ в двери,
что не дашъ вѣры?

Отецъ двигнется далече и, напад на выю сыновню, цѣлуетъ и глаголетъ

Сыне мой милы, отнюдъ нечаянный[2],
днесь паки Богомъ ты ми дарованный!

Блудный

Согрѣшихъ, отче, на небо и къ тебѣ,
прими мя поне в наемника себѣ.
Нѣсмь у достоинъ сынъ твой нарещися,
ты яко отецъ умилостивися.

Отецъ к рабомъ

Одежду перву сыну изнесите,
честно на плеща его возложите.

И одѣют его.

Отецъ

Дадите перстень, на руку взлагайте,
первую почесть ему сотворяйте.

Взложатъ перстень и поклонятъся.

---

[1] страшно; [2] нежданный.

Отецъ

Сапоги дайте и взуйте на нозѣ,
вижду и, яко бяше в скорби мнозѣ.

Обуют и поклонятся.

Отецъ

Идите, телца тучна заколите,
со мною ядше, вси ся веселите,
Яко сын мой сей, иже мертвъ вмѣнися,
се, слава Богу, живъ к намъ возвратися.
Иже погиблъ бѣ, обрѣтеся нынѣ.
Возвеселися всякъ о моемъ сынѣ!

Поидут за завѣсу, и тогда играютъ органы и прочая, и поют мало, токмо единъ слуга на феатрѣ останетъ, котораго, пришед, Сын старший вопрошает

Сынъ старѣй к слузѣ

Слушай, отроче! Кия в дому лики?[1]
Кая пѣния и пиръ превеликий?

Отрокъ[2]

Братъ твой прииде, а отецъ заклати
повелѣ телца и всимъ ликовати,
Яко живъ и здравъ к нему возвратися,
аще всѣхъ благих вконецъ отщетися[3].

Сынъ старѣй

Аще братъ в дому, азъ не хощу внити,
при немъ и съ отцемъ мнѣ отнюд не жити.

Отрокъ

Государю нашъ, изволь здѣ пождати,
азъ отцу тайно имамъ вѣсть подати.

Поидет отрокъ за завѣсу. Отецъ, изшедъ к сыну старшему, молитъ

Сыне мой прелюбезный! Гнѣвенъ ми не буди,
вниди в домъ, обрадуй мя, и брата, и люди

Сынъ старѣй к отцу

Отче мой драгий! Азъ ти работаю
толика лѣта и не преступаю

---

[1] торжества; [2] здесь: Слуга; [3] лишился.

Воли твоея, а ты мнѣ заклати
никогда даде и мала козляти,
Дабы со други мнѣ пиръ сотворити,
по трудехъ мало ся возвеселити.
А егда сей в домъ сын твой возвратися,
иже имѣний даных отщетися,
Ядый с блудницы, ты велѣлъ заклати
телца питанна и пиръ совершати.

Отецъ к сыну старѣйшу

Сладкое чадо! Ты всегда со мною
неотлученно и азъ есьм с тобою;
Моя твоя суть, вся свободна тебѣ,
вели заклати, что изволишъ себѣ,
Токмо радуйся и возвеселися,
яко сей братъ твой к нама возвратися,
Иже мертвъ бяше, а живъ соблюдеся;
уже изгиблъ бѣ и днесь обрѣтеся.
Вниди в радости в веселу полату,
прояви любовь обрѣтенну брату.

Сынъ старѣй к отцу

Не хощу ти, отче, преслушникомъ быти,
иду азъ с тобою любовь сотворити.

И поидут за завѣсу. Ту пѣние и лики, по сем intermedium, паки пѣние.

ЧАСТЬ VI

Изыдет Блудный одѣян и честен, хвалит Бога, яко возвратися

Боже превѣчный! Буди слава тебѣ,
егоже хвалятъ аггели на небѣ!
Вся тварь да поетъ имени твоему,
да творитъ почесть Господу своему,
Яко премудрѣ вся устроилъ еси,
яже на земли и что на небеси.
Мѣрилом правым вся суть размѣренна,
вся по естеству в чинѣ[1] положенна.

[1] по порядку.

Горѣ[1] прекрасно свѣтила сияютъ,
землю пространну плоды украшают;
Рибами море зѣло исполнися,
воздухъ птицами красно удобрися.
Но изряднѣе родъ нашъ украшенны,
образомъ твоим зѣло удобренны,
Егоже кто вѣсть добрѣ почитати,
удобенъ[2] в небѣ вѣнецъ восприяти.
Азъ же, сынъ блудный, здѣ обезчестихся,
образу тому позорникъ[3] явихся,
Егда, не слушавъ отчя велѣния,
низвергохъ иго его правления.
Идохъ в чюждыя далекия страны,
погубихъ блудно мнѣ пожиток[4] даны,
Обнищахъ вконецъ, пасохъ свинѣй стада
и рожцы ядохъ свиныя от глада.
А что пострадахъ, стыждуся являти:
то поминая, долженъ есмь плакати.
Найпаче долгъ мой есть Бога хвалити,
что мя изволилъ на путь наставити,
Да, раскаявъся, къ отцу возвращуся,
горкими слезы пред ним умилюся.
То ми сотворшу, отецъ мой преблагий
не устыдися, яко придохъ нагий:
Прияхъ любезно [5]над мою надежду[5],
в древнюю мене облече одежду,
Паки изволилъ мя обогатити,
во преждиѣй чести в дому своем быти.
О коль велика, отче, любовь твоя!
Недостойна бѣ тоя грубость моя.
О, что воздамъ ти, отче мой сладчайший,
над [6]всяку цѣну[6] отче мой дражайший!
Ты мя восприятъ в гноище верженна[7],
ты мя оживи, бывша умерщвленна.
Что убо благо могу ти творити
и како имамъ тя благодарити
За толикия твоя благодати,
яже изволи на мя излияти?

---

[1] Вверху; [2] достоин; [3] обесчестивший; [4] имение, деньги; [5—5] сверх моего ожидания; [6—6] любого богатства; [7] брошенного.

Отецъ Небесный самъ ти воздаруетъ,
иже всим милость за милость готуетъ.
Азъ же отселѣ хощу пребывати
в послушании, себе подчиняти;
Познахъ бо нынѣ юность дурность быти,
аще кто хощетъ без науки жити.
Каюся о злыхъ, содѣянныхъ мною,
о мой любезный отче, пред тобою.
Буду во притчю[1] азъ всѣмъ человѣком,
найпаче младымъ во вся вѣки вѣков.
Но и отецъ мой не внѣ притчи будетъ:
кто его милость толику забудетъ?
Божия милость имъ вообразися,
Кто Богу виненъ к Богу возвратися!
Любезнѣ руцѣ и онъ простираетъ,
удобнѣ[2] злобы грѣшником прощает,
За что азъ его выну прославляю,
вашим милостемъ сицевъ поклонъ даю.

Пѣние будет, а по немъ

ЕПИЛОГЪ

Благороднии, благочестивии,
государие премилостивии!
Видѣсте притчю, Христом изреченну,
по силѣ дѣлом днесь воображенну,
Дабы Христовым словамъ в сердцах быти
глубже писанным, чтобы не забыти.
Юнымъ се образ старѣйших слушати,
на младый разумъ свой не уповати;
Старим да юныхъ добрѣ наставляют,
ничто на волю младых не спущают.
Найпаче образъ милости явися,
в немже Божая милость вобразися,
Да и вы Богу въ ней подражаете,
покаявшимся удобь прощаете.
Мы въ сей притчи аще согрѣшихомъ,
ей, огорчити никого мыслихом;

[1] в пример, в назидание; [2] милостиво.

Обаче, молимъ, изволте простити,
а насъ въ милости господстей хранити,
За что хранени будете от Бога
в милости его на лѣта премнога.

Ту вси изшедше, поклонятся, а мусикия[1] запоетъ, и тако разыдутъся гости.

Конец и Богу слава.

[1] здесь: певцы.

О НАВХОДОНОСОРѢ ЦАРѢ, О ТѢЛЕ[1] ЗЛАТѢ И О ТРИЕХ ОТРОЦѢХ, В ПЕЩИ НЕ СОЖЖЕННЫХ*

ПРЕДИСЛОВЕЦЪ

Благовѣрнѣйший пресвѣтлѣйший царю,
многихъ царствъ и князтвъ правый государю!
Пречестным вѣнцемъ богоувѣнчанный,
всѣмъ православным яко солнце даный,
Да намъ свѣтиши яснѣ добротами,
якоже солнце свѣтлыми лучами!
Велий есть свѣтъ твой, тмѣ[2] одолеваетъ,
мракъ безвѣрия весма отгоняетъ.
Адамантъ[3] в златѣ нѣсть толико красенъ,
яко вѣрою духъ твой свѣтло ясенъ.
Бога во Троицѣ ты едина чтиши
и должный поклонъ любезно твориши,
Под нозѣ его главу ти смиряя,
со смирениемъ кротость соблюдая.
Что-либо сану царску приличствуетъ,
то святая ти душа державствуетъ;
Доброты гнѣздо положиша в тебѣ,
во сердцѣ твоемъ живут, яко въ небѣ.
Навходоносоръ не тако живяше,
аще и скипетръ в десницѣ[4] держаше:
Тмою невѣрства[5] бѣ он помраченны,
велиимъ чудом едва просвѣщенны.
Къ тому гордости въ сердци исполнися,
всѣхъ боговъ паче самъ быти возмнися.
Образ свой людемъ повелѣл бѣ чтити,
не послушавшыхъ во пещи спалити.
Трие отроцы во огнь воверженi,
но от аггела цѣло сохранени,
Имже царь чюдомъ къ вѣрѣ приведеся,
честь же отрокомъ велика дадеся.
То комидийно мы хощемъ явити
и аки само дѣло представити
Свѣтлости твоей и всѣмъ предстоящым
князем, болярομъ, вѣрно ти служащым,

---

[1] изваянии; [2] тьму; [3] Алмаз; [4] в правой руке; [5] неверия.

Во утѣху сердецъ здрави убо зрите,
а насъ в милости своей сохраните.

По сем да играютъ.
Изыдетъ Навходоносор с боляры и слугами шестию человѣкъ, а вооруженных вой[1] за ними станет шесть же человѣкъ. Царь убо, сѣдъ на мѣстѣ уготованномъ, начнет глаголати

Вѣрни раби, боляре, дворяне
и вси царствъ нашихъ славнии земляне[2]!
Видите крѣпость десницы моея:
вся побѣждении суть страны от нея,
Никто противу возможе ми стати,
весь миръ единъ азъ имам одержати,
Всякихъ странъ бози с нами не дерзают.
Насъ бога боговъ от днесь вси да знают!
Тѣмже[3] умыслихъ образъ сотворити
лица нашего и всѣмъ представити
На полѣ Дейрѣ, да вси почитаютъ
образъ нашъ и насъ бога нарицаютъ.
Слыши, казночей! Се велимъ мы тебѣ:
даждь чиста злата, елико есть требѣ,
Абие вели образъ нашъ творити,
на превысоцѣ столпѣ поставити.

Казначѣй

Что богъ вѣщает, страшно есть то слово,
по твоей воли все будетъ готово.

Отъидетъ Казначей дѣлати образ, а Навходоносоръ глаголетъ

Егда нашъ образъ златый созерцаемъ,
тогда всѣхъ вѣрность, яже к нам, познаем.
Любяй[4] насъ вѣрно будетъ препочтенны,
не любяй паки будетъ осужденны.
Слыши, Зардане! Вели готовати
пещъ, смолу, нафу[5] и огнь розжизати
Близу образа, да всякъ вовержетъся,
имъже нашъ образъ честный не почтется.

---

[1] воинов; [2] жители; [3] Поэтому; [4] Любящий; [5] нефть.

Зарданъ

Веселымъ сердцемъ твое веление
приведу вскорѣ во исполнение.

И отходит Зарданъ, а начнетъ глаголати

Навусаръ

Свѣтлый нашъ царю и пресилный боже!
Никто ти в бранехъ силенъ быти може.
Нынѣ ли убо можетъ кто дерзати,
еже противу воли твоей стати?
И слово твое огню подобится, —
того и пещи кто не убоитъся?
Добрѣ велиши огнемъ сожигати
образу чести не хотящихъ дати.

Навходоносоръ

Добро все, еже богъ повелѣваетъ,
аще и весь миръ вконецъ погибает.
Мы тако хощемъ: кто дерзнет судити,
въ единъ часъ велимъ живота лишити.
Вы днесь печалей намъ не поминайте,
о мусикии сладцей промышляйте.

Приидутъ мусикии[1], и речетъ к нимъ Навусаръ

Елика вѣсть утѣшная быти,
та потщитеся пред царемъ творити.

Здѣ будутъ ликовствования.

Приходит Казночей и глаголетъ

Царю пресвѣтлый, живи ты во вѣки,
вся превозшедый мира человѣки!
Се уже слово твое совершися,
образъ твой честный лѣпо поставися.

И отложше завѣсу, покажется образ стояй.

Навходоносоръ глаголетъ

Вѣрный мои раби! Блажим[2] труды ваша,
отселѣ будетъ милость на васъ наша.

---

[1] музыканты; [2] Восхваляем.

Приходит Зардан и глаголетъ

Царю над цари! Царствуй многа лѣта
над всѣми страны до кончины свѣта!
Се твоя воля мною исполненна,
велиимъ зѣло пещъ огнемъ разжженна.

И покажется пещъ.

Навходоносоръ

Добрѣ трудился, но не угашайте,
изгребий[1], смолы, нафы прилагайте,
Да, то видяще, вси ся поклоняют
образу злату, насъ с нимъ почитают.

Зарданъ

Радъ то творити, еже ты велиши,
Самъ свѣтлымъ окомъ работу узриши!

Навходоносор ко Амирѣ болярину

Амире вѣрный! В томъ прилѣженъ буди,
да всякихъ сановъ днесь предстанут люди
Почтити образъ; а вели играти
в трубы, органы и свирѣлствовати[2],
Во еже бы гласомъ небесъ доходити,
и въ то бы время всѣмъ поклон творити;
Аще же чести кто не схощетъ дати,
в пещъ таковаго вели вовергати,
Яже [3]въ седмеро[3] буди распаленна,
изгребей, смолы, нафы исполненна.

Амиръ к царю

Непобѣдиме царю! Здравъ ты буди!
На полѣ Дейрѣ вси предстоятъ люди,
И вся готова: изволь соглядати,
како вси будутъ образ почитати.

Навходоносоръ

Убо есть время, повели трубити
и златый образъ нашъ поклоном чтити.

---

[1] паклю; [2] играть на свирели; [3—3] в семь раз.

Тогда помаает[1] Амиръ, глаголя

Слышите, гудци! Гласно[2] вы свиряйте!
Вы же, людие, образу честь дайте!

Гудецъ речетъ

Повеления токмо ожидахомъ,
ко пісканию[3] вся уготовахомъ.

И начнутъ трубити и пискати, народи же поклонятся, а трие отроцы не поклонятся, что видя, Амиръ велит их поимати, глаголя сице

Поймите[4], поймите людей беззаконныхъ,
образу царскому нимало поклонныхъ!

Тогда ихъ поймутъ и приведутъ предъ царя. И речетъ Амиръ

Пречестный царю! Се людие злии,
не преклониша образу ти выи.
Повелѣние твое укоряютъ,
на честный образъ хулы испущают.

Навходоносоръ с гнѣвом глаголет к отроком

Седрахъ и Мисахъ, Авденаго и ты!
Бысте вы у насъ зѣло нарочиты[5], —
Что слышим о васъ? Вы ли обругасте
Насъ и образу поклона не дасте?
Самъ хощу зрѣти, вы правду явите,
со гласомъ трубным главы поклоните.
Аще поклона не хощете дати,
[6]лютѣ имате[6] в пещи пострадати.
Кто богъ есть, могущъ вас мукъ свободити,
от рукъ пресилных наших исхитити?

Седрахъ глаголетъ

Нѣсть требѣ, царю, намъ ти отвѣщати.
Богъ всемогущий силенъ насъ изъяти
Из огня люта силою своею
и свободити от руку твоею.

Мисахъ

К тому вѣждь, царю, яко прещение[7]
огня не въведет насъ во прелщение[8];

[1] дает знак; [2] Громко; [3] игре на дудках; [4] Схватите; [5] знатные, именитые; [6—6] должны мучительно; [7] угроза; [8] соблазн, искушение.

Аще же огню Богъ хощет ны[1] дати,
мы за честь его готови страдати.

Авденаго

Живаго Бога небеснаго знаемъ,
бездушный образъ смѣло обругаем.
Не подобаетъ твари почитати:
Творецъ есть Богъ нашъ, того хощем знати.

Навходоносоръ, разъярився, крикнет

Оле злыхъ враговъ! Како суть прелщени!
Скоро будутъ во огнь воверженi.
Крѣпции вои! Скоро похитите,
посредѣ пещи враги воверните.

Тогда Вои похитятъ и, вяжуще я[2], глаголют

1

Благо вам бяше царя послушати,
въ сицеву бѣду себе [3]не врѣвати[3].

2

Золъ род еврейский; крѣпко ихъ вяжите,
непокоривыхъ ни мало щадите.

3

Кто врага царска хощетъ пощадити,
самъ есть достоинъ смертно казним быти.

4

Азъ и двѣ кожѣ готовъ есмь издрати
съ едного хребта, а сам не страдати.

5

Мнѣ евреина толь сладко убити,
яко же меда сладка чашу пити.

6

Вержите во пещь, мало глаголите;
еже велятъ вамъ, то скоро творите.

---

[1] нас; [2] их; [3—3] не ввергать.

И вергнутъ в пещь, абие же да снидет к ним аггелъ и тако да глаголетъ к отроком

Аггелъ

Вѣрнии слузи истиннаго Бога!
Да не смущаетъ васъ печаль премнога!
Не оставит васъ Господь всемогущий,
не повредитъ вы пламень все ядущый.
Яко росою тѣмъ ся охлаждайте,
Богу вашему честь и славу дайте!

Тогда Азария или Мисах начнет глаголати умиленно: «Благословенъ еси, Господи Боже отецъ наших, и хвално и прославленно имя твое во вѣки, яко праведенъ еси о всяческих, яже сотворил еси нам» и проч., якоже есть у Даниила в главѣ 3. Здѣ огнь из пещи халдеи опалитъ и един от них возопиет:

Увы намъ! Лютѣ огнь насъ пожигаетъ,
иже из пещи чюднѣ избѣгаетъ.

И падутъ они. Царь, увидѣвъ, возопиет сице

Кое то чюдо? Пламень утекаетъ
из пещи и рабъ моих опаляет.
Возмите трупы, земли предадите,
сами ся огня лютаго блюдите.

Таже вси трие отроци умиленными гласы да поют «Благословен еси, Господи Боже отецъ наших, и хваленъ и превозносим во вѣки» и проч., яко таможде у Даниила.

Амиръ глаголетъ

Оле чюдесе! Врази не сгоряютъ,
нѣкия пѣсни сладцѣ воспѣваютъ.

Царь глаголетъ

Видѣние паче слуха увѣряетъ,
хощу, да око мое соглядаетъ.

И, востав, возрит в пещъ и, яко узрѣти ему четырѣх в ней сущих, речет к боляром

Что есть, велможи? Не три ли въвержени
отроцы во огнь, да будутъ сожжени?

Амиръ глаголетъ

Ей, трие, царю, казнь сию прияша,
яко образу поклона не даша.

Царь

Что убо вижду, въ пламени огненни
четыри мужи ходятъ разрѣшении[1]!
Вси суть без вреда, четвертый блистаетъ,
яко Сынъ Божий. О, чюдо бываетъ!
Увы мнѣ, увы! Азъ, грѣшный, прельстихся,
на рабы Бога живаго ярихъся.
Они суть святи, азъ же грѣшен зѣло;
невинных и огнь сохранил есть цѣло.
Что убо имамъ азъ, бѣдный, творити?
О прощение хощу ихъ молити.

И приступль Царь к пещи, глаголетъ

Седрах и Мисах, Авденаго честный!
О, раби Бога, иже есть не лестный!
Тощно из пещи сея изидите,
къ намъ, согрѣшившымъ, въ ползу приидите.
Прощение ми изволте дарити,
Богу вашему азъ хощу служити.

Ту изыдутъ отроцы неврежденны, ихъ же зряще, велможи воскликнутъ:

1

Оле чудесе! Како не сгорѣша
отроци сии и огнь одолѣша?

2

И то есть дивно, что власы суть цѣлы,
аще великимъ пламенемъ горѣлы.

3

Зрите одежды, како не растлѣнны,
бывше великимъ пламенем паленны.

4

Ей, чюдо есть се, но кто [2]оно дѣет[2],
умъ неискусный мой недоумѣет.

Царь

Вижду, боляре, кая чюдо сила
въ очесѣхъ нашихъ нынѣ сотворила.

---

[1] свободны; [2—2] его сотворяет.

Благословен Богъ, сотворивый тако,
его же Седрахъ, Мисахъ, Авденаго
Намъ провѣщаютъ! Онъ царь и владыка,
его есть крѣпость всѣх паче велика.
Его аггеломъ сии избавлени,
из люты пещи здрави сохранени,
Иже на муки плоти си предаша,
чюждему богу почести не даша,
Царское наше слово преслушаша,
яко на Бога жива уповаша.
О, блаженнии раби Бога права,
емуже поклонъ даетъ моя глава!
Пред лицемъ вашимъ того от днесь знаю,
его истинна Бога всѣмъ вѣщаю.
Аще же дерзнетъ его кто хулити,
убиенъ буди, а домъ расхитити
Повелѣваемъ; нѣсть бо тако силенъ
Богъ, яко Богъ вашъ, иже зѣло дивен.
Вы же, честнии слузи жива Бога,
примѣте от насъ владѣтелства многа.
Паче всѣхъ князей будите почтени,
за други наша отселѣ вмѣнени.

Седрахъ

Богу честь, слава, сие чюдо явлшу,
насъ сохранившу, а тебе взыскавшу!
Тебѣ за почесть главы преклоняемъ,
должную вѣрность тебѣ обѣщаем.

Мисах

Не сия токмо Богъ нашъ совершаетъ,
но ина многа дѣла содѣваетъ,
Яже временно твоей благодати,
да вѣруеши, имамы сказати.

Авденаго

Точию вѣруй, царю превеликий!
Вѣрный рабъ буди Небесна Владыки.
Смиренъ явися: онъ будетъ с тобою
и укрепитъ тя своею рукою.

Царь

Благодарю вы, любимии друзи,
Бога живаго истиннии слузи,
Яко обиду хощете забыти,
а нам Божию славу изъявити.
Любезнѣ слухъ мой на ту преклоняю
и сокровище сердца предлагаю.
Но днесь въ полату вы с нами грядите,
вашимъ приходом домъ возвеселите.

И отъидутъ за завѣсы. По сихъ епилогъ.

ЕПИЛОГЪ

Пресвѣтлый царю и благочестивый,
Богом вѣнчанный и христолюбивый!
Благодарим тя о сей благодати,
яко изволи дѣйства послушати.
Свѣтлое око твое созерцаше
комидийное сие дѣйство наше,
Имже ти негли[1] не угодни быхом,
яко искуства должна не явихом.
Разума скудость выну погрѣшаетъ,
а умъ богатый радостно прощаетъ,
Тѣмже смиренно къ ногам припадаем:
еже простити намъ, сие желаемъ.
Мы же имамы Господа молити
да во всемъ тебе изволитъ простити,
К тому да подастъ мирно царствовати,
а противники въскорѣ побѣждати,
И приложитъ ти многа лѣта жити,
потомъ небесный вѣнецъ наслѣдити.

«Многа лѣта!» Играние.

---

[1] возможно.

ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ

КОМЕДИЯ НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО*

АНТИПРОЛОГЪ

Натура людская

Натура людска, в образъ Бога есмь созданна,
Разум, память и воля суть мнѣ дарованна,
Не дарованна, паче данна, не отъята
От преслушавшой Бога чрез змиа треклята,
Заньже[1] ми есть отъята мудрость и святыня,
Безсмертие, нетлѣнность, житиа простыня[2].
Разумею разумом, яко зломъ объяхся,
Знаетъ и память, яже в раѣ наслаждахся,
Воля ми безвольная оковася узомъ,
С нею разумъ и память единым союзомъ.
Дерзнет воля на радость, память памятаетъ,
Яко за малу радость вѣчная скорбь чаетъ.
Егда хощетъ простерти в самовольство руки,
Разумъ рече: «Памятай[3] диавола штуки,
Како тя, безсмертную, в раи уловиша
За дерзость сѣтми смерти и теми сокрыша».
Тым ся ми разумъ, память, воля упражняет,
Вѣсти же ни от кого отмѣнныя чаетъ.

Омы*ль*ная[4] надежда

Что, Натур*о* людская, сѣтуешъ созданна,
Над все вдание[5] луч*ш*и Богу подобанна?
Имущой образъ Бога, что ти не довлеетъ,
Красота и лѣпота егда ти свѣтлѣетъ?
Имашъ ты покоренна вся, яже суть в мирѣ
Лѣтвующии[6], хо*д*ящии и пловущии звѣри.
Вся сия покоренна суть под твоя нозѣ,
Убо нѣ сетуй, паче радуйся по Бозѣ.

Натура

Вся ми суть покоренна, но и аз подданна
Смерти, егда согрѣших в раи[7] первозданна!

---

[1] Потому; [2] простота, скромность; [3] Помни; [4] Обманчивая; [5] создание; [6] Летающие; [7] в раю.

Надежда

Не отчайся, Натуро, имѣй мя, Надѣжду,
Возвѣдъ очи, посмотри: зостаешъ между
Коими вещми? Се ти вѣкъ златый послужит,
Миръ в брань не претворится, лука [1]не натужит[1].
Любовь, кротость незлобна с тобою пребудут,
Фортуна, вѣчна радость неотступны будут.

Натура

Аще тако есть, добрѣ; се скорбь отлагаю,
Радостна веселюся, скачю и играю.
Златъ вѣкъ, мир, щастье, радость мене окружают,
Убо сердцу моему скорби не стужаютъ[2].

Вѣкъ златый

Счисляй, о Натуро людска, *во мнѣ* златыя часы,
Златый ти вѣкъ вѣщаю[3] нехитрыми гласы.

Покой

Смотри, Натуро людска, на сию маслину,
О ней мира не в брани чрез мене чай выну[4].

Любовъ

Азъ, Любовь, сим союзомъ к тебѣ привязанна,
Понеже мя имѣешъ, вся тебѣ суть данна.

Кротость

Всегда в кротости сердце ти да веселится,
Тому злобная язва никогда случится.

Незлобие

Чрез незлобие на тя гнѣвъ никто воздвигнет,
Радуйся, злоба бо тя никогда постигнет.

Радость

Внимай сладкогласному сему инструменту,
Сего слыша, никогда дознавай *лям*енту[5].

---

[1]—[1] не натянет; [2] докучают, досаждают; [3] проповедую, возвещаю; [4] всегда ожидай; [5] печали.

Фортуна

Дотоль, Натуро людска, пребывай весело,
Донележе фортунно не станетъ ми коло[1].

Натура

Благополучныи нынѣ приспѣша ми часы,
Егда радостотворны слышу от васъ гласы.
Такъ есть, яко-сь[2], Надѣждо, прежде возвѣщала —
Съ златымъ мнѣ вѣкомъ радость истѣ[3] обѣщала.
Радостъна в златомъ вѣце и в нѣдрѣх фортуны;
Радости! Весели мя, исправъ своя струны.

Строит[4] и Разсуждение приходит.

Разсуждение

Тако-сь[5] ся уловила чрез вѣсть неистову!
Се радости измѣну[6] имаши готову.
Смотри, како измена вещи преплетаетъ,
И благополучие бѣды сообщаетъ.
Уловила, Надѣждо, тебѣ нечаянно,
Егда, Разсуждение, бѣхъ от тя попранно!
Гдѣ Надѣжда омыльна, яже тя прельстила,
Яже ти словес сѣтми лѣстнѣ уловила?
Слыши, что Вѣкъ железный будет глаголати.
Егда златый Вѣкъ может ему постояти[7]?
Зри и что противная противнымъ сотворят,
Увидишъ, яко радость на плачь ти претворят.

Железный вѣкъ

Что при Натурѣ людской себе водворяешь?
[8]Или менѣ крѣпчайша над себѣ не знаешъ?[8]
Удержиши ли прелесть, в десницы ти сущу,
Егда мою железну кулю[9] испущу?
Зри: злато и железо катится однако,
Не можеш быти лучшим над мя, вѣруй всяко.
Златыми си часами людей уловляешъ
В своя сети, а моих железных не знаешъ!
Азъ убо совокуплю со железом злато,
Да вѣсть Натура, яко есть не злато — блато.

---

[1] колесо; [2] как ты; [3] верно, истинно; [4] Настраивает; [5] Так ты; [6] перемену; [7] противостоять; [8—8] Или не знаешь, что я сильнее тебя; [9] шар, ядро.

Не будеш от союза сего разплетенный[1],
Но во вѣкъ со мною будеши слученны[2].

Брань

Ты чрез увядаему лстиши[3] ю маслину?
Зри: меч брани ту сечет и так будет выну.
Да не речеши: «Мирен в вѣкъ Миръ пребываю»,
В самый корень маслины мечь свой угружаю[4].

Ненависть (к Любве зубы)

Ты, Любве, что вѣщаешъ пажити[5] сугубы
Сим союзомъ? Сия вся претрутъ моя зубы.

Ярость (стрѣла къ Кротости)

Ты речешъ, яко Кротость язвы не достигнет?
Се чрез стрѣлу Ярости язва ту постигнет.

Злоба

Ты, Незлобие, знаком что Натуру взводишъ?
Рцы, како ту от уза[6] Злоб*ы* освободишъ?
Се жало в неповинном агнце углебаетъ[7],
Ниже с него изыти когда помышляет.

(к Радости Плачь)

Плачъ

Радости! Своя струны ты устроеваешъ,
А змоченну слезами плату[8] не внимаешъ.
Радость, сладость! Плачь платомъ тѣбе воспящаю[9],
Омоченнымъ слезами струны отягчаю.

Зависть к Фортуне, *сиречь* Коло

Престани, Коло, точитися[10] всуе,
В котором Натура заводится буе[11],
Прежде ти в адъ: не стерся крюк мой, препинает,
Да Натура Фортуну, какова есть, знаетъ.
В точащомся Фортунѣ силы не познаетъ,
Ниудержанно[12] Коло зря, да разсуждаетъ.

---

[1] свободен; [2] соединен; [3] прельщаешь; [4] погружаю; [5] луга; [6] оков, цепи; [7] вонзает; [8] платку; [9] удерживаю, препятствую; [10] катиться; [11] безумно; [12] Неудержимое.

Натура

О, люто окаянства в суетномъ семъ мири!
Почто лестной Надѣжде азъ, бѣдна, яхъ[1] веры?
Веселыми помыслы впредь мя исполнила,
Нынѣ туюжде радость на плачь претворила.
Егда Злата Железный вѣка побѣждаетъ,
Брань покоя маслину мечемъ посекаетъ,
Во всем полно измены и непостоянства,
Горе! В житии моемъ всего окаянства,
Ничто истиннѣйшаго паче смерти чаю,
Жду гроба, а красоты вѣнецъ мой слагаю!
Иду окруженная печальми и бѣды.

Всѣ

Мы твоими, Натуро, купно пойдем слѣды.

Смерть

Го! Го! Го! Радуюся Смерти от Адама,
Царствующая даже и до Авраама,
По Аврааме дотоль свободна царствую,
Человѣческимъ родомъ сильна властенствую.
Царей и князей под моя покоряю нози,
Сильны вои падаютъ предо мною мнози.
Все боятся, всѣх бо азъ [2]отъ сею[2] косою
Предпинаю[3], якъ цвѣты польныя[4] з росою.
Едина сильна, славна есмь Смерть во вся вѣки,
Без останка потреблю азъ все человѣки.
Сама Натура людска добрѣ то познала:
Прозрѣвши мою силу, съ фрону[5] сего встала,
Вѣнецъ красоты з главы своея сложила,
Мя боящися, власти та моей вручила.
Сяду на престолъ, возьму и венецъ на главу,
Да всѣ видят у Смерти безсмертную славу.

Жизнь

Стой и не прикасайся фрону человѣка,
Иже ти не подлежитъ во вся вѣки вѣка.
Азъ есмь Жизнь, яже придох того оживити,
Живота безконечна в вѣки сподобити.

---

[1] взяла; [2—2] вот этой; [3] Срезаю; [4] полевые; [5] трона.

Ты же властелинствовать не дерзай без суда,
Изыйди оттоль скоро, иди полна студа[1].
Азъ власть имамъ живити, аз и умертвити,
Смерти или житию вѣчному вручити.

ПРОЛОГЪ

Маловременна лестна[2] мира сего слава,
Ищущим себѣ в сладкихъ смертна есть отрава,
Яко бо в себѣ жало медъ утаеваетъ
И уста наслаждающъ внутрность уязвляетъ:
Сице и сего мира сладость в себѣ маетъ,
Сладкую жизнь множае желчию кончаетъ.
Образ сего в Иродѣ есть треокаянномъ,
Зѣло в суетныхъ мира сластех окованном.
Уже за временную, гиблющую славу
Противъ самого Бога гордую си главу
Вознесъ — того чрез зависть искаше убити,
Дабы маловременной чести не згубити.
Ищуще же, невинныхъ множество отроков
Изби за[3] агнцев, агнцевъ сущих без пороков,
За что и сам воскорѣ истымъ[4] судомъ Бога
Претерпе: днесь во адѣ терпит зла премнога.
Се не токмо словомъ и дѣломъ изъявимъ,
Да крѣпость нынѣ Бога рожденна прославим.
Сему всякъ съ охотою, молим, да внимаешъ,
Ты же, архиерею, да благословляешъ!*

КОМЕДИА НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

ЯВЛЕНИЕ 1

Земля

Аще не от естества есть Земли стенати,
Яко вещи бездушной, слезы проливати,
За сладко пловущия водныя потоки,
Шумящия з внутрности твердейшей опоки[5].
Обаче не держу, повторяя: горѣ!

---

[1] стыда; [2] обманчивая; [3] как; [4] праведным; [5] поверхности.

Точу[1] слезъ прегорчайших пространное морѣ.
Увы, увы! Проклята за грѣхъ есмь Адама
И Еввы, яже яблко урве си рукама
В раи заповѣданно[2]. Аз за[3] красныи цвѣты
Волчецъ[4]* родити буду мерский во вся лѣты.
Красна бѣхъ, доброплодна, раждах [5]не оранна[5],
Нынѣ тща[6], аще и есмь потомъ полианна.
Никогдаже на перво буду возвращенна,
Ниже по проклятии паки освященна.

Небо

Не сетуй, Землѣ скорбна, паче веселися:
Честь ти болша прежденя нынѣ устроися;
Не клятие[7], но болшу улучишъ святыню,
Чрез Бога воплощенна вѣчну благостыню.
Той мя, Небо, преклонив, на тя, Земле, снидѣ,
Человѣкъ бысть — человѣкъ да на Небо взыйде.
От твоея созданны трости сообщися[8]
Божеству, убо тебѣ не лѣть[9] есть пещися.
Будешъ мнѣ, неклятому Небу, приобщенна;
Азъ земля, ты же небомъ будеш нарѣченна,
Якоже Богъ нарѣченъ и есть человѣкомъ,
Смертен человѣкъ Богомъ живым во вѣки вѣкомъ.

Земля

Небо! Роса словесъ ти мя не орошаетъ,
Но паче вздыханием тяжкимъ изсушает:
То глаголешъ, емуже быти невозможна,
Азъ же Божия знаю словеса неложна,
Имиже есмь проклята, ты же мя случаешъ
Со собой, бо с водою огнь то сообщаеш.
Может ли тма тамъ быти, гдѣ свѣтлость сияет?
Гонит от себѣ тму свѣтъ, а не сообщаетъ.

Небо

Землѣ! Не печалися, скоро ся утешишъ,
Миръ на тебѣ вѣщающъ глас скоро услышиш:
Миръ мирови даруяй прийдѣ к тебѣ мирѣнъ —
Исусъ Христосъ, Сынъ Божий, Агнецъ кротокъ, смирѣн.

---

[1] Проливаю; [2] запретное; [3] вместо; [4] Колючий сорняк; [5—5] не будучи вспаханной; [6] бесплодна; [7] проклятие; [8] приобщись; [9] возможно.

Той тя милосердиемъ на перво претворитъ,
Той тя быти другиню мнѣ, Небу, сотворит.

Земля

Прийдѣт? Аще и прийдет, [1]огнь воврещи[1] прийдет,
Не благословение — мечь зъ устъ его изыйдет.

Небо

Ни, Земле! Рече: «Аз есмь на землю пришеды,
Да жизнь имать и лишен всякъ з земли прошеды».

Земля

Побѣдихся, о Небо, для твоей порады[2],
Жду от Бога реченной чрез тебѣ отрады.

Пѣние: «Христос раждается, славите» и прочая.

Милость Божия

Неизрѣченна милость Бога, необъята,
За преступство Адама мирови отъята,
Егда тот запрещенну прикоснуся плоду,
Наведѣ проклятие общему си роду,
Заключи дверь златую небеснаго града,
Отверзе тму кромѣшну лютѣйшаго ада.
Но не прогневайся в вѣкъ Богъ, ни враждуяй,
Прийдѣ под лѣты, милость мирови дарствуяй,
Человѣкомъ бываетъ чрез милость премногу,
Да бренна человека уподобитъ Богу!
Нынѣ небо земля бысть, земля небом убо.
Земля, небу причтена! Радуйся сугубо!
Ликуй, небо! Мѣсто бо ангела гордыни
Человѣком наполнит Бога благостыни.
Да сорадуются ти аггельския лики,
Егда сожительствуютъ има человѣки!
Землѣ, за змия вражду иногда[3] проклята!
Радуйся, яко Богомъ нынѣ есть свята!
Уже [4]не к тому[4] волчецъ имаши родити,
Но будешъ украшенна различными цвѣты.
Первы Адамъ сподоби клятвы тя руками,
Вторый Адамъ,* хо*д*ящи по тебѣ ногами

[1—1] поджечь; [2] совета; [3] некогда; [4—4] поэтому не.

Пресвятыми, освяти тя в вѣчныя роды
И вожделенными тя ублажитъ плоды.

Земля

О, Милости Божия неизглаголанна!
Азъ, Земля, грѣхом Еввы весма окалянна[1],
Под твои пречистыя скланяюся нозѣ,
Чту тя, славлю и хвалю во вѣки о Бозѣ,
Понеже мя, грѣшную, дотоль сохраняла,
Нынѣ же красотою неба увѣнчала.
Сама облакомъ легкимъ съ небеси низходиш,
Тягость же мою бренну на небо возводишъ.
Буди благословенный во вѣкъ вековъ, Боже,
Яко твоя милость мнѣ, грѣшной, поможе!

Небо

О, милости всещедра! Под прекрасныи нозе
Прекланяюся, Небо, волею по Бозе.
Молю: идеже еси, да буду с тобою!
Совокупи мя землею во вѣкъ со собою!

Милосердие

Земле! Через милость Бога Небу приближися.
Небо! Чрез милость Бога Земли примирися.
Се вас союзомъ златымъ на вѣки спрягаю,
Мир, единство и любовь на вас полагаю.

Небо

Слава во вышних Богу днесь о семъ да буди!

Земля

Миръ земли благоволный да воспоют люди!

Пѣние: «Слава в вышних Богу» и прочая.

ЯВЛЕНИЕ 2

Вражда, или Зависть

Горѣ, ахъ! Люцеперу и цѣлому аду!
Такъ-то нам Милость Божа сотвори отраду!

[1] оскверненная.

За един токмо помыслъ всѣхъ с неба свергаетъ,
Человѣка за дѣло в небо исправляет.
Лучше ли есть брание[1], нежели духъ чистый?
Ахъ! Человѣкъ стал Богом, азъ же духъ нечистый
От всѣхъ есмь нарѣченна, азъ, прежде созданна,
Аз архиерейскимъ ликом[2] вѣнцемъ увѣнчанна.
А человѣкъ — прах, пепел, персть едина бренна,
Мнѣ на поругание тако вознесенна!
Едва Люцеперъ* мнился равенъ Богу быти,
А человѣкъ врагъ дерзнулъ дѣломъ совершити, —
На время намъ сообщенъ, имѣетъ отраду,
Мы же на вѣки вѣковъ вдадохомся аду.
Горѣ! Горе! Снедаетъ ядъ мою утробу:
Персть, вѣчному имуща предатися гробу,
В наших прежнихъ жилищах себе водворяетъ!
Горе! Горе! Сердце ми зависть растерзаетъ,
Зря горести, услаждаю снѣдениемъ сердца,
Горкий в мира сладостехъ буди ти, мордерца[3]!
Дондеже Богъ есть Богомъ, адъ безсмертный адомъ,
Смертнымъ ада сѣяти буду на тя ядомъ.
Процвѣтутъ моя плоды, убийство и вражда,
Тымъ плодомъ утолится кровавымъ ми жажда.
Вулкане, а Вулкане! Тя молю усильнѣ:
Остра ми оружия надобно есть зѣлнѣ[4].
Поспешете на помощъ, охотны[5] Цыклиопы!
Возжигайте огнь, Бронты! Бийте в млат, Стеропы!*
Мечи, копиа, узы, остры куйте стрѣлы:
Сия в Иудейския разсѣю предѣлы.
Сотворю пролитие крове, аки морѣ.

(ярится)

Не единому сотворит мечь горкое горе,
Упиется копие не в едну утробу,
Поплыветъ крове токомъ не единъ ко гробу.
Будет зде и невинный мечемъ погибати,
Будет себѣ самого мечемъ побивати.
Тако чрез сѣть смертную пойдет в ада узы,
Исцѣлит разстерзанну утробу Медузы.

---

[1] борьба; [2] собранием; [3] убийца; [4] очень; [5] быстрые, проворные.

Циклиопы

(всѣ вместе говорят)

Се огнь возжигаемъ, в млаты ударяемъ,
Копиа и узы для тебѣ, Медузы,
И мечи, и стрѣлы в Иудейски пределы
Готуем, гортуемъ[1],
Тебѣ подметуемъ[2].
Примайся, Цыклиопе!
Бий крепко, Стеропе!
Бронте! Не ленися,
Враждѣ прислужися.

ПАСТЫРИЕ

Два бутто пошли в городъ для покупки, а третий при овцахъ быхъ; [3]наступившой же нощи[3] пошолъ *т*ѣхъ искати и прочее.

Пастырь 1 Борисъ

Судари мои свѣты! Здорово ли живете?
Вы в семъ мѣсте собраны подавно седите,
Не видали ли моихъ товарищъ, идущихъ
В город или з города, кошели несущихъ?
Одинъ уже и пристар, маленко горбатый,
Кривъ на глаз, имя ему Аврамъ-сторожатый[4].
Другий молод, именем Афоня названный,
В старом шюбионку, что нам в подпасочки данный.
Пошли в город для хлѣба на ужину купити,
А мене оставили овечокъ хранити;
Замешкали, а уже нощъ темна приходитъ,
А на менѣ едного страх великъ находит.
Я, бросив и овечки, пошол ихъ искати.
В город далеко, страшно, здѣ ихъ буду ждати.

(сядетъ)

Ой, Аврам, Аврамъ! Тойжде зашол на кружало[5];
Когда б ему какое тамъ лихо не стало.

---

[1] закаляем; [2] бросаем; [3—3] когда наступила ночь; [4] сторож; [5] кабак.

Пастырь 2 Аврамъ

Борисе, гето[1] ты здѣсь, а овца покинулъ?

Борисъ

А ты для чего в город пошодши, загинулъ[2]?
Пришол вечеръ, я овцы загнал во ограду,
А самъ уже пошол былъ вас искать ко граду.
Кое вас тамъ такъ долго лихо удержало?

Аврамъ

Не покручинься, братецъ: зайшол на кружало,
За алтынецъ винишка и с парнишком испив.

Борисъ

От петь[3] я догад*а*лся! А мнѣ-то не купив?

Аврамъ

Никак, купил и тебѣ, какъ петь не купити?
Малецъ, вынь ми с кошеля. На, зволишь ли испити?

Борисъ

Ну-тко, сядьте жъ и сами, по разу напьемся.
Хлѣба купили ли?

Афоня (говорит)

Есть. Гораздъ по*д*крѣпѣмся.

Афоня

Вот тебѣ хлѣб, вот тебѣ соль, вотъ и калачи.
Кушай, старичокъ, здоров, а на нас не ворчи.

Аврамъ

Да кушаймо же поскоряя, пора итти къ стаду,
Штоб иногда[4] какой волкъ не влѣзъ во ограду.

Запоютъ аггели, а они забудутся, кусы в ротах. Думают долго, одинъ на одного смотритъ, нескоро в небо.

Аврам

Што, братъ? Гдѣ же такъ-гетак[5] поютъ хорошенко?
Еще я такъ не слыхавъ. Ты слышишь, Афонко?

---

[1] это; [2] пропал; [3] же; [4] вдруг; [5] этак.

Афоня

Я вже слышу и вижду, ей, птички высоко,
Смотрѣте, едакъ ваше не досмотрить око:
Ты старъ, ты на глаз хромъ. Вот в гору смотрете!

Борисъ и Аврамъ

Е-е-е! Видимъ, видим!

Афоня

А што, правда, птички?

Аврам

Братъ! Кажется, робятка стоят невелички?

Афоня

Судари! И хто видал ребята с крылами?
Птицы то залетели межи облаками;
Етакъ бы хорошенко робята не пели.
Смотри, смотри: не видно, вот и полетели.

Борисъ

Лететѣ жъ здоровенки, а мы поседѣмо,
Маленко покушавши, к овечкамъ идѣмо.

Аврамъ

Когда б же так над стадом нашим всю нощъ пели,
То бъ мы, ихъ слушаючи, спати не хотели.
Афоня! Ты учися на дутки играти,
Штобы мы не хотѣли, да и ты, дрѣмати.

ЯВЛЕНИЕ 3

Аггелъ къ пастыремъ; убоятся.

Радость, о пастырие, от мене приймѣте
И не ужасайтеся, но словамъ внемлете.
Радость нынѣ велия мирови явися:
Спасъ человѣческому роду родися
От пренепорочныя Марии Дѣвицы,
Небесныхъ купно земныхъ жителей Царицы.
Близ града Вифлиема в вертепе[1] глубоком,

---

[1] в пещере.

Между волом и ослом, на месте высокомъ,
В яслехъ на остромъ сѣне, пеленами ввитый[1],
Нищъ лежит всего мира Царь презнаменитый.
Тамъ убо веселыма ногама идѣте,
Достойную ему честь и поклонъ дадѣте.

Борисъ

Осударь! Кто ты таковъ? Ты княжего рода?
Чаю, что князь твой отецъ или воевода.

Аггелъ

Азъ есмь архаггелъ не от земна рода,
Но от небесныхъ ликовъ[2] воевода.
Неприступну престолу Бога услугую
И тайны того миру азъ благовѣствую.
Еже и вамъ вѣщаю, от его посланный:
Тому поклонъ да будетъ от вас нынѣ данный.

Аврамъ

Чаю, тебѣ, государь, к князямъ послали,
Штоб они великому Царю поклонъ дали,
Не к намъ, нищимъ постухамъ, гето ты заблудил
Или не вслухал. Вѣстник к нам таки не ходил.

Аггелъ

Аще и Царь есть царемъ, нынѣ же смиренный,
Волею между скоты в стаи[3] положенный.
Нищету возлюбивый, вас, нищих, взывает,
Пастырь сый всемъ пастыремъ, вас, пастырей, чает.

Борисъ

Осударь! Надобно ли што в поклон понести,
Штоб не велел, якъ нашъ князь, у шею вон вести?

Аггелъ

Господь вашъ и Богъ благих ваших не требует,
Не хощет себѣ даров, но онъ да дарствует.
Чисто сердце за дары тому принесете,
Вѣру, надѣжду, любовъ ему предложете.
Глаголанная мною скоро сотворѣте,
Азъ буду невидимъ, вы в вертепъ идѣте.

---

[1] обвитый, спеленутый; [2] здесь: полков; [3] в хлеву.

Борисъ

Што же такъ итти худо? Ходѣмъ, украсѣмся,
В чулки, лапти новые пойдиомъ приберемся.
Афоня! Позабирай калачи и вино,
Да и ты приберися; пойдиомъ всѣ заодно.

Пѣние

Аггелъ пастырем вѣстилъ:*
Христосъ ся вамъ днесь родилъ
В Вифлѣемѣ, градѣ Давидовом,
В колѣнѣ Иудовомъ
От Дѣвы Марии.

Хотяще знать извѣстно,
Еже имъ благовѣстно,
В Вифлеемъ скоро пошли,
Отроча в яслѣхъ знашли,
Матерь с Ыосифом.

То дивное Рождество
Не изречетъ вѣтѣйство[1].
Зачала Дѣва сына в чистотѣ
И родила в цѣлостѣ
Дѣвства своего.

ЯВЛЕНИЕ 4

Пастырие пришли к вертепу

Борисъ

Постойте же вы здѣся, я посмотрю пойду,
Есть ли в яслѣхъ реченный, и знова к вам приду.
Есть, братцы, есть, и не спит, и матушка седитъ.
Аггели поютъ, и стар Иосифъ тамъ стоит.
Ходѣмъ, я скажу: «Здравствуй»; ты рцы: «Милость пошли»,
А ты скажи: «Прости нас, што ни с чим здѣ пришли».

[1] красноречие.

Авраамъ

Тихонько *же* отопри. Не спит ли рожденный?
Не замай — спитъ, штоб не был нами возбужденный.

Пѣние в вертепѣ

Нынѣ весь миръ да играетъ:
Дѣвая Христа раждаетъ,
Младенца, первенца,
Небеснаго облюбенца[1].
Во вертепѣ днесь раждаеть
И во яслѣхъ полагаетъ.
Иисусъ Христа, Бога иста
Повивает Дѣва чиста.

Борисъ (поклоняется)

Здравствуй, о Спасителю, намъ нынѣ рожденный,
Самоволно во яслѣхъ смиренъ положенный!
И подушечки нѣту, одѣялца нѣту,
Чимъ бы тебѣ нашему согрѣтися свѣту!
На небѣ, якъ сказуют, в тебѣ полатъ много.
А здѣзь што в вертепишку лежиши убого,
В яслѣхъ на остром сѣне, между буи скоты,
Нища себе сотворивъ, всѣмъ даяй щедроты?
Ето намъ, деревенскимъ, здѣ лежать прилично,
А тебѣ, Спасителю, етакъ необычно.
Но понеже извольнѣ[2] такъ себе смиряешъ,
Царь царемъ сый, нищету толику примаеш,
Буди благословѣнный, Боже, во вѣки вѣков,
Возлюбивый нас, грѣшныхъ тако человѣков!
И паки реку: буди Богъ благословенный,
На спасение миру всему нарожденный!
И ты, того рождшая, будь благословенна,
Мати Бога и Дѣва во вѣкъ прославленна!
Ты, кормилецъ старенкий, буди же хвалимый,
От негоже Отрокъ здѣ положенъ хранимый!
За лучшое привѣтство на нас ни дивѣте,
Пастухамъ деревенским, молимся, простѣте.

---

[1] жениха; [2] добровольно, по своей воле.

Аврамъ

И азъ ти кланяюся, Боже воплощенный,
Да нас возвеселиши, в плоти умаленный!
Плачеши, здѣ лежащий за грѣхи Адама,
Обрадуй же плачуща и мене, Аврама,
Дай благословение всѣмъ намъ, Бога чадо,
Спаси наше, еже мы в полѣ пасем, стадо!
Спаси и домы наша и в нихъ всѣхъ живущих,
Помилуй и нас, нищихъ, здѣ при тебѣ сущих!
Мы тя хвалим и хвалить будем по вся годы,
Да хвалят тя, Спасе нашъ, во вѣки вся роды!
И тебе, Бога Мати, главу преклоняю,
Тебѣ, святый Осипе, челом ударяю;
Помолитеся за нас къ воплощенному Богу,
Да подастъ намъ в свояси щасливу дорогу.

Афоня

Напослѣдокъ и я, нищъ, к тебѣ припадаю,
Боже, намъ нарожденный, и тя величаю.
Буди благословенный, Боже нашъ, во вѣки,
Яко еси возлюбилъ тако человѣки!
Оставивши на небѣ златыя полаты,
Изволил еси пожить здѣ между быдляты[1].
На одном сѣнцы лежишъ, якъ какой сирота,
Всѣхъ одѣваешъ, а тя окрывает нагота.
Подобало б, дабы мы чимъ тя подарили,
Послали б што мяконько или чимъ покрыли.
Но прости — нищи есмы, имамы ничтоже,
Прости ны, милостивый и всещедрый Боже!
Прости и благослови и ты, Мати Богу,
И ты, святый Осипе, за милость премногу!
Идѣмо восвояси, насъ благословѣте.

Всѣ

В путь идущим и дома сущим помозѣте!

Пастырие людем возвѣщают

Радуйтеся, людие! Родися Спаситель,
Истинный всего мира Богъ и Откупитель.
Мы тому самовидцы[2], своим зрѣли окомъ

[1] домашний скот; [2] свидетели, очевидцы.

При градѣ Вифлеемѣ, в вертепе глубокомъ.
Лежитъ в яслѣхъ на сѣнѣ отрочок маленький,
Тамъ и матушка его и Осипъ старенький.
Мы имъ поклонилися да домой ступаемъ,
А што тамъ видѣли, всѣмъ вам возвѣщаем.
Здравствуйте, радуйтеся, веселы ликуйте,
А Христа рожденнаго всѣ купно празднуйте!

ЯВЛЕНИЕ 5

Любопытство звѣздочетское

Что в течении круговъ вышних ся являет
Новаго, яко умъ мой недоумѣвает?
Вѣмъ о моем искуствѣ, имже не хвалюся:
Мѣсто содий[1], звѣздъ рещи не мало сумнюся.
Полудня кругъ на месте зовом Анстаритос,*
Блюдет своего мѣста полунощный Вритос,
Овенъ станет на востокъ, солнце в онь вселится*
И течение начнетъ, Юнецъ удалится;
Близнята, Ракъ, Левъ, Дѣва полудне[2] обыймут,
Вѣсъ, Скорпий, Стрѣлецъ, Козлищъ полунощчи[3] приймут,
Скудель, воду лиющи, к сим же прилучится,
Двойство Рыб водолюбныхъ при нем ся явится.
Поллюксъ стоит, Кастору свѣтла[4] одѣляющъ,
Блещит от него Кастор, свѣтло заимающъ.
Звѣзда морска, нав*к*лером[5] являющи пути,*
Цѣнозура не может с мѣста ся двигнути.
Вижду же в своем чину дождевныи Гиады,
Являющии су*ш*у такожде Плеады.
Сихъ быти неразличныхъ азъ да созерцаю,
Имена ихъ подробну сице нарицаю:
Сия под седми на два раздѣленныи чины,
Являющии сушу и дожда пучины.
Пасифо, Пифо, Тихе, Евдор, Авросиа,
Коронисъ и Плексаврис — дождевны суть сия;
Електра, Алкиона, Мая, Астеропе,
Келена, Та*йгене*та и неиста[6] Меропе* —
Сиа вторы*х* седмица су*ш*у изъявляетъ.

[1] созвездий зодиака; [2] юг; [3] север; [4] свет; [5] морякам; [6] здесь: невидимая.

Всѣхъ звѣздъ мой умъ течении, чин и силу знает.
Но не вѣм, что звѣзду нынѣ вижду нову,
Не на обычном мѣстѣ. [1]Мню ю неистову[1]:
Всяка звѣзда на твердѣ небесномъ сияет,
Сиа между облаки себе водворяетъ,
Блещитъ несоравненно над всѣхъ звѣздъ свѣтила,
Не можетъ умъ пояти, что есть в ней за сила:
Что болѣе в полунощъ всѣ звезды змѣряют[2],
Ея луча в полудне себе исправляютъ.
О, кто бы ми повѣдалъ, что есть в ней за сила?
Иду, гдѣ Валаама* мудраго могила.
Воспряни, Волааме! Гроб ти открываю.
Что се звѣзда нова? — повѣждь ми, желаю.
Ты аще *т*ѣломъ сложенъ в гробѣ почиваеш,
Но между звѣздочетцы искуством сияешъ.

Валаамъ

Что умъ свой любопытством всуе утруждаеш,
Валаама же словесъ не воспоминаешъ?
Не вѣси, яко еще во Арави сущи,
Пророкохъ о сей звѣздѣ, сице глаголющи:
«Егда всѣхъ последнѣйшо вѣков время придет,
Тогда от Иакова нова звѣзда взыдет».

Любопытство

Что же есть в ней за сила? Нѣт в ней звѣздна чина,
Ниже когда явится звѣзда такъ едина
Ближае всѣхъ от земли, навыше облакъ ходит,
И не к западу себе, но къ югу приводитъ.

Валаамъ

Создатель всѣхъ звѣзд, луны и свѣтлаго Феба,
Строитель всемощнейший пространнаго неба,
Иже прежде денница из Отца родися,
В часѣ здѣ рожденъ, сею звѣздою явися.
На полуденну страну звѣзда та простует[3],
Хотящъ правду увѣдать, ей да послѣдует,
Обращетъ Иакова сѣмя тамъ блаженно,
От него же родися Слово воплощенно.

[1—1] Считаю ее не настоящей; [2] направляются; [3] направляется.

Той будетъ [1]мѣти область[1] над всю подсолнечну,
Распрострет свою славу во вѣкъ безконечну.

Любопытство

Вѣрую, Валааме, словесамъ ти истым,
Но хощю еще оком зрѣть ми прозорчистым[2];
Сице мене мнѣние увѣщаетъ духа,
Яко зрѣние лучше вѣритъ паче слуха.
Иду, волхвовъ за тою звѣздою исправлю,
Да увѣдятъ истинну, тамо ихъ поставлю.
Тебѣ же за искуство азъ честь воздаваю.
Почивай с миром! Гроб ти честно затворяю.

ЯВЛЕНИЕ 6

Ирод с велможи

Иродъ

на престолѣ сѣдяй глаголетъ

Непреодолѣнныи мужие и мудри,
В бранѣхъ, совѣтехъ, словѣхъ вашихъ богомудри,
Державы моей столпы непоколебимы,
Дражайшие бисеры моей диадимы!
Четверовластный скипетръ* под солнцемъ сияет,
Егоже ваша храбрость в мирѣ распространяет.
Десница ваша мою умножаетъ славу,
Яко никогда кому преклоняю главу.
Сердца ваша моему сердцу сопряженныи
Такъ в мирѣ, яко егда на брань вълруженныи.
Сего ради сердце ми радуется зѣло,
Яко вас едънодушныхъ себѣ приобрѣло.
Но яко любовѣ вашой возблагодарствую?
Киимъ вас саном и мздою за то ударствую[3]?
На коемъ кедрѣ вашу начертаю славу?
Коимъ дафном[4] премудру вѣнчаю вамъ главу?
Кто сановъ, кто богатства от мене желает,
Обогащу и почту, токмо да вѣщаетъ.

[1—1] иметь власть; [2] прозорливым; [3] отблагодарю, воздам; [4] лавром.

Сенаторъ 1

Четверовластны земли юдской[1] господине!
Свѣтило очес нашихъ ты еси едине;
Мзда наша и богатство, наша то и слава,
Егда благополучна видим тя и здрава.
Довлѣет нам любовъ ти, иже нас, нижайших,
Насыщаешъ монаршихъ словес ти сладчайших.

Сенаторъ 2

Добрѣ нѣкто от мудрецов сице повѣдает,
Яко кротость то творит, что сила не знает.
Влагаешъ на нас узы сладкиа, монархо!
Владѣй убо, здравствуй, крѣпчай*ши*й тетрархо!
Торжествуй над врагами! Мы же неотступно
Вѣрно пособствовати будем тебѣ купно.

Сенаторъ 3

Радуйся, о преславный царю, во вся роды!
Прославляйся во вѣки вѣков и вся годы,
Не подаждь дремания мечу изощренну,
Да имѣешъ вселенну тебѣ покоренну.

Сенаторъ 4

Спряглъ еси любовию намъ сердца к своему.
Златым узомъ[2] Фортуна престолу твоему
Да припряжется[3]! Буди ты побѣдоносный,
Долголѣтно носящи венецъ свѣтоносный!

Иродъ

Благодаренъ привѣтства и любви вашой,
Не отпадутъ от мысли долго сия нашой.
Радость нынѣ к радости моей приложися,
Веселися, Ироде, нынѣ веселися!
Пѣвцы! Сладкиа гласы в устахъ растворѣте,
Господина своего пѣснми веселете!
Вели, да медоточнѣ поють немедленно.

Отрокъ 1

Воскорѣ господина творю повелѣнно.

---

[1] иудейской; [2] цепью; [3] прикрепится.

Пѣние

Апполлио! Музы! Сѣмо воспѣшѣте,
Сладкиа пѣсни с нами воскликнѣте!
Да веселится велегласный Иродъ,
Да торжествуетъ отселѣ в род и род!

Иродъ

Гряди, вели что ино воспѣти любезно.

Отрокъ 2

Вскорѣ ушесамъ вашим воспоют полезно.

Пѣние

Ио! Ио! Восклицайте!
Ирода увеселяйте!
Воскликнѣте сладки гласы,
златые бо имать часы.
А Ионе, бий у струны!*
Направо, коло Фортуны,
Направо точится пильно[1]
и будет такъ неомыльно[2].

Посланникъ от триехъ царей

Поклоненна восточна тебѣ дал трое царь:*
Мелхиоръ стара, Гаспар, третьяя Валтасар.
Волил царь новый Юды в земля твой родити,
Они схотѣли ему дары понести:
Ливанъ[3] одна, друга смирнъ[4], а третяя злато.
Просимъ тебѣ, ты не зволь оскорбити за то.
Твою землю Вифлеем пошол поклонился
Нову царю юдейску, да дом воротился.
То моя господина у тебе желае,
Да твоя путешество имъ вольно дае.

Иродъ

Что новаго посланникъ сей наю[5] приносит?
Мира ли, или брани, или чего просить?

---

[1] скоро, усердно; [2] безошибочно (здесь: всегда); [3] Ладан; [4] мирро (ароматическая смола); [5] нам.

Сенаторъ 1

Сего послаша сѣмо восточны три цары,
[1]Дабы мѣли[1] путь вольный со драгими дары,
Чрезъ землю ти идуще со многими труды
Поклон дати коему не вѣмъ царю Юды.

Иродъ

И кто есть царь юдейский, еще мне живущу?
И кто скипетръ обыйметъ ту в десниц*ы* сущу?
Азъ есмь царь и властелин, кромѣ мя никтоже.
Кто ми треок*а*янный соцарствовать може?
Ты же, глупче, приносишь вѣсть о царю Юды
Кую? Се тя, извлекъ мечь, разсѣку на уды.

Посланникъ

Воля твой, царю Юда, голова рубати.
Я невинна — мой цар здѣ схотѣл мя послати.

Сенаторъ 2

Не изволь умертвити, монархо, посланна,
Не от его бо воли сия содѣянна.
Господие послаша того к твоей власти,
Да имъ бы путь был мирен и кромѣ[2] напасти.

Иродъ

Како путь миренъ дамъ имъ? Не буд*у*т без борбы,
Иже ми нанесоша нечаянной[3] скорби.

Сенаторъ 2

Скорбь сия кая есть скорбь? Пусти его в мири,
Да и тыхъ увѣщаетъ в исто*й* к тебѣ вѣры.
Рцы, да царя новаго честно привитаютъ,
Привитствовавшы, тебе о нем возвѣщают,
Или тамо идуще, здѣ изволят быти.
Вемъ, яко и сам схоще*ш* от них вопросити:
Гдѣ рождейся? Потом самъ схоще*ш* привитати,
О привѣтствии же [4]не лѣть[4] теперь глаголати.

[1—1] Чтобы получить; [2] без; [3] неожиданной; [4—4] ни к чему.

Иродъ

Вс*тань* и гряди к господамъ, глаголи же тако,
Яко о ихъ шествии радуюся всяко,
Да изволят идуще мене посѣтити,
Молю; радъ и что от нихъ вопросити.
Гдѣ узнали рожденна, и азъ хощу знати,
Яко они, подобный тому поклон дати.

Посланникъ

Добро. Моя рада, что здорова ходила,
Больше того не буду кому говорила.

Иродъ

Вѣрные ми велможи! Предлежит нам дѣло,
Еже ми нынѣ радость на скорбь претворѣло.
Подобаетъ увѣдать, кий то нарожденный
Новый царь на престол мой будет посаженный:
От моея ли крове или прежде бывшихъ
Монаршихъ наслѣдниковъ, себе утаивших?
Но ближайший [1]наслѣдникъ Ирканъ фрону бывый[1]
Не встанетъ, мечем моим главу положивый.
Такожде Аристовулъ, внукъ его любимый,
Не востанетъ, на престол праотцемъ садимый.
И кто оста *таковый,* фронъ мой наслѣдствуяй,
Усмотрѣте разсуднѣ, всякъ гадательствуяй.

Сенаторъ 1

Превеликий монархо! Всуе умъ смущати
Не требе, ниже пословъ в страны посылати:
О немъ ти восточные принесутъ вѣсть цары,
Гдѣ обрящутъ и дадут нову царю дары.

Сенаторъ 2

О сем дѣло настоитъ[2]: егда волсви[3] приидут,
Без согласиа от тя всѣ да не изыйдутъ.
Рцы, да тебѣ возвѣстят о царю рожденном,
От нихъ привѣтствованном и дарми почтенном.
Таже и ты обѣщай ему дары дати,
А втайнѣ[4] оружия вели готовати.

[1]—[1] бывший наследник трона Иркан; [2] заключается; [3] волхвы; [4] тайно.

Поклоним ти под нозѣ его выю горду,
Вели быти готову мечу и оскорду[1].

Иродъ

Аще же не восхощут о немъ дати вѣсти,
Кто намъ можетъ о цари рожденном повѣсти?

Сенаторъ 3

И какъ не изволят, в рукахъ твоих суще?
Не могутъ тя минути, вѣсти не несуще.

Сенаторъ 4

Да мысль ти, о монархо, свободна пребудет,
Вели, да на ихъ пути крѣпкая стражъ будет:
Аще къ царю тещи имут, вели удержати,
Аще же воспять пойдут, вели здѣ предстати.

Иродъ

Добри вои! На стражи будите не спящи,
Всѣхъ путемъ шествующих опасно[2] хранящи,
Наипаче егда цари пойдутъ от Востока
Рожденнаго на царство почтити отрока.
Тѣмъ бѣз сумнѣния ихъ скоро удержѣте
И к престолу моему сѣмо приведѣте.
Мы же на мало время в своя си отъидемъ,
Таже в время обычно паки сѣмо придем.

Вои

Съ охотою, монархо, творимъ повелѣнна.
На время та завѣса буди закровенна[3]!
Стоимо жъ и сохраняймо нам заповѣданна:
Не хотѣмъ царя наша быти поруганна.

ЯВЛЕНИЕ 7

Царей, идущихъ посредине, стража удержаетъ

Стражъ 1

Господие! Молимъ васъ, зволте мало стати,
Царю Ироду о васъ требѣ докладати,

---

[1] секира; [2] бдительно; [3] закрыта.

В нынешнее бо время Юдея смутися,
Аки бо царь си новый нѣкий народися.

Царь 1

Творимъ царя вашего наю повеленно.
Изволте доложити, молимъ, немедленно.

Стражъ 2

Се иду и возвещу монарсе воскоре.
Изволте помедлити мало при семъ дворѣ.

Сенатор 1

Господинъ нашъ, царь Иродъ, любезно желаетъ
У престола своего васъ да созерцаетъ.

Сенаторъ 2

Гости вожделѣнныя! Зволте посетити
Монарху лицемъ вашимъ и увеселити;
З охотою чекаетъ[1] и радостно прииметь,
Яко друговъ любезныхъ любовно обымет.

Царь 1

З охотою на двор царскъ рады поступаемъ,
Лице его пресвѣтло узрѣти желаемъ.

Царь 1

(къ Ироду глаголетъ)

Преславнѣйший монархо Иудейския страны,
Саномъ царства почтенный над всѣх царей саны!
Здравствуй благополученъ лѣта безъчисленна!
Всякаго супостата имѣй покоренна!

Царь 2

Доколе Фебъ не станет в бегу златополучный,
Дотоль царь юдейский будет благополучный.

Царь 3

Четверовластный скипетръ четыре мира части
Скоро твоей господъской да покорит власти!
Се и мы главы наша тебѣ покаряемъ,

[1] ожидает.

Единыя свободы точию желаемъ,
Да даси намъ путь миренъ безъ всяка порока
Посетити новаго рожденна отрока.

Иродъ

Радуюся, яко васъ здравыхъ созерцаю,
За привѣтъство равные слова воздаваю.
По трудѣхъ путьшествия изволте почити,
Хощу нѣчто ко любве вашой предложити:
Коимъ случаемъ всѣ три, не зъ едныя страны,
В едно намѣрение и путь сей собранныи?

Царь 1

Мы трое равны есмы въ учении значномъ[1],
В звездочетствѣ. Но егда на небѣ презрачном
Увидимъ что ново и не можемъ пояти
Всякъ своимъ умомъ, звыкли въ едино збирати.
Пред деветмя мѣсецами узрѣхомъ на небе
Нову звезду — о томъ намъ сбратися[2] было требѣ, —
Яже *не на не*бесехъ была утвержденна,
Но въ облацехъ надъ небо пречюдно явленна
И, якъ звездамъ обычно, не в запад течаше,
Но противу естества на югъ та идяше.
Ту звѣзду разсуждая, надолзе[3] пребыхомъ,
Многих волхвовъ искусных в память приводихомъ.
Егда же помянухомъ славна Валаама,
Имже та пророчеся звезда *е*ще здавна:
«От Иякова, — рече, — звезда возъсияетъ»;
Ерифрея сивилла то же провещаетъ:
«Таже от Израиля востанетъ человѣкъ
Славенъ, честенъ и премудръ, вожделѣнный от вѣкъ,
Тому вся земля имать быти покоренна,
Того царя познаетъ надъ всѣх прославленна».
К тому, звездѣ ведущой, и мы путьшествуем
Да поклономъ и дарми того почествуемъ[4].

Иродъ

И гдѣ есть она звезда, по нейже идосте?
Дадите ми ю зрѣти, о нейже рекосте.

---

[1] важном, значительном; [2] собраться; [3] долго; [4] воздадим честь.

Царь 2

По той звѣздѣ идуще, егда здѣ приспѣхомъ,
Абие бысть, аки бы никогда видехомъ —
Скрыся и оттоле наю не есть зрима,
Не вѣмы, или будетъ паки намъ видима.

Иродъ

Кия дары хощете тому царю дати?
Молю, возвестите ми, и азъ хощу знати.

Царь 1

Азъ злато.

Царь 2

Аз же ливанъ.

Царь 3

Аз приношу смирну:

Сия дары прилична суть царю всемирну.

Иродъ

По-премногу, о друзи, мнѣ ся возлюбисте
За честь, юже толику царю сотвористе.
Хотѣлъ быхъ привѣтствовать с вами царя нова,
Но дарствия моя ту еще не готова.
Молю, гдѣ обрящете, и мнѣ возвестите,
Вѣстию мене о немъ, молю, ввеселите.
Мѣю сребра и злата, камене добуду;
Витати царя нова, сколь мнѣ мощно, буду.

Царь 1

Благослови ны, царю, во путь намиренный[1],
Ты же здравъ живи сѣмо, миренъ, надаренный!

Иродъ

За посещение вамъ благодарю зело,
Землю ми июдейску проходите смѣло.
Егоже желаете, царя посѣтите,
Азъ паки желаю, мнѣ о немъ возвестите.

[1] назначенный.

Царь 1

к рожденному глаголетъ

От чиста злата в небе имѣя полаты
И градъ святый, емуже блещатъ стѣны златы,
На драгихъ каменияхъ красно основанны,
Тебѣ в вѣчно жилище, Боже, зготованны, —
Ты же почто оставилъ красоту толику
И восприялъ еси ты нищету велику?
Надъ всѣхъ царей честнѣйший, такъ себѣ смиряеш,
Егда между скотами тебѣ водворяешь!
Порфиры и мяхкия одежды даръствуешь
Людемъ, а на твердейшомъ самъ сѣнѣ бѣдствуешь.
Солнца огня теплоту даешъ твоей твари,
Грѣешь землю бездушну воздушными пары, —
Самъ в глубокомъ вертепѣ себѣ на хлад давы,
Аки надъ всего мира нищихъ обнищавы!
Прийми убо малую от мене часть злата,
Прийми, дражайший злата, злато от мя, блата!
Не придохъ, — не могу бо, — тя обогатити,
Вся в руку имущаго, но токмо вручити.
Прийми, а мя помилуй, Боже милосердый!
Паки реку: помилуй, Боже милосердый!

Царь 2

Азъ предъ тобою, Боже, тощъ да не явлюся, —
Ливанъ от мене прийми, смиренно молюся.
Вѣмъ, яко ты Богъ еси безсмѣртный, нетлѣнный,
Безбоязненный, во вѣкъ сущий неизменный,
Человѣка, чрезъ змия в раи поврежденна,
Пришелъ еси целити и живить мертвенна,
Но не инакъ, точию чрезъ смерти и раны
Целба, жизнь человѣку паки будутъ даны.
Врачю душамъ и тѣламъ! Ливанъ ти приличенъ,
Плотию смертенъ сущий, божеством же вѣченъ!
Прийми врачевания знакъ — ливанъ, молюся,
Ино что болшо нѣсть ми, тѣмъ да умилюся.
Твоимъ даромъ никаковъ даръ будетъ сравненный,
За великъ от мя прийми сей дар умаленный.
Пребогаты, преславный надъ всѣ человѣки,
Буди благословенный, Боже, во вся вѣки!

Царь 3

Вѣчный Боже, на земли нынѣ воплощенный,
От вѣка Богъ, под лѣты человѣкъ рожденный!
Кую ти азъ дамъ титлу яко человѣку,
Иже царемъ и княземъ даешь титлы з вѣку?
Царь, иже тебѣ злато за дар приношаше,
Царя тя быти миру прообразоваше;
Вторый, иже принесе тебѣ ароматы,
Врачемъ душъ и тѣлъ дерзнулъ тебѣ нарицати.
Азъ тя архиереемъ, Боже, нарицаю,
Яко архиерею, смирну предлагаю.
Вже бо не смрадна повелиш пасити,
Но со кадиломъ смирну тебѣ приносити.
Проженешь[1] сѣнь ветхую, егда тя на жертву
Богу Отцу принесешь за тварь твою мертву.
Архиерею, за весь миръ молящи Бога!
Да будетъ твоя милость и на нас премнога!
Благослови отъити во страны своя здравымъ,
Путемъ благополучнымъ, веселымъ и правымъ.

Вси три

Удаляемся тѣломъ, духомъ же с тобою
Хощемъ быти, ты насъ имѣй со собою.
Подобаетъ намъ инымъ путемъ шествовати,
Да не зволимъ Ироду о семъ возвещати,
Да коварен сый царя не убиетъ,
Крови невинной всуе да не излиетъ.

Пѣние

Весь миръ ныне веселися, веселися,
Христосъ Спаситель родися;
(дважды).
Пришли к нему трие цары, трие цары,
Поклонъ дають, кладутъ дары;
(дважды).
Ливанъ, смирну, купно злато, купно злато,
З различныхъ странъ дар той взято;
(дважды).
Мы же ему сердце даймо, сердце даймо,
Чистымъ сердцемъ величаймо.

---

[1] Прогонишь.

ЯВЛЕНИЕ 8

Иродъ

Ест ли возвещение о царѣхъ прешедшихъ?
Что ми не есть вѣдомо о ихъ мимошедших?

Сенаторъ 1

Изволишъ, о монархо, стражемъ здѣ предстати?
Аще прешли или ни, изволь вопрошати.

Сенаторъ 4

Стражие! Монаршему лицу предъстанете,
О чесомъ васъ вопросит, отвѣты дадѣте.

Сенаторъ 3

Царей прешедшихъ аще вспять шедших видесте?
Почто неудержанныхъ наю[1] не повѣсте?

Стражь 1

Никако не явися ни единъ идущи,
Азъ бо бѣхъ неусыпно стражбу ми стрегущи.

Стражь 2

Како бы не дерзнули мы ихъ удержати?
И какъ быхомъ не дерзнули вам возвещати?

Сенаторъ 2

Измѣна есть, о царю! Инъ путь возлюбили,
Дабы о нарожденномъ ти не возвестили.
Прелестники[2] сущие тя, царю, прельстиша,
Слово свое царское волшебно сломиша.

Иродъ

И тако цармп званныи царски хранят слово!
Сердце ихъ царьми звати мое не готово.
Не мудрецы, — глупцы, всякъ не брат, но измѣнникъ;
Не хотѣлъ ми быть другом, всякъ будет же плѣнник.
Но прежде настоящо дѣло совершемо:
Гдѣ есть новъ царь рождейся, умомъ поищемо.

---

[1] нам; [2] Обманщики.

Сенаторъ 1

Четверовластный царю! Аз мыслих надолзе
Кроме иныхъ замысловъ что бы к твоей пользе,
Но не успѣ*хъ* того, бо не увѣда*хъ* мѣста,
Кая того царя нова гдѣ роди невѣста[1].
Вели убо рабиномъ прийти премудрѣйшимъ,
От книжниковъ еврейскихъ много искуснѣйшимь,
Негли[2] кое в книгахъ чтуще здѣ пророцство[3],
Обрящутъ того царя новаго намъ сродство.

Сенаторъ 4

Не противу глаголю словеси твоему,
Но аще и младому, умови моему
Тако мнится, яко мечь во Июдеи спорѣ[4]
Простерши, изыщемо нова царя вскоре.

Сенаторъ 2

Добръ твой совѣтъ, обаче мощно испросити
От книжниковъ, потом же сие сотворити.

Иродъ

Добрѣ. Два ми воскоре пригласи рабина
Здѣ с книгами; именемъ вели господина.

Парень

З охотою, монархо, иду по нихъ скоро,
Лицу ти пречестному здѣ представлю скоро.

Иродъ

Мы же чрезъ сие времяна да не празнословимъ,
Помысльмо[5], како того наступцу[6] уловим?
Добрѣ здѣ пришли есте,
(пришедшим рабиномъ)
друзи возлюбленны,
Изрядно в Писании всякомъ изученны!

Рабинъ 1

Здравъствуеш ли? Что слышно добраго, монархо?
Что тя видимъ прискорбна, великий тетрархо?

---

[1] женщина; [2] Может быть; [3] пророчество; [4] споро, быстро; [5] Давайте подумаем; [6] обидчик (также: преемник).

Иродъ

Сего ради вас призвахъ, да усть ваших сладость
Горку ми скорбь претворит на сладкую радость.
Едва нѣкий царь новый въ Юдеи родися,
И уже по вселенной вездѣ сый прослыся.
Нѣцы от востока шедше трие цари,
Мой престолъ поругавше, тому даша дары.
О немъ ми возвестите: гдѣ и ест ли тако
Или ни, да скорбь мою отъимите всяко.

Рабинъ 1

Монархо! Аще мене послушать возможно,
Азъ тебѣ от талмутов исповѣмъ неложно.
О рожденномъ отроку глаголать начну ти,
Токмо не прогнѣвайся, смирно ся молю ти.
Написалъ Исайя пророкъ у талмуты,
Яко мѣлъ[1] родитися от колѣна Июды
З дому Давида, в главѣ такъ седмой вещаше,
Егда царю Ахазу собесѣдоваше:
«Се Дѣва во чреве прийметъ, родитъ сына,
Емъмануилъ наречетъ. Тая того вина[2]:
Престол Давида отца — его престол будетъ,
Царству же его конца во вѣки не будетъ».
И Соломонъ премудрый таже глаголаша,
Яко то в сие время быти имѣяше,
Написал: «Родится мужь в июдейской странѣ,
Иже праотцевъ спасетъ [3]з пекелной отхлани»[3].
Иеремия в главѣ третей его чаетъ,
От сѣмѣни Ияковля изыти вещаетъ:
«На земли явися и живетъ с человѣки,
Невидимы знанъ будетъ между человѣки».
Еще Валаамъ мудрый, аще жилъ безбожно,
О немъ силою Бога прорече неложно:
«От сѣмени Ияковля прийдетъ муж великий
И будетъ обладати надъ всѣми языки».

Иродъ

Добре. Еще же молю, аще [4]убо вѣста[4]:
Гдѣ рожденъ есть? В Писании по*и*щѣте мѣста.

[1] должен; [2] причина; [3—3] из адской пропасти; [4—4] вы оба знаете.

Рабинъ 2

Монархо! От мене ты слушай того мѣста,
Гдѣ такого отрока родила невѣста.
Мѣсто его Михѣя пророкъ изъявляетъ,
Иже во главѣ пятой сице повѣдаетъ:
«Ты, Вифлиемъ, не менши во владыках Июды,
С тебѣ изыде пасы[1] Израиля люди»,
Отколь дается знати, яко в Вифлиема
Собышася Михѣемъ сия глаголема.
В Вифлиеме родися, а в коем же мѣсте,
Втайне о немъ Аввакумъ сице дает вѣсти.
Тако от Аввакума бѣ прорекованный:
«Посреди двохъ животных будеш познанный».

Иродъ

И тако ми ушеса словы насладисте?
Лучше бы, дабы тако здѣ не приходисте!
Мнѣх, яко в моемъ радость сотвористе сердцы,
Вы в слезахъ, аки люты тописте мордерцы[2].
Не хощу васъ, идѣте з очесъ моихъ вскорѣ,
Да не зрю васъ никогда на мона*р*шем дворѣ.

Иродъ

Егда ли обрящется власть гдѣ-сь[3] превысока,
Бы по малой радости слезного потока
Не вкусила. Ах! Слезъ токъ виссонъ омочает!
Зрящу на скипетръ, болѣзнь сердце ми пронзаетъ:
Коликимъ величествомъ отвнѣ увенчанный,
Толикимъ внутрь жалости узом окованный!
Тридесятъ седмь лѣтъ саном царства бѣх почтенный,
Ныне же внезапу буду извлеченный!
Извлеку прежде мечь мой на завистну вью,
Иже хощетъ отъяти диадиму сию.
Будешъ, будешъ первее в подъземленномъ долѣ,
Нежели на юдестемъ седящи престолѣ!
Восхоще*ш* избегнути? Но не буде время,
Н*е* злату диадиму узъ понесешь бремя:
Хотящь в благих оплывать на Ирода фронѣ,
Поплывешь и утонешь в крови своей тонѣ[4].

---

[1] пасущий; [2] убийцы; [3] где-либо; [4] омуте.

Сенаторъ 1

Престани, о монархо, о семъ сѣтовати,
Хощу нѣчто полѣзно ти совѣтовати:
Вели вождя призвати со силными вои,
Со всякимъ оружиемъ и крѣпкими зброи[1].
Тых в Вифлиемску зволишь землю отпустити,
Поволишь всѣхъ отрочат на главу[2] избити.
Между тѣми наступцу[3] твоего убиютъ,
Твоя же мысль и сердце в радости почиют.

Иродъ

Добре глаголешь. Гряди, пригласи ми воя,
Да придутъ въоруженныи ко мнѣ не без строя.

Парень

Господина моего творю повеленно,
Шедши, воя приведу сѣмо немедлѣнно.

Сенаторъ 1

Двоюлѣтныхъ повели бить отрокъ нещадно,
Хотящ*у* наслѣдити[4] не будет отрадно.

Вождь 1

На повелѣние ти приидохъ готовый,
Имамы творить дѣломъ, еже речеши словы.

Вождь 2

Что повелиши, царю, тое будет дѣломъ;
Желаемъ ти работать душею и тѣломъ.

Иродъ

Хощу, да будутъ ваши мечи обнаженныи
И серца ко моему серцу сопряженныи.
Мечи, [5]в купу[5] сложивше, да всякъ лобызает,
Аще ми будетъ вѣренъ, симъ да освещает.
Еще же крове нашой, смешавше, вкусѣмо.
Юнче! Гряди воскорѣ, чашу подаждь сѣмо.
Се азъ в первыхъ источу[6], ты же твори тако
И ты, да и во бранѣхъ будетъ вамъ еднако.

[1] доспехами; [2] полностью; [3] наследника; [4] унаследовать; [5—5] в кучу; [6] пущу (кровь).

Вождь 1

Готовы, зри, не токмо з рукъ кровь источити,
Но и главъ не пощадѣмъ за тя положити.

Иродъ

Пи*й*мо, се глаголющи: «Буди в храбрость нашу!
Новъ же царь да испиетъ *от* нас смертну чашу».

Вождь 1

Благополученъ всегда да долгоденъствуешь!

Вождь 2

И надъ царемъ новымъ здравъ да долгоденствуеш!

(пиют)

Иродъ

Ныне убо десницу крѣпко вооружите,
В Вифлиема предѣлы скорѣе бежете.
Будите без милости, будите жестоки,
Изби*й*те двоюлѣтны и вящше[1] отроки,
Да межды тыми новый царь убиен будет,
Моя же вѣчна слава в целости пребудет.

Вождь

Готовы дѣломъ сия исполнити,
Ты же, монархо, зволь благословити.

Пѣние

Гласъ слышавъ — в Раме Рахили рыдаше,
Яко любезныхъ чадъ си не видяше,
Вопль испускаше:
«О, чада моя, чада прелюбезьна,
Очесемъ моимъ красото полезна!
Плачу вас слезна.
Никогда плача азъ не утолюся,
Дондеже лицемъ васъ не наслаждуся,
Сама убьюся».

[1] и старше.

ЯВЛЕНИЕ 9

Убиение отрочатъ неслышимое, но зримое.

ЯВЛЕНИЕ 10

Плачь и рыдание убиенных отрочат подобиемъ плачевной Рахили.

Глаголати ли имамъ или молчати буду,
Егда мя вопросите, кто есмь и откуду?
Глаголати пространно плачь ми препинаетъ[1],
А хлипание[2] часто речь ми присецает —
Молчати невозможно сердцу болѣзнѣнну,
Имущему печалми душу уязвленну.
Мощно ли утаити огнь, в нѣдрех сокровенный?
Иный не утаить болѣзни дух опечаленный,
Но от болѣзненныя души провещаетъ,
Внутрь сущую всѣмъ явѣ «Горе есть!» возвещает.
Возвещу убо и азъ на мене смотрящимъ
И яже о мнѣ знати извѣстно хотящимъ.
Азъ есмь плачь, рыдание скорбные Рахили,
Еяже сердце многи скорби уязвили.
Вѣсте ли, о людие, кто та Рахиль бяше?
Та, яже Иякову сожительствоваше,
Иякову супруга, мужу святу, честну,
Видевшему иногда лѣствицу небесну,*
По ней же возъхождаху, нисхождаху ноги
Аггеловъ, сказующихъ спящу тайны многи.
Того мужа та жена, о ней написано:
«Гласъ в Раме, гласъ Рахилинъ плачевен слышано,
Рахиль плакаше своихъ чадъ прелюбезнѣйших,
Пюгубляемыхъ от рукъ немилостивейшихъ,
И утѣшити себѣ отнюдь не хотяше,
Понеже детей своихъ истребленных зряше».
Но речетъ кто, яко «та двоихъ токмо мѣла
Сынов, ихже по долгомъ неплодстве родила,
Иосифа прекрасна и Вениамина,
По первородному чаде послѣдняго сына;
Обаче тыи целы а живыи пребываша

---

[1] мешает; [2] всхлипывание.

И в народъ ся премного тыи расплодиша.
О комъ убо печется та слезная мати?
О комъ тужитъ? Сѣтует о коемъ дитяти?»
Таковая глаголющь, не вѣсть тайны Бога,
Егоже *не*постижныи судбы бездна многа.
Да увѣсть убо тайну ту, не всѣмъ вѣдому,
Яже дѣема бяше въ Яковле дому.
Безъчадна Рахиль долго духомъ си тужаше,
Яко супружескаго плода не раждаше.
Егда же разрешилъ Богъ оноя неплодство,
Услышавъ молбу теплу, даде чадородство,
Даде ей купно в даръ з своей благостыни
Пророческаго духа бысть ей пророкиний,
Еже будущая то умне предъсмотрѣти
И вѣдати, каковы будутъ ея дѣти,
Дѣти, внуки, правнуки в послѣдняя роды,
Счастье ихъ и несчастье, плѣны и свободы.
Во-первыхъ убо, егда родила первенца
И еще не вскормила своего младенца,
А уже в ночномъ сонномъ видѣнии зряше
То, еже Иосифу быти имѣяше:
Зряше того ведома, егоже связаша,
Яко плѣнна раба от братии продаша.
Плачущий, рыдающа, к рожьдшей вопиющи:
«Рахили! О Рахили! — слезнѣ глаголюща, —
Рахили, мати моя, почто мя остави?
О мати, чадо твое отъ злых рукъ избави!»
Того Рахиль в видѣнии соннемъ часте зрящи,
Обаче со ужасомъ воспряну, стенящи
И, обьемши младенца матерски руками,
Слезы от очию си точаше реками.
Таже, егда зачала и Вениамина,
Прежде рожества того послѣдняго сына,
Еще во утробе своей младенца имущи,
Уже пророческий вѣкъ предъузрѣ будущи:
Племя Вениамина како имѣ быти
В бедахъ, скорбѣхъ, печалехъ гинути, не жити, —
Ово от своихъ, ово от чюждых гонимый,
Отъ всѣхъ убиваемы, весма несчадимы[1].

[1] нещадимый.

Предзряше пророчица она всю подробну
Имѣвшую брань быти междусобну,
В не*йже* Вениамина *р*од спод свѣтлаго солнца
Истребится от своихъ пл*ем*енъ до конца.
А за едино токмо скверна греха дѣло,
Егоже и помысломъ вспомянут немало.
Предзряше и другое злое время мати,
Яко мечь асьсириевъ имѣ поядати
Останокъ Вениаминь, а не избиенныхъ
Зряше в плѣнъ вавилонский скованных веденых,
То Рахиль пророческии егда зряше убо,
Прегоркимъ рыданиемъ рыдаше сугубо,
Ово о избиенныхъ, ово о плененныхъ
Чадъ своихъ прелюбезныхъ, вконецъ[1] разоренных.
Иныхъ всѣхъ и онѣхъ рыдаше не тольма[2],
Якоже о семъ часѣ возрыдая болма,
Егда узрѣ мечь острый скоро обнаживша,
Вифлиемския дѣти избити имѣвша.
Ратуеми внуки себѣ защищаху,
Плененны свободы себѣ желаху.
А иже пеленами повиты дѣти, —
Како мощно имъ бяше себѣ защитити?
То предъзрѣние[3] слезы Рахили точаше
И от горкаго плача престать не даяше
Даже до скончания. А егда плачася
Ради[4] Виниамина и вскоре скончася,
Тѣло ея честное камо погребенно,
Рахилею оное мѣсто нареченно;
Мѣсто, идѣже потомъ Вифлиемъ создася,
От гроба Рахилина Рахиль-градъ прозвася.
И егда в Вифлиеме лютость сотворися,
Рыдание Рахили и плачь обновися,
Аще бо и мертвая тамо почиваетъ,
Обаче ея душа на все то смотряетъ.
И яко бывши жива, от имѣвшихъ быти
Рыдавше, такожде и преставши жити,
О соб*ытии* вещи горчая рыдаетъ,
Якоже еваньилистъ то воспоминаетъ:
«Слышится в Раме глас, горце стенящий,

[1] окончательно, полностью; [2] столько; [3] предвидение; [4] Из-за.

От Вифлиема-града с плачемъ исходящи,
Гласъ Рахили плачющей, но несоравненно
Паче перваго плача много болѣзненно,
Тогда бо единою гортанию кричаше
И от единыхъ очесъ слезы испущаше;
А ныне елико есть детей, кровь лиющих,
Толико есть матерей, плачевнѣ ревущих».
Того плача азъ есмь глас и вѣсникъ повсюду,
От Рахили дошедши даже и довсюду,
Возвещающъ слышащимъ печаль вельми смутну[1],
Младенцовъ избиенныхъ смерть зело укрутну[2].
Кто во васъ сердоболенъ духомъ умиленнымъ,
Поне мало поболи серцемъ сокрушеннымъ,
Споболи[3] Рахилинымъ болѣзнемъ сердечнымъ,
Соплачи тоя теплымъ слезамъ бесконечнымъ!
Иродъ, лютъ властолюбецъ, добра ненависникъ,
Самаго диавола истинный намѣстникъ,
Новорожденна царя хотя погубити,
Посла неповинныя младенцы избити,
Посла вооруженныи, аки на рать, воя,
Аки *на не* дающихъ супостатъ покоя.
Но, о прелюбезнейший мучителю, слыши,
Егда ся незлобивых младенцовъ биеши:
Егда ли тыя на тя полки собираютъ?
Егда ли на царство ти брани воставляют,
Которие от матернихъ сосцевъ отрывают,
Неповинныхъ мечами люте убиваютъ?
Еже азъ умнымъ окомъ егда созерцаю,
Сице к сердцу моему плачевне вещаю:

«О сердце, сердце, твердѣйши опоки!
Что удержиши слезныя потоки?
Что от жалости, аки воскъ, не таешъ,
Слезъ не истощаешь?

Зри, коль жалостныи и скорбные часы!
Сквозе пронзаютъ утробу ми гласы
Слезныхъ матерей, плачущих о чадехъ
В весех и градехъ.

---

[1] прискорбную; [2] жестокую; [3] Посочувствуй.

Чада любезна в кровь сии углебают[1],
Матери в слезахъ горкихъ утопают,
Егда биютъ вои чадъ немилосердныи,
Неблагосердны,

Лютѣйшии звѣря: из рукъ похищают,
От слаткихъ сосцевъ обще отрываютъ,
Всѣхъ закалаютъ, агнецевъ незлобивых
Не творят живыхъ.

Вся Вифлиемска земля превращенна,
В кровь неповинныхъ дѣтокъ обагренна,
В поляхъ и стогнахъ[2] течет крове море.
Горе! Ахъ, горе!

Четырнадесять тысящъ положили
И еще крове тых ся не напили,
Не напоили зверобразного
Ирода злаго.

Впоитъ[3] невинность, в небо вопиющи,
Утолишь жажду в сѣрчистой[4] пловущи
Рецѣ, егда самъ пойдешь въ ада руце
К вѣчной муце.

Плачу и плакать непрестанно буду,
Печали сея во вѣкъ не забуду,
Буду рыдати на злаго Ирода
В роды от рода».

Пѣние: «Гласъ слышан в Раме...» и прочая. Вождь *с* вои приносить главы отрочат, и Ирод радуется, и венчаетъ, и отпускает.

ЯВЛЕНИЕ 11

Вождь

Торжествуй, славный монархо, оттоле
Мирно седящий на твоемъ престоле!
Четырнадесятъ тысящь отрочат избихомъ,
Таможе и наступцу твоего уло*ви*хомъ,

[1] захлебываются; [2] площадях; [3] Впитает; [4] смоляной.

Се в знамя принесохомъ дѣти*н*ные главы,
Да дѣтище твоея не терзаетъ славы,
Еяже ти живущи не хотели склонити,
Торжественнѣ на мертву изволь наступити.

Кидают.

Иродъ

Радост объятъ мя ныне толь велия зело,
Сколь великую прежде сердце жалость мѣло.
Вамъ же благодарствую за толики труды,
Венецъ победоносный от мене вамъ буди.
Не замедл*ю* великимъ саномъ вас почтити,
Ныне же помозите мнѣ ся веселити.
Певцы! Торжественныя пѣсни воскликните,
Поюще же, во длани весело плещете,
Да мало утѣшимся по сщастливомъ бою,
Потомъ будетъ склонитися время к упокою.

Пѣние: «Аполлио! Музы! Сѣмо поспешете...» и прочая.

Иродъ

Доволно ликовъ[1], певцы! Ныне престанете,
Вельможи, и вы, вои! В свояси идѣте.
Хощу мало уснути, седящи на фроне,
На преслаткомъ почити Морфеуша лонѣ.
Аще случай явится, скоро здѣ придѣте,
В царскомъ управлени*и* словы[2] пособете.
Юнцы! Венецъ, скипетръ, мечь от мене возьмѣте,
Гдѣ ми есть сокровище, тамо понесете,
Сами же паки вскоре ко мнѣ приходите,
Здравия ми опасно и вѣрно блюдите.
Велѣте что инаго еще воскликнути,
Донелиже пресладце возмогу уснути.

Пѣние

Спишь, окаянне, сномъ обремененный!
Глас невинности, в небо возведенный,
За кровь рыдаетъ, отмщения просить.
О нечаянну[3] смерть тебѣ голоситъ.

Отроки[4] отбегут Иродовы.

---

[1] хоров, пения; [2] словами; [3] нежданную, внезапную; [4] здесь: Слуги.

ЯВЛЕНИЕ 12

Невинность

Внушай, о небо, невинности гласу!
Не презри крове пролитой в семъ часу,
Насъ, немов*лятков*ъ[1], злобы не творивших,
[2]Жизнь оставших[2]!

Ничтоже в жизни злаго содѣяхомъ,
Не токмо злыхъ дѣлъ — и словес не знахомъ,
Кроме любезнѣ матерь нарицати,
Сосца вкушати.

Даждь отмщение от суда ти свята
На кровопивцу Ирода проклята.
Пролилъ еси кровь жизни отчаянне
Ти, окаянне!

Отвори гортань несыту змиину,
Пий, юже излилъ еси, кровь невинну;
Еяже жаждалъ, ныне утолися,
Возми напися.

Простри утробу жаждну, несыту,
Лий в ню кровь сию, ли чрезъ тя пролиту.
Пий и матерей пролитыя слезы
В сто*г*ны и стезы[3].

Пий истекшия [4]от скорбну[4] зѣницу
Смотрящихъ воевъ на люту десницу,
Бьющу насъ, агнецевъ, для твоей трапезы, —
Пий кровь и слезы.

От крове нашой намъ порфиру сшилесъ[5],
Бисерами слезъ матернихъ спестрилесъ[6],
Увенчалесъ намъ вѣчнымъ венцемъ главы
Вѣчныя славы.

---

[1] младенцев; [2—2] Жизни лишившихся; [3] дороги; [4—4] от несчастий; [5] ты сшил; [6] ты украсил.

По малой жизни мы вѣчне царьствуемъ,
Тебѣ же вѣчьну смерть ходатайствуемъ,
Не злобы нашой, но Бога судбами,
Мстяща законами.

Истинна и два аггела

Ангели! Сѣмо Невинность да придетъ!
Глас твой пред Бога престолъ уже взыде,
Еще слезы да зритъ и кровь вашу чисту,
Юже пролисте неповинну исту.
Даждь я ангелом, а венецъ на главу
Приими и гряди во вѣчную славу.
Приими маслину, та есть знакъ побѣды
За Иродовы на васъ всѣхъ обиды,
Егоже отмщение безъ всяка откладу
На бесконечны муки вѣчну предастъ аду.
Азъ, истая Истинна, вещаю ти исто,
Яко ему готово во аде уже мѣсто:
В Цербера всегда будет гортани сидѣти,
Будет огнемъ серчистымъ объяты горѣти.
Ты же иди в жизнь вѣчну. Ангели! Приимите,
Между ангеловъ лики сию водворѣте.
Со торжествующею в небе торжествуйте!
Се азъ вама предъиду, вы мнѣ послѣдствуйте.

ЯВЛЕНИЕ 13

Почнувся[1], Иродъ стогнетъ и немощным гласом отрочат зовет

Юноша! Ахъ, юноши! Камо отъидосте?

Юноши

Се есмы, господие.

Ирод

Чесо ради мя спяща зде *прене*брегосте?

Парень 1

Господие! Великимъ быхомъ яты страхомъ
И того ради от тя спяща отбежахомъ.

[1] Очнувшись.

Иродъ

Кий страхъ?

Парень

Исходило нѣкое лицо все бѣло,
Две чаши носящое, дерзновенно, смѣло.
Мы не*доу*мѣхом*ся*, что бы было тако?
Ужасны, не могохомъ при тебѣ стать всяко.

Иродъ

Гор*е* ми, окаянну! Азъ се видях спящи,
Еже ми прор*и*цало смерть в часъ настоящий:
Невинность то ко Богу за кровь си взывала,
Юже излих, и тою мене напавала[1].
Слезы скорбны матерей пити ми даяше,
Отмщение в небо и смерть ми взываше.
Горе! Смерть ми настоит, все тѣло неможе.
Юноши, молю, вскоре устройте ми ложе.

Строят.

Здравъствуй всякий, седящи на моем престолѣ!
Азъ бо на немъ сидѣти не буду оттоле.
Побежите, да сѣмо приидут вельможи,
Рцете, яко царь лежитъ на смертелномъ ложи.

Парень 1

Ты иди! Господина азъ буду хранити,
Но не изволь долгаго времени медлити.

Пѣние

О прелеснаго мира! Лютѣйшаго звѣря
Ныне венчаетъ,
А утро пожираетъ;
Даръствуетъ ныне злато,
Утро мещет в блато;
Садитъ на престоле,
Потом в нискомъ доле.
О лукавъствиа мира! Лукавства не мало —
В пресладчайшомъ меду смертно имать жало,

[1] поила.

Гдѣ сах*а*ромъ лесныя слова посыпает,
Пелунную[1] горесть тамъ ута*и*вает.

ЯВЛЕНИЕ 14

Парень 2

Великий господине! Вельможи приидоша.
Смотри скорбныхъ, яко тя болна обретоша.

Databaseродъ

Умилосердитеся! Дайте ми пораду[2]!
Не дайте ми умерети, подайте отраду!

Сенатор 1

Бѣжи, юнче, по врача, да будет здѣ вскоре,
Егоже обрящеши на моемъ подворьѣ.

Отрокъ пошелъ.

Сенаторъ 2

Друзи! Азъ неслыханный смрад в нем ощущаю,
Не живуща, но смертна весма его чаю.

Сенаторъ 3

Рци намъ слово, о царю! Что тебѣ болѣет?

Иродъ (немощнымъ гласомъ)

Ахъ, увесь изнемогохъ, все тѣло дряхлѣет.

Сенатор 4

Уступѣмо подале, азъ не могу стати
Блиско смрадна, нозри бо требе затыкати.

Врачь

Здравствуйте, первѣйшии Ирода вельможи!
Что се вашего царя сложило на ложи?

Сенатор 1

Тя вѣмъ врача искусна осмотрити болѣзни.
Может ли *е*ще с нами пожити в сей жизни?

[1] Полынную; [2] здесь: помощь.

Лекарь (осматриваетъ)

Не гнѣвайтеся на мя: царь вашъ боленъ зело.
Не вѣмъ, аще му кое сопеспешит[1] дѣло.
Смотрѣте: по всему телѣ множится огница[2],
Всю утробу повреди лютая чревница[3],
Се уды всѣ сорвенныи[4], всѣ весма согниша,
Нозри ощущение свое заградиша.
Увесь в болѣзнехъ смертныхъ и жити не може.
Изволте готовити ему гробно ложе
И сами, аще кто з васъ хощет здрав быти,
Изволите опасно всякъ себѣ хранити.
Смертенъ есть и всякаго он смертна сотворит,
Аще обоняния кто здѣ не затворит.
Азъ болшѣ стоять не могу. Господа, простѣте,
И сами, совѣтую, долго не медлѣте.

Иродъ

Что вамъ врачь глаголаше? Да азъ вѣм, недужны.
Повѣсте, что ми будет в сей часъ горки, нужны[5]?

Сенатор 2

Смертенъ ти часъ настоит. Изволь ожидати,
Нам же здѣ ради смрада не мощно стояти.

ЯВЛЕНИЕ 15

Иродъ

Ахъ! Вельможи и вои! Что остависте мя?
Стойте, дондеже тѣла аз низложу бремя.
Уже не время.*

Ахъ, горе! Кий гласъ уши страшный проникает?
Болѣзненно ми сердце смертию страшает?
В гроб посылаетъ.

Тако ли то, Фортуне, изменяти знаешь?
Вчера на престолъ, ныне в гробъ мя посылаешь!
Вскоре дознаешь.

---

[1] поможет; [2] гангрена; [3] боль, резь; [4] разорваны; [5] мучительный.

Недавно вельможъ, воев чина окружали,
А ныне окаянна всѣ мя отбежали,
Время дознали.

Ахъ, с мирскими благими тяжко ся растати,
Тяжше в рецѣ гегенской вѣчне утопати!
Не изринати[1].

(шепчучи говоритъ)

Ей! Дай кто помощь и руку!
Ей! Кто добръ, утоли муку!
Ахъ! Страшная вижду!
А-а! Терплю страхъ!
Ахъ! Душу устрашаютъ!
Ахъ! Тѣло удручаютъ!
Ахъ, ахъ, ахъ!

(и упадетъ над пропасть)

Отмщение

Толико, окаянне, творити дерзнулесь[2],
Противо Бога ярость, глупче, воздвигнулесь[3].
Се ти азъ, Отмщение, то сотворю вскорѣ,
Яко с трупомъ си будешь скоро в ада мори.
Коль смертныхъ язвъ невинныхъ сотворилесь,
Толь тебѣ во адъ вѣчны дверей отворилесь.
Смертию отрочатъ всѣхъ животъ изгубити
Тщался еси — самъ в смерти вѣчно будешь гнити.
Мирно з Богомъ на земли не хотѣлесь[4] жити,
З смертию будеш или смерть тобою владѣти,
Не помогутъ вельможи, ни вои избранны.
Иди во адъ навѣки, иди, окаянный!
Блесни, молния, з неба! Разби, перун, тѣло!
Земле, пожри! Во вѣки тамъ будет се дѣло.
Такъ будетъ всяку грѣшну, кто Бога убивает,
Различными грехами мучитъ, распинает.
Се, гегенну готову зря, всякъ да боится,
Да Ироду гордому здѣ [5]не собразится[5].

[1] Не выбраться; [2] ты дерзнул; [3] ты поднял; [4] ты не хотел; [5—5] не подражает.

Пѣние

О гордость мира! Что се сотворила?
Сама себѣ во адъ двери отворила
От Люцыпера завистию злою
Для непокою.

ЯВЛЕНИЕ 16

Иродъ в узахъ ада

Горе! Горе! Ахъ, горе! Нестерпимой муки!
В гортань достахся ада, не точию в руки!
Горе! Палит мя пламень, палит мое тѣло,
Из утробы дышущу, — горе! — палит зело.
Внутрь мене огнь пекелный[1] душу сожигает,
Змий в сердце, и утробу жало угрызает;
Грызетъ мою утробу мука нестерпима.
О муки! Ахъ, огня, в вѣкъ неугасима!
Горю! Горю! Мучуся, мучуся во вѣки!
Не воскресну от смерти между человѣки!
Ахъ, почто аз родихся? Ах, почто родихся?
По малой жизни во смерть в вѣчную вселихся.
Проклят родитель, мати проклята ми буди!
Почто мене родили, почто между люди?
Проклят полъдень буди, буди час проклятый,
В онже рожденъ есмь, иже муками объятый!
Всѣ дни, часы, минуты, прокляты вся годы,
Яже изъжих суетно, проклятый во вся роды!
Проклята гордость! Та мя во вѣкъ погубила,
Та мя противу Бога брань творить учила.
Прокляты и вельможи за своя совѣты,
Наустившия[2] мя бить невинные дѣти!
Прокляты и всѣ вои, что не пощадѣша!
Почто число толико беззлобных избиша?
Паче всѣхъ азъ есмь проклят, ту терпящи муку.
Проклят самъ себѣ давы в Люцыпера руку, —
Здѣ во вѣки мучуся. Ахъ, мука велика!
Мука безконечная во вся вѣки вѣка!

---

[1] адский; [2] Подстрекавшие.

Смотря на мя, гордяся[1], гордится престани,
Да некогда в сей будешь со мною гортани.

Пѣние: «О гордость мира...» и прочая.

ЯВЛЕНИЕ 17

Смерть

Радостна нынѣ есмь, Смерть: егоже желала,
Того ныне чрезъ крѣпость мою доказала.
Едина торжествую, азъ бо победила,
Кровию вифлиемску землю напоила.
Четырнадесять тысящъ от сею[2] косою
Покосила отрочат, якъ траву з росою.
А што лучшее — царя Ирода убила
И в Цербера гортани того посадила.
Власть имамъ над естеством всяка человѣка,
Тых силна обладати буду во вся вѣка.
Сяду на престоле, возму и венецъ на главу,
Да всякъ мене боится, видяй мою славу.

Жизнь

Почто, окаянная, тако торжествуешь?
Или мене на землѣ, Жизни, ты не чуешъ?
Не умре Натура людска, но в вѣк жива будет,
Твоей области[3] данна никогда не будет.
Низложи венецъ, бежи от престола славы,
Тамъ живи, дондеже ту сокрушу ограды.
Ты, яже еси нынѣ отселѣ изъгнанна,
Вѣждь, яко во вѣкъ вѣчный будеши попранна.
Азъ имамъ на престолѣ седѣти во вѣки
И садить со собою моя человѣки.
Вы Натуру людску сѣмо приведете,
Близь мене на престоле сѣмо посадѣте:
Славою и честию азъ ту увенчаю,
Яко моя другиня будетъ, тако чаю.
Сяди, Натура людска, сѣмо на престоле,
Азъ тя, Жизнь, оставляти не имам оттоле.

[1] возгордившийся; [2] вот этой; [3] власти.

Натура

Жизнь, с небеси данна, будь благословенна!
Главу ти преклоняю азъ, Натура бренна.
Яко человѣчество тако возлюбилась[1],
С тобою пребывати всегда сподобилась.

Жизнь

Прийми венецъ пречестный первы ти на *г*лаву,
Вѣчну буди имуща всегда о мнѣ славу.
Смерти же тя никогда не имамъ предати,
Но по малой жизни в жизнь вѣчну хощу взяти.

ЯВЛЕНИЕ 18

Кр*от*ость Божия

Разными дарованми человѣкъ почтенный
От Бога, егоже есть дланью сотворенный,
На что не памятаяй, суете вдадеся,
Противъ самаго Бога гордо вознесеся,
Яко иногда ангелъ, съ неба низверженный,
Иже бѣ противъ Бога умомъ вознесенны.
Но азъ, Кротость, низвергох с небеснаго града
И преда*х* того лютой во вѣкъ муце ада.
Сице и человѣка горда, возънесенна,
Сотворих с Люцыперомъ быти посажденна, —
Ирода проклятаго, иже суетою
У*л*овленъ, соплетен же злости слепотою.
Искаше Христа Бога рожденна убити,
Мнѣл бо себѣ болшаго, неже Бога быти.
Кто есть вели*й*, яко Богъ, Ироде проклятый?
Седи ныне умаленъ, ады узы яты.
Сице всякому будетъ, иже убиваетъ
Христа грехами, сий и на крестѣ распинает.
Иродъ искаше убить, а ты убиваешъ.
Вѣдай, что тебѣ или чесого чаешъ.
Азъ есмь крепка, яко лев, азъ ти сотру роги
Гордыи ти, за прочии убью грехи многи.
Аще же кто агнчее сердце уготуетъ,

[1] ты полюбила.

Вѣдай, яко левъ крѣпки с такими пожирует.
Агнцу, иже за тебѣ закланъ бысть, родися,
Не якъ лвовы Иродъ, кротокъ поклонися.

ЕПИЛОГЪ

Показавши измѣну мира сего лестну
Тебѣ, слышателеви нашему пречестну,
За любовныя слухи[1] всѣмъ благодаръствуем,
Такожде нарожденнымъ Христомъ привѣтствуем!
Здравъ и благополученъ да долгоденъствуешь,
Потомъ вѣчно на небѣ с ним же да царствуешъ.
Всѣ едиными усты и сердцы желаемъ,
Простѣте согрешивших в дѣйстве, умоляемъ!

[1] здесь: выслушивание.

⟨**ИНТЕРМЕДИИ**⟩

МЕЖДОСРЕДИЕ

1

О пияницы

Благий обычай у честных бываетъ,
Кто болши любитъ, болши испиваетъ
О господина здравии своего,
Нежели и души своей за него.
Такову любовь аз хощу явити,
О твоем здравии сию чашу пити.

Блудный речетъ

О мой любезный, како ти воздати,
И слово твое мило мнѣ слышати.
На сто червоныхъ в чашу пологаютъ,
Аще испиешъ, тебѣ ся отдаютъ.
Но, мой любезный, потщися испити,
Радости сердцу моему приложити.

Пианица

Здрав, господине, буди многа лѣта,
Испию до дна ради тебе, свѣта.

Та чаша первие наполнена будетъ явѣ, а потом тайно источитъся, юже он подъемъ праздну[1], аки испиетъ. Потомъ взем денги повалится и рече Блудный

Возмите его, спати отведите,
Да цѣлы будутъ златницы, блюдите.

Слуги возмут пианого и на сторону положат, онъ начнетъ аки умирати. Придет дѣмон, возмет душу и отнесет во ад. А слуга единъ посмотрѣвъ мертваго, бѣжит к Блудному и речетъ

Честный господине, братъ нашъ умираетъ,
Напився сладцѣ, душу изрыгает.

Блудный

Земля велика, есть гдѣ сохранити,
Испил сто златницъ, мощно гробъ купити.

---

[1] пустую.

Собесѣдникъ к тому слузѣ речет

Слушай, мой брате, шед погреби тѣло,
Мы с господиномъ посѣдим весело.

Той слуга поидетъ, а они далей веселятся.

МЕЖДОСРЕДИЕ

2

Изъидетъ старикъ, иский мудрости, придет малецъ школьный[1] научити его

Старецъ

Богъ в помощъ, государи! Вси здрави будите,
Кручины на бѣднаго старца не кладите,
Что вышел дерзновенно между милость вашу:
Ума хощу набыти на потребу нашу.
Кто вѣдает, гдѣ разум в лавках продается?
Аршинъ з десять купити старикъ волочется.
Уже мнѣ докучно без ума жити.
Аще бы возможно паки младым быти,
Принялъ бы ся за книгу руки и зубами,
Да бымъ ума набити в главу кулаками;
А нынѣ готовъ есмъ добраго стяжати,
Токмо бы кто изволилъ разума продати.

Малецъ учитель з свитком и с плетию

Богъ ти в помощъ, старче! О чем ти кручина?
Повѣждь, аз тя утѣшу, искусный дѣтина.

Старикъ

Ума хощу купити, да не обрѣтаю;
Ходя, у добрыхъ людей давно вопрошаю.

Малецъ

Не кручинся, о старче! Азъ много имѣю
Ума и старыхъ людей учити *у*мѣю.
Точию есть потребно, что велю, творити
И ни в единомъ словѣ упорчивым быти.

---

[1] ученик.

Старецъ

Вся готовъ есмъ творити, учителю честный!
Во мздовоздоянии не буду ти лестный[1].

Малецъ показуетъ свитокъ и глаголетъ

В сей хартии есть разум. Потребно ю сьясти,
Изрядно порозрѣзавъ на мѣлкия части.

Старецъ

То готовъ есмъ сотворити,
Точию бы мудрым быти.

Тогда Малецъ порѣжет, а Старецъ ястъ и глаголетъ

О! Вкусъ жестокъ есть, хощется блевати.

Малецъ

Терпи, аще тя хощетъ и прервати:
Горекъ труд нынѣ, но сладкий плод будет,
Егда в главѣ ти ума прибудет.

Егда съястъ Старецъ, тогда Малецъ на таблицы написав азбуку и учитъ Старца.

Малецъ

Глаголи со мною. Азъ.

Старикъ

Увяз.

Малецъ

Буки.

Старикъ

Учителя прибрать в руки.

Малецъ

Вѣди.

Старикъ

У меня уже суть дѣти.

[1] лжив, коварен; здесь: не обману.

Малецъ

Глаголь.

Старикъ

Учителя за хохолъ!

Малецъ

Мало памяти в главѣ, по тѣлу расплыся;
Хощу в главу вогнати, токмо положися.

Старикъ ляжет, а Малецъ от ногъ плетию во главу *память* вгоняетъ и глаголетъ

Иди в главу, память! Ты, старче, учися,
Но за соху в дом паки приимися.

Старикъ

О! Есть память, есть! Уже добрѣ знаю,
Изрядно писмо то прочитаю.

Малецъ

Чти гласно.

Старикъ читаетъ

Азъ, буки, вѣди, глаголъ.

Малецъ

Се память в главу вся добрѣ собрася,
Се уже писмо добрѣ прочитася.
Но днесь доволно, да ты [1]не стужиши[1];
Приходи рано, да ся болши учиши.

Старикъ

Кто ся не хощетъ въ юности труждати,
Должно тому есть в старости страдати.

3

Изыдеть той же Старикъ и глаголетъ

Знаете ли мене, мои государи?
Аз былъ есмъ вчера без разума старый,

[1]—[1] не огорчайся, не унывай.

А днесь умудренъ есмъ, грамоты доволенъ,
Токъмо на главу чрез всю нощъ бѣхъ болень:
Чрево, умъ снѣдше, много говорило,
Даже самому зѣло тошно было.
Грамоты столко глава моя знает,
Яко весь мозокъ[1] ея не вмѣщаетъ.
В пазухе, [2]в зепях[2] грамоты доволно,
По сих бумашкахъ ума зѣло полно.
Аще же нынѣ еще поучюся,
Скоро философъ велий нарекуся.
Жду учителя: обѣщался быти,
Скоро и добрѣ хощетъ научити.

Учитель

Добрѣ пришелъ еси, ученичe милый!
Хощу тя учити от всея ми силы.
Прочти стих вчерашний, потом же поступим
Дале въ премудрость, без денегъ ю купимъ.

Старикъ

Учителю мой драгий, добре памятую
«Аз, буки, вѣди, глаголь» и толкъ его знаю:
Аз — увяз;
Буки — *учителя прибрать* в руки;
Веди — *у меня уже суть дѣти*;
Глагол — *учителя за хохол.*
А правда, яко добрѣ сия аз толкую?
Уже философии учится готую.

Учитель

Чюдная твоя мудрость, токмо буимъ знати,
Вси мудрецы не могут тако толковати.
Время во глубину ти святымъ умомъ вступати,
Или горѣ на древо возвышену быти.

Старикъ

Челомъ бию, государю, аз твоей милости,
Яко тобою прияхъ толко мудрости.

---

[1] мозг; [2—2] в карманах.

Учитель

Аще хощеши, старче, еще мудрѣе быти,
Тупый ум твой потреба добрѣ наострити:

Старикъ

Пожалуй, государь мой, о том ты потщися,
Дам заплату велику, токмо потрудися.
Се ти злата доволство, изволь изострити
Тупость ума моего, чтоб премудру быти.

Учитель

Сяди а терпи; полѣзно ти будет:
Ума остроты во главѣ прибудетъ.

Тутъ Учитель, добывъ бруса, будет главу острити и глаголет

Главо дурная, брусомъ сим острися.
Старче безумный, къ сохѣ возвратися.

Старикъ крикнетъ

Бережи власовъ! Увы, болит глава!
Охъ! Тяжцѣ придетъ премудрости слава!

Учитель

Суть буйства власы, нужда изривати;
Ради мудрости изволь пострадати.

Тутъ рвет власы, а Старикъ кричить

Доволно уже, лютый учителю!
Изострил еси ум мой, мучителю!
О тяжко зѣло мудрость есть стяжати,
Унее[1] бяше никогда не знати.

Учитель

Краткая болѣзнь вѣчную утѣху
Тебѣ раждает, достойную смѣху.
Смотри в грамоту и читай смѣло,
Се познаеши мудрость добрѣ зѣло.

Ту возметъ писмо и читаетъ; возрадовав же ся, глаголетъ *Старикъ*

Ей, воистинну умъ мой изощренный!
В Писаниихъ зѣло умудренъны!

---

[1] Лучше.

Токмо не сладко, мнит ми ся, читаю,
Ни словесъ сладостных лекарства не знаю.

Учитель

Не вдрукъ все благо можеши прияти,
Будет и сладость, изволь мзду воздати.

Старикъ

Все, еже имам, буди пред тобою,
Токмо сотвори милость си со мною.

Учитель

Отверзи уста, прими сию сладость,
Сладкоглаголивъ буди людем в радость.

И мажет медом уста его и лице

Стар*ик* глаголет

Паче медвенна усладихся сота,
Сладкая будут словеса из рота.

Учитель

Се сам знаеши, яко умудрися
И гортань твоя мною усладися.
Паши хлѣбъ токмо, при сей мудрости
Не познаеши от глада трудности.
Иди жъ у с умом до твоего дому;
Како умудрися, не сказуй никому.

Старикъ

Иду радостнѣ, тя имам хвалити,
Аще мя люди будутъ мудрым чтити.

Идет Старикъ за завѣсу, а Учитель

Аще смолою сосуд наполнится,
Ниже кадилом удобь выкурится.
Глупъ состарѣся. Кто его научитъ,
Аще и на смерть кнутами замучит?
Соха, борона — то то дѣло его,
Ей, не забудет учения моего.

4

Исходит Старикъ и глаголет

Увы, мнѣ, бѣдну! Весь изнемогаю,
Частѣе стеню, неже отдыхаю:
Старость глубока зѣло ми стужаетъ[1],
Недугомъ тяжким велми озлобляет[2].
Ноги не крѣпки, не служат и руцѣ,
В новой на всякъ день есмъ недуговъ муцѣ.
Глава ми болит, стомах[3] зазнобися,
Сердце печально, все тѣло растлися:
Уши не слышат, очи видят мало,
Бодрость и дѣйство всѣхъ удовъ[4] престало,
Языкъ не хощет усты глаголати,
И зубы хлѣба не могут сожвати.
Живый хожду трупъ, весма неключимый[5],
А от скудости зело есмь мучимый:
Хлѣба не имам, риза вся раздранна,
Не вѣм [6]над мене в мирѣ окоянна[6],
Зима лютая вельми досаждаетъ,
Мертвеца суща [7]в дрова[7] изгоняетъ.
Сѣщи не могу, обаче[8] искати,
Не возмогу ли готовых собрати?

Поидет за завѣсу и абие з дровами изшед, глаголетъ

Богъ ми пособилъ: найдох дрова сия,
Имиже моя сляцается[9] выя.
Ох, утрудихся! Не могу носити.
Лучше умрети, неже в нужде жити.
Богъ мя оставилъ за преступления,
Не посылает мнѣ умершвления.
Юныи мнози вездѣ умирают,
Старика тлѣнна во гробъ предваряют.
Ей, смерть есть слепа, не видитъ, что взяти,
Мало в ней ума, не вѣсть разсуждати:
Юнымъ есть горька, а тѣх похищает,
Мнѣ бы была сладка, но мя оставляет.
О смерти! Гдѣ ты? Камо заблудила?

---

[1] докучает; [2] угнетает; [3] желудок; [4] членов; [5] ни к чему не пригодный; [6—6] в мире более несчастного, чем я; [7—7] за дровами; [8] разве только; [9] сгибается.

Вскую бѣднаго старика забыла?
Потщися ко мнѣ, возми мя до себе,
О, коль аз давно ожидаю тебе!

Смерть изидет и глаголетъ

Что, старче древний, слезно вопиеши?
Чесо мя ради до себе зовеши?
Имя ми есть Смерть. Азъ весь миръ *умерщвляю*,
Души от тѣлесъ людских разрѣшаю.

Старикъ

Честная Смерти, ничто мнѣ с тобою,
Живи в дружествѣ добром ты со мною, —
Инии люди сѣмо прехождаху,
Тии до себе тебѣ призываху.

Смерть

Не льсти[1] мя, старче! По гласѣ тя знаю,
Чего хощеши? Повѣждь, вопрошаю.

Старик

Прости мя, Смерти! Се правду вѣщаю,
На помощъ милость твою призываю:
Пособи дрова на плеща взложити,
Твоим пособством престану тужити.

Смерть

Старче лукавый! Что се ты твориши?
Непрельстимую богатирку льстиши?
Не мое дѣло в дровах ти пособляти,
Аз вѣмъ тѣлеса ваша во гроб хищати.
Обаче тебѣ имам пособити,
Да скорѣе в гробъ возможеши прити.
Се коса моя дровам ся касаетъ,
Гроб тя древяный в дому твоем чаетъ.
Прощайся с людми и Богу молися,
Утро в могилу ко мнѣ готовися.

Смерть отъидет, Старикъ глаголет

Увы мнѣ, увы! Что имамъ творити?
Вскую аз дерзнух Смерть к себѣ гласити?

---

[1] Не обманывай.

Сам ю возбудих, яже твердо спаше,
Мене мертвити [1]не у[1] помышляше.
Прельстихся, бѣдный, лучше бѣ молчати,
Воли Божия в готовости ждати.
Уже днесь иду в дом свой умирати,
Изволте вы мнѣ прощение дати,
Бога за душу мою помолити,
В послѣдней нуждѣ любовь проявите.
Сами здравствуйте на лѣта премнога,
Званиемъ Смерти не гнѣвайте Бога.

И отъидет.

5

О ЛЕТЯГИ[2] СИЕ

Изыдетъ Летяга и глаголетъ

Добро с щастиемъ и в гробы ходити,
А лучъше того в путь с ним выходити.
Хоша нехорошъ аз, но щасливъ зѣло,
Се похвалюся тым пред всѣми смѣло.
Идох аз путем и вижду с далека:
Лежит мѣшокъ сей, а нѣсть человѣка,
Взяхъ и посмотрѣх и се, — слава Богу!
Сто рублевъ денегъ. Ну жъ я в путь, в дорогу
В радости пошолъ, теперь погуляю
С други своими, которых сам знаю.
Слушайте, друзи! На кабакъ ходите,
На вино, на мед пояс разрѣшите[3]!

Лакомый[4], услышав его глаголание, исходитъ и глаголетъ

Увы, мнѣ, грѣшну! Лютѣ погибаю!
Не хощу жити, иду утопаю:
Денег здѣ вчера погубиль есть многа,
Цѣло сто рублевъ. Молю, ради Бога:
Не слыша ли кто? Аз готовъ платити
И вѣчно буду Бога за нь молити.

[1—1] еще не; [2] гуляка, бездельник; [3] распустите; [4] Алчный.

Летяга

Друже! Не печалься, не иди, не топися,
Есть твой убытокъ, токмо разсудися.
За находное потреба платити:
Половиною будем ся дѣлити.

Лакомый

О, мужу добрый! Буди Богъ с тобою,
Яко сотвори ты милость со мною!
Прими, молю тя, тридесять рублев сию,
Искупи от уз бѣдну мою выю.
Отдаждь той мѣшокъ, нимало заимая,
Да будет в мѣшку сто рублевъ цѣлая.
Прочее Богъ имать возмѣздити,
И аз готовъ есмъ благодаренъ быти.

Летяга, приимет 30, отдает мѣшокъ

Смотря на слезы, мало приимаю,
За тридцать рублевъ сто тебѣ отдаю.
Симъ аз доволенъ, мало бо трудихся,
Твоими то труды тѣм же умилихся.

Лакомый

Душе святая, за ту милость тебѣ
Богъ да заплатитъ на земли и в небѣ.

Летяга

И за то слава Богу во вѣкъ буди!
Пойду на кабакъ, ждут мене там люди.

(И отходит)

Лакомецъ глаголет

Иди, дураче, не знаешъ ничего,
За тритцать рублевъ се коль купих много.
Ой, буду ж уже себѣ торговати,
Ради прибыли товар куповати.

Ту Обманщикъ изидет, наверзавъ в мешечикъ чего-нибудь подобием сорок*а* соболей, и глаголетъ

Пойду далече на чюжую страну,
Там продам товаръ, чтоб не быть познану;

Сорокъ соболей изрядных имѣю,
Да своимъ людемъ продати не смѣю.

Лакомецъ

Слышъ, человѣче, что в мѣшку носиши?
Вижду — соболи. Что за них просиши?

Обманщикъ

Изрядный сорокъ, стоит рублев двѣстѣ,
За тритцать отдам, аще не повѣсте о мнѣ никому.
Ты можешъ продати с иншимъ товаромъ
И *зѣло* много *барыша* прияти.

Лакомецъ

Ты молчи, я молчи. Се денегъ готовыхъ
Даю тридцать рублев считаных домовых.

Обманщикъ

На что считати? Вѣру ти имѣю,
Емлю, а долго стояти не смѣю.
Буди здравъ, брате, богатъ разживися,
Токмо за прибыль ту не удавися.

(И бѣжитъ за завѣсу)

Лакомецъ

Иди, гдѣ хощешъ. Аз продати знаю;
Будетъ ми прибыль, добрѣ уповаю.
Нѣсть людей чуждыхъ: хощу посмотрити,
З добрых товаровъ утѣху имѣти.

Здѣ, розвѣзавъ мѣшокъ, выложит, а увидѣвъ обманъ, закричитъ

Увы мнѣ, бѣдному! Что се созерцаю?
Явѣ или во снѣ? Разсудить не знаю.
Ахъ, обманулъ мя человѣкъ лукавый,
Вмѣсто соболей сия мнѣ продавый.
Но еще денегъ надобно смотрѣти;
Не сицеву ли с нихъ прибыль *буду* имѣти?

Развѣзавъ мѣшокъ, найдетъ денги мѣдныи и высыплет, крича

Горе мнѣ, горе! Вконецъ погубихся!
Своим лакомством излиха прельстихся!
Что се купих аз? Хотѣхъ ихъ прельстити,

Но сам прельщенъ есмъ. Людем срам явити:
Раздах вся денги, а в домѣ нѣсть хлѣба!
В бѣдѣ ми жити уже нѣсть потреба.
Отнесу в домъ сей, сам смерти искати
Пойду, гдѣ очи будутъ путь являти.

(И идетъ за завѣсу)

6

Изыдетъ Богатырь, хотяй битися, и глаголетъ

Ей! молодецъ храбрый хощет погуляти;
Кто мнѣ в силѣ равенъ, желаю познати.
Кровь во мнѣ играетъ, не могу терпѣти,
На единомъ мѣстѣ, якъ баба, сидѣти.
Многия посѣтих далекия страны,
Морския пучины мною преплаваны,
Исках богатыря, подобнаго себѣ,
Не найдох на земли, развѣ есть кто в небѣ?
Со славою вездѣ со крѣпкими брахся,
Выну торжествовах, егда подвизахся.
Аще бы и Сампсонъ нынѣ обрѣтался,
Моея крѣпости весма бы боялся.
В*ѣда*ют то люди, для того боятся
Моего оружия, вси мене страшатся.
Толико безбѣдно денно пребываю,
Осмь лѣтъ оружия сего не вымаю.
А хотя в новинку, добро посмотрѣти,
Присхлую к нему кровь платенцем отрети.

Здѣ добываетъ оружия и не можетъ его добыти и глаголетъ

О! твердо засохло, не мощно изъяти,
Тому не изволте вы ся дивовати:
От множества крови так ся прилѣпила,
Якъ клиемъ весма внутри ся скрѣпила.
Однако жъ потребно с поховъ[1] истягати,
Хотя бы вервиемъ к столпу привязати.

---

[1] из ножен.

Ту привяжетъ, за главицу[1] тянет, а в то время исходит руски Воинъ и глаголетъ

Дай, Господи, здравия вам всѣмъ, добрым людемъ!
Во мирѣ и покои мы взаим пребудем,
Токмо благоволите то нам извѣстити,
Кто здѣ дерзнул есть себе излиха[2] хвалити:
Равнаго силѣ своей нигдѣ обрѣтаетъ,
Все множество народа единъ устрашает.
Посмотрѣл бых на него и моглъ бых познати,
Како жъ на гордая слова отвѣт дати.

(И, обратився к Богатырю, глаголетъ)

Не ты ли, окаяннѣ, гордо восклицаше
И храбрым себе человѣком зваше?

Богатырь

Не азъ, государь! Нѣкто инный бяше,
Иже скверными усты гордо глаголаше;
Прейде мимо пьяница, без ума глашая,
Не вѣдый, что глаголет, от хмѣля падая.
Ты, яко мужъ премудры, пьяну не противься:
Не может умно рещи — без ума опився.

Воинъ

Не ты ли сам той, гордо восклицавый,
Оружие к столпу умно привязавый?

Малецъ избѣжит и речетъ

Онъ есть лукавецъ, иже похвалися.
Ты, силны мужу, над ним похрабрися.

Воинъ к Богатырю

А, лукавы человѣкъ! Но иди со мною
На брань, аз явлю здѣ месть над тобою.

Богатир к Воину

Молю, потерпи мало, не могу изъяти
Меча [3]ис пошевъ[3] его, чимъ бы воевати.

---

[1] здесь: эфес; [2] чрезмерно; [3—3] из ножен.

Здѣ потягнетъ и урвет рукоять и самъ с нею падетъ на землю.

Воинъ

О! право силны! Не могъ устояти.
Нѣстъ кого мечем острым подсѣкати:
Доволно плети за его похвалу,
Милость сотворю — отдам ему главу.

Здѣ наступитъ на выю и биетъ плетью, глаголя

Глупый человѣче! Впредь ты не хвалися,
Шиломъ питайся, за мечь не берися.

Богатиръ молится

Пощади, государь мой! Пощади, молюся!
Силою никогдажъ впредь ужъ не похвалюся.

Воинъ, его бия, глаголетъ: «Не хвалися!» трижды и прогоняетъ его за завѣсу и самъ за нимъ забѣжит.

7

И изидетъ Астрологъ с трубкою и глаголетъ

Изыду в люди, в мирѣ проявлюся,
Многимъ на пользу пожити потщуся.
Прежих весь вѣкъ мой в наукахъ премногихъ,
Вѣмъ пользовати богатых, убогихъ.
Наипаче буду на звѣзды смотряти
И будущая людем провѣщати.

Выметъ трубку и смотрит на звѣзды, таже глаголетъ

Доброе лѣто имать нынѣ быти,
Жито, пшеницу хощет нам родити.

Паки посмотрит и глаголетъ

Ученым людемъ мало будетъ чести,
Едва довольно дадут пити, ясти.

Паки посмотрит, глаголетъ

Правды не станетъ, лжа по градом ходитъ,
Гнѣвъ Божий весма по себѣ приводитъ.

Паки посмотритъ и глаголетъ

Богатым добро жити совѣщаю,
Хищниковъ много быти познаваю.

Ту снимет из себя одежду и положа, смотрит паки, в то время тать покрадет, а он глаголет

Благое ведро[1] нынѣ имать быти,
Ни капля дождя восхощет мочити.
Всуе, опончю носящий, трудихся:
Нигдѣ водою стопа омочится.

Паки смот*рит* и глаголет

В чюждих потребах мудрыми бывают,
Сам*и* в своей бѣдѣ ничесоже знают.

В то время дождь его обольет, он же глаголет

Откуду дождь сей? Звѣзды не являху,
Паче же ведро велие вѣщаху.
Взяти опончю, чтобы ся окрыти,
Не чаях дождем днесь омочен быти.

Кинется до опончи, не обрѣт же ея, глаголет

Увы мнѣ, яко в небо засмотрихся!
Опончи, шапки чрез воров лишихся.
Обаче еще имам усмотряти,
Егда возмогу татя поимати.

Паки посмотрив и глаголет

Щасливый путь мнѣ небо проявляет,
За татми скоро в путь повелѣвает.

Ту побѣжит скоро и впадет в яму, а Мужик простый пришед, глаголет

Се тебѣ, глупче, что высоко зриши,
А не на землю под ноги смотриши.
Ты будущая дерзнул провѣщати,
Твоих случаев не возмогл познати:
Впал еси в яму темную глубоко
За то, что в небо зрѣл еси высоко.
Лучше под ноги прилѣжно смотрѣти,
Землю орати, неже в звѣзды зрѣти.
Земля хлѣб родит, астрология
Глупых приводит в случаи такия.
Полежи в ямѣ мало, потружайся,
Да тя извлеку, три дни дожидайся.

И отходит за завѣсу.

[1] хорошая погода.

Минувшим же трем днямъ приходитъ мужик ко астрологу, а он лежитъ въ ямѣ плачя. Он же, взяв палк*у*, вытащил его из ямы и нача палкой его бити, глаголя

Впредь не смотри на звѣзды,
Смотри на землю, не теряй епанчу,
Впредь *те*бѣ наука.

И отходитъ, а он молвитъ

Ахъ, сучей сынъ, съель меня, собака,
Убилъ и изувѣчил невѣдомо за что.
Эхъ, не смотрѣть б*ы*ло на звѣзды,
Здѣлали звѣзды без *е*панчи.
И предался я такому мужику дура*ку*.
Эхъ, глупъ я человѣкъ, пойду з задору
послѣдней шушунъ на кабакѣ на винѣ проп*ить*,
А сам хотя нагъ стану ходить.

И отходит.

ИСТОРИЯ О ДВУ ТАВАРИЩАХЪ, ИМЕЮЩИХ МЕЖДУ СОБОЮ РАЗГОВОРЫ, ИС КОТОРЫХ ЕДИНЪ ЛЮБИЛЪ ПИТЬ ВИНО, А ДРУГОЙ НЕ ЛЮБИЛЪ*

Непьющей

Братъ, желаю тебѣ много летъ,
Прошу на мое предложение дать ответъ:
Для чего ты вино возлюбляешъ,
Что всегда себя во многом пьянстве обращаешь?
Повежд ми, какая в немъ есть сила,
Что оно тебе кажится мила?
Я думаю, в нем нетъ никакия сласти,
Кроме того, что достичь беды и напасти;
От него всякия погибели являются,
Многия имения и великия чести лишаются.

Пьяница

Напрасно, государь, в томъ меня осуждаешь,
Ты в вине самъ причины не знаешъ.
Вино великую силу имеетъ,
Ежели кто в немъ разумеетъ:
От вина человекъ имеетъ веселость,
Вино придаетъ велеречие и смелость,
Оно со многими приятельми совокупляетъ
И со всякимъ дружества доставляетъ.

Непьющей

Да такъ ли, какъ ты поступаешь,
Что всякъ день пить вина не оставляешь?
Напьешся чрезмерно и повалишся —
Темъ ли ты болше от него и вѣселишися?
Какъ я думаю, тебѣ не в примеръ,
А и свинья чуть не имеет ли тот же манеръ,
Когда она наелась досыта и поднела вверхъ рыла —
И то кажится ей мило.
Я признаваю, что нетъ пьяницы хуже:
Бродитъ иногда, и ж..а наружи.
Где уже тому хорошую одежу носить,
Хто охотникъ много вина пить.

Пьяница

Нетъ, друже, худое твое мнение,
Еще лутче мое разсуждение.
Пьяница человекъ умной бываетъ
И скоро ево всякъ в компанию принимаетъ.
Ты не пьешъ — хто тебя знаетъ
И кто ис того похваляетъ?
Толко и говорятъ: «Такой-та онъ скупяга»,
А пьяницу похваляютъ: «То-то нашъ брат, отвага».
Только бы имелъ денги при себѣ,
А приятели уже давно при тебѣ,
Около тебя ходютъ и поздравляютъ,
А что имъ поднесутъ — мало оставляютъ.
И говорят: «То-то человекъ самой отважной,
Кой насъ поитъ, прямой нашъ братъ куражной.
Добро-де, братъ, дай и намъ розжитца,
Тогда не приминешъ и ты с нами повеселитца,
А ныне давай сори, когда у тебя есть,
Знатно по всему, что можно нам с тобою и присесть».
А тебя без вина кто знает?
Я чаю, и в компанию никто не принимаетъ.
А я таким-та образомъ в компании нахожусь
И с приятелми своими охотно веселюсь.

Непьющей

Хороша пьяницы честь бывает,
И естьли хто такой пожелаетъ,
Тотъ самъ разсуди, что поступки все отмениты:
Часто у пьяницы бываютъ и глаза подбиты,
Одежду носитъ всегда голые бока,
И для того мало выходитъ пьяница ис кобака;
По то время и веселится, какъ пьянъ,
И в своем беспамедстве серцемъ рьянъ,
А потом в сквернословие обратится
И с кемъ не надобно начнетъ бранитца,
А за то ево бьютъ, таскают, дерутъ на нем одежду,
Что не на ково бедному вызыметь и надежду.
Поутру, проспавшись, тяжко воздыхаетъ,
А кто билъ, того въ пьянстве не знаетъ
И говорить: «Ах, теперь-та мне тошна,

Что и головы поднять не можна».
Вчерась хорошо было тебе веселитца,
А теперь нечемъ и охмелитца;
К тому жь и бока болятъ,
Весь сам собою трясетца, и руки дрожатъ.
А потомъ размышляетъ, что б заложить да охмелитца,
И вздумаетъ: «Постой, есть чемъ и повеселитца», —
И скинувъ с себя хорошей кафтан, продаетъ,
За самую малую цену отдаетъ,
А потомъ надел на себя кафтанишка худой, серой
И говорить: «Вотъ такой-та надобно носить с верой,
А тотъ кафтанъ хотя былъ и харошъ,
Да мне казался онъ не пригожь;
И к тому жь мне не по кости пришолъ
И для того с плечь скоро сошелъ».

Пьяница

Врешь, государь мой! Кто вина не испиваетъ,
Тотъ всегда насъ, пьяницъ, осуждаетъ.
А ты отведай-ка самъ ево испити,
То станешь всю волю ево творить,
Хотя бы и радъ мало совестию пить,
Да не знаешъ уже, какъ лучше и быть.
Ежели мне от вина отъстать,
То конечно[1] меня нихто не будетъ знать.

Непьющей

Знаю, надобно и пить, да в меру,
А не по твоему глупому манеру.
Видимая в томъ вещь и живой обманъ,
Какъ выпьешъ вина пивной стаканъ,
Потомъ надобно бы чемъ закусить, —
А ты не вздумаешъ чего и попросить.
Начнешь весь день пить во уста,
А требуха, не имея еды, все пуста.
Я и самъ вино пью, только не такъ.
Умей же ево пить такъ и всякъ —
Предъ обедомъ хорошую рюмку хватилъ
И, взявъ что-нибудь, закусилъ,

[1] несомненно.

Потом сам собя послушаю,
с аппетитом после вина покушаю,
а поедши, пива напьюся
И на постелю спать повалюся.

Пьяница

Ахъ, много у тебя затеевъ положено,
А по нашему уставу то все отложено.
Я мало закуску знаю,
Было бы что — и такъ убираю.
Безъ закуски лучше меня разнимаетъ,
А брюхо пустое болше подымаетъ.
А ежели я поемъ, в том мне не помога,
Ибо от того выпью вина много,
А натощакъ тот часъ я и с малаго питья заболтаю,
Тогда и хмель в себѣ познаю.

Непьющей

Оставайся, братъ, ты здравъ,
Знать, мне уже не переменить твой нравъ.
Хотя и много я тебя от питья отвращалъ
И, однако, уже все свои речи окончалъ.
Такъ-то тебѣ, знать, и быть,
Что весь свой векъ пьяницею слыть
Будь ты, братъ, о томъ извесной,
А я всегда человекъ чесной.

Пьяница

Добро, друже, сколко ты со мною не говорил,
А виномъ видь меня не напоилъ.
Оставайся такъ же и ты тутъ,
Право, и я человекъ доброй, а не плутъ,
Только за мной и притчинъ видь,
Что несу я на себе пьяной видъ.

КОММЕНТАРИИ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БАН	— Библиотека Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
ГИМ	— Государственный исторический музей (Москва)
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
ПЛДР, 1—12	— Памятники литературы Древней Руси. XI—XVII вв. М., 1978—1994
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГИА	— Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РГБ	— Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ	— Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
СОРЯС	— Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

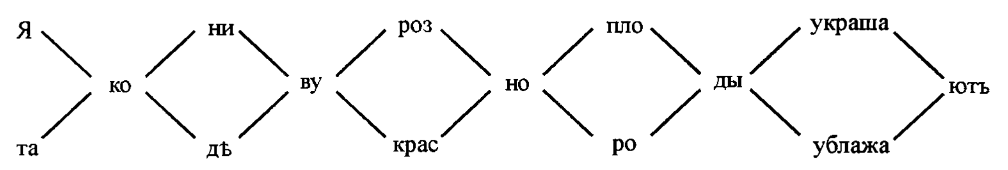
ЕВСТРАТИЙ

Евстратий является автором «Повести о некоей брани» (ок. 1613 г.). В 1608 г., во время осады Москвы войсками Лжедмитрия II, Евстратий по указу царя Василия Шуйского принимал участие в сборе ополчения. В то время Евстратий служил в Посольском приказе, вероятно, позднее принял монашеский постриг. В 1621 г. он переписал Азбуковник («Алфавит»), которому в качестве предисловия предпослал стихотворное благодарение Богу за помощь в труде, написанное «серпантинным» («змеиным») стихом.

Стр. 19. *Предисловие к Азбуковнику.* — Печатается по рукописи Азбуковника: *РНБ*, Q. XVI. 21, л. 1. В XVII в. рукопись попала в руки какому-то поляку, который вымарал стихотворение чернилами и сделал приписку на польском языке: «Co wydzysz, to brydzysz, Moskalu, grubianine, chłopie, prostaku» («То, что ты видишь, — бредни, москаль, грубиян, мужик, невежа»). Фотогра-

фию этого листа рукописи см. в приложении к статье: Белоброва О. А. К изучению «Повести о некоей брани» и ее авторе Евстратии // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 151—161.

До Евстратия русская поэзия не знала традиций курьезного стихотворства (фигурной поэзии), не получила она особого развития и позднее, хотя и встречается в творчестве, например Симеона Полоцкого. Ниже приводится образец «славянского carmen serpenticum» из лекций по поэтике Феофилакта Кветницкого, прочитанных им в Московской славяно-греко-латинской академии в 1732 г.:



(Fedor Kvetnickij. Clavis poetica. Eine Handschrift der Leninbibliothek Moskau aus dem Jahre 1732 mit einer Einleitung herausgegeben von Bernd Uhlenbruch. Köln; Wien, 1985. S. 242).

ИВАН ХВОРОСТИНИН

Князь Иван Андреевич Хворостинин происходил из рода ярославских князей и состоял в родстве с Курбскими, Прозоровскими, Троекуровыми, Шаховскими. Его отец (как и дяди) был в опричнине, пользовался расположением Ивана Грозного, а при царе Федоре дослужился до чина окольничего (ум. в 1604 г.).

Иван Хворостинин стал фаворитом Лжедмитрия, который пожаловал его кравчим и, по свидетельству голландца Исаака Массы, «держал этого молокососа в большой чести, чем тот весьма величался и все себе позволял» (Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII века. М., 1937. С. 145). Тесное общение с поляками, а также высокое самомнение сломали карьеру, а затем и жизнь Хворостинина.

В конце 1622 или в начале 1623 г. он был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь (это была его вторая ссылка), чему предшествовали два обыска. Оказалось, что князь, обвинявшийся в еретичестве еще при Василии Шуйском и патриархе Гермогене, не переменил своих взглядов. Он позволял себе богохульство, заявляя, что «молиться не для чего и воскресения мертвых не будет», пьянствовал и ел скоромное в Страстную неделю, намеревался перейти в католичество и т. д. Не находивший себе места в России, Хворостинин заявлял, что «на Москве людей нет, все люд глупой», и хотел бежать в Литву. У него были отобраны тетради, содержавшие «про всяких людей Московского государства разные укоризны», между прочим стихи, из которых сохранилось только одно двустишие: «Московские люди сеют землю рожью, а живут все ложью».

В монастыре Хворостинина содержали строго, в особой келье, под присмотром «крепкого житьем старца». В ноябре 1623 г. монастырский собор испытал его в вере по присланному патриархом Филаретом «учительному свитку». Князь покаялся и свиток подписал. Два месяца спустя ему позволили вернуться в столицу. Хворостинин постригся в монахи, приняв имя Иосиф, и 28 февраля 1625 г. умер.

Перу Ивана Хворостинина принадлежит прозаическая повесть «Словеса дней и царей и святителей московских, еже есть в России» и стихотворный трактат. В них автор изображает себя не только ревностным христианином, но и вполне благонадежным человеком, якобы не одобрявшим действий Лжедмитрия. Эти сочинения, очевидно, писались в последние годы жизни Хворостинина с целью внушить царю и патриарху, что раскаяние монастырского узника было чистосердечным. При этом Хворостинин не преминул очернить и представить в невыгодном свете многих своих современников.

«Изложение на еретики-злохульники» — огромный (около 1300 стихов) ортодоксальный богословский трактат, который в большей своей части является переводом-переделкой украинского антиуниатского «стихотворного полемического комплекса 80—90-х гг. XVI в.» (см.: Українська поезія. Кінець XVI—початок XVII ст. / Упорядники В. П. Колосова, В. І. Крекотень. Київ, 1978. С. 54—55, 71—136). Но Хворостинин и не скрывал этого обстоятельства, что ясно из акростиха в «Молитве Христу Богу»: «Превод излажения княз Ивана». Но трактат не является просто русифицированной версией (в некоторых местах весьма точно следующей оригиналу) — Хворостинин искусно вставил в текст многочисленные акростихи и автобиографические куски, где он описывает свои злоключения и разражается филиппикой против своих «рабов», холопов, по чьему доносу он и угодил в монастырскую тюрьму.

«Изложение на еретики-злохульники» (в отрывках) публикуется по списку конца XVII в.: *РНБ*, собр. Михайловского, F. 100, л. 46 об.—48, 66—74.

Стр. 22. *Каинъ со Авелемъ двѣ церкви знаменуютъ...* — Имеются в виду церкви католическая и православная.

Стр. 24. *Но не подобна Бога в Троицы разумѣютъ.* — Речь идет о католическом догмате о исхождении Св. Духа не только от Бога Отца, но и от Бога Сына (Filioque). Православие этот догмат не признает.

Стр. 25. *Но святый Павел, буйством ея нарекше...* — Имеется в виду 1 Послание к Коринфянам, гл. 3, ст. 19: «Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом». Безумие («буйство») человеческой мудрости проистекает оттого, что она в отличие от веры и добрых дел не может быть порукой спасения души и вечного блаженства.

...согрѣшившаго спаслъ еси Лота... — Лот грешил и непочтительностью к Аврааму, и малодушием.

Стр. 26. *В них же бысть святый Андрей Первозванный...* — Согласно Евангелию от Иоанна (1, 40—42), Андрей, брат Петра, первым последовал за Христом на Иордане (отсюда «Первозванный»). Согласно апокрифам, Андрей избрал местом своего пребывания Синоп и оттуда совершил три миссионерских путешествия на север, вплоть до Херсонеса Таврического. Затем он отправился на юг, крестил Византию и был распят в Патрасе (Патрах Ахайских) на косом («андреевском») кресте. Русские книжники создали свой апокриф об Андрее, вошедший в «Повесть временных лет».

Стр. 28. *...вмѣсто предисловия...* — Здесь: послесловие.

Осмой соборъ не по истиннѣ совершиша. — Восьмой вселенский собор (869—870), который предал анафеме константинопольского патриарха Фотия и объявил римского папу неподсудным и «орудием Св. Духа». Православная церковь признает только семь вселенских соборов.

СПРАВЩИК САВВАТИЙ

В 30—40-е гг. XVII в. в русской поэзии возник «духовный союз» стихотворцев, фактически — первая в русской поэзии школа поэтов, связанных между собой личными и творческими контактами. Эта школа объединяла разных людей — и белое духовенство, и монахов, и мирян. Можно утверждать, что эта школа объединяла более десятка стихотворцев, хотя о многих сведения чрезвычайно скудны. Поскольку многие стихотворцы — это приказные чиновники, то их литературную деятельность А. М. Панченко назвал «приказная школа стихотворства». Приказные поэты в творческом отношении объединялись вокруг московского Печатного двора и в середине XVII в. пытались даже овладеть и печатным станком, однако осуществить им это не удалось и предназначавшиеся к печати стихотворные произведения (в жанре предисловий) остались в рукописях.

Крупнейшим представителем этой школы был справщик Савватий. Сведения об этом монахе-книжнике очень скудны. Стихотворец второй трети XVII в. Савватий служил в Книжной спра-

ве московского Печатного двора. Он был принят туда в сентябре 1634 г. и пробыл справщиком восемнадцать лет: последнее упоминание о нем приходится на сентябрь 1652 г. Не исключено, что его увольнение связано с неодобрительным отношением к реформе патриарха Никона. Возможно, еще до зачисления в Книжную справу Савватий был известен при дворе (в одном из посланий к царю он называет себя «преже бывшей у тебя, государя, служитель олтарев»). Савватий сумел снискать покровительство достаточно влиятельных людей: Ивана Никитича Романова-Каши, духовника царя Михаила Федоровича Никиты и др.

По всей видимости, Савватий принимал участие в полемических «прениях» с лютеранскими пасторами в 1640-х гг. В то время московское правительство предполагало издать антилюторский трактат Ивана Наседки «Изложение на люторы», и Савватий также надеялся напечатать свои стихотворения на эту же тему. Эту просьбу он высказал в послании царскому духовнику Никите, прося его передать стихи царю («любо повелит государь и в печатное воображение положити»), но в печать «грешные трудишки» Савватия так и не попали.

Печатается по рукописи: *БАН*, Архангельское собр., Д 527, л. 108—114.

Стр. 31. *Наставления ученику.* — В своих посланиях Савватий часто говорит о своем «дидаскальстве» (учительстве, наставничестве). В данном случае речь идет не о метафорическом значении слова, а о прямом: наставление обращено к князю Михаилу Никитичу Одоевскому, умершему в 1653 г. в юном возрасте. Стихотворение, вероятно, было написано на рубеже 40—50-х гг. XVII в. В первой части стихотворения («Прещение вкратцѣ о лѣности и нерадении») от строки «Како и что учнем писати к твоей младости?» акростих: «Князи Михаилу Никитичю чернец Саиатии радоватиса» (акростих испорчен); во второй части («Азбука отпускная») автор говорит, что «слогает же ся сие тебѣ посланейцо по алфавиту», и через несколько строк начинает азбучный акростих (через одну строку) со стиха «Аз бо, многогрѣшный имярек, твой дидоскал» и до стиха «Щедрый Господь нашъ Богъ Исусъ Христосъ».

АЛЕКСЕЙ РОМАНЧУКОВ

Поэт и дипломат Алексей Саввич Романчуков принадлежал к высшему слою московской администрации: его отец был дьяком, служил в различных столичных учреждениях, в том числе и в Посольском приказе в 1620-е гг. Сам Алексей Романчуков и его братья были стряпчими и стольниками. В этой же среде у него было много дружеских связей. Так, в 1640 г. келарь Соловецкого монастыря Ефрем Квашнин, происходивший из древнего боярского рода, записал в литейник Соловецкого монастыря на вечное поминовение вместе с именами своих родителей и имя Алексея Романчукова.

В 1636 г. Алексей Романчуков был назначен посланником к персидскому шаху. Русское посольство путешествовало вместе с голштинской дипломатической миссией, секретарь которой, Адам Олеарий, так описал в своем дневнике Алексея Романчукова: «Этот русский 〈...〉 был человек лет 30, с здравым умом и весьма ловкий, знал несколько латинских изречений, против обыкновения русских имел большую охоту к свободным искусствам, особенно же к некоторым математическим наукам и к латинскому языку; он просил, чтобы мы помогли ему в изучении этих предметов, и в Персии, где мы были вместе, а особенно на обратном пути он прилежными занятиями, постоянными разговорами и упражнением в продолжение 5-ти месяцев сделал такие успехи в латинском языке, что мог передавать на нем, хотя не совсем удовлетворительно, свои задушевные мысли. Он также быстро и с охотою уразумел употребление астролябии и все то, что относится до высоты солнца, часов и геометрии. Нашему часовщику он заказал сделать астролябию, и когда, бывало, мы останавливались на ночлег в каком-нибудь городе или селении, особенно же в Астрахани, он выходил с этой астролябией для упражнений на улицу и рассказывал людям высоту домов и других зданий, что чрезвычайно удивляло русских» (*ЧОИДР*, 1869, кн. 1, отд. IV, с. 464—465).

Во время долгого путешествия Алексей Романчуков близко сошелся с некоторыми голштинцами, среди которых были и выдающиеся люди, в том числе знаменитый немецкий барочный поэт Пауль Флеминг. 16 января 1638 г. Алексей Романчуков оставил в альбоме доктора Гартмана Граммана (позднее был придворным врачом царя Михаила Федоровича) небольшое стихотворение, а рядом появился выполненный карандашом портрет самого Романчукова — первый известный нам портрет русского поэта, возможно, работы участника посольства живописца Дитриха Нимана (см. воспроизведение на цветной вклейке в кн.: *ПЛДР*. М., 1994. Т. 12).

Поэтическое наследие Алексея Романчукова невелико, помимо записи в альбоме сохранилось еще одно его стихотворное послание, в котором слышна трагическая интонация. Возможно, оно написано перед смертью: Алексей Романчуков скончался вскоре после возвращения из Персии. Ходили слухи, что это было самоубийство.

Алексей Романчуков был тесно связан с поэтами, служившими в московских приказах: ему адресовали свои стихотворные эпистолии справщик Савватий и подьячий Посольского приказа Михаил Злобин. О дружеском характере этих связей говорит и шуточный акростих в послании второго: «Алексей Саввич, пожалуй Михалку винца, как тебе Бог известит».

Стр. 38. *«Не дивно во благополучении возгоржение...».* — Стихотворение печатается по автографу А. Романчукова в альбоме доктора Г. Граммана: *РГБ*, собр. Норова, № 40, л. 47.

«Азъ же отгонимъ бываю сего свѣта...». — Стихотворное послание А. Романчукова к неустановленному лицу печатается по рукописи конца XVII в.: *БАН*, Архангельское собр., Д 527, л. 92—94 с исправлениями по рукописи начала XVIII в.: *БАН*, Архангельское собр., С 210, л. 68—68 об. Акростих «Алешка Раманчуков».

...Ерихона животнаго стѣны разрушаются... — Стены осажденного израильтянами ханаанского города Иерихона разрушились от звука труб (Иисус Навин, 6). Здесь Романчуков уподобляет разрушенному Иерихону свое тело (*Ерихона животнаго*), развивая трагическую интонацию стихотворения.

К симъ же и два мелющия преставают... — Неясное и, возможно, испорченное место. Не исключено, что это отсылка к евангельскому рассказу о событиях перед Вторым Пришествием Господа (Мф. 24, 39—41).

Стр. 39. *...Даже и фригийския претвердыя стѣны падоша...* — Фригия — государство в Малой Азии; возможно, речь идет о завоевании Фригии в 333 г. до н. э. Александром Македонским.

НАФАНАИЛ, МАРТИРИЙ, МАРДАРИЙ

Небольшие стихотворные послания Нафанаила, Мартирия и Мардария (имена устанавливаются по акростихам) вместе с посланием А. С. Романчукова (см. с. 38) входят в стихотворную компиляцию «Послания многоразлична, а в них описует имена отлична» 1630-х гг. Об авторах сведений нет, однако подбор имен позволяет предположить, что они принадлежали к духовному сословию.

Печатается по рукописи: *БАН*, Архангельское собр., Д 527, л. 91—92.

МИХАИЛ ЗЛОБИН

По документам XVII в. известно по крайней мере семь Злобиных, служивших в московских приказах. Однако только один из них дослужился до дьяка, а все остальные умирали подьячими, не всегда отдаваясь полностью служебным обязанностям. Так, на одного из них, Семена Злобина, был извет, что он «пьет и от питья болен и в делах неисправен»; за это его отставили от письма (см.: В е-

селовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 197). В родню пошел и Михаил Злобин, который в 1638 г. был подьячим Посольского приказа и владел двором в Москве.

По личным и семейным связям он имел обширные знакомства в кругах столичной администрации, в том числе и среди поэтов «приказной школы». Как и справщик Савватий, Михаил Злобин ищет покровительства — сначала у влиятельного дьяка Василия Львовича Волкова, а через него — у начальника Приказа Большого дворца князя Алексея Михайловича Львова. В стихотворных посланиях Злобина слышны ернические мотивы. Видимо, Михаил Злобин избрал для себя и играл роль балагура в кругу поэтов «приказной школы».

Стр. 43. *Прошение Михалка Злобина.* — Дружеское послание А. С. Романчукову было написано, вероятно, в 1630-х гг., во время их совместной службы в Посольском приказе (акростих: «Алексей Савич, пожалуй Михалку винца, как тебе Бог известит»). Печатается по рукописи: *БАН*, Архангельское собр., Д 527, л. 99—100 об.

Стр. 44. *Ино ко иному о щедротствѣ.* — Адресат послания неизвестен; акростих: «Соверши, господар, свое милостивое ко мне слово, еже обеща зсудити». Печатается по рукописи: *БАН*, Архангельское собр., Д 527, л. 100 об.—102 об.

ЛАРИОН, ФЕОКТИСТ

Составляющая единый комплекс стихотворная переписка двух монахов-книжников относится к 1630—1640-м гг. Ответ Феоктиста более монотонен и тяжеловесен, что обусловлено просто заданной длиной акростиха, который и содержит собственно послание — ответ на акростих Лариона. Это типично для многих посланий приказной школы: «В них много повторений, мало информации, а иногда они превращаются в набор литературных клише» (Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 72). Тем не менее эта частная по характеру переписка нашла читателей, поскольку сохранилось несколько ее списков.

Стр. 46. *Послание Феоктисту.* — Акростих: «Старец господар Феоктист, дай ми книгу списат». Печатается по рукописи: *БАН*, Архангельское собр., Д 527, л. 115 об.—116.

...и послание лаодикийское... — Имеется в виду «Лаодикийское послание» Федора Курицына — один из памятников еретических движений XV в. (см.: *ПЛДР*. М., 1982. Т. 5. С. 538; Наст. изд. Т. 7. С. 444).

Стр. 47. *От Феоктиста к Лариону старцу отвѣщание.* — Акростих (рифмованный): «Старец господар, потруженная тобою любезны восприях и противу твоего аще и не тако, но абаче восписах ти всяко, т⟨ы⟩ же мя в том прости и никомуже возвести». Начальные стихи стихотворения — повторение первых строк послания Лариона. Печатается по той же рукописи (л. 116 об.—120).

Стр. 48. *...мысленнаго Аммалика.* — Амалик — родоначальник воинственного племени амаликитян, обитавшего между Синайским полуостровом и Палестиной; было разгромлено Саулом и Давидом.

ФЕДОР ШЕЛЕШПАНСКИЙ

Князь Федор Андреевич Шелешпанский в 30—40-е гг. XVII в. усердно занимался своей карьерой и занял заметное место в столичной администрации: еще в Смутное время он исправлял должность воеводы в Царицыне; в 1635 г. служил воеводой в калмыцком городе Царев-Кокшайск; в 1636 г. приехал в Москву, а затем вернулся обратно в Царев-Кокшайск, где и служил до

1637 или 1638 г. В 1640 г. — дворянин московский; во второй половине 1640-х гг. был главой Холопьего приказа.

Стихотворное послание Ф. Шелешпанского обращено к признанному авторитету в кругу приказных стихотворцев 30—40-х гг. XVII в. князю Семену Ивановичу Шаховскому-Харе. Его можно приблизительно датировать 1634 г. Поскольку сам автор характеризует свое послание «скорбию изобилуемо и слезами текущее» и упоминает «о моем скорбном пребывании», то это дает основания полагать, что автор был во время написания либо в опале, либо без места.

Печатается по рукописи: *РГБ*, ф. 726 (собр. И. К. Андронова), № 2, л. 225 об.—226 об. Акростих «Господарю моему князю Семиону Ивановичю Федка Шелешпалской челом биет».

АЛЕКСЕЙ ОНУФРИЕВ

Алексей Захарьевич Онуфриев, сын дьяка Казенного приказа, служил в 1650-х гг. подьячим в Приказе Большого дворца. Три его стихотворения продолжают традиции приказной школы первой половины XVII в. Возможно, что он был знаком с кем-то из поэтов старшего поколения, группировавшихся вокруг Печатного двора, который вплоть до 1653 г. подчинялся Приказу Большого дворца.

Стихотворения Онуфриева, трактующие тему «животворящего креста», вероятно, связаны с основанием патриархом Никоном в 1656 г. Крестного монастыря на Белом море, и поскольку первое из них является предисловием («стихи двоестрочни о книзе сей»), то не исключено, что весь цикл предназначался для издания «Сказания о святем и животворящем кресте Господни, что в Крестном монастыри», которое осталось в рукописи (*РНБ*, собр. Погодина, № 1583, л. 4—31).

Стихотворный цикл Онуфриева примечателен тем, что в нем откровенно выражен панправославный экспансионизм политики патриарха Никона. Поэт прямо пророчит царевичу Алексею Алексеевичу (1654—1670) византийский престол. Но после того как Никон в 1658 г. оставил патриаршество, идея о том, что русский царь будет вершителем судеб православного мира и «Цареградом будет владети», отошла на второй план русской политики. Стихотворения Онуфриева — редкий для середины XVII в. пример отражения в поэзии современных политических идей.

Текст печатается по рукописи: *РНБ*, Q. XVII. 227, л. 23—27. Во втором стихотворении акростих: «Слози приказу Болшаго дворца подиачего Алексия Захариева сина Анофриева первое написася в славу кресту».

Стр. 55. *Иногда Константин пред полки ношаше...* — Император Константин Великий (274—337), основатель Константинополя, объявил христианство государственной религией. На его знамени был изображен крест с надписью «Hoc vinces» («Сим победиши»).

ТИМОФЕЙ АКУНДИНОВ

Тимофей Демидович Акундинов (Акиндинов, Анкудинов), выдававший себя то за сына, то за внука царя Василия Шуйского, родился в октябре 1617 г. в Вологде, в семье стрельца. В конце 30-х гг. XVII в. перебрался в Москву, где стал подьячим приказа Новой чети. В 1643 г. Тимофей Акундинов бежал в Польшу. Видимо, на побег его подтолкнула опала, которая постигла его покровителя, дьяка Ивана Патрикеева, вернувшегося в сентябре 1642 г. из неудачной поездки в Данию за женихом для царевны Ирины Михайловны. Бежавший вместе с Акундиновым подьячий Константин Конюхов показал позднее под пыткой, что в ночь перед побегом тот совершил ужасное преступление — сжег свой дом, предварительно закрыв в нем жену.

В Польше Акундинов объявил себя гонимым царевичем и стал одним из многих русских самозванцев первой половины XVII в. После вмешательства русских дипломатов ему пришлось

уехать в Турцию, где он принял магометанство, что не помогло ему в осуществлении его политических планов. Затем он перебрался в Рим, где просил у папы поддержки своих притязаний на московский престол, взамен обещая обратить русских в католическую веру, в которую сам и перешел. Потерпев и тут неудачу, он уехал на Украину, откуда отправился в Швецию, где перешел в лютеранство. Странствия и метания по Европе политического авантюриста закончились в 1653 г., когда Голштиния выдала его России. В Москве он был допрошен в застенке, уличен на очной ставке матерью, от которой отрекся, и затем четвертован.

Из публицистических посланий Тимофея Акундинова видно, что он был человек, безусловно, начитанный и одаренный, владевший польским и латинским языками. Владел он и стихотворной формой: 11 декабря 1646 г. (или в 1648 г.) он подал московским послам в Царьграде декларацию, написанную неравносложными стихами вполне в манере приказных поэтов, в которой обосновывал свои притязания на московский престол.

Стр. 57. *Декларация московскому посольству.* — Текст стихотворения известен в единственном поврежденном списке, который сохранился в деле, озаглавленном «Извет приказу Новыя чети подьячего Тимофея Анкидинова, доказывающего о себе, что он сын царя Василия Ивановича Шуйского с показанием похождения его и родословия Шуйских и Романовых, списанный в Цареграде в бытность тамо послов Телепнева и Кузовлева». Печатается по рукописи: *РГАДА*, ф. 149, № 73, л. 4—5.

...*Галиада*... — Голиаф, библейский исполин, которого юноша Давид, будущий царь израильский, убил камнем из пращи.

...*Ибрагим султана*... — Султан Оттоманской порты (1615—1648).

Стр. 58. ...*краль Аполлон Тирский.* — Герой переводной повести, переведенной в России с польского языка в XVII в. (см.: *ПЛДР.* М., 1988. Т. 10. С. 407—426; Наст. изд. Т. 15. С. 358—376).

...*Иовиан, цесарь римский.* — Персонаж переводного сборника «Римские деяния», наказанный Богом за то, что усомнился в справедливости евангельских слов «богатии обнищаша и нищии обогатеша». На охоте цесарь снял с себя платье и поплыл за оленем, а в это время в его одежды облачился ангел, которого все признали цесарем. Иовиану пришлось долго скитаться, пока Бог не вернул ему престол (см.: *ПЛДР.* М., 1989. Т. 11. С. 133—138; Наст. изд. Т. 16. С. 246—252).

На Филарета митрополита. — В миру Федор Никитич Романов, отец царя Михаила, патриарх в 1619—1633 гг. Акундинов не признает его патриархом.

У трех товарыщев былъ один хлѣб завѣтный... — Акундинов пересказывает повесть из «Римских деяний» о хитром пилигриме, который обманул своих спутников (см.: *ПЛДР.* Т. 11. С. 167—168; Наст. изд. Т. 16. С. 300—302), а затем сравнивает с ним митрополита Филарета.

...*вран на нарыщи.* — Цитата из Псалтыри (101, 7).

А гордому кролевичу польскому... — Имеется в виду королевич Владислав (1595—1648), претендент на московский престол, которого в 1610 г. избрал земский собор под давлением боярского правительства.

...*тушинскому вору*... — Лжедмитрий II, лагерь которого был в подмосковном селе Тушине. Убит в Калуге 11 декабря 1610 г.

МИТРОФАН

Никакими биографическими сведениями о стихотворце мы не располагаем. К приказной школе поэтов его можно отнести из-за использованного им жанра (послание с акростихом). Но его единственное стихотворение стало важной вехой в истории русской лирики — это первое любовное стихотворение в русской поэзии. Любовь-страсть в русской поэзии XVII в. не встречается. Публикуемое любовное послание, написанное до 1669 г., — редчайший образец вплоть до начала XVIII в. Неожиданный в контексте послания «фараон» объясняется тем, что влюбленный поэт свое

имя скрыл в акростихе («Митрофан»), а выбор слов, начинающихся на «ферт», невелик: фараон, фарисей, философия и пр.

Стр. 61. *«Море мысленое всегда волнуется...».* — Послание было обнаружено и опубликовано Д. С. Лихачевым: Лихачев Д. С. Любовное письмо XVII в. // Учен. зап. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1948. Т. 67. С. 38. Текст сверен с рукописью: *РНБ*, собр. Титова, № 1121, л. 303.

ЕПИФАНИЙ СЛАВИНЕЦКИЙ

О домосковском периоде жизни Епифания Славинецкого достоверных сведений сохранилось мало. Известно, что под этим именем он был пострижен в Киево-Печерской лавре, а с начала 1640-х гг. преподавал в Киевской братской школе латынь и, возможно, греческий язык. В 1649 г. царь Алексей Михайлович просил киевского митрополита Сильвестра Коссова прислать в Москву людей, сведущих в книжном деле. Летом того же года Епифаний Славинецкий вместе с Арсением Сатановским прибыл в Москву. Сначала киевские старцы жили на хлебах Федора Ртищева в построенном им Андреевском монастыре на Воробьевых горах, где помимо ученых трудов вели еще занятия в организованной ими школе, а с 1651 г. Епифаний перешел на жительство в Чудов монастырь, где и прожил до смерти (1675 г.).

За четверть века неустанных трудов Епифаний создал в Москве в общей сложности более 150 различных сочинений, богословских и филологических, переводных и оригинальных. Он писал проповеди, составлял словари, наряду с богословскими переводил и светские памятники (например, Фукидида и Эразма Роттердамского), готовил к печати московское издание Библии 1663 г., а также Служебник 1655 г., которому выпало сыграть трагическую роль в начале церковного раскола.

Епифанию Славинецкому приписывается и целый ряд стихотворных сочинений, но надо признать, что атрибуция их Епифанию основывается преимущественно на традиции и не имеет твердых оснований. Это относится и к трем публикуемым в настоящем издании стихотворениям, которые печатаются по рукописному песеннику XVII в.: *РГБ*, Музейное собр., № 9498, л. 136 об.—137, 161 об.—162, 166 об.—167 с отдельными исправлениями по рукописному песеннику XVII в.: *ГИМ*, Музейское собр., № 1938.

АРХИМАНДРИТ ГЕРМАН

В юности Герман был келейником патриарха Никона; Герман и потом оставался одним из самых близких к нему людей, как раз рядом с ним Герман изображен и на картине 1660-х гг. кисти Д. Вухтерса «Патриарх Никон с клиром» (см. вклейку в кн.: *ПЛДР*. М., 1994. Т. 12). Когда в 1658 г. Никон покинул патриарший престол и поселился в Воскресенском монастыре (Новом Иерусалиме) на Истре, Герман пребывал там в сане иподьякона. Затем он последовательно занимает должности уставщика (регента хора), строителя, т. е. настоятеля (в 1673—1675 гг. и — после перерыва — с 1678 г.), архимандрита (с 1681 г.).

В 1680 г. Герман был в числе подписавших челобитную о возвращении опального Никона из Кирилло-Белозерского монастыря в Новый Иерусалим; патриарх Иоаким, как известно, не дал на это разрешения. 25 августа 1681 г. Герман в присутствии царя Федора Алексеевича участвовал в отпевании Никона, который, получив наконец дозволение воротиться в основанную им обитель, умер по дороге туда, в Ярославле. На другой день после похорон царь «пожаловал архимандриту Герману своей государевой конюшни иноходца бура, и архимандрит Герман великому государю кланялся в

землю» (*ЧОИДР*. 1874. Кн. 3. Отд. 1. С. 53). Царь и позднее посещал Новый Иерусалим, слушал духовные псалмы Германа, а в январе 1682 г. преподнес ему драгоценную архимандричью шапку.

Судя по акростихам, Герману безусловно принадлежат 14 духовных песнопений и две эпитафии Никону. В некоторых стихотворениях Герман разместил несколько акростихов (иногда рифмованных) изощренной формы и рисунка. При чтении акростихов Германа в настоящей публикации нельзя забывать о том, что в рукописных песенниках XVII в. строфы записывались не в столбик, а в строку, поэтому буквы (обычно выделенные киноварью) образовывали легко читаемые слова и фразы. Представление о том, как выглядят акростихи в рукописном песеннике, можно получить по фотовоспроизведению четырех песен Германа в статье: Позднеев А. В. Поэт XVII века Герман. (Мастер акростиха) // Československá rusistika. 1969. № 4. S. 150—158.

Стр. 67. *«Ангелскую днесь вси радость...»*. — Песнь о Воскресении Христовом. Акростих (в последних четырех строфах, исключая трегубую «Аллилуйю»): «Германе сие написа». Печатается по рукописному песеннику XVII в.: *ГИМ*, собр. Музейское, № 1743, л. 202 об.—203; отдельные исправления сделаны по рукописным песенникам XVII в.: *РНБ*, собр. Погодина, № 1974, л. 115 об.—116; *ГИМ*, Музейское собр., № 1938, л. 55 об.—56.

...в онъже Христос возврати плѣн... — Речь идет об искуплении Иисусом Христом первородного греха.

Стр. 68. *Свѣтися, свѣтися, новый Иерусалиме добрый.* — Имеется в виду Воскресенский монастырь на р. Истре. Герман использует здесь и далее текст ирмоса 9-й песни пасхального канона Иоанна Дамаскина, посвященный Богородице: «Светися, светися, новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебе возсия...».

Стр. 69. *«Господи! Возвах к тебѣ, услыши мя...»*. — Печатается по рукописному песеннику XVII в.: *РНБ*, собр. Погодина, № 426, л. 19 об.—20; отдельные исправления сделаны по рукописному песеннику XVII в.: *РГБ*, Музейное собр., № 9498, л. 32 об. Свободное переложение 140-го псалма. Акростих: «Герман монах моляся писах».

Стр. 70. *«Радуйся, благодатная...»*. — Печатается по рукописному песеннику XVII в.: *РГБ*, Музейное собр., № 9498, л. 119—120. Акростихи: «Радуйся, благодатная» (по всему тексту с вариациями прочтения: в каждой строфе убывает одна буква в начале и наращивается одна буква в конце этой акростишной фразы); «Господ⟨ь⟩ с тобою, Герман пою» (в трех последних строфах). *Радуйся, благодатная...* — Герман начинает свое стихотворение словами архангела Гавриила, обращенными к Богородице (Лк. 1, 28).

Стр. 73. *«Блаженству тезоименитаго...»*. — Песня является стихотворным пересказом основных эпизодов Жития Макария (1349—1444), в том числе основания им двух монастырей: Желтоводского недалеко от Нижнего Новгорода, а затем на р. Унже (см. текст его Жития: Наст. изд. Т. 13. С. 262—303). В тексте акростих: «Блаженному Макарию [по первым буквам первых строк каждой строфы] Герман, моляся, вопию [по первым буквам третьих строк каждой строфы]». В трех последних строфах акростих по первым буквам каждой строки: «Моли Бога о мне». Печатается по фотовоспроизведению рукописи: *ГИМ*, Музейское собр., № 1743 в статье: Позднеев А. В. Поэт XVII века Герман. (Мастер акростиха) // Československá rusistika. 1969. № 4. S. 150—158. *Блаженству тезоименитаго...* — Здесь Герман использует этимологическую фигуру, поскольку в переводе с греческого имя Макарий значит «блаженный», «счастливый», «благословенный».

Стр. 76. *«Небо радуется согласно...»*. — Песня в честь св. Николая Чудотворца. В семи первых строфах акростих: «Николаю [по первым буквам первых строк] вспеваю [по первым буквам вторых строк] радуяся [по первым буквам четвертых строк] в скорби [по первым буквам пятых строк]». В следующих восьми строфах акростих по первым буквам каждой строки: «Писал Герман строител⟨ь⟩ печали обдержащи велико». Печатается по рукописному песеннику XVII в.: *ГИМ*, Музейское собр., № 1743, л. 82 об.—83; отдельные исправления сделаны по рукописям XVII в.: *РНБ*, собр. Погодина, № 426, л. 137 об.—138; *РНБ*, Q.XIV.25, л. 102 об.—103.

Стр. 78. *«Феодоръ, славный воевода...»*. — Панегирическая песня в честь святого Федора Стратилата и царя Федора Алексеевича. Акростихи: «Феодора восхваляю, да защищает, умоляю, царя тезоименнаго, Феодора усерднаго» [при чтении сверху вниз по первым буквам 1, 2, 4,

5-й строк в первых 16 строфах]; «Лѣта седмъ тысящь сто осмдесят шестаго в осмый день иуня» [по 3 строке всех 20 строф; т. е. песня написана летом 1678 г.]; «Убоги чернец Герман» [при чтении по первым буквам 1, 2, 4, 5-й строк в последних четырех строфах]. Печатается по рукописному песеннику XVII в.: *РНБ*, Q.XIV.25, л. 202 об.—203; отдельные исправления сделаны по рукописи XVII в.: *РНБ*, собр. Погодина, № 426, л. 154 об.—155.

Стр. 82. *Эпитафии патриарху Никону.* — Эпитафии Германа, содержащие биографическую канву патриарха, были высечены на гробнице Никона и уже в XVII в. получили распространение в рукописях в составе «Жития патриарха Никона» Ивана Шушерина (о Никоне см.: *ПЛДР*. Т. 10. С. 670—671).

В первой эпитафии акростих по первым буквам нечетных стихов: «Аз, Герман, в памят⟨ь⟩ отца се писах»; во второй: «Герман написа» (по первым буквам нечетных стихов) и «В славу си отца» (по последним буквам нечетных стихов).

Эпитафии печатаются по списку «Жития патриарха Никона» начала XVIII в.: *ИРЛИ*, колл. В. Н. Перетца, № 172, л. 232—233, с отдельными исправлениями по ранним публикациям надписи с надгробной плиты в кн.: Достопамятности Москвы. Изд. К. Тромонина. М., 1845, с. 77—78; Аполлос, архим. Начертание жития и деяний Никона, патриарха московского и всея России. Изд. 4. М., 1845. С. 91—93.

...братства Анзеръ при морѣ монахом причтеся... — Никон принял монашество в Анзерском скиту (на Соловецких островах).

Единъ в Кожеозерской немало пустыни... — Никон был настоятелем этой пустыни в 1643—1646 гг. (на Кожозере, в 110 км от Онежского озера).

...он в обитель сходит Воскресенску... — Никон основал Воскресенский монастырь в 1656 г. и построил там храм наподобие Иерусалимского; монастырь также назывался Новый Иерусалим.

Стр. 83. *...образъ... Плакидовъ...* — Герой широко распространенного в древнерусской литературе жития Евстафий Плакида, претерпевший многочисленные несчастья. В житии он сравнивается с библейским Иовом, добродетельным человеком, безропотно перенесшим все удары судьбы.

...Аки Даниила от рова печали... — Пророк Даниил по приказу царя Дария был брошен в яму со львами, но те его не тронули.

Стр. 84. *...Феодоръ...* — Царь Федор Алексеевич, разрешивший Никону вернуться из ссылки в Воскресенский монастырь. По дороге Никон умер, царь присутствовал при его отпевании.

АРХИМАНДРИТ НИКАНОР

Никанор был архимандритом Воскресенского монастыря в 1685—1698 гг. Его перу принадлежит также обширная стихотворная летопись Воскресенского монастыря, вырезанная на стене. В публикуемой эпитафии Никанор упомянул не только о том, что Герман был архимандритом монастыря и учеником патриарха Никона, но и посчитал нужным отметить его литературные поэтические труды: псалмы («изрядная... псалмопѣния») и эпитафию Никону («сложно писание над гробом положи»). Будучи учеником Германа («Азъ же, любовь его к себѣ поминая»), Никанор продолжил традиции поэтов новоиерусалимской школы до конца XVII в.

Эпитафия архимандрита Никанора — памятник в полном смысле слова эпиграфический — вырезана на могиле Германа и известна лишь по позднему изданию, текст ее значительно пострадал: нарушен изосиллабизм стиха и искажен акростих, который следует читать по первым буквам нечетных, а потом четных строк («Никанор писал орх⟨и⟩мандрита»).

Печатается по изданию: Леонид, архим. Историческое описание ставропигиального Воскресенского Новый Иерусалим именуемого монастыря // *ЧОИДР*. 1874. Кн. 3. Отд. I. С. 101.

ПРОТОПОП АВВАКУМ

Протопоп Аввакум известен прежде всего как прозаик (см.: Наст. изд. Т. 17). Сам он писал, что «виршами философскими не обык речи красить». Вместе с тем можно полагать, что отрицание относится здесь скорее к прилагательному «философские», чем к существительному «вирши». Аввакум осуждал «внешнюю» философию, риторику и поэтику, но у него нет и тени осуждения стихотворства как разновидности литературной речи. Первое поколение старообрядцев вообще не отрицало поэзии, поэтом был, например, духовный сын Аввакума, инок Авраамий. В прозаических сочинениях Аввакума, в «Житии» и в записке «О той же второй казни Лазаря, Феодора и Епифания и о исцелениях казненных» выделяются три фрагмента (в рукописях они выделены и пунктуационными знаками) как несомненно стихотворные. В кульминационных моментах повествования, для большей экспрессивности, Аввакум вводит стихотворную речь, но ориентируется при этом не на «мерное» стихотворство школы Симеона Полоцкого (это и были для него «вирши философские»), а на народный сказовый стих. Несомненно, что стихи Аввакума, ориентированные на молитвословие, пелись.

«Вопль ко Господу» печатается по рукописи: *БАН*, собр. Дружинина, № 746 (790), л. 227—227 об.; «Хвала о церквѣ» по той же рукописи (л. 263 об.—264); «Стих о душе» по изданию: Русская историческая библиотека. Л., 1927. Т. 39 (Памятники истории старообрядчества XVII в.). Стб. 717—720.

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ

Симеон Полоцкий (в миру Самуил Гаврилович Петровский-Ситнянович) родился в 1629 г., получил образование в Киево-Могилянской коллегии и, вероятно, какое-то время провел в Виленской иезуитской академии, потом вернулся в Полоцк, где стал учительствовать в школе тамошнего православного братства. В 1656 г. своими приветствиями и стихами он сумел обратить на себя внимание царя Алексея Михайловича, проезжавшего через Полоцк. В 1660 г. он побывал в Москве и вновь поднес царю стихотворения, а в 1664 г. Симеон уехал в Москву, где и прожил до конца жизни (умер в 1680 г.).

В Москве Симеон Полоцкий почти сразу попал в водоворот сложных событий — назревал и скоро разразился раскол в Русской церкви. И Симеону Полоцкому пришлось принять активное участие в церковном соборе 1666—1667 гг. Именно он подготовил к печати издание «Жезл правления» (1667) — обличение челобитных суздальского священника Никиты Добрынина («Пустосвята») и романовского попа Лазаря. Вскоре он стал при дворе нужным человеком и был взят на дворцовое содержание. При этом он нажил много врагов и недоброжелателей как среди старообрядцев, так и среди приверженцев «старомосковской» партии, грекофилов, которые группировались вокруг Чудовской школы Епифания Славинецкого. Грекофилы до самой смерти подозревали Симеона в склонности к католицизму. Впрочем, эта враждебность отнюдь не мешала Симеону испытывать вполне искреннее уважение к Епифанию Славинецкому, которому Симеон заметно уступал в образованности.

Но недоброхоты не смогли помешать успешной карьере Симеона — во второй половине 1667 г. Симеон был назначен учителем царевича Алексея Алексеевича, а затем он стал наставником второго сына царя — Федора и учил впоследствии царевну Софью и малолетнего Петра. Однако Симеон, как и Епифаний Славинецкий, не занимал высоких церковных постов и не искал их. Этот просветитель, прибывший в Москву во всеоружии европейской учености, поставил своей целью создать в России новую литературную культуру и усердно трудился над воплощением этой цели. Сильвестр Медведев, любимый его ученик (в Заиконоспасском монастыре они жили в соседних покоях, соединявшихся общим коридором), вспоминал, что Симеон «на всякий день» имел обыкновение «писати в полдесть по полутетради» (т. е. восемь листов в четверку), причем почерк

его был «зело мелок и уписист». Симеон мечтал завести в Москве академию, устроенную по западным образцам, которая была открыта уже после его смерти.

Литературное наследие Симеона Полоцкого огромно и разнообразно. Его проповеди, напечатанные посмертно, составили два больших тома — «Обед душевный» (1681) и «Вечерю душевную» (1683). Стихотворения «на случай» поэт к концу своей жизни собрал в огромный «Рифмологион, или Стихослов». Симеон Полоцкий стоял также у истоков русского театра — в «Рифмологион» вошли две его пьесы (см. с. 634).

Главный его поэтический труд — это сохранившийся в автографе и беловых списках «Вертоград многоцветный», своего рода поэтическая энциклопедия, в которой стихотворения расположены в алфавитном порядке. Алфавит в эпоху барокко продолжали считать моделью универсума; действительно, «Вертоград многоцветный» — это яркий поэтический мир, в котором наряду с дидактикой главенствует история, представленная множеством ветхозаветных и раннехристианских, античных и средневековых персонажей, среди которых нет ни одного героя русской истории. В «Вертограде» насчитывается более 1100 названий, причем под одним заглавием часто помещается целый цикл — от двух до двенадцати стихотворений.

Самый живой отклик у читателей не только в Москве, но и по всей России вызвал другой его труд — «Псалтирь рифмотворная», изданная в Москве в 1680 г. Это была первая в России печатная стихотворная книга. У нее были как горячие защитники и поклонники, так и непримиримые хулители. Первые считали «Псалтирь рифмотворную» решительным шагом на пути европеизации и секуляризации русской культуры. Вторым книга казалась посягательством на Св. Писание, «самосмышлением» и ересью, ставилось в вину и то, что в своем переложении библейской книги он подражал великому польскому поэту XVI в. Яну Кохановскому. Тем не менее «Псалтирь рифмотворную» уже в XVII в. часто переписывали и в правление царевны Софьи она была положена на музыку певчим дьяком Василием Титовым. О популярности переложения Симеона в XVII—XVIII вв. говорят рукописные копии того времени.

Если в поэтических школах первой половины XVII в. культивировался какой-нибудь один жанр (например, стихотворное послание или псалом), то исключительно плодовитый Симеон Полоцкий создал богатую жанровую систему, ориентированную на европейскую (прежде всего, польскую) поэзию барокко. Поэзия Симеона — это поэзия, охваченная пафосом просветительства, отсюда проистекает во многом дидактический характер его поэзии, включая изложение в стихах научных сведений и обогащение новыми повествовательными сюжетами, античными и западноевропейскими.

Стр. 87. *Стихи утѣшныи къ лицу единому.* — Одно из немногих в наследии Симеона Полоцкого шуточных стихотворений автобиографического характера. Написано, вероятно, в первой половине 1660-х гг., еще до приезда Симеона Полоцкого в Москву. Сожалея о несостоявшейся женитьбе и иронизируя над своим бедственным положением, Симеон предстает в своем стихотворении гуманитарием, предлагающим свои услуги желающим. Вскоре после переезда в Москву, в начале 1664 г., мечты Симеона сбылись и предлагавшийся им невиданный доселе товар («ум») нашел покупателя, а сам автор — высокого покровителя в лице царя Алексея Михайловича. Публикуется по принадлежавшему Симеону Полоцкому сборнику его сочинений: *РНБ*, F.XVII.83, л. 30 об.—31.

...в верхъ... — То есть к царскому двору.

Другий то Сампсонъ... — Иронически представляя себя богатырем, Симеон сравнивает себя с библейским героем Самсоном, но победить ему под силу только льва, нарисованного на бумаге, или досаждавших ему мелких насекомых. Так же иронически он описывает свою зажиточность и богатство.

Стр. 88. *Вертоградъ многоцвѣтный...* — Над своей громадной поэтической энциклопедией Симеон Полоцкий трудился во второй половине 70-х гг. XVII в. Первоначально стихотворения не были расположены в алфавитном порядке — это расположение появилось позднее, в писцовых копиях. В своей работе Симеон Полоцкий использовал различные источники, в первую очередь — сборник проповедей иезуита Матиаса Фабера (1586—1653) «Concionum opus tripartitum».

В круг источников «Вертограда» входят также «Speculum historiale» Викентия из Бовэ, «Magnum Speculum Exemplorum» бельгийского иезуита Иоанна Майора, «Hortulus Reginae sive Sermones» (1443—1447) Иоганна Меффрета и некоторые др.

Труд был завершен, как указано на титульном листе подносного списка, в августе 1678 г., в сборник вошли стихотворения не только московского периода, но и написанные Симеоном еще в Белоруссии, а последние авторские дополнения датируются 1680 г. Так, о стихотворении «Философиа» Сильвестр Медведев писал, что «сии последнии верши пречестный господин отец Симеон писал за пол два дни до своея смерти из утра». Последнее стихотворение в подносном списке — эпитафия Симеону Полоцкому его любимого ученика Сильвестра Медведева (см. с. 297), написанная по заказу царя Федора Алексеевича.

Полное критическое комментированное издание «Вертограда многоцветного» было осуществлено только в последние годы, см.: Simeon Polockij. Vertograd mnogocvětnyj / Ed. by Anthony Hippisley and Lydia I. Sazonova. Köln; Weimar; Wien, 1996—2000. Vol. 1—3.

В настоящем издании подборка стихотворений из «Вертограда многоцветного» печатается по подносному списку, просмотренному и выправленному Сильвестром Медведевым — *БАН*, 31.7.3.

Стр. 89. *...Леонида в нравѣх подражаше...* — Леонид, близкий родственник Александра Македонского, первый его воспитатель.

Стр. 90. *...въ крузѣ златѣ Дѣва Младенца держащи.* — Имеется в виду Дева Мария с Христом на руках.

...Сивиллы мудрыя писаху... — «Сивиллины книги» (собрания пророчеств) были предметом особой заботы императора Августа, который приказал поместить их под пьедесталом статуи Аполлона в храме Аполлона на Палатине. Пророчества Сивилл впоследствии были усвоены христианской литературой и в различных редакциях были распространены в Древней Руси. Эти прорицания в стихах вошли, например, в популярное «Небо новое» Иоанникия Галятовского (Львов, 1665) — эта книга была в библиотеке Симеона; может быть, из нее он заимствовал материал для стихотворения. Впрочем, оба стихотворения цикла находят аналогию в сборнике «Апофегмата», который Симеон также хорошо знал. В 1672 г. царь Алексей Михайлович приказал Николаю Спафарию сочинить специальную «Книгу о Сивиллах».

Стр. 100. *...Павелъ Тимофею здравый совѣт даше...* — Имеются в виду следующие пастырские наставления из 1-го Послания апостола Павла Тимофею: «...должны быть ⟨...⟩ не пристрастны к вину» (3, 8); «Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых недугов» (5, 23).

Стр. 101. *Что найпаче от правды далеко бываетъ, гласу народа мудрый мужъ то причитает.* — Стихотворение основывается на одном из правил риторики: дабы привлечь внимание, нужно «вывернуть наизнанку» какую-либо общепринятую истину (в данном случае «Глас народа — глас Божий»). Однако здесь проявилось также элитарное презрение к неученым «простецам», свойственное всем вообще поэтам-европоцентристам.

Стр. 102. *...гордый во мирѣ тако погибаетъ.* — Гордыня считалась первым из семи смертных грехов.

Пустынникъ нѣкто чюдотворецъ бяше... — Сюжет стихотворения в тех или иных модификациях был на Руси широко распространен (ср., например, «Слово о черноризце» в Прологе под 27 декабря). Он использован Л. Н. Толстым в «Отце Сергии».

Стр. 103. *...седми мудрыхъ суть мнѣния* — Рассуждая об общественном устройстве, Симеон приводит далее в стихотворении мнения по этому предмету семи древнегреческих мудрецов: Бианта Приенского («Виасъ»), Хилона Спартанского («Хилонъ»), Клеобула Линдского («Клеопулъ»), Периандра («Периандер»), Питтака Митиленского («Питтакъ»), Фалеса Милетского («Фалесъ»), Солона Афинского («Солон»). Следует иметь в виду, что существует несколько списков «семи мудрецов», которые несколько отличаются по составу.

Стр. 104. *«День и нощь»* — Этот стихотворный цикл Симеон ранее написал на польском языке, а для «Вертограда многоцветного» создал его русскую версию.

Стр. 106. *Гражданинъ нѣкто во Римѣ живяше...* — Этот анекдотический сюжет известен также по русскому переводу фацеций (см.: Наст. изд. Т. 16. С. 198).

Стр. 110. *Стани, путниче, здѣ и умилися...* — То есть в Чудовом монастыре в Кремле, где Епифаний Славинецкий прожил почти четверть века и был погребен (см. с. 603).

Стр. 111. *Павелъ митрополитъ Сарский и Подонский...* — Умерший в 1675 г. Павел был из архимандритов Чудова монастыря возведен 22 августа 1664 г. на митрополию Сарскую и Подонскую. Его называли также Павлом Крутицким — по московской резиденции на Крутицах. Павел и Симеон Полоцкий состояли в очень близких отношениях.

Стр. 113. *Гласъ вопиющаго во пустыни мира...* — Цитата из Евангелия от Марка (1, 3).

Стр. 114. *...яко начатъ книгу от законна жреца...* — Первый персонаж, появляющийся в Евангелии от Луки (1, 5), — священник Захария, отец Иоанна Крестителя. Симеон Полоцкий сближает изобразительный атрибут Луки (*тучна телца*) с «тельцом», который приносился в жертву священником Иерусалимского храма.

...въ жертву Богу принесе кадила... — Во время очередного служения в храме, когда Захария приносил Богу кадильную жертву, ему явился архангел Гавриил и возвестил о предстоящем рождении у него и его жены Елизаветы сына Иоанна (см.: Лк. 1).

...Иоаннъ всѣхъ сверстникъ превыжшает. — Иоанн — любимый ученик Христа, единственный из апостолов, бывший на Голгофе. Ему Иисус поручил Богоматерь. Изобразительный атрибут Иоанна — орел.

Стр. 125. *...Иакова святаго слово поминаю...* — «Вы, которые не знаете, что случится завтра: ибо что такое жизнь ваша? Пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий» (Иак. IV, 14).

Стр. 127. *Алвертъ Великий зѣло премудръ бяше...* — Речь идет об Альберте Великом, графе фон Больштедте (1193—1280), монахе Доминиканского ордена, алхимике и богослове, одном из самых разносторонних ученых Средневековья. Среди персонажей стихотворения — также Марк Валерий Мессала *Корвин* (около 64 до н. э.—9 н. э.), римский оратор и ученый, писавший по-гречески и по-латыни. Ему приписывалось сочинение об Августе, составленное на самом деле в XV в.

Краль галлийский Бреунъ...— Правильнее «Бренн», наименование, собственно титул, галльских вождей.

Стр. 149. *Два кощунника купно долго время жиста...* — Сюжет представлен в «Великом Зерцале» (см.: Наст. изд. Т. 16. С. 167—168).

Стр. 150. *Иеронимъ глаголетъ...* — Имеется в виду Блаженный Иероним (330—419), богослов и писатель.

Стр. 152. *Екклисиастъ богатство немощь именуетъ...* — «Есть мучительный недуг, который видел я под солнцем: богатство, сберегаемое владетелем его во вред ему» (Еккл. 5, 12).

Яко богачь Лазаря никогда смотряше... — Имеется в виду евангельская притча (Лк. 16, 19—31) о нищем Лазаре, который просил подаяние у дверей богача и подбирал крошки с его стола. На том свете богач, мучимый в адском пламени, просил, чтобы Лазарь омочил конец перста и охладил его язык.

Стр. 153. *Андродъ рабъ нѣкоему господину бяше...* — Сюжет стихотворения восходит к известному рассказу об Андрокле в «Аттических ночах» Авла Геллия, а также у Сенеки. Мотив о дружбе человека и животного на русской почве представлен в «Римских деяниях» и в мартирии о св. Вите, известном в старинном славянском переводе с латыни; в рассказе Синайского патерика о льве аввы Герасима, который дал Н. С. Лескову материал для новеллы «Лев старца Герасима»; в повести о Брунцвике и др.

Стр. 154. *Егда за грѣхъ Давыдовъ Богъ люди казняше...* — Бог разгневался на царя Давида за исчисление (перепись) народа и поразил его моровой язвой (2 Цар. 24, 1—17).

Стр. 160. *«Молитва в скорби сущаго и клевету терпящаго».* — Это стихотворение также известно в более ранней авторской версии на польском языке:

MODLITWA W UTRAPIENIU

Panie wszego stworzenia, Boże wszechmogący,
Z dobroci swej wrodzony, człowieka lubiący,
Wejzrzy łaskawym okiem dziś na biedy moje.

A daj rękę pomocy, broń stworzenie twoje.
Nieprzyjacel duszewny na mnie następuje,
Nieprawem człowieka z kłamstwem naprawuje,
Pragnące krwie mojej, owszem samej duszy,
A ja ledwie nie tonąć we łzach gorkich muszę.
Wielka na mię nawalność od potwarcy bije,
Pragnie w ciężkie okowy wprawić moję szyję.
Owszem i z skory ciało chce obłupić moje,
A ja na wielką litość, Panie, ufam twoję.
Ufam, że nie podasz stradać w niewinności,
Wzdyć twe oko prześwietło widzi z wysokości
Wszech żyjących na świecie, serdeczne skrytości
I burzliwe morza tajne głębokości.
Znam cię, winien przed tobą, a lecz miary prawie
Innymi występkami, a nie w takiej sprawie,
Ktora mi dziś obchodzi z wielką zelżywością.
Panie, racz mię z niej wyrwać swoją wszechmocnością.
Ja robak jestem słaby, rady nie mający,
Nie opuści mię dzisia, Boże wszechmogący.
Z głębokości do ciebie wołam serca mego,
Boże, racz mię obronić od potwarcy złego.
Nie dopuść niewinnego, przemoż nieprawemu.
Niech się sługa szatański nie smieje twojemu.
Widzisz moją niewinność, bądź że na pomocy,
Ze łzami modłę się we dni i w nocy.
Ty królowa niebieska, matko Chrystusowa,
Zezwól mi być na pomoc w tej sprawie gotowa.
Pokaż mi być dziś, matka, abym łaskę twoję
Przed światem opowiadał przez dni wszystkie moje.
Uproś syna twojego, aby niewinności
Nie dał szwankować przed złym synem nieprawości.
Wy, wszyscy święci, ktorzy przed Bogiem stoicie,
Miłosierdzia za wszystek świat jego modlicie,
Za mną dziś utropionem raczcie się przyczynić.
Gdy mi rady nie staje, co mam z sobą czynić?
Podnieście modły za mną do Boga prawego,
By mię raczył wybawić z frasunku ciężkiego,
Aby troszki pozbywszy mogł weselo chwalić
Imię jego najświętsze i was w świecie sławić.

Печ. с отдельными исправлениями по публикации в кн.: Симеон Полоцкий. Вирши / Сост., вступ. статья, подгот. текстов и коммент. В. К. Былинина, Л. У. Звонаревой. Минск, 1990. С. 191. (Опубликовано по рук.: *ГИМ*, Син. 731, л. 113 об.—114).

Стр. 168. ...*Всякая душа властемъ да бываетъ богопокорна*... — Перифраз из Послания апостола Павла к Римлянам (13, 1—2).

Стр. 179. «*Пияница душу продаде демону*». — Сюжет стихотворения заимствован из «Великого зерцала», см. русский перевод: Наст. изд. Т. 16. С. 175—176.

Стр. 193. *Феодор Стратилат* — св. мученик, уроженец Малой Азии, полководец, правитель Ираклии Понтийской. Был распят на кресте и затем обезглавлен (319 г.). Его память празднуется 8 февраля и 8 июня (вторая дата — дата именин царя Федора Алексеевича, небесным патроном которого был Феодор Стратилат).

И Ликиния царя посрамилъ есть... — Имеется в виду Лициний Дука, с 307 г. соправитель Галерия, впоследствии император Восточной Римской империи. При нем были жестокие гонения на христиан, жертвой которых пал и Феодор Стратилат.

...на ны нынѣ прелютѣ зияетъ. — По-видимому, это намек на русско-турецкую войну 1677 г.

Стр. 196. *Сываритове* — сибариты, жители города Сибариса, греческой колонии на берегу Лукании, славившиеся изнеженным образом жизни.

Стр. 206. *Камень фирреосъ...* — Необыкновенные свойства этого камня (lapis Thyrreus) известны только по «Естественной истории» (кн. 2) Плиния Старшего.

Стр. 211. *...Давидски слезми постель омочати.* — То есть подобно царю Давиду приносить слезное покаяние.

Стр. 212. *Талантъ въ земли сокрыти...* — Реминисценция евангельской притчи о господине, который раздал деньги своим рабам. Все употребили их в дело и получили прибыток, а тот, кому был дан один талант (т. е. денежная сумма серебром), закопал его в землю (Мф. 25, 14—30).

Стр. 216. *«Праздный да не ястъ», — апостолъ сказаше...* — 2 Фес. 3, 10.

Стр. 232. *Псалтирь рифмотворная.* — Работу над стихотворным переложением Псалтыри Симеон Полоцкий начал 4 февраля, а завершил 21 марта 1678 г. За этот краткий период он переложил 150 канонических псалмов, а затем подготовил для издания остальные тексты (посвящение, предисловия, переложение 151-го псалма, переложения библейских песней, месяцеслов и др.). Отдельным изданием книга вышла в апреле 1680 г., и Симеон успел увидеть ее при жизни. В XIX в. переложение Симеона дважды переиздавалось (в 1809 и 1811 гг.). Печатается по изд.: Псалтир царя и пророка Давида, художеством рифмотворным равномерно слоги и согласноконечно, по различным стихом родом преложенная ⟨...⟩. Стихотворил иеромонах Симеон Полоцкий. М., 1680.

...Толико же полезна Церкви сотворися... — В храме Псалтирь читается при каждом утреннем и вечернем богослужении, за неделю прочитывается целиком, а в Великом посту — дважды в каждую из седмиц. Псалтирь — первоисточник большей части утренних и вечерних молитв, как и всех вообще православных молитвословий. Далее Симеон подчеркивает, что сделал свое переложение для внецерковного, домашнего чтения («к домашней потребѣ»).

Стр. 233. *...во инѣхъ языцѣхъ в метры преведени...* — Образцом для Симеона Полоцкого было польское переложение Псалтири, выполненное Яном Кохановским («Psałterz Dawidów», изд. 1579). Симеон не только подражал самому замыслу Кохановского, но заимствовал из его переложения строфику и стихотворные размеры для 68 псалмов, не прибегая, однако, к прямому переводу. Во время работы над «Псалтирью рифмотворной» Симеон все же перевел с польского один псалом из переложения Яна Кохановского, но поместил его в «Вертоград многоцветный» (см. с. 422).

...в подложенных гласѣх сладцѣ воспѣваютъ. — «Псалтирь рифмотворная» была полностью «распета» в правление царевны Софьи выдающимся композитором, певчим дьяком Василием Титовым.

Нѣции прежде мене негли начинаху... — В рукописной традиции сохранилось несколько анонимных силлабических стихотворных переложений псалмов.

...даждь ти юну силнаго турка збити... — Намек на русско-турецкую войну 1677 г.

Стр. 264. *...А уже хулители завистнии слово лукавое...* — Труд Симеона Полоцкого вызвал резкое неприятие вождей консервативной «старомосковской» партии, прежде всего патриарха Иоакима и чудовского инока Евфимия, который полемически (и несправедливо) объявил переложение Симеона переводом с польского переложения «латинника» Кохановского. После падения правительства царевны Софьи патриарх Иоаким наложил запрет на сочинения Симеона, в том числе и на «Псалтирь рифмотворную».

АРХИМАНДРИТ ТИХОН

Тихон в 1675—1677 гг. был архимандритом Макарьевского Желтоводского монастыря Нижегородской епархии. Два года спустя по именному указу царя Федора Алексеевича он был переведен в Воскресенский монастырь, но уже в 1680 г. именным же указом он стал келарем Савви-

на-Сторожевского монастыря. Позднее он стал одним из близких патриарху Иоакиму людей. В русской культуре последней четверти XVII в. архимандрит Тихон оставил заметный след.

Его перу принадлежит трактат о новой для России мажорно-минорной музыке («Сказание о нотном гласобежании»), а также обширное историческое сочинение, известное под заглавием «Латухинская Степенная книга». В этом труде использовано огромное количество источников, частью до нас не дошедших, так что в некоторых разделах он имеет и источниковедческое значение. Тихон привлек летописи, Хронограф, «Книгу Степенную царского родословия», Киево-Печерский патерик, первое послание князя Курбского Ивану Грозному, произведения о Смутном времени, «Синопсис» Иннокентия Гизеля, документы Макарьевского монастыря. По завершении труда Тихон написал к нему стихотворное предисловие (в рукописной традиции оно известно и как самостоятельное произведение), в котором представил основные темы своего сочинения.

Предисловие содержит следующий акростих (по первым буквам строк): «Тихон монах о Бозе начах, книги сия нетрудно писах, доволну же мзду за се взях, в лавру Желтоводскую отдах, в лето седм тисящ сто осмдесят седмое, в месеце ноемврии» (т. е. в ноябре 1678 г. от Рождества Христова — это дата завершения «Латухинской Степенной книги»). Упоминание о «довольной мзде», т. е. о хорошем гонораре, свидетельствует о принадлежности автора к корпорации поэтов-профессионалов. Членение акростиха на рифмованные строки, подравненные по слоговой длине (9—9—8—9), говорит об ориентации Тихона на школу Нового Иерусалима, в частности на акростихи Германа.

Стихотворение публикуется по списку 1730-х гг.: *РНБ*, собр. Михайловского, Q. 533 (с дополнениями и исправлениями по изд.: Васенко П. Заметки к «Латухинской Степенной книге» // *СОРЯС*. Т. 72. № 2. СПб., 1902. С. 20).

Стр. 265. *...Учитель приходилъ к нимъ Кириллъ, другий же святитель Михаилъ.* — Имеются в виду славянские первоучители Кирилл и Мефодий.

Стр. 266. *...триемъ княземъ уже прешедшимъ...* — Имеются в виду князья-язычники Олег, Игорь, Святослав.

МАРДАРИЙ ХОНЫКОВ

Монах Мардарий Хоныков в 1670—1680-х гг. служил на Печатном дворе и принадлежал к верхушке московской интеллигенции той поры. Он был образованным человеком: владел польским и латинским, вероятно, знал древнегреческий. Несколько лет он служил книгохранителем и приводил в порядок огромную по понятиям того времени Типографскую библиотеку. С 1680 г. он был справщиком и трудился вместе с Сильвестром Медведевым и Карионом Истоминым. После 1685 г. его имя исчезает из документов.

На Печатном дворе были сосредоточены крупнейшие литературные силы страны, причем не только книжники-монахи: Мардарий обменивался своими «безделками» с подьячим Печатного двора Михаилом Родостамовым, переводил (вероятно, с латыни) «Вирши просительные» стольника С. Ф. Николева, писал эпитафии и надписи, например «надпись к рукомойнику»:

Приходяй лице же и руки умывати,
Тщися же присно, друже, смерть воспоминати.

(*ГИМ*, собр. Барсова, № 1531, л. 30).

Самое большое произведение Мардария, известное более чем в 10 списках, — стихи на библейские сюжеты, которые относятся к 1679 г. Это частью самостоятельные тексты, а частью перевод латинских подписей к гравюрам амстердамской Библии Николая Пискатора, издание которой 1674 г. пользовалось в России известной популярностью, кроме стихов Мардария известно еще несколько циклов библейских стихотворных переложений, иногда записанных прямо на полях голландских изданий.

В научной литературе закрепилось помимо «Хоныков» и написание «Хоников», извлеченное из акростиха стихотворения «К читателю», в действительности в документах XVII в. он упоминается как «Хоныков» (или «Ханыков») — просто стихотворную строку невозможно начать с буквы «ы».

Стр. 269. *Стихотворения к Библии Пискатора.* — Все произведение Мардария насчитывает 3824 строки, полностью цикл опубликован в кн.: Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в. М., 1913. Т. 1. Приложение. С. 1—51; Белоброва О. А. Вирши Мардария Хоныкова к гравюрам Библии Пискатора // *ТОДРЛ*. СПб., 1992. Т. 46. С. 334—433. В настоящем издании публикуется обращение «К читателю» (акростих по первым буквам «Монах Мардарий Хоников трудился») и стихотворные подписи к следующим книгам Ветхого и Нового завета: Бытие (гл. 1—11, 37—42 — о сотворении мира, Вавилонском столпотворении, Иосифе Прекрасном), Книга Руфь, Первая Книга Царств (гл. 17—31 — о царе Давиде), Вторая Книга Царств (гл. 1—6 — о царе Давиде, Авессаломе), Песнь Песней, Евангелие от Матфея (гл. 5 — Нагорная проповедь), Деяния апостолов (о Символе веры), Откровение Иоанна Богослова. Обращение «К читателю» печатается по публикации: Соколов М. Славянские стихи монаха Мардария Хоникова к лицевой Библии Пискатора. М., 1895. С. 7 (оттиск из «Археологических известий и заметок», 1895, № 9—10) с уточнением по рукописи: *ГИМ*, Музейское собр., № 3192, л. 98—98 об.

Остальные стихотворения печатаются по рукописи начала XVIII в.: *СПбГУ*, ОРК, Ms E II 67, л. 1 об.—5 об., 8—9 об., 25—26, 55—57 об., 79 об.—82 об.; недостающие части текста дополнены по другой рукописи начала XVIII в.: *БАН*, 25. 7. 13, л. 7—9 об., 44—45 (Книга Руфь, Первая Книга Царств, Вторая Книга Царств, Откровение Иоанна Богослова от слов «Се Богослов зрит аггелов стоящих» до конца).

...Афанасий именемъ, Иоанномъ рожденъ, Рекомый Федосиевъ, иже мя понуди... — Афанасий Иоаннович Федосиев (Федосеев) был известен в Москве как «славенска писания учитель», в 1667 г. он был определен учить грамоте царевича Федора Алексеевича, жил в Чудовом монастыре и, вероятно, был связан с литераторами Печатного двора, где служил Мардарий.

Издавый седмь тысящь сто осмьдесят седмаго... — По счету от сотворения мира, при переводе на новое летосчисление в 1679 г.

ЕВФИМИЙ ЧУДОВСКИЙ

Инок московского Чудова монастыря Евфимий всю свою творческую жизнь, небогатую внешними событиями, провел в центре интеллектуальной жизни Москвы. Систематического образования он, видимо, не получил, а всей образованностью и обширной начитанностью обязан своему учителю Епифанию Славинецкому и необыкновенному трудолюбию. С 1652 по 1690 г. он трудился на московском Печатном дворе, подготавливая к печати церковные книги и занимаясь многообразными переводами с греческого творений отцов церкви и иных богословских произведений. Евфимий был неутомимым и незаурядным полемистом, ввязывался в богословские прения, выступая как против приверженцев старообрядчества, так и особенно яростно против «латинствующих», главой которых был Симеон Полоцкий. Вместе с Епифанием Славинецким Евфимий отстаивал чистоту «греческого учения», оберегая его от искажений и уклонений любого толка.

Евфимий выступал также с отдельными сочинениями по поводу учреждения в Москве Академии, по иконописанию, по чисто литературным вопросам стихосложения и принципов перевода, а на выход «Псалтири рифмотворной» Симеона Полоцкого откликнулся особой критической запиской.

После смерти благоволившего ему патриарха Иоакима (1690) Евфимий был отрешен от Печатного двора и занимался на покое подведением итогов своей переводческой деятельности,

иногда вторгаясь в религиозные споры и яростно отстаивая грекофильские взгляды, которые ко времени его смерти в 1705 г. уже безнадежно отстали от жизни и не имели в России никакой перспективы.

Поэтическое творчество Евфимия сравнительно невелико — авторская подборка стихотворений насчитывает немногим более 500 строк. Это философские размышления о быстротечности бытия и неизбежности смерти, «непостоянстве сего прелестного века», парафразы библейских и евангельских сюжетов, стихотворные молитвы, подписи под иконы и другие темы, обычные для силлабической поэзии последней четверти XVII в. Вместе с тем в его стихотворениях слышны отзвуки религиозных и даже литературных полемик — явление почти исключительное для поэзии XVII в.

Стр. 293. *На звѣзду великую, явльшуюся 189 году декабря против 15-го числа.* — Комета 1680 г., отмеченная мемуаристами и летописцами, вызвала большой интерес: вскоре на русский с немецкого и польского языков были переведены три сочинения о кометах (два поучения и ученый трактат). Морализирование Евфимия в интерпретации появления кометы вполне типично для средневекового сознания, которое неизменно считало кометы бичом Божиим. При этом появление кометы предвещало не только «гнев Божий и казнь людем» за их прегрешения, но и носило характер политических предсказаний, как, впрочем, и другие небесные явления. Печатается по рукописи: *ГИМ*, Синодальное собр., № 369, л. 2 об.

Творение отца Евфимия преосвященному Павлу митрополиту. — Митрополит Сарский и Подонский Павел (ум. 9 сентября 1675 г.) был поставлен в митрополиты из архимандрита Чудова монастыря в 1664 г. С 1674 г. он «надзирал» за Епифанием Славинецким и его помощниками (в том числе Евфимием), которым было поручено исправление русского перевода Библии. Был одним из главных обличителей церковного раскола, боролся против протопопа Аввакума, Никиты Пустосвята. Эпитафию митрополиту Павлу написал также Симеон Полоцкий (см. с. 111), из которой Евфимий заимствовал почти дословно несколько строк. Печатается по рукописи начала XVIII в.: *БАН*, собр. Археографической комиссии, № 100, л. 123—123 об. Два последних стиха добавлены по рукописи *ГИМ*, Синодальное собр., № 483, л. 853.

Стр. 294. *Преподобному отцу Епифанию.* — Епифаний Славинецкий (ум. в ноябре 1675 г.) — русский и украинский писатель и ученый (см. с. 603). Евфимий был ближайшим его помощником и написал ему эпитафию. Епифаний поддерживал дружеские отношения с Симеоном Полоцким, который тоже написал ему эпитафию (см. с. 110 наст. изд.). Евфимию принадлежат также авторские версии обеих эпитафий на греческом языке, см.: Лабынцев Ю. А. Греко-«славенские» эпитафии Евфимия Чудовского // Славяноведение. 1992. № 2. С. 103, 106; Strakhov O. B. The Byzantine Culture in Muscovite Rus'. The Case of Evfimii Chudovskii (1620—1705). Köln; Weimar, 1998. P. 187—190. Печатается по рукописи: *БАН*, собр. Археографической комиссии, № 100, л. 123 об.

⟨*На Симеона Полоцкого*⟩. — В 1681 г. посмертно был опубликован сборник проповедей Симеона Полоцкого «Обед душевный», на выход которого Евфимий — давний литературный противник Симеона — откликнулся злым двустишием. Это, вероятно, первый случай использования эпиграммы в литературной полемике в русской поэзии. Печатается по рукописи: *ГИМ*, Синодальное собр., № 369, л. 8.

Стр. 294, 296. *«Смерть послѣднего часа всегда ожидаетъ...»*; *«Зри, человѣче, на сей орологий...»*. — Печатается по рукописи: *ГИМ*, Синодальное собр., № 369, л. 5—5 об., 7.

СИЛЬВЕСТР МЕДВЕДЕВ

Сильвестр Медведев (1641—1691), в миру Семен Агафоникович, родом из Курска, сын подьячего, уже 19 лет от роду сам служил подьячим в Приказе тайных дел. Когда в 1665 г. с соизволения государя Симеон Полоцкий открыл Заиконоспасскую школу, Медведев стал ее учеником.

Здесь он исправлял должность старосты, сблизился с наставником и навсегда остался его любимцем. В Заиконоспасской школе Медведев пробыл около трех лет и вынес оттуда свободное знание латыни и польского, истории и философии, риторики и поэтики.

В 1672 г. он вернулся в родные места, в Путивльскую Молченскую пустынь, где в 1674 г. постригся в монахи. Весной 1677 г. Сильвестр Медведев навестил Москву, где Симеон Полоцкий свел его с другим своим воспитанником — царем Федором Алексеевичем. Это была решающая для Сильвестра встреча: царь велел ему остаться в столице, взял на дворцовое содержание и отвел помещение в Заиконоспасском монастыре, соседнее с кельей Симеона Полоцкого. Осенью следующего года Сильвестра приняли справщиком на Печатный двор. После смерти Симеона Полоцкого Сильвестр не только унаследовал его роскошную по тому времени библиотеку, но и занял его место в среде московских западников. При царевне Софье Сильвестр занял место придворного поэта и писал стихи к торжественным случаям, зачастую используя в своих произведениях стихи своего учителя. К наследию Симеона Полоцкого Сильвестр относился с исключительным почтением: он правил его тексты и готовил их к печати; так, при его участии были изданы два сборника проповедей Симеона — «Обед душевный» (1681) и «Вечеря душевная» (1683).

Еще при жизни Симеона Полоцкого в Москве была начата подготовка к устройству высшей школы, наподобие европейских университетов. За руководство ею Сильвестр вел отчаянную борьбу и даже составил проект ее учреждения, но потерпел поражение: при поддержке патриарха Иоакима руководство открытой в 1686 г. академии было отдано грекам братьям Софронию и Иоанникию Лихудам. Для нее были возведены каменные палаты у стены Заиконоспасского монастыря.

Примерно в то же время Сильвестр Медведев ввязался в спор о времени пресуществления святых даров на литургии, отстаивая католическую точку зрения. Сильвестру грозило обвинение в ереси. 12 марта 1689 г. патриарх уволил его с Печатного двора. Царевна Софья, к которой Сильвестр был близок, уже не решалась открыто противодействовать Иоакиму. За решением частного богословского вопроса стояла более важная проблема о направлении развития русской культуры.

В конечном счете поэт стал жертвой борьбы соперничающих церковно-политических партий: 13 сентября 1689 г. Сильвестра арестовали, расстригли, пытали в застенке и приговорили к смертной казни по ложному обвинению в государственной измене и участию в заговоре. Патриарху этого было мало: ему хотелось, чтобы «чернец великого ума и остроты ученой» покаялся. Медведева больше года держали в «твердом храниле» Троице-Сергиева монастыря, вынуждая добровольно покаяться. Наконец, 11 февраля 1691 г. он был казнен. Как писал Карион Истомин: «Отсечеся глава его... на Красной площади, противу Спасских ворот. Тело его погребено в убогом доме со странными в яме близ Покровского убогого монастыря» (*ЧОИДР*. 1896. Кн. 3. Отд. 4. С. 373—374).

Стихотворное наследие Сильвестра Медведева разнообразно по жанрам, хотя и значительно уступает по объему наследию его учителя Симеона Полоцкого, который сторонился мирской суеты и не вмешивался в политические придворные интриги.

Стр. 297. *Епитафионъ.* — Первое известное стихотворение Сильвестра Медведева. Эпитафия Симеону Полоцкому была написана в сентябре 1680 г. по заказу царя Федора Алексеевича, затем она была высечена «на дву каменных таблицах», которые были поставлены на месте захоронения Симеона в Заиконоспасском монастыре. Воспитанники помещавшейся там позднее Славяно-греко-латинской академии каждый день видели стихотворение, посвященное памяти писателя-монаха, еще в середине XVIII в. об этой эпитафии вспоминал В. К. Тредиаковский (сама надгробная плита в настоящее время хранится в музее-заповеднике «Коломенское»), обучавшийся в начале 1720-х гг. в Славяно-греко-латинской академии. Текст эпитафии неоднократно публиковался в XVIII—XX вв., и она стала самым известным русским силлабическим стихотворением. В настоящем издании печатается по списку, помещенному в конце «Вертограда многоцветного» Симеона Полоцкого: *БАН*, 31.7.3, л. 620 об.—621 об.

Стр. 298. *...книгу Жезлъ создалъ есть...* — «Жезл правления» (М., 1667), полемический трактат с опровержением сочинений старообрядцев, написанный Симеоном в мае—июле 1666 г. по поручению московского церковного собора.

...Вѣнецъ и Обѣдъ издалъ есть... — «Венец веры кафолическия» (1670; не изд.), в котором Симеон изложил основные положения христианской религии. «Обед душевный» (М., 1681) — сборник проповедей Симеона.

Вечерю, Псалтырь, стихи со Рифмословиемъ... — «Вечеря душевная» (М., 1683), сборник проповедей; «Псалтирь рифмотворная» — см. с. 232 наст. изд.; «Рифмологион» — сборник панегирических стихотворений (полностью не издан).

...с Бесѣдословиемъ. — Очевидно, имеются в виду антилютеранские «Беседы» (не изд.), написанные в 1677 г.

Поздравление царевне Татьяне Михайловне по случаю именин. — Стихотворение написано в первой половине 1680-х гг. и посвящено царевне Татьяне Михайловне (1636—1706). Печатается по рукописи XVII в. из собрания Австрийской национальной библиотеки (Cod. slav. 174, л. 174—174 об.) с уточнением ряда чтений по рукописи: *ИРЛИ*, Пинежское собр., № 113, л. 596—596 об.

...Татиана, свята мученица... — Раннехристианская мученица (ум. в 225 г.), пострадавшая во время гонений при императоре Александре Севере. Память ее празднуется 12 января, это и день именин царевны Татьяны Михайловны.

Стр. 299. *Вѣрше в Великую субботу.* — Стихотворение написано 31 марта 1685 г. и посвящено Великой субботе — кануну Пасхи, последнему дню Страстной недели (в 1685 г. Великая суббота приходилась на 18 апреля). Печ. по рукописи XVII в. из собрания Австрийской национальной библиотеки (Cod. slav. 174, л. 17—20) с уточнением ряда чтений по рукописи: *ИРЛИ*, Пинежское собр., № 113, л. 596 об.—599. Стихотворение предназначалось для мелодекламации.

...от фараонихъ юзъ свободни бяху. — Имеется в виду избавление иудеев из египетского плена.

Стр. 301. *...Симеономъ сказанный мечь...* — Имеется в виду Симеон Богоприимец, предсказавший мученическую смерть Иисусу Христу.

...великих православных царей. — То есть братьев Ивана и Петра Алексеевичей, занимавших русский престол с 1682 г.

Стр. 302. *Адамъ же вторый...* — То есть Христос, искупивший первородный грех.

Стр. 303. *Поздравление царевне Софье по случаю Пасхи.* — Стихотворение написано 7 апреля 1685 г. и тогда же поднесено царевне. Печ. по рукописи XVII в. из собрания Австрийской национальной библиотеки (Cod. slav. 174, л. 20 об.—21) с уточнением ряда чтений по рукописи: *ИРЛИ*, Пинежское собр., № 113, л. 599—599 об. Это стихотворение также предназначалось для мелодекламации.

Стр. 304. *Стиси краегласнии в похвалу преподобныя мученицы Евдокии.* — Стихотворение написано в январе 1681 г. и произнесено в присутствии царя несколькими чтецами в марте того же года. Произведение, в котором излагается житие преподобномученицы Евдокии (ум. в 152 г.; ее память приходится на 1 марта), было написано по случаю именин царевны Евдокии Алексеевны (1650—1712), сестры царя Федора Алексеевича. В тексте стихотворения упоминается и сам царь, и его ближайшие родственники. Печатается по рукописи XVII в. из собрания Австрийской национальной библиотеки (Cod. slav. 174, л. 26 об.—34) с уточнением ряда чтений по рукописи: *ИРЛИ*, Пинежское собр., № 113, л. 602 об.—607 об.

Стр. 312. *Сказание о страстех Господа Бога...* — Стихотворное переложение евангельской истории последних дней жизни и страданий Иисуса Христа написано, вероятно, в апреле 1681 г. В работе над своей декламацией Сильвестр помимо евангельского текста (на полях рукописей есть ссылки на соответствующие места) пользовался также какой-то не установленной «Гисторией Иерусалимской» в прозе. Сильвестр, безусловно, был знаком с популярными в рукописной традиции XVII в. «Страстями Христовыми», а также с какими-нибудь из многочисленных польских или латинских стихотворных мессиад, но эти источники не установлены. Текст «Сказания» был распределен Сильвестром между 12 «певцами», которые декламировали «Сказание» перед царем Федором Алексеевичем и царским семейством (все они, а также патриарх и архиереи перечислены в заключительной части «Сказания»). Печ. по рукописи XVII в. из собрания Австрийской Национальной библиотеки (Cod. slav. 174, л. 1—17) с уточнением ряда чтений по рукописи: *ИРЛИ*, Пинежское собр., № 113, л. 584—596.

Стр. 328. *А намъ от Сына ти данному дару.* — Сильвестр обыгрывает здесь значение имени «Феодор» — божий дар (греч.).

Стр. 329. *Вручение... привилия на Академию...* — Замысел учреждения в Москве академии принадлежал Симеону Полоцкому, однако его кончина, а затем смерть царя Федора Алексеевича заставили отложить этот проект. В начале 1685 г. Сильвестр Медведев возобновил перед царевной Софьей ходатайство об открытии академии и приложил к подготовленной грамоте стихотворный текст, в котором многократно обосновывает необходимость «в Москве невежества темность прогоняти». Печатается по кн.: Прозоровский А. Сильвестр Медведев (его жизнь и деятельность). М., 1896 (по рукописи: *ГИМ*, Синодальное собр., № 44/231).

Стр. 332. *По имени ти жизнь твою ведеши...* — В стихотворении автор несколько раз обыгрывает греческое значение имени Софья («мудрость»).

Якоже Ольга свѣтъ вѣры явила... — Имеется в виду княгиня Ольга (ум. в 969 г.), первая христианка среди князей Рюриковичей.

Стр. 334. *...Академии привилей создалъ есть.* — Речь идет о составленном при царе Федоре Алексеевиче проекте академии.

КАРИОН ИСТОМИН

Карион Истомин родился в середине XVII в. в Курске, возможно, в семье подьячего. В 1676 г., уже приняв монашество (не без влияния своего земляка Сильвестра Медведева, бывшего к тому же с Карионом в свойстве), он переселился в Москву, где Сильвестр ввел его в церковные и придворные круги. Талантливый, трудолюбивый и искательный монах сумел понравиться патриарху Иоакиму и успешно начал типичную для «книжного человека» того времени карьеру.

Сразу по приезде в столицу его привлекли к работе на Печатном дворе в 1679 г., сначала в должности чтеца, а в 1682 г. он был назначен справщиком. Патриарх, при котором Карион исправлял секретарские обязанности, благоволил к нему, увеличивая оклад и часто жалуя деньгами.

Еще в провинции Карион сумел получить образование, о котором отзывался невысоко: «Малочастне падающая крупицы учения приях»; в Москве же он много читал и учился, а с 1685 г. и сам стал преподавать в школе Заиконоспасского монастыря. По примеру Сильвестра Медведева Карион стал выступать и в роли придворного стихотворца и ритора, стараясь не обойти вниманием ни одного события в жизни каждого члена царской семьи. Он составлял проповеди по различным поводам, писал многочисленные панегирики и эпитафии, стихи «на гербы» и подписи к иконам, любил духовную лирику и даже пробовал себя в жанре победной оды, описав стихами второй крымский поход кн. В. В. Голицына. Кроме того, Карион Истомин занимался и переводами с латинского и польского, а также подвизался и как историограф, написав в соавторстве с Сильвестром Медведевым «Созерцание краткое» — записки о стрелецком бунте. Но в отличие от Сильвестра Карион не связывал себя ни с одной партией. Он был «пестрым», как определил людей его типа писатель XVII в. иеродьякон Дамаскин. Политические симпатии Кариона зависели от того, кто брал верх в московских распрях, и когда в 1689 г. Сильвестр был арестован по делу о Федоре Шакловитом, то Карион участвовал в составлении обвинения против него. По этим причинам события бурного 1689 г. почти не отразились на его карьере. При новом патриархе Адриане он завоевал и его расположение, сохранив должность литературного секретаря, и в марте 1698 г. получил место начальника Печатного двора.

Последнее десятилетие XVII в. было для Кариона временем наибольших успехов. Он был первым московским поэтом, и по положению, и по таланту. Выделялся он и на педагогическом поприще: в 1694 г. Карион издал цельногравированный Букварь, а в 1696 — наборный. Эти педагогические сочинения были написаны и с намерением добиться места учителя царевича Алексея Петровича, рождение которого Карион приветствовал несколькими сочинениями.

Со смертью патриарха Адриана в 1700 г. успешная карьера Кариона окончилась. В 1701 г. его место на Печатном дворе занял по указу Петра I Федор Поликарпов. Карион до самой своей смерти, случившейся 15 мая 1722 г., продолжал писать, но его активность резко снизилась, к тому же его оттесняли на второй план литературные деятели нового типа, которые больше соответствовали духу эпохи реформ.

Стр. 337. *Домострой.* — Это воспитательное руководство написано Карионом в январе 1696 г., во время работы над Букварем и другими педагогическими трудами. Печатается по автографу: *ГИМ*, Чудовское собр., № 302, л. 49—50.

Стр. 341. *Мракуль* — железный колпачок на ручке для гашения свечей (?).

Стр. 343. *Стихи воспоминати смерть привѣтствомъ.* — Печатается по кн.: Букварь Кариона Истомина. М., 1696. Л. 72—75.

Стр. 344. *Дариевъ, Поровъ, Александровъ темскихъ.* — Среди знаменитых «царей земских» назван и Пор, царь Индии, побежденный Александром Македонским.

Стр. 346. *Сладкая бесѣда ко Христу Богу.* — Цикл стихотворных подписей Кариона Истомина к гравюрам, который включен в книгу «Боговидная любовь» — переработку Карионом Истоминым русского перевода XVI в. «О видении Христа» из «Книги святого Августина». Датируется концом апреля—началом мая 1682 г. Печатается по подносной рукописи конца XVII в.: *БАН*, П I А 73 (16. 7. 19), л. 9—18.

Стр. 355. *Эпитафия П. Т. Семенникову.* — Карион Истомин написал в XVII в., вероятно, больше всех эпитафий («надгробных надписей»): в его рукописях встречаются эпитафии царице Наталье Кирилловне, патриархам, дьякам и подьячим, торговым людям и пр. Возможно, что многие эпитафии писались по заказу. О публикуемой эпитафии этого сказать нельзя. П. Т. Семенников-Зеркальников еще в середине XVII в. учился в школе известного мецената Ф. М. Ртищева, и именно он ездил в 1649 г. в Киев за Епифанием Славинецким и другими «киевскими старцами», затем он много лет был дьяком Патриаршего приказа. Он известен также и как составитель рукописного славяно-польско-латинского словаря (1659). Автограф эпитафии: *ГИМ*, Чудовское собр., № 302, л. 145; печатается по рукописи: *РНБ*, Q.XVII.96, л. 30.

Мира седмь тысящъ двѣсти четвертаго года... — То есть в 1695 г.

ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ

Святой Димитрий Ростовский, в миру Даниил Саввич Туптало, родился 11 декабря 1651 г. в небольшом городе Макарове недалеко от Киева в семье сотника. В одиннадцать лет он выучился дома читать и писать и в 1662 г. был отдан в Киево-Могилянскую коллегию, где успел проучиться только три года: коллегия была разрушена во время военного нашествия. Слабое здоровье, а также склонность к ученым занятиям и глубокая религиозность привели Даниила к мысли принять монашество. В 1668 г. он принял постриг под именем Димитрий, под которым и вошел в русскую культуру.

Черниговский епископ Лазарь Баранович приблизил его к себе, и до 1677 г. Димитрий проповедовал в Черниговской епархии, где скоро прославился как церковный проповедник. К этому времени относится первое дошедшее до нас его сочинение — «Руно орошенное».

В начале 1680-х гг. у Димитрия возникла мысль составить полный годовой круг житий святых для православных на Украине. За этот главный труд его жизни он принялся по монашескому обету, начав работу 6 мая 1684 г. в Киево-Печерской лавре, рассчитывая на покой и уединение. Там он написал и издал в 1689—1700 гг. три первых тома житий святых. Димитрий всячески пытался уклоняться от высоких церковных должностей, хотя и безуспешно, к тому же многие важные вопросы церковной жизни постоянно отрывали его от ученых занятий.

27 декабря 1700 г. Петр I указал вызвать Димитрия в Москву, очевидно по представлению его ближайшего друга Стефана Яворского. Здесь Димитрия назначили митрополитом Тоболь-

ским и Сибирским, но к месту служения он не поехал, боясь, что в Сибири ему не удастся окончить последний том Четьих-Миней. Он заболел, и поездка в Сибирь была отложена, но царь не отпустил его в Киев, а поставил Димитрия митрополитом в Ростов, куда он приехал в январе 1702 г. Здесь он открыл школу, которая просуществовала несколько лет. В школе учили славянской, латинской и греческой грамматике, сочиняли торжественные речи, вирши и драмы. Сам Димитрий написал несколько духовных пьес, которые были поставлены учениками школы.

9 февраля 1705 г. Димитрий исполнил свой монашеский обет и завершил Четьи-Минеи — грандиозный памятник православной агиографии. Он тотчас приступил к составлению библейской «Летописи», однако новую работу закончить не успел.

Димитрий скончался в ночь на 28 октября 1709 г. Хоронил Димитрия его ближайший друг Стефан Яворский, который написал ему эпитафию, скоро ставшую популярным духовным стихом. В 1752 г. во время ремонта храма, где погребен Димитрий, были обнаружены его нетленные останки, а в 1757 г. он был причислен к лику святых.

Стр. 356. *Кант Димитрию Солунскому.* — Кант, или псальма (духовная песня), — излюбленный жанр поэтических сочинений Димитрия Ростовского. Ему приписывается (с различной степенью вероятности) целый ряд таких стихотворений, но в настоящем издании публикуются два, несомненно ему принадлежащие. В первом стихотворении акростих: «Димитрии Савич архимандрит Новгородскии», оно датируется сентябрем 1699—мартом 1701 г. — в это время Димитрий был архимандритом Спасского Новгород-Северского монастыря. Печатается по изд.: Ярославские епархиальные ведомости. 1861. 22 октября. № 43. С. 417—418. *Димитрий Солунский* — христианский мученик, погибший во время гонений на христиан в 303—304 гг. при императоре Диоклетиане. Димитрий Солунский считался небесным покровителем Димитрия Ростовского.

Стр. 357. *«Иисусе мой прелюбезный...».* — Акростих: «Иеромонах Димитри(й)» (по первым буквам нечетных стихов). Печ. по изд.: Израилев А. Псалмы, или Духовные канты сочинения святителя Димитрия, митрополита Ростовского. М., 1889. С. 10—11.

СТЕФАН ЯВОРСКИЙ

Стефан (в миру Семен Иванович) Яворский, родился в 1658 г. в городке Явор на Правобережной Украине, около 1673 г. поступил в Киево-Могилянскую коллегию. По совету своего покровителя ректора Варлаама Ясинского в 1684 г. он отправился в Польшу для продолжения образования. Для этого он перешел в униатство под именем Станислава-Симона и в 1684—1689 гг. слушал курсы философии и богословия в иезуитских коллегиях и академиях Львова, Люблина, Познани, Вильны. Вернувшись в Киев со степенью магистра свободных искусств и философии и перейдя обратно в православие, Стефан Яворский стал монахом и занял кафедру в alma mater, где с 1690 г. помимо философии и богословия читал риторику. Незаурядное поэтическое дарование (он равно легко писал стихи по-славянски, по-польски и по-латыни) принесло ему почетный титул «лавроносного поэта» — единственный случай в истории этого духовного училища.

В 1700 г. Стефан Яворский приехал в Москву по делам Киевской митрополии и неожиданно для себя и против своей воли был посвящен в митрополита Рязанского и Муромского. В следующем году, по смерти Адриана, Стефан был назначен местоблюстителем патриаршего престола, а впоследствии (в 1721 г.) президентом новоучрежденного Синода. Одновременно он курировал Заиконоспасскую академию, придав ей латинское направление. Так в течение нескольких месяцев Яворский из скромного игумена стал высшим церковным иерархом.

Стефан Яворский, исповедовавший католический принцип «священство выше царства», не был ярым сторонником церковной реформы Петра I, которая ограничивала права Церкви. Поэтому Стефан сблизился с кругами, знаменем которых был царевич Алексей. А затем наступило и охлаждение в отношениях Яворского с царем: в поучении «О хранении заповедей Господних», про-

изнесенном 17 марта 1712 г. по случаю именин царевича, Стефан назвал его «единой надеждой» России и прозрачно критиковал Петра как государя и человека. В отместку царь запретил высшему иерарху Русской церкви публичную проповедь, причем запрет был снят лишь три года спустя. Будучи номинально главою Синода, Стефан Яворский вынужден был смириться с тем, что реальная власть оказалась в руках подчиненного ему Феофана Прокоповича, и занялся почти исключительно богословскими трудами. Он не раз просил Петра отпустить его в Киев, но напрасно.

В своем творчестве Стефан Яворский ориентировался главным образом на католических писателей XVI—XVII вв., их сочинения были очень полно представлены в его прекрасно подобранной библиотеке. Он оставил многочисленные проповеди (более 300) и богословские труды, например книгу «Знамения пришествия антихристова и кончины века» (1703), направленную против старообрядцев, и знаменитый в свое время антипротестантский трактат «Камень веры», который был издан только при Петре II в 1730 г., когда подверглись ревизии многие аспекты политики преобразователя, и снова запрещен после воцарения Анны Иоанновны.

От московского периода жизни Стефана дошло всего несколько стихотворений на славянском языке, а к концу жизни он вновь стал писать на латыни. Его стихотворные опыты отличает изысканность, но и некоторая тяжеловесность, свойственная ученой поэзии барокко.

Стр. 359. *«Ты, облеченна в солнце, Дѣво Богомати...».* — В 1705 г. Феофан Прокопович привел в своей «Поэтике» первые восемь строк этого стихотворения «знаменитейшего и ученейшего мужа, очень заслуженного среди нашей коллегии», но не назвал имени автора (см.: Феофан Прокопович. Соч. / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л., 1961. С. 495). Печатается по рукописи середины XVIII в.: *РНБ*, O.XIV.2, л. 94—94 об. В этом и следующем стихотворении, которое печатается по этой же рукописи, довольно много морфологических украинизмов, однако они принадлежат не автору, а писцу, что подтверждается наличием схожих украинизмов в «Сатирах» А. Д. Кантемира, переписанных тем же писцом в той же рукописи.

Стихотворение выдержано в характерной для барокко стилистике контрастов, выделенных лексически («красота» — «мерзость», «благодать» — «злоба») и синтаксически. *Ты, облеченна в солнце, Дѣво Богомати...* — Образ Жены, облеченной в солнце, восходит к Откровению Иоанна Богослова (12, 1—17). Этот образ имеет различные богословские толкования, отнесение его к Богородице принято в Католической церкви.

Emblemmata et Symbola... Jaworski elaborata. — Стихотворение посвящено давнему покровителю Стефана Варлааму Ясинскому, митрополиту Киевскому и Галицкому (умер во второй половине 1707 г.). Стихотворение имеет двухчастную композицию: в первой описываются «эмблемы», а во второй — «символы», которыми характеризуется деятельность Варлаама. Можно полагать, что каждую строфу сопровождала иллюстрация. Соответственно, в «эмблемах» это должны были быть зеркало, скелет (т. е. тюрьма тела), гостиница, сокровище, луна, лестница, река, корабль; в «символах» — труба, жезл, человек, объятый огнем, светильник, свеча, весы, янтарь. Печатается по рукописи: *РНБ*, O. XIV. 2, л. 92—94.

Стр. 360. *Луну, рода моего знамение красно...* — В гербе Ясинского изображены полумесяц и стрела в овальном щите.

Стр. 361. *...и простерту до небесъ лѣствицу видящем.* — Речь идет о первом откровении, данном праотцу Иакову (Быт. 28, 12). Ср. комментарий к «Лествице к небеси» (стр. 625).

...гробъ себѣ рождшей Дѣвы избрахъ во возглавие... — Варлаам Ясинский был похоронен в соборе Успения Пресвятой Богородицы Киево-Печерской лавры.

Стр. 362. *...изсохъ бяше в Киевѣ вертоград учений.* — В 1665 г. Киево-Могилянская коллегия была разрушена во время нашествия Петра Дорошенко, ее удалось возобновить только в 1669 г., когда ректором был назначен Варлаам Ясинский.

Стр. 364. *Стихи на измѣну Мазепы...* — Иван Степанович Мазепа был гетманом Украины с 1687 г. Предан анафеме в 1708 г. После Полтавской битвы бежал вместе с Карлом XII в Бендеры и вскоре умер. Печатается по кн.: Проповеди блаженныя памяти Стефана Яворского. М., 1805. Ч. 3. С. 299—302.

Уподобися Россия Давиду... — В Библии рассказывается о том, как сын Давида Авессалом поднял восстание против отца и провозгласил себя царем, Давиду пришлось бежать из Иерусалима. Только смерть Авессалома в сражении позволила Давиду снова занять трон.

Стр. 365. *Азъ напоихъ ѝ из камене меда...* — Греческое значение имени Петр — камень.

Стр. 367. *Стяжателя сихъ книгъ послѣднее книгам цѣлование.* — В августе 1721 г. Стефан Яворский, обладавший одной из лучших библиотек того времени, составил каталог своих книг, которому предпослал написанную на латыни элегию к библиотеке. Уже в 1720-х гг. она получила высокую оценку и в течение XVIII в. неоднократно переводилась на русский язык, а в конце века была переведена и на греческий. В качестве образцового стихотворения оригинал элегии включался в русские поэтики XVIII в. Публикуемый перевод был выполнен до 1728 г., вероятно, вскоре после смерти Стефана. Печатается по кн.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве ... Синода. СПб., 1878. Т. 3. Приложения. Стб. IV—V (рукопись, по которой осуществлена публикация, в настоящее время в *РГИА* обнаружить не удалось).

Стр. 368. *«О титулы, пропасти паче васъ назвати...».* — Написано в 1722 г., когда Стефан лишь номинально являлся главой Русской церкви, а реальная власть оказалась в руках Феофана Прокоповича. Стефан, исповедовавший принцип «хорошо прожил тот, кто хорошо спрятался» (Овидий, Tristia, III, 4, 25), тяготился своим высоким, но двусмысленным положением и мечтал о монашеской келье. Два первых стиха являются парафразой двустишия из книги бельгийского иезуита Германа Гуго (1588—1629) «Pia desideria» (см. с. 630). Печатается по кн.: Маслов С. И. Библиотека Стефана Яворского. Киев, 1914. С. LXVII (оригинал на латинском языке, перевод выполнен до 1728 г.).

Стихи на смерть Димитрия Ростовского. — В XVIII в. эта эпитафия была положена на музыку и стала популярным духовным стихом, см.: Добрынин Я. Торжественные и духовные псалмы. М., 1799; Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860. С. 203—204; Духовные стихи. М., 1916, л. 72—73. Печатается по кн.: Димитрий Ростовский. Соч. М., 1786. Ч. 1. С. 25 об.—26 об.

АНОНИМНАЯ ПОЭЗИЯ

Стр. 370. *Предисловие к «Шестодневу» Василия Великого.* — Стихотворное наследие поэтов «приказной школы» включает в себя не только авторские послания, но и цикл анонимных (вероятно, разных авторов) стихотворных предисловий к различным памятникам древнерусской литературы: «Шестодневу», «Повести о Варлааме и Иоасафе», Песни Песней, «Лествице» и др. В рукописях эти стихотворения объединены в цикл под общим названием «Предисловия многоразлична от риторских многовещателных наук сложено и от многих повестей по малу объявлено. Стиховно, или двоестрочно, сочинено любящих ради философское учение проходити и в них удобно разумевати Божественная Писания, вмале от великих любомудрственное познание». Не исключено, что у приказных поэтов был замысел издать эти стихотворения как раз в виде предисловий к соответствующим книгам; во всяком случае для нескольких текстов из «Предисловий многоразличных» подыскиваются соответствия в изданиях XVII в. В настоящем издании публикуется предисловие к «Шестодневу» — философско-богословскому истолкованию дней сотворения мира. Автор «Шестоднева» назван в тексте «великим свѣтилником», речь, вероятно, идет о «Шестодневе» Василия Великого, который впервые был переведен на Руси в 1656 г. и издан десятилетие спустя. Полностью «Предисловия многоразлична» изданы в работах: Былинин В. К. «Предисловия многоразлична» в рукописях первой половины XVII в. Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1983. Вып. 44. С. 19—37; Савельева Н. В. Стихотворная антология «Предисловия многоразлична...» (вопросы атрибуции и истории текстов в связи с деятельностью московского Печатного двора 30-х—50-х годов XVII века) // Книжная старина: Сб. науч. трудов. СПб., 2008. Вып. 1. С. 94—189. Печатается по рукописи XVII в.: *БАН*, Архангельское собр., д. 527, л. 38—42.

Стр. 371. *Стихи на гробницу Сергия Радонежского.* — Поэтические эпитафии XVII в. зачастую являются одновременно литературными и эпиграфическими памятниками, такова высеченная в камне эпитафия Сильвестра Медведева Симеону Полоцкому (см. с. 297) или архимандрита Германа патриарху Никону (см. с. 82). Вместе с тем многие эпитафии и не предполагались для надгробий, а были данью почтения или дружбы, как эпитафии Епифанию Славинецкому, написанные Евфимием Чудовским и Симеоном Полоцким (см. с. 294, 110). Такова и эпитафия одному из самых почитаемых на Руси подвижников — преподобному Сергию Радонежскому (его Житие см.: Наст. изд. Т. 6. С. 254—411).

Эпитафия Сергию Радонежскому примечательна тем, что написана в редком для русской литературы жанре элогиума — неметрического поэтического произведения. Европейскими теоретиками XVII в. этот жанр относился к «свободной поэзии». В русской литературе элогиум проявился в ряде поэтических гомилий XV в., но прижился только в эпитафиях XVIII в., а в немногих образцах дошел до XX в. (ср. стихи О. Берггольц на Пискаревском кладбище в Санкт-Петербурге). Печатается по списку XVII в.: *РНБ*, Q.I.1466, л. 335—336 об.

Но столпъ яко Давидъский онъ... Висятъ из него. — Цитата из Песни Песней (гл. 4, ст. 4).

Стр. 373. *Молитва.* — «Молитва» известна в трех списках XVIII в. в составе своеобразного диптиха, первой частью которого являются «Стихи на суетства мира, написанныя 190 [1682] году февраля в двадесять пятый день». Дата сохранилась только в одном списке, что вполне объяснимо: привязка общечеловеческих размышлений на извечную тему о суете сует к какой-то конкретной дате с течением времени может вызвать лишь недоумение. Действительно, никаких из ряда вон выходящих событий в начале 1682 г. не произошло, и брак царя Федора Алексеевича, состоявшийся в середине февраля, вряд ли мог дать повод для сетований на тщету жизни. Причина, побудившая автора написать эти стихи, была личного свойства. Испытанное автором духовное потрясение позволило ему создать стихотворение исключительного напряжения, неоднократно подчеркнутого повторами: «О Боже, Боже мой», «возри, возри на мя», «но горе, горе мнѣ». Христианское смирение автора молитвы граничит с отчаянием и унынием, недаром он прямо называет их в тексте. Трагическое чувство одиночества составляет основную интонацию молитвы.

Но в 1682 г. тяжкие испытания выпали не только на долю безвестного автора. Вскоре после создания стихотворения погибает в огне протопоп Аввакум, затем умирает царь Федор Алексеевич, в мае в Москве происходят кровавые события стрелецкого восстания, затем вспыхнули старообрядческие «прения» и т. д. Вот этой предгрозовой атмосферой, которую прозорливо угадал автор, и дышит молитва. Провидческий характер молитвы позволяет думать, что уже в лирике XVII в. действовал «закон поэтической биологии», сформулированный много позднее В. Ходасевичем: «Отражение эпохи не есть задача поэзии, но жив только тот поэт, который дышит воздухом своего века, слышит музыку своего времени. Пусть эта музыка не отвечает его понятиям о гармонии, пусть она даже ему отвратительна — его слух должен быть ею заполнен, как легкие воздухом» (Ходасевич В. Державин. М., 1988. С. 216).

«Молитва» (текст «Стихов на суетства мира» значительно искажен) печатается по рукописи XVIII в.: *ИРЛИ*, колл. Величко, № 26, л. 16 об.—17 об., с исправлениями по рукописям: *РНБ*, F.VI.19, л. 18 об.—19 об. и *РНБ*, НСРК, 1983, 20 F, л. 58—59 об.

Над всеми веры щитъ... на главе полагаю... — См.: Еф. 6, 16—17. Словосочетания «щит веры» и «меч духовный» часто встречаются в полемиках второй половины XVII в. и даже дали название двум полемическим книгам.

В-первых, гордость злую смирением попру. — Далее автор перечисляет семь «смертных грехов».

Стр. 375. *Рифмы краесогласнии.* — Это большое стихотворение анонимного поэта было написано в 1691 или 1692 г. (в двух известных списках даты расходятся) как отклик на дворцовый переворот 1689 г., свергнувший царевну Софью. Нет сомнения, что автор — опытный поэт, ибо начинающий автор не мог бы продемонстрировать такое свободное, великолепное владение поэтической техникой, включая нечастый в то время межстрофический перенос. Он не воспользовался также расхожей парной рифмой, но отдал предпочтение пятистишию, образованному из пары

двустиший и пятого холостого стиха (*ааббх*). Это изысканная и довольно редкая в русской силлабической поэзии строфа, она была внесена в русскую строфику из польской поэзии, ее образец был впервые дан Симеоном Полоцким в «Псалтири рифмотворной», затем она встречается преимущественно в стихотворениях на эсхатологические темы, в том числе в песенной поэзии. Стихотворная техника «Рифм краесогласных» позволяет утверждать, что их создатель — талантливый и опытный литератор, определенно не принадлежащий к монашескому сословию, — не говоря ни слова о церковных делах, он в то же время полон живого интереса к делам мирским, причем особенно часто и со знанием дела говорит о современной ему судебной практике и присущих ей пороках.

Чувство одиночества — самая характерная черта стихотворения. Стоящий, судя по содержанию стихотворения, вне партий и потрясенный внезапным шумным падением Софьи и ее фаворитов, поэт одинаково далек и от злорадного торжества и от отчаяния. Переворот 1689 г. дает ему повод для горьких размышлений: перемена обстоятельств не означает перемены нравов, кровь пролилась напрасно, и он искренне переживает это. Он пишет, что людям, взявшим в свои руки государственное кормило, столь же недоступно совершенство, как и их униженным соперникам. Ответственность за «окаянство мира» он возлагает и на людей, не стоящих на ступенях трона, в том числе на самого себя. Совершенно лишенный ханжества, он довольно пренебрежительно высказывается о внешней обрядности. Эта духовная свобода, столь необычная для русского человека XVII в., и сообщает «Рифмам краесогласным» качество художественной уникальности, которое было почувствовано и современниками. В начале XVIII в. 12 строф из этого огромного стихотворения попали в рукописные песенники, а в конце столетия и в первый печатный сборник духовных псальм (см.: Духовные и торжественные псальмы, собранные в пользу любителей оных московским купцом Яковом Добрыниным. М., 1799. С. 55—56).

В конце XIX в. епископ Амфилохий при первой полной публикации стихотворения, не приводя никаких аргументов, приписал это произведение Димитрию Ростовскому (см.: Из неизданных сочинений святителя Димитрия Ростовского. Сообщил епископ Угличский Амфилохий. М., 1889. С. 8—21), но эта атрибуция ничем не подкреплена и не выдерживает критики.

Печатается по рукописи конца XVII в.: *РГАДА*, ф. 181, № 250/455, л. 12—18. Во втором известном списке стихотворения (*РГБ*, собр. Ундольского, № 467, л. 466—470) сохранилось 20 добавочных строф, см.: Панченко А. М. Стихотворный отклик на свержение царевны Софьи // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974. М., 1975. С. 87—93.

Рифма в стихах парная, их нужно читать в строчку, а не в столбик.

Стр. 377. *Аман* — фаворит царя Артаксеркса, мечтавший уничтожить иудеев (Есф. 3, 1). Мардохей и Есфирь раскрыли его планы, и Аман был казнен вместе со своими сыновьями.

Олоферн — военачальник царя Навуходоносора, собиравшийся покорить Иудею. Молодая вдова Юдифь хитростью проникла к нему, опоила и ночью отрезала ему голову.

Что Авесалому... — В перечислении символов минувшего величия, красоты, смелости, мудрости и пр. (далее в стихотворении с той же целью будут названы великие монархии Древнего мира) автор приводит традиционный набор имен, восходящий в конечном счете к латинскому стихотворению XIII в. «Cur mundus militat sub vana gloria?» («Что мир воюет для тщетной славы?»), которое известно и в двух русских стихотворных переводах XVII в. (один — пера Симеона Полоцкого, автор второго перевода неизвестен, см. с. 424 и коммент. на с. 626). Здесь, а также далее автор неоднократно развивает те или иные вариации средневекового мотива «ubi sunt» («гдѣ нынѣ?»), который в эпоху барокко, в том числе в России, получил вторую жизнь в многочисленных стихотворных и прозаических сочинениях (см. «Лествицу к небеси», с. 394 и сл.).

...что Езавели... — Иезавель — жена израильского царя Ахава. Известна своим высокомерием и жестокостью. Кровожадная несправедливость Иезавели была наказана: выброшенная из окна, она была растоптана всадниками и растерзана собаками (Книги Царств), а ее имя сделалось впоследствии синонимом всякого нечестия.

Стр. 390. *О смерти.* — Написанное довольно редким в русском силлабическом наследии двенадцатисложником, стихотворение разрабатывает обычную для Средневековья и барокко тему. Заключительная его строфа варьирует популярную в эпоху барокко средневековую максиму «Memento mori» («Помни о смерти»): живи так, будто нынче же умрешь, т. е. соблюдай себя от гре-

ха, молись, заботься о душе. Однако в барокко (по сравнению со Средневековьем) произошло некоторое смещение акцентов. В барокко всякая идея является как симбиоз противоположностей: «Memento mori» сосуществует с девизом «Carpe diem» («Лови мгновение»), и именно потому, что нынче можешь умереть. Соответственно публикуемое стихотворение — не только обличение греховной земной жизни, но и сожаление о ней, о ее красоте и радостях.

Не исключено, что стихотворение «О смерти» — парафраз какого-то польского или украинского текста, судя по выражениям типа «великопородныя паны», «воеводам ты булавы отбиваеш» и т. п. Впервые стихотворение было опубликовано И. Ф. Голубевым (*ТОДРЛ*. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 82—84) по рукописи Гос. архива Тверской области, № 697/7173, начала XVIII в. В настоящем издании печатается по рукописи конца XVII в. из собр. С. И. Кривополенова (дер. Веегора Карпогорского района Архангельской области). Текст был переписан А. М. Панченко в 1964 г. и опубликован в кн.: *ПЛДР*. М., 1994. Т. 12. С. 299—302.

Стр. 393. *Лествица к небеси... рифмами кратко описанная.* — По жанру принадлежит к распространенным в эпоху барокко эсхатологическим поэмам, в которых описывались смерть, Страшный Суд, геенна, Царство Небесное. В разделах «Царствие Небесное» и «Девять блаженств» по первым буквам двустиший содержится акростих: «Преосвященному митрополиту Иову Великого Новаграда и Великих Лук небезиаго [испорченное чтение, нужно «небесного»] Иерусалиму блбженстио [нужно «блаженство»] о всем могущаго Бога желаю». Митрополит Иов, известный деятель просвещения и культуры, занимал новгородскую кафедру в 1697—1716 гг. Судя по заключительной фразе, напоминающей распространенные в Древней Руси самоуничижительные писательские и писцовые пометы, сочинитель был начинающим поэтом. Видимо, он учился в учрежденной Иовом в 1706 г. епархиальной школе и только-только прослушал курс. Известно, что в личной библиотеке Иова хранился список этой поэмы.

Поэма публикуется по единственному списку середины XVIII в.: *РНБ*, собр. Михайловского, Q.540, л. 1—35 об. В нем немало украинизмов, но они принадлежат переписчикам, а не автору, который, безусловно, был великороссом. В списке есть пропуски, нарушения изосиллабизма, лексические поновления, что видно и по испорченному акростиху.

Лествица к небеси... — Восходит к первому откровению, данному праотцу Иакову: «И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней» (Быт. 28, 12). Бог предвещал Иакову величие его рода в будущем. Поэма написана под очевидным влиянием популярного апокрифа «Лествица Иакова».

Стр. 394. *...Самъ оружиемъ ся оста убиенний...* — Гектор, герой «Илиады», старший сын царя Приама и предводитель троянцев, был убит Ахиллом.

Аннѣбаль вождь... — Преследуемый Римом, Ганнибал в конце жизни нашел убежище у сирийского царя Антиоха Великого, а затем у вифинского царя Прузия. Рим требовал его выдачи, и Ганнибал принял яд.

О Ксерксѣ царѣ пѣрскомъ неудобь молчати... — Весной 480 г. до н. э. Ксеркс с громадным войском выступил против Греции. С трона, воздвигнутого на высоком берегу материка, он наблюдал поражение персов у Саламина.

Стр. 395. *...единою щекою тысящи убивши...* — Выданный иудеями, библейский богатырь Самсон разорвал опутывавшие его узы и ослиной челюстью перебил толпы филистимлян (Суд. 15, 14—17).

Жнетъ, идеже не сѣетъ... — См.: Мф. 25, 24.

...«не входяй в двѣрь разбойникъ и тать»... — Цитата из Евангелия (Ин. 10, 1).

Стр. 396. *...напѣрснику Христову...* — Имеется в виду апостол Иоанн, автор четвертого Евангелия и Апокалипсиса, в котором изображаются Второе пришествие и Страшный Суд, в частности конь блед и его всадник — Смерть.

Кому в притче Христовѣ человѣкъ подобный? — Имеется в виду изложенная далее притча о безумном богаче (Лк. 12, 13—21), согласно которой никакие сокровища не могут продлить человеческую жизнь.

Стр. 397. *Даниила от устъ лвовъ цѣла сохранивый, Иону от морского зверя избавивый...* — Даниил (Дан. 6, 16—23) по навету приближенных вавилонского наместника был брошен

в ров со львами, но чудесно спасен Богом. Иона (Ион. 2) провел во чреве кита три дня и три ночи; по Господней воле кит изверг Иону на сушу.

...прохлаждъ отроки в пещи вавилонской... — Имеются в виду три плененных иудейских отрока, отказавшихся поклониться золотому истукану: Навуходоносор приказал бросить их в пылающую печь, но сошедший туда ангел спас их (Дан. 3, 50).

...извелъ еси Лота зъ пагубы содомской... — Ангелы, посланные Богом, вывели праведника Лота из Содома, прежде чем испепелить город за грехи обитателей (Быт. 19, 15—16).

Стр. 399. *Не имущь брачной одежди...* — Реминисценция из притчи о брачном пире царского сына (Мф. 22, 1—14). Человек «не в брачной одежде» — символическое изображение плотского, не преображенного в духовном смысле, закоренелого грешника, обреченного на вечные мучения.

Стр. 404. *Алчну ми ясти не хотяща дати...* — Реминисценция из Евангелия (Мф. 25, 41—46), из пророчества о Страшном Суде.

Стр. 407. *Якоже девы... готови внидоша..* — См. Притчу о мудрых и неразумных девах (Мф. 25, 1—13).

...*«Нѣ вѣмъ тя, иди во пламень гѣенны!»*... — См.: Мф. 25, 41.

Стр. 408. *...дастъ почесть вѣнца в пресветлом Сионе, грешника же посадит в тѣмном Вавилоне...* — Сион — гора в Иерусалиме, священное место иудеев и христиан, в переносном смысле — источник и место благодати; Вавилон — город греха, разврата и пагубы, здесь — символическое название преисподней.

Стр. 409. *Притча Иисусъ Христова... зъ благости твоея...* — Имеется в виду притча о богаче и нищем Лазаре (Лк. 16, 14—31). После смерти мучимый в аду богач, «подняв глаза свои», увидел Лазаря на лоне Авраамовом (так у иудеев обозначалось райское блаженство праведников, которые по кончине пребывают в общении с патриархом Авраамом, покоясь головою на его груди).

Стр. 411. *Седмь грѣховъ главнейших.* — В православной традиции существует иерархия грехов; здесь описано семь так называемых «смертных грехов».

Стр. 414. *Якоже со Дафаномъ Авирон...* — Эти ветхозаветные персонажи восстали против Моисея и Аарона и были наказаны: когда они предстали перед жертвенником с кадильницами, земля разверзлась и поглотила их (Числ. 16, 1—33).

Стр. 415. *...Трисияннаго света внидут во дворы...* — Трисиянный свет — свет единоначальной, трисоставной, нераздельной Троицы.

...Подобне, яко Иисусъ на Фаворе... — В раю праведники «преобразятся», т. е. обретут некий совершенный облик, подобный облику преобразившегося на горе Фавор Христа (Мф. 17, 1—5).

Стр. 416. *В горах, пустынях оскорбленни бяху...* — См.: Евр. 11, 38.

Девять блаженствъ. — Имеются в виду девять заповедей, данных Иисусом Христом в Нагорной проповеди (Мф. 5, 1—12).

Стр. 418. *...Емпирейское небо...* — По учению отца Церкви Иоанна Дамаскина (VIII в.), видимый мир состоит из естества небес и естества стихий. Небеса слагаются из трех сфер: эмпирейского неба, самого высшего и неподвижного, которое служит престолом Бога; кристального неба, один из поясов которого движет с неизреченной скоростью прочие небеса с востока на запад; тверди, на которой водружены звезды и планеты.

Стр. 419. *...Ниже тать крадет и тля растлевает...* — См.: Мф. 6, 19.

ПЕРЕВОДНАЯ ПОЭЗИЯ

Начиная с 1670-х гг. в русской литературе формируется достаточно представительный корпус переводной поэзии. Переводили с разных языков, но в первую очередь, конечно, с польского, поскольку русская поэзия испытала в эпоху барокко сильное влияние польской литературы вообще. Переводы (большая часть которых анонимна) вышли либо из Печатного двора, либо из стен

Посольского приказа — именно в этих двух литературных центрах были сосредоточены профессиональные переводчики. Значение Посольского приказа особенно велико. С одной стороны, в Посольском приказе имели дело с самой современной поэзией — оригинал от перевода отдаляло не более трех лет, с другой — язык переводов почти свободен от церковнославянизмов и близок к языку деловой письменности, который в XVII в. все более и более проникал в литературу.

ЯН КОХАНОВСКИЙ

Произведения великого польского поэта эпохи Возрождения Яна Кохановского (1530—1584) входили в круг обязательного чтения русских поэтов XVII в. — он был самым читаемым польским (и вообще европейским) поэтом. Между тем в русской силлабической поэзии прямых отзвуков его творчества почти нет. За исключением «Псалтыри Давида» (1579), оказавшей определенное влияние на «Псалтирь рифмотворную» Симеона Полоцкого (1680), публикуемые стихотворения — единственные переводы XVII в. из поэзии Кохановского, которого и в России называли poeta polonicus primus.

Стр. 422. *Пѣснь.* — Симеон Полоцкий включил в состав «Вертограда многоцветного» свой перевод 65-го псалма из стихотворного переложения Псалтири Яна Кохановского, не указав оригинала. Перевод Симеона Полоцкого можно датировать периодом с конца марта до августа 1678 г. Печатается по подносной рук.: *БАН*, 31.7.3, л. 409—409 об.

Стр. 423. *На младость.* — Неизвестный переводчик (это был кто-то из литераторов московского Печатного двора — Мардарий Ханыков или М. И. Родостамов) перевел эти три фрашки в начале 1680-х гг. из сборника эпиграмм Я. Кохановского «Фрашки» (1584). Печатается по принадлежавшей М. И. Родостамову рукописи XVII в.: *ГИМ*, собр. Барсова, № 1531, л. 11 об.—12.

ЯКОПОНЕ ДА ТОДИ

Стр. 424. «*Почто миръ суетнѣй славѣ работаетъ...*». — Стихотворение представляет собой перевод анонимного латинского стихотворения XIII в. о суете мира, авторство которого приписывается итальянскому поэту Якопоне да Тоди (ок. 1230—1306). Перевод выполнен Симеоном Полоцким, вероятно, в 1660-е гг. Автограф: *РГАДА*, ф. 381, № 1800, л. 139. Печатается по беловой копии: *ГИМ*, Синодальное собр., № 731, л. 65 об.—66. На этом же листе помещен и перевод стихотворения на польский язык, выполненный Симеоном Полоцким.

В 1680-х гг. появился второй перевод этого латинского стихотворения, на этот раз анонимный. Он встречается в целом ряде рукописных песенников XVII—XVIII вв., а в первой трети XVIII в. был опубликован на гравюре М. Н. Нехорошевского, изображавшей колесо Фортуны. Ниже приводится текст этого перевода по рукописному песеннику 1680-х гг.

Почто мир гордится во временной славѣ,
Егоже блаженство мимо ходит явѣ?
Тако бо вся слава его увядает,
Яко сосуд скуделен скоро ся скрушает.
Повѣждь, гдѣ Соломон нѣкогда премудрый?
Или Самсон от всѣх вождь непреборимый?
Или Авесалом лицем бысть прекрасный?
Или Ионафан врагом си ужасный?
Гдѣ Кесарь отъиде, слав*ный* велѣниемъ?
Или богач, *д*мяйся весь учреждениемъ?

Повѣждь, гдѣ Тул*лий* со сладким вѣщанием?
Или Аристотель со мудрымъ вниманием?
Тако много времен, тако владычествий,
премощных градов, и царствъ, и величествий,
Вси царие, князи, мудрецы прейдоша,
во мгновении ока яко сѣнь погибоша.
О, краткий праздник есть сего мира слава,
Яко сѣнь человѣка и польная трава,
Иже крадет от нас Небесное Царство,
Обѣщая нам кратко государьство.
О, снѣде червия, о пепеле земный!
О, роса утрення, человѣче временный!
Никакоже вѣси, долго ли живеши,
покайся истинно, дондеже не умреши.
Не тѣшся во вещех, яже мир дарует,
что бо днесь дарует, утро отъимуетъ.
Вѣчное блаженство в небѣ воспоминай,
Мир же сей суетный от себе отлагай.
Блажен муж, кто мира суетнаго бѣжит,
Сей бо Небесное Царьствие наслѣдитъ,
Еже подаждь, Боже, и нам получити,
Изволи щедроты твоя намъ источити
Богородицы ради свѣтлы Царицы,
Славныя пренепорочныя Дѣвицы;
Молитвами ея и нас всѣх сохраняй,
Геенны огненны весь мир сам ты избавляй.

(*РНБ*, собр. Погодина, № 426, л. 59 об.—60).

ВЕСПАСИАН КОХОВСКИЙ

Веспасиан Коховский (1633—1700) — польский поэт и историк. Он писал много и в разных жанрах, но известностью обязан своей лирической поэзии, собранной в сборнике «Небездельное безделье» (Краков, 1674). Вскоре по выходе книга попала в руки русского резидента в Варшаве В. М. Тяпкина, который и отослал ее в Москву. В 1677 г. в Посольском приказе было переведено (полностью или во фрагментах) 10 стихотворений. В его стихах переводчики искали «укоризненные» места, в которых бы содержалось «бесчестье его царского величества имени и его царского величества Российскому царству», но были переведены стихи, не имевшие к этому отношения, и переведены, возможно, под воздействием свободного творческого импульса. В этом смысле показательно, что ровно три столетия спустя первое из публикуемых стихотворений было вновь переведено на русский язык, см.: Польская поэзия XVII века. Л., 1977. С. 130—131.

Стр. 425. *Посмѣятельные слова жолнером полскимъ.* — Печатается по рукописи: *РГАДА*, ф. 79, кн. 177, л. 390—391.

...взял уж Нечая. — Полковник браславский, потерпевший поражение в 1651 г. от гетмана Калиновского.

...Карашъмурзу... — Один из предводителей татарских орд Карас-мурза.

...Кениксъмарковы швадроны... — И. К. Кинигсмарк, шведский фельдмаршал, взятый в плен под Гданьском в 1656 г.

...Долгоруки... — Кн. Ю. И. Долгорукий, предводительствовавший русскими войсками в 1660 г.

Стр. 426. *В Пѣсни 20, какъ полское войско отступило от короля Яна Казимера, а поддались шведомъ под Краковом в лѣто 1655-е.* — Печатается по той же рукописи (л. 391—392).

АНДРЕЙ БЕЛОБОЦКИЙ

Тема бренности всего земного — обычная тема христианского искусства. В древнерусской литературе она разработана во множестве переводных и оригинальных памятников («Прение Живота и Смерти», Синодик и др.). Тема «Vanitas» («Суета») — это лишь составная часть темы «Memento mori» («Помни о смерти»). Тема неизбежности смерти заняла видное место и в пору расцвета поэзии барокко.

В отличие от барокко европейского русская силлабическая поэзия почти не знает изображений ужасов смерти и адских мучений. Одним из немногих исключений является поэма «Пенътатеугумъ, или пять книг краткихъ творения Андрѣя Бялобоцкаго, о четырѣхъ вещахъ послѣдныхъ, о суетѣ и жизни человѣка». Автор поэмы — поляк на русской службе Ян (в православии — Андрей Христофорович) Белобоцкий, который прибыл в Москву в 1681 г., перешел в православие и остался в России. Знаток иностранных языков и философии, Белобоцкий преподавал желающим иностранные языки, принимал участие в посольстве в Китай и много трудился над переводами: он перевел на русский язык с латинского трактат Фомы Кемпийского «О последовании Христу» и ряд сочинений Раймонда Люллия.

В своей поэме «Пентатеугум» (она датируется примерно 1690-ми гг.) Белобоцкий отправлялся от произведений немецких барочных авторов, писавших на латинском языке: «Погребальный плач» и «Страшный суд» Матвея Радера (1551—1634); «Вечные адские мучения» и «Вечная радость блаженных» Иоганна Ниссе и «О суете мира» Якоба Бальде (1603—1668), которые вышли в польском переводе Зигмунда Брудецкого (1610—1647) в XVII в. В основу своей компилятивной поэмы Белобоцкий положил польские переводы, но обращался и к латинским оригиналам (это были двуязычные издания).

Текст печатается по единственному списку конца XVII в.: *ГИМ*, собр. Уварова, № 472/268, л. 355—362. Ряд конъектур сделан с учетом польских оригиналов по следующим изданиям: Cztery rzeczy człowieka ostateczne. Od W. O. Mateusza Radera dwie, od W. O. Jana Niesiusza dwie, obudwu Societatis Jesu kapłanów. ⟨...⟩ Rytmami polskiemi od X. Zygmunta Brudeckiego tegoż zakonu wyrażone. Poznań, 1648; Sen żywota ludzkiego wierszem łacińskim przez W. O. Jakuba Balde Societatis Jesu napisany // Rymy miłej i przystojnej zabawie oraz zbudowaniu służące. Wilno, 1781. S. 3—16.

Стр. 427. *Сестры Плеады, простите, дождь намъ в жарах посылайте.* — Дочери Атланта, созвездие из семи светил, звезды мореходства; с их восходом начинается благоприятное для мореплавания время, с заходом — пора бурь.

Касторъ и Полюксъ, ваша милость явна по морю пловущимъ. — Сыновья Зевса и Леды; по смерти были превращены в созвездие Близнецов. Считались покровителями моряков.

Стр. 428. *Харон* — перевозчик душ умерших через реки Аида.

Стр. 431. *...могилянно жизни в разса...* — Последнее слово в рукописи не дописано.

Стр. 432. *Софония, глава 33.* — Ошибочное указание, в действительности цитата из 1 гл. (ст. 14—16) книги пророка Софонии.

Стр. 437. *Тѣмже сохните съ Танталемъ...* — Любимец богов, которые часто приглашали его на пиры. За провинность боги осудили его терпеть голод и жажду. Он стоял по шею в воде, но, как только наклонялся, вода уходила. Над головой его висели прекрасные плоды, но стоило ему протянуть к ним руку, — плоды поднимались.

Жаждет Лазарь... — Имеется в виду приведенная в Евангелии от Луки (16, 19—31) притча о нищем Лазаре, который просил подаяние у дверей богача и подбирал крошки с его стола. На том свете богач, мучаясь в адском пламени, просил, чтобы Лазарь омочил конец перста и охладил его язык.

Стр. 440. *Кто совѣстник ... место вѣчное.* — См.: Исаия 33, 14.

Цербере, зъ нуры выскочи, троезубний пес... — Адский пес, охраняющий вход в царство Аида; пожирал тех, кто пытался выбраться оттуда; изображался с двумя головами и змеиным хвостом; позже (в римскую эпоху) — с тремя (средняя — львиная).

...Екады троеглавныя... — Геката, ночное божество преисподней; изображалась в виде женской фигуры со змеями на месте волос и ног, с тремя головами — лошадиной, собачьей и львиной, иногда в виде трех связанных спинами фигур.

...изыде, Анокреоне! — По христианским представлениям, Анакреон должен был попасть в ад не только потому, что был язычником, но и по той причине, что воспевал любовь, вино и наслаждения.

Стр. 441. *Ахерон* — река в подземном царстве, через которую Харон перевозит души умерших.

Мегери ... съ кимерами... — Мегеры — богини мести, карающие за преступление и наводящие безумие, неустанно преследующие нечестивца. Химера — огнедышащее чудовище.

Стр. 446. *Комедии Орфеуса...* — По-видимому, речь идет о путешествии Орфея в подземное царство, куда он проник благодаря своему магическому музыкальному дару.

Стр. 448. *Промофей* — Прометей.

Стр. 450. *Иовиш* — Юпитер.

Стр. 451. *Боот* — Волопас, северное созвездие. Далее называются другие созвездия.

Орион — великан и охотник греческой мифологии, который преследовал *Плеяд*, пока они не превратились в созвездие. Сам он также превратился в созвездие вблизи Плеяд.

Арктур — самая яркая звезда в созвездии Волопаса.

...Фосфоръ и *Есперъ...* — Два названия планеты Венеры: Фосфор — утренняя звезда, Геспер — вечерняя.

Волна злата ту яснѣетъ, взята съ царства Колхицкаго. — Имеется в виду южное созвездие Арго, мифологически связанное с походом аргонавтов, которые путешествовали в Колхиду за золотым руном.

Стр. 452. *Христа преславный ключаре...* — Апостол Петр.

Стр. 454. *Предтеча сѣдитъ, ядая медъ и акриды.* — Иоанн Предтеча вел аскетическую жизнь, питаясь диким медом и акридами (саранчой).

...нечестиваго тетрархи... — Царь Ирод, по просьбе дочери Иродиады приказавший казнить Иоанна Предтечу. *Тетрарх* — наместник провинции.

Стр. 455. *Былъ дарданский народъ древний...* — Родоначальником троянцев (и через Энея — римлян) считался Дардан, сын Зевса и Электры, дочери Атланта, который построил город Дарданию.

Стр. 457. *В древнемъ вѣце миръ ся славилъ седмикратными чудами...* — Далее перечисляются семь чудес света.

Херостъ — Герострат.

Идол дивний во снѣ явленъ... — В Книге пророка Даниила рассказывается, что царь Навуходоносор видел во сне истукана из золота, серебра и железа, но на глиняных ногах. См. пьесу «О Навходоносорѣ царѣ, о тѣле златѣ и о триех отроцѣх» Симеона Полоцкого (с. 512—521).

Стр. 459. *Скоро Акцѣ и Ромули снурок жизни розервался...* — Подразумеваются Ромул, легендарный основатель города Рима, и его приемная мать или кормилица Акка.

Стр. 460. *...Волску землю звоевал...* — В 338 г. до н. э. римляне завоевали землю вольсков — народа, жившего в Средней Италии.

Нуманчикомъ... — жители Нуманции, города в Испании, в 133 г. до н. э. город был взят и разрушен римлянами.

Картагинчики — жители Карфагена.

Рѣцѣ Рену спутал ноги... — Завоевал Германию.

...Алярикъ... — Аларик — король вестготов, в 410 г. завоевал Рим.

Врата твои, о Трояне... — Триумфальная арка римского императора Траяна (98—117).

Паде столпъ... Севера... — Септимий Север (193—211) — римский император, украсил Рим великолепными постройками.

И дворъ Люкулля столичний... — Дворцы Луция Лициния Лукулла (106—56 до н. э.), римского претора, консула и полководца, имя которого стало синонимом богача.

В твоей, Тибурѣ, равнине... — Имеется в виду либо река Тибр, либо местечко Тибур (Тиволи), расположенное близ Рима, где император Адриан (117—138) по собственным планам построил виллу и развел великолепные сады.

ГЕРМАН ГУГО

Одна из характерных черт в европейской поэзии XVII в. — христианизация античности, ее аллегорическая интерпретация. Смешение античных мотивов с христианскими в новолатинской поэзии было вовсе не случайно, а носило целенаправленный характер программной ассимиляции античного наследия в христианском духе. Ярким примером стал сборник элегий на латыни бельгийского иезуита Германа Гуго «Благочестивые желания» («Pia desiderium»), вышедший в Антверпене в 1624 г., а затем многократно переиздававшийся и переводившийся на национальные языки. Жених и Невеста элегий — это Христос и христианская душа, томящаяся по небесной отчизне, рвущаяся к Богу. Смешение античных мотивов с библейской символикой Песни Песней породило особый тип религиозной любовной поэзии. Русской силлабике такая поэзия известна только в переводах. Атмосфера любовного и одновременно духовного томления оказалась созвучна умонастроению Ивана Максимовича, бывшего сторонника гетмана И. Мазепы, прощенного Петром I в 1714 г. Хотя Максимович и был помилован, путь на Родину, на Украину, был ему заказан: по царскому указу ему предписывалось жить в Москве и «в знатные городы и места отнюдь не съезжать». Первым литературным трудом бывшего «мазепинца» стал полный перевод элегий Г. Гуго «Желания благоговейные», завершенный им в 1718 г. Потом он занимался подготовкой к изданию книг на московском Печатном дворе и приводил в порядок его библиотеку, а затем составил большой латинско-русский словарь. Скончался в 1732 г.

Два стихотворения из сборника печатаются по рукописи: *РНБ*, собр. Титова, № 4492, л. 31 об.—34 об.; 35—37 об.

Стр. 463. *...Ревекки прекрасной...* — Жена Исаака, Ревекка, славилась своей красотой (Быт. 25).

Стр. 466. *...пандионийски... сестры...* — Прокна (*Прогне*) и Филомела (*Филомеля*) — дочери мифического царя Пандиона. Муж Прокны, Терей, надругался над Филомелой; мстя мужу, Прокна убила сына. Все трое были превращены в птиц.

...Плачется Прогне... Филомела, дѣвства си лишенна... — Прогне — Муж Прокны надругался над ее сестрой *Филомелой*. Желая отомстить ему, Прокна убила своего сына и накормила его мясом мужа.

...Алциона гибель мужа въ морѣ / Рыдаетъ... — Алкиона, жена фессалийского царя Кеика, бросилась в море, когда муж не вернулся из путешествия; оба были превращены в птиц.

ПОЛЬСКАЯ АНОНИМНАЯ ПОЭЗИЯ

В конце 1676 г. русский резидент в Варшаве полковник В. М. Тяпкин прислал в Посольский приказ обширный рукописный стихотворный цикл (более 900 строк), озаглавленный в переводе «Перевод с полского писма с виршов, каковы писаны на бесчестье королю полскому, и королеве, и бискупом и сенаторем, а присланы те вирши чрез виленскую почту». Весь цикл — это безжалостная сатира и злой памфлет на короля (именуемого также «волк») и королеву, на духовенство — от

папы римского до ксендзов и проповедников, на гетманов, на сторонников короля и его завзятых противников. Цикл написан от лица солдатской массы («ратных людей», «служивых»), голодной и обнищавшей, которой государство задолжало несколько миллионов злотых платы. Злые и преувеличенные нападки автора превосходно отражали настроения в армии, да и в обществе вообще. И это давало русским дипломатам богатый материал для анализа общественных настроений в Речи Посполитой — поля рукописи испещрены «реальным» комментарием переводчиков к именам и событиям. Для истории русской поэзии эти стихи ценны тем, что в них впервые зазвучали просторечие и богатая разговорная речь, немыслимая и невозможная в ученой книжной поэзии. Пренебрегая церковнославянским языком, посольские переводчики отказываются и от изосиллабизма, уже возобладавшего в поэзии. Это еще один облик русской силлабики.

Печ. по рукописи: *РГАДА*, ф. 79, кн. 177, л. 499 об.—501 об., 506 об.—508, 510—511.

Стр. 468. *...отче преподобный...* — Папа римский Иннокентий XI.

Стр. 469. *...король умной...* — Польский король Ян III Собеский.

...из-под Хотина... — Имеется в виду победа над турками под Хотином в 1673 г.

Стр. 470. *...з женою...* — С польской королевой Марией Казимирой.

Какая комедия бывала в Варшаве... — В сентябре 1674 г. французский посол в Польше устроил театральное представление по случаю победы французов над австрийскими войсками. Во время представления случился скандал: польская шляхта увлеклась зрелищем и открыла по актерам настоящую стрельбу из луков. Об этом происшествии многие дипломаты, в том числе и Тяпкин, сообщили своим правительствам.

Стр. 473. *Ныне въ Яворове...* — В имении Яна Собеского недалеко от Львова.

...Богдана... — Вероятно, Богдана Хмельницкого.

«Пѣснь из полскаго диалекта, преведенная на славенский. О прелести мира». — В огромном поэтическом наследии Симеона Полоцкого это единственное стихотворение, которое им самим названо переводом. Стихотворение представляет собой перевод популярной и несколько раз переиздававшейся в XVII в. отдельным изданием польской песни о бренности всего сущего и суете человеческой жизни (см.: Sokolski J. Polski pierwowzór «Pieśni o pieliesti mira» Symeona Połockiego // Slavica Wratislaviensia. Wrocław, 1992. T. 69. S. 3—12). Перевод Симеона Полоцкого уже в XVII в. попал в русские рукописные песенники, но без указания на переводной характер и без имени переводчика.

Публикуется по списку авторского стихотворного сборника Симеона Полоцкого «Рифмологион»: *ГИМ*, Синодальное собр., № 287, л. 423—424 об.

СТИХИ ИЗ «ЗЛАТОГО ИГА СУПРУЖЕСТВА»

«Златое иго супружества» — это перевод польского анонимного сочинения первой половины XVII в. «Złote jarzmo małżeńskie», выполненный в 1696 г.

«Златое иго супружества» — это пародийный шуточный трактат против брака, в котором проза перемежается с многочисленными стихами. Юмор его автора — тот юмор, который культивировался при дворе короля и в замках магнатов. Этим «Златое иго супружества» принципиально отличается от предельно серьезной и исполненной средневекового женоненавистничества русской «Беседы отца с сыном о женской злобе», созданной во второй половине XVII в.

Стихи из «Златого ига супружества» публикуются по рукописи середины XVIII в.: *ИРЛИ*, колл. Перетца, № 206, л. 3—19.

Стр. 483. *...аки купина горяй...* — Библеизм «неопалимая купина» (Исх. 3, 2) в данном случае символизирует вечную муку.

Что реку вкратце быти женидбище? — Суффикс *-ищ* придает слову «женитьба» уничижительный оттенок.

Стр. 484. *...преступивъ заповѣдь...* — То есть десятую заповедь «Не желай жены ближнего твоего...» (Втор. 5, 21).

О четвертой не думай... — Православная церковь дозволяет лишь три брака.

Стр. 485. *...до трепания...* — Трепать по плечу, по щеке — значит ласкать.

...любовь и меда, и жолти многоплодняя. — Смысл фразы таков: плоды любви сильнее и обильнее, нежели плоды хмеля (меда) и желчи (раздражение, злоба).

Стр. 486. *...бокову кость...* — То есть женщину, которая, согласно Библии, сотворена из ребра Адама (Быт. 2, 21—23).

Стр. 487. *...всякъ тебя обозритъ.* — «Обозрины» — синоним к слову «смотрины». Смысл стиха таков: к добродетельной девице каждый рад явиться на смотрины.

...аки в черленномъ багру... — Багр (багрянка) — насекомое кошениль, из которого изготовляется черленный багр — краска ярко-алого цвета.

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ

Стр. 488. *Комидия притчи о Блуднѣм сынѣ.* — Первый русский придворный театр просуществовал недолго: с 1672 по 1676 г. В нем ставились для царской «утехи» пьесы, подготовленные в Посольском приказе на сюжеты, почерпнутые из Библии или древней истории. Симеон Полоцкий написал для придворного театра две небольшие пьесы в стихах (остальные пьесы театра были почти сплошь прозаические). Хотя сведений о постановке не сохранилось, автор явно писал их для сцены, о чем говорят ремарки для исполнителей. «Комидия притчи...» излагает известную евангельскую притчу (Лк. 15). Весьма точно следуя евангельскому тексту, Симеон Полоцкий в то же время домысливает ряд сцен, прежде всего «веселую» жизнь героя в «дальней стране», лишь упомянутую в Евангелии. Пьеса, по мнению многих исследователей, была актуальным откликом на русскую действительность: в обозначившемся в обществе конфликте «отцов и детей» автор призывал юных к сдержанности, а старых — к снисходительности (см. «Епилог»). Пьеса датируется 1673—1678 гг., возможно, она была написана до смерти царя Алексея Михайловича в 1676 г.

Печатается по рукописи, правленной Симеоном Полоцким: *ГИМ*, Синодальное собр., № 287, л. 601 об.—616 об.

...по всяцей оных нѣчто примѣсихомъ / Утѣхи ради... — Речь идет об интермедиях, текст которых в известных списках «Комидии притчи о блуднѣм сынѣ» Симеона Полоцкого не сохранился (тексты интермедий см. на стр. 574).

Стр. 491. *Свѣщи под спудом не лѣпо стояти...* — См.: Мф. 5, 15.

Стр. 512. *О Навходоносорѣ царѣ, о тѣле златѣ и о триех отроцѣх, в пещи не сожженних.* — Вторая пьеса Симеона написана на библейский сюжет Книги пророка Даниила (гл. 3), автор использовал дополнительно какие-то исторические сочинения. Этот сюжет уже был известен русской литургической драме — перед Рождеством исполнялся «чин пещного действа», который в XVII в. был упразднен. К какому времени года была приурочена постановка пьесы Симеона Полоцкого, неизвестно, тем не менее ее написание — декларативный знак перехода от религиозного обряда к зрелищу. Старообрядцы во всяком случае сразу увидели в «комидийной потехе» «новую веру», то есть претензии на главенство культуры над верой.

Печатается по рукописи, правленной Симеоном Полоцким: *ГИМ*, Синодальное собр., № 287, л. 617—623.

В рукописи конца XVII в. из собрания Австрийской национальной библиотеки (Cod. slav. 174, л. 179—181 об.), в которой сохранился ряд неизвестных произведений Симеона Полоцкого, читается драматическое произведение, известное в научной литературе под названием «Борьба Церкви с дьяволом», которое ранее датировалось первой половиной XVIII в. и считалось самостоятельным произведением. Между тем есть достаточные основания полагать, что это пролог к пьесе Симеона Полоцкого «О Навходоносорѣ царѣ, о тѣле златѣ и о триех отроцѣх», написанный самим

автором. Это явствует не только из содержания, вполне соответствующего содержанию пьесы; для подобного заключения есть и текстуальные совпадения. Ниже печатается текст этого пролога по указанной рукописи Австрийской Национальной библиотеки.

Изыдет невѣста в солнцы, и луна под ногама ея вѣнецъ имущии от звѣздъ 12, с нею христиане, при нихъ архаггелъ Михаил, иже речетъ к людемъ

Сия есть Церковь, любезная Богу,
Яже от злыхъ врагъ страждет пакость многу.
Змий треклятый хощетъ поглотити
яже та имать духовнѣ родити.
К тому языки на ню возбуждаетъ
да всякъ невѣрный рать на ню двизает.
Змий близу идетъ, ты, Церкви, потщися,
Дастъ ти Богъ мѣсто, тамо водворися.
По ней языцы хотят ратовати,
Но неподвижно будеши стояти.
Врата адова тя не одолѣют,
Врази изчезнутъ твои и истлѣют.
Мужайся крѣпко, на брань готовися,
Христу жениху прилѣжно молися,
Иже с тобою выну хощет быти,
и аз тя буду от всѣх врагъ хранити.

Тогда явится змий из ада исходяй, архангел же течет к Церкви

Иди, не медли, Христова невѣсто,
Идѣже Богъ ти уготова мѣсто.

И поидетъ Церковь и архаггелъ, а за ними змий поидетъ, рыча и яряся.
Архаггелу же защищающу, змий мимо идет за завѣсу.
По семъ абие изидетъ Жидовинъ со оружиемъ и речетъ

Гдѣ есть Церковь Христова? Хощу ю рубити,
Не к тому будет христианъ родити.

Приидетъ Турчинъ и речетъ

Камо отиде, милости христианска?
Хощет ю сѣщи сабля отоманска.

Татаринъ

Аз вам на помощъ скоро прибѣгаю,
На христианы лукъ мой напрягаю.

Кузулбашъ

И аз вам, друзи, готовъ пособити,
Род христианский весма истребити.

Башкирецъ

Гдѣ христианѣ? Братие, скажите,
Всякъ со оружиемъ за ними бѣжите.

Мордвинъ

Се, друзи мои, и аз хощу с вами,
Искалъ сострѣляти лукомъ христианы.

Арапинъ

И моя ревность не можетъ терпѣти,
За Мохомота хощу и умрети.

Посем избѣжитъ из ада Диаволъ и крикнет

Го, го, го, любезнии друзи,
Князя моего истиннии слузи!
Но вси на Церковь сильно нападайте,
Родъ христианский вконецъ истребляйте.

Они же станутъ аки приступати. Изидут христиане и убиени от них падут два, а прочии поизбиша. Тогда снидут анггели с небесе и возмут от них души и понесут на небо, а христианом придетъ в помощъ архангелъ с мечем. Архаггелъ же пришед в пособие глаголетъ

Раби Христови, на враги дерзайте,
Богъ вам помощникъ, силно побѣждайте.

Погонят нечестивых, от них же падут два и приидутъ диаволи из ада и похитят их души и понесут во ад, кричаще. Тогда христиане возвратившеся возмут тѣлеса убиенных с собою. А нечестивии, тайно избѣгше, похитят тѣлеса своих. По побѣждении речет Арханггелъ

Божии слузи, Господа хвалите,
Благодарствие о семъ принесите.

Арханггелъ идетъ на небо, а христианинъ единъ речетъ

Внидем в дом Божий славу ему дати,
Побѣдителны пѣсни воспѣвати.

И зайдутъ за завѣсу и воспоютъ тихо и сладцѣ «Тебе, Бога, хвалим» или «Слава во вышнихъ Богу», или что подобно. Имже представшим пѣти и единъ от них речетъ

Время мытарства душам преминати,
Во Аврамлѣ лонѣ сѣдати.

Анггели с душами придутъ к первому облаку, хотяще входити, и возбранитъ Диаволъ, глаголя

Намъ сия души взяти подобаетъ,
Скверно ничтоже семо прохождаетъ.

Анггелъ

Исчезни, враже, се души спасенны,
Слезами, кровию снѣжно убѣленны.

Ударитъ анггелъ мечем диавола, онъ отбѣжит. И облаком разступившимся, поступит душа, и возбранит вторый Диаволъ далече шествовати, глаголя

Тѣхъ душъ не пущу, намъ оны служиша.

Анггелъ

Иди, дѣмоне, Богъ ти запрещаетъ,
Покояние тѣ души спасаетъ.

Здѣ такожде анггелъ ударитъ, а демонъ отбеже, и облаком раступившимся, поступитъ душа, и возбранит демонъ 3, глаголя

Вскую злобу сии сотвориша,
Тартаръ подземный себѣ заслужиша.

Анггелъ

Злый клеветниче, Бога возлюбиши,
Сии за нь главы своя положиша.
За то имъ з Богомъ подобает быти,
Ты же не мози имъ здѣ пакостити.

И ту ударитъ дѣмона, он же отбѣжитъ, и облакомъ распустившимся внидут за ня, тамо же небо вращающеся отверзется, и внесены будутъ души, и абие начнетъся аггелское пѣние «Святъ, святъ, святъ Господь Саваофъ», потомъ затворятся двери и небесе, и облаки замкнут паки, и будетъ мусикия, по не*й* же само дѣло.

ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ

Стр. 522. *Комедия на Рождество Христово.* — Одна из первых драм русского школьного театра, поставленная Димитрием Ростовским в открытой им ростовской духовной школе 27 декабря 1702 г. Школьный театр, то есть театр, существовавший при духовных школах и выполнявший не только задачи морального воспитания, но и чисто дидактические (обучение языку, ораторскому искусству, развитие воображения, дикции и памяти), сохранил в себе много черт и приемов европейского средневекового театра — мистерии, моралите и миракля. Отсюда в школьных спектаклях обилие аллегорических, библейских и мифологических персонажей, появляющихся иногда вместе. Димитрий Ростовский ввел в свою драму, в основе которой лежит евангельское повествование, элементы польского школьного театра и украинского вертепа. При этом автор обогатил традицию украинского школьного театра, объединив мистерию и моралите, — центральную часть драмы занимает история Ирода, не столько персонажа рождественской мистерии, сколько героя пьесы о власти («тиран на троне»).

Печатается по рукописи: *РНБ*, O.XIV.28, л. 1—41 об.

Стр. 527. *Ты же, архиерею, да благословляешъ!* — Эти слова давали основание некоторым исследователям подвергать сомнению авторство Димитрия Ростовского.

Стр. 528. *Волчецъ* — сорное растение.

Стр. 529. *Вторый Адамъ...* — То есть Иисус Христос, искупивший первородный грех.

Стр. 531. *...Люцеперъ...* — Люцифер.

...Бронты!... Стеропы! — Имена циклопов (Бронт, Стероп).

Стр. 536. *Аггелъ пастырем вѣстилъ...* — Перевод самой популярной польской рождественской колядки «Anioł pasterzom mówił», известной с XVI в.

Стр. 539. *Полудня кругъ на месте зовом Анстаритос...* — Вероятно, речь идет о звезде Антарес, самой яркой в созвездии Скорпион.

Овенъ станет на востокъ, солнце в онь вселится... — Далее перечисляются названия созвездий Зодиака: *Юнецъ* — Телец; *Близнята* — Близнецы; *Вѣсъ* — Весы; *Скорпий* — Скорпион; *Козлищъ* — Козерог; *Скудель* — Водолей.

Звѣзда морска, навклером являющи пути... — Полярная звезда.

Мероnе — одна из Плеяд, слабо светящая, именно поэтому автор назвал ее «не истой» (то есть ненастоящей).

Стр. 540. *Валаамъ* — маг и пророк иудейских преданий, известен также по выражению «валаамова ослица».

Стр. 541. *Четверовластный скипетръ* — скипетр тетрарха, наместника провинции.

Стр. 543. *А Ионе, бий у струны!* — Вероятно, сын Хроноса Эон, олицетворяющий вечность.

Поклоненна восточна тебѣ дал трое царь... — Далее пародируется «иностранная» речь посланника.

Стр. 558. *Иякову супруга, мужу святу, честну, / Видевшему иногда лѣствицу небесну...* — Речь идет о лестнице на небо, увиденной Иаковом в сновидении (Быт. 28).

Стр. 568. *Уже не время.* — Третья укороченная строка каждой строфы представляет собой реплику в ответ на слова Ирода; эти реплики произносит, вероятно, появляющееся далее «Отмщение».

ИНТЕРМЕДИИ

Интермедии — это небольшие стихотворные комические сценки с минимальным числом персонажей, от двух до четырех. Они исполнялись в антракте для того, чтобы дать зрителям отдых от высоких эмоций. Именно так объясняет их назначение Симеон Полоцкий в прологе «Комидии притчи о блудным сынѣ»:

Всю на шесть частѣй притчю раздѣлихом,
по всяцей оных нѣчто примѣсихомъ
Утѣхи ради, ибо все стужаетъ,
еже едино без премѣн бывает.

Поскольку интермедии игрались между действиями, то в России они назывались «междоречия» или «междувброшенные действия». Источники интермедий разнообразны: и литературные («Старик и Смерть» — сюжет басни Эзопа), и народная драма («Богатырь и Воин»). Но все интермедии роднит с народным театром атмосфера буффонады, речевого комизма, а также включение зрителей в сценическое действие.

В настоящем издании интермедии впервые печатаются по рукописи конца XVII в. из собрания Австрийской Национальной библиотеки в Вене (Cod. slav. 174, л. 181 об.—191 об.). Интермедии названы здесь «Междосредие» — это точный калькированный перевод латинского термина «intermedium». С большой долей вероятности можно предполагать, что эти интермедии были написаны Симеоном Полоцким и предназначались им для «Комедии притчи о блуднѣм сынѣ».

Печатается по указанной рукописи из собрания Австрийской Национальной библиотеки с исправлениями по рукописи 1737 г.: *РГБ*, собр. Тихонравова, № 43, л. 140—144. В венском списке в интермедии о богатыре и русском воине из-за механического дефекта (нет одного листа) отсутствует примерно две трети текста. Эта интермедия печатается по рукописи из собрания Тихонравова.

Стр. 591. *История о дву таварищахъ... а другой не любилъ.* — Диалог пьющего с непьющим, сходный по форме с интермедиями, продолжает традицию многочисленных древнерусских прозаических и стихотворных сочинений о хмеле и пьянстве. Стихотворные обработки этой темы конца XVII—начала XVIII в. уже лишены как дидактического осуждения вина (поскольку «невинно вино, виновато пьянство»), так и трагической автоиронии «Службы кабаку» (см.: Наст. изд. Т. 16), ничего не говорится и о грехах, порожденных пьянством. «История о дву таварищахъ...» — это добродушная словесная перепалка, изложенная языком, близким к разговорному, с обширными заимствованиями из интермедии середины XVIII в., и в то же время довольно яркая бытовая картина; недаром в XVIII в. она попала в лубочные издания с картинками.

Печатается по рукописи XVIII в.: *РНБ*, Q. XVII. 41, л. 46—49. Отдельные исправления сделаны по списку *БАН* (32.6.15, л. 71—75 об.), опубликованному в статье: Титова Л. В. «Разговоры между двумя товарищами, ис которых один зело любил пить вино, а другой не любил», — стихотворный памятник первой трети XVIII в. // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 215—222.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр. текста	Стр. коммент.
А. М. Панченко. Силлабическая поэзия XVII века	5	

СТИХОТВОРЕНИЯ

Евстратий		
⟨Предисловие к Азбуковнику⟩	19	595
Иван Хворостинин		
Изложение на еретики-злохульники	21	596
Справщик Савватий		
Наставления ученику (князю Михаилу Никитичу Одоевскому)	31	597
Алексей Романчуков		
«Не дивно во благополучении возгоржение...»	38	598
«Азъ же отгонимъ бываю сего свѣта...»	38	598
Нафанаил		
«Не прииди, душа моя, в твой совѣтъ...»	40	599
Мартирий		
«Меча гнѣвнаго аще не поверзеши...»	41	599
Мардарий		
«Милованиемъ и любовию нърав твой знаменуется...»	42	599
Михаил Злобин		
Прошение Михалка Злобина	43	599
Ино ко иному о щедротствѣ	44	599
Ларион		
Послание Феоктисту	46	600
Феоктист		
От Феоктиста к Лариону старцу отвѣщание	47	600
Федор Шелешпанский		
Послание князю С. И. Шаховскому	51	600
Алексей Онуфриев		
Стихи двоестрочни о книзе сей...	53	601
Стихи кресту Господню похвални двоестрочни	54	601
Ини стихи Всечестному и Животворящему Кресту Господню...	54	601
Тимофей Акундинов		
⟨Декларация московскому посольству⟩	57	601
На поносителей отвѣт	57	601
На Филарета митрополита	58	601
На нынешней розряд Московской и Митрополитанчиковской	59	601
К читателю	60	601
Митрофан		
«Море мыслепое всегда волнуется...»	61	602
Епифаний Славинецкий		
«Како возможемъ достойно хвалити...»	62	603
«Благаго царя Мати...»	63	603
«Святии святители, к вамъ прибѣгаемъ...»	64	603

	Стр. текста	Стр. коммент.
Архимандрит Герман		
«Ангелскую днесь вси радость...»	67	603
«Господи! Возвах к тебѣ, услыши мя...»	69	603
«Радуйся, благодатная...»	70	603
«Блаженству тезоименитаго...»	73	603
«Небо радуется согласно...»	76	603
«Феодоръ, славный воевода...»	78	603
⟨Эпитафии патриарху Никону⟩	82	603
Архимандрит Никанор		
⟨Эпитафия архимандриту Герману⟩	85	605
Протопоп Аввакум		
Вопль ко Господу	86	606
Хвала о Церквѣ	86	606
Стих о душе	86	606
Симеон Полоцкий		
Стихи утѣшныи къ лицу единому	87	606
Вертоградъ многоцвѣтный...	88	606
Псалтирь рифмотворная	232	606
Архимандрит Тихон		
Вирши из «Латухинской Степенной книги»	265	611
Мардарий Хоныков		
Стихотворения к Библии Пискатора	269	612
Евфимий Чудовский		
На звѣзду великую, явльшуюся 189 году декабря против 15-го числа	293	613
⟨Эпитафии⟩	293	613
⟨На Симеона Полоцкого⟩	294	613
«Смерть послѣднего часа всегда ожидаетъ...»	294	613
«Зри, человѣче, на сей орологий...»	296	613
Сильвестр Медведев		
Епитафионъ	297	614
⟨Поздравление царевне Татьяне Михайловне по случаю именин⟩	298	614
Вѣрше в Великую субботу	299	614
⟨Поздравление царевне Софье по случаю Пасхи⟩ («День свѣтозарный во мирѣ сияетъ...»)	303	614
Стиси краегласнии в похвалу преподобныя мученицы Евдокии	304	614
Сказание о страстех Господа Бога...	312	614
Вручение благородной и христолюбивой великой государынѣ ⟨...⟩ Софии Алексиевнѣ привилия на Академию...	329	614
Карион Истомин		
Домострой	337	617
Стихи воспоминати смерть привѣтствомъ	343	617
Сладкая бесѣда	346	617
Эпитафия П. Т. Семенникову	355	617
Димитрий Ростовский		
Кант Димитрию Солунскому	356	618
«Исусе мой прелюбезный...»	357	618
Стефан Яворский		
«Ты, облеченна в солнце, Дѣво Богомати...»	359	619
Emblemmata et symbola quaedam de monumento p. m. illustrissimi et reverendissimi patris Barlaami Jasinsky d. g. archiepiscopi Kiiov., Halic. etc. ab illustr. et reverendissimo d. g. metropolita Rezanensi et Muromensi Stephano Jaworski elaborata	359	619
Стихи на измѣну Мазепы, изданные от лица всея России	364	619
Стяжателя сихъ книгъ послѣднее книгам цѣлование	367	619
«О титулы, пропасти паче васъ назвати...»	368	619
Стихи на смерть Димитрия Ростовского	368	619

	Стр. текста	Стр. коммент.
Анонимная поэзия		
Предисловие к «Шестодневу» Василия Великого	370	621
Стихи на гробницу Сергия Радонежского	371	622
Молитва	373	622
Рифмы краесогласнии...	375	622
О смерти	390	623
Лествица к небеси...	393	624
Переводная поэзия		
Ян Кохановский		
Пѣснь	422	626
На младость	423	626
На старость	423	626
На смерть	423	626
Якопоне да Тоди		
«Почто миръ суетнѣй славѣ работаетъ...»	424	626
Веспасиан Коховский		
Посмѣятельные слова жолнером полскимъ	425	627
В пѣсни 20, какъ полское войско отступило от короля Яна Казимера, а поддались шведомъ под Краковом в лѣто 1655-е	426	627
Андрей Белобоцкий		
Пенътатеугумъ, или пять книг краткихъ творения Андрѣя Бялобоцкаго, о четырѣхъ вещахъ послѣдныхъ, о суетѣ и жизни человѣка	427	628
Герман Гуго		
Желания благоговейная	462	630
Польская анонимная поэзия		
Благодарение за денежную казну	468	630
Х казнодѣемъ	470	630
Отвѣтъ никоего служивого х королю	471	630
К ксендзомъ	472	630
Пѣснь, из полскаго диалекта преведенная на славенский, о прелести мира	473	630
Стихи из «Златого ига супружества»	482	631
ДРАМАТУРГИЯ		
Симеон Полоцкий		
Комидия притчи о блуднѣм сынѣ	488	632
О Навходоносорѣ царѣ, о тѣле златѣ и о триех отроцѣх, в пещи не сожженных	512	632
Димитрий Ростовский		
Комедия на Рождество Христово	522	635
⟨Интермедии⟩	574	636
История о дву таварищахъ, имеющих между собою разговоры, ис которых единъ любилъ пить вино, а другой не любилъ	591	636
Комментарии	595	

Научное издание

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Том 18

Утверждено к печати Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Редактор издательства *Н. М. Пак*
Художественный редактор *Л. В. Грудинская*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *Л. Д. Колосова*, *А. К. Рудзик* и *М. Н. Сенина*
Компьютерная верстка *Л. Н. Напольской*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г. Сдано в набор 18.11.2013. Подписано к печати 24.12.2013. Формат 70×100 $^1/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Антиква. Печать офсетная. Усл. печ. л. 52. Уч.-изд. л. 34.7. Тип. зак. № 3074

Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.com

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-038317-3

9785020383173